

ИВАН ДОРБА

ПОД ОПУЩЕННЫМ ЗАБРАЛОМ

ИВАН ДОРБА

ПОД ОПУЩЕННЫМ ЗАБРАЛОМ

РОМАН

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1985

84Р7
Д 68

Д $\frac{4702010200-262}{078(02)-85}$ 095—85

К ЧИТАТЕЛЮ

В 1981 году издательство «Молодая гвардия» выпустило первую книгу романа-трилогии «Белые тени». В 1983 году она вышла в «Роман-газете». В данном издании читателю предлагается вторая и третья книги: «В чертополохе» и «Третья сила», сведенные в один том с общим названием «Под опущенным забралом».

Читателю, незнакомому с содержанием первой книги, необходимы краткие пояснения.

Действие в первой книге происходит в Югославии, в двадцатые и тридцатые годы, сначала в небольшом герцеговинском городке-крепости Билече, потом в Белграде. Главный герой романа советский разведчик, бывший кадровый морской офицер, Алексей Алексеевич Хованский, который послан с заданием провести операцию по изъятию находящегося у воспитателя Донского кадетского корпуса белого генерала Кучерова списка английских агентов, оставленных на советской территории при отступлении врангелевских войск. Хованскому поручено также, внедрившись в белоэмигрантскую среду, вести разъяснительную работу среди молодого поколения, привлекать честных юношей и девушек на служение своей Родине.

После гражданской войны за пределами нашей страны оказались не только злобно настроенные против Советской власти капиталисты, помещики, сановники и политиканы, но и выброшенные водоворотом революции простые казаки, солдаты, офицеры, интеллигенты, принявшие по воле случая участие в войне на стороне белых армий.

Эти люди и особенно их дети мало-помалу все яснее осознавали совершенную роковую ошибку участия в войне против революционного народа.

Советское правительство с самого начала вело работу по возвращению на Родину всех потенциальных друзей и честных патриотов Отечества. Из-за границы приехали такие писатели, как Алексей Толстой, А. Куприн, скульптор Коненков, художники, военные, ученые, не говоря уже о солдатах и казаках.

Алексей Хованский находит в Югославии в Билече взаимопонимание с генералом Кучеровым и получает от него список агентов. Однако о находящемся у генерала списке известно польской и английской разведкам (Ирен Жабоклицкой-Скачковой и ее мужу — украинскому националисту Скачкову), врангелевской спецслужбе (полковнику Павскому) и бывшему кайзерскому шпиону фон Берендсу. Ни одна из спецслужб не может допустить возвращения Кучерова на Родину, и его убивают при попытке покинуть кадетский корпус.

Алексей Хованский сумел собрать вокруг себя преданных, честных молодых людей, среди них летчик югославской армии, сын донского казака, вахмистра, Аркадий Попов и его товарищи по кадетскому корпусу: Иван Зимовнов, Алексей Денисенко, Олег Чегодов, Георгий Черемисов, Александр Граков, Николай Буйницкий и другие. Им помогают югославские патриоты — черногорец-коммунист Васо Хранич, духанщик Драгутин, его дочь Зорица, белградский коммунист Любиша Стаменкович. Борьба за души сыновей недавних врагов Советской власти осложнена тем, что новое поколение молодежи завлекают в свои многочисленные организации беспринципные вожаки, связанные с иностранными разведками, пичкая неискушенную молодежь профашистскими идейка-

ми. В частности, речь в романе идет о пресловутом НТС (Народно-трудовом союзе) с его идеями «солидаризма», с его вожаками — председателем Байдалаковым, генсеком Георгиевским, с обер-шпионами Околовым, Вюрглером, вербовавшими неопытных в политике молодых людей, играя на их патриотизме, на желании «бороться за Россию», а в действительности уготавливая им роль шпионов для выполнения заданий польской, английской, японской, румынской и, наконец, фашистской разведок.

Незадолго до второй мировой войны Хованскому после проведенной операции удается проникнуть в тайны «Закрытого сектора» НТС и в какой-то мере обезвредить его подрывную деятельность, заслав своего человека в диверсионную школу.

Во второй книге романа, «В чертополохе», дана картина начала второй мировой войны, в которой энтээсовцы стараются играть роль якобы независимой от фашистской Германии и борющейся с Советским Союзом так называемой «третьей силы». «Чертополох» — это «солидаризм», а точнее, сорняк на полях истории, и судьба его мало чем отличается от тех трав, которые выпалывают на полях.

В завершающей книге автор стремился показать, как спустя двадцать лет после победы революции в российской эмиграции иссякла та «третья сила», о которой В. И. Ленин писал: «Эту третью силу мы не видим, она перешла за границу, но она живет и действует в союзе с капиталистами всего мира, которые поддерживают ее...» *

Иссякла ненависть, питавшая ее, в умах и сердцах большинства. Вместо нее воскресала вера в новую Родину, и она крепла по мере того, как возрастал отпор Красной Армии оголтелому фашизму. А все те, кто был отравлен звериной ненавистью, кто упивался шовинистическими идейками нацизма, юдофобии и сепаратизма, кто пошел с врагом против матери-Родины, отцов, братьев, сестер, — были уничтожены или вышвырнуты на свалку.

Работая много лет над романом «Белые тени», автор учитывал, как важно в настоящее время рассказать о судьбах соотечественников, которые находятся за пределами Родины. Автором руководило желание правдиво, с документальной точностью поведать о трагических и героических событиях довоенной и военной поры. Антисоветская пропаганда за рубежом не умолкает. Судьбы двухмиллионной послереволюционой эмиграции, «России № 2», не могут быть нам безразличны. И путеводной нитью романа являются слова В. И. Ленина: «...систематически проследить за важнейшими стремлениями, за важнейшими тактическими приемами, за важнейшими течениями этой русской контрреволюции... Это не общая теория, это — практическая политика...» **

---

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 138.
** В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 40.

В ЧЕРТОПОЛОХЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МОСТ

> Патриотизм — одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств.
>
> *В. И. Ленин*

1

Шифровку из Москвы Алексей Хованский получил 20 июня 1940 года, за пять дней до установления дипломатических отношений СССР с Югославией. Не в силах скрыть свою радость, он поймал себя на том, что улыбается, идя по улице, и вот уже третья встретившаяся девушка лукаво строит ему глазки.

«Неужели я смогу наконец вернуться домой? Отпустили хоть бы на месяц, даже на неделю, никто бы тут моего отсутствия не заметил! Я ведь без конца езжу по стране... А кто здесь меня заменит? Нет, не пустят, наверняка откажут», — думал он, все ускоряя шаг, спускаясь по крутой улице Кнеза Милоша к себе домой.

Усевшись за письменный стол, он зажег спиртовку, на которой обычно варил себе кофе, поставил на нее джезве * и в ожидании, пока закипит вода, постарался воспроизвести в памяти предыдущую шифровку:

---

* Джезве — медный сосуд для варки кофе «по-турецки».

«XII 39 Центр тчк Необходимо послать в Бухарест надежного и толкового агента для выявления работы диверсионно-шпионской школы НТС тчк Связь с Сергеевым телефон 372 174 пароль из Ясс к Сергею тчк Проследить за движением типографии «Льдина» тчк Вам вынесена благодарность за хорошую работу тчк Граф № 7».

На эту шифровку пришлось ответить лишь три месяца спустя:

«1140 тчк 29 11 40 Олег Чегодов выехал в Бухарест он пройдет курс подготовки в разведшколе на улице Извор 43 бис кв 12 тчк После окончания школы по специальному заданию председателя НТС Байдалакова он перевезет типографию «Льдина» в Кишинев, чтобы там организовать выпуск антисоветских листовок тчк Прошу принять во внимание мои прежние донесения о Чегодове он вспыльчив самолюбив но глубоко порядочен тчк На квартире известного вам Берендса я познакомился с немецким ставленником генералом Михаилом Скородумовым полагаю это позволит узнать его окружение и планы Служу Советскому Союзу тчк Иван № 2».

Над джезве появился парок, Алексей подержал над ним запечатанный конверт и, когда заклеенный угол отошел, при помощи сильной лупы убедился, что верхний слой бумаги не сорван и нет признаков, указывающих опытному человеку, что письмо подвергалось перлюстрации. Бегло пробежав текст, касавшийся сугубо личных, семейных дел, написанный женским почерком, он расстелил письмо на газету, достал из тумбы стола канцелярский клей и щедро смазал им как исписанную, так и чистую половину почтовой бумаги. И тут же поперек написанных строк начали проступать цифры.

Сняв с полки книгу, он в соответствии с условленной в тексте буквой принялся за расшифровку. Вскоре он прочитал следующее:

«VI 40 Центр тчк Чегодов не вызывает доверия тчк Связь с ним прервана тчк Будьте предельно осторожны в выборе своей агентуры тчк Первого второго третьего июля вам назначается встреча в

ресторане гостиницы «Код српске Круне» на Узун-Мирковой улице тчк «Надежду» вы узнаете по светло-синей сумке и бриллианту на мизинце она темная шатенка глаза карие тип восточный будет сидеть справа третий четвертый пятый стол от шестнадцати до восемнадцати тчк Граф № 7».

«Почему же Чегодов не вызвал доверия у Сергеева? — недоумевал Хованский. — Олег не мог предать, не в его это характере, тут что-то случилось! Но что?»

Припомнилось и последнее письмо Олега из Бухареста, он жаловался на «дядюшку», который принял его «мордой об стол» и «разговаривал как со своим кучером». Все они, эти эмигранты, и отцы и дети, больно уж ранимые. Казалось бы, жизнь на чужбине в унижении и бедноте должна была их закалить. «И закалила, — продолжал рассуждать Алексей. — Но у них есть больное место, ахиллесова пята — Россия! А у таких, как Чегодов, — Советская Россия! — которую они в своем воображении рисуют эдакой идеальной Аркадией, с людьми, исповедующими только высокую нравственность! И кто знает, может быть, не будь этой идеализации, пошли бы они за мной или нет? Не за ту старую «святую Русь» с ее церквушками, с мужичком-богоискателем, богато одаренным, а порой узколобым, свирепым и добрым, великодушным, завистливым и в то же время погрязшим в пороках и предрассудках; не за эфемерную идею «третьего Рима» и, наконец, не во имя собственного благополучия, а в надежде, что воцарится правда, правда, готовая совладать с эгоизмом; не за «упражнение для высших чувств» готовы идти новые «эмигранты», точнее, дети белых эмигрантов, а за добытую в крови и муках истинную правду! Правду коммунистов, которая несет людям избавление... И какими нужно быть нам здесь, на форпостах, да и там у нас, в Союзе, чтобы Чегодов и другие, такие, как он, поверили в новую жизнь!»

2

25 июня дипломатические отношения Югославии с Советским Союзом были установлены, а 3 июля Хованский встретился со связной в фешенебельном ресторане на Узун-Мирковой улице. Алексей заметил «Надю» спра-

зу, хотя она и не отличалась ничем от белградских аборигенок и чем-то была похожа на черногорку.

«Все хорошо обдумано, не учтено только то, что порядочные женщины в Белграде в отличие, скажем, от Бухареста, Будапешта или Вены в ресторан одни не ходят. Впрочем, я придираюсь, исключения возможны; чего только не делает любовь!» Алексей подошел к столику, отослал жестом принимавшего у связной заказ кельнера, подозвал стоящего в стороне обера и, буркнув: «Иван!» — уселся на стул рядом.

Подошедший обер почтительно принял заказ, посоветовал взять седло дикой козы, вскользь заметив, что они «лиферанты двора» и как раз отослали туда для принца другое седло.

— Но ваше будет, полагаю, сочнее, наш повар — высокий класс! — заключил он, поднимая палец к носу.

Узнав, что связная, кроме русского и грузинского — она была грузинкой, — ни на каком языке не говорит, Алексей предложил ей в присутствии кельнера сказать несколько фраз по-грузински, а сам, кивая, твердил:

— Ара, батоно! Ара, генацвале! — полагая, что «ара» означает «да», а не «нет».

И, когда на них перестали обращать внимание, они заговорили о делах. Надежда строго произнесла:

— Центр рекомендует вместо Чегодова срочно подготовить и послать кого-либо из завербованных энтээсовцев в Кишинев и в Черновицы. На днях Бессарабия и Буковина, верней ее северная часть, войдут в состав Украинской ССР...

— Я сделаю все возможное, но предупреждаю, что послать туда двух человек практически невозможно, да и нецелесообразно. Продолжаю настаивать на связи с Чегодовым, он не предатель, и к тому же под его надзором будут и типография «Льдина», и радиостанция, которую энтээсовцы собираются направить в Бессарабию.

— «Льдина» дрейфует, сейчас она на вилле сотрудника военного атташе Японии в Бухаресте. Румынские власти во избежание недоразумений запрещают ее ввезти в Бессарабию. И кормят Околова «завтраками».

— Типографию хотят спасти, понимают, что нацмальчикам так или иначе ее не уберечь от «всевидящего ока Москвы»! Кстати, «Национально-трудовой союз нового поколения» начинает интересовать немцев все больше, а когда гитлеровцы приберут организацию к

своим рукам, тягаться с такими прожженными шефами разведок, как Канарис, Шелленберг, Гиммлер, Риббентроп, Розенберг, нам будет значительно трудней.

Хованский чокнулся бокалом о бокал грузинки и отпил вина.

— Дуракам в разведке делать нечего. — Грузинка насмешливо вскинула густые брови. — Японцы, да и поляки тоже не лыком шиты. Околов неглуп. Мы пробовали уже не раз, не идет на крючок! Но сестру его, Ксению, завербовали...

— Ну, я не очень верю в ее искренность! — поморщился Хованский.

— Почему, генацвале? — Собеседница сузила глаза. — Ксения сама рассказала о своей встрече с братом. Она сообщила нам, что мать получает из-за границы от сына письма, причем их опускают в Витебске, а это значит, что у Георгия Сергеевича там свой резидент. Если резидент из Югославии, то это уже ваше упущение! Поищите получше... Необходимо разоблачить!..

— Вы это серьезно? — настороженным шепотом произнес Алексей.

— Все, что я говорю, согласовано с товарищем «Графом»! Ясно?

«Откуда у нее такая самонадеянность? Такой безапелляционный апломб? Если Сергеев такой же, как мадам, то, конечно, с Чегодовым у него ничего не вышло! Неужели там разучились понимать людей? Что это? Их безнаказанность? Ожесточенность в борьбе с истинными и мнимыми врагами или навязанное сверху недоверие? А может быть, внутренняя мобилизованность, так нам всем необходимая накануне грозных событий — войны?» Алексей, пристально глядя грузинке в глаза, тихо отчеканил:

— Мы все виноваты, что у нас на Родине орудуют резиденты иностранных разведок. Я не имею возможности посылать с каждой партией в школу Околову своего человека. Допускаю: кое-кто из энтээсовцев проник на территорию СССР. Все предвидеть невозможно. Страшнее то, что Байдалаков не прочь сотрудничать с немцами. Германия готова к войне с нами! Не сомневаюсь: нам с нею предстоит схватка, и жесточайшая. А там у вас слишком предвзятое мнение об эмиграции. Это ошибка!.. При разумной политике из здешних «беляков» можно создать могучую «пятую колонну».

— Вы увлекаетесь, Алексей Алексеевич! Белая эми-

грация к нам враждебна. — Острый взгляд собеседницы был строг и властен.

— Они по-своему любят свою «святую Русь» и теперь, после захвата немцами Польши, понимают, какая страшная угроза нависла над нашей Родиной. Они ведь читали «Майн кампф»; многим стало ясно, что это не маниакальный бред, а программа действий для немцев. Русские, по мнению Гитлера и его клики, неполноценная раса, они подлежат уничтожению. Когда вспыхнет война, а она начнется, видимо, очень скоро, многие белоэмигранты станут помогать нам. Поверьте мне, из них можно сколотить диверсионные, разведывательные отряды и боевые единицы сопротивления немцам во всей Европе.

Женщина покачала головой:

— Группы Сопротивления? Организации Сопротивления? — И вдруг распрямилась в удивлении: — Я доложу об этом самому высокому начальству! — И зоркие глаза ее уже по-новому разглядывали Хованского.

— Эмигранты многими узами связаны со средой, в которой живут, — продолжал Алексей. — Многие из них воевали, есть интеллигенты, способные восстановить местное окружение против оккупантов и, в свою очередь, оккупантов против населения. Российские беженцы рассеялись по всей Европе, сидят в каждой щели. Нам бы чуть-чуть изменить к ним отношение. А разведка...

— Генацвале, нашей разведкой в Германии, должна вам сказать по секрету, заинтересовался сам Иосиф Виссарионович: ему нужно взять реванш за свои промахи в оценке гитлеровской дезинформации...

Она замолчала, ожидая, пока кельнер уберет тарелки и поставит жаркое, а как только тот удалился, в голосе ее зазвучали доверительные нотки:

— Наш разведчик «Радо», с которым вы связаны через резидента в Гамбурге, наладил близкий контакт с полковником генштаба бывшей кайзеровской армии Германии, неким Рудольфом Рассером, который живет ныне в Швейцарии в Люцерне. Он ненавидит Гитлера и всю его свору. Рассер близок с некоторыми генералами в ставке фюрера, категорически несогласными с политикой «третьего рейха». Эти генералы и сообщили о дате нападения на Польшу («Белый план»). О вторжении в Норвегию («Белый медведь»), в Люксембург и Францию («Желтый медведь»); в Бельгию и Голлан-

дию. Их сведения в основном точны. Имей это в виду, держи в памяти на всякий случай. Гитлер в ближайшие два года войны с Советским Союзом не начнет. Таково мнение.

Хованский вздохнул:

— Ох, в это не верится. У меня впечатление другое: немцы убедятся, что Балканы им не угрожают с тыла, и тотчас ринутся на Советский Союз. Фашизм может жить только разбоем. Это мое убеждение... Но оставим это, у нас еще немало вопросов!

Просидели они с добрый час и, казалось, обговорили все. Грузинка, которая назвалась Латаврой, сбросив с себя нарочитую сухость, исподволь, в завуалированной форме растолковывала ему обо всем происходящем на Родине. Объяснила сложную обстановку внутри страны, трактовку внешних политических событий, задачи, стоящие перед разведкой, коснулась характера «Графа», то есть непосредственного начальника Хованского, поделилась с ним последними данными о работе абвера, согласно которым внимание Канариса нацелено на Югославию.

Вставая из-за стола, они поняли, что расставаться им не хочется, и, когда Алексей, проводив ее до ближайшей улицы Каплара, остановился, она невольно попросила:

— Пройдемте еще немного. — Нежно взяла его под руку, но тут же остановилась, оглянулась: — Вам нельзя! Прощайте и берегите себя! — И скоро ее легкая, стройная фигурка уже удалялась в проулок.

— До свидания! — бросил ей вслед Хованский, а про себя прошептал: «Прощай!»

С щемящим чувством безнадежности он медленно зашагал в сторону Калемегдана, уселся на свою любимую скамью, где когда-то в ожидании встречи с Абросимовичем любовался раскинувшейся равниной, пурпуром догорающей зари и ее отблесками на широкой глади вод Савы и Дуная, железными громадами мостов, и думал о том, что грядут новые времена, приходят иные, молодые люди и предстоят трудные дела. «Ах, как много недоверия и страха. Латавра милая, чуткая, сердечная женщина, но и она с излишним недоверием смотрит на завербованных мною людей: «Держите их в руках!», «Припугните! Нечего с ними цацкаться!» Не таковы ведь были принципы Дзержинского! Как она не понимает, что нельзя так с ними! Чегодов и другие —

это не «агенты», а мои друзья, хорошие люди. Чегодов честен, надежней каменного моста! И вот чем-то не угодил...»

Накануне отъезда Чегодова в Румынию Хованский много раз беседовал с ним. Олегу предстояло организовать в Кишиневе выпуск антисоветской литературы и переправку ее через границу в СССР, а также руководить радиопередачами на советских граждан. Одновременно по заданию Хованского Олег должен был связаться с советским разведчиком и выполнять его задания. Жора Черемисов рассказывал о проводах группы Околова, в которой был и Чегодов, о келейной встрече в ресторане на Дунайском вокзале, на котором присутствовало все исполбюро НТСНП; о речи Георгиевского, призывающего наводить идеологические мосты с Россией; о крокодиловых слезах Байдалакова при посадке в вагон... Столько было работы с Олегом, и на тебе! — неужели все пропало?..

Теперь, после многих лет, наведен дипломатический мост СССР — Югославия. Наведен под нажимом левых сил, широких народных масс, вопреки королевскому двору, нашим врагам. А их немало! Фашисты задумали вовлечь Балканы в свою орбиту. Создают «пятые колонны», вербуют агентов среди политических деятелей, военных, развертывают широкую пропагандистскую и подрывную работу. Намечается заключение «пакта трех держав», «оси» Япония — Германия — Италия. И опять — не разрушили бы фашисты наш мост с Югославией...

«Беречь каждого, кто сможет помочь нам на нашем тайном фронте. А Чегодова не уберегли! Пожалуй, виноват в этом и я. Где Олег сейчас? Что с ним произошло?..»

Алексей Хованский задумчиво глядел на темные воды Дуная.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПОРОГ

> Женщина, когда рожает, терпит скорбь, потому что пришел ее час; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости; потому что родился человек в мир.
>
> *От Иоанна 16.21*

1

Большой черный мохнатый тарантул полз прямо на него. Движения тарантула были медленными и неуверенными. Эти твари с детства вызывали в Олеге гадливость. Чегодов взял веточку, и хотел отбросить паука в сторону, и вдруг заметил, что тело вибрирует, словно по нему прокатываются черные волны, а приглядевшись, содрогнулся: маленькие черные паучки деловито сновали вокруг матери-паучихи, впивались в нее клешнями. Паучиха проползла еще десяток-другой сантиметров, обессиленно остановилась и сникла.

Олег вскочил с зеленой, освещенной ярким солнцем полянки и... проснулся.

Было темно. Вагон чуть потряхивало на стыках рельсов, пахло пылью и угольной гарью, рядом похрапывал Околов. Паровоз заметно сбавлял скорость. По стенам купе поплыли световые полосы. Фонари, точно

какие стражи, заглядывали в окно и, казалось, спрашивали: «Не едут ли тут шпионы?»

Олегу вспомнились проводы: бегающие глаза и фальшивая улыбка Георгиевского, виновато понуренная голова председателя Белградского отделения НТСНП Давнича, наглый взгляд начальника охраны исполбюро Радзевича и сияющее лицо Байдалакова: «С богом, Олег Дмитриевич! До встречи у кремлевских стен! Исполбюро надеется, что вы возглавите Кишиневское отделение НТСНП. Там наш ударный центр, туда мы скоро переправим типографию «Льдина» и мощную радиостанцию. Не забывайте: конспирация, конспирация! После первой же радиопередачи в Кишиневе появятся большевистские агенты, чтобы выявить радиостанцию. Сразу посыплются ноты, правительственные заявления... Вы окажетесь между светом и тьмой, на пороге жизни и смерти. Одна ошибка, и крах. Понимаете? Законы жизни примитивны, как пинок ногой, как окрик жандарма: «Стой! А ну иди сюда!» Олегу вспомнилось детство, ласковый голос матери, небо на закате, зеленый лес, ржаное поле, цветущий луг...

Вспомнив о Байдалакове, Олег подумал:

«Какой же он словоблуд. Неужели прогресс невозможен без таких негодяев, неужели без них исчезло бы понятие о нравственном потенциале, нарушилась бы гармония согласования чувств общества? По их вине или по какой другой причине царит теперь в Европе, особенно у нас, русских эмигрантов, какофония?»

За стенкой вагона задребезжал свисток проводника, где-то затрубил в рожок главный кондуктор, ему отозвался паровоз, и поезд мягко пополз в черную ночь. Опять монотонно застучали под полом колеса. Отогнав набегавшие мысли, Олег поглядел на спящего Околова, повернулся на другой бок и погрузился в сон.

На озаренном утренним солнцем перроне их встретил среднего роста седоватый человек в очках с толстыми стеклами.

— Михаил Леонидович Ольгский. — Он протянул руку для пожатия. — Очень приятно. Здесь живу под фамилией Винявского. А вы будете зваться Яном Рогальским. Ты, Жорж, — обратился он к Околову, — отныне Станислав Муха. Пойдемте, машина ждет.

И они направились на привокзальную площадь.

Уселись в ожидающий их «опель» и покатили по улицам города. Утопающий в садах Бухарест показался

Олегу после Белграда настоящей европейской столицей. Волчица, кормящая Рома и Ремула на Дворцовой площади, кривые улочки, обитатели которых смотрят друг другу в окна, широкие проспекты, фонтаны, дома с античными колоннами — все было другим.

— Городу пастуха Букура далеко до братьев, вскормленных волчицей, — словно угадав мысли Чегодова, заметил Ольгский. — И все-таки эта колония Древнего Рима, начиная с языка, лишь отдаленно напоминает Вечный город. Бухарест город богачей и нищих, спекулянтов и воров, проституток и сутенеров. Взгляните: день только начинается, а на главных улицах уже видны бедняки и продажные женщины...

— Тон здесь задает сластолюбивый король Кароль с его рыжей фавориткой, — проворчал Околов, щуря глаза на портрет в витрине магазина.

— Вот знаменитый парк Кисми-Джу, а сейчас сворачиваем на улицу Извор. Запомните, Извор, сорок три «бис», пятый этаж, двенадцатая квартира. Мост через канал ведет на Извор. Там наша школа, — пояснил Ольгский.

Вскоре машина остановилась у восьмиэтажного здания грязновато-фисташкового цвета. «№ 43в» — значилось на углу дома.

Околов отворил дверцу машины, пожал Олегу руку и, подхватив свой чемоданчик, покровительственно произнес:

— До скорого, Олег! Миша отвезет тебя, он снял комнату недалеко отсюда. Завтра, а лучше послезавтра, приходи на занятия. С десяти до трех. Оривидерчи! *

— А что же с моей поездкой в Кишинев? — спросил Ольгского Олег.

— Пока откладывается. Румыны, эта чертова сигуранца не дает разрешения нашим людям на въезд в Бессарабию, не говоря уж о типографии и радиостанции. Но вы не теряйте зря времени, пройдите «курс наук» у наших польских учителей. Конспирация, радиодело, шифровка и прочие хитрые штуки. А покуда гуляйте по городу. Объясняйтесь только по-немецки или по-французски. Многие знают эти языки. А вот вам и леи, тут тысяча. На первые дни хватит. Наш телефон: два раза по двести двадцать один.

---

* До свидания! *(рум.)*.

Машина остановилась у мрачного дома.

Ольгский познакомил Олега с хозяевами и уехал. Устроившись в меблированной комнате, умывшись и переодевшись, Чегодов отправился в центр. Пообедал в кафе. Прогулялся по улице в ожидании нужного часа и, убедившись, что за ним никто не следит, зашел в телефонную будку и по поручению Хованского набрал нужный номер, сказал пароль:

— Я из Ясс к Сергею. — И назвал кафе.

Трубка прошипела в ответ что-то невнятное.

На другой день, в пять часов вечера, Чегодов отправился в небольшое уютное кафе неподалеку от центра, просидел битых полтора часа за чашкой кофе с неизменным ромом, читая белградскую «Политику», положив на стол, как было условлено, пачку дешевых сигарет «Марошеште». Томясь от безделья и скуки, он ругал сам не зная кого за опоздание, а когда время истекло, решил: «Наверно, что-то помешало. Приду завтра!»

Но кто-то не пришел и завтра. Третий раз Чегодов позвонил через неделю.

Сергеев явился в кафе уже в последний момент. Это был плотный блондин с серо-свинцовыми глазами, тяжелым подбородком, крепкого сложения и мужицкими руками.

— Здравствуйте. — Он бросил свою пачку сигарет «Марошеште» на стол. — Заждались? — Отодвинул стул, посмотрел на Олега и поставил стул обратно, махнул рукой, взял свою пачку сигарет, закурил, сунул в карман и, хмуро улыбнувшись, буркнул: — Расплатитесь, и поедем!

Чегодову он сразу не понравился. Раздражала самоуверенность и недоверчивый, сверлящий взгляд. Не располагали к откровенности и грубоватые манеры Сергеева. Хованский был пунктуален и неизменно внимателен.

Кругом ни души. Только у бакалейной лавки, наискосок от кафе, не то хозяин, не то приказчик в белом халате, держась одной рукой за ручку двери, другой указывал полной женщине с большой бельевой корзиной на плече на вывеску в конце переулка. Шагах в пятидесяти от лавки стояла машина.

Таксист, увидев вышедшего из кафе блондина, своего клиента, включил мотор и подкатил к самой двери. Едва они уселись в машину, шофер, отделенный от пас-

сажиров толстым стеклом, не спрашивая, свернул в проулок, видимо, он знал, куда ехать.

— Зовите меня Петром Ивановичем, — повернувшись к Чегодову, произнес негромко Сергеев. — А теперь рассказывайте! — И не спускал с Олега тяжелого пытливого взгляда, пока Чегодов вкратце не передал все, о чем просил Хованский.

Олег про себя думал о Сергееве: «На Бобчинского-Добчинского ты не похож!»

— Алексей Алексеевич просил передать вот это, — и Чегодов протянул чистый блокнот. — Там адреса и характеристики активных членов НТСНП, проживающих в Румынии, а также тех, кого, вероятно, пошлют в школу на Извор, 43 «бис»...

— Кто начальник? — перебил Олега Сергеев.

— Фиктивный руководитель разведшколы — сотрудник двуйки Ельяшевич, он фигурирует здесь как Борис Николаевич, а фактически начальник «Закрытого сектора НТСНП» Околов. Его помощник Михаил Леонидович Ольгский, он же Винявский. Околов живет по польскому паспорту под фамилией Муха, Станислав Муха. А вот, поглядите мой паспорт, — и Чегодов протянул Сергееву документ, выданный польским посольством и завизированный румынской полицией.

Сергеев внимательно оглядел паспорт с грифом посольства, печатями, подписями и фотографией и сунул его в карман пиджака, сказав:

— Я возьму документ, а при следующей нашей встрече...

— Вы ничего не возьмете! — вспылил Олег и решительно протянул руку. — Дайте-ка сюда!

Сергеев, не привыкший к такому «нахальству» своих сотрудников, недоуменно пожал плечами и вернул документ.

— Так на чем мы остановились? — примирительно спросил он.

— Как вам известно, после ликвидации «Железной гвардии» Каро́ль взял курс на сближение с Германией, и потому польская разведка и ее школа нежеланные гости в Бухаресте, поскольку школа становится лишь передаточным пунктом и работает на англичан, французов и лишь в какой-то мере на румын. А Околов и Ольгский в поте лица своего трудятся на японцев. Кстати, на вилле советника японского атташе Нумира находится типография НТСНП, так называемая «Льдина».

— Ясно! Она ведь привезена из Берлина? — удивился Сергеев.

— Алексей Алексеевич просил передать, что после провала переговоров Георгиевского с Риббентропом типографию «Льдину» пришлось эвакуировать. Байдалаков ведет какую-то игру с немцами за спиной генсека!

Услышав слово «генсек», Петр Иванович Сергеев невольно с укоризной посмотрел на Чегодова.

— В этой игре принимает участие редактор выходящей в Берлине пронемецкой газеты «Русское слово», некий Владимир Михайлович Деспотули, ему покровительствует министр «третьего рейха» рейхслейтер Альфред Розенберг. Околов, видимо, об этом осведомлен, и одна из моих задач — проверить верность этих данных, — продолжал рассказывать Чегодов.

— Сейчас вся эмигрантская сволочь будет лизать им задницу! — не утерпел Сергеев. И тут же спохватился: — Ну, ну, не гляди на меня волком!.. Не обижайся...

— Эмиграция разнолика, одни за немцев, другие против. Нельзя всех стричь под одну гребенку, примитивно!.. — И Олег отвернулся и уставился в окно.

— Да, да, конечно, есть среди вас и порядочные люди, — подмигнул Сергеев. — А Хованский ничего больше не передавал?

— Нет! — бросил сухо Чегодов.

— Тогда попрошу вас выслушать и мои задания. Первое: кто из диверсантов, когда и зачем будут переброшены в Советский Союз? Второе: их характеры, легенды, под которыми собираются жить, какие у них будут документы, их фотографии. Третье: шифры, общие и индивидуальные, коды, адреса, по которым они будут писать, и, наконец явки. Уверены ли вы в том, что они не переправят без вас типографию и радиостанцию ближе к советской границе? Не проворонькте!

— Командует парадом Околов, и поэтому я ни за что поручиться не могу. Что же касается прочих заданий, то они почти невыполнимы. И «проворонивать» мне нечего! — холодно объяснил Чегодов.

— Что значит невыполнимы? Вы умный человек, постарайтесь! Извините, довезти вас до дому не могу. — Петр Иванович постучал в стекло водителю, машина резко затормозила.

Сергеев полез в карман и вытащил несколько свернутых в трубку ассигнаций, по тысячу лей каждая, хо-

тел вручить их Олегу, но Чегодов покачал головой и отвел его руку.

— Вас намеревались послать в Бессарабию... задержка ваша неслучайна. Если что-то с вашей отправкой прояснится, сразу же меня информируйте! Звоните. Злоупотреблять встречами не следует ради вашей же безопасности. Будьте осторожны, если что не так, прошу прощения. — Сергеев, крепко пожимая Олегу руку, широко улыбнулся.

На том они расстались.

2

Петр Иванович Сергеев, капитан НКВД, проехал несколько кварталов в глубокой задумчивости, остановил такси и пошел пешком. Чегодов ему не понравился. «Напрасно Хованский с ними так возится, белая кость, голубая кровь, сколько фанаберии, как со мной разговаривал! Никогда белякам нас не понять, всегда будут носить камень за пазухой. Бары! Нельзя им доверять!»

Сергеев невольно вспомнил 1939 год, Краснодар, когда ловили группу диверсантов из НТСНП, возглавляемую Колковым, озверелое лицо его дружка, тупую боль удара по голове, оранжевые круги перед глазами и провал в черную бездну. Он провел рукой по волосам.

«Конечно, сведения Олег передал интересные, и про типографию, и про японцев, и про радиостанцию, про переориентацию НТСНП на Германию. А вот о новом председателе румынского отдела Лукницком не знает. Странно... Разведчик из Олега вряд ли получится. Вспыльчив, резок, вроде того «правдолюба» Колкова! Дворянское воспитание! Хованский тоже бывший царский офицер, засиделся в осином гнезде. Просил, кажется, начальство не применять к Колкову высшую меру! Донесения Хованского тоже надо сквозь лупу рассматривать».

Перед капитаном всплыла, как живая, сцена его разговора с Колковым в Днепропетровском НКВД. Вот в кабинет вводят Колкова. Он очень бледен, озирается по сторонам, как затравленный волк, глаза горят лихорадочным, злым блеском. Того и гляди накинется.

«Садись, Колков-Волков-Войнов. Вон стул!»

Тот, вздрогнув, как от удара плети, продолжал стоять.

«Садись! И не таращи на меня глаза. Не в кабинете у Байдалакова».

«А вы, лейтенант, мне не тыкайте! Привыкли...» — Колков недоговорил, задохнулся от ярости.

Сергееву стало не по себе, и он потянулся к звонку, чтобы вызвать конвой. А Колков тупо уставился на калориферы у высокого зарешеченного окна. Вдруг медленно согнулся и, как разъяренный бык, метнулся головой на отопительную батарею. Железо глухо звякнуло, и Колков, охнув, рухнул на пол и, скорчившись, обхватив голову руками, глухо застонал.

Сергеев позвонил и подбежал к лежащему. Волосы того уже напитались кровью, а из зияющей раны медленно сочился большой сгусток, как ему показалось, мозга...

С этими мыслями Сергеев дошел до угла, свернул на другую улицу и остановился у витрины ближайшего магазина. «Все-таки нельзя без страховки идти на свидания с людьми, которых не знаешь! Да и вообще, я веду себя неосторожно! Назначаю сразу две встречи!»

Увидав вдали такси, Сергеев поднял руку. Усаживаясь в машину, невольно посмотрел на проходящий мимо «грахам». Переднее сиденье, чуть развалясь, занимал плотный мужчина в сером костюме. Взгляд его был до того пристальным, пытливым и, пожалуй, даже насмешливым, что Сергееву стало не по себе.

«Грахам», кажется, полицейская машина, — подумал Сергеев. — А типа, который сидел в ней, я вроде бы видел до встречи с Чегодовым у входа в кафе. Неужели это хвост? Похож на шпика. Наглый, цепкий и насмешливый взгляд. Что делать?» — Сергеев, плохо зная румынский язык, на ломаном французском велел таксисту свернуть раз, другой, третий. Наконец, заметив ползущий трамвай, он остановил такси у остановки и быстро вскочил в задний вагон трамвая. Уже сидя в трамвае, капитан увидел, как знакомый «грахам» проследовал за только что покинутым такси.

«За мной идет слежка, — решил Сергеев, — заметив, что меня нет, он остановит такси и узнает у водителя, что я сел в трамвай, и сразу же догонит меня, тут один маршрут. Надо выходить!»

На остановке он покинул трамвай и пересел в другой. Сойдя с трамвая, направился к магазину, где его

уже поджидал толстый служитель советника японского атташе бессарабец Георгиу. А в ста шагах виднелась вилла японца.

* * *

Прибыв в Румынию, капитан Сергеев, зная о связи НТСНП с японцами, задался целью обзавестись своим человеком в их логове. Ему повезло.

Он познакомился с рабочим Иваном Савицким, бывшим солдатом белой армии. Узнав, что Савицкий ходит в советское посольство с просьбой вернуть его на Родину, Сергеев несколько раз обстоятельно беседовал с ним, насмешливо грозя ему пальцем:

— Знаем мы вас, беляков! Сперва надо Родину заслужить...

Однажды Иван принес обрывок листовки, призывающей к свержению советского строя. Показав листок Сергееву, Иван рассказал, что живет на квартире у румынского коммуниста, познакомился с братом хозяина Георгиу, который работает у сотрудника японского военного атташе Нумира — сторожит его виллу. Там часто бывают какие-то русские, они печатают антисоветские листовки и брошюры, а по воскресеньям тщательно запирают комнату типографии и куда-то уходят. Это очень заинтересовало Сергеева. По словам Ивана, Георгиу — румынский подпольщик; партия коммунистов здесь жестоко преследуется (это Сергеев и без него знал), и для того, чтобы казаться благонадежным, Георгиу вступил в «Железную гвардию».

Через Ивана Сергеев узнал, что Георгиу согласен помогать русским. В одно из воскресений на виллу был послан опытный слесарь, чтобы подобрать ключ к английскому замку и к сейфу, который, по объяснениям Георгиу, был вмонтирован в стену той самой комнаты, где печатались листовки. В следующее воскресенье Сергеев намеревался повстречаться с Чегодовым и побывать в доме Нумира. И вот встреча с самим Георгиу у магазина почему-то встревожила Сергеева, все смешала в его сознании. Ему вдруг почудилось, что и Георгиу и Чегодов действуют заодно; Чегодов либо ловкий провокатор, обхитривший Хованского, втершийся к нему в доверие, либо он разиня, сам того не зная, привел за собой хвост. В любом случае Чегодов опасная личность. Да и Георгиу надо опасаться. Что же делать? Сергеев

стоял на улице, несколько растерявшись: можно ли доверять этому румыну? А лукавый Георгиу, выпятив живот, кивал ему головой. У Сергеева не было выбора. Вот сейчас появится автомобиль «грахам», и, чтобы избавиться от слежки, нужно куда-то спрятаться. Но куда? Лучше всего идти к вилле Нумира, будь что будет.

— Там никого нет, можно спокойно зайти, — сказал Георгиу.

Столь быстрое приглашение опять насторожило Сергеева. «Шарахнут по голове, затащат в подвал и будут пытать. Наши не знают, что я пошел к Нумиру. Чертов «грахам»!» — И все-таки переступил порог. Пока Георгиу запирал калитку, Сергеев оглядел небольшой двор, палисадник у каменной стены и невольно покосился на забранные толстой решеткой маленькие оконца подвала, на парадное крыльцо и черный ход.

— На первом этаже, — поднимаясь по ступенькам, объяснял Георгиу, — зал, кухня и моя комната. На втором, пожалуйста, по этой лестнице, гостиная, спальня и кабинет, в нем сейчас типография.

Сергеев прислушался. Кругом стояла глубокая тишина, ни одного звука не доносилось даже с улицы. Георгиу достал из кармана ключ и отпер дверь.

Это была просторная комната. Посреди типографский станок, у стены два больших шкафа, между ними на столе радиопередатчики, а под столом еще один радиопередатчик — портативный. В углу навалены кипы листовок и брошюр. В стене сейф, между окнами, выходящими на улицу.

— Георгиу, встаньте у окна и смотрите, не проедет ли мимо «грахам», а я тем временем осмотрю сейф, — сказал Сергеев.

Сейфа ему отпереть не удалось. Ключ не подходил. То ли слесарь чего-то недоучел, то ли изменили шифр. Боясь сломать ключ или поцарапать замок, Сергеев отошел от сейфа, осмотрел шкафы, ящики письменного стола и вдруг в одном из них среди книг, карт и брошюр нашел записку и при первом же взгляде понял, что это код:

РККА — «папин племянник»
Народ — «папа»
Компартия — «тетя»
Голод — «тетка»
Еврей — «теща»
Рабочая молодежь — «мальчики»

Учащиеся — «девочки»
Восстание — «музыка»
Бунт — «спектакль»
Недовольные Советской властью — «братья»
Член НТСНП — «сестра»
Деньги — «открытка»
Литература — «лекарство»
Документы — «очки»
Террор — «счастье»
Оружие — «Совет»
Война — «погода»...

«Вот это важно, это находка. При перлюстрации писем, идущих за границу, сразу можно определить, кто пишет. Из-за одного этого стоило сюда приехать. Но как быть с сейфом?»

— Черный «грахам» остановился у нашего дома, и оттуда выходит человек в сером костюме, плотный, — быстро проговорил Георгиу.

— Он один?

— Один.

Раздался звонок. Георгиу нерешительно посмотрел на Сергеева.

— Скажите: в доме никого нет, вилла пользуется экстерриториальностью. Если необходимо, вызову, мол, своего хозяина. Будет настаивать — впустите. Я запрусь здесь.

Прошло несколько томительных минут. Чего только не передумал Сергеев, стоя за плотно закрытыми дверьми и вслушиваясь в разговор, который перевел для себя так:

— Здесь их кабинет. Он всегда на запоре, господин полицейский, мне не велено никого в дом пускать. Никто туда пройти не мог, никого нет, убей меня бог! — объяснял Георгиу.

Тот подергал за ручку двери.

— Не врешь? Смотри, я проверю! Мы шутить не любим! — Он еще раз подергал за ручку двери. Потом голоса удалились, хлопнула наружная дверь, и Сергеев увидел в окне, как грузный мужчина в сером костюме сел в машину и уехал.

Десять минут спустя Сергеев покинул виллу японского сотрудника военного атташе.

Через два дня Георгиу был уволен со службы. А капитан Сергеев, оправдывая свой провал, написал ра-

порт, в котором ставил под сомнение добросовестность Чегодова.

Это и послужило причиной шифровки Хованскому в Белград.

3

Бывший председатель румынского (нелегального) отдела НТСНП, в прошлом белый офицер, Владимир Котричко, был агентом Интеллидженс сервис. Никакой работы Котричко не вел, и все его донесения в центр, в НТСНП, в Югославию об «энергичной деятельности и бурном росте отдела» были сплошной липой. Это точно установил Околов: в Бухаресте, Буковине и Бессарабии насчитывалось всего несколько десятков энтээсовцев.

Исполбюро решило тайком послать в Бухарест сына некогда известного генерала, начальника Казанского порохового завода, бывшего белогвардейского капитана, члена РОВС'а и работника экипажа «Льдины» в Берлине, Дмитрия Всеволодовича Лукницкого. Ему было поручено взять руководство отдела в свои руки.

Лукницкий имел за спиной бои с Красной Армией в Крыму и вместе с другими бежал сначала в Галлиполи, потом в Югославию, затем волею слепого случая оказался в рядах НТСНП. Скептик, заурядный бонвиван и кутила, Лукницкий не мог, да и не помышлял проповедовать идею солидаризма и зажигать ею других. Подобно многим изгнанным из России, он потерял инициативу, утратил свое «я» и влился в безликую стаю попугайствующих.

Приехав в Бухарест, Лукницкий сразу же понял, что союз авторитета среди эмигрантов не имеет, что члены отдела разбежались, а слова Байдалакова: «Придется вам, Дмитрий Всеволодович, прибрать руководство отдела к рукам» — громкая фраза. Те люди, с которыми председатель его знакомил, были преданы только одному Котричко, поскольку он действовал по рецепту вожаков НТСНП — стараться не держать в организации членов с самостоятельным мнением.

Лукницкого это обстоятельство не очень волновало. Деньгами его снабжала то польская, то японская разведки. И от нечего делать он слонялся целыми днями по многолюдному Бухаресту. Заходил в «шикарные» бары, где сидели за чашечкой кофе роскошные дамы в

элегантных нарядах, в уютные, тихие кафе с красивыми официантками, в грязные кабачки и притоны, чтобы к ночи, нагрузившись дешевым ромом, отправиться с подобранной на улице девкой в свою неряшливо меблированную комнату.

Во время одной из таких прогулок, проходя мимо советского посольства, он обратил внимание на кудрявого молодого человека, по виду русского, спускавшегося со ступенек крыльца. Лицо кудрявого показалось знакомым.

«Я видел его совсем недавно, кажется, позавчера, выходя из бара... — Мысль молнией пронеслась в мозгу: — Ведь это он стоял с холуем Нумира — Георгиу». И пока незнакомец горячо втолковывал что-то Георгиу, рослый блондин лет сорока, тоже очень похожий на русского, с волевым лицом и цепким взглядом (это был Сергеев), купил в киоске, у которого они стояли, газету и не торопясь прошел мимо них, но по его внимательному, изучающему взгляду, устремленному на слугу японца, было ясно, что это не простое любопытство. Лукницкий решил, что блондин, вероятно, агент Нумира... А «шляпа» Георгиу ничего не замечает.

Случайно обратив внимание на подозрительную тройку, среди которых были два русских — Савицкий и Сергеев — и румын Георгиу, Лукницкий решил рассказать об этом Нумиру, а еще лучше начальнику разведшколы Борису Николаевичу. «Жаль только, что блондин куда-то быстро ушел», — подумал он.

Делать все равно было нечего. И Лукницкий последовал за кудрявым молодым человеком. Однако «кудрявый» на первом же перекрестке остановил проезжавшее такси и уехал.

На другой день Лукницкий, зайдя в кабинет начальника разведшколы Бориса Николаевича, рассказал обо всем.

— Кто знает? Вдруг это сотрудники советского посольства? Спрошу майора Тройлеску в сигуранце*, там должны быть их фотографии. Ну а до выяснения личности не следует беспокоить господина Нумира. Мы, разведчики, должны лишь констатировать факты и события, а не рассуждать о них. Скромность и молчаливость — великие достоинства, — резюмировал Борис Николаевич.

---

* Сигуранца — румынская тайная полиция (1921—1944 г.).

В тот же день, сидя в сигуранце, Лукницкий долго вглядывался в фотографии сотрудников советского посольства, но ни «блондина», ни «кудрявого» не обнаружил.

— Что ж, придется просмотреть картотеку проживающих в Бухаресте русских беженцев. Их много, но я вам дам помощников. До завтра! — сказал майор Тройлеску, пожимая ему руку своими мясистыми, потными пальцами.

Спустя три дня галерея «блондинов» и «кудрявых» начисто стерла из памяти лица тех, кого он искал. На том дело, казалось бы, и кончилось.

Однако спустя неделю Тройлеску предложил Лукницкому проехаться с ним в Плоешти.

«Кудрявого» он опознал сразу, увидев его медленно идущим по улице. Это был солдат белой армии Иван Савицкий. Несколько месяцев тому назад он подал заявление с просьбой вернуться на Родину. И каждые две недели приезжал в Бухарест, в советское посольство. Проживал он в доме Петру Путеску, рабочего-нефтяника, брата Георгиу, слуги японца.

— Петру на заметке у полиции, — заметил майор, устремив в пространство взгляд карих глаз и хмуря черные брови. Потом, побарабанив мясистыми пальцами-молоточками по боковой подушке машины, которая уже мчалась в Бухарест, добавил: — Вроде бы и с нашей, и с их стороны все логично. Но что за блондин? Вы не ошиблись? — И майор расплылся в улыбке.

— Интуиция мне подсказывает...

— «Интуиция»! Гм! А почему интуиция не подсказала вам проследить блондина? Ну, ладно! Не говорите только ничего господину сотруднику посольства. Сами справимся

На том они расстались.

* * *

Весть о присоединении Буковины и Бессарабии к Украине застала Околова и его хозяев врасплох. Шел июнь 1940 года. Срывался подготовленный ими план установки радиостанции в Кишиневе и переселения типографии «Льдина» в Черновицы. Нужно было срочно посылать в Бессарабию «Льдину», а с ней и Олега Чегодова, ему в Бухаресте наспех сфабриковали удостовере-

ние, свидетельствующее, что имярек является польским беженцем, ранее проживавшим там-то и там-то.

«Как можно снабжать человека такой липой? — удивлялся Чегодов. — Значит, Жорж всех своих бывших товарищей, однокашников, друзей фактически посылает на смерть!»

27 июня, когда Чегодов садился в машину, которая должна была отвезти его на бухарестский вокзал, Околов подошел с ним прощаться и потянулся, чтобы его обнять, Олег отступил на шаг:

— Какие документы мне дал?! Торгуешь кровью!

Околов побледнел и замер с распростертыми руками.

— Никто тебя ехать, Чегодов, не заставляет. Если хочешь, мы сфабрикуем тебе новые, румынские документы! В Бессарабии сейчас неразбериха — все уже знают, что туда завтра входит Красная Армия, так что там сам черт, а не то что большевики, ногу сломит. Деньги у тебя есть, а документы уж как-нибудь купишь. Есть и явки. Местные энтээсовцы помогут. Пойми, теперь придется организовывать в Бессарабии и на Буковине крепкое подполье со своей радиостанцией. Вагон с типографией из Бухареста пойдет сегодня ночью. Тебя встретят наши. Торопись. Советские войска вот-вот займут Бессарабию. Тебе предстоит работать в глубоком подполье. Пусть население и войска читают наши листовки! Не подведи! Ориентируйся по обстановке!

—Дурак ты или подлец, — буркнул Чегодов про себя, но так, что его мог услышать Околов, и направился к ожидавшей его машине.

* * *

28 июня 1940 года советские войска вступили в Бессарабию.

Вслед за типографией «Льдина» уже 1 июля при помощи румынского полковника Мануленску на лодке через Дунай были переправлены председатель румынского отдела НТСНП Лукницкий и молодой энтээсовец, житель Измаила Савченко-Бельский. Они повезли с собой рацию. На берегу их задержали советские пограничники; убегая, им удалось незаметно бросить аппарат в высокую рожь. Однако уже утром советские пограничники его обнаружили, а в полдень ими был арестован Савченко. Лукницкого спасла любовь к чарке. Добравшись до Из-

маила, он с утра завалился в кабак, и, когда после полудня нетвердыми ногами направился на явочную квартиру, увидел у калитки военного, он догадался, что его ждут. Хмель выскочил из головы, и незадачливый «офицер революции» Лукницкий пустился наутек по улице. Арестован он был уже позже.

Операция «Концерт» провалилась.

* * *

Состав с вагоном, в котором была типография, прибыл в Кишинев на рассвете 29 июня. Олега встретила группа энтэзсовцев с грузовой машиной. Они наспех погрузили в кузов ящики, станки и кассы со шрифтом и помчали по притаившимся в ожидании советских войск пустынным улицам города. Груз был свален в заранее подготовленном подвале старинного здания близ бассейна. Когда Олег запирал дверь, с шоссе уже слышался гул приближавшейся колонны танков. Пряча ключ в карман, он подумал: «Придется все это хозяйство передать в НКВД», — и отправился искать квартиру по заранее указанному адресу, где проживала румынская семья.

Чувствовал он себя одиноко. Им овладело безразличие. Неизвестным стал мир. Причиной тому было двойственное положение: он и друг Хованского, но он не враг и бывшим товарищам по кадетскому корпусу, ставшим членами НТС. И эта постоянная, заслоняющая все прочее душевная раздвоенность делала его жестоким, несправедливым и злым.

Поэтому он не торопился явиться, как было условлено с Сергеевым, в НКВД, решив сперва приглядеться к советским людям и советским порядкам.

«Образ новой жизни» Чегодову не понравился. Приезжающие в Кишинев женщины жадно скупали тряпки. Появились очереди, все дорожало. Лея все больше падала в цене. Из восьми тысяч рублей, которыми снабдил его Околов, шесть тысяч, в купюрах по три червонца *, вышли из употребления.

Военные и прибывшие советские служащие недоверчиво, как показалось Олегу, поглядывали на, пожалуй,

---

* Советские купюры в тридцать рублей вышли в 1940 году из употребления и обменивались только в банке.

несколько суетливых и настырных кишиневцев, и, когда те расспрашивали о жизни в Москве или Киеве, приезжие отвечали неохотно и неопределенно, а то и вовсе избегали разговора.

Тем временем из Бессарабии и Буковины за границу уезжали румыны и немцы.

«Ну вас всех к черту, я не смогу стать бойцом за справедливость, за человеческое достоинство, за человеческое счастье, я просто не знаю, на чьей они стороне, — метался Олег в раздумьях. — И нужно ли за них бороться? Может быть, лучше по сказке — как царь Никита: «Не творя добра и зла, и земля его цвела». Пушкин мудрец! Все по ту сторону добра и зла».

Приближалась осень. Из Кишинева Олег поехал в Черновицы, там леса, горы и к границе ближе. «Вернусь в Румынию, оттуда поеду в Югославию». Но граница была перекрыта. Надо было как-то ее переходить.

Неподалеку от Герца, когда ночью, пройдя четыре-пять километров, уверенный, что граница позади, Олег спокойно развел в лесу костер, чтобы согреть себе консервы, из кустов неожиданно появились советские пограничники и, накинувшись, связали ему руки, отвели сначала на заставу, потом в Хуст.

Следователь, узнав, что он белоэмигрант, посмеялся над ним, мол, попался в ста шагах от погранзаставы, и направил его дальше, в Черновицы.

Утром того же дня его привели в кабинет начальника. Голодный, злой на себя и на весь мир, понимая, что по собственной глупости стал игрушкой судьбы, Олег, как норовистый конь, закусил удила, отказывался отвечать на вопросы. Твердил только одно:

— Зла советскому строю я не причинил, не собирался этого делать. Мне с вами не по пути, и я решил уйти.

— Начнем с того, что вы нарушили границу. Это уже карается до трех лет заключения.

— Я не раб государства, я свободный человек, где хочу, там и живу.

Раздраженный его упрямством, начальник отправил его в камеру.

В сопровождении двух «караульных вертухаев» (о том, что их так дразнили заключенные, Чегодов узнал позже) он спустился «руки назад» во двор, а потом в полуподвальное помещение.

— В шестую общую, — приказал начальник караула, взглянув на записку.

4

Тяжелый смрад параши и давно не мытых тел шибанул в нос, подкатил тошнотворным клубком к горлу, сдавил дыхание.

Десятка два-три зеленовато-землистых лиц-масок уставились на него. Чужие, лихорадочно поблескивающие злые глаза, таящие страх и стопудовую тоску, настороженно и враждебно сверлили, казалось, его насквозь.

Чегодов обвел взглядом просторное полуподвальное помещение, сидевших и лежавших на двухъярусных нарах людей и гаркнул:

— Здравствуйте!

В ответ на его приветствие глухо захлопнулась за спиною дверь, отвратительно заскрежетало железо засова.

«Я далек от них и они друг от друга, как звезда от звезды. Между нами бездна. Нас объединяют лишь язык да извечные законы Вселенной... Эти унылые, опустошенные существа с далеко не высокоорганизованными, а скорей примитивными интеллектами, с опаленными душами, помрачненным сознанием, с грузом забот и угрызений оцепенели в воспоминаниях о прошлом, таком еще недалеком и чудном, и целиком сосредоточили свои помыслы на том, какая ошибка привела их сюда и как найти ей оправдание. Только теплящаяся где-то в глубине глаз чахлая надежда, верней тусклый ее проблеск, говорит о том, что люди эти живут и, значит, за что-то борются...»

— Лягай тутечкы! — насмешливо бросил низколобый, коренастый, рыжий детина с веснушчатым неприятным лицом, указав на пол у параши, и зло прищурился.

— Ту-те-чки? Сам лягай тутечкы! — И, бледнея от захлестнувшей сознание волны бешенства, Олег нехорошо выругался. Потом направился к лучшему месту у окна, угрожающе рыкнул лежавшему в небрежной позе кудлатому парню: — Брысь!..

Тот удивленно пожал плечами, ухмыльнулся, чуть прищурил глаза и молниеносно выбросил ногу вперед, норовя каблуком попасть в голову. В тот же миг Чегодов неуловимым движением схватил обеими руками ступню... рывок... и парень, завывая от боли, загремел с нар и распластался на полу.

Подоспевшего на помощь рыжего детину ждал по-

добный же сюрприз. Не успев ни разу ударить новичка, он сам покатился по полу, больно ударившись головой о нары.

— Желающих больше нет? — угрожающе спросил Чегодов, оглядывая притихших сокамерников. Легко вскочил на верхний ярус нар, собрал вещи кудлатого парня, швырнул их к параше и улегся.

Сердце билось сильно, отдавая в виски. Все его тело было напряжено, нервы натянуты, кулаки сжаты. Плотно закрыв глаза, он старался успокоиться. После пароксизма бешенства обычно наступало равнодушие или приходило даже раскаяние. Он корил себя за горячность и «делал выводы на будущее».

«Воображение правит миром, а людьми — страх! Этот вечный спутник лжи! Не воображай, что, взяв палку, долго будешь капралом. Законы тюрьмы жестоки. Выживает сильнейший. Потому и собираются тут волчьи стаи. Выживает, но не остается свободным. Впрочем, все мы зависимы, где бы ни находились: от государства, которое требует выполнения законов; от семьи, с которой прожил жизнь; или любовницы, с которой хоть раз переспал; и от тех, кто нас родил и кого родили мы; кто создавал эту жизнь до нас и кто будет создавать ее после; зависимы от того, что создали сами и что побудило это создать... и черт знает от чего только не зависим! Вот и получается, что свобода — не свобода, а рабство... И ради такой «свободы» человек стал человеком. Оставался бы лучше обезьяной и не сознавал бы этой вечной зависимости и взаимозависимости, равносильной закону всемирного тяготения... А дальше будет хуже, народу поприбавится, и мы очутимся в кабальной зависимости от цивилизации, от технического прогресса, от условий быта и, наконец, собственного миропонимания... Тогда, мой философ, не все ли равно, где тебе находиться — в абстрактном свободном мире или с ворами в тюремной камере?.. Ибо земля и галактика тоже тюрьма! И сам господь бог, создавший этот мир, основанный на пожирании слабого сильным, тоже, естественно, не свободен! А ты, муравей, претендуешь на свободу! И все-таки, отсутствие минимальной свободы является смертельной опасностью для человека! Я ведь еще не утратил до конца самого себя!..»

Чегодов почувствовал на себе пристальный взгляд. Открыл глаза. Гоша Кабанов — Мальцев, член бел-

градского отделения НТСНП, бывший кадет Донского кадетского корпуса, пытливо смотрел на него.

«А ты как сюда попал?» — хотелось закричать.

Их было четыре брата «Корбо». Кличка перешла к ним от отца — преподавателя французского языка, старого, горбоносого моряка-офицера, чем-то напоминавшего ворона. Со старшим, Евгением, Чегодов кончал кадетский корпус. Вторым был Гоша. Год тому назад он женился на Машуте Дурново-Давнич, дамочке довольно легкого поведения, которая разошлась со своим супругом, председателем белградского отделения НТСНП Евгением Давничем.

«Почему они посадили меня с ним в одну камеру? Не знают, наверно, что он энтээсовец, или проверяют? Положеньице! Товарищеский долг обязывает молчать, долг слова, данного Хованскому, требует его выдать... Э-э, нет! И в тюрьме тупичок. Впрочем, уже не первый. Много у нас этих тупичков. Потому и не верят нашему брату. Не та кровь, не та кость. Потому на всякий случай посадили. Эх, простофиля я, простофиля!»

Увидев, что Кабанов закуривает, Олег соскочил с нар, направился прямо к нему и небрежно бросил:

— Ну-ка, друг, дай закурить! Как звать?

— Михайлов Георгий, — не поднимая глаз, сказал вполголоса Кабанов и протянул сигарету. — А тебя?

— Звали Незнамовым... Когда взяли? Одного?

— С Машутой, в том-то вся беда. В легенде запутались. — И тоскливо посмотрел ему в глаза. Потом с жадностью затянулся, выпустив струйку дыма, махнул рукой, словно отгонял тяжелые мысли, понижая голос до шепота, заметил: — Здорово ты их! Но берегись, будут мстить. Такие убьют запросто. Их трое, терроризируют всю камеру. Никто и пикнуть не смеет.

— А кто третий?

— Иван Бойчук, тот, что рядом с рыжим лежит. Был и четвертый. Сосед твой. Вчера что-то не поделили. Разругались.

— Поможешь?

Кабанов на секунду замялся, потом нерешительно протянул:

— Конечно! Только по ночам меня на допрос таскают. Запутали. Над моей легендой животики надрывают. И Машута, видать, засыпалась. Наш великий конспиратор Жорж трудился над этими легендами... Сволочь! — И снова затянулся, выпустил струйку дыма и махнул

рукой: — А днем, разумеется, помогу! — И опасливо покосился в сторону.

«Слабак!» — решил про себя Чегодов, проследив его взгляд. На нарах лежал, распластавшись, с закрытыми глазами рыжий и массировал затылок. Его сосед, мужчина лет тридцати — тридцати трех, долговязый, с длинным лошадиным лицом, желтыми, как у волка, глазами, чуть приплюснутым на кончике длинным носом и плотно сжатыми губами, с безразличным видом покуривал сигарету, но по его настороженным ушам видно было, что он старается уловить их беседу.

«Этот опасен. У него наверняка припрятан нож. Надо отобрать!» — И довольно громко бросил:

— Вот сейчас мне и поможешь разоружить эту обезьяну! — и направился к лежавшему Бойчуку.

Тот толкнул рыжего локтем в бок и что-то сказал. Но рыжий только отмахнулся.

— Дай-ка мне перо! — подойдя вплотную, небрежно бросил Олег и протянул руку.

— Иди ты к фене! — В его волчьих глазах загорелись огоньки.

— Дай по-хорошему! — строго предупредил Чегодов.

Нож в тюрьме — мечта каждого вора. Самоделковые — их долго вытачивали из ложек, мисок, грядушек кроватей, из любой железины. Прятали в самых невероятных местах. Надзиратели устраивали время от времени внезапные обыски и отбирали найденное. Однако ножи рождались снова и снова. Поэтому у негласного вожака камеры, обычно «вора в законе», было всегда где-нибудь припрятано «перо».

— Лады! — Бойчук по-звериному ощерился, потянулся к изголовью и вытащил из щели длинный сапожный нож, зажал его в руке и, пытливо оценив Олега, явно заколебался: «Свой или чужой?»

Держится смело, как старший «в законе», а на вора вроде не похож. «Нет, не вор!» И нож, пущеный со страшной силой прямо в лицо, пролетел мимо и вонзился в дверь.

И тут же заскрежетал засов, дверь отворилась, и надзиратель, видимо, наблюдавший за сценой, рявкнул:

— Ну-ка, вы, двое, давай выходи! Руки назад!

В коридоре их встретил старший смены, с тремя «кубарями» в петлицах, и сердито крикнул:

— Чегодов, чей это нож?

— Откуда я знаю! — угрюмо буркнул Чегодов.

— Не знаешь? А кто требовал нож, тоже не знаешь? И кто дрался, тоже не знаешь!

Чегодов молчал.

— Чего молчишь?

— Не привык я, чтобы мне тыкали! Ко мне в буржуазной стране тюремщики на «вы» обращались... Я человек, понимаете? Человек!

— Какой ты человек? Вражина ты! Дам тебе десять суток карцера, и поймешь, что к чему. И тебе тоже, — обратился он к Бойчуку. — Чтобы не прятал ножей! Оба марш в карцер! Там будете выяснять отношения. Обыщите их.

Спустя минуту их втолкнули в темный вонючий карцер.

— Гады! Шлях йх трафив! Якого дидька пришел за «пером»? А кореш ты фартовый! Ничого, тут треба житы в загоди, — зашептал Бойчук, усаживаясь на топчан, когда за ними заперлась дверь.

— Мир так мир. Давай пять, будет десять! — протягивая руку, согласился Чегодов.

— Цыть! Воны подслухают за дверью. — И, пожав Чегодову руку, дружелюбно шепнул: — Хай будэ десять! А що вид лупцував Федора, цього «рудого», то слушно зробыв! Скажена собака вин, шлях його трафив! И Павла правильно... Дуже коцюбытся...

Чегодов с любопытством разглядывал Бойчука, слушая его странную украинско-русскую речь, перемешанную с воровским жаргоном, и думал: «А ведь он говорит искренне и вроде бы неплохой парень. Интересно! Как меняют человека обстоятельства! Не трус. Верна пословица: «Смелого ищи в тюрьме, глупого в попах». Начинаются, верней, продолжаются «мои университеты», интересно!»

5

Прошло десять дней. Ни Чегодова, ни Бойчука за это время ни разу не вызвали на допрос. Словно совсем о них забыли. А тем временем они поладили и даже разработали план бегства.

Их привели в камеру вечером, накануне Октябрьского праздника. А за несколько дней до этого Кабанов подслушал разговор рыжего Федора с вихрастым Павлом. Они шептались, но до его слуха доносились

только отрывки фраз. И беседа их шла на воровском жаргоне. И все-таки Кабанов понял, что речь идет о Чегодове и что в первую же ночь по его приходе («покелева он после мешка квелый, наведем ему марафет!») с ним хотят разделаться, вероятнее всего, убить.

Прислушиваясь к их шепоту, он тихонько сбросил одеяло, сел, опустил ноги на пол, потом осторожно поднялся, и в этот момент его сосед, пожилой еврей, как-то неестественно всхлипнул и громко застонал. В тот же миг рыжий Федор соскочил с нар и, увидев стоящего Кабанова, прорычал:

— Уши навострил, шухер! Кокну! Как шелудивого кобеля... задавлю... Пикнешь, и тут тебе амба! Понял? — И поднес к его носу огромный кулачище.

— Чего их вострить? Иду на парашу, ничего не знаю, — заискивающе бормотал Кабанов, отодвигаясь от кулака.

— Заткни хавало! И к нему больше не подходи, а не то...

— К кому?

— Сам знаешь! Кого сигаретками угощал!

— Ладно. Мне он не к чему. — И направился к параше, поеживаясь от страха и выбивая зубами дробь.

И все-таки, если бы Чегодов в тот вечер подошел к нему, он нашел бы в себе силы рассказать все, но Олег был слишком измучен и едва доплелся до своих нар. К тому же и Бойчук улегся почему-то не с рыжим, а с Чегодовым.

«Как его спасешь? — Георгий Кабанов опасливо поглядывал на верхние нары, словно боялся, что «те там» прочтут его мысли. — Ценой собственной жизни? Нет... не могу. Олег и сам отобьется, он сильный, ловкий... Хотя они нападут на него ночью, когда он будет спать. Если я сейчас встану, подойду к нему и расскажу, то мне придется встать с ним бок о бок и драться до конца... — Кабанов даже попытался сбросить одеяло, но все его тело словно налилось свинцом, и он не мог пошевельнуть даже пальцем. — Я трус... трус и предатель. Я уже предал собственную жену! Я ничтожество! Червяк! — мысленно бранил он себя. — Неужели мне хочется, чтобы его убили, потому что он узнает, что я подлец?! Пусть же все идет так, как велит судьба. Не могу я с ней бороться! Хочу жить, жить... И зачем только пришел сюда? Поверил Байдалакову, Околову, Геор-

гиевскому! Зачем вступил в этот проклятый союз? Дурак!..»

От тяжких мыслей его отвлек шорох и шушуканье. Вскоре бандиты тихонько слезли с нар и направились к окну, где спал Чегодов.

«Сейчас убьют! — трясясь как в ознобе, подумал Кабанов. — Еще не поздно, еще можно крикнуть и спасти товарища... А завтра или послезавтра убьют меня?..» Он заставил себя встать и так, стоя, с каким-то жадным любопытством, замирая от ужаса, ожидал, что будет.

Рыжий тем временем влез на верхние нары и вывинтил лампочку. Камера погрузилась во мрак. Кабанов заметил, как две тени мелькнули в проеме окна. Потом послышались возня, хриплый стон. Он зажал ладонями уши и тяжело опустился на нары. На душе было пусто. В голове не промелькнуло ни одной мысли. Тоска, липкая, беспросветная, охватила все существо...

Чегодов проснулся от того, что его подхватили под мышки, приподняли, сунули в рот кляп и бросили затылком на брус, соединяющий подобно грядушке кровати, нары. Потом чьи-то сильные руки схватили его за волосы и заломили голову вниз. Одновременно кто-то другой налег всей тяжестью на грудь. Трещали шейные позвонки и невыносимая боль пронизывала мозг, он лишился сознания...

* * *

Иван Бойчук родился в Залещиках, но с детства жил в Черновицах и лишь изредка выезжал «на гастроли» в Кишинев, Измаил, Бельцы или Красное. Ему исполнилось тридцать два года, из которых почти двадцать лет он воровал, если не считать многочисленных «сидений» по два, по три месяца за решеткой. Величал он себя домушником, но таскал все, что попадало под руку, будь то вывешенное на балконе старое одеяло, или белье во дворе, или лопата в огороде. Правда, забирался он и в дом, убедившись, разумеется, в отсутствии хозяев. «Работал» чисто, на «мокрые» дела не шел, в конфликты с полицией не вступал и сторонился «малины». Единственными верными помощниками были его длинные, быстрые ноги. На них он только и полагался. Попади он к опытному тренеру, из него получился бы чемпион мирового класса по скоростному бегу, но он попал в руки других «тренеров».

Бойчук приветствовал приход Советской власти, однако профессию менять не собирался. Тем более что воровать стало легче: удрали хорошо его знавшие полицейские; опустели дома толстосумов-купцов, местной знати и высших чиновников; и главное — милиция была помягче, не била смертным боем, а обращалась с ворами хоть и строго, но человечно. Не ладилось только со сбытом добычи. Никто ничего ценного не покупал. Затаились и скупщики краденого. Уезжающие немцы и румыны твердили, что скоро война, и грозили расправой. Потому и крестьяне не спешили везти продукты на рынок, да и рубли покуда были им непонятны. Цены росли, появились очереди и спекулянты. Обыватель ворчал и ругал новые порядки.

Неважно шли дела и у домушников, и у карманников.

Как-то к столику Бойчука в кондитерской подошли трое советских в военизированной одежде и, спросив по-украински разрешение, уселись.

Один из них, видимо, важная птица, высокий блондин с проницательными серыми глазами, спросил:

— Ну, что будем заказывать?

— Землянику со сливками. Прелестная штука! Целый комплекс витаминов! Залог здоровья. В Москве не очень-то ее поедите. Горная... — сказал брюнет с крючковатым носом и впалой грудью, показавшийся Бойчуку знакомым.

С неделю тому назад он зашел к своей марухе, которая предупредила, что пустующую квартиру удравшего купца занял советский следователь или милицейский чин из розыска, что по пятницам он ходит в баню, а по субботам молится богу с накинутым поверх головы талесом, эдаким белым с черными полосами покрывалом и кистями шерсти по краям, и смешно раскачивается из стороны в сторону.

Бойчук не хотел поначалу воровать у «русских». И страшновато было, и как-то совесть не позволяла. Но молящийся следователь его возмутил. «Як же так, — думал он, — кажуть, шо бога нема, шо попы усе брешуть, а самисеньки тыхесенько молятся».

Подслушав разговор в кафе, Бойчук понял, что оба собеседника вечером уезжали в Унгены. Каким-то собачьим чутьем и по проницательному взгляду, и по интонации голоса, и по многому другому, что накладывает профессия, Бойчук понял: носатый — следователь. Зна-

чит, опасен. Следователи докапывались до всех воровских дел и требовали «шухерить малину», и все они занимались рукоприкладством. Наверно, таковы и русские, и ему, вору-одиночке, неудержимо захотелось отправиться этой же ночью к следователю в «гости». Тем более что маруха видела, как носатый прятал в вазе, которая стояла на горке с посудой, завернутые в газету деньги.

В ту же ночь, с бьющимся сердцем, подобрав к дверям отмычку, Бойчук проник в квартиру. Осветил карманным фонарем прихожую. На вешалке висели плащ и шинель, в петлицах которой поблескивала шпала, в углу, прислонившись к стене голенищами, стояли на полу начищенные до блеска хромовые сапоги. «Налезут, надо взять!» — решил Бойчук, неторопливо шагая в комнату на своих истоптанных «ходулях». Было тихо, на стене тикали старинные часы. В углу темнела горка, на ней ваза, Бойчук осторожно приблизился к вазе, сунул руку в узкое горлышко и двумя пальцами нащупал пакет. Он уже принял давно за правило в деле не суетиться. «Хто спешить — тот людей смишить», — охлаждал он себя, когда хотелось обделать все поскорей и так подмывало схватить первое попавшееся и бежать без оглядки. Не помогал и старый опыт. Теперь он едва сдерживался, чтобы спокойно вытащить пакет и убедиться, что это деньги. А ведь не терпелось подхватить вазу под мышку и удрать! («Почему так сразу не сделал! — корил себя он, уже сидя в КПЗ. — Как мог забыть про отпечатки пальцев?») Во всем виноваты часы. Что-то в них сначала затарахтело, и потом они отбили два удара. При этом тарахтении почудилось, будто кто-то — наверное, хозяин — вошел, и Бойчук едва не выпустил вазу из рук. Он вернул вазу на место, забыв обтереть ее бока платком, как делал это обычно. Из головы вон. А ошибка грубейшая! По отпечаткам пальцев и нашли. Чертова сигуранца, сколько архивов сожгла, сколько вывезла, а вот его отпечатки в архивах остались! Дьявол его знал! Теперь дадут на полную катушку!

Так думал он, просыпаясь довольно часто среди ночи. А спал он чутко, как настоящий вор, и какое-то внутреннее, подсознательное чувство будило его в минуту опасности, будь это открывающаяся во дворе калитка, поднимающийся по лестнице человек или его дыхание за закрытой дверью.

В карцере было не так уж плохо, не сравнишь с румынским клоповником. Был даже топчан и матрац. И все-таки, вернувшись в камеру, а пришли они уже поздно вечером, он крепко уснул. И проснулся тогда, когда схватили Чегодова. Реакция была молниеносной, как у профессионального вора: он ударил кудлатого Федора ногой. Пинок пришелся под ложечку. И Федор слетел с нар. Тут же загремел замок, и сноп света осветил происходящую сцену.

Рыжий, поняв, что это пахнет статьей за покушение на убийство или за убийство, бросился в противоположный угол.

Прошла минута, другая, пока ввинтили лампочку и пока отводили в карцер двух бандитов. Чегодов пришел в себя.

Кружилась голова, во рту было горько, сосало под ложечкой, и тупо ныла нижняя губа. Сердце стучало, отдаваясь в висках, и при каждом движении болела шея.

— Ну как? Порядок? — склонился к нему Бойчук. — Массируй трохы. Заживэ як на собаци.

И в самом деле, массаж помог. А через несколько дней Олег почувствовал себя совсем здоровым.

* * *

Сидя с Бойчуком в карцере, Олег вынашивал мысль о бегстве. Иван Бойчук уверял, что он драпал из тюрем Румынии уже несколько раз. «Из справжних! А якая же це тюрьма? Бывша хата богача Мутеско!» И в самом деле, это была двухэтажная вилла, огороженная сплошным высоким забором. В полуподвальном помещении содержались заключенные, на этажах были кабинеты следственной части. У зарешеченных окон их камеры расхаживал днем и ночью часовой. Дверь выходила в коридор и караульное помещение, откуда уже можно было, поднявшись по ступеням, выйти во двор.

Каждое утро, в пять часов, дневальные под конвоем выносили парашу и выливали в канализационный люк тут же, во дворе.

Бойчук пошел на разведку первый, вернувшись, он решительно заявил:

— Завтра организуемо побиг, як пышеться у протоколах, — и засмеялся.

— Лады, — кивнул Чегодов. — Но как? Сам зна-

ешь: подстрелят нас, как зайцев. Они шутить не любят. Это тебе не в королевской Румынии. Вряд ли получится!

— В нибо не пидскочешь, в землю не пробьешься. Туды высоко, туды глыбоко. Мать его так! Пъятныця — вдруге не трапыцця!

— Что ж дай боже! Рискнем...

Чегодов почти всю ночь не сомкнул глаз. Мучили сомнения: «Бежать из тюрьмы, связаться с уголовником и, конечно, уж навсегда — какое страшное слово! — распрощаться со своим прежним «я»? И зачем я сюда пришел? Впрочем, сам виноват, лучше бы сразу явиться в НКВД. Сослаться на Хованского... Эх, струсил! Полез в бутылку. Развел фанаберию!»

«Но теперь-то что делать? — спрашивал его другой голос. — Сидеть в тюрьме и все время опасаться, что какая-то сволочь сломает тебе шею? И вот эти грабители, воры и убийцы в отличие от тебя, «врага народа», — тоже люди! И попробуй такое свое положение объяснить тем, кто ничего не знает о Советской России, тем, кто был обманут, кто поверил раздутому авторитету липовых вожаков — Байдалакова, Георгиевского, Поремского или купающегося в ореоле славы разведчика, «побывавшего в Союзе», Околова. Но ведь сам Околов жил среди советских людей и «мутил» их, хотя знал, как и я сейчас, что Российский Океан еще не вошел в свои берега, что буря еще не улеглась, что люди мечтают о штиле и делают все, чтобы не мутить больше его воды. Как дети мать, защищают они свое социалистическое Отечество».

«А не слишком ли мы были самонадеянны? Советское — значит хорошее. Мы самые сильные, — горестно ехидничал в Олеге третий голос. — Неужели таков наш русский человек (как говорит черт Ивану Карамазову), без санкции и смошенничать не решится, до того уж истину возлюбил».

«Тебе, Олег, недостает карамазовского черта, впрочем, ты завел беседу с двумя внутренними чертями — чегодовскими! Здраво рассуждая, у тебя не хватило воли приобщиться к новой жизни, ты хотел отречься от прошлого, переступить... и остался стоять на пороге. А ведь тюремная жизнь — смерти подобна, лучше уж умереть!»

Потом пришли на ум слова Хованского:

«Помни, — говорил Алексей на прощанье, — тебя,

Олег, не встретят там как блудного сына и не заколют для тебя откормленного тельца, «хотя ты и был мертв, и ожил; пропадал, и нашелся», тебе самому придется войти в нашу большую трудовую и суровую семью. Помни, там диктатура пролетариата! Там тебе не позволят, как здесь, поносить и хаять строй, рассуждать о том и о сем, не позволят... Многое не позволят. Но зато не наденут, как собаке, намордник — лай себе на здоровье, — намордник лимитированной безработицы и не лишат тебя пищи и крова. Там ты не почувствуешь себя парией, оторванным, одиноким. Со своим народом будешь обязательно работать. Дадут какое ни на есть жилье, будут тебя лечить, когда заболеешь, учить твоих детей и думать о твоем росте».

6

За окнами царил еще полумрак, когда Чегодов и Бойчук, подняв с трудом парашу, понесли из камеры через коридор к выходу. Это была бочка ведер на десять, почти доверху наполненная, в камере было человек тридцать, а парашу выносили один раз в сутки, поэтому вонь в подвале стояла страшная. Чтобы выйти оттуда, надо сперва подняться ступенек на десять-двенадцать.

— Осторожно, не расплескайте, вашу так! — крикнул «вертухай», заметив, как они с напряжением, шаг за шагом, поднимаются по лестнице, и на всякий случай отошел в сторону.

«Собака! Это ты обозвал меня вражиной!» — со злорадством подумал Чегодов и, когда до выхода оставалось две ступеньки, крикнул:

— Держи-ка, а ну! — И они бросили бочку, которая, заливая лестницу и коридор, с грохотом покатилась вниз. Караульные, изрыгая брань, едва успели отскочить в стороны.

А Чегодов и Бойчук уже были во дворе и мчались к задним воротам. К их счастью, часовой, расхаживающий с фасада перед окнами камер, был в другом конце и не мог сразу их увидеть.

Перелетев птицей высокие ворота, они очутились на улице и со всех ног кинулись бежать. Стоявший у перекрестка, на крыльце угольного дома, сторож с винтовкой за плечом смотрел на них с любопытством.

— Сюды! — крикнул Бойчук, перемахивая через не-

высокий забор. Они бегом пересекли чей-то двор, выскочили на улицу и понеслись к перекрестку. И только тут, свернув за угол, задыхаясь, перешли на шаг, чтобы, отдышавшись, побежать снова.

Бойчук хорошо знал эту часть города. Минут через пять они выскочили к остановке трамвая. Две-три минуты томительного, как вечность, ожидания. Но вот и вагоны. Кондуктор и не заикнулся о билетах: их дикий вид, налитые кровью и горящие огнем глаза, сжатые кулаки, их мертвенно-зеленые небритые лица, выражавшие решительность и отчаяние, и, наконец, исходящий от их одежды смрад заставили пассажиров, хоть это и были в основном рабочие, держаться подальше от замерших в напряжении у дверей двух здоровенных молодчиков, у которых и ножи, наверно, в карманах припрятаны.

Проехав несколько остановок, они сошли.

— Хай тепереньки шукають с собакью! Дулю з маком! — И Бойчук показал в сторону, откуда они приехали, кукиш.

«Свобода! Надолго ли? Они поднимут все, чтобы меня поймать, ради престижа хотя бы! Скорей уходить из города или где-нибудь затаиться», — решил Чегодов.

Словно угадывая его мысли, Бойчук молча взял его под руку. Они миновали узкий безлюдный переулок, затем другой, свернули на какую-то улицу и вскоре очутились в задней комнате шинка.

Кривой, лысый и прихрамывающий на одну ногу хозяин наклонился к Бойчуку, который шепнул ему что-то на ухо, оценивающе оглядел Чегодова и хрипло бросил:

— Сидайте, хлопци, я зараз. Вам цуйки *, чи российской?

Через полчаса, чуть захмелев от крепчайшей цуйки, они весело делились впечатлениями о побеге и хохотали над тем, в каких дураках оставили «вертухаев», которые, заподозрив неладное, не захотели ступить в зловонную лужу и выбежать во двор.

А еще через час шинкарь принес им теплые куртки, шапки, белье, бритву, изрядную пачку лей и по финскому ножу.

— Шпалеров покедова нема, и ксив советских нема. — И он положил на стол два паспорта, зарегистрированных полицией города Черновицы на имя немца Курта Альтрегера и румына Петру Церена. — Жить буде-

* Цуйка — виноградная водка.

те на вулыце Мализилор, у доми одиннадцать. Там уси выйихали. Хата маленька, на нее не позаздрятся! У динь не кажыть носу, а у сутинь ласково просимо вечеряты. А там побачемо!

— А де Анка? — заинтересованно спросил Бойчук.

Хозяин только рукой махнул.

Тем временем Чегодов распорол подкладку на своем пиджаке, отпорол рогожку, переплетенную конским волосом, и вытащил из потайного мешочка три сложенных пополам стофунтовых бумажки, одну протянул хозяину и, взявши за плечо Бойчука, произнес:

— Вот, пожалуйста, надеюсь, мы квиты.

— Ваш должник, ваш должник, господин, — заговорил на чистом русском языке кривой шинкарь, изобразив на лице благодарность, смешанную с почтением.

К вечеру они оказались на потеке* Мализилор. В брошенном немцами «доме» нашлись диваны и кровати, столы, кресла, стулья и даже какая-то посуда. Видимо, хозяева рассчитывали еще вернуться.

А через три дня явилась Анка. Да так в доме и осталась.

Уж очень ей понравился панич Чегодов.

Ясные голубые глаза, длинные, по старинке заплетенные косы и какая-то внутренняя скромность отличали ее от гулящих девиц, которыми была в то время наводнена Румыния. Не было в Анке естественной, казалось бы, жадности к деньгам. Веселая и мягкая в обращении, она напоминала дикий полевой цветок.

Ее родители, как потом узнал Олег, жили в селе Красном у самой границы. Несколько лет назад отец отвез ее в Черновицы к сестре, бездетной, богатой модной портнихе, чтоб училась на модистку. За три года Анка стала красавицей, на ней все чаще останавливали взгляды молодые щеголи. Вскоре она влюбилась в избалованного сына местного купчика.

— Береги себя, — тщетно твердила ей тетка. — Потому, доня, кто любит, тот часто и губит. А кто много ласкает, быстрей изменяет. Когда он целует тебя, его сердце уже с тобой прощается. Почитай вот книжечку «У неделю рано зилля копала» Ольги Кобылянской.

Анка книгу прочитала, поплакала, а на другое утро беззаботно сказала тетке:

---

* **Потека** — улица (*бесс.*).

— Я не «Туркиня», а он не Гриць! — и запела:

Ой, не ходи, Грицю, на вечорныци,
Бо на вечорныцях дивки чаривныци.

Прошло три месяца, Анка все чаще вздыхала, ее голубые глаза наливались порой синевой, и она тихо про себя напевала:

У недилю рано зилля копала,
В понедилок пополокала,
У вивторок зилля варыла,
В среду Грыця отруила.

А в среду вечером в «Дом моделей» ввалился полицейский и повел Анку в следственную тюрьму за покушение на убийство сына купца Дитулеску. Ее осудили бы на несколько лет, к счастью, нож, который она вонзила в своего любовника, не коснулся сердца. В тюрьме Анка родила мертвого ребенка. А вскоре в связи с вводом советских войск в Буковину, Анка была выпущена из заключения и уехала в село к отцу. Однако, отравленная городом, она уже не могла долго усидеть в селе. Жизнь казалась ей скучной и даже невыносимой и напоминала чем-то тюрьму, а строгие замечания огорченного отца походили на окрики тюремных надзирателей. Она вернулась в Черновицы и поселилась у подружки, с которой сидела в тюрьме, и жила словно в каком-то угаре.

Подослал ее к Олегу кривой шинкарь: уж очень захотелось ему заполучить фунты стерлингов, которые он заметил у щедрого «клиента».

— Человек он не наш, не понимаю, чего с ним Иван Бойчук связался. Деньги зашиты под подкладкой пиджака. Напоишь его и, когда уснет, бери пиджак и неси ко мне. И ничего не бойся. Держи! — И подал ей сумку с двумя бутылками цуйки и закусью.

Когда Чегодов подошел к ней и пытливо заглянул в глаза, в груди у Анки словно что-то оборвалось, а душа заполнилась до краев радостью. Она поняла, что в мирок, в котором жила, вошел принц из сказки, настоящий мужчина, сильный и властный.

— Откуда ты, прелестное дитя? — Он уверенно пожал ей руку и не отпускал. — Ого! Цуйка, закуска! Да еще из таких прелестных ручек!

Так Анка осталась жить на потеке Мализилор.

7

Приближался 1941 год. По Европе шагала война, побеждал фашизм; слепая вера в личность, в магическую силу фюрера превращала немцев в фанатиков. Германия_стояла на пороге новой, самой страшной войны.

А в Черновицах, на потеке Мализилор, все было тихо. Чегодов почти не выходил из дому, изучал польский язык. Анке удалось упросить милицию прописать ее в доме ответственной квартиросъемщицей. Другая одежда и усы, которые отпустили Чегодов и Бойчук, делали беглецов неузнаваемыми. Так, по крайней мере, им казалось.

Бойчук, опытный домушник, поскольку был не сезон, занялся карманным промыслом, и по мере того, как удлинялись у магазинов очереди, росли его доходы. И не только доходы. Появилась и целая пачка «ксив». Чегодов, проходивший «курс подделки документов» у Околова, доводил подходящие бумаги «до кондиции» и придумал себе и Бойчуку соответствующие легенды. Однако с этими «железными» легитимациями пойти в милицию они не решались.

«Сойдет в Карпатах снег,—думал поначалу Чегодов,—подамся в Румынию, а оттуда домой, в Югославию, нужно только уговорить Анку раздобыть пропуск в Красное, где живет ее отец. Поживу у него дня два-три, прослежу за патрулированием пограничников и перемахну через границу».

Но Анка будто прочла мысли своего возлюбленного и брать пропуск категорически отказалась. Что было делать? Уходить хотя бы на Львовщину, где вряд ли его станут искать? Но туда без пропуска попасть было невозможно. Вот и жди у моря погоды...

Пограничье на замке, охрана демаркационной линии между Буковиной и Львовщиной усилена. Оставалось одно — отсиживаться пока в Черновицах.

А тут за несколько дней до рождества, как на беду, пришел Бойчук, весь избитый.

На вопрос Чегодова, что случилось, он злобно ругался:

— Бисовы бандюги! Ти сами що з нами у камери сыдилы, втыклы на прогулянци. Малого, що ж нымы був, вбылы «при попытке». Зараз грозяться: «Тебе, Иван, ще пыку набьемо, а того твоего кореша замордуемо!»

— Они знают, где мы живем? — удивился Чегодов. — Тебя, случайно, не проследили?

— Здаэться, ни! — И Бойчук потрогал пальцами разбитые, вспухшие губы.

— Надо в аптеку сходить. Куплю йоду и борной. Примочки ему сделать,— заторопилась Анка, накидывая пальто.

— Осторожно, не наткнись по дороге на бандитов. А может, пойдем вместе? Ладно, шагай через соседний двор, — наставлял Чегодов, когда Анка будто ветер метнулась за дверь.

Чертыхаясь, Бойчук улегся на диван, положив примочку на заплывший глаз, и вскоре заснул.

Прошел час, но Анка не вернулась, «Может, ближняя аптека закрыта?» — забеспокоился Чегодов, поглядывая на «трофейные» часы.

Время тянулось мучительно медленно. Тревога нарастала. После четырех часов ожидания Олег решил: «С ней что-то случилось!» И, надев куртку, вышел из дома на крыльцо.

Сумерки уже охватили город, надвигалась ночь. Кругом было тихо. Тишина эта показалась Чегодову гнетущей, словно где-то близко притаилась опасность и поджидает его из засады. Ему стало жутко, и он невольно попятился к двери. «Трус! Боишься собственной тени! Возьми себя в руки. Девушка не испугалась, пошла». — «С ней они ничего не сделают, а тебя убьют!»— возразил в нем кто-то другой. «Не успокаивай себя, ее тоже не пощадят». И тут Олегу послышался стон, донесшийся откуда-то издалека.

Он схватил стоявший в углу сеней обрезок железной трубы и бросился во двор: крадучись, подошел к сплошному забору, отделявшему их двор от соседнего, где была выломана доска, к их «запасному выходу». Отодвинув доску, пролез на соседскую территорию и огляделся. Тишина была такая, что звенело в ушах. Дом смотрел на него темными глазницами окон. «Пойду-ка я по задам до угла, а там будет видно»,— и настороженно, все время оглядываясь и прислушиваясь, двинулся вперед, мимо глухих, безлюдных домов.

Наконец он выбрался на поперечную улицу и заторопился к аптеке.

— К вам девушка недавно не приходила за йодом и борной?

Пожилой аптекарь поднял на Чегодова глаза в пенсне и, улыбаясь, проговорил:

— Как же, приходила, голубоглазая с русыми косами. А что стряслось? Зачем ей йод, борная, бинты?

— Ерунда! Обойдемся.— Олег выскочил из помещения. Горячая волна ударила в голову. «Что-то с ней случилось! Не проводил, жаль!» — и щемящая боль легла на сердце. Потом его охватил гнев, позабыв осторожность, он побежал по улице. Олег увидел их недалеко от дома, у единственного на этой улице фонаря, и остановился. Их было шестеро. Оставив одного на стреме у калитки, они входили во двор.

«Убьют Ивана, сонным убьют, я даже двери не запер», — и, сжимая в руке обрез железной трубы, прижимаясь спиной к забору, он крался к калитке. Ни говора, ни топота ног не было слышно. Они тоже старались не шуметь. И дальше царит глубокая, напряженная тишина, словно ждет, чтоб взорваться, когда он кинется на стоящего бандита.

«Стремянщик» заметил его, когда до калитки оставалось каких-нибудь два шага, но сделать ничего не успел и рухнул с громким стоном на землю. Олег не слышал этого стона, ему казалось, что тот и не пикнул. Но бандиты, возясь у запертой двери, услыхали голос сообщника, всполошенно сбежали с крыльца и обнаружили Чегодова.

— Окружай его, гниду! Попался! — злобно прохрипел высокий детина, в котором Олег узнал «Рыжего» из КПЗ.— Павло,— приказал он кудлатому,— беги к калитке, а то уйдет.

Чегодов прислонился спиной к стене, чтобы не напали сзади. «Что с Бойчуком? Неужто убили? И где Анка? —молнией пронеслось в его мозгу.— А может, Иван спит? Ничего не слышит?»

И громко крикнул:

— Слушай, рыжий, сматывайся подобру, не то убью, как собаку! — И тут же почувствовал, что голос его звучит фальшиво.

Рыжий наклонился, схватил камень и швырнул его в свою жертву. Камень больно ударил Олега в плечо, и он едва не выронил из руки трубу. Все пять фигур рыскали по двору, чтобы подобрать булыжники.

В этот миг распахнулась дверь, на пороге появилась Анка, и тут же грянул выстрел.

Рыжий как-то скособочился и упал лицом вниз. Анка

выстрелила еще раз. Рыжий дернулся и засучил ногами, из горла вырвался крик. Бандиты кинулись к калитке, но Анка продолжала стрелять. Упал и пополз на карачках еще один. Его подхватили и поволокли с собой убегавшие. Двор опустел.

Анка кинулась к Чегодову.

— Слава богу! Слава деве Марии. Живой! — И зарыдала.

Подбежал Бойчук. Правая рука у него была перевязана.

— Надо утекать! — пришел в себя Чегодов. — Того и гляди нагрянет патруль, увидит этого, — он кивнул в сторону убитого. — А тебе, девочка, спасибо! Откуда у тебя пистолет?

— Шинкарь дал за твои двести фунтов. Буза что надо, маузер! Я ведь догадалась, что рыжий велит проследить Ивана. — И она, смахивая слезы, протянула Олегу пистолет. Он быстро осмотрел его, сунул в карман брюк.

— Хороша игрушка! — И спохватился: — Где же ты пропадала четыре часа?

— У меня с этими... свои счеты! Я тоже не люблю в долгу оставаться. Вот он и получил сливу! Куда уходить будем?

— Из миста треба сматываться. Айда до моей титки, вона фатова бабуся, — предложил Бойчук. — Житуха там буде хороша, декокту хватае, тилькы мабудь прийдется завьязаты. Ридно мисто...

Шли они задами. Утром были уже далеко за городом.

Направились в сторону Залещиков, на север. О переходе границы с Румынией нечего было и думать, опасно было даже к ней приближаться. Шли полями, лугами, перелесками. Потом весь день просидели в стоге соломы, а вечером свернули в лес. Декабрь давал о себе знать; шумел в кронах деревьев студеный сиверко, срывая с дубов последнюю листву, а на перевалах пронизывал путников насквозь, прерывая дыхание и не давая идти. После полуночи повалил снег. Продрогнув до костей, они начали разводить костер и греть «чай». «Заваркой» был леденец, случайно оказавшийся в сумке Анки. Они пили по очереди из котелка горячую воду, крякая от наслаждения.

«Такого вкусного чая вроде еще не пил!» — думал Чегодов.

— Добрый чай, смачный! — подмигнул Бойчук. — Такого ще не пыв.

Небо заволокло тучами, ветер приутих, снег падал густо и бесшумно. И если в прошлую ночь они шли, ориентируясь по звездам, то теперь приходилось положиться на интуицию Бойчука, который вел как проводник. И каждый раз, когда они останавливались, чтобы передохнуть, Чегодов по расположению крон деревьев, по моху и прочим признакам убеждался, что они идут точно на север.

К утру дотащились до какой-то деревни и забрались в овин, в самый дальний угол сеновала. Там улеглись и, прижавшись друг к другу, крепко заснули.

Олег проснулся, когда скрипнула дверь овина, и тихонько растолкал спутников.

— Мамо! Тут ктось був. Дывысь на дрьбыни слид, і парфумом пахне!

— Почкай сыну, зараз я пиднымусь, — и полезла по приставленной к люку лестнице на сеновал, огляделась, сбросила на пол две охапки сена.

— Нема тут никого, — и спустилась вниз.

«Какая оплошность, — рассердился на себя Олег, — я лез последний и не стер грязь с перекладин лестницы! И как этот мальчуган унюхал духи?»

— Мама, а учора не их шукалы москали?

— А бог их знайе! Сбырай, сынку, сино, и пидемо.

— А кого шукалы?

— Не знаю, роде!..

Дверь затворилась. Прошла минута.

— Это от тебя, Олег, духами пахнет? — хихикнула Анка и коснулась его пиджака.

Олег невольно вспомнил: «Господи! Почти год тому назад, собираясь на новогодний вечер, я надушил борт пиджака с обратной стороны настоящим английским «Шипром». Борт промок, и духи ожили. Какой стойкий запах!»

Так они лежали с полчаса, тихо перешептывались. И вдруг снова скрипнула дверь и раздался уже знакомый женский голос:

— Не лякайтесь, хлопци! Ось тут молоко и хлиб. Мабуть голодни. Тутычкы когось шукалы. Молоко ще парне. И ничего не бийтесь!

— Гарна жинка! — воскликнул Бойчук, когда снова закрылась дверь, и полез на четвереньках к люку.

На чурбаке у входа стоял большой кувшин с моло-

ком, рядом буханка хлеба и несколько толсто нарезанных ломтей сала.

Они шли опять всю ночь. Уже поздно утром подошли к Днестру в том месте, где в него впадает Серет.

— Зараз нам треба на той берег. Там дали э паром, але стойть варта, шлях його трафив, пытають, легитымации и пропуска. Мать йих так! — ворчал, стуча зубами от холода, Бойчук.

И они двинулись по высокому правому берегу реки вверх. Уже смеркалось, когда, изнемогая от усталости, замерзшие, неподалеку от Залещиков они увидели уткнувшуюся в берег лодку.

Но и здесь им не повезло. Лодка протекала, и, когда ее нос коснулся другого пологого берега, она была наполовину затоплена водой. Не разуваясь, они подхватили изнемогшую Анку под руки и из последних сил побежали в сторону Залещиков. Впрочем, им только казалось, что они бегут, на самом деле они еле перебирали ногами. Анна едва тащилась и, беспомощно глядя то на одного, то на другого, шептала:

— Я сама! Я сама!

У околицы все приободрились и двинулись к третьей с краю небольшой хате, белевшей в глубине двора, огороженного серым покосившимся забором.

Кинувшаяся к ним с лаем собака вдруг радостно завизжала, завиляла хвостом, а затем метнулась навстречу появившейся на крыльце пожилой женщине.

— Лышенько мое! Ивась! Выдкиля ты? И такый брудный! — Она обняла Бойчука. Потом повернулась к Олегу и Анке и, подозрительно на них глядя, процедила: — Здоровеньки булы и вы, панычу, и ты, дивчино! Айда в хату!

— А де дядько Петро? — заинтересовался Бойчук.

— Подався процюваты до Снятына. Шось там будують, чи що? Да заходьте, а я до сусида за самогоном пийду.

Ни банька, ни самогон не помогли, они все трое заболели. Тетка Параска оказалась предобрым существом. Она лечила их своим домашним способом, поила мятой и татарским «зиллячком» и выходила всех.

Слободка, где они жили, пользовалась дурной славой и называлась Злодийвкой. Была она на отшибе, далеко от проезжей дороги, и в эту зимнюю пору даже днем редко можно было увидеть прохожего. А по вечерам спозаранку гасли огни, все погружалось в густой

мрак и тишину, лишь изредка, то ли почуяв волка, то ли какого другого зверя, пришедшего за добычей, брехали и выли собаки.

На душе у Чегодова было тоскливо, и если бы не Анка, с которой он по настоянию хозяйки поселился «молодоженом» в светлице, не ее преданная и какая-то экзальтированная любовь, он, наверно, ушел бы куда глаза глядят. И еще: по вечерам Анка, пощипывая струны гитары, пела мелодичные украинские песни. Знала она их великое множество. И когда наступали сумерки, Олег ждал той минуты, когда, поужинав «чем бог послал», садились поближе к печке, в которой горели дрова, и Анка, чуть прищурясь, глядя в огонь, негромко и задушевно запевала. Первые звуки ее голоса были едва уловимы, словно доносились издалека, потом она переводила взгляд на него, и ее чуть надтреснутый, полный затаенной страсти, хватающий за сердце голос крепчал и ширился, а глаза мерцали манящим блеском.

Пели они и хором. Так и коротали долгие зимние вечера.

И наконец, провожаемые ласковой улыбкой Параски, уходили к себе в светличку и после жарких объятий и ласк, крепко обнявшись, засыпали молодым, здоровым сном.

Страстная, преданная и жертвенная любовь Анки увлекла и Олега. Он видел, как менялась эта молодая и неудачливая женщина, хорошела с каждым днем, становилась мягче, ласковей и, казалось, любила весь мир. В ней проснулся интерес ко всему, что волновало ее «коханого», и она жадно слушала и запоминала все то, что он ей рассказывал.

Зима в этом году в Залещиках выдалась на редкость снежная и студеная. Особенно морозно было у них, в долине Днестра. Морозно и ветрено. Свирепая поземка выдувала до полуночи из хаты все тепло. Приходилось вставать и не давать угаснуть огню в печке. Стало не хватать дров.

Бойчук с Олегом притащили на санках сухостою, благо лес рядом. Потом привезли соседке, одной, другой, третьей. А там уже каждый день ходили в лес по дрова для всей Злодийвки, получая взамен хлеб, сало, самогон, а то и деньги. Так и перезимовали. Незаметно подкралась весна, зазвенели ручейки, широко разлилась река, зазеленела травка, прилетели птицы, зацвели подснежники и фиалки. Под ярким солнцем на сырых лугах

распустились нежно-голубые, как бирюза, лепестки незабудки.

Как-то уже в конце мая Анка подбежала к работавшему в огороде Олегу и поманила его к себе.

— Мий коханочку! Ось тоби незабудка, — прошептала она, — щоб не забув!

Он понял, что это ворожба, что, когда дают незабудки своему суженому, девушка твердит про себя: «Вот синий цветочек, его зовут незабудкой. Положи его на сердце и думай обо мне». Он прижал букетик к груди и увидел, как в ее голубых глазах заблестели слезы.

— Из этих твоих слезинок тоже вырастут незабудки, такие же голубые и прекрасные, как твои глаза, — сказал он растроганно и подумал: «Бедная незабудочка, прилепилась ты к колючему перекати-полю, которое гонит ветром бог знает куда!»

А она прижалась к его груди и прошептала, опустив глаза:

— У нас будет сынок... — и метнула на него испуганный взгляд.

— А почему не дочка? — улыбнулся он, но предчувствие неминуемой беды легло ему на сердце...

* * *

А в мире нарастали грозные события. В апреле гитлеровцы напали на Югославию. Румыния примкнула к оси. Война шла совсем рядом.

В конце июня, после ожесточенного сопротивления небольшого воинского подразделения, которое в течение суток сдерживало натиск двух рот, немцы ворвались в Залещики. Глубокой ночью в их дом постучался раненый лейтенант. Его кое-как перевязали и уложили в светлице, с тем чтобы потом спрятать у соседа в хлеву, но до этого его следовало показать местному лекарю. Чегодов и Бойчук, убедившись, что бой кончился, пошли за лекарем.

— Немцы злые как черти, — заартачился фельдшер, — побили их тут много, сейчас рыщут по хатам, ищут раненых, многих пристреливают. Повесили нашего председателя. Звери какие-то! Боюсь сейчас идти! Загляну вечером. Куда он ранен?

— В живот.

Лекарь покачал головой и присвистнул.

— Ладно, пойдем. Поглядим, можно ли что сделать.

Спрятать его надо. Ненароком немцы обнаружат. — Фельдшер вышел во двор. — Не у вас ли? — прислушиваясь к выстрелам, спросил он.

У Олега екнуло сердце.

— Сейчас я сбегаю и погляжу, где там стреляют. — И кинулся задами по огородам к дому тетки Параски. Прежде чем зайти домой, постучал к соседу.

— Утикай, там всих постреляли! — притворив дверь, тихонько сказал тот: — Воны ще там! Фашисты! Убьють!

Сжимая пистолет, Олег, пригнувшись, прокрался вдоль плетня в свой двор, кинулся к хате и заглянул в окно светлички. На полу в луже крови лежал лейтенант. Он был мертв. В руках он сжимал автомат.

Олег пробрался к крыльцу. Сквозь распахнутую настежь дверь увидел, что в глубине горницы на земляном полу, раскинув руки, ничком лежит тетка Параска.

«Где Анка? — Он заглянул в запечье, окинул взглядом комнаты и выскочил на крыльцо. — Может, на чердаке?» — и тихо позвал:

— Анка!

Никто не откликнулся. И вдруг из глубины огорода, где стояла банька, раздался приглушенный женский крик.

Олег бросился через огород. Когда был уже совсем близко, жуткий вопль повторился, и тут же раздался грубый мужской смех. Олег рванул дверь в предбанник.

В баньке на лавке лежала распростертая Анка, над ней склонились три здоровенных немца.

Шум открывшейся двери, ворвавшийся сноп света заставил их обернуться. В глазах солдат отразилось удивление и возмущение, но только не страх. Никто из них не успел опомниться. Олег стрелял уверенно, как в цель. Выстрел — смерть! Выстрел — смерть! Выстрел — смерть!

Двое свалились сразу, третий сделал два шага и рухнул прямо под ноги Олегу. Пересилив тошноту, Олег переступил через корчившегося в агонии немца, подбежал к Анке и только теперь увидел, что ее обнаженное тело сплошь покрыто кровавыми ссадинами, синяками и ожогами. На него смотрели расширенные от ужаса и боли глаза. Потом, как-то странно скривив рот, Анка пролепетала, с трудом шевеля распухшими искусанными губами:

— Опоздал, мий коханый!

Олег вытащил из ножен у одного из немцев тесак и разрезал полосу холщовой рубахи, которой ее связали.

Анка села и бессмысленно уставилась в угол.

— Запизно, коханый! Запизно! — шептали ее губы.

Олег огляделся по сторонам в поисках ее одежды. Платье, все изорванное, валялось на полу вместе с затоптанным сапогами и окровавленным бельем.

— Посиди, родная, сейчас я принесу тебе что-нибудь из одежды. Надо уходить. Посиди и постарайся успокоиться. Постарайся, родная! — Он наклонился, поцеловал ее в лоб и побежал к дому.

Бойчук и лекарь стояли на крыльце, тупо глядя в глубь хаты. Лица их заливала бледность.

— Чего смотрите? Похоронить их надо. А с немцами я разделался. Анку, гады, мучили! — Он вбежал внутрь, отворил шкаф, схватил первое попавшееся платье. Потом подошел к комоду и начал рыться в белье. В этот момент донесся глухой выстрел. «Неужели опять немцы?» Олег опрометью бросился к бане.

Анка сидела на том же месте, прислонившись к стене, голова ее была запрокинута, кровь струйкой стекала с виска по щеке и капала на голую грудь, рядом на лавке лежал пистолет. Глаза ее еще жили, но из них уже уходило тепло. «Ах, незабудки мои», — прошептал Олег и заплакал...

Всех троих они похоронили за огородом и банькой, на бугорке, где часто сидели с Анкой, любуясь красавцем Днестром, дубами на том берегу и зелеными лугами. Над их общей могилой наспех водрузили крест: две доски, одна вдоль, другая поперек, подлинней и покороче, связав их полотняной полосой Анкиной рубашки.

— Ось, немов и усе! — Бойчук перекрестился. — А зараз, хлопци, треба втикаты, ненароком нимци заявлються! — и вопросительно поглядел на Чегодова.

— Погоди!

Олег спустился с пригорка в балку, нарвал там букетик незабудок и, поднявшись, положил на могилу. — Есть предание, и я верю в него, — горестно сказал он, — незабудки обладают волшебным свойством закалять сталь. Для этого докрасна раскаленный стальной клинок охлаждают в их соке, и лезвие его будет резать даже точильный камень. Слышал я, будто бы так готовят знаменитые толедские и дамасские клинки. — Олег помолчал. — Так вот, пусть сок незабудок закалит крепче стали нашу память о здесь содеянном. Поклянемся,

что никогда этого не забудем! Поклянемся, что будем карающей сталью! Они это слышат! — И указал пальцем в сторону могилы.

— Клянусь! — глухо и торопливо произнес Бойчук.

— И я теж! — прошептал лекарь.

— Клянусь! — строго заключил Олег и удивленно посмотрел на лекаря. Бойчук открыл было рот, чтобы что-то объяснить, но лекарь поднял руку и твердо и внятно произнес:

— Клянусь! Я, честный человек, буду дамасской саблей! Толедским клинком!..

Захватив с собой обмундирование, документы и оружие немцев, они подожгли баньку, потом зашли попрощаться «з ридной хатою», набрали побольше харчу и навсегда покинули милую их сердцу Злодийвку.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

БЕЛГРАД В ОГНЕ И КРОВИ

...Только человек есть чудо из чудес:
Захочет — он как бог,
захочет — он как бес.

А. Силезиус

1

Конец марта 1941 года в Белграде выдался на редкость солнечным и теплым. На деревьях лопались почки, зеленели газоны, весело чирикали воробьи; Дунай и Сава после ледохода вошли в свои берега. Небо стало синим, прозрачным. Все живое с ликованием встречало весну.

Алексей Хованский неторопливо шел вдоль пристани к знакомому ресторану «У островитянина», смотрел на мутные воды Савы и невольно вспоминал свое «купанье» под баржей. У порога его встретил хозяин и, пожимая руку, заговорил:

— Пойдемте через черный ход, товарищ Алекса. В зале собрались офицеры, не надо, чтоб вас видели. У них тайная сходка. Не велели никого пускать. Сами понимаете, союз «Черная рука» запрещен. Аркаша Попов сказал: «Пусть товарищ Алекса послушает, что нас, офицеров, волнует». Пойдемте. — И Драгутин повел его

в соседний с «офицерским залом» кабинет и усадил за накрытый стол.

Алексей знал, что, несмотря на запрет, в югославской армии — в офицерском составе — наметились еще в начале века два течения. Высшие чины входили в тайный союз под названием «Белая рука». Объединившись с некоторыми правыми политическими деятелями, они поддерживали короля Александра вне зависимости от того, какую политику он вел и какую поддерживал дворцовую камарилью. Союз «Черная рука», или «Воссоединение или смерть!», душой которого был в свое время Димитриевич, знаменитый Апис, который с группой молодых офицеров возвел в 1903 году на престол короля Петра Карагеоргиевича. Апис, организовавший убийство эрцгерцога Франца Фердинанда, Апис, выкравший план австро-венгерского наступления на Сербию, — такой Апис импонировал и сейчас молодым офицерам-сербам. Апис был расстрелян с санкции Александра, сына короля Петра, и союз распался. Однако в умах молодого офицерства идея югославской «твердыни» никогда не угасала. Они понимали, что агрессивные действия оси Германия — Италия — Япония серьезно угрожают Сербии, компромиссная политика принца Павла глубоко возмущала югославских военных.

Кое-кто из младших офицеров вошел в контакт с КПЮ *, а некоторые даже вступили в ряды этой партии.

Ховански сел за стол возле заделанного фанерой и заклеенного обоями оконца, служившего, видимо, раньше для подачи гостям блюд из кухни. Напротив устроился Драгутин и, ткнув пальцем в сторону ниши, вполголоса сказал:

— Послушаем, зачем нас пригласил сюда Аркаша.

— Все время так было? — поглядывая на нишу, спросил Алексей.

— Нет. Тут обычно висит ковер. Вон он в углу.

Из соседнего зала доносились громкие голоса. Потом кто-то шикнул и, когда все умолкли, объявил:

— Сейчас выступит капитан Джордже Шантич.

— Господа! — громким басом подавляя шум, начал Шантич. — Вспомните чреватый для Югославии тысяча девятьсот тридцать седьмой год. Демонстрации в связи с приездами к нам министров иностранных дел, сначала итальянца Чиано, потом немца Нейрата; демонстрации

---

* Коммунистическая партия Югославии.

протеста в связи с подписанием конкордата * и с отравлением патриарха Варнавы **. Вспомните загадочную смерть генерала Воислава Томича. Тогда, господа, на улицы вышли не только студенты, но и рабочие, и четники, и наша интеллигенция.

— И коммунисты! — громко добавил, судя по голосу, Аркадий Попов. — В ряде городов вчера и сегодня выходили на демонстрацию рабочие и студенты...

— Погоди, Аркадий, — прервал его прежний оратор. — Господа офицеры, сейчас нужны решительные действия. Одними демонстрациями не поможешь! Необходим переворот! Да! Переворот! Так поклянемся же бороться за честь и достоинство Югославии! Наш девиз: «Объединение или смерть!».

— Объединение или смерть! — дружно рявкнули собравшиеся.

— Господа! — продолжал Шантич, — Правительство Цветковича — Мачека решило присоединиться к Тройственному пакту ***, четвертого марта принц-регент тайно посетил Гитлера в Берхтесгадене, и тот потребовал, чтобы в случае войны Югославия участвовала на стороне сил оси. Мы, сербы, никогда на это не пойдем. У нас есть верные союзники, мало того, мы любим Россию и считаем ее исконным защитником славян. Политика же принца Павла ведет к капитуляции. Сегодня, двадцать пятого марта, в Вене подписан этот позорный договор. Не выйдет! Лучше умереть, чем стать сателлитом грязного фашизма!..

— Объединение или смерть! Долой фашизм! К черту Цветковича и Мачека! Да здравствует Советский Союз! Наша мать Россия! — кричали офицеры.

— Коммунистическая партия Югославии выпустила воззвание. Вот оно! Низвергнем правительство и станем на защиту чести и свободы. Партия обращается к рабочим, крестьянам, интеллигенции... — прозвучал чей-то молодой, звонкий голос.

— Тиша, господа! — пробасил Шантич. — Подни-

* Конкордат — договор между светскими и духовными властями относительно церковных дел. Здесь речь идет о соглашении римского папы с правительством.

** Патриарх сербский Варнава (1880—1937); его внезапную смерть связывают с борьбой, которую он открыто вел против конкордата.

*** Пакт трех держав: Германии, Италии, Японии — подписанный 27 сентября 1940 года; 20 ноября 1940 года к пакту присоединилась Венгрия; 23 ноября — Румыния.

мается народ. Завтра люди выйдут на демонстрацию под лозунгом: «Лучше война, чем пакт!» Нам, офицерам-летчикам, предстоит выполнить ради блага нашей отчизны тяжелый долг: свергнуть регента Павла и его правительство. Председателем совета министров должен стать наш главнокомандующий военно-воздушными силами бригадный генерал Душан Симович. Да здравствует генерал Душан Симович!

— Живио! Живио! — закричали собравшиеся.

— Да здравствует его величество король Петр Второй! — громоподобным басом закончил Шантич.

— Коммунисты к этому не призывают, — покрывая жиденькое «живио», громко прозвучал уже знакомый молодой звонкий голос.

— Тише, господа! Завтра из казарм не выходить. Будьте готовы ко всему и проведите беседы с солдатами. А сейчас расходимся, — закончил Шантич.

— Значит, дворцовый переворот. Только и всего, — поднимаясь из-за стола и направляясь в угол за ковром, заметил с кислым видом Драгутин. — Это нас не спасет. Югославия остается в окружении врагов.

— Не спасет, — согласился Хованский. — Коммунисты еще недостаточно сильны, чтобы взять власть в свои руки. Сам понимаешь, страна разрывается внутренними противоречиями, — продолжал Алексей и подумал: «Серьезного сопротивления Югославия оказать немцам не сможет, слишком неравны силы. А Гитлер, конечно, не захочет иметь у себя за спиной весьма и весьма неприятельски настроенное государство. Он взбесится, будет жестоко мстить. К тому же ему нужен новый «блицкриг», новое торжество «третьего рейха». Тысячи шпионов, фольксдойчи, сепаратисты, фашистские прихвостни вроде летичевцев *, белоэмигрантские союзы, как НТСНП, общества, братства, станицы... А мне предстоит срочно организовать еще две-три конспиративные квартиры; реализовать деньги, динар ничего не будет стоить. Выходить на связь со Стамбулом как можно реже — у немцев отличные пеленгаторы. Надо позаботиться о том, чтобы наши ребята сразу же могли перейти на нелегальное положение, и не забывать о Берендсе. Генеральный директор фирмы «Сименс» сидит в Гамбурге и наверняка наладит со мной связь. Трудиться придется не покладая рук, а здоровье уже не то...»

* Летичевцы — профашистская сербская организация под названием «Збор».

— Расходятся... Сейчас Аркадий придет сюда, — поглядывая на задумавшегося Алексея, предупредил Драгутин. — Помогите повесить ковер.

— Здравствуйте, Алексей Алексеевич! — широко осклабясь и одергивая свой майорский мундир, поздоровался Аркадий Попов, крепко пожимая Алексею руку. — Ну, что скажете? Готовим переворот. Здорово?

— Не очень, Аркаша! Не очень. Опоздали. Не вы, англичане опоздали! Сначала проворонили Румынию. Теперь там уже стоит тридцать гитлеровских дивизий. Потом подарили немцам Болгарию. Туда тоже введены немецкие войска. Перевороты должны были произойти одновременно и в Югославии, и в Болгарии. В Болгарии сейчас действуют Крестьянская партия, офицерская группа «Звено» и протогеровисты *. А здесь, как тебе известно, возродившиеся «Черная рука», «Белая рука» и некоторые вожаки оппозиционных партий. Случись переворот раньше, обстановка на Балканах была бы иной. Вот так-то.

— Да, если еще принять во внимание греков! Бьют ведь они итальяшек. Но как же обмишурился коварный Альбион?

— Некий молодой человек, сын министра из кабинета Черчилля, Юлиан Эмери... — начал было Хованский, но Аркадий перебил его:

— Помню! Вы мне его показывали в ресторане «Сербский краль», сидел с Джоновичем, нашим послом в Тиране. Простите, перебил...

— Кстати, Джонович был близким другом Аписа. А познакомились Эмери с Джоновичем в тридцать девятом году, когда готовили переориентацию в Албании. Как тебе известно, сначала президентом, потом королем Албании был Зогу. Его посадили на власть в двадцать четвертом году, разумеется, не без помощи той же Англии и казачьих частей белогвардейского генерала Улагая, того самого, что возглавлял рейд на Кубань в двадцатом. Кстати, в этом рейде участвовал и твой названый отец генерал Кучеров... Зогу доверия не оправдал, потому и готовили переворот; тогда король вступил с Муссолини в конфликт, в результате итальянские войска оккупировали Албанию...

— Все на свете вы знаете, Алексей Алексеевич!

— Как не знать, Аркаша! И что происходит вокруг

---

* Протогеровисты — последователи профашистского болгарского генерала Протогерова Александра.

тебя, и что может произойти. Такова первая задача разведчика. Так вот, Джонович убедил Эмери в том (а убедить было не так уж трудно, Юлиану был всего двадцать один год), что народы Югославии симпатизируют своим бывшим союзникам и готовы подняться против ненавистного фашизма, что принц Павел хоть и англоман, но человек нерешительный, в стране непопулярный и до того идет на поводу у пронемецких элементов и так боится фашистов, что готов стать подручным Германии. Переговоры эти тянутся с июня сорокового года. Как раз, когда Югославия установила дипломатические отношения с Советским Союзом.

— А почему старый Джонович связался с мальчишкой?

— Он понимал, что за спиной Юлиана стоял его отец, старый Эмери, а может быть, и сам Черчилль. И потому запомни, Аркадий, когда ты имеешь с кем-нибудь дело, прежде всего думай, кто стоит за спиной этого человека.

— А кто стоит за вашей спиной?

— Партия, дорогой Аркаша, ВКП(б)!

— Точно! Покрепче Черчилля! — И Попов широко улыбнулся.

— Дело в том, что старый Эмери во время первой мировой войны был в Салониках и считался «знатоком и другом сербов», потому Джонович и рассчитывал на поддержку в правительственных кругах Великобритании. Речь шла об объединении южных славян от Адриатического до Черного морей. Это были сны Аписа и «Черной руки». Но Лондон, сам понимаешь, смотрел на эту идею, особенно на переворот, отрицательно, опасаясь, что возрастет влияние России. Тем не менее порекомендовал Юлиану Эмери поддерживать связь с заговорщиками и узнать, каковы их силы и на кого они еще рассчитывают. Эмери встретился с рядом видных политических деятелей оппозиции Югославии и сделал вывод, что переворот необходим, если Великобритания хочет сохранить союзником Югославию.

— Хорошо бы после переворота заключить крепкий союз с Советской Россией, — заметил Драгутин. — Но я не очень-то верю вашим генералам.

Аркадий пожал плечами и только почесал затылок.

— Казалось бы, единственный выход. Тут нужно ковать железо пока горячо, Гитлер ждать не будет. Не такой дурак. Все зависит от оперативности и реши-

тельности югославских генералов, — заметил Алексей Хованский. — Боюсь, что уже поздно.

— Югославские генералы боятся коммунистов. Если заключить союз с СССР, то придется КПЮ признать легальной. А нам, коммунистам, одним не справиться. — И Аркадий махнул рукой.

— Да, все кончится в считанные недели, а может быть, и дни. Тебя, Аркадий, как офицера, скорее всего возьмут в плен. Потому запомни: ты нужен своей новообретенной родине и тому делу, которому служишь. Послушай моего совета, посмотри на вещи здраво. Надо сохранить себя для дальнейшей борьбы. Когда все кончится, переходи на нелегальное положение. Заранее обзаведись надежным документом и квартирой, где тебя будут знать не как югославского офицера, а как русского эмигранта.

Попов странно посмотрел на Хованского и нахмурился.

— Что, не нравится предложение?

— Не очень. Мы, летчики, принимаем первый удар. Шансов выжить маловато, да и... честней, как говорится, не со щитом, а на щите!

— Смерть, Аркадий, это уже поражение. Остаться живым и бороться в подполье сложней, и смерть там противней... пытки, тюрьма, расстрел или повешение...

Аркадий Попов упрямо смотрел куда-то в темное окно.

— И вам, Драгутин, следует позаботиться о себе и о дочери Зорице, — продолжал Хованский, обернувшись к стоявшему у стола хозяину «Островитянина». — Узнают оккупанты, что здесь собирались офицеры — заговорщики и коммунисты, никого не пощадят.

— Спасибо, товарищ Алекса, за совет. Но время еще терпит.

— Нет, не терпит! — Хованский похлопал Драгутина по плечу и подумал: «Благородные, смелые люди. Трудно им будет. Многие погибнут!»

2

В ночь с 26 на 27 марта 1941 года в Югославии произошел государственный переворот. Наместник, принц Павел, был низвергнут. На престол возвели несовершеннолетнего короля Петра II.

Председателем совета министров стал Душан Симо-

вич, главнокомандующий военно-воздушных сил страны.

30 марта КПЮ потребовала отмены антинародных законов, предоставления политических свобод, полной амнистии всем политзаключенным, отдачи под суд профашистских деятелей и чистки государственного аппарата.

5 апреля в Москве был подписан Договор о дружбе и ненападении между Советским Союзом и Югославией. Статья 2-я этого договора гласила, что в случае, если одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны третьего государства, то другая договаривающаяся сторона обязуется соблюдать политику дружественных с ней отношений.

6 апреля началась бомбардировка Белграда, хотя югославское правительство за несколько дней до этого объявило его открытым городом. Одновременно немецкие, итальянские, венгерские и болгарские войска пересекли югославские границы.

* * *

Алексей Хованский проснулся от грохота взрывов. Вскочив с постели, он подошел к окну и отодвинул портьеру. Солнце уже встало. Было без двадцати девяти минут семь. «Все-таки бомбят! Значит, в час ночи не напрасно подняли воздушную тревогу», — думал Алексей, слушая рев пароходных гудков и сирен на пристани, звон колоколов соборной церкви, вой сирен и рокот моторов, прерываемый резким свистом летящих бомб и громким буханьем зениток. — Вот и заканчивается передышка, уходит чувство локтя. Наше посольство, конечно, скоро будет эвакуировано».

Когда в июне 1940 года были установлены дипломатические отношения между Советским Союзом и Югославией, на улицах Белграда появились первые советские люди; захандривший было после убийства «хозяина» Абросимовича Хованский воспрянул духом. Неважно, что он с людьми из дипломатического корпуса не встречается. Достаточно пройти мимо здания советского посольства, поглядеть на развевающийся красный флаг, и на душе становится тепло и появляется уверенность.

Советское посольство предупреждало Симовича, что на границе Югославии сосредоточено двадцать четыре немецких дивизии, из них семь бронетанковых и три мо-

торизованных; двадцать три итальянских дивизии и пять венгерских. Две тысячи триста двадцать самолетов. И в Австрии как резерв стоят три бронетанковых и одна моторизованная дивизии. Но какой прок в предупреждении? Что могут сделать югославы?

Советское правительство еще в ноябре сорокового года предлагало вооружить всем необходимым югославскую армию. Как бы сейчас пригодились здесь шестьсот советских самолетов, триста танков, противотанковые пушки и зенитки! Кто виноват, что это предложение тут же стало известно Гитлеру, который в своем выступлении сразу же заявил, что «подобный акт является враждебным» по отношению к Германии.

Кто виноват в том, что немецкой разведке тотчас стало известно и о том, что ночью с тридцать первого марта на первое апреля генералу Симовичу было вручено согласие Молотова и предложение немедленно направить делегацию в СССР?

Алексей Хованский расхаживал по комнате. Он не занимался шпионажем против Югославии. За пятнадцать лет пребывания здесь он привык к укладу жизни, к природе этой страны, полюбил ее мужественный народ и глубоко переживал то, что случилось. Он работал здесь среди белоэмигрантов, преимущественно с молодежью, и особенно старался проникнуть в оголтелую и самую целеустремленную и злобную организацию, именуемую «Национально-трудовой союз нового поколения» засылавшую на Родину, в Советский Союз, своих эмиссаров. К ним он тоже относился по-разному: вожаков считал прохвостами и прожженными бестиями, а «массы» заблудшими овцами, слабыми людьми, польстившимися на «легкую» (ой, далеко не легкую!) жизнь «рыцарей плаща и кинжала», озлобленными и слепыми. Он выбирал из них лучших и привлекал на свою сторону, старался пробудить в них подлинную любовь к Родине, уважение к существующему там строю.

Он поверил в Олега Чегодова. Вспоминая о нем, Алексей задавал себе вопрос: «Что случилось с Олегом? Где он сейчас?» После сообщения, что Чегодов согласно рапорту капитана Сергеева чуть было не провалил его сигуранце, пришла новая шифровка от «Графа», в которой говорилось, что, прибыв на территорию Бессарабии, Чегодов в Кишиневский отдел НКВД не явился, нелегально прожил несколько месяцев и был задержан советскими пограничниками при попытке перехода гра-

ницы. Его поведение в КПЗ, отказ давать показания и, наконец, бегство из заключения с уголовником и то, что, несмотря на все предпринятые меры, Чегодова обнаружить не удалось, заставляют думать, что он либо завербован сигуранцей, либо с самого начала был провокатором и теперь нашел связь в Бессарабии или на Буковине с глубоко законспирированной группой энтээсовцев.

«Граф» писал: «Принимая во внимание напряженное положение на Балканах, заменить вас не можем. При вербовке молодых людей, особенно дворянского происхождения, учитывайте их классовую ненависть ко всему пролетарскому...»

«А так называемая «белогвардейская сволочь», — думал Алексей, — как называл «Граф» эмигрантов, — просто «остатки разбитого вдребезги».

Однако поведение Чегодова не поддавалось объяснению. Никак не верилось в двурушничество Олега. Появлявшиеся изредка в Югославии советские люди рассказывали Алексею о периоде раскулачивания, о том, что иногда ретивые областные начальники спускали в районы цифры-нормы кулаков, подлежащих «потрошению», какая-то случайная тройка определяла, кому жить, а кому и не жить. Может, Олег столкнулся с кем-то из таких ретивых чиновников... Алексей понимал, что на Родине немало всяких трудностей и с жильем, и с оплатой, но в сообщения буржуазной пропаганды с ее утрированными фактами и злорадной фантазией о ломке старых укладов, обычаев и традиций он не верил. В нем жила убежденность в нравственности своего народа, в его достоинстве, в уважении к великому прошлому, и лишь иногда возникали мысли о том, что чистое, святое дело Ленина могут замарать грязные руки проходимцев, примазавшихся к революции. Неужто Чегодов душою не принял новую жизнь? И где он сейчас? Сообщения о событиях тридцать седьмого года Алексей принял болезненно, хотя и понимал их закономерность. Не мог он не сопоставлять путь России к свободе с путями других народов, не мог не знать громких слов, трескучих фраз, беззастенчивую ложь, которые возводили против своих народов правящие классы. И вот немецкие, итальянские, румынские фашисты действуют по старым, только еще более наглым рецептам лжи, грабежа, убийств, упорно вдалбливая своему населению бредовые идеи о белокурой бестии; абракадабру о «Вельтайслере» — вечном

космическом льде, — о том, что общественные науки должны сводиться лишь к обоснованию и подтверждению того, что нечто иррациональным путем открылось одному «сверхчеловеку». Нет, культ силы, от кого бы то он ни исходил, обязательно встретит противодействие.

«Сумеет ли Олег Чегодов понять все, что делается в его великом Отечестве?» — подумал Хованский.

Он подошел к окну. Прислушался. Взрывы вроде бы утихли. И тут вдруг раздался звонок. Открыв дверь, Алексей увидел Буйницкого. Хованский знал, что Буйницкий рано по утрам ради заработка развозит на велосипеде молоко и одновременно служит связным группы, сколоченной Алексеем из верных людей — энтээсовцев.

— Доброго утра, Алексей Алексеевич! Чертовы немцы, разбомбили Теразию. Ни проехать, ни пройти. Все горит. Уйму народу побили, сволочи. Уйму! Я как раз там проезжал. Страшновато. Как вы тут?

— Как видишь, дом покуда цел, я тоже. Первая бомбежка — начало. Гитлер мстит за двадцать седьмое марта. Если можешь, вывези свою семью куда-нибудь.

— Некуда, дорогой Алексей Алексеевич! У меня куча ребятишек.

— Ну, смотри. Если надо, помогу уехать. Поговори с женой, нельзя подвергать опасности детей. Поезжай домой. Сейчас я выйду, а часам к трем буду тебя ждать. Постарайся ее убедить.

— Лады. До скорого! Давайте только налью молока. И спасибо вам!

Проводив Буйницкого, Алексей тоже отправился в город. Увидел, как дымились на Теразии и на Кнез Михайловской улице черные скелеты домов. Кое-где еще горело. Всюду толпился народ, у всех на устах было слово: «рат» — война! Женщины произносили это слово со страхом, словно видели своих сыновей, мужей и братьев уже под пулями. Пожилые мужчины — серьезно и жестко, а молодежь — задорно, со сверкающими глазами.

Война! Алексей Хованский понимал: Гитлер обеспечивает себе тылы, чтобы в недалеком будущем безбоязненно двинуть свои черные полчища на восток.

Проходя мимо фирмы, где работал, Хованский посмотрел на табличку «закрыто» и вспомнил, как два дня назад, в день отъезда, его хозяин, директор английского акционерного общества «Сименс» в Югославии,

выплатил ему жалованье за полгода вперед и, взяв под руку, хитровато произнес:

— Я знаю вас, господин Алексис, и уважаю как делового человека и джентльмена. У вас подлинно английский характер, вы точны, аккуратны, исполнительны, поначалу ваш здравый взгляд на вещи и железную логику я принимал за упрямство... Прежде чем с вами расстаться, хочу дать добрый совет. Уезжайте на недельку-другую куда-нибудь из Белграда. Я ничего не могу вам сказать, но это очень серьезно! — Он поднял высоко палец и кому-то погрозил.

— Мне некуда ехать, господин директор. Время сейчас тревожное. Все заражены шпиономанией, лучше сидеть дома...

— Ах, господин Алексис! Я хорошо к вам отношусь и хочу, поймите, еще поработать с вами после войны... — Он вынул блокнот и что-то в нем записал. — Запомните адрес, у вас хорошая память: Стара Пазова, улица Любишина, 9, Арсо Йованович. Это богатый свиноторговец, порядочный человек. В разговоры с ним не вступайте. Сегодня вечером, в крайнем случае, завтра утром поезжайте к нему и, разумеется, наедине передайте ему вот эту записку.

— Благодарю вас, сэр, я постараюсь воспользоваться вашим любезным предложением, но еще не знаю, смогу ли уехать завтра. У меня куча неотложных дел. А можно ли воспользоваться вашей запиской дня через три-четыре? — Алексей глянул на записку — на листке была написана только одна буква К с длинной закорючкой — и подумал: «Все же я был прав, предполагая в нем английского разведчика».

— Год дем! * Через три-четыре дня записка эта может вам уже не понадобиться, — вспылил директор. — Я ведь ясно вам сказал: уезжайте сегодня или завтра утром! Хотя бы на недельку. А насчет фирмы, как договорились, вы являетесь сейчас главным ее представителем. Старайтесь по мере возможности придержать товары. События, друг мой, надвигаются... как говорят в библии, «не веси ни дня, ни часа»...

«Значит, Меррилиз знал о том, что немцы будут бомбить Белград шестого, и таинственная буква К своего рода пароль. Надо будет им воспользоваться: пошлю-ка туда Буйницкого с семьей. Но почему англичане

* Проклятье! *(англ.)*.

не предупредили генерала Симовича, что шестого апреля будут бомбить Белград?»

Наполненный раздумьями, Хованский неторопливо шел по улице Белграда.

3

2 апреля утром на частную квартиру полковника Углешы Поповича, начальника секретной службы генерального штаба Югославии, к его немалому удивлению, позвонил по телефону посол Венгрии барон Георг Баках Бесеньи и пригласил заехать. Зная, что иностранным послам запрещено непосредственно общаться с офицерами, а тем более с начальником разведывательной службы, Углеша Попович понял, что произошло нечто чрезвычайное.

Одевшись в штатское, он поспешил в венгерское посольство и прошел без доклада в частные апартаменты посла Венгрии.

— Я подвергаюсь опасности, — предупредил его барон, — встречаясь с вами. Но вы единственный человек, которому я могу доверить это страшное известие. — Барон нервно прошелся по комнате, потом приблизился вплотную к полковнику, взял его под руку и подвел к окну. — Вы сами понимаете, в каком окружении я нахожусь, — продолжал тихо посол. — Мне стыдно признаться, что вопреки заключенному с Югославией договору наши войска вместе с немцами, итальянцами и румынами пятого или шестого, в эту субботу или воскресенье, перейдут границы Югославии. Шестого же, на рассвете, авиация Геринга будет бомбить Белград.

Углеша Попович схватил невольно посла за руку и заглянул ему в глаза.

— У вас не должно быть причины сомневаться в моих добрых намерениях и в точности моих сведений. Я всегда относился к вашему народу с симпатией и считаю, что наше будущее взаимосвязано, и поэтому хочу как-то помочь Югославии. А теперь прощайте! — И пожал ему руку.

— Прощайте, барон, и верьте, что народы Югославии не забудут, что в самые трудные дни нашли в вас друга, — проговорил Углеша Попович.

— Чувствую, что победа будет не на нашей стороне. Пусть бог хранит Венгрию и будут прокляты те, кто толкает ее в пропасть, — как бы про себя заме-

тил Георг Баках Бесеньи, и глаза его наполнились слезами.

Убежденный в том, что посол Венгрии говорил правду, Углеша Попович поспешил к начальнику генерального штаба, генералу армии Петру Косичу. По дороге Попович вспомнил, как был у генерала в феврале и положил перед ним на стол немецкий план нападения на Югославию под кодовым названием «Резерват 1830», который ему передал шеф Интеллидженс сервис на Балканах Роберт Летрбич, и как Косич высмеял его, назвав фантазером и паникером.

Углеша Попович не знал, хотя и был начальником секретной службы генштаба, что генерал Косич — немецкий шпион. И все-таки, когда Косич заявил насмешливо, что полковник поддался очередной провокации, Углеша, недолго думая, отправился к Симовичу. Председателя совета министров уже неоднократно предупреждали о нападении немцев на Югославию, предупреждали и английское, и американское, и советское представительства, и, наконец, югославская разведка.

Человек больше всего боится показать себя трусом, особенно военный, да еще генерал, занявший пост председателя совета министров! На этом срывались люди и поумней! Выслушав Углешу Поповича, Симович назвал заявление посла и полученное донесение военного атташе Югославии в Будапеште провокацией. Он объяснил Поповичу, что нельзя раздражать Гитлера, дать повод Германии начать военные действия.

— Я уже объявил Белград открытым городом, — Симович потряс рукой в воздухе, — а на шестое апреля назначаю свадьбу своей дочери, потому что убежден: никакой бомбежки не будет. — И холодно поклонился.

* * *

В два часа дня снова завыли сирены, загудели у причалов пароходы — начался новый налет авиации. Алексей как раз подходил к своему дому. Это было трехэтажное, узкое, словно сплющенное двумя небоскребами здание, на углу Кнеза Милоша и Бирчаниновой улиц, с одной квартирой на каждом этаже. Алексей жил на третьем. Четыре комнаты, кухня, ванная, чулан с потайной дверью, выходящей на балкон, скрытый со стороны улицы углом дома, а со двора гребнем крыши двухэтажного строения. С балкона можно было спус-

титься на эту крышу соседнего дома-пристройки, проникнуть через люк на чердак, а оттуда сойти по лестнице во двор.

На втором этаже этого строения жил служащий фирмы «Сименс», русский эмигрант, член НТСНП Граков, на первом была мастерская и квартира его товарища и тоже члена НТСНП Черемисова. При всей их непохожести это были давно испытанные и проверенные Алексеем люди. Александр Граков с юных лет сохранил кличку «Грак»; художественная натура сатирического склада, он таскал повсюду в одном кармане блокнот, в другом — цветные карандаши. Появляясь в любом месте, обычно в спортивном костюме, в гольфах, он раскуривал трубку и, поддерживая сквозь зубы беседу, открывал блокнот и начинал рисовать портрет собеседника, иногда изображая его смешной карикатурой. Человек с острым умом, знающий европейские языки, Граков был ценным помощником Хованского, он мог быть «своим парнем» в любой среде. Георгий Черемисов, хотя и не отличался ни талантом, ни красотой — смуглый брюнет среднего роста, с крючковатым носом, с маленькими карими глазами и высоким лбом, — был физически крепок и внешне очень обаятелен. Поверив однажды в Хованского, он стал ему настоящим другом. Его дядя, известный донской генерал Черемисов, во время гражданской войны командовал дивизией и потому не препятствовал племяннику вступить в ряды Добровольческой армии. Георгий воевал в отряде героя и пионера белого движения полковника Чернецова, потом у Корнилова, Деникина и, наконец, Врангеля. Дважды был ранен и получил два Георгиевских креста.

Недоучившийся однокашник Олега Чегодова по кадетскому корпусу, круглый сирота, волею судьбы попав в Югославию, Жора Черемисов, поработав в мастерской, получил квалификацию лудильщика, при содействии Алексея открыл паяльную мастерскую и вскоре стал одним из самых надежных и верных помощников Алексея. Правда, у Жоры была слабинка, от которой он не мог и не хотел избавиться: в субботу, после обеда, он часто в одиночку или в компании отдавал дань Бахусу, а после второй или третьей рюмки начинал под гитару петь. При слишком большой дозе хмеля он впадал в меланхолию и отдавался грустным донским песням, периодически произнося: «Кости мои по Родине плачут», или: «На Руси не все караси, есть и ерши», или:

«Всякому мила своя сторона»... И заканчивал: «Карамба!».

На концерт приходили жильцы-соседи из «большого дома». «Добар майстор, наш Джордже, али йош лепший певач!» — говорили они.

Алексей считал такую популярность мастера Джорджа полезной: никому и в голову не придет, что «радня» лишь нечто вроде прихожей в явочную квартиру. В люстре, переделанной из старинного газового рожка, был вмонтирован микрофон, и Алексей при помощи наушников мог слышать все, что происходило в мастерской. Такое же устройство было и в кабинете — он же служил гостиной и студией — на втором этаже у Александра Гракова.

Все было искусно скрыто даже для весьма опытного глаза.

Черемисов, мастеривший что-то за рабочим столом, услышав звякнувший над дверью колокольчик, оглянулся.

— Здравствуйте, Алексей Алексеевич! Не боитесь ходить под бомбами? — кивнул в сторону улицы. — Чертяка немец не шутит! Сижу и скучаю. Шурка Граков еще вчера в Земун уехал. Карамба!

— Меня-то бомбежка застала на улице, а вы почему не отсиживаетесь в подвале? Все-таки надежней. Береженого, как говорится, бог бережет!

— А ну его! Там еще страшней. Завалит! Да и работенка у меня срочная! — Он оглянулся на свой рабочий стол и принялся вытирать о фартук руки. — От смерти все равно не убежать... Вроде всю Теразию разбомбили. Вот тебе и открытый город! Чертяки! Каждый раз будто на голову падает. — И, втянув голову в плечи, затаил дыхание и стал прислушиваться к нарастающему завыванию падающей бомбы. Вой вонзался в уши, превращался в какой-то вибрирующий металлический клекот, потом что-то ухнуло, дрогнула земля, и раздался взрыв.

Они оба с облегчением вздохнули: пронесло!

— Пронесло! — сказал Жорж и улыбнулся. — Где-то близко тарарахнуло. А как наша операция? Не отменяется?

— Ни в коем случае!

— Убить этого немца Берендса мало! Небось трясется сейчас от страха со своей шлюхой. Крунская совсем недалеко от Теразии.

— Он и его шлюха, как ты говоришь, еще нам понадобятся. Не пройдет и месяца, как немцы будут здесь. Компрометирующие Берендса документы, как тебе известно, у нас есть, мы ведь с тобой добывали...

Новый вой падающей бомбы заставил Алексея замолчать.

Напряженное ожидание, грохот разрыва, вздох облегчения.

— Так вот, если ночная операция удастся, они оба будут в наших руках. И не забывай, что его Ирен, которую ты называешь шлюхой, полька! И ей известно, что вытворяют фашисты на польской территории. Однако не следует забывать и то, что германской разведке удалось раскрыть почти всю польскую зарубежную сеть, около четырех тысяч человек, все они, за исключением немногих бежавших и особо секретных, были частично перевербованы, а частично расстреляны. Берендсу, разумеется, известно, что Ирен работала и на Интеллинджене сервис.

— Да, все запутано и сложно, — вздохнул Черемисов.

Прошло еще несколько минут, прозвучала сирена отбоя. Алексей встал.

— Как только явится Буйницкий, заходите ко мне.

Буйницкий опаздывал. «Что-то с ним стряслось, всегда такой точный, — нервничал Алексей, — придется обходиться без него. А операция сложная, могут возникнуть непредвиденные обстоятельства».

Уже поздно вечером позвонил Черемисов:

— Алексей Алексеевич, Колька Буйницкий пришел. Беда у него! Бомба в их домишко угодила. Погибла вся семья... дети, жена... Горе какое...

— Приведи его ко мне, а еще лучше, пусть придет один.

В лице Буйницкого не было ни кровинки, в глазах горел мрачный огонь. Он кинулся к Алексею, припал к его плечу и прохрипел:

— Один я остался... прямое попадание... тонна! Яма вместо дома. Нет ни ребят, ни ее... — И заплакал.

— Крепись, Николай. В горе негоже оставаться наедине с собой. А излечит только время. Будешь жить пока у меня, а там поглядим. Сейчас поужинаем! Небось ничего не ел?

— Не могу я! Кусок в рот не полезет.

— А ты через не могу. В горе человеку и злость по-

могает. Вот потом пойдем на операцию, отвлечешься. Возьми себя в руки, Николай! — И подумал: «А ведь до чего мудрый был обычай — поминки, древняя тризна с ее народными играми и ристалищами».

Приближалась полночь, когда они вышли из дому и направились в сторону Крунской улицы.

4

Капитан первого ранга Людвиг Оскарович фон Берендс, один из разведчиков Канариса в Югославии, отсиживался со своей женой Ирен Жабоклицкой (Сосновской-Скачковой-Берендс) во время бомбежек в железобетонном подвале небольшого особняка, на некогда аристократической Крунской улице.

Дом был куплен на средства «третьего рейха» у обедневшей дочери министра последнего короля из династии Обреновичей; радиофицирован по последнему слову техники, с потайной комнатой, где был установлен радиопередатчик, и двумя тайниками для документов и оружия.

Четвертого апреля из Белграда эвакуировалось частично во главе с послом фон Герном и военным атташе фон Тусенном немецкое представительство. Однако Берендс знал, что оставшиеся перешли на нелегальное положение. В здании немецкого посольства был оборудован большой тайник-бункер в несколько комнат, установлена мощная радиостанция, державшая связь с «Норой». В этом бункере разместился со своими людьми Ганс Гельм — комиссар гестапо. В одной из конспиративных квартир скрывался и его, Берендса, начальник, майор Лазер фон Гольгейм, шеф «Кригсорганизацион абвер» в Югославии. Где именно была та квартира, Людвиг Оскарович не знал, и связь поддерживалась при помощи радио, и, кроме того, раз в сутки майор Гольгейм присылал своих людей.

Еще в ноябре прошлого года заместитель начальника 2-го отдела абвера некий майор Фридрих Фехнер, он же доктор Фридрих, доложил центру в Берлине, что формирование «пятой колонны» в Югославии полностью завершено. В ее рядах насчитывается около 450 тысяч фольксдойчей, не считая летичевцев в Сербии, усташей в Хорватии, ванчемихайловцев в Воеводине, албанских фашистов на Косово и словенских фашистов в Словении.

Большинство из них уже испытаны в работе. К шпионской деятельности привлечены женщины, дети и ста-

рики немецкого происхождения. Организация получила название «Ю», или «Юпитер». Центральная радиостанция «Ю» установлена в городе Нови Сад (Нойзац) под кодом «Нора», а стационарная радиостанция на Балканах — в Вене под названием «Вера».

Главным уполномоченным имперского ведомства по безопасности рейха в Югославии был назначен Карл Краус Льот. Кичливый, как все фашистские выскочки, получившие власть, он неизменно приходил в дурное настроение, когда вспоминал Белград. В 1939 году Карл Краус ездил туда с инспекцией. Побывал и в «Русском доме» на съезде профашистской, как ему сказали, организации НТСНП, этих «нацмальчиков», из-за которых было столько неприятностей. Он вспомнил драку, вернней, что греха таить, как его били, били больно. Как он убежал, бросив свою даму, и сгоряча кинулся к начальнику управы града Белграда Йовановичу, тем самым разоблачив себя и его. Карл Краус прибыл в Белград 3 апреля 1941 года и поселился на нелегальной квартире на окраине города.

Обо всем этом Берендс знал. Людвиг Оскарович отлично понимал, что до прихода немцев в Белград он может не дожить.

Многие знают не только о его немецком происхождении и пронемецких настроениях, но и о близком знакомстве с майором гестапо Гансом Гельмом. Конечно, свою связь с абвером Берендс всячески скрывал и с шефом «Кригсорганизацион абвер П» встречался в исключительных случаях. «Никто не должен знать, что вы агент абвера», — сказал ему еще в 1939 году Вильгельм Канарис, и Берендс понимал, что адмирал шутить не любит. В этом была одна из причин его «дружбы» с майором гестапо. Но от всех замаскироваться Берендс не смог.

Беспокоил его прежде всего Хованский. Берендса радовало, что близилось время сведения счетов, но их могли свести и с ним тоже. Ирен нервничает. Она ведь полька! В последнее время у нее в глазах бегают недобрые огоньки, Гельма и Корнгельца она просто ненавидит. Впрочем, уж очень чванливые и самодовольные эти немцы-фашисты. Кто знает, чем кончится авантюра нацизма! Берендс не мог понять, почему Гинденбург сделал своим наследником сумасшедшего Гитлера, еще удивительней для него было то, что Гитлера признали прусские юнкеры — цвет немецкого дворянства, генеральный

штаб, магнаты Рура, Эссена, Гамбурга! «Мы, остзейские немцы, всегда были умней, — рассуждал Берендс. — Альфред Розенберг сделал головокружительную карьеру: родился в Таллине, учился в Бресте, в Иваново-Вознесенске, бежал от большевиков, выполнял задания кутеповской разведки, потом переметнулся к немцам, попал в Мюнхен и очутился в кругу «ауфбау», связался с Гитлером, написал книгу «Будущий путь немецкой внешней политики» (с нее Гитлер содрал свой «Майн кампф»), где высказал весьма хитрую мысль, которую, к сожалению, не принял фюрер, а именно: надо объединиться против СССР с Англией, или хотя бы обеспечить немецкие тылы. «Розенберг ловок, а я, старый, опытный разведчик, вынужден прислуживать таким идиотам, как Гельм. Впрочем, сам виноват. Чертов Хованский! Все время меня блокировал!»

Берендс прислушался. С улицы неслись угрожающие крики, возбужденные голоса, потом все покрыло душераздирающее завывание, переходящее в вибрирующий, будто захлебывающийся вопль. Он подбежал к окну. Из соседней комнаты вылетела Ирен и тоже кинулась к окошку.

— Что это? — Ее глаза округлились от ужаса.

Толпа человек в двадцать с криками: «Бей немецкого шпиона!» — вела, верней, волочила высокого огненно-рыжего, как поначалу показалось — из-за того, что его русые волосы были в крови, — мужчину в приличном штатском костюме. Двое здоровенных парней завернули ему руки за спину, а озверелая толпа мужчин, женщин и подростков с ревом накидывалась на шпиона, била, щипала, драла ему волосы, пинала и плевала ему в лицо. Из широко разинутого рта мужчины стекала кровавая пена, из горла рвался страшный, булькающий, леденящий душу вопль. Видимо, он уже ничего не видел, не слышал, не понимал, всем его существом, всеми чувствами, всеми мыслями владел животных страх.

У Берендса по спине побежали мурашки. Он потянулся к буфету и налил себе в стакан коньяку.

Ирен, бледная, впилась глазами в лицо шпиона. Ей показалось, что у него вывалился из орбиты глаз.

— Будьте вы прокляты, прокляты, все вы! — шептали ее губы.

Она припала к стеклу и не отрываясь смотрела, пока толпа со страшными криками миновала дом.

Берендс невольно вспомнил знаменитый берлинский

«Цоо гартен». Проходя как-то мимо вольеры со змеями, он обратил внимание на собравшуюся толпу, преимущественно женщин, с горевшими каким-то садистским сладострастием лицами, они гримасничали, щерили зубы, высовывали языки. Поглядев в вольеру, Берендс увидел довольно отвратительное зрелище: питон заглатывал лягушку, она беспомощно мотала передними лапками и, широко открыв рот, издавала булькающий, полный ужаса клекот.

«Какие бездны, какие противоположности таятся в наших атавистических глубинах, — думал тогда Берендс. — Почему именно женщина-мать, дающая жизнь, с таким наслаждением смотрит, как у кого-то отбирают жизнь? Что стало с немецкой «арийской расой»? Впрочем, казни — любимое зрелище не только у китайских императоров; а гладиаторские бои, коррида? Тигрица, львица или, наконец, домашняя кошка приносят свою добычу детенышам живой, чтобы они поиграли в страшную игру смерти. Но то звери, а не люди. Каждый шпион, — заключил Берендс, — тоже напоминает лягушку. Дело лишь в том, чтобы его поймать! С тобой, Хованский, мы еще поспорим!»

Оторвавшись от окна, он подошел к столу и вновь выпил коньяку.

— «Жизнь наша пир: с приветной лаской Фортуна отворяет зал, Амур распоряжает пляской, приходит смерть, и кончен бал!» * — обратился он со своим любимым изречением к Ирен.

— Какой ужас! Нас ждет то же самое! Я не хочу больше так жить. Я уйду отсюда! Я вас всех ненавижу! Ненавижу! Зачем ты меня так мучаешь, Людвиг? — сказала она уже мягче и даже просительно.

— Кураж, ма пети! Кураж! И никуда вы не уйдете. Мы с вами на дежурстве. Нервы у нас взвинчены до предела. Бомбежки, напряженная работа в нашей радиорубке, ночные визиты и плюс такие представления-самосуды. Потерпите, через неделю, максимум две немцы войдут в Белград, и мы становимся хозяевами положения. Игра стоит свеч. Выпейте-ка глоток. — И он налил ей полстакана.

— Мне надоели чванливые тупицы вроде Ганса Гельма.

— Эти тупицы командуют Европой, мейн либхен, и

* «Три слепца» — стихотворение А. Д. Илличевского (1798—1837).

могут заявить: «Довольно, стыдно нам пред гордою полячкой унижаться!»

Ирен уловила в его голосе скрытую угрозу.

— Вы вольны меня бросить, даже убить, но счастья это вам не принесет. — И она насмешливо и зло посмотрела ему в глаза.

Берендс вспомнил, как отмечал вместе с комиссаром гестапо при немецком посольстве Гансом Гельмом годовщину «Кристаллнахт». С целью спровоцировать этого сына мюнхенского извозчика и друга группенфюрера Мюллера завел разговор на щекотливую тему, опьяневший гестаповец «клюнул» и, оставшись наедине с Ирен, размякнув, бахвалился, будто вместе с Адольфом Гитлером шлялся по бардакам и публичные девки называли будущего фюрера «Писсуаром».

Эта магнитофонная запись позволяла держать комиссара гестапо на «крючке». Хранилась она в тайнике. Оставалось лишь вырезать ту часть ленты, где, провоцируя Гельма на откровенность, пришлось рассказать скабрезный анекдот о толстом, глупом Геринге, да еще надо было выбросить конец записи, когда в ответ на истерику Ирен вспылил сам и послал ко всем чертям ее, как дуру и бездарную помощницу, болвана Гельма, идиотов в гестапо во главе с Гиммлером и даже маньяка Гитлера.

«Жаль, не успел почистить пленку, не успел: руки не дошли... И теперь пленка точно дамоклов меч... в руках Хованского. Неужели придется «переквалифицироваться» на Америку? Доллары, конечно, посолиднее марок, но Канарис?.. Чувствую, что все должно решиться на днях, не сегодня завтра. Всем нутром чувствую». — И Берендс снова направился к буфету, чтобы прикончить бутылку коньяка.

Наступил вечер, хмурый, зловещий. Белград погрузился во тьму. Часов в десять зазвонил телефон, и незнакомый голос спросил по-сербски:

— То йе стан Берендса? — И на утвердительный ответ повесили трубку.

Так повторялось несколько раз. Нервы супругов напряглись до предела. Хотелось даже удрать из дома, однако надо было дежурить.

Ровно в полночь Ирен отправилась в радиорубку, чтобы принять и передать шифровки.

В этот миг у входной двери раздался звонок. Он прозвучал резко, повелительно, как пулеметная очередь.

«Чужие!» — одновременно подумали супруги.

— Ирен, ступай вниз, в радиорубку.

Берендс, тихо ступая, спустился по мраморной лестнице в вестибюль и, одновременно вытаскивая из заднего кармана крупнокалиберный кольт, заглянул в дверной глазок. Капитан считал кольт самым надежным и безотказным оружием, называл его Колей, Николаем или Николаем Николаевичем. «Мой Николай Николаевич делает дырки величиной с пятак!»

У двери маячила темная фигура, потом раздался голос:

— Людвиг Оскарович, вы слышите меня, это я, Хованский, дело не терпит отлагательств.

Берендс нерешительно отодвинул засов и повернул собачку английского замка. После выемки он «укрепил дверь» специальным сейфовым замком с секретом. «Хованский, конечно, не один. Пришло время расплаты. Будет вербовать, понимает: немцы скоро займут Белград, и ему понадобится защита. Что ж, поторгуемся», — и отворил дверь.

— Добрый вечер! Уберите пистолет, — сказал Алексей спокойно и даже чуть насмешливо. — Я тут не один.

Берендс посторонился.

— Чем обязан? В такую пору! Мы уже легли. Сейчас комендантский час. Город на военном положении. Я не хочу из-за вас попасть под трибунал, — хмуро проговорил Людвиг Оскарович и подумал: «Начинается!».

— А я хочу спасти вас от худшего: от самосуда.

— Что случилось? — Перед глазами Берендса отчетливо мелькнуло искаженное лицо «шпиона» с широко разинутым ртом, окровавленными волосами.

— Прочтите на стене вашего дома надпись. Утром соберется толпа, люди обозлены, и вам несдобровать. Идите, да захватите хоть половичок, чтобы стереть со стены буквы.

Берендс вышел на крыльцо, сбежал по ступенькам на тротуар. Справа от входа на белой стене в густом мраке можно было все-таки разобрать слова: «Смерть немачкому шпiуну — iупитеровцу!» — Буквы были выписаны масляной краской.

— Доннер веттер! Как убрать эту проклятую надпись? — простонал Берендс и тут же подумал: «Уж не Хованского ли это рук дело? Психологическая атака!

Не пожертвовать ли Ирен? Эта полька начинает вилять».

Услыхав за собой шаги, Берендс оглянулся. К нему через улицу направлялись два человека.

— Мы свои, господин капитан, пришли с Алексеем Алексеевичем, велел вам помочь! Постойте...

Лицо одного из подошедших было знакомо. Приглядевшись ко второму, сухопарому мужчине, Берендс с удивлением и оторопью понял, что тот натянул себе на голову женский чулок. Примерно месяц назад в Белграде было много разговоров о банде «Черный чулок», ограбившей несколько богатых домов, так и оставшейся нераскрытой.

— Что за камуфляж? — спросил он незнакомца.

Тот ничего не ответил.

— На всякий пожарный, Людвиг Оскарович, мы, как и вы, носим маски! — ответил вместо него Черемисов и, подойдя к стене, деловито заметил: — Тащите бензин либо растительное масло и захватите побольше тряпок, сейчас смоем со стены краску. Что означает слово «юптеровац»?

— Не знаю, господин Черемисов, не знаю, — вздохнул Берендс.

— Кому знать, как не вам? Может, все-таки скажете? — усмехнулся Георгий.

«Неужто им известно о «Юпитере»? Ведь они могут при некоторой оперативности разгромить всю организацию. Обезглавить, во всяком случае, если, конечно, не сыграет немцам на руку продажность высоких чиновников и дезинформация великого мастера Канариса. До сих пор так было».

— Не знаю! — сердито выдавил Берендс.

— Ну и ладно, Юпитер, не надо сердиться, нагрянет патруль, и жандармам будете доказывать, кто прав. Пошли! — И вошел вслед за высоким в дом.

Берендс удивился, что Черемисов уверенно направился по лестнице вниз в полуподвальное помещение, и ему, хочешь не хочешь, пришлось последовать за этими двумя. Скованный страхом, он почти машинально взял в руки ведро, бутылку с бензином, тряпки, вышел на улицу и с полным безразличием смотрел, как молодые люди ловко смывают краску со стены.

Через полчаса все было закончено.

Тем временем Алексей обошел все комнаты и, не найдя Ирен, решил, что она либо прячется в комнате

для прислуги, откуда в свое время он изъял магнитофонные ленты, либо в полуподвале. Войдя в кухню, он удивился. Дверь в комнату для прислуги загораживал буфет. Алексей оглядел его со всех сторон. У самого низа с тыльной стороны он обнаружил рычажок, к нему был прикреплен тросик.

«Сделано с немецкой аккуратностью, добросовестно, надежно, может быть, даже и хитро, но уж очень по-немецки», — подумал Алексей и начал вертеть ручку рычажка.

Буфет плавно и совершенно бесшумно сдвинулся с места и образовал проход.

Спиной к нему, с прижатыми к ушам наушниками сидела Ирен и, видимо, принимала радиограмму. Почувствовав на себе взгляд, она обернулась и вскрикнула. Потом испуганно уставилась на него и подняла обе руки, словно сдавалась. Алексей заметил, что пальцы у нее дрожат.

— Ох... Алексей Алексеевич, миленький, а я думала... — выдавила она наконец. — Как вы сюда попали? Я такая трусиха...

— Хочу спасти вашего супруга и вас, скорей даже вас, от самосуда. На стене вашего дома красуется надпись: «Здесь живут немецкие шпионы-юпитеровцы. Смерть им!»

Ирен побледнела, сразу представила себе, как ей заломят руки, а женщины будут ее бить, щипать, пинать... «О! Женщины, особенно уродливые, ненавидят красивых!»

— Успокойтесь и слушайте меня внимательно: вы знаете, что компрометирующая вас пленка, причем в большей мере именно вас, Ирина Львовна, находится у меня. Я, конечно, ею воспользуюсь только в крайнем случае и...

— Алексей Алексеевич! Это на вас не похоже!..

— И меня не будет грызть совесть. Вы полька, а работаете на врагов своей родины, и если они же вас повесят, то Немезида будет удовлетворена. Вы славянка, неполноценная раса? Вам известно, как убивают в Польше лучших ее сынов? Вы знаете, что они хотят превратить ваше отечество в царство послушных рабов? В вашем сердце есть сокровенный уголок — может быть, это память о далеком, чистом детстве или воспоминание о любимом человеке, — освященный любовью

к родине? Побывайте в нем, подумайте. Вы связали свою судьбу с немцем, который, если дело коснется шкуры, продаст вас за грош.

— О, он мой муж... Но я боюсь его. Он говорит, что скоро-скоро тут будут немцы и он станет хозяином положения. Я дура, могла бы давно его подмять.

— Я помогу вам, не разлучая вас с ним. Вы должны делать все, что я вам скажу! Пора вспомнить о Польше. Борьба только начинается. Надпись на стене смыть или начертить недолго. Постарюсь, чтоб Интеллидженс сервис вас простил. Успокойтесь и решайте — готовы ли бороться с фашизмом во всех его проявлениях? Если да, то напишите расписку, в которой клятвенно подтвердите то, что я сказал. В ней же сообщите ключ, которым вы шифруете ваши радиограммы, коды, сводку важнейших сведений за последние два дня. Я ухожу. Не нужно, чтобы Людвиг Оскарович знал о нашей беседе.

— Погодите! Я все напишу, и я вам верю! — с каким-то вздохом облегчения прошептала Ирен. — Ах, какая я дура! Но я не хотела, помните, чтоб вас топили на пристани! С генералом Кучеровым вышло все не так. Я в игре все время была пешкой. Со мной делали что хотели, заставляли смеяться, когда душа плакала, бросали, извините, в постель, с кем попало. Мне отвратительно! Вы меня пожалеете? — У нее на глазах появились слезы. — Ведь я тоже человек. Клянусь вам, я буду честно на вас работать! — Она всхлипнула. — Вчера грозил меня убить Скачков. Сегодня эта надпись. И не будь вас, я бы погибла.

— Где вы видели Скачкова? Он знает, где вы живете?

— Знает. Он встретил меня на углу, недалеко от нашего дома. Я сказала об этом Людвигу. Это, наверно, Скачков сделал надпись! Он работает, видимо, на англичан.

— Скажите, Ирина Львовна, как включить систему микрофонной записи?

— Наверху в кабинете под правой тумбой письменного стола переключатель. Ленту я вставила только сегодня, хватит часа на полтора. Ой, а самое главное позабыла. — Она схватилась за голову. — Обычно после двух ночи к мужу приходят два немца или фольксдойча в жандармской форме... О чем-то с ним шепчутся, мне не доверяют. Были вчера и позавчера. И сегодня придут. Он приготовил для них список «неблагонадежных»

(унцуферласиге) эмигрантов. — И она протянула ему вчетверо сложенный лист.

Алексей быстро просмотрел список. Там стояли знакомые фамилии:

«Буйницкий Николай Иеронимович — опасен, Зимовнов Иван Гаврилович — на подозрении, Попов Аркадий Иванович — очень опасен, член Коммунистической партии Югославии(?), связан с хозяином ресторана «Якорь» Драгутином Вукмановичем, живет с его дочерью Зорицей Вукманович на Савской пристани; Скачков — агент польской двуйки, опасен; Черемисов — на подозрении, нужно установить его связи; Хованский Алексей Алексеевич — агент Си-ай-си, очень опасен...

— Вас он зачеркнул. Это у него старый список, — заметила Ирен. — Вас, Алексей Алексеевич, он побаивается. Идите! Немцы уже скоро явятся. Я всех боюсь. Все буду вам говорить, только защитите меня. — И она жалобно улыбнулась.

Алексей вышел. Поднимаясь по лестнице, он решал трудный кроссворд: «Где правда, где ложь? Говорит вроде искренно, плачет, а может, эти красивые зеленые глаза льют крокодиловы слезы? Ирен напугана, патологически боится самосуда...»

Включив записывающее устройство, Алексей спустился в гостиную, уселся в кресло и задумался. «В этом деле бывший муж Ирен Скачков может сыграть свою роль, пусть даже козырной двойки. Оба они, Берендс и Ирен, боятся его до прихода немцев!»

Минут через десять появились Берендс и Черемисов.

Отозвав Черемисова в сторонку, Алексей шепнул:

— Иди вниз к Николаю и скажи, чтобы был осторожен. В два часа к Берендсу придут переодетые в жандармов агенты «пятой колонны». Потом сходи в бывшую квартиру Чегодова. Там ждут Зимовнов и Денисенко, пусть они останутся на улице, а вы с Буйницким спешите сюда. И скажи им всем: война объявлена, мы живем в близкой нам по крови и духу стране и обязаны ее защищать всеми возможными средствами. Не знаю, как развернутся события, но пусть будут готовы. Живыми фольксдойчей выпускать нельзя.

— Колька с ними один справится. У него резиновая дубинка.

— Рисковать нельзя, вдруг их придет сюда больше. Иди! И сними слепок с ключей.

Вернувшись к столу, у которого в задумчивости стоял Берендс, Алексей жестко бросил:

— Людвиг Оскарович, где ключи от наружной двери? — И, показав на Черемисова, проговорил: — Он отлучится на несколько минут.

— Я провожу.

— Нет, мне с вами необходимо срочно поговорить наедине.

— Ключи в передней, в правом ящике стола, у зеркала.

Черемисов ушел.

— Ну что ж, присядем, в ногах правды нет.

— Минутку, — Берендс подошел к буфету, отворил дверцу. Алексей увидел батарею всевозможных бутылок. — Что желаете? Виски, джин, ракию, коньяк, водку? — И налил себе полный стакан коньяка.

— Пожалуй, предпочту виски.

Берендс взял бутылку, стакан, сифон содовой, поставил все это на стоявший у буфета столик на колесах и подкатил к креслу гостя. А сам возвратился к буфету.

— Людвиг Оскарович, вы умный человек, опытный разведчик, а поступаете так неосторожно. Вы по происхождению немец, правда, прибалтийский и потому не совсем полноценный, но вы еще офицер российской императорской армии, дворянин, барон, черт побери, так ответьте мне, неужели вы серьезно полагаете, что судьба предначертала вашему великому фюреру свершить и осуществить фантастическую мечту немецкой нации — победить и возглавить мир? Вы верите австрийскому ефрейтору Шикльгруберу?

Алексей налил себе в стакан виски. Берендс молчал.

— Вы ведь знаете, что он маньяк?

— Знаю, Алексей Алексеевич! Мы все в какой-то мере сумасшедшие. Но фюрер заразил сумасшествием целый народ! Все народы подвержены низменным инстинктам, в том числе и русский... Так почему Шикльгруберу не объединить человеческое стадо с помощью немецкой нации? А? — Берендс хитро глянул на Хованского. — «Вы сверхчеловеки, вам принадлежит мир! Убивайте, уничтожайте, насилуйте! Вам все дозволено, ибо вы — арийцы! Правда — только сила, одна только сила!» — Берендс отпил из стакана и продолжал: — Наступил век разрушений, очередного нашествия гуннов, гибели старых основ, уничтожения культурных ценностей, смутное время во всечеловеческом масштабе.

Наступило царство хама. Эпоха Ренессанса придет очень и очень не скоро. А я не верю в гуманизм, ибо это мировоззрение опиралось на классическую древность... Рима. Я не верю и вам не советую...

«Что мне ему сказать? — думал Алексей. — Восточная мудрость говорит: «Две вещи бывают трудными — молчать, когда надо говорить, и говорить, когда нужно молчать». — Он подлил содовую в свой стакан и, увидев, как сразу побелело содержимое, неторопливо возразил:

— Людвиг Оскарович, вы валите все в одну кучу, ставите на одну доску нацизм с интернационализмом. Вы умный человек. Неужели все-таки верите Гитлеру?

Берендс вопросительно поднял пшеничные брови.

— Нет...

— Да, Людвиг Оскарович! Если коммунизм и национал-социализм у вас стоит со знаком равенства, почему тогда вы служите второму? Вы знаете, что Гитлер марионетка, выдвинули его генштаб и его величество капитал.

— Марионетка, но она вышла из послушания и оборвала нитки, за которые ее дергали, — усмехнулся Берендс. — У Гитлера сила!

— Сила заболела пляской святого Витта, — добавил Хованский.

— Точно, ха, ха, ха! Вы правы! — И Берендс закивал головой и зашаркал ногами. — Но, дорогой Алексей Алексеевич, упрекая меня в измене, вы, русский, тоже пошли в услужение к янки. Правительство Америки во главе с ее президентом тоже марионетки и пляшут по желанию еврейского капитала, так называемых сионских мудрецов — синедиона — семидесяти старейшин. Вы тоже нелогичны, работая на них. Это они внесли в Россию фермент разложения и правят ею до сих пор. Немцы же объявили священную войну евреям.

— Беднякам, ремесленникам и мелким торговцам, но не синедриону, не капиталу! В группе, образованной Авербахом на судне «Колорадо», в наш югославский порт Сушак прибыли по пути в Палестину из Германии, причем с благословения Гейдриха, двести восемьдесят переселенцев — евреев-богачей. И не кривите душой! Вы киник * нового времени, даже эгоцентрик, и нет у вас убеждений! Вы ни во что не верите!

---

* Киник (циник) — последователь учения, пренебрегающего правилами нравственности.

Берендс стоял, прислонившись к буфету со стаканом в руке, и улыбался.

— Что ж, я с вами согласен, Алексей Алексеевич, отдаю должное и мудрым евреям. Спиноза прав: на каждую вещь надо смотреть с точки зрения вечности. Все вокруг, кроме собственного я, ничтожно! Но прав и Ницше, говоря о морали рабов и морали господ.

— По-вашему, Гитлер, Геринг, Геббельс — господа?

— О нет! Господа — Круппы, Детердинги, Рехберы и иже с ними, которые дергают их за веревочки и заставляют плясать. А Гитлер и иже с ним — в лучшем случае взбунтовавшиеся рабы.

— Ладно. Если вам будем хорошо платить, вы согласны давать нам нужные сведения и помогать? Мы будем вас всячески оберегать. Это в наших общих интересах.

— Алексей Алексеевич, вы не добавили: «А в противном случае мы разделаемся с вами, поскольку у нас есть компрометирующая вас магнитофонная запись». Я вас разочарую: во-первых, удар придется, не говоря о вас, по Гельму и по моей жене и заденет меня только слегка. Сейчас командуете парадом вы. Но почему вы думаете, что под угрозой смерти я буду честно трудиться на вас? То есть на американскую разведку? Вы, Алексей Алексеевич, сотрудник Си-ай-си? Она хорошо платит?

— Отдаю дань, Людвиг Оскарович, вашей проницательности. Но вам известно: «Заблаговременный и предусмотрительный страх — мать безопасности». И еще говорят: «Деньги лучше уговора». Пока суд да дело, вы будете сотрудничать с нами и все больше увязать, а мы будем щедро расплачиваться, но проверять, а за дезинформацию, сами понимаете, война...

— Расплата пулей? — Берендс ухмыльнулся.

— Это крайности... А уговорчик мы все-таки подпишем и в получении денег будете расписываться, не своим именем, конечно, под кличкой, скажем, «Спиноза» или лучше «Барух» — тут уж немец никак не догадается. Согласны? Только честно! Как в английском суде: «Говорить и писать правду и только правду!».

Берендс кивнул:

— Согласен. Побаиваюсь, как бы вы меня не провалили.

Снова налил себе до половины в стакан, опрокинул в горло, потом поднял с блюдца ломтик лимона, сунул

его в сахарницу, морщась, съел, подошел к столу, уселся и, вытерев платком пальцы, взялся за ручку, которую ему подал Хованский.

Алексей положил перед ним лист бумаги, стал у него за спиной и начал диктовать:

— Я, нижеподписавшийся Людвиг Оскарович Берендс, сотрудник абвера, обязуюсь честно выполнять на благо своей родины все поручения представителя Народного комиссариата внутренних дел СССР...

Берендс вздрогнул и удивленно посмотрел на Алексея.

— Это для камуфляжа, Людвиг Оскарович. — С минуту Хованский выждал. — Пишите: Ивана Абросимовича... Не вздрагивайте, о его убийстве вы потом все мне расскажете, как и о встрече с руководством в абвере, и о записи на микропленку в ноябре тридцать девятого года при встрече с Гансом Гельмом. А теперь продолжайте: Ивана Абросимовича Тома. Подпишитесь — Барух.

— Об этом убийстве я слышал, — проговорил Берендс. — В убийстве участвовал полковник Павский и, кажется, генерал Скородумов, во всяком случае, это была их идея... Неужели вы работаете на НКВД?

— А теперь подпишите расписки в получении денег. Первую пометьте январем тридцать восьмого года, вторую мартом, третью июнем, и так каждые три месяца вы получали от советской разведки по десять тысяч динаров. Последнюю расписку пометьте десятым января сорокового года, за два дня до убийства Абросимовича. И не обольщайтесь, пишете вы тушью, а бумага по времени соответствует.

Берендс невольно посмотрел бумагу на свет и увидел водяные знаки фирмы и дату выпуска. Заулыбался, закивал и незлобно проворчал:

— Чистая работа, с вами, Алексей Алексеевич, приятно иметь дело. И денег получается немало. Правда, динар скоро ни черта не будет стоить.

— Можем платить долларами. Но их нужно заработать. Кстати, расписываясь, меняйте положение тела, чтоб не получилось уж очень одинаково.

Берендс подписал одну расписку сидя, потом встал. Какое-то мгновение стоял в нерешительности, махнул рукой, подписал вторую расписку и снова сел.

— Меня давно тяготит работа в абвере, Алексей Алексеевич. Произошло страшное, маниакальное поме-

шательство целого народа с проявлением самых низменных инстинктов. Мне стыдно за немцев. Народ, давший Гёте, Канта, вашего любимого Маркса, Бетховена, и вдруг...

— Вы пошли в абвер служить добровольно, Людвиг Оскарович?

— Нет, я получил воспитание в России и хотел честно ей служить, но обстоятельства сложились по-другому...

— Как сегодня? — улыбнулся Хованский.

— Не совсем, не совсем, — принимаясь за новую расписку, промолвил Берендс, поглядывая на часы. — Я ведь работал в деникинской разведке. Потом, в конце двадцатых годов, имел честь с вами познакомиться, когда случилось убийство генерала Кучерова. Мне кажется, вы интересовались этим делом. Способствовал раскрыть преступления этого идиота Скачкова. Бывший муж Ирен сейчас в Белграде, мне пришлось выручать Ирен. Она мне нравилась. Так вот, в то время я смотрел на Германию с гордостью, как на спасительницу европейской культуры и правопорядка. Никто не забыл: «Да здравствует мировая революция!» Все помнят, как полыхали пожары восстаний в Венгрии, Чехословакии, как бастовали рабочие и хмель революции кружил голову не одному только люмпену. Все цивилизованные государства смотрели на немцев как на единственных спасителей, все порядочные люди... — И Берендс пристально посмотрел на Алексея.

Хованский, в свою очередь, на него. «Ты подозреваешь, уж не советский ли я разведчик? Думаешь, сорвусь? Нет, мой милый, ошибаешься! — думал Алексей. — Сейчас увижу, предупредишь ли меня о приходе немцев в два часа? Если нет, то Ирен придется поработать одной».

Написав последнюю расписку, Берендс, словно угадав мысли Хованского, снова поглядел на часы:

— Примерно через полчаса ко мне явятся два немца, один из них из посольства, капитан Вольфганг, другой фольксдойч Вилли, хотят собственными глазами убедиться, все ли в порядке. Идут по точкам нашего района.

— Вам известны адреса этих точек и пароли?

— Нет, я знаю, что в Белграде их несколько. Центральная находится в посольстве.

— Постарайтесь узнать, куда пойдут ваши немцы.

А в остальном вы правы, Людвиг Оскарович, времена меняются, как и убеждения. Живой ум не должен быть консервативен. Жизнь — движение. Все прогрессирует либо регрессирует. Таков ее закон. Самые прекрасные идеи, воплощенные в жизнь, бывают порой несостоятельны и даже пагубны. Какая судьба ждет Россию, нам неизвестно. Если советский строй ей люб, Россию не победит бронетанковый кулак Германии. И я уверен, что, следуя советам своего фюрера, юберменши не выиграют войну. Революция и гражданская война в корне изменили характер русского человека. Он не ломает шапки перед господами.

Берендс закивал, заулыбался.

— Народный характер меняется столетиями, Алексей Алексеевич. Я знаю русских людей. В натуре русского, да, пожалуй, и не только русского, заложено рабство. Помните Рылеева? — Берендс поднял голову и прочитал:

Я видел рабскую Россию
Перед святыней алтаря:
Гремя цепями, склонивши выю,
Она молилась за царя.

И не молится ли теперь эта наша Совдепия своему грузинскому царю? А перед старыми господами народ, конечно, шапки не ломает. — В глазах Берендса горели недобрые огоньки. Он подошел к буфету, снова налил себе коньяку и выпил.

— А что в свое время Пушкин сказал о нас:

Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем жадные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы.

Хованский слушал, хотя разговор на отвлеченные темы его не интересовал.

— Людвиг Оскарович, в словах Рылеева звучит боль, а стихи Пушкина посвящены черни. Народу он хотел быть «любезен», в ваших же словах я слышу злость Ницше, а привязать язык злоречию так же невозможно, как запереть поле воротами. Время покажет, кто мы. Лучше скажите, где Ирина Львовна? Не уехала ли?

— Пойдемте. — Берендс направился к кухне. — Она

в нашей радиорубке, как я ее называю. Принимает и дает сведения.

— Давно бы так. Но о наших с вами делах с ней ни слова.

— Шерше ла фам? * — кисло улыбнулся Берендс. — Думаю, с ней договориться просто, она ведь полька, упряма как ослица, терпеть не может немцев за все те зверства, которые они учинили в Польше. И она права. Мне стыдно за немцев. В них сейчас миниакальная свирепость..

— Да, та самая, которую вы так щедро приписываете русским?

Берендс закивал головой, хотел зашаркать ногами, но качнулся и схватился за стену. Он был порядком пьян. Потом взял себя в руки, чуть пошатываясь, направился в кухню, подошел к буфету, держась одной рукой за угол, другой схватился за рычажок и сказал:

— Фокус, покус, преперандус! — И буфет отошел в сторону. — Ирена, к нам пожаловал дорогой гость. Он нас спас от самосуда. Представь: на стене дома была надпись: «Смерть немецким шпионам!»

В эту минуту раздался резкий звонок.

— Наверно, немцев несет черт. Вы, Ирена, оставайтесь в своей рубке, а вы Алексей Алексеевич, поднимитесь наверх в гостиную. — И, убедившись, что буфет задвинут, добавил: — Там, за портьерой, укромное местечко, можете удобно расположиться и наблюдать, я их туда приведу.

5

Их было двое. Оба в жандармской форме. Один высокий, сухопарый блондин с плоским черепом, маленькими глазками, и второй, видимо, его начальник, хорошо сложенный брюнет, которого можно было назвать красивым, если бы не его рот, напоминающий узкую щель.

— Что у вас нового, господин Берендс? — проговорил брюнет, разваливаясь в кресле. — Прежде всего дело: дайте список людей, которых вы подозреваете в причастности к коммунистической партии, а также враждебно относящихся к великому рейху! Завтра мы должны их свести в один.

---

* Ищите женщину — в ней все дело (афоризм, приписываемый Талейрану).

Берендс потоптался на месте и нехотя протянул:

— Он у меня еще не готов, господин капитан.

— Очень жаль, вы срываете наш план, мне придется доложить об этом господину майору Гольгейму. У всех все готово. — Он похлопал себя по карману жандармского кителя.

— Я занимаюсь русскими эмигрантами, а они в основном настроены лояльно. Югославскими коммунистами, как вам известно, занимается летичевский «Збор». У меня несколько человек, да и то с весьма мутными настроениями... — Берендс старался держаться трезво.

— Вот и напишите, не то Гольгейм опять меня к вам погонит. И я продиктую еще несколько фамилий, и все будет ганс гут. Вы сидите, коньячок попиваете, а нам с Вилли приходится по ночам бродить. Того и гляди подстрелят.

Берендс открыл свой бар.

— Коньяк, виски, шнапс, водка, люта? На улице свежо. А вам идти, наверно, еще далеко...

— На Кнеза Милоша... — выпалил до сих пор молчавший Вилли.

— Ах, Вилли, Вилли, что мне с тобой делать? Хозяина интересует, что нам налить, а не куда мы идем. Мне, господин Берендс, добрую рюмку коньяку. Да и ему тоже! — Он взял с подноса до половины наполненную пузатую рюмку, погрел ее в ладонях, поднес к носу, подмигнул и сделал глоток. — Мартель! Старый, добрый мартель. Такого теперь уж не найдешь. Будьте здоровы! Хайль!

— Сегодня, я уж не говорю о бомбежке, у меня тяжелый день, вот я и «попиваю коньячок». В пять вечера перед нашим домом устроили самосуд. Страшно было смотреть, просто растерзали человека. А поздно вечером я увидел на фасаде дома надпись: «Смерть немецкому шпиону — юпитерцу!» И стрелка к нашей двери. Вот так! — И Берендс закивал и заулыбался.

— Крепитесь, господин Берендс, скоро мы станем здесь хозяевами, заставим этих дикарей нам служить, коммунистов уничтожим. Не стесняйтесь, вносите в список и людей с «обтекаемыми настроениями». Человек десять-двадцать, а остальных я вам продиктую для большей убедительности. Мы сразу ими займемся, как только наши войска войдут в Белград. — Он щелкнул пальцами, будто выстрелил из пистолета.

Алексей смотрел в дырку, проделанную в гардине, и

думал: «У него списки коммунистов, которых они собираются расстреливать, и, возможно, адреса радиостанций. Если нам удастся накрыть верхушку, то весьма вероятен разгром «Юпитера» в Белграде, а может быть, и разгром всей «пятой колонны». Скоро придет Черемисов. Тех двух возьмем на улице, белобрысый — слабак, все расскажет».

Капитан подставил снова свою пузатую рюмку, отпил добрый глоток, откинулся на спинку кресла, почти совсем разлегся в кресле и обратился к Берендсу:

— Вам известен русский эмигрант Чертков? Агент франкистской разведки, работал и на итальянцев. Эти русские почти всегда с двойным дном.

— Черткова я знаю, — кивнул Берендс, — его задачей было давать сведения о заходящих в югославские порты пароходах, направляющихся в республиканскую Испанию.

— Точно! Он сообщал об этом франкистам и Овре *, а те их топили. Так вот, у него есть друг и помощник, начальник русского отдела тайной полиции Николай Губарев, которого вы тоже знаете.

— Конечно, он наш человек! — подтвердил Берендс.

— Не только! Оба они имеют задание проследить, куда в случае эвакуации направят золотой запас Югославии. Чертков от Овры, Губарев — от нас.

— В Англию, конечно?!

— Золото сперва должно попасть в югославский порт, а, как вам известно, итальянский флот ловить ворон не будет. Хорошо бы натянуть Овре нос, а?

— Сообщить об этом барону? — Берендс достал из бара непочатую бутылку.

— Я пруссак и не люблю торопиться, все в свое время, и барон фон Гольгейм тоже пруссак. А о золоте вы помалкивайте! — спохватился захмелевший капитан.

Берендс хлопнул себя по лбу:

— Все белградские секреты в надежном тайнике.

«Людвиг Оскарович порядком пьян, но соображает ясно и, видимо, понял, что с этими типами мы разделаемся, потому старается их напоить», — отметил про себя Хованский.

— Загадки белградских катакомб? Доктор Фридрих Фехнер о них знает больше и многое разгадал, — засмеялся капитан.

---

* Овра — итальянская разведка.

«Тот, который сформировал «пятую колонну» в Югославии», — вспомнил Алексей.

— Из истории старого Белграда Фехнер вычитал интересные вещи! Еще в античном Сингидунуме — так назывался Белград до девятого века — был свой водопровод, кое-что сохранилось от него до сих пор. Кельты брали для постройки домов известняк, вот почему при рытье нынешних котлованов рабочие натыкаются на подземные ходы, на целые лабиринты катакомб. Ходы начинаются недалеко отсюда, на Ташмайдане, и тянутся к Саве и Дунаю. Когда последний раз выбивали турок из крепости, жители боялись, как бы войска не воспользовались подземными ходами и не устроили резню, и поставили стражу у городского суда, у дома певчего общества Станковича, около «Риунионы» и где-то на улице Кнеза Милоша...

«Может быть, возле нас? Жора говорил, что у него в подвале есть подземный ход, — подумал Алексей. — Ведь контрабандисты должны были как-то доставлять товар с Савы? Потом ход, наверно, замуровали».

— Копали их и во время бесчисленных осад, — продолжал рассуждать капитан, попивая из своей пузатой рюмки. — Сулейман Великолепный в тысяча пятьсот двадцать первом году сделал подкоп и взорвал главные башни Калемегдана. То же сделал и наш баварский принц Максимильян Эммануил в шестьсот восемьдесят восьмом...

— А зачем все это понадобилось доктору Фридриху? — спросил Берендс.

— О подземельях могут знать и коммунисты! Тогда придется вылавливать их, как крыс, и под ноготь... Что это?

Скрипнула ступенька деревянной лестницы. «Наши, — подумал Алексей. — Чертов немец, услышал», — и вытащил из-за пояса пистолет.

— Это, наверно, Ирене! Важные новости? — беззаботно пробормотал Берендс и спокойно направился к лестнице. — Сейчас я вас, Ирен, позову, не поднимайтесь к нам, Ирен. Лучше мы спустимся вниз. Капитан боится, как бы не подслушали секрета, государственной тайны, которой уже исполнилось более тысячи лет, что под Белградом катакомбы... Хе-хе-хе!

— Я не верю вашей подруге! — вскакивая с кресла и подходя вплотную к Берендсу, прошипел капитан. —

И вас я раскусил, вы не нацист, вы не верите фюреру! Я чувствую своим существом, вы...

Молниеносный удар Берендса свалил его с ног. Берендс бил ребром ладони по сонной артерии.

Сидевший спокойно в кресле длинный Вилли подобрал свои ноги и схватился за пистолет.

— Сидеть! Руки на стол! — вышел из-за портьеры Хованский.

Немец вытаращил глаза, но его дрожащая правая рука, нервно дергаясь, пыталась расстегнуть кобуру. Он делал это машинально. «Типичный немец, — подумал Хованский. — В непредусмотренной ситуации он и растерялся». А немец, увидев входившего в комнату с направленным на него пистолетом Буйницкого, побледнел и поднял руки. Грянул выстрел. Немец скособочился в кресле и начал сползать на пол.

Тут же подскочил Берендс, рванул его за руку со словами:

— Закровянит ковер, не отмоешь. Явная улика. Ух! — И, пошатываясь, подошел к бару, налил три стакана коньяка, один протянул Алексею, другой Буйницкому, тихо произнес: — Ну, господи, благослови, мы объявили войну Гитлеру! Жизнь наша пир... — и опрокинул коньяк в горло.

— Когда капитан Вольфганг придет в себя, надо будет его допросить, узнать адреса радиостанций «Юпитера», — заметил Алексей, принимаясь обыскивать лежащих немцев. И подумал: «Ну и выдержка у тебя, Берендс!»

— Уже не допросишь, Алексей Алексеевич, с ним разговор окончен. Думать надо о том, куда их деть, — проговорил незаметно проскользнувший в гостиную Черемисов.

Убедившись, что оба немца мертвы, Алексей с укоризной посмотрел на Берендса. А тот пьяно улыбнулся:

— Нельзя все же мучить бывших товарищей! Это легкий вид смерти, без боли отправлены на тот свет...

— Сволочи! — выругался Буйницкий и стянул с лица черный чулок, поглядел на стакан с коньяком, который держал в руках, поднес ко рту и маленькими глотками выпил до дна. Он был бледен, руки у него дрожали. — Вот такие убили мою жену и детей!..

— Их надо раздеть. Жандармские униформы пригодятся. А трупы оттащим подальше и бросим в канализацию. Карамба! — деловито произнес Черемисов.

6

Военные действия застали правительство Симовича врасплох. Армия Югославии к началу фашистского вторжения не была отмобилизована и сконцентрирована в предусмотренных планом «Р-41» стратегических пунктах.

Наступая с территории Болгарии, немецкие танковые подразделения, сломив сопротивление югославских войск, уже к вечеру 7 апреля заняли Скопле, 8 апреля в Вардарской Македонии югославские войска, отступавшие к Греции на соединение с греческой армией и английскими соединенными силами, были окончательно разбиты. 9 апреля был сдан Ниш. 10 апреля итальянские войска, не встречая сопротивления, заняли Загреб. Положение югославской армии стало безнадежным. 13 апреля был взят Белград. Через два дня король Петр и его министры вылетели в Грецию, а оттуда в Египет.

17 апреля 1941 года в 9 часов вечера был подписан акт о безоговорочной капитуляции югославской армии, подписи поставили новый главнокомандующий югославской армии Данило Калафатович и министр иностранных дел Югославии Цинцар-Маркович, а с противной стороны — командующий Второй немецкой армией генерал Максимильян фон Вайкс, а также итальянский военный атташе полковник Бонефаций и военный представитель Венгрии Васварий.

Цинцар-Маркович и Калафатович пытались, по примеру Франции, спасти часть территории Югославии, создать некую свободную зону, однако противная сторона категорически это отвергла.

Югославия была разделена на отдельные провинции, а часть ее территорий отошла Болгарии, Венгрии, Австрии, Румынии и Италии. И перестала существовать как государство.

Перед народами Югославии, которых ожидали каторжный труд, голод и смерть, стояла дилемма: смириться со своей судьбой или подняться на борьбу против захватчиков. Хованский понимал, что подавляющая часть югославской буржуазии не станет и помышлять о сопротивлении оккупантам. Немало политических партий сразу нашли общий язык с фашистами. После капитуляции армии некоторая часть офицерского и унтерофицерского состава во главе с полковником Драголюбом Михайловичем укрылась в лесах Шумадии, кое-кто

бежал при этапировании. Другие ушли в подполье либо растворились в общей массе.

Дража Михайлович по старым традициям четнического движения за освобождение родины от турок призывал в свои ряды патриотов, но никаких действий против оккупантов не предпринимал, как того требовали директивы эмигрантского правительства. Дража делал свое дело под опущенным забралом!

В первые же дни в Белграде и в других местах начались аресты. Тысячи людей были посажены в концентрационный лагерь на Банице, сотни сразу же расстреляны. Фольксдойчи, ванчомихайловцы, усташи, летичевцы, домобранцы, баллисты, недичевская жандармерия — все занялись вылавливанием коммунистов.

Преследовались и евреи. В Белграде до прихода немцев жили 12 тысяч евреев. Немцы зарегистрировали 9145, и в первые же два месяца уничтожили 5100, остальных транспортировали в немецкие лагеря, где их постигла та же участь.

Немцы, проживающие в Югославии, получили особые права. Началось выселение коренных жителей с территорий, присоединенных к «третьему рейху». Насаждались немецкий, итальянский, румынский, болгарский, венгерский языки. Фашистские листки развернули погромную антисербскую пропаганду. Группы усташских головорезов истребляли сербов, живших в Хорватии. Католическая церковь, по совету Ватикана, потребовала обязательный переход сербов в католичество. В Боснии и Герцеговине усташи натравливали мусульман на православных, а сербские националисты занимались резней и погромами в Македонии. Венгерские фашисты расправлялись с сербами в Бачке, болгарские — в Вардарской Македонии.

4 июля в Белграде Политбюро СКЮ под руководством Иосифа Броз Тито разработало план развития партизанских операций в Сербии и дало общие указания партизанским отрядам в других областях для начала вооруженного восстания.

* * *

В начале сентября собрались в уютной квартирке Александра Гракова.

Все ждали Денисенко. Он опаздывал уже на полчаса.

— Что-то с ним стряслось, — забеспокоился Черемисов. — Лесик всегда точный!

— И Зорицы нет! — поглядывая в окно, сказал с грустью в голосе Буйницкий.

— А ты вроде в нее влюбился? Смотри, Аркашка тебе ноги перебьет, — погрозил ему весело Черемисов.

— Она ни на кого не смотрит! А вот и Лесик показался. Спешит.

Спустя минуту вошел запыхавшийся Денисенко. Он взял под руку Хованского и отвел в сторонку.

— Говори при всех, что случилось?

— Арестованы Драгутин и Зорица. Сегодня ночью их взяли на Макензиевой. Кто-то их предал. Они ведь под чужими фамилиями.

— Срочно спасти их... — заволновался Буйницкий.

— Спокойно, Николай, без паники! Кто их взял? Немцы или недичевцы? — спросил Алексей у Денисенко и, не дождавшись ответа, снова обратился к Буйницкому: — Отправляйся к ним на квартиру и выясни точно, кто их взял, когда. Поговори с соседями, которые живут от них справа. Скажи, что от меня. Иди, мы подождем. Чтоб через два часа был здесь, и поосторожней!

Буйницкий, ни слова не говоря, покинул комнату.

— Кто же мог их предать?

— Они ведь не сербы, не евреи, и никто не знает, что они коммунисты. Странно! Неужели пронюхали те русские, что живут напротив? — недоумевал Денисенко. — Но как?

— Югославия выросла из Сербии после Версальского мирного договора почти втрое, и это вскружило голову сербам. Они зазнались — роль гегемона на Балканах при низком культурном уровне интеллигенции и правящих кругов! Самомнение это, быть может, присуще всем славянам, как южным, так и западным и северным, не это ли вызвало к ним ненависть у находившихся под влиянием Австро-Венгрии хорватов и словенцев, — рассудительно начал Граков.

— Славянство держится на трех китах, — съязвил Денисенко, — на сербском «инате», польском «гоноре» и русском «шапкозакидательстве»! Этим наши враги и пользуются.

— Кончайте мировые вопросы! — резко оборвал их Хованский. — Приступим к делу. Александр, вам уда-

лось договориться с Георгиевским? — обратился он к Гракову.

— Я поехал в Сремску Митровицу, зашел к Молчанову, и тот отвел меня к Георгиевскому. «Рад вас видеть! Вот и отлично! — встретил он меня. — Едете в Берлин? Сообщите Байдалакову, что пока я скрываюсь от немцев. Пусть он поспешит оформить наверху мне документы, чтобы я мог спокойно вернуться в Белград. Потом передайте ему вот это». И Георгиевский протянул мне вот этот блокнот. Чистый, как видите.

— Симпатические чернила! — кивнул Хованский, оглядывая со всех сторон чистые листы блокнота. — И это все?

— Все, Алексей Алексеевич! В Берлине Байдалаков передаст мне этот же блокнот, когда я буду возвращаться обратно. Если немцы даже и заподозрят что-либо и даже удастся им прочесть шифровку, то она касается исключительно русской эмиграции, в частности, генерала Скородумова и его «Охранного корпуса».

— Ну, это мы проверим! — заметил Хованский. — Когда вы предполагаете вернуться из Берлина в Белград? — И подумал: «Георгиевский тоже интересуется «Охранным корпусом». Этот «Охранный корпус» формировался из русских эмигрантов».

— Мне придется еще побывать в Гамбурге. Ведь центр нашей фирмы там. Так что не знаю... — замялся Граков.

— В Гамбурге повидайте одного человека. Поговорим вечером, — тоном приказа заметил Хованский и обратился к Денисенко: — А теперь решим с вами, Алексей Гордеевич! Мы уже со всех сторон обсасывали ваше будущее поведение. Поедете в Витебск. Там живут мать Околова — Евгения Ивановна и сестра Ксения Сергеевна. Запомните адрес — Ветеринарная, тридцать восемь. Ксения Сергеевна, как мне кажется, истинный советский патриот. Она работает врачом в больнице на Марковщине, это на окраине города, в бывшем монастыре святого Марка. Но будьте с ней предельно осторожны. Сейчас вся Россия «ходит по кругам ада». Большевики сдают экзамен перед Историей. Мы сдаем здесь экзамен перед Советской Россией.

Хованский задумчиво посмотрел в окно, потом взял Денисенко за плечо и посмотрел ему прямо в глаза:

— Страшно, Лесик?

— Страшно, Алексей Алексеевич! И за себя, и за Россию, еще больше за эмиграцию... Зачем русским идти с немцами? Иуды! Как не понимают?!

К ним подошел Черемисов.

— Извините, что вас перебиваю, Алексей Алексеевич, выручить Зорицу нам может помочь Берендс или его мадам. Я позвоню ему по телефону, узнаю, дома ли он?

— Не надо, Жора! Людвиг Оскарович сам вот-вот явится сюда! — Алексей взглянул на свои наручные часы. — Через час. Поднимись ко мне, возьми в буфете бутылку коньяку, с вешалки плащ и шляпу и еще какую-нибудь мелочь, тащи все сюда. Берендс человек наблюдательный, пусть подумает, что я живу здесь, в этой комнате. Я иду следом.

— Ясненько! — Черемисов направился к двери.

Хованский положил в карман пиджака блокнот и обратился к Денисенко и Гракову:

— Собирайтесь, ребята, не надо, чтобы Берендс вас здесь видел. Я скоро вернусь.

Он поднялся в свою квартиру, уселся за письменный стол и принялся за работу. Спустя полчаса шифровка была готова.

«9.41. Александр Граков надежен буду держать связь через него тчк Задача Берлине ближе держаться Байдалакова тчк О работе НТС в Берлине он будет сообщать вам шифр № 4 тчк Алексей Денисенко попытается проникнуть в Витебск или Смоленск и ближе держаться Околова тчк Проверит и свяжется с источником в Витебске тчк Привет Огюсту тчк Иван № 2».

Потом подошел к стоявшему у окна на высоком столике микроскопу, вынул из кармана блокнот, который ему передал Граков, и прочитал по незаметным для простого взгляда вмятинам на бумаге:

«Начало сентябрь сорок первый шифр № 1 по Гумилеву «Черный жемчуг» Маг».

Далее шли цифры.

Алексей все тщательно переписал. «Вечером постараюсь расшифровать этого «Мага» — Михаила Александровича Георгиевского. А «Черный жемчуг» Гумиле-

ва у меня где-то есть. Генсек Георгиевский, наверное, пользуется шифром, о котором мне говорил Чегодов, или шифрами, которыми снабжает своих «офицеров революции», когда их перебрасывает через кордон Георгий Околов. Куда все-таки девался Чегодов? И что с ним произошло? Почему он сам не явился к нашим властям? Зачем пытался перейти из Буковины в Румынию? Зачем ему было бежать из ДПЗ? Не могу поверить, что он меня обманывал! Честный, неглупый парень. Ох, эта эгоцентристская принципиальность! За него мне еще достанется! Подпольная типография НТС осталась где-то в Кишиневе. Хорошо хоть наши рацию захватили. А то бы мне вообще перестали верить!» И направился обратно в квартиру Гракова, куда с минуты на минуту должен был прийти Берендс.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПОДСЛУШАННАЯ БЕСЕДА

> Они ненавидят врага ненавистью, которой можно плавить сталь...
>
> Л. Леонов

1

Людвиг Оскарович вошел в комнату, шевеля пшеничными бровями, кланяясь и приговаривая:

— Здравствуйте, здравствуйте, очень приятно, очень приятно... чем могу служить? Мое почтение, Алексей Алексеевич! И вам, господин Черемисов!

— Нужно выручить жену Аркадия Попова и ее отца. Аркашу вы, наверно, знаете, он майор-летчик, сейчас находится в отряде усташей *, где-то возле Бледа. Его самолет был подбит в апреле над Словенией. Аркаше кое-как удалось приземлиться... — деловито объяснил Хованский.

— Аркадий Попов... Это кадетский «атаман»? Потом офицер? Как же! Помню! Богатырского телосложения! — И, ударив ладонью по лбу, Берендс воскликнул: — Ах, конечно, помню! Он схватил меня так, что я вверх тормашками летел шагов десять, до сих пор шрамы остались. — И он ткнул пальцем себя в щеку.

* Усташи — фашистская организация хорватских националистов, созданная под эгидой итальянцев и немцев.

Хованский укоризненно улыбнулся:

— Зачем ворошить старое? Я ведь тоже не забыл свое «купание» по вашей милости, но стараюсь не вспоминать.

— Ваш легкий намек, Алексей Алексеевич, бросает на меня густую тень, — не удержался, чтоб не сострить Берендс. — Значит, Попов в отряде усташей нечто вроде троянского коня? Не завидую ему... Спасти жизнь его жены и ее отца... гм-м! — И он хитро, двусмысленно заулыбался... шаркнул ногой, закивал головой и оглянулся на входящего Буйницкого.

— Алексей Алексеевич, их взяли еще вчера ночью... — проговорил Буйницкий, но, заметив Берендса, осекся.

— Кто их взял? — махнул рукой Хованский, давая понять, что Берендса опасаться не следует. — Рассказывай все.

— Недичевцы*! Говорят, очень били Драгутина, обзывали коммунистом. Его и Зорицу после допроса затолкали в машину и куда-то увезли.

— Куда? Не на Баницу**?

— Взяли их недичевцы, потому и повезли, наверное, на «Саймиште».

— Это уже легче, — закивал Берендс. — Я знаком с помощником коменданта. Однако, сами понимаете, за сутки их могли заставить «признаться» или забить насмерть палками. Звери! Сброд шакалов! Но я попытаюсь узнать о их судьбе. — Он подошел к висевшему на стене телефону. — Нужно только подарок приготовить. Что-нибудь уникальное! Хе-хе!

Берендс долго звонил, потом, как показалось Алексею, нерешительно и неохотно с кем-то разговаривал. Но, выпив поднесенный ему Черемисовым стакан коньяка, оживился, закаламбурил, и в голосе прозвучали повелительные нотки. Он вновь взялся за телефон. Наконец повесил трубку и, кивнув на стакан, произнес:

— Репете!

Черемисов налил.

— Сейчас придет машина и привезет нам пассиршейне — пропуска. Поедем на «Саймиште»! Хотите со

* Недичевцы — стража генерала Милана Недича, военного министра Югославии, возглавившего созданное немцами в августе 1941 года сербское правительство.

** Баница — пригород Белграда, где во время фашистской оккупации находился концлагерь.

мной, Алексей Алексеевич? Или вы, господин Жорж? Фамилия на пропуске не проставлена. На всякий случай. Хе-хе! — И Берендс с удовольствием отхлебнул из стакана. — Нужен свидетель и гарант одновременно. Чтобы вытащить их сухими из воды, придется напустить туда побольше мути.

— Поеду я. — Хованский встал со стула. — Жорж говорит по-немецки с акцентом. Сразу видать русского. Он сходит за подарком. Возьмет у соседа часы.... — И подумал про себя: «Конечно, я поступаю опрометчиво, но выхода нет, к тому же надо посмотреть самому».

* * *

Долина реки сера от паровозного дыма, который, поднимаясь, заволакивает скелеты сгоревших и разрушенных только что домов, в небе одиноко мерцают позолоченные кресты церквей и колоколен. Особняком высятся кирпичные стены крепости Клемегдан и огромный голый «Победник» на высоком постаменте. У «Саймиште» — бывшей выставки — высятся переплетения балок караульных вышек с прожекторами и пулеметами. Чернеет высокая ограда из колючей проволоки. На звук автомобильной сирены ворота отворяются, к машине неторопливо направляется начальник караула, самодовольный, сытый немец.

— Лос! — кричит, высунувшись из автомобиля, Берендс.

Немец вздрагивает, словно его ударили кнутом, кидается со всех ног к машине, подбежав, щелкает каблуками и берет под козырек. «Начальство!» —мелькает у него в голове, и он, даже не глядя на пропуска, приказывает поднять шлагбаум.

Машина катит к небольшому каменному дому, утопающему в глубине чуть тронутого осенним золотом тенистого сада. Там живет обер-палач — комендант лагеря.

Алексей смотрит по сторонам. Каждый павильон предвоенной Международной выставки обнесен колючей проволокой; у входа, возле «ежа», два стража с дубинками в руках.

Кругом чистота, зеленеют газоны, на клумбах пестрят цветы, дорожки усыпаны гравием, а по ним на четвереньках ползают люди в серых арестантских робах.

Машина въезжает во двор и останавливается у само-

го дома. Берендс выходит и, козырнув Алексею, который остается в машине в небрежной позе читать газету, направляется к стоящему на крыльце гестаповцу, сует ему под нос документ, входит внутрь.

Томительно бегут секунды, превращаясь в долгие минуты. Алексей хочет сосредоточиться, еще и еще раз обдумать возможные варианты — как выручить Драгутина и Зорицу. И вдруг до его слуха долетают душераздирающие вопли; такое впечатление, что кто-то жалуется, сердито кричит, потом начинает скулить, умолять и вдруг меняет тембр, в голосе уже нет ничего человеческого — это вопль, истошный, мучительный крик. Наступает тишина, гнетущая, мертвая, словно весь лагерь затаил дыхание и прислушивается... Алексей чувствует, как кровь пульсирует в его висках.

Наконец-то на крыльце появляется Берендс в сопровождении маленького лысого офицера в гестаповской форме, офицер со стеком в руке, холодные глаза устремлены на сидящего в машине гостя.

«Этот уже перешагнул грань вседозволенности, им владеет бес, и не мелкий, а сам Люцифер», — про себя комментирует Алексей и, неторопливо выходя из машины, направляется навстречу гестаповцу.

Немец не вскинул правую руку, не прокричал «хайль Гитлер!», а невнятно пробормотал: «Гутен таг!», верней: «Тунта-а!» — и назвался:

— Смюлег... — И жестом пригласил следовать за ним. А Хованский, идя за ним, обкатывал в сознании эту фамилию: «Смюлет», или «Шлмюлер», или «Флюмер»?

— Доле капе! — орет стоящий неподалеку от ворот старший страж с дубинкой в руке и торопливо срывает с себя шапку.

Вокруг тяжелая, давящая тишина, все стоят, склонив обнаженные головы, опустив в землю глаза, согнувшиеся, покорные, стоят скелеты в грубых широких одеждах с повисшими как плети руками.

Два палочных дел мастера впереди. За ним два гестаповца с собаками. У бани шествие останавливается. Помощник коменданта, указывая стеком на дверь, приглашает Берендса и Алексея войти.

В узкой комнате на бетонном полу лежит голый по пояс человек, он тяжело дышит, голова его как-то странно откинута назад, отекшие синие руки связаны в запястьях проволокой; все его тело, покрытое ссадина-

ми, дрожит мелкой дрожью, неподвижна только сведенная судорогой левая нога.

Немец приказывает поднять жертву. Один из «мастеров» хватает лежащего за волосы и тут же, получив сильный удар стеком по спине, тотчас опускает осторожно на пол, подхватывает человека под мышки, с трудом ставит на ноги. Другой раскручивает на его руках проволоку, подает кружку с водой.

Человек, не глядя ни на кого, жадно пьет, вода и сукровица стекают двумя розовыми полосками по его искусанным губам и подбородку на шею и волосатую грудь. Хованский узнает в нем Драгутина.

Глаза, большие, серые, недавно еще полные юмора, погасли, и только где-то в самой глубине таится огонек мысли и воли. Скользнув взглядом по стоящим у двери людям, Драгутин отрешенно смотрит на помощника коменданта, с трудом ворочая языком и задыхаясь, хрипит на ломаном немецком языке:

— Меня и мою дочь оклеветал бандит Скачков, уби...

— Молчать! Хальт'с Маул! Заткнись! — кричит стоящий за спиной помощника коменданта гестаповец. — Отвечай только на вопросы!

Но Драгутин вдруг дернулся всем телом, кровь хлынула изо рта, и, уронив на грудь голову, безвольно повис на руках поддерживавших его «мастеров».

— Вроде умер! — проговорил один из «стражей», перевернув, посмотрел на остекленевшие глаза и опустил тело на пол.

«Откуда Скачков узнал о Драгутине? — промелькнуло у Алексея. — Спустя столько лет! Тут что-то загадочное».

— Закопать, — бросил помощник начальника, первым покинув помещение.

Берендс шагнул за ним, следом два гестаповца. Алексей на какую-то минуту задержался, он не мог не глянуть еще раз на Драгутина, это было свыше его сил... Склонившись к покойному, он ладонью закрыл ему веки. Грудь и живот покойного в свежих ссадинах и синяках, изувеченная в годы гражданской войны левая нога полусогнута. «Белый солдат тебя ранил, белый офицер предал, а свой югослав забил тебя, брата по крови, но не по духу, палками». Быстро оглядев стоявших с удивленно разинутыми ртами палачей, Алексей рявкнул:

— Беграбен! * — и вышел.

Лагерники, так же неподвижно понурившись, стояли с обнаженными головами. Беззвучно, будто они минутой молчания встретили и проводили убийц, минутой молчания почтили покойного...

Когда шли по двору, Берендс оглянулся на Хованского, в его глазах бегали тревожные огоньки, щеки слегка побелели, взяв Алексея под руку, он скороговоркой, тихо пробормотал:

— Скачков, полагаю, действует не один. Конец ниточки мы обнаружим в канцелярии лагеря и размотаем весь клубок... — И тут же, громко, чтобы слышал гестаповец: — А вашего очаровательного секретаря, если она не путается с коммунистами, в чем я уверен, господин гауптштурмфюрер отпустит с нами. — И подмигнул Хованскому, мол, готовь подарок.

В лагере верховодили дражинцы **, в их ведении хозяйственная часть, бухгалтерия, амбулатория, баня, они выполняют и роль палачей. Следственная часть — отдельный небольшой павильон, неподалеку от дома коменданта. Здесь гестаповцы. А недичевцы играют лишь второстепенную роль в процессе следствия.

У входа в отдел гестаповец при виде начальства вытянулся и щелкнул каблуками.

— Принесите мне дело... — Помощник коменданта обернулся к Алексею.

— Дело Драгутина и Зорицы Илич, — подсказал Хованский.

— И приведите эту женщину! — распорядился немец, проходя мимо дежурного в проходной.

В кабинете гауптштурмфюрер уселся за большой двухтумбовый письменный стол и жестом указал Берендсу и Хованскому на кресла.

Берендс тут же небрежно развалился в одном из них, а Алексей подошел к столу со словами:

— Вам, вероятно, известно, — он кивнул в сторону Берендса, — что я работаю в фирме «Сименс» в качестве директора югославского филиала. Братья Сименсы, Карл и Ганс, Фридрих и Эрнст, замечательные немцы...

Гестаповец и Берендс закивали согласно головами.

— Еще в тысяча восемьсот пятьдесят восьмом году

---

* Похоронить! *(нем.)*

** Так по имени Драголюба (Драже) Михайловича — генерала, возглавляющего организацию четников, называли членов этой организации.

Сименсы основали отделение берлинской фабрики телеграфических аппаратов, кабелей, изоляторов для подземных проводов. Самый способный из братьев Эрнест-Вернер Сименс основал в Берлине завод для гальванического серебрения и золочения. Германия обязана ему тем, что ее взрывчатые вещества сейчас лучшие в мире. Он первый изобрел подводные мины с электрическим приспособлением для взрыва, первый выработал теорию проложения подводных кабелей в открытом море, изобрел динамо-машину и электрическую железную дорогу. Сименсы — гордость Германии!

— Гордость Германии— наш великий фюрер! — вытаращился гестаповец.

— Сименсы истинные немцы, как и господа Круппы. — Алексей раскрыл портфель и достал большой сверток.

В это мгновение в дверь постучали, и в сопровождении солдата вошла Зорица. Она была бледна, лицо ее осунулось, постарело, между бровями залегла глубокая складка. Сопровождавший солдат протянул гауптштурмфюреру папку, откозырнул, щелкнул каблуками и вышел.

— Фрейлейн Зорица Илич, — заглянув в папку, начал гестаповец на ломаном сербском языке, — ви не казали, што радите секретарицом у госпóдина директора? — и ткнул пальцем в сторону Хованского.

— Ах, господин гауптштурмфюрер, — вскочил с места и быстро подошел к столу Берендс, кланяясь и шаркая ногами, — девочка растерялась. Кто вас допрашивал? — Берендс повернулся к Зорице с участливым видом.

— Не знаю.

— Сейчас вас вызвал гауптштурмфюрер СС, истинный ариец, культурный и благородный человек.

Зорица оторопело переводила взгляд с Берендса на немца и наконец остановила его на Алексее. Лицо его было непроницаемо, но это успокоило ее.

Берендс решительно подошел к креслу гестаповца, заглянул в папку и бесцеремонно начал перелистывать страницы. Немец равнодушно ждал, пока Берендс почитает «дело» фрейлейн. Гестаповец плохо знал язык «этих варваров», ему не хотелось вдаваться в неприятное дело секретарши директора фирмы «Сименс», вероятно, его любовницы, ибо его больше интересовал лежавший на столе сверток — вознаграждение за покладистость.

— Значит, — продолжал Берендс, обращаясь к Зорице, — связь с коммунистами вы отрицали?

— Отрицаю!

— И другую связь, с Аркадием Поповым, вы тоже отрицаете?

— Нет... это мой...

— Ага! Значит, никакого отношения к коммунистам?

— Какие глупости! — вмешался Хованский. — Зорица Илич служит у меня секретарем, последнюю неделю у нее была простуда. У вас, Зорица, и сейчас жар, я вижу, как блестят глаза. — Алексей коснулся ее лба. — Ну, конечно, нужна постель! Сделайте так, господин гауптштурмфюрер, чтобы без лишних формальностей отпустить фрейлейн...

Немец, не выдержав, потянулся к свертку и начал его разворачивать.

— Осторожно, — предупредил Алексей, — мне известно, господин гауптштурмфюрер, что вы коллекционируете раритеты. А тут часы саксонского фарфора, они были подарены Эрнесту Сименсу дочерью великого герцога Сакен-Веймарского, Августой, супругой императора Вильгельма Первого в тысяча восемьсот семьдесят девятом году.

— Хе-хе, отличный сувенир! Не оставлять же такую драгоценность в дикой Югославии, — прищуриваясь, с восхищением проговорил Берендс, еще больше поощряя интерес гестаповца, который уже держал часы в руках. — Вещь должна принадлежать лучшему представителю «третьего рейха»!

Гестаповец, потрясенный их словами, расширив глаза, взирал на фарфоровых пастушка и пастушку, сидящих в окружении овец на большом камне, куда был вмонтирован часовой механизм. Часы побывали в руках императрицы «великого германского рейха»! Гестаповец бережно поставил подарок перед собой на стол и напряженно глядел на Берендса, боясь, как бы у него не отняли драгоценность.

Зорица знала эти часы, не раз видела их на камине в гостиной Хованского. Он купил их в комиссионном магазине на Таковской улице. Раритет обошелся Хованскому в две тысячи динаров, примерно в месячное жалование служащего, но это была действительно антикварная вещь, и стоила она по нынешним временам очень дорого.

Едва машина, в которой сидели Хованский, Зорица

и Берендс, покинула территорию лагеря, все трое облегченно вздохнули.

— Что с моим отцом? — взмолилась Зорица.

Алексей отвел глаза и долго смотрел на плавни с правой стороны моста, на остатки купальных кабин вдоль берега, на покачивающиеся в зеленовато-мутной воде лодки, потом тихо произнес:

— Мужайся, Зорица, твой отец герой и погиб по-геройски. — Он обнял припавшую к нему на грудь молодую женщину.

Берендс предостерегающе пожал ей руку, шепнув:

— Зачем шоферу видеть ваши слезы и слышать рыдания? Хоть он за стеклом, но береженого бог бережет. Соберитесь с силами. — Потрогав шрам на щеке, оставшийся у него после схватки с Аркадием Поповым на берегу Савы, Берендс усмехнулся про себя: «Спас Аркадию жену. Парадокс!»

На углу Краля Милана и Кнеза Милоша они вышли из машины и быстро зашагали вниз, к квартире и мастерской Черемисова.

Во дворе к ним навстречу кинулся Буйницкий. Все это время он просидел на приступках крыльца мастерской, тупо уставясь в пространство.

— Здравствуй, Зорица! А где отец? Вы его не привезли? — Но увидев предостерегающий жест Хованского, он тут же смолк.

— Убили папу, — тихо промолвила молодая женщина, и слезы покатились из глаз, — господин Алекса...

— А что на квартире Драгутина? — обратился Хованский к Буйницкому.

— Ходил туда. — Буйницкий кивнул в сторону Зорицы. — Забрал кое-какие вещи, а то соседи все растащат. Узнал кое-что интересное.

— Что именно? — Алексей не выносил женских слез, старался отвести разговор и о гибели Драгутина, чтобы лишний раз не вызывать расспросы Зорицы.

— Там во дворе живет один пьянчуга. Соседка мне говорила, будто к нему повадились какие-то дружки. Один, далматинец, мужчина среднего роста с проломанным, как у боксера, носом. Другой — красивый, ладно скроенный, с военной выправкой шатен, ниже среднего роста. Вчера вечером сидели допоздна. Соседка не слышала, когда они уходили. Она дала мне ключ от их квартиры, и когда я зашел, то сразу понял: в нее кто-то уже забирался. В этом я убедился, обнаружив в чулане

ящики от письменного стола. Кто-то боялся зажигать свет в комнате, вытащил ящики и унес в чулан. Что-то искали. Но что?

— Там хранились папины письма и два письма Аркадия с его обратным адресом, я вам показывала, их привез его товарищ из Словении... Были письма папе от чико Васы Хранича и... другие.

— А кто же этот красивый, ладно скроенный, с военной выправкой? По всему получается Скачков! И зачем понадобилось писать донос на Попова и Драгутина? — недоуменно произнес Берендс.

Алексей вспомнил предсмертные слова Драгутина: «Оклеветал Скачков, уби...» К «делу», которое просматривал Берендс, был приложен донос Скачкова. Но почему Скачков мстит Драгутину и Зорице? И зачем полез в квартиру за письмами? Кому-то интересен Аркадий Попов?

— Скажите, Людвиг Оскарович, — обратился Хованский к Берендсу. — Что написал в своем доносе Скачков?

— Я очень бегло просматривал «дело», вскачь, Драгутин обвинялся в причастности к коммунистической партии, а Зорица в том, что была связана с большевистским агентом Аркадием Поповым, офицером югославской армии. Писем Попова там не было. — Он глянул на Зорицу. — Недичевцы, вас арестовавшие, могли бы и сами устроить обыск в вашей квартире.

— Они отодвинули только ящик, а письма лежали в глубине, в потайном отделении, они их не обнаружили. А тот, с проломанным носом, наверно, Периша Булин, сын торговца, Аркадий ударил его в тридцать шестом году, когда тот с босяками-факинами меня затащил, совсем еще девочку, в глухой двор, чтобы поиздеваться надо мной. Далматинцы ничего не забывают! Булин поклялся отомстить Аркадию, мне и отцу... Проклятый!.. Это он сжег по выходе из тюрьмы наш дом и кафану. Никто другой! Он отомстил отцу и мне!.. Он! Он!

— Успокойся, Зорица... Вторым был Скачков. Видимо, оба сидели в одной тюрьме — в Зенице, — заметил Алексей. — Значит, сейчас Периша Булин знает адрес Аркадия. Это опасно для Попова. А Скачков возьмется за вас, Людвиг Оскарович, да и за Ирину Львовну!

Берендс презрительно усмехнулся. Его пшеничные брови полезли наверх, глаза округлились и тут же зло прищурились, он щелкнул пальцами:

— Укус комара!..

— Малярийного, и потому опасного. Займитесь, Людвиг Оскарович, комаром, а мы постараемся выяснить все о Булине. Согласны?

Берендс кивнул и встал, начал прощаться.

Когда он вышел, Алексей приблизился к сидящей в углу Зорице.

— Соберись с силами, девочка. Ты не одна, вот твои братья. — Он указал на стоящих Буйницкого и Черемисова. — Постараюсь заменить тебе отца. Приведи себя в порядок, думай о том, как нам выручить Аркашу. А мы, пожалуй, отправимся на Макензиеву, но так, чтобы никто, кроме соседки, там нас не заметил.

Сумерки уже спустились на город, когда они сели в трамвай, подошедший на углу Краля Милана и Кнеза Милоша, и поехали мимо цветного торга и Славии на Макензиеву. Квартира Драгутина и Зорицы была не на самой Макензиевой, а на упирающейся в нее Баба-Вишневой улочке, во дворе, окруженном несколькими домишками, похожими скорей на сараи; там в однокомнатных, двухкомнатных или максимум трехкомнатных квартирах с кухней жила беднота; у каждого домика крохотный палисадник с обязательной скамейкой, в ясные дни на таких скамейках греют кости, чешут языки старики и старухи, затем к ним присоединяются, закончив домашние дела, хозяйки и вернувшиеся с работы мужчины.

Первым во двор проскользнул Буйницкий. На Баба-Вишневой было уже совсем темно. Буйницкого догнал Черемисов.

— Экая темень здесь, карамба! И до войны на всей улице было три фонаря. Я ведь здесь жил по соседству, на Курсулиной. А там знаменитая Чубура *. — Черемисов ткнул пальцем в сторону Макензиевой.

— Тихо, — вполголоса предупредил Буйницкий. — Вы, Алексей Алексеевич, идите с Зорицей на квартиру, а мы с Жорой будем тут охотиться за пьяницей... Он должен скоро прийти.

— Если будет не один, в драку не ввязывайтесь. В наших окнах будет свет. Понаблюдайте, что он станет делать, — инструктировал Хованский. — Берите его, когда он останется один.

Стрелка на будильнике Зорицы приближалась к де-

* Чубура — район Белграда.

вяти, когда в дверях послышался условный стук, Буйницкий с Черемисовым ввели в прихожую под руки невзрачного мужчину в грязном, поношенном плаще с поднятым воротом, из которого торчали длинная худая шея и давно не бритый подбородок. Сизый нос с лиловыми прожилками и водянистые глаза под воспаленными красными веками дополняли портрет пьяницы самого низкого пошиба. Он тупо уставился на Алексея, потом обвел взглядом комнату, пожал плечами и хрипло выдавил:

— Зачем силой в гости затащили?

— Ты с кем сюда приходил и что тут делал? — спросил Буйницкий.

— Иди ты... — огрызнулся тот. И тут же сморщился от боли — Буйницкий сильно сжал ему плечо.

— Ты все расскажешь, мой байо, не валяй дурочку и не ври! Рассказывай господину, не то ты у меня завоешь! — И Буйницкий так крутанул ему руку, что тот глухо вскрикнул.

— Больно! Скажу... С корешами сюда приходил. По тюрьме их знаю, сидели вместе лет восемь назад. Периша мой земляк, далматинец, не какой-нибудь золоторотец факин, а сын газды, богатея! А Мишо — русский, по мокрому делу всю катушку отсидел. Он злой. Он меня заставил влезть в окошко. Периша — жить, говорит, не буду, но отомщу. Уехал, собака, два часа тому назад в Словению. Оба мне марки обещали, а расплатились, гниды, угощеньем. — Он тупо уставился в угол, изредка с опаской поглядывал на Хованского.

— Знаешь, что Драгутина забили палками? — не выдержал Буйницкий и ударил предателя кулаком в лицо. — Ты, гадина!

Тот отшатнулся и схватился за нос.

— За что бьешь? Драгутин коммунист, агент Москвы, — бубнил босяк, держась руками за нос, из которого потекла кровь.

— А чем тебе Москва помешала? Отберет у тебя поместье, дом, виллу на море? Дубина! Говори!

— Хальт! — остановил их Алексей. — Вышвырните этого дурака вон. Драгутин никогда не был коммунистом, как и Попов!

— Ошибаетесь, господин, Периша Булин говорил, что следил за тем и за другим еще до войны! — бойко загнусавил пьяница. — Драгутин держал кафану «Якорь», а когда вы, немцы, пришли, Драгутин скрылся

и переехал на эту квартиру. Попов — майор, летчик, он живет возле Бледа, влез к усташам, мы читали его письма.

— Гут, это мы проверим, а сейчас ступай! Данке! Не суй нос не в свои дела. Зейне назе штекен не в свои дела, не то получишь по носу. Ферштайден? Понял?

— Ферштайден! Ни за какие деньги, господин! — Босяк радостно растирал правое плечо и руку, поглядывая укоризненно то на Буйницкого, то на Черемисова, которые хорошо усвоили приемы джиу-джитсу и полагали себя мастерами, но с таким жалким подонком не считали нужным использовать свой опыт.

2

Шел 1941 год. Приближалась пасха.

Аркадий Попов приземлился со своим истребителем на склоне горы неподалеку от Бледа, небольшого курортного города, живописно расположенного на берегу озера. Склон горы, который «приютил» его самолет, сломал крыло и измял фюзеляж, и Аркадий, безнадежно вздыхая, прихрамывая, заковылял к видневшейся внизу церкви, окруженной несколькими домами. О том, чтобы починить самолет, нечего было и думать.

Вышедший из дверей церкви священник сначала с опаской, а потом радушно пригласил летчика в свой дом, где осмотрел рану на его ноге.

— Вам, господин майор, придется остаться у меня, пока заживет рана, — участливо сказал священник. — Война кончилась. Итальянцы в Загребе, немцы в Мариборе, вот-вот будут здесь. Если увидят вас в форме, обязательно интернируют.

Прошла неделя, потом вторая. Патер тоже оказался ярым противником фашизма. В долгих вечерних беседах они нашли общий язык, и их знакомство переросло в подлинную дружбу.

Вскоре стало известно, что Словению немецкий фюрер и итальянский дуче поделили: северная часть отошла к рейху, южная, под названием Люблянской провинции, — к Италии.

— Ах, какие немцы разбойники, сын мой! — качал головой патер, когда они сидели за стаканом вина и горячо обсуждали известие о присоединении к Германии оккупированной части Словении и ее онемечивание. — Тотчас после присоединения Австрии к Германии многие

богатые евреи бежали к нам, им отвели огромный отель «Еловицу», а теперь они снова убежали от нас, кто, разумеется, успел. Немцев интересует их золото.

— Его тут, наверно, немало, — заметил Аркадий. — Вы говорили, что и раньше сюда наведывались молодчики из гитлеровской разведки.

— Да, согласно планам Гитлера в Бледе должен обосноваться идеологический центр «третьего рейха». Мы в штабе ОФ уже знаем, что предстоит насильственное переселение словенцев из родного края в другое место. Эти сведения секретные, но немцы проболтались.

— А что значит ОФ?

— Мы стараемся распространить среди нашего народа подлое решение Гитлера. Ведь Штирийская часть Словении отходит под «Гау Штеиермарк», а Краньска под «Гау Карнтен». Народ организует, сын мой, сопротивление, которое будет называться «Освободительный фронт». У Канариса много шпионов, завербованных еще до войны. Имена некоторых известны. Особенно опасны усташи.

— А что за люди, которые идут за Павеличем и Кватерником, организовавшим убийство короля Александра?! Я мало о них знаю, — расспрашивал Попов священника.

— История это долгая, сын мой. Усташи — сторонники сепаративной шовинистической террористической организации «Хорватское освободительное движение» и еще «Хорватская Революционная организация — Усташей». Их вождь Анте Павелич. Она возникла после провозглашения Александром Первым абсолютного режима *. Павелич бежал в Вену, потом в Болгарию, где познакомился с известным террористом и шпионом Буревым, и наконец обосновался в Италии. А у Италии давний спор с Югославией. Ведь именно в Италии местопребывание главного усташского стана, хотя отделы есть в Бельгии, Голландии, Германии, Болгарии и Венгрии — в Янки Пуста.

— Да, — закивал Аркадий.

— Так вот, в Италии отряд усташей-террористов насчитывал поначалу человек десять-пятнадцать, потом их стало около сорока. Группировались они в Риеке и Задаре. Югославская разведка следила за ними, они все время меняли местожительства, таились и от местного населения. В декабре тридцать третьего года они попы-

* Это произошло 6 января 1929 года.

тались убить Александра, но аттентатор* был арестован задолго до покушения. — Патер внимательно поглядел на Аркадия, как бы изучая, понимает ли Попов его рассказ, сочувствует ли ему, и продолжал: — Между Германией и Италией, несмотря на их близость, существуют глубокие противоречия. Гитлер понимал, что ключ юго-восточной политики в Европе находился в Белграде. И он завел флирт с Муссолини, но тому потакала Франция, тогда Гитлер стал искать «любви» у Белграда.

— Муссолини в связи с нацистским путчем и убийством канцлера Долфуса мобилизовал и сосредоточил на границе Австрии войска, — добавил Попов.

— Точно! Это было в конце, а еще точней, двадцать пятого июня тридцать четвертого года. Югославия тогда заявила, что не останется в стороне в случае интервенции Италии. Муссолини понял, что может вспыхнуть война, а к ней он был не готов, его интересовала Эфиопия. Первого сентября, собрав ближайших сотрудников, он поделился с ними секретными сведениями: для заключения договора с Югославией существует единственное серьезное психологическое препятствие — король Александр Карагеоргиевич, который «после множества безуспешных попыток сблизиться с Италией весьма на нас обижен». Присутствующий на совещании итальянский посол в Белграде, Гали, получил директиву дать понять наверху, что Муссолини готов договориться с королем. Однако югославский король Александр больше не верил Муссолини, он знал, что дуче встречался с вожаком террористов-усташей Анте Павеличем. Через свою разведку король знал и то, что в Италии готовят террористов с намерением его убить, когда он поедет во Францию через Италию. Он знал даже, что в Венгрии, на хуторе Янки Пуста, сидит банда усташей-террористов и ожидает его поезда. Но королю Александру все-таки надо было ехать... Королю был известен также любопытный документ министерства пропаганды Геббельса — детальный, хорошо отработанный план гитлеровской политики на Балканах на ближайшие годы. В документе рекомендовалось использовать недовольство Белграда Италией, вызванное «Римскими протоколами», в которых высказывались притязания Рима на северные области Югославии. Не радовал югославского короля и

* Покушающийся на жизнь кого-либо на политической почве *(франц.)*.

аншлюс, в силу которого Германия становилась будущей хозяйкой на Балканах. Вот почему казалось рациональным установить добрососедские отношения с Францией. Не радовала короля Александра пассивность Франции к югославским интересам. — Патер поднялся, подошел к окну и, глядя в даль, тихо заметил: — Господи, красота-то какая!..

— Король Александр был плохой дипломат! Возглавляя Малую Антанту, он мог заметно влиять на европейскую политику, — горячо заговорил Аркадий Попов, не обращая внимания на красоту, которую увидел в окне патер. — Югославия должна была искать поддержки у Советского Союза! Русские весьма популярны в Сербии и Черногории.

— Вы забываете наш страх перед «красной заразой», сын мой. Король Александр предполагал встретиться с советскими представителями во Франции, обговорив его с французскими лидерами, но он хотел и сближения с Германией, дескать, оно не пойдет в ущерб дружбе с Парижем и курсу Малой Антанты.

— Это верно, он пытался проводить собственную политику! — согласился Аркадий Попов. — Помните его слова: «Мы во многом обязаны Франции, но мы не их Марокко!», сказанные Жану Луи Барту?

— Это воля нашего народа! Наш характер! — вдруг загорячился патер. — Но мы не так сильны, как большие народы...

— И что же дальше?

— Король Александр боялся Гитлера. Поехать во Францию легко. Но что подумает об этом фюрер? Французская разведка не хотела брать на себя охрану короля в дороге. И потому было решено плыть по морю. И девятого октября крейсер «Дубровник» бросил якоря в Марсельском порту. Загремели залпы салюта, зазвучали фанфары. Толпы марсельцев, запрудив пристань, приветствовали нашего короля. Под восторженные овации король Александр пожимал руку склонившегося перед ним в почтительном поклоне седовласого семидесятидвухлетнего Луи Барту.

— Французы называли его Огнеупорным! — засмеялся Аркадий.

— Почему?

— Веселый народ, любят шутку, острое словечко: «Париж стоит мессы», «Государство — это я», «После меня — хоть потоп» — известные фразы королей; «Если

бы бога не было, его следовало бы выдумать», — говорил Вольтер *. А Барту стяжал иную славу. Он не отличался остроумием. После открытия Амундсеном Южного полюса, когда ряд государств направил туда свои экспедиции, оппозиция во французском парламенте потребовала объяснения, почему не предпринимает никаких шагов в этом направлении Франция. Барту, в то время премьер, ответил депутатам, что на корабельных верфях уже строятся специальные огнеупорные суда, чтобы безопасно добраться до Южного полюса. На другой день, читая газеты, веселые французы хохотали до слез, называя премьера Огнеупорным. Извините, опять вас перебил!

— Так вот, наш Александр в отличие от Барту не страдал легкомыслием. Король помнил, что его могут убить и в Марселе, но так нервничал, что забыл надеть свой стальной панцирь. Роскошный черный лимузин медленно катил по улице Каннебьер, полицейские с трудом расчищали путь от народа. Несколько гвардейцев с саблями наголо гарцевали на сытых конях позади. Вдруг к машине подскочил человек с большим пистолетом в руке и рванул дверцу. Шофер заметил наглеца, но ничего не успел сделать. Оцепеневшая от неожиданности толпа только ахнула. Барту беспомощно закрыл лицо руками, и в тот же миг убийца выстрелил ему в голову. А король увидел аттентатора слишком поздно, у самой машины, он успел только распахнуть дверцу и повернуться, чтобы выскочить, но выстрел в спину раздробил ему позвоночник между лопатками, и король умер мгновенно. Подскакавший гвардеец ударил убийцу саблей, тот упал, заливаясь кровью, разъяренная толпа его тут же растерзала. Эта кровавая драма сыграла немаловажную роль в истории отношений между Югославией и Францией, лишила Югославию твердой руки, Малую Антанту — вожака и кинула нашу страну в объятия фашизма. Народ твердил не зря: «Король поехал во Францию, чтобы договориться с матерью Россией, и за это его убили».

— Вы думаете, это сделал Гитлер? Дело темное! Между двумя стульями не сядешь, — вздохнул Аркадий.

— Разделяй и властвуй, говорили еще римляне, —

* Эта фраза встречается у Вольтера, но она заимствована из 93-й проповеди кентерберийского архиепископа Джона Тилльтсона (1630—1694).

спокойно продолжал патер. — Малые народы всегда ждут, кто стучится в дверь. Кто войдет. Или кто вломится. Посмотрите: славяне не могут объединиться! Арабы не могут! Африканские народы тоже враждуют между собой. Их кто-то разделяет... Их ссорят между собой по разным поводам — религиозным, политическим, идеологическим, экономическим... Если бы Сталин...

— При чем тут Сталин? Партия, русский народ, все советские народы не потерпят немцев! — горячился Попов. — С «пятой колонной» в России у Гитлера ни черта не выйдет!

— Да, конечно, у нас в Словении «пятая колонна» работала уже давно, — смиренно закивал священник. — Когда в Блед прибыли гестаповцы и абверовцы, они уже знали фамилии врагов «третьего рейха», какие здания захватывать, с кем держать связь и на кого опираться. В нашей Крайне тоже скоро начнется выселение словенцев, как это немцы делают в Корушке. Рейхсфюрер Генрих Гиммлер еще в марте приезжал в Целовац, это на самой границе. К нам в Блед прибыл майор СС Фриц Волкенборн вместе с двумястами полицейскими из Корушки. С двадцать первого апреля начало работу гестапо во главе с Гельмутом Розумеком, капитаном СС, а срезских начальников сменили немецкие политические комиссары. Кстати, Розумек поселился на Прешерновой улице в вилле «Влтава», мы там с вами, сын мой, проходили. Большое здание, окрашенное в желтый цвет, с множеством окон, среди огромного сада. Пред домом маленький фонтан. Помните?

— Как же, напротив «Фото-Водичке»!

— У вас хорошая зрительная память, сын мой, постарайтесь запомнить, что хозяина виллы зовут Звонко Янежич, Звонко Янежич! О нем и о его жене Анджеле мы еще поговорим, если...

— А зачем мне его запоминать? Не собираюсь задерживаться в Бледе.

— Разве вы не хотите продолжить борьбу с фашизмом? Разве не хотите помочь своей теперешней родине — Югославии и прежней — России? Дезертируете? — насупился патер.

— Ну ладно, хватит! — вспыхнув, рявкнул Аркадий и энергично рубанул воздух рукой. — Я намерен пробираться в Белград не для того, чтобы играть в бирюльки! Вам со своей паствой остается лишь молиться, а у меня в Белграде боевые товарищи!

— Да, в Сербии, сын мой, товарищей много, а у нас, здесь, их пока мало, особенно таких решительных и сильных, как ты! И я буду просить тебя, Аркадий, — патер нажал на слово «просить», — остаться на некоторое время здесь, помочь в очень важном деле с усташами...

— С усташами? Значит, вы не случайно рассказали мне о них? Анте Павелич в Загребе вроде бы сотрудничает с итальянцами...

— Да, усташи сотрудничают и с ними, и с немцами, вербуют в своих ряды заблудших, проповедуют убийство и грабеж сербского населения: «Режь православную веру!», «Грабь, насилуй! Забивай палками!» У них большая сеть осведомителей. Оккупационные власти, понимая, что в Хорватии и Словении может подняться восстание, вооружают хорватских националистов, создают карательные отряды во главе с усташскими эмигрантами.

— А много ли усташей было в Италии? — заинтересовался Попов.

— А кто их считал! Они жили и в Австрии, и в Германии, даже в Бразилии! В Вене у них выходил «Грич», в Берлине «Независимое государство Хорватия» и «Кроатия Пресс». В Италии газета «Усташ». Даже в Соединенных Штатах в Питтсбурге печатается листок «Независимая Хорватия». Усташи, конечно, были малочисленны, поэтому немцы делали ставку на Владко Мачека, который согласно договоренности делил власть в королевской Югославии с Драгишей Цветковичем. Осторожный Мачек не верил в победу фашизма и уклонился от предложения немцев возглавить Хорватию под протекторатом Германии. Теперь осуществляется итальянский вариант.

— Неужто немцы уступили Хорватию итальянцам?

— В какой-то мере. Когда гитлеровские части вошли в Загреб, бывший австро-венгерский полковник генштаба Славко Кватерник, агент абвера, провозгласил создание Независимого Государства Хорватии (НДХ)* и от имени «вождя усташей» Анте Павелича. А сам «вождь» в то время еще находился в Италии и узнал об этом по радио.

— Экий запутанный клубок! Ей-богу! — всплеснул руками Попов.

— Весьма. Муссолини пригласил Павелича к себе и

* Народна Држава Хрватска.

объявил ему, что настало время готовить к акциям своих усташей. Потом состоялась вторая встреча. Все находящиеся в Италии усташи были собраны в городке Флорентийской провинции Пистоя, обмундированы и вооружены. Итальянские войска уже вступили в Словению и Хорватию, поэтому всю группу усташей, а их и было-то человек четыреста, направили на машинах в Загреб. Однако по дороге немцы всю группу задержали в Карловце, поставив свои требования. Муссолини, опасаясь, что Павелич откажется от принятых в Риме обязательств, послал к нему в Карловац своего доверенного за подтверждением, что Павелич, верный договоренности, будет учитывать при определении границы между Хорватией и Далмацией интересы Италии. Так что нынешняя Хорватия не только зависит всецело и от Италии и от Германии, но, по существу, оккупирована.

— Как же относится к этому церковь? Архиепископ Алойзо Степинац?

— Когда Павелич прибыл со своими усташами в Загреб, Мачек не только подписал обращение к народу Хорватии о покорности новому правительству, но и передал в распоряжение Павелича своих головорезов из «селячкой защтиты» в количестве десяти тысяч человек. И архиепископ Алойзо Степинац благословил такой порядок! Это очень хитрый человек! — Патер Йоже задумался, опять встал со стула и прошелся до окна.

Аркадий подумал: «Сколько сил физических и духовных у этого священника. Какая убежденность! Он общается не только с богом, но и знает, что происходит в мире!»

— Алойзо Степинац, являясь австрийским офицером, ушел в тысяча девятьсот семнадцатом году на фронт. В восемнадцатом сдался в плен союзникам и, вступив в Югославский легион, сражался за создание Великой Югославии на Салоникском фронте. В двадцатом году Степинац после демобилизации принялся за учение, хотел даже жениться на некой Марии Хорват, но не женился, а только опозорил девушку. Ей пришлось покинуть родное село в Хорватии и поселиться у нас в Бледе, устроиться на работу горничной в отеле. Сам Алойзо Степинац уехал в Рим, в Ватикан, учиться в «Германикуме». Будучи по своему нутру конвертитом *, перевертышем, Алойзо из одной крайности фетишизации Юго-

* Конвертит — изменивший вероисповедание *(лат.)*.

славии впал в другую крайность — стал ультрахорватским националистом. При содействии Ватикана он быстро продвигался по иерархической лестнице, чему способствовал и немецкий абвер. Степинац однажды провозгласил, что только католицизм в состоянии вести успешную борьбу с коммунизмом. Это прозвучало как призыв против православия. Не менее интересны беседы архиепископа с принцем Павлом и с председателем совета министров Миланом Стояdiновичем, а также с патриархом Варнавой. Архиепископ предлагал сербам-схизматикам перейти в католичество и подчиниться римскому папе. Но Милан Стоядинович пошел на попятную, в «православную Каноссу» и обещал не ставить на обсуждение сената уже ратифицированный конкордат.

— Насколько я помню, патриарх Варнава яростно сопротивлялся конкордату, — сказал Попов. — Как вы думаете, может, Варнава и умер по вине архиепископа?

— Кто знает... Не хочу брать греха на душу. Алойзо Степинац возглавлял правое крыло хорватской буржуазии. С приходом Павелича Степинац издал циркуляр, в котором заявил, что церковь поддерживает режим усташей. Еще до войны в Хорватии при помощи католической церкви была создана из студентов и мещан организация «крестоносцев». Степинац присоединил «крестоносцев» к усташам Павелича. Так что НХД — создание Мачека и Степинаца. Эти люди позволили немцам легализовать и посадить к власти квислинга * Павелича и его банду.

— Степинац ваш владыко, можно сказать генерал-архиепископ! — ехидно засмеялся Аркадий.

— Избави бог! — Патер Йоже перекрестился. — Мы, словенцы, не подвластны папе. Старая цесарско-королевская Австро-Венгрия еще в тысяча восемьсот семьдесят четвертом году разрешила нам создать старокатолическую церковь, которая в отличие от римско-католической правит службу на своем языке. Наши священники и епископы могут жениться. Браки по нашим уложениям могут быть расторгнуты, священников и епископов избирает народ на жупских скупщинах и церковных соборах, церковным имуществом управляет народ, а церковное управление имеет лишь инспекционные функции.

* Квислинг Видкун — главарь норвежских фашистов, один из главных военных преступников. Глава назначенного немцами правительства. Был казнен. Его имя с самого начала (1940 г.) стало нарицательным для изменников и палачей своего народа.

Жупники * получают месячное жалованье и все требы совершают бесплатно. Папу главой церкви мы не признаем. Нет-нет, первым епископом старокатолической церкви с резиденцией в Загребе у нас был избран бывший каноник Сплитского Каптола ** Марко Калоджера. Согласно конституции, наша старокатолическая церковь признана не только в Словении и Далмации, но и в Хорватии. Теперь архиепископ Степинац с согласия немцев и итальянцев намерен обезглавить старокатолическую церковь. Уже арестованы многие жупники и капелланы в оккупированной немцами части Словении. Я тоже жду со дня на день ареста. И за мной явятся и посадят в лагерь... — Патер Йоже крепко сжал кулаки, встал и заходил по комнате. — Но мы не сдадимся...

— Чего же вы ждете? Уходить надо! В горах уже постреливают партизаны! Вы там нужнее.

— К партизанам, может быть, я и уйду, но пока не могу — «Освободительный фронт» нуждается в знающих людях, в хороших осведомителях. Если не знать, что делает враг, нас уничтожат.

— Вы хотите, чтобы я пошел к усташам? — вдруг догадался Попов.

— Да, сын мой! Но не завтра и не послезавтра, — скорбно произнес патер Йоже.

Попов откровенно, хоть и не очень весело расхохотался:

— Ведь они меня убьют! Как православного, как русского схизматика. Уж лучше мне идти к четникам!

— Ты, Аркадий, летчик! Ты белый эмигрант и летчик. Усташам нужны летчики! У меня созрел тут, — он постучал указательным пальцем по лбу, — великолепный план. Мотор твоего самолета исправен. Не можешь ли ты отремонтировать свой самолет?

— Повозиться, конечно, можно, — опять рассмеялся Попов. — Если мальчишки самолет уже не растащили.

3

Август в Словении всегда жаркий. Август 1941 года выдался знойным. Вокруг зелено, солнечно, пестро. На нивах зреет кукуруза, налился и отливает желтизной виноград. Могучие платаны-чинары в долине высятся

* Жупник — приходский священник.

** Каптол — капитул — здесь: место, где собираются священники.

точно храмы. Аркадий, пройдя несколько сот метров по склону, посмотрел сверху с горы Доброй на лужайку, покрытую колосовидными соцветиями лаванды; с ее синевой может соперничать только небо да яркие колокольчики горчавки. Сквозь листву шелковиц перед домом патера Йожи видны черепичная крыша, веранда, где краснеют большие гроздья «паприки» — красного перца, все такое мирное. Не верится, что идет война. Но вот с веранды сбегает человек, за ним другой, третий — военные, за плечами у них поблескивают карабины, они размахивают руками, озираются по сторонам. Один идет к сараю, другой к хлеву, третий приставляет лестницу к слуховому окну и лезет на чердак. А на веранде появляется четвертый.

«Усташи! Пришли за патером...» — догадывается Аркадий, оборачивается в сторону гор, куда полчаса назад тот ушел собирать лекарственные травы. Там все заросло низкорослой альпийской сосной — «пинус монтано», эдаким зеленовато-бурым ковром, сквозь дыры которого сереют каменные глыбы, усыпанные бело-желтыми ромашками да войлочными звездами эдельвейсов. «Где его сейчас искать? Они обязательно устроят ему засаду. И меня тоже возьмут. Экая досада, не успел до конца починить самолет!» Аркадий оглядывается на замаскированный в кустах орешника истребитель с приставленным к фюзеляжу крылом. И тут же замечает, как качнулись ветки, из-за куста вышла женщина в крестьянской одежде и, поманив рукой, негромко позвала:

— Хайде овамо!

Аркадий послушно подошел.

— Меня зовут Мария Хорват, должна тебя отвести к патеру Йожи. Домой ему уже нельзя возвращаться. Пойдем.

Память у Аркадия хорошая, в голове тотчас всплывает рассказ патера об архиепископе Алойзе Степинаце: «Мария Хорват несуженая невеста архиепископа. Работает горничной в одном из отелей Бледа. Связана наверняка с партизанами».

Горная тропа петляет, прерывается и снова возникает, то бежит полого, то круто, но неизменно ведет к горной гряде, поросшей краснолесьем.

«Будто коза прыгает!» — Аркадий удивляется, как легко взбирается по крутой тропе Мария, перескакивая с камня на камень.

И вдруг откуда-то со стороны раздается голос:

— Мария!

Из-за скалы выходит крестьянин с винтовкой за плечом и приветственно машет им шапкой: «Сюда!»

У колибы (здесь так же, как на Украине, называют пастушьи хижины колибами) их встретил в окружении нескольких вооруженных крестьян патер Йожи.

— Ну вот, с божьей помощью, сын мой, мы начинаем священную войну против антихристова войска! — Он воздел руки к небу. — Хорошо, что успели перехватить тебя.

— У вас в доме шуруют усташи... — сказал Аркадий.

— Знаю! Задание гестапо. Пришли за мной по приказу Гельмута Розумека. — И он поглядел на Марию. — Спасибо, что предупредила в самый последний момент. Запомните ее, Аркадий, и ты, Мария, запомни Аркадия, вам придется держать связь.

Мария кокетливо улыбнулась, но тут же строго нахмурила брови, повернулась в профиль, анфас, спиной и, расхохотавшись, спросила:

— Запомнили? Вас я узнаю и в потемках... — Незаметно отошла в сторонку и оставила их наедине.

— Слушай и смотри, Аркадий, — продолжал патер Йожи, — мы находимся на горе Стргаоник, справа от нас поселок Рибно, а еще правей Бодешче. В Рибно стоит отряд усташей под командой Миливая Рачича. Это каратели и разведчики. Рачич засылает шпионов в ряды партизан, действует по приказу гауптмана СС Гельмута Розумека.

— Гауптман Розумек живет в вилле «Влтава», так? — с пониманием спросил Попов, понижая голос. — А хозяйка, Анджела, жена Звонко Янежича, наш человек?

— Совершенно верно. Ты сегодня же отправишься в Рибно, к этим усташам, и начнешь действовать, как мы с тобой договорились. И пусть поможет тебе бог! Будь осторожен.

* * *

Вилла «Влтава» еще до войны была явочной квартирой резидента гестапо под кличкой Эйхе-2. Теперь там поселился Розумек. Группенфюрер СС, шеф всего имперского гестапо Генрих Мюллер расстался со своим опыт-

ным криминалистом не случайно. Гитлер задумал создать в Бледе идеологический центр национал-социалистской партии «третьего рейха»! Сюда же должны были приезжать на отдых главари гитлеровской Германии.

На руинах взорванного королевского дворца началось строительство корпусов нацистской партийной школы. Эйхе и Розумек знали, что хозяин виллы Звонко Янежич был членом Коммунистической партии Югославии. Немцев это устраивало. Устраивало и то, что жена Янежича, женщина веселая, легкомысленная, стала любовницей сначала Эйхе, потом Гельмута Розумека, и они использовали ее как осведомительницу, пронырливую и надежную, с широким кругом знакомств.

Высокая, стройная брюнетка с бледным овальным лицом, чуть вздернутым носом и пухлыми, четко очерченными губами, Анджела с первого взгляда производила на многих мужчин неотразимое впечатление, особенно когда хотела понравиться.

Гельмут Розумек считал себя знатоком женских сердец, верил в собственную неотразимость, ему-то и пришло в голову построить свою осведомительную сеть, используя для этих целей женщин. Чтобы достичь своего замысла, он волочился за многими, намереваясь через них добраться до руководителей Сопротивления в Словении. Не без согласия Мюллера Розумек представлялся «человечным», демонстрировал гуманность гестапо, глядя сквозь пальцы на многие антинемецкие сборища, даже не всегда арестовывал ему известного партизана. Приготовясь ловить крупную рыбу, он хотел, чтобы мальки были наживкой. Розумек работал когда-то в уголовной полиции, проштрафился, был послан на германо-польскую границу, потом принят в гестапо. Человек с подмоченной репутацией, он старался не только выслужиться, но и проявить искусство, выслужиться с умом.

Гауптштурмфюреру Розумеку уже исполнилось пятьдесят лет. Большой, широкоплечий, он был еще импозантен, с шевелюрой седоватых вьющихся волос — зальц унд фефер! Портили впечатление лишь белесые водянистые «баварские» («пивные») глаза да мясистый подбородок.

Самолюбивая, избалованная вниманием мужчин, Анджела вышла замуж за Звонко Янежича не по любви, выдали ее родители почти насильно. «Чтоб девка не

пошла по рукам, — говорил ее отец жене. — Звонко хоть и старше, но человек порядочный, с положением и зарабатывает хорошо! Вилла большая, опять же доход неплохой».

В 1940 году нижний этаж виллы снял богатый представитель немецкой фирмы, некий Эдуард Эйхе, молодой, обворожительный, лукавый и опытный ловелас, не чета мужу-вахлаку.

Однажды, поругавшись с мужем, который ушел на ночное тайное собрание коммунистов, Анджела, назло придумав легенду об измене мужа, явилась за «утешением» к Эйхе и осталась у него на ночь.

Началась другая, легкая жизнь, появились наряды, безделушки, Анджелу то и дело выбирали «королевой бала», она все чаще блистала в салонах лучших домов Бледа. И как было отказать обворожительному Эдуарду Эйхе в сущих, как ей казалось, пустяках: то передать несколько смешных непонятных слов, или записочку, или какую-нибудь безделушку приехавшему на отдых сановнику, дипломату, военному; посплетничать с дамами и выведать, что у генерала Н. любовница жена министра, что дипломат К. увлекается наркотиками, а супруга принца Павла в связи с председателем совета министров красавцем Стоядиновичем...

Вскоре Анджеле пришлось выполнять и более серьезные поручения, порой совсем неприятные. Эйхе становился все более требовательным и даже грубым. Когда Анджела отказывалась «услужить ему», он давал ей пощечины, а однажды, включив магнитофон, заставил слушать компрометирующие ее записи и пригрозил, что не только ее опозорит, но засадит в тюрьму; он потребовал от Анджелы сфотографировать находящийся у мужа в столе список коммунистов местной организации и передать ему. И она все исполнила. К счастью, список оказался далеко не полным.

Легкая жизнь превратилась для Анджелы в каторгу. Эйхе заставил ее встретиться в отдельном номере гостиницы «Еловица» с живущим там постояльцем, чтобы вытащить у него из портфеля какие-то бумаги, и, когда он заснет, передать их дежурной горничной. На этом Анджела и провалилась. Произошел скандал, который едва удалось замять. Звонко Янежич уже давно подозревал жену в предательстве, с тех пор, как обнаружил исчезнувшие из стола списки товарищей. Раскусив и инициатора, Звонко Янежич доложил обо всем в испол-

нительный комитет партии. Было решено воздействовать на Анджелу.

«Пусть выпьет горькую чашу до дна! — подытожил секретарь бледского комитета партии Иван Зупан, впоследствии организатор Сопротивления под кличкой Нестор. — Анджела должна искупить свою вину. И ты, Звонко, тоже!»

Постояльцем из отеля «Еловицы» оказался один из коммунистов, а горничной там была Мария Хорват.

Вскоре после начала войны резидента Эйхе-2 сменил шеф бледского гестапо Гельмут Розумек. И вот теперь Анджела, встречаясь с ним, уже сообщала о всех их разговорах партизанам.

Анджела знала, что капитан СС милуется и с другими женщинами и у всех, как и у нее, выведывает сведения о коммунистах и партизанах. Он — так же, как и ее, — посылает женщин выполнять задания, грозя им арестом, лагерем и даже расстрелом. А попасть в тюрьму Бегунье или в лагерь, все догадывались, было равнозначно смерти.

Теперь Анджеле приходилось хитрить, изворачиваться уже не из желания надуть мужа. Она оставалась осведомителем Гельмута, изо всех сил старалась показать вид преданной, влюбленной до безумия, покорной и послушной, но в этой игре шла на страшный риск, ибо сама выведывала у капитана сведения для коммунистов. Опытный, но самонадеянный немец верил в свою неотразимость и подавлял возникавшие иногда подозрения к «глупенькой словеночке».

А «глупенькая словеночка» не была глупой.

Как-то за обедом, когда Розумек допивал свою бутылку вина, Анджела, подсев к нему поближе и указывая мизинчиком на далекую гору, видневшуюся сквозь деревья парка, сказала:

— Вон видишь, гора зеленеет. Называется она Стргаоник. На самом ее верху пастбище для овец. Чуть пониже пастушьи колибы, в них прячется кое-кто из евреев, бежавших из «Еловицы». В том же краю формируется партизанский отряд, которым командует югославский офицер. Говорят, будто некий местный патер призывает всех старокатоликов вставать на защиту Словении против немцев.

— Откуда это тебе известно, моя дорогая? — встрепенулся Розумек, ласково пожимая плечо Анджелы.

— Вчера приехала погостить двоюродная сестра, Рожинка, она замужем за кузнецом из Млина, и рассказала...

У Гельмута загорелись глаза. По приезде в Блед он с первых же дней старался отыскать ту ниточку, которая привела бы его к еврейскому золоту, не раз расспрашивал о золоте Анджелу. Розумек не сомневался, что привезенное сюда из Германии в 1937 и 1938 годах золото наспех запрятано где-нибудь в окрестностях Бледа или в самом городе, а может быть, и в озере. И каждый раз, когда он из окна любовался его синими водами, ему приходило на ум: «Золото лежит где-то тут, наверное, все глубже погружается в песок бочонок, наполненный старыми доппелькронами с изображением Вильгельма II или австрийскими дукатами».

— Эх, патера упустили, — подумал вслух Розумек. — Он наверняка что-нибудь знает о золоте...

Патера взять не удалось; оставленная в его доме засада тоже ничего не дала. Никто не заглянул в дом жупника. Посланный карательный отряд прочесал гору Стргаоник и вернулся ни с чем.

Розумек понимал, что кто-то предупредил патера. Но кто? Гельмут подозрительно разглядывал в упор опрятную, красивую Анджелу, скрытое подозрение шевелилось в его сознании, но разве он мог поверить в «предательство» любовницы! Это все равно, что подозревать самого себя...

* * *

Спустя несколько дней от командира усташского отряда Рачича пришло донесение в Блед, начальнику гестапо Гельмуту о том, что к ним в «чету» добровольно явился летчик, майор югославской армии, бывший белоэмигрант, казак, в свое время воевавший на стороне Врангеля против большевиков, некий Аркадий Попов. «Упомянутый Попов просит свидания с вами, господин гауптштурмфюрер, чтобы сделать важное сообщение».

Отряд усташей находился в Рибно, недалеко от Бледа. Аркадий был поселен в комнате небольшого дома вместе с двумя офицерами-усташами. В отряде соблюдалась строгая дисциплина. Но к русскому летчику-майору сам начальник отряда, бывший эмигрант-хорват, прибывший в Югославию в числе четырехсот из Фло-

рентийской провинции вместе с Павеличем в апреле 1941 года, Миливой Рачич относился доброжелательно.

На сообщение о том, что русский летчик просит встретиться с шефом гестапо в Бледе Гельмутом Розумеком, уже на четвертый день пребывания Аркадия Попова в отряде был дан ответ, чтобы он завтра же явился в Блед. Явка в гестапо была назначена на час дня, но Аркадий хотел уйти из Рибно как можно раньше утром, поскольку намеревался провести еще две операции: отнести и по дороге в город оставить в условленном месте кое-какие медикаменты, которые ему случайно удалось утащить в амбулатории у вечно пьяного фельдшера; а также сообщить связной Вере-киоскерше о том, что через два дня, а именно в среду, их усташский отряд при поддержке немецкой роты пойдет на задание окружать Стргаоник с трех сторон — с Рибно, Село и Почех.

Было холодно, дул пронизывающий ветер, спасала только подбитая мехом кожанка да офицерские добротные брюки. В горах шел дождь со снегом.

Спрятав под большим дубом, неподалеку от села Млино, медикаменты, Аркадий чуть ли не бегом пустился в Блед, ругая на чем свет стоит погоду.

«Поскорей бы добраться до виллы «Лока» к Марии Хорват, чаем бы напоила!»

Попову не повезло, Мария Хорват была на работе, а идти в «Топлицу» опасно. Оставалось бродить по городу и кстати поглядеть на руины королевского дворца, где немцы собирались построить корпуса нацистской партийной школы и возвести величественный памятник древнегерманскому и скандинавскому верховному существу, дающему победу Вотану, или Водану, или Одину. Аркадию хотелось где-нибудь перекусить. В киоске «Дела» связной тоже еще не было. Приходилось и ее дожидаться. Но главное — предстоящий визит в гестапо.

В точно назначенное время Аркадий явился к отелю «Парк». В самом роскошном люксе, на втором этаже, находился рабочий кабинет Розумека. Сюда и привели Аркадия.

Отель «Парк» с первых же дней заняло гестапо, быстро приспособив подвальные помещения для своих черных дел.

Аркадий Попов, высокий, плечистый, в армейской форме, спокойно вошел в сопровождении двух гестаповцев в кабинет, щелкнул каблуками, с достоинством поклонился и отрапортовал:

— Майор 2-й Земунской эскадрильи, летчик Попов Аркадий в ваше распоряжение прибыл!

«Бравый офицер, какая выправка, настоящий пруссак! — подумал Розумек, разглядывая могучую фигуру майора. — И какой богатырь! Какая грудь, какие ручищи, казак-белогвардеец!» — Покосившись на сидящую в стороне за отдельным небольшим столиком Анджелу, которая должна была стенографировать допрос, ревниво заметил про себя: — «Такой молодец ей понравится! Все бабы таковы... Впрочем, у меня власть...»

Пройдясь по кабинету, заглянул в стоящее в углу большое зеркало. Розумек часто, особенно когда оставался один, любовался собой.

— Где вы до сих пор находились, господин Попов?

— Мой самолет был сбит, я тоже пострадал и провалялся в постели больше четырех месяцев.

— Где? У кого?

— Полагаю, принять чью-то помощь пострадавшему не является преступлением в любом цивилизованном государстве.

— Во всех цивилизованных государствах неприятельских солдат и офицеров, если они ранены, изувечены или больны, лечат в специальных больницах, а потом интернируют, господин Попов. Таков закон.

— В шестнадцать лет вы на конфирмации давали публичный отчет о своей христианской вере и клялись следовать законам церкви; потом вы давали клятву служить рейху и фюреру согласно законам государства и партии; полагаю, в гестапо вы тоже давали какую-то клятву, нарушая тем самым законы божеские и человеческие. Не правда ли, барышня? — И Аркадий, повернувшись к Анджеле, улыбнулся, сверкнув кипенно-белыми зубами. — А человек, меня вылечивший, не нарушал законов, он священник. Ей-богу!

— Уж не патер ли Йоже? — удивился Розумек и подумал: «Интересно!»

— Он самый. Вы знаете? Надеюсь, не привлечете его к ответственности за то, что он, как истинный христианин, оказал мне помощь? Патер Йоже достойный и уважаемый жупник. — И Аркадий снова улыбнулся.

Открытый взгляд, приветливая улыбка, смелое выражение лица и какая-то внутренняя независимость и сила, исходящая от летчика, сбивали опытного гестаповца

с толку. «Так играть? Нет, казак откровенен, просто не понимает, куда попал, недалекий парень, такого надо проверить, а потом использовать!»

— Вы когда ушли от патера?

— Четыре дня тому назад. В деревне начали появляться красные партизаны, меня настойчиво приглашали воевать против немцев. Это мне не по душе. Я не очень уверен, что Германия победит Россию, но все-таки хочу быть с немцами. Поэтому я ушел в отряд усташей. Ей-богу!

— Наши доблестные войска на подступах к Петербургу и Москве, — гордо произнес Розумек. — Так что вы хотите важное мне сообщить?

— В лесу, вон на той горе, — Аркадий Попов подошел к окну и указал пальцем на зеленеющий горный массив, — стоит мой самолет. Я отремонтировал его. Нужны только сварочный аппарат и два человека, чтобы помогли мне. Летчик я опытный, согласен поступить к вам в люфтваффе.

Попов щелкнул каблуками.

— Это, конечно, похвально, однако бороться с красными можно и здесь. Фронт повсюду, национал-социализм сражается с коммунизмом и иудо-масонством, с люмпенами и жидами. Кстати, среди партизан, которые приходили к патеру, вы не видели евреев? А?

— В дом к патеру Йожи никто не приходил. Когда я шел к усташам в Рибно, за деревней, у сгоревшего хутора, выскочили из риги трое с винтовками. Спрашивали, куда иду. А я сказал, что патер велел мне ходить, чтоб не остаться хромым, вот я и собираю последние грибы. Я и корзинку с собою брал. Ей-богу! А насчет евреев, то видел одного, он-то и уговаривал меня идти к ним в партизаны. Это меня, казака!

«Какой мужчина, какая в нем сила, и какой симпатичный. Мария Хорват права, что такого можно полюбить!» — Анджела невольно сравнивала статного летчика с Розумеком.

— Хорошо, майор, учту ваше заявление. Давайте так: приведите в порядок самолет и впредь будете в распоряжении начальника усташского отряда в Рибно. Сейчас ступайте, а вечером загляните ко мне. Кстати, в канцелярии вам выдадут деньги и аусвайс. Вот! — И он протянул Аркадию записку.

— Благодарю вас, господин гауптштурмфюрер! Но согласно приказу господина Рачича я должен прибыть

в отряд до двенадцати часов ночи. — Аркадий щелкнул каблуками, потом поклонился Анджеле.

— Успеете! — засмеялся Розумек...

И, когда Попов вышел за дверь, произнес:

— Ну что скажешь, дорогая девочка, по поводу лихого молодца?

— Дурачок! Простоват, тетеха! — засмеялась она, преданно и ласково глядя на капитана.

«Пригласить-то я его пригласил, но адреса не сказал. Интересно, как он себя поведет и что расскажет о патере?» — подумал Розумек.

Раздался стук в дверь, и на пороге появился Попов.

— Прошу прощения, господин гауптштурмфюрер, деньги я получил. — И он показал жиденькую пачку синих купюр по десять динаров каждая. — А вот документ без вашей подписи и подписи господина Фридриха Рейнера, гаулейтера Бледа, недействителен. Вы были так любезны и пригласили меня к себе. Хотя каждый горожанин знает, где вы живете, но я не могу об этом расспрашивать у прохожих, меня тут же отведут в полицию. — И протянул заполненный бланк аусвайса.

— Я не подумал об этом, господин Попов. Живу я на вилле «Влтава», познакомтесь, это ее хозяйка. — И гауптштурмфюрер кивнул в сторону Анджелы.

Попов поклонился, щелкнул каблуками и, улыбнувшись, пристально посмотрел на нее: «Очень приятно!» — и снова поклонился.

Тем временем Розумек подписал документ и протянул его Попову:

— Неподалеку отсюда большой дом с арками, бывший отель «Еловица», там сейчас полиция, комендант господин майор СС Фриц Волкенборн. Там же расположена и канцелярия бургомистра Бледа, господина Франца Пара. Вам зарегистрируют временный аусвайс, а постоянный выдадут в Рибно. И до вечера!

Побывав в полиции и у бургомистра, Аркадий отправился осматривать город. Слежки за собой он не заметил. Он выкупался в озере, хотя вода была холодная. Покинув берег озера, снова прошелся по улицам Бледа. Случайные прохожие рассказали, что в вилле «Златорог» находится отдел, занимающийся выселением словенцев из Горенской; что остававшихся в отеле «Еловица» евреев отправили в лагерь Бегунье и что в роскошную «Топлицу», где, как ему сказали, в 1938 году заседал последний раз постоянный совет Малой Антанты, сей-

час приезжают отдыхать видные нацисты. Кстати, их обслуживает горничная Мария Хорват, которую ему так и не удалось повидать.

Заходящее солнце золотило вершину горы Тратовец и раскрашивало желтые стены виллы «Влтавы» в оранжевый цвет, когда он свернул на Першеронову улицу.

Аркадий позвонил в калитку, на пороге появился огромный белокурый детина в гестаповской форме и, бросив на пришельца оценивающий взгляд, спросил:

— Вас ист лос?

Попов, когда-то успешно изучал немецкий и французский языки, а потом увлекся английским; его книжные полки были завалены детективами Эдгара Уолеса, Честертона. Он прилично разговаривал на английском, похуже на немецком и совсем плохо на французском: хромало произношение. Чегодов, блестяще знавший эти языки, слушая Аркадия, хохотал до слез. «Вимова у тебе якась матерна! — шутил он и советовал: — Когда произносишь слово, языком надо ворочать, прижимать к небу, сворачивать в трубочку, картавить или чуть гнусавить...» Аркадий нисколько не обижался. Однажды в Марселе он спросил о чем-то работавшего в порту докера, а тот долго не мог взять в толк, что от него хотят. Подошли еще двое и тоже начали спрашивать. Потом портовый рабочий, разводя руками, на чистейшем русском языке обратился к товарищам: «Вроде югославский офицер, а вот на каком языке говорит, не пойму! Ты, Миша, мастак, знаешь даже зулусский, поговори-ка с ним!» «Вот так я научился зулусскому языку», — шутил Попов.

Сейчас свои знания немецкого Аркадию показывать не пришлось, потому что на крыльцо выбежала Анджела и приветливо помахала ему рукой; Попов легко отстранил верзилу-гестаповца, направился к дому и осторожно пожал протянутые пальчики хозяйки виллы.

И по тому, с какой легкостью летчик отстранил телохранителя, который весил по меньшей мере килограммов девяносто, и по тому, как бережно пожал своей железной рукой ее пальцы, Анджела поняла, что русский казак обладает феноменальной силой.

— Милости просим! — любезно произнесла она и вместо того, чтобы повести гостя в дом, спустившись со ступеньки крыльца, предложила:

— Пройдемте, я покажу вам наш сад, Гельмут еще спит, у него была ночная работа. А я хочу угостить вас

яблоками, у нас уникальная яблоня во всем Бледе, такой даже нет в саду королевской резиденции. — И она взяла Аркадия под руку. — Эта яблоня выросла из семечка, которое привез из России отец моего мужа Звонко Янежича и называется она антоновкой.

— А где же ваш муж? — спросил Аркадий. — Разве он не здесь?

— Он живет в другом крыле со своей матерью, мы с ним разошлись. — На ее глазах заблестели слезы.

— Не расстраивайтесь! И старайтесь выбраться из черной полосы. Все проходит. Мне говорила Мария Хорват, что вам тяжело. Рад бы вам помочь, но... — Аркадий вдруг вспомнил Зорицу, когда она в Дубровнике, с умоляющими, широко открытыми глазами, полными тоски и ужаса, кинулась к нему как к спасителю. Тогда все было просто. И перед его глазами встала картина: двое парней крепко держат девушку, почти ребенка, а третий насильно пытается влить ей в горло водку и как потом они летят на землю от ударов его тяжелых кулаков. Зорица, наверно, письмо на Баба-Вишнину уже получила. А эту женщину, Анджелу, так просто кулаками не спасешь, ее страдный путь ведет на Голгофу. И, не в силах больше смотреть в ее полные слез глаза, отвернулся.

На большой развесистой яблоне несколько светло-желтых, тронутых пурпуром вечерней зари антоновок показались Аркадию сказочными, мороком далекого детства: когда-то в их саду росла такая же яблоня и так же в отсвете вечерней зари горели на ее ветвях золотистые плоды.

— О чем вы задумались? — забеспокоилась Анджела, пытливо уставясь ему в лицо.

— У меня на родине, в моей станице, была такая же яблоня, — признался Аркадий. — Ей-богу!

Анджела подбежала к дереву и потянулась за яблоком, подпрыгнула, но плод был слишком высоко.

— Давайте, я сорву!

— Нет-нет, я сама. Поднимите меня, не бойтесь, я не укушу, я не змея...

Аркадий пожал плечами, подошел к ней, нагнулся, подхватил чуть повыше колен и легко, как балерину, поднял и, подождав, когда она сорвет одно, потом второе яблоко, тихонько опустил на землю.

— Ева преподносит яблоко познания, добра и зла,

увы, не своему Адаму, вкусите его, — и протянула ему яблоко. Они посмотрели друг на друга и расхохотались. — И сказал змей: «Вкусите эти плоды и откроются глаза ваши, и будете вы как боги, знающие добро и зло», — процитировала Анджела.

— А всевышний сказал: «Жено, умножая, умножу скорбь твою... и к мужу влечение твое, и будет он господствовать над тобой».

— А разве это не прекрасно?! — воскликнула возбужденно Анджела. — Я счастлива, что хоть раз в жизни меня держал на руках настоящий мужчина! Погодите, не думайте обо мне плохо, множится моя скорбь, но не было у меня влечения ни к мужу, ни к тому самодовольному юберменшу. Никто не будет господствовать надо мной! Ибо я познала добро и зло!

Аркадий одобрительно кивнул:

— Яблоко с надписью «прекраснейшей», — продолжала Анджела, — было причиной спора Геры, Афины и Афродиты, Адамово яблоко, глазное, содомское, чертово... яблоко сердца — мишень и державное яблоко — скипетр. С незапамятных времен эмблема самого драгоценного — глаза, сердца, красоты, власти и зла... и, наконец, начала начал — познания. Я, — она засмеялась, — вкусила русскую антоновку и потому знаю о вас все!

— Все знает только бог. Вы слушали мою беседу с господином Розумеком, даже записывали ее. И кое-что вам известно от нашей связной, Марии...

— Да, да, записывала и делилась о вас впечатлениями, потому что живу с немцем! С гестаповцем! — истерически крикнула она, потом испуганно подняла лицо на окна виллы и, понизив голос, продолжала: — И только поэтому смогла спасти патера Йожи, да и вас, дорогой майор, послав нашу смелую Марию. Вы настоящий мужчина, однако, как и все, не понимаете женщин. Не догадываетесь, на что они способны. Мы можем быть очень добрыми и очень злыми. Ради достижения цели женщина в силах вываляться в любой грязи! — Ее серые глаза потемнели, на лбу залегла глубокая складка, красивый нос с горбинкой вдруг стал напоминать клюв хищной птицы, грудной голос охрип.

«Ведьма! Не завидую я Розумеку», — мелькнуло в сознании Аркадия.

— Розумек, — словно угадав его мысли, продолжала Анджела, — ведет неглупую политику. Про себя

очень скорбит, что блицкриг не удается, и понимает, как и его шеф Мюллер, которого он боготворит, что до победы далеко. Ни на минуту не забывайте, что гауптштурмфюрер истинный немец и гестаповец, которого не заставишь изменить убеждения, взгляды на «долг» перед германским рейхом. Он ненавидит нас, словен и русских, и играет роль, но мы тоже не простаки, верно? — И она пристально на него взглянула.

С недоумением смотрел Аркадий на эту женщину, он только что назвал ее про себя ведьмой, сейчас взгляд ее был ласков и добр, ничто не напоминало, что в ней живут одновременно веселье и беззаботность с ненавистью и злым роком, уготовившим ей программу тернистого пути. Как можно судить эту женщину, в которой идет извечная борьба жизни и смерти, добра и зла, правды и лжи и всех этих сопряженных и в тоже время полярных начал?

Вдруг лицо Анджелы стало серьезным. Она, строго глядя на Аркадия, проговорила:

— Неподалеку от отеля «Унион», как вам уже, наверно, говорили, есть киоск «Дела», в нем работает молодая продавщица, вы ее узнаете по золотистым волосам. Если возникнет что-нибудь срочное и вы не застанете Марию Хорват, обращайтесь к ней. Попросите порыться в старых газетах и найти статью о Несторе. А теперь пойдемте к Гельмуту. — И она, понурившись, пошла по дорожке к крыльцу.

Розумек встретил Попова любезно. В гостиной было уютно, просторно. Хозяин угощал гостя отличным далматинским вином. Просидели они около часа.

— Я надеюсь, господин майор, — сказал на прощанье шеф гестапо Бледа, — что вы нам поможете. И если я увижу, что все будет так, как я предполагаю, я назначу вас комиссаром в Рибно.

— Благодарю вас, господин гауптштурмфюрер! — прощаясь, сказал Аркадий.

На том они и расстались.

4

Осень набирала силу, все чаще налетали бешеные порывы октябрьского ветра, который здесь называется «бура»; а когда ветер стихал, в долины и ущелья гор ползли густые туманы, заполняя все непроглядным молоком.

Словения с ее горами наполовину покрыта лесом: буком, можжевельником, елью, лиственницей, сосной, тисом, дубом; заросли граба и широколистного клена перемежаются с огромными липами и вязами и скрипучими ясенями.

Воевать с партизанами в лесах безнадежно; капитан СС Розумек слышал, что такую же войну ведут партизаны Украины и Белоруссии. Там, на территории Советского Союза, летят под откос эшелоны со снаряжением и солдатами, положение на восточных фронтах в силу этого, как он полагал, весьма и весьма усложняется. В Словении до такого еще не дошло. Тут все-таки центр Европы, а не далекая Россия. Здесь немцы не должны кидаться за каждым «косо смотрящим», а вылавливать лишь вожаков, коммунистов-функционеров. Что касается сербов, то с ними разделаются усташи. Словенцев-коммунистов не так уж много, лучше посеять среди них панику, внушить недоверие к их комиссарам, засылать в их отряды побольше провокаторов.

Шеф бледского гестапо Розумек, майор рейхсзихердинста * СС Фриц Волкенборн и гаулейтер Каринтии Фридрих Райнер в этой политике против местного населения были едины.

Однако провалы провокаторов, засланных в партизанские группы, беспокоили капитана СС. Было удивительно, что завербованные Гельмутом люди сами открывались партизанам и начинали действовать на их стороне. Это было невероятно!

Розумек всю неделю приходил домой со службы мрачным и злым. Но в это воскресенье, усаживаясь после обеда у камина и захватив с собой вторую бутылку «Бургундца», развеселился и принялся рассказывать Анджеле длинно и скучно о своей службе на польской границе, где он познакомился с ксендзом, который питал слабость к женскому полу.

Анджела, стоя у окна, смотрела, как ветер кружит в парке увядшую листву, качает ветви деревьев и гонит к берегу темные, неласковые волны, а где-то на горизонте, среди обнаженных далеких скал, резко отделяясь от свинцового неба, вьюга белит первым снегом склоны.

У калитки задребезжал звонок.

---

* Служба безопасности рейха.

— Тейфель! — пробурчал Розумек. — Пойди узнай, кого это несет?

«Один всегда черта поминает, а другой бога (под «другим» она подразумевала Аркадия Попова, который к месту и не к месту говорил «ей-богу!»)», — подумала Анджела и вышла на балкон. У калитки стоял среднего роста худощавый мужчина, по виду далматинец, и объяснялся с сержантом, который, видимо, не хотел его пускать.

— Карл, что хочет этот человек? — спросила она.

— Он приехал из Белграда, у него важное сообщение для герра гауптштурмфюрера, — отчеканил гестаповец.

— Впустите его, сержант, — крикнул Розумек, высунувшись из балконной двери. — Я сейчас спущусь вниз. — И, обратившись к Анджеле, позвал: — Пойдем, послушаем, что он хочет. Тейфелсарбейт!

В небольшую комнату, раньше, видимо, служившую гардеробной, по соседству с просторным холлом, охранник ввел неприятного вида мужчину с землянистого цвета испитым лицом, бегающими глазами и сизым, свернутым набок, как у боксера, носом.

«Наверняка сидел в тюрьме, хитер и коварен, для вора или бандита трусоват... непонятно только, из какой семьи? — недобрым взглядом изучал пришельца Розумек. — Вид шулера или спившегося артиста».

— Меня зовут Периша Булин, мой отец состоятельный, известный во всей Далмации торговец Митко Булин. Я к вам по важному делу. Вот мои документы. — Пришелец протянул Розумеку книжечку.

— Когда вы приехали из Белграда? Что там делали и какое важное и срочное дело привело вас сюда, господин Булин? — разглядывая аусвайс, спросил гауптштурмфюрер.

— Я приехал более десяти дней назад и остановился у друга моего отца на вилле, неподалеку от отеля «Петран», и разыскиваю офицера-летчика, который состоял в заговоре и непосредственно участвовал в смещении правительства принца Павла, является активным членом Коммунистической партии Югославии. Сейчас находится в местечке Рибно или его окрестностях.

— Кто именно?

— Майор Аркадий Попов, бывший русский эмигрант...

— Попов? Почему вы решили, что он красный? Не

врете? — Розумек посмотрел на Анджелу, которая недоуменно уставилась на стоявшего в почтительной позе Булина.

— Его любовница и ее отец, Драгутин Илич, арестованы в Белграде и отправлены в лагерь на Саймиште. Драгутин во время революции в России сражался на стороне красных. Попова разыскивает белградское гестапо. — Глаза Булина загорелись ненавистью.

— От кого вы узнали, что Попов находится в Рибно?

— Сейчас случайно я увидел его на улице и слышал, как он договаривался с шофером, ссылаясь на вас, чтоб тот отвез его в Рибно. Он покупал газеты в киоске «Дела». Машина под номером двадцать четыре сто сорок восемь СТ.

— О! Вы за всеми коммунистами так охотитесь или только за Аркадием Поповым? — пытливо уставился на пришедшего Розумек и написал записку: «Вызови по телефону машину и трех охранников», протянул ее Анджеле.

Закрывая за собою дверь, Анджела еще услышала ответ Булина:

— У меня с ним и личные счеты, но я говорю правду, он...

«Что делать? Немедленно предупредить, люди под угрозой провала, предупредить! Нельзя, чтобы летчика задержали по дороге! У Аркадия они обнаружат шифровку, что равносильно смерти под пытками, а если он не выдержит и заговорит — это провал партизанской операции и моя гибель. Гельмут умен, недоверчив, меня не пожалеет, — так лихорадочно думала Анджела, набирая номер телефона и слушая длинные гудки. — Если машина успеет проскочить пост № 49, Попова обязательно задержат в Коритно или, наконец, в Рибно. Это провал и Стояна, и, может быть, Веры!..

— Алло! Алло! Дежурного!

— Дежурный слушает.

— Это говорит секретарь Ан-7! Немедленно пришлите оперативную машину с тремя охранниками на виллу гауптштурмфюрера!

— Яволь! Выслать оперативную машину с тремя охранниками.

В этот момент отворилась дверь, Розумек просунул голову и сказал:

— Пусть перекроют все дороги и задержат машину под номером двадцать четыре сто сорок восемь СТ.

Попова Аркадия взять под стражу и тщательно обыскать. Установить наблюдение за киоском «Дела». Выяснить, кто там торгует. Шофера допросить, обыскать и задержать до моего приезда. Все!

Анджела в точности повторила приказ. Внутренним чутьем она поняла, что Розумек стоит у двери и слушает. «Проверяет!» «Нахпрюфен, ревидирен унд иммер контролирен!» * — вспомнила она любимые слова гауптштурмфюрера.

Минут через двадцать подошла оперативная машина. Розумек и Булин поджидали ее у ворот.

— В Рибно! — скомандовал Розумек. — И побыстрей! — Машина рванула с места и умчалась.

Анджела кинулась в дом. Одеться и бежать на квартиру к киоскерше Вере, предупредить ее, чтобы готовилась к худшему и оповестила обо всем Марию Хорват. Когда она уже направлялась к выходу, зазвонил телефон.

— Алло! Фрейлен Ан-семь, пост номер сорок восемь доложил, что машина под указанным номером только что проследовала в сторону Рибно. За ней посланы мотоциклисты.

Анджела молча положила на рычажок трубку. «Это провал! — и опустилась на стул. — Что же я сижу? Надо действовать!» — И, поднявшись, направилась в комнату на нижнем этаже, отведенную для охранника, прихватив с собой бутылку «Бургундца», которую только почал Розумек.

— Сержант, у меня от всей этой суматохи разболелась голова. Я пойду спать, и не надо меня тревожить. А на телефонные звонки отвечайте, что «их нет дома»... А это, чтобы вам не было скучно, «Бургундец» вас развлечет. Гуте нахт!

Минут пять спустя она тихонько выскользнула в сад, через заднюю калитку спустилась к озеру и торопливо зашагала к отелю «Топлица». У озера «бура» бесновалась вовсю, над аллеей взвивались винтовые столбы опавших листьев. Идти было трудно, длинный плащ бил полами по ногам и еще больше затруднял шаг.

«Топлица», вся в огнях, показалась из-за поворота как-то сразу. Длинная, во все здание, балюстрада и балконы были безлюдны. «Бура» загнала всех в помещение.

---

* Пересматривать, ревизовать и без конца контролировать *(нем.)*.

В саду и под арками не видно ни души. Миновав отель, Анджела прошмыгнула к небольшому домику, который служил подсобным помещением или дворницкой соседней виллы «Лока», постучала в маленькое оконце и, когда приподнялась занавеска, приблизила свое лицо к самому стеклу. Мария Хорват узнала гостью, схватила с вешалки платок и вышла из комнаты.

Минут через десять Анджела торопливо, почти бегом возвращалась назад. Гельмут Розумек мог доехать до поста № 49 и оттуда позвонить на виллу. И уж, конечно, он пошлет Карла за ней.

Войдя в дом и тихо прокравшись по лестнице к себе, она, не зажигая огня, уселась в свое любимое кресло, чтобы окончательно успокоиться и обдумать, что еще можно сделать в такой критической ситуации.

* * *

Аркадий Попов, отпросившись в очередной раз в Блед у Рачина, не мог и предполагать, что эта его поездка к связной киоскерше Вере окажется роковой... Как обычно, он пошел в город пешком и к назначенному часу был у киоска «Дела». После короткого разговора с Верой он отошел к дороге, остановил грузовик и попросил водителя довезти его до Рибно. Из-за отсутствия связного предстояло самому отвезти шифровку на хуторок. «Не доезжая Коритно, свернуть по дороге направо, она доведет до хутора Стояна, — говорила Вера, — там тебя встретит высокий белокурый парень, это и есть Стоян, ты скажешь ему, что прибыл от Веры из «Дела», и передашь ему вот это письмо. Больше никому».

Прося шофера довезти его до Рибно, Аркадий хотел сойти возле хутора, но понял, что этого делать нельзя. При выезде из города машину вдруг остановил бойкий офицер. Он резко отворил дверцы, жестом приказал Аркадию выйти из кабины и пальцем указал на кузов, а сам развалился рядом с шофером, крикнув:

— Коритно!

«Какого дьявола немец увязался с нами? Уж не затевается ли что?» И тут Аркадий вспомнил, что во время разговора с Верой около киоска вертелся какой-то тип. Аркадий не придал этому никакого значения, а сейчас, сидя в машине, забеспокоился: «Не засекли ли меня? И водитель мрачный. Если начну первым, то и

с ним, и с офицером справлюсь», — решил он про себя. Сидя в кузове, он прижимался спиной к кабине, но так, чтобы его не было видно из заднего оконца.

Мимо проплывали дома, потом сплошным частоколом замелькали деревья и снова дома; и вдруг выросла церковь. Притормозив у моста, где стоял полицейский пост, машина проскочила на ту сторону небольшой речушки Речицы, миновала второй пост и уже начала подниматься по серпантину на покрытое чахлым лесом плоскогорье. Аркадий смотрел, как дорога словно бы убегает у него из-под ног, на вороненую сталь Речицы, на оставшийся позади каменный мост. Вдруг вспыхнула яркая фара мотоциклета, выехавшего из ворот только что оставшейся позади караулки второго поста. И тут же появилась вторая машина, в свете фар мотоцикла Аркадий разглядел трех солдат с автоматами.

«Через несколько минут они нас нагонят. Тут что-то неладно, не лучше ли мне спрыгнуть? Скоро будет проселок в сторону хутора...»

Не раздумывая больше, Аркадий на повороте перемахнул через борт машины и, пробежав несколько шагов, кинулся в сторону, притаившись, за придорожным кустарником. Исчерченное черными космами мелколесья плоскогорье вздулось буграми. Треск моторов приближался. Яркий свет фары мотоцикла, полоснув по верхушке куста, под которым он лежал, перенесся зайчиком на дерево, мелькнул по кювету и устремился по посыпанному щебенкой и словно отштукатуренному шоссе. Еще минута — и машина, мелькнув красными сигналами, скрылась за поворотом.

Идти ночью без компаса по изрытому оврагами и поросшему лесом плоскогорью и не потерять направление очень трудно. Врожденное чувство ориентировки вело Аркадия, к тому же небо очистилось и появились звезды.

Часа через два он вышел на проселок и вскоре очутился у нужного ему дома. Стоян поначалу встретил его настороженно и даже с опаской, но, услыхав слова пароля, тут же пригласил в дом и велел жене готовить гостю ужин.

Они разговорились. Аркадий рассказал, как соскочил по дороге с грузовика, и увидел, как мотоциклисты остановили машину, а спустя несколько минут вернулись обратно.

— Если следят за мной, то почему они не взяли меня у моста, там, где их пост? Ей-богу! Ничего не понимаю, — недоумевал Аркадий.

— Не возвращайтесь в отряд! Я пошлю в Рибно человека, пусть он изучит обстановку, за два-три часа обернется. Зачем рисковать? — И Стоян поднялся с места.

— До двенадцати ночи я должен быть в комендатуре отряда, сейчас уже десятый час. Лучше пойду... Ей-богу!

Стоян покачал головой и пожал плечами:

— Так-то оно так. Вы русский, а немец Россию воюет, уже где-то под Москвой. Не поверит вам Рачич, не поверит!

— А вдруг да поверит. Возвращаться в отряд надо! — Аркадий как шашкой резанул ладонью по воздуху. — Спасибо за угощение.

— Провожу я тебя по тропкам до самого Рибно. Иначе в лесу заблудишься.

— Если все будет благополучно, я подам сигнал, а нет — предупреди всех. Сам понимаешь, станут пытать... нелегко выдержать.

— Ты должен выдержать! — Стоян строго похлопал своей широкой ладонью Аркадия по плечу. — Ты много знаешь... А мы поможем.

На околице Рибно они расстались, крепко пожав друг другу руки. Аркадий зашагал в комендатуру, чтобы явиться «по случаю прибытия из отпуска», а Стоян задами прокрался к дому, где с двумя «товарищами»-усташами жил Попов, и притаился за плетнем.

Через полчаса Аркадий в комнате не появился. Это означало провал, но Стоян все еще прислушивался к звукам за окошками. Вдруг на улице послышались шаги, хлопнула калитка и кто-то, постучав в дверь, грубым голосом крикнул:

— Ребята, наш Пуниша разрешил идти по домам. Русский сам явился в комендатуру! Его арестовали! Здоровенный бугай. Едва взяли, трех покалечил. Досталось и нашему капитану, с фонарем ходит, чуть глаз ему не выбил...

Стоян дальше слушать не стал. Он отпрянул от окна и торопливо, стараясь не стучать каблуками, побежал в переулок: надо было предупредить товарищей в Бледе о провале...

5

Розумек вернулся домой около девяти вечера, мрачный и злой. Анджела обрадовалась этому, думая, что Попов ушел.

— Ты продрог, Гельмут? Хочешь, сварю глинтвейн? Ужин на столе.

— Русский летчик удрал, наверное, он коммунист. Выпрыгнул из кузова машины...

Анджела зябко поежилась.

— Бррр... как холодно! Простудилась, что ли, голова болит. Тебе звонили с сорок восьмого поста, там машину обнаружили и послали за ней мотоциклистов!

— Знаю! Они-то и спугнули! Тейфель! — Он подошел к стоявшему в прихожей зеркалу, одернул китель, пригладил седеющую шевелюру и, взяв Анджелу под руку, бросил: — Пойдем ужинать!

После ужина легли спать. Анджела безвольно лежала на его руке, когда раздался телефонный звонок, длинный и настойчивый.

Сердито проворчав: «Тейфель!» — Розумек поднял трубку. В трубке заквакал чей-то противный голос.

— Где взяли? — удивился Розумек. — В комендатуре?.. Сам явился? Зачем же тогда взяли?.. Ах, оказал сопротивление?.. Даже так?! — Розумек спустил с постели ноги, не отрывая от уха трубку, которая квакала. Анджела с глубокой тоской думала о том, что сейчас, наверное, уже истязают сильного, красивого богатыря Аркадия, который легко поднимал ее в саду срывать с ветки яблоки. Как Анджела ни прислушивалась, уловить, что говорили в трубку, было невозможно.

— Зачем он приходил в Блед? Кто у него знакомый? Как допрашивать? Не церемониться! Поручите его Булину, этот субчик у него все жилы вытянет!

Розумек повесил трубку.

— Ну и гость у нас побывал! Коммунист! Кого-то там искалечил. Все расскажет! — Розумек вздохнул облегченно и улегся поудобнее в постели.

Анджеле хотелось рыдать, она сдерживала себя, чтобы слезы не прорвались наружу. Розумек стал ей отвратителен, хотелось убить этого изверга.

— Жалеешь? — зевнул Розумек, гладя ей плечо. — Я исполняю долг перед великой Германией...

— Не убивайте его, Гельмут, у русских эмигрантов

всюду связи. Они породнились с королевскими и императорскими домами, с многими нашими высокими функционерами. Ты сам говорил, что Розенберг родился в России, что русский двор и русская аристократия кровно связаны с немцами... они ведь помогали Гитлеру...

— Спи, дорогая. Цари и короли не управляют больше государствами. С нами фюрер. Народом командуют фюреры *. И я тоже фюрер... Забудь о русском коммунисте — не будем больше об этом говорить.

Он отвернулся, зарылся головой в подушку, но сон вдруг пропал.

С утра Розумеку было не до русского летчика: пришел правительственный приказ, подписанный самим Гитлером. Фюрер писал: «1) Никто, ни учреждение, ни отдельный функционер, чиновник, служащий или рабочий не должны знать о вещах, которые представляют секрет, если они непосредственно не имеют к нему отношения по работе.

2) Ни одно учреждение, функционер, чиновник, служащий или рабочий не должны знать о служебной тайне больше, чем это нужно для выполнения своей задачи.

3) Ни одно учреждение, ни один функционер, чиновник, служащий или рабочий не должны знать о секретной операции, которую ему предстоит провести, раньше, чем это требует необходимость.

4) Категорически запрещается издавать непродуманные приказы, распоряжения, имеющие первостепенное секретное значение, в общем ключе распределения». Адольф Гитлер (собственноручно). 25 сентября 1941 года».

«Фюрер, конечно, прав. Мы слишком болтливы. Это происходит от нашей самоуверенности. Приказ написан, разумеется, не зря. Разведки Англии, Америки, России работают вовсю, — подумал Розумек. — В пятницу лондонское Би-би-си ухитрилось комментировать статью Геббельса, которая печаталась в «Ангриффе» только в субботу».

Гауптштурмфюрер встал из-за стола и заходил по комнате, проходя мимо потайного шкафа, он увидел торчащий в нем ключ, тут же выдернул его и сунул в карман:

---

* В 1937 году Гитлер заявил, что в нацистские организации вовлечены уже 25 миллионов немцев. А слой фюреров составил к этому времени 30 тысяч.

— Тейфель!

«Я тоже болтаю, откровенничаю с Анджелой, несдержан и с другими бабами, да и на службе надо не очень-то откровенничать. Пойдут строгости, за любой провал начнут привлекать к ответственности. Ловко, ловко эмигрант Попов меня обманул. Кстати, а кто сам Булин? Нельзя было ему поручать допрашивать русского! Тейфель!»

Розумек схватился за телефон и вызвал Рибно, попросил к аппарату начальника усташей Рачича. И снова заходил по комнате, сунув руки в карманы. Его правая рука тут же нащупала железо. Почему в кармане гвоздь? Ах, это ключ от потайного шкафа! В нем ничего секретного, а все-таки... «Ни одно учреждение, функционер, чиновник, служащий или рабочий не должны знать больше, чем нужно?» Он отворил дверцу шкафа.

На верхних полках в больших папках расставлены по алфавиту «дела» общественной и городской деятельности в дистрикте Бледа, газеты, печатные приказы. Розумек взял первую попавшуюся под руку папку и, развернув, прочел подчеркнутое красным карандашом донесение из Загреба под заглавием: «Либо поклонись, либо в могилу ложись».

Министр веры и просвещения Миле Будак на митинге в Вуковаре 8 июня 1941 года сказал:

«Что касается сербов, которые живут на территории Хорватии, то это не сербы, а пришельцы с востока, которых в качестве носильщиков и холуев привели турки. Они объединены лишь своей православной церковью, и потому нам не удалось их ассимилировать, а теперь пусть выбирают: «Либо поклониться, либо в могилу ложиться». Поэтому часть сербов мы ликвидируем, а что останется, обратим в католическую веру».

«Министр внутренних дел Хорватии Андрия Артукович издал приказ, согласно которому «сербам, евреям, цыганам и собакам запрещен вход в парки Загреба, рестораны и общественный транспорт».

И тут же была приписка чернилами: «В Глине, на Бании 1260 крестьян было согнано в православную церковь и сожжено. За два с половиной месяца убито около 200 тысяч сербов.

27 июля 1941 г.».

Розумек положил папку обратно и взял другую. На

ее корешке написано: «Степинац Алойзе — архиепископ хорватский».

Папка была толстая, это подробнейшее досье о рождении, жизни и деятельности Степинаца, страниц на четыреста. Перелистав ее бегло, Розумек наткнулся на вклеенную газетную вырезку от 25 июня 1941 года. Обращение епископа к народу Хорватии начиналось так: «Миряне! Поскольку жиды распускают зловредные слухи...»

Пронзительно зазвонил телефон. Розумек вздрогнул, сунул папку в шкаф и, подойдя к столу, взялся за трубку.

— Алло! Розумек!

— Алло! Докладывает Миливой Рачич из Рибно! Господин гауптштурмфюрер, несмотря на все наши старания, русский летчик не признается ни в чем. Очень озлоблен, мне плюнул в лицо, Булина ударил ногой в пах, пришлось отправить в больницу...

— Так ему и надо! А вы, Рачич, не умеете вести допросы. Если ничего не выходит, то закругляйтесь... Алло! — В трубке что-то затрещало. — Закругляйтесь с ним, я вечером приеду и допрошу сам... Алло, алло!

— На проводе Берлин, ответьте Берлину! — прозвучал далекий женский голос.

— Гауптштурмфюрер СС Розумек слушает! — рявкнул в трубку шеф гестапо Бледа.

— Здравствуй, мой дорогой Гельмут! — раздался чуть хрипловатый голос Мюллера.

— Цу бефел, группенфюрер! Хайль Гитлер!

— К тебе сегодня вылетают три наших ученых-физика. Устрой их комфортабельно. Это нужные нам люди, но пусть они поменьше общаются с вашими словаками.

— Яволь, группенфюрер!

— Какая у вас там погода?

— Пасмурно, группенфюрер, в горах выпал снег.

— Будь здоров, дорогой! Похоже, что всюду будет суровая зима. Хайль!

— Хайль Гитлер, герр группенфюрер! — заорал Розумек, но из трубки уже раздавались короткие гудки, и он бережно положил ее на рычаг. И снова ее поднял.

— Фрейлейн, соедините меня с отелем «Топлица»! Благодарю вас! Директора мне, это говорит Розумек... Господин Фогель, подготовьте три хороших номера на втором этаже, с балконами. Что? — Он взглянул на часы. — Гости приедут около шести вечера. Не надо прописывать... Хайль!

«Идиот Рачич, не может «расколоть» русского. Черт бы их драл, этих русских! Если мы с ними не справимся до холодов, не будь я Гельмутом Розумеком, война затянется. Поеду завтра утром в Рибно, сегодня уже не успею. Тейфельарбейт! — Шеф бледского гестапо задумался: — А может, этот Попов не виноват? И никакой не коммунист? Может, Булин наврал?..»

* * *

На 14 октября была назначена облава на партизан. Значительная группа во главе с патером Йожи сосредоточилась в этот день на горе Стргаоник. Розумек решил отправиться в Рибно на другой день вечером, но так, чтобы прибыть туда засветло.

Аркадий Попов мог быть весьма полезен, он, по-видимому, связан с партизанами и если развяжет язык, то у следствия появятся козыри против группы патера Йожи.

Рибно — большой поселок у подошвы Стргаоника, вытянутый вдоль дороги до крутого берега Бохинской Савы: церковь, школа, неизменная кафана, бакалейная лавка — типичное словенское селение. Неподалеку от церкви, уже окутанной вечерними сумерками, шофер включил фары.

— Впереди вооруженные люди, господин гауптштурмфюрер! — оборачиваясь, проговорил водитель и подтолкнул задремавшего гестаповца.

Розумек узнал командира усташского отряда Рачича. С ним было несколько солдат. Двое из них держали на плече лопаты. Гауптштурмфюрер остановил машину и вышел. Небрежно козырнув, он сунул два пальца вытянувшемуся в стойке «смирно» Рачичу:

— Сервус! Как дела?

— Готовимся к завтрашней облаве на партизан, господин гауптштурмфюрер. Мы покончим с этим отрядом! — и обвел указательным пальцем сторону, где виднелись постройки поселка.

— Партизаны все еще там, на горе? — И Розумек кивнул в сторону темного Стргаоника.

Рачич замялся, беспомощно поглядел на стоявшего рядом высокого человека в жандармской шинели и пробормотал:

— Точных сведений у нас нет. Я посылал на разведку двух солдат, но они не вернулись до сих пор. Ждем...

— Ждете? Тейфельарбейт! — Розумек вытаращил

на него свои «пивные» глаза. — А что с русским? Какие он дал показания?

— Так до конца не сказал ни слова!

— До какого конца? Вы убили его?

— Согласно вашему распоряжению, господин гауптштурмфюрер... Вы приказали «закругляться с ним», вот мы и...

— Тейфель! Я сказал, сам допрошу!

— Я слышал «закругляйтесь с ним», потом разговор прервался. Мы над ним поработали как могли, он уверял, что ничего о партизанах не знает, а потом совсем замолчал, вот мы и...

— Убили?

— Нет, поставили его к стенке и стреляли мимо, потом положили в гроб. В церкви лежал покойник, мы его выбросили и затолкали в него русского. Грозили ему, что закопаем живьем, если не сознается. Забили крышку гроба и снова грозили ему, но он ни в чем не сознавался, и мы сбросили гроб в могилу. Могила была уже выкопана для другого покойника. Мы спрашивали его в могиле: «Скажешь про партизан?» Он молчал. Они, — Рачич большим пальцем указал на стоявших с лопатами людей, — его и закопали.

— Закопали? И ничего не сказал? Невероятно! Унмёглих! А может, он и не знал о партизанах? Ему не в чем было сознаваться?! А летчик мог бы вам еще пригодиться!

— Да он, наверно, еще живой, — осторожно заметил высокий в жандармской шинели.

— Если он факир! — резюмировал, посмеиваясь, помощник Рачича.

— Наверняка еще живой! Он ведь настоящий дьявол! Такой из могилы выберется! — выругался стоявший с лопатой на плече коренастый усташ.

— Глупости, он уже задохнулся, господин гауптштурмфюрер.

«Рачич хитрит, наверно, врет, что живьем закопали», — подумал Розумек, — отрубил голову, а уверяет, будто живьем закопал. Усташи так практикуют частенько».

— Откопать, да побыстрей! — рявкнул гауптштурмфюрер, увидев, что все странно переглядываются. — Лос!

Рядом с церковью, за оградой, стояла часовня, даль-

ше чернели кресты погоста. Спустя минуту-другую они подошли к полузасыпанной могиле.

— Ты, Жацо, сказал, что он еще живой, ты и начинай копать, — приказал Рачич. — И ты, Войо, тоже! — Он ткнул пальцем в сторону усташа с лопатой на плече.

Жацо спрыгнул вниз и принялся неторопливо разбрасывать землю. Войо с лопатой копнул раз, копнул другой и, отложив лопату, обратился к стоявшим наверху:

— Могила не очень глубокая!

— Ребята, принесите-ка мне крест, чтоб покрепче был, а то провозимся. А ты, Жацо, копай вот тут! И поглубже.

Вскоре притащили большой деревянный крест, сунули в ямку выкопанную у изголовья, и пользуясь им как рычагом, навалились, чтобы гроб поставить на попа. Крышку тут же оторвали, она отлетела, а вслед за ней тяжело вывалилось тело Аркадия Попова.

— Ну что? Живой? — захохотал помощник командира, усатый, небольшого роста, сравнительно еще молодой человек в офицерском кителе, перепоясанном широким поясом, в галифе и сапогах. — Выбрался из могилы? Труп! Ха, ха!

Войо склонился над лежащим телом и вдруг с испугом отпрянул в сторону.

— Вроде дышит, и руки у него свободные, а были связаны, — дрожащим голосом проблеял Войо. — Он дьявол!

— Верно, руки развязал! — подтвердил Жацо.

«Ну богатырь, — подумал Розумек. — Разорвать, лежа в гробу, крепчайший шнур, которым связаны руки? Какая должна быть воля, не говоря уж о стальных мышцах!»

— Поднимите его сюда! — скомандовал он.

Могучее тело русского летчика лежало на покрытой жухлыми листьями влажной земле.

Преодолевая брезгливость, Розумек присел на корточки, взял большую окровавленную руку русского богатыря и пощупал пульс. Рука была чуть теплая, но пульс не прощупывался. Он хотел уже отпустить руку и дать команду закопать труп, как вдруг почувствовал под пальцами слабое, едва уловимое трепетание. Прошла секунда, другая, третья, и Розумек явственно ощутил удар пульса, за ним последовал второй, третий.

— Он жив! — вздохнул, поднимаясь, Розумек. — Положите его на крышку гроба и отнесите в комендатуру. Он нам пригодится! — И направился к своей машине.

По дороге он заглянул в часовню. У икон теплились две лампады, освещая лежавшего на полу покойника. Его рука была поднята, казалось, он приветствовал гестаповца: «Хайль Гитлер!»

Розумеку стало не по себе: «Если они и дальше будут вытряхивать из гробов покойников, то в партизаны пойдет вся Словения. Впрочем, в России полицаи ведут себя не лучше, чем здесь усташи».

— Прикажите похоронить настоящего покойника, господин Рачич! — сердито бросил он идущему за ним по пятам начальнику усташского отряда.

У комендатуры стоял его «хорьх». Шофер при виде начальства выскочил из машины и предупредительно взялся за ручку дверцы.

— Нет, Вольфганг, мы еще не скоро уедем. — И тут же, вспомнив о приказе Гитлера, выругал себя: «Эх я, болтун!» — Громко добавил: — Не знаю, Вольфганг, а может быть, и скоро!

— Яволь, герр гауптштурмфюрер! — рявкнул шофер.

Розумек поднялся на крыльцо бывшей школы, вошел внутрь. В «классе» тускло горели две керосинки, было полутемно и пахло сивушным перегаром.

Сидевший за столом усташ лениво поднял голову, но, увидев начальство, вскочил.

— Отворите окна! — распорядился Розумек. — Как можно сидеть в такой вони?

Усташ отодвинул самодельную штору из парашютного шелка и распахнул обе створки широкого окна. В комнату ворвалась свежая струя влажного воздуха. Было совсем темно.

— Господин гауптштурмфюрер! На днях, когда мы заседали, кто-то выстрелил в окно, — подойдя к Розумеку, вполголоса объяснил Рачич и тут же, повернувшись к усташам, которые вносили лежащего на крышке гроба Аркадия Попова, заорал:

— Куда вы с ним тащитесь? Волоките его в погреб. Седьмая камера свободна!

Жацо, который шел впереди и, видимо, с трудом удерживал тяжелую ношу, попятился.

— Положите его сюда! — Розумек ткнул пальцем в

сторону окна. — Позовите врача, а пока влейте ему глоток ракии в рот.

— Лучше простой воды дать, ему уже третьи сутки пить не давали, господин гауптштурмфюрер! — сказал Жацо, оглянувшись на русского, который недвижимо лежал на крышке гроба. — Если он не умер от удушья, то от жажды умрет.

Розумек подозрительно поглядел на жандарма и подумал: «Уж не провокатор ли партизанский? Вряд ли, королевские жандармы воспитывались в духе ненависти к коммунистам».

— Уже плеваться ему, дьяволу, было нечем, — сказал коренастый усташ Войо, утирая ладонью вспотевший лоб, после того как опустил у окна свою тяжелую ношу. — Дадим воды, он оживет и станет браниться! — Усташ налил из стоявшего на столе графина в стакан воды, подошел к распростертому полуголому телу русского, поднес к его губам стакан и попытался влить в рот воду, но она стекала по щекам и подбородку.

— Разбито лицо у него, — пробормотал усташ. Потом вытащил кинжал, вставил между зубами и осторожно раздвинул крепко сжатые челюсти. — Ого! И язык весь искусанный, распух. Пей, черт! Пей, дьявол!

Русский сделал глоток, другой, потом глубоко вздохнул, открыл глаза и, словно чему-то ужаснувшись, закрыл их снова.

Розумек подошел и увидел, что тело исполосовано кровоточащими рубцами, покрыто синяками и ссадинами и что весь он дрожит мелкой дрожью. «Если бы было в чем сознаваться, он признался бы сто раз. Дас ист унмёглих!» Начальник бледского гестапо, обернувшись к начальнику усташей, распорядился:

— Дайте ему еще воды и отнесите в госпиталь. Пусть его там подлечат. И не трогайте его. А через недельку привезите ко мне.

— У нас нет тюремного госпиталя, господин гауптштурмфюрер! — развел руками Рачич.

— Отнесите на квартиру, где он жил, пусть врач за ним ухаживает. Где он, кстати?

Рачич замялся, потом поглядел на своего помощника и наконец промямлил:

— Он не совсем здоров...

— Пьян? Так вот, вы ему скажите, что он отвечает за русского и чтобы через неделю летчик был здоров, если даже вы переломали ему все кости! Ясно? — И Ро-

зумек устремил тяжелый взгляд на опешившего начальника усташей, который никак не мог понять, зачем немец волнуется из-за какого-то полумертвого летчика. «Ну, ошиблись, велика важность! Неужто он важная шишка? У нашего Павелича тоже был друг-приятель русский эмигрант, черт бы их всех побрал!»

Розумек просидел в комендатуре еще часа два, обсуждая план назначенной на утро облавы. Он бы задержался еще, а может быть, и сам бы принял участие в экспедиции — очень его интересовали евреи, бежавшие из «Еловицы» к партизанам, но у него была назначена встреча в «Топлице» с прилетевшими из Берлина учеными. Поэтому к девяти вечера он уже подъезжал к Бледу.

* * *

Откуда-то из небытия в сознание Аркадия Попова проникла боль, ее даже нельзя было назвать болью, а скорей воспоминанием о ней. Словно кто-то тронул где-то струну, которая отозвалась в сердце. Он не знал, что, вывалившись из гроба, ударился грудью и тем заставил остановившееся сердце забиться.

Ему чудилось: стоит прохладная осень, донские плавни затянуты туманом, а он бредет по колено в холодной воде среди камышей и никак не может выбраться на сухой берег. Тут где-то близко отец и зовет его. Он хочет ответить, но звук не вылетает из его рта, а бессильно ударяется в нёбо. Мешает кляп, мешает не только кричать, но и дышать, он бредет дальше, а вода глубже, глубже, и вдруг он куда-то проваливается и словно попадает в иной мир. Тонкая струйка воздуха просачивается живительной влагой в его пылающую грудь, и он слышит насмешливый голос отца: «Ну что? Живой?» — «Теплый... дышит... руки...» — подтверждает чей-то блеющий голос.

— Поднимите его сюда! — звучит четкий приказ... Аркадий узнает басок начальника бледского гестапо и вспоминает все.

«Боже мой, — думает он, — неужели все начинается снова? Неужели все опять надо забыть, преодолеть все муки и помнить об одном — Зорицу и Драгутина забили палками на Саймиште! Зорицу и Драгутина забили палками на Саймиште! Зорицу и...»

Вместе с жизнью в его жилах закипает ненависть,

святая, всепобеждающая, стоящая над жизнью и смертью ненависть к врагу.

Ему дали напиться, и он услышал приказ Розумека отнести его домой, лечить и кормить целую неделю.

«Вроде кости не переломаны, очухаюсь... Ей-богу, очухаюсь. Буду мстить, мстить! Выкраду самолет и назову его «Мститель». Останусь в Словении... Стоян знает, что со мной случилась беда... Как бы сообщить Алексею Алексеевичу... Надо...» — Мысли роились, вытесняя друг друга, а где-то глубоко в сознании, как лейтмотив, как торжественный гимн, как трубы фанфар на самой высокой ноте, царила уверенность: «Буду жить и мстить!»

* * *

В среду, к концу дня, Розумеку позвонил из Рибно начальник усташского отряда Рачич и унылым голосом доложил, что на горе Стргаоник партизан не оказалось.

— Пастушьи колибы мы сожгли дотла, — закончил он уже веселее. — Что касается русского, то он еще очень слаб и мы делаем все, что вы приказали.

Розумек, положив трубку на рычаг, пробормотал:

— Тейфель!

В воскресенье, после обеда, захватив с собой бутылку «Бургундца», развалился по обыкновению в кресле у камина и начал со своей любимой фразы:

— Мы, немцы, умеем трудиться, но умеем и отдыхать и веселиться! — как вдруг раздался телефонный звонок, заставивший его подняться и, чертыхаясь, взять трубку.

— Алло! Господин гауптштурмфюрер, докладывает Рачич из Рибно. Русский летчик скрылся... — Голос начальника усташского отряда показался Розумеку веселым, даже злорадным. — Алло! Алло! Русский летчик Попов сбежал! Вы слышите, господин гауптштурмфюрер? Вместе с ним исчез и Булин!

— Как? — прорычал шеф бледского гестапо. — Вы у меня ответите за это!..

* * *

Через несколько дней по условленному адресу из Бледа в Белград Хованскому было отправлено письмо Аркадия Попова.

Чиновник, читавший это длинное и скучное письмо пожилой женщины к своей родственнице в Белграде, ничего предосудительного не нашел и поставил штамп — «ПРОВЕРЕНО ЦЕНЗУРОЙ». А Хованский расшифровал его так:

«XI.41. Зорицу Драгутина на Саймиште предал Булин с ним разделался тчк согласно подслушанной беседе двух берлинских физиков отдыхающих в отеле Топлице фон Лаусом и доктором Хайзенгофом идет интенсивная работа над созданием мощнейшего оружия тчк в Берлине-Копенике работает секретно Циклотрон — «самый большой в мире» тчк бежал к партизанам АР-7».

ГЛАВА ПЯТАЯ

КРЕСТИНЫ

1

Вы еще не в могиле, вы живы,
Но для дела вы мертвы давно.

Некрасов

В городе Земуне на улице Деспота Джурджа, в доме № 11, шло заседание бюро НТСНП. На повестке дня — переезд в Берлин руководства союза. В небольшом кабинете душно, пахнет старыми антикварными книгами. Из накаленного июльским солнцем дворика в окна пышет жаром, хотя они и занавешены. На столе запотелый графин с русским квасом, изготовленным тещей генсека Марией Ивановной Ларионовой, благообразной старушкой, которая относится к своему зятю-профессору весьма скептически, особенно в последнее время, когда с продуктами стало так плохо.

За столом с трех сторон сидят плотный, лысоватый человек с усиками а-ля Гитлер, в сером английском костюме, Байдалаков, бывший гусар Изюмского полка, а ныне вождь, председатель НТСНП; напротив него, по другую сторону стола, прищурившись, по-стариковски ссутулился, втянув голову в плечи, с большой лупой в руках — бывший профессор Санкт-Петербургского университета Михаил Александрович Георгиевский —

«Маг», он же генеральный секретарь, главный разведчик и «министр иностранных дел» НТСНП; слева от Байдалакова скромно прижался к спинке стула высокий шатен с длинной шеей, с сухощавым умным лицом, Кирилл Дмитриевич Вергун, член и казначей исполбюро, некогда председатель пражского отдела.

— Как мы и предполагали, армия Советов не смогла оказать серьезного сопротивления немцам. Красные бегут, и Гитлер обещает в течение считанных недель разгромить большевиков. Таковы и английские прогнозы. Я получил документы и письма из Берлина от редактора газеты «Новое слово» Деспотули. Он настаивает на переезде в Германию. Альфред Розенберг назначен министром по делам оккупированных территорий Востока, а Деспотули — его правая рука. Противиться мы не можем. У Розенберга иные взгляды на Россию, чем у Гитлера. Фюрер считает, что Россия не должна существовать, по крайней мере, судя по «Майн кампф». — Байдалаков приосанился и, поглядывая на уныло понурившегося Вергуна, нерешительно продолжил: — Сами понимаете, Россию, двести миллионов человек, стереть с лица земли нельзя... Поначалу будут отторгнуты Украина, Кавказ, Туркестан, Прибалтика. Хочешь не хочешь, Московия останется, в ней будет и свое правительство. Полагаю, что во главе станем мы. Придется, увы, подписать позорный мир с фашизмом. Могли же большевики подписать Брест-Литовский? А там, подобно Ивану Калите, начнем собирать Русскую землю. Розенберг студентом бежал из Бреста в Германию в девятнадцатом году. В двадцатые годы связался с РОВСом, нелегально побывал в Советском Союзе. Потом судьба занесла его в Мюнхен, где он сошелся с Гитлером. В своей программной книге... — Байдалаков беспомощно посмотрел на Георгиевского... — Розенберг не намерен уничтожать Русское государство...

Георгиевский кашлянул, демонстративно вздохнул и произнес:

— Книга Розенберга называется «Будущий путь немецкой внешней политики». Издана в 1927 году. Вещь далеко не оригинальная и фактически лишь пересказывает план Рейхберга — Гофмана, откуда же заимствовал идеи и Адольф Гитлер...

— Да, да, — поспешно кивнул Байдалаков. — Деспотули наш друг... А он друг Розенберга... Мы верим Деспотули, а он Розенбергу. У Деспотули старые друже-

ские связи с генералами Бикупским и фон Лампе и, наконец, председателем НОРМа* — Мелихом. Полагаю, что ни Розенберг, ни Деспотули нас не обманывают. — Байдалаков налил из графина себе квасу, отпил глоток и обратился к Вергуну: — Кирилл Дмитриевич, вы что-то хотели сказать?

— Хочу, Виктор Николаевич! Национал-социалистская система Германии работает со скрупулезной и неумолимой пунктуальностью. В этом главная опасность. Немцы не станут проливать свою кровь за интересы русской эмиграции! Они превратят Россию в колонию, в огромный концлагерь! А может быть, в кладбище... Гитлер маньяк! Он мнит себя немецким Наполеоном. Однако Наполеон Бонапарт обладал громадным умом, богатейшей фантазией и железной логикой, а у Адольфа Гитлера все подчинено чему-то трансцендентному и оккультному, сдобренному коварством и жестокостью. Нам не следует ехать в Берлин! Нас заманивают туда как в мышеловку.

Лицо Байдалакова покраснело.

— Вы не верите Деспотули? Опомнитесь, Кирилл Дмитриевич! Разве Деспотули не русский? Разве он хочет зла своему отечеству? Миллионы людей сейчас работают в Совдепии за гроши. Россия стоит в очередях за куском хлеба, за бутылкой молока, за коробком спичек! Немецкая колония будет свободней этой «самой свободной страны социализма». Нет-нет, Кирилл Дмитриевич, против большевиков хоть с чертом!

Брови Байдалакова нахмурились, щеки пошли пятнами.

Вергун набычился. Покачал головой.

— Гитлер предложил Германии пушки вместо масла, Сталин же создает индустриальную державу! Я вовсе не хочу оправдывать методы этого человека, но... — Вергун осекся, увидев, как Георгиевский, прижав к губам палец, подает ему знак замолчать.

— Не надо обсуждать Гитлера. Есть два пути для достижения цели, — перебил его генсек, — как учит византийская мудрость: путь закона и путь зверя. Путь закона — величественное завершение, апофеоз. Чтоб преуспеть в пути закона, нужно пройти путь зверя. Человеческая природа несовершенна... Салазар, Муссоли-

* Национальная организация русской молодежи.

ни, Франко, Гитлер... все так идут. В России деятельность наших свирепых монархов, основоположников промышленного и научного прогресса, неизменно способствовала росту крепостного права, в то время как на Западе расцветала свобода... предпринимательства. — Он прищурился на Байдалакова: — Ни Грозному, ни Петру не довелось закончить свой путь закона. Рабство же русских крестьян «оплодотворил» немчик из Голштинии — Питер, император Петр III, издав в феврале 1762 года указ «О вольности дворянской», тем самым отдал дворянам в вечное пользование землю и крестьян. Вот такой «свободой» «оплодотворила» Россию ваша хваленая Германия с ее дворянским «правом первой ночи»! Впрочем, тысячелетний рейх никогда не имел никакой свободы, кроме трескучих фраз вокруг королевских и княжеских дворов и суррогатных республик и диктатур! — Георгиевский выпил залпом свой квас и обратился к Вергуну: — Я тоже не люблю немцев, Кирилл Дмитриевич, и полагаю, что Германия не выиграет войну. Англия закусила удила и еще себя покажет! С колониями она насчитывает пятьсот миллионов человек! Ее флот превосходит немецкий вдвое. Ей помогает Америка, которая вот-вот объявит Германии войну. Не так просто и с Россией. Огромная территория, скверные дороги, грязь, бедность... Да-да, Кирилл Дмитриевич, грязь, насекомые. Отсутствие элементарных удобств — для немца катастрофа. Белоруссия вам не богатая Франция с добрым вином, пулярками, обилием фруктов, красивыми удобными домами и незлобивым населением. Белоруссия — это леса, болота, убогие хатенки, и люди, непокорные, своевольные, немцам не обрадуются.

— Георгий Александрович! Путь на Москву открыт. Смоленск взят! — перебил его Байдалаков. — Нам приказано... Приказано ехать в Берлин!.. Мы обязаны подчиниться!

Георгиевский поморщился как от зубной боли:

— Не торопите нас... Немецкие войска уже потеряли двести пятьдесят тысяч солдат и офицеров! Группа армий «Центр» перешла к обороне. Русские не бегут, а сражаются. Зачем нам спешить в Берлин? Война может затянуться. Если до холодов она не кончится, гибель «третьего рейха» неизбежна. Будем надеяться, что советский строй рухнет... Тогда-то мы с вами будем нужны в России. Мы понадобимся и Гитлеру и Розенбергу! И кстати, Черчиллю и Рузвельту. Ведь мы серьезная ор-

ганизация! У нас собственная программа, близкая к национал-социализму. Наш «Солидаризм» доходит до русских народных масс, он понятен «таинственной русской душе». В Москве мы имеем своих людей, свои опорные точки. Мы не должны выполнять приказы Розенберга и Деспотули!

— Тогда они нас уничтожат! — испуганно произнес Байдалаков.

— Ну-ну, не торопитесь умирать, — успокаивающе произнес Георгиевский. — Околов «отдрейфовал» типографию «Льдина» в Бессарабию. Правда, мы не знаем, где Олег Чегодов. Наладил ли он работу типографии? Или попал в лапы НКВД? А может, ушел вместе с Красной Армией, со всей «редакцией»? С Деспотули мы не будем делиться своими провалами. Но сами-то должны быть в курсе.

— Ах, Георгий Александрович, о судьбе Чегодова никто толком не знает! — дернулся всем телом Вергун. — Жаль, что этот неглупый, проверенный человек бесследно потерялся... Сейчас Чегодов был бы очень полезен...

— Чегодов осторожен, но советская разведка обнаруживала и не таких храбрецов. Проваливались опытнейшие! Я убежден, что и в ведомстве Розенберга, Риббентропа, Гиммлера и самого Канариса работает немало советских разведчиков. Внедрились они и в среду эмиграции, и в наш союз. — Георгиевский подозрительно окинул всех взглядом, будто подозревал кого-то из них в шпионаже. — Может, нам не брать в расчет Чегодова?

— Так как же мы решаем? Ехать в Берлин или нет?

— Что касается меня, то я остаюсь здесь, — категорично объявил Георгиевский. — Немцы достаточно хорошо осведомлены о моих связях с Интеллидженс сервис, особенно после провала капитана Беста из МИ-6 *. Он и его товарищ, не знаю, кто это был, поехали к германо-голландской границе якобы на встречу с видным генералом из ставки Гитлера. Их «встретили»! Голландец, их сопровождавший, был убит, а эти два идиота попали в лапы Шелленберга. Тот, конечно, заставил их разговориться. Мне нужно пока тихо и мирно отсиживаться в Югославии на нелегальном положении, а там будет видно...

* МИ-6 — отдел английской разведки.

— Вы останетесь, а потом протянете, надеюсь, нам луковку, — помрачнел Байдалаков.

Георгиевский и Вергун удивленно посмотрели на своего председателя.

— Помните, у Достоевского в «Братьях Карамазовых» над огненным озером, куда черти кинули злющую-презлющую бабу, стоит ангел-хранитель и думает, что она хорошего совершила за свою жизнь?

— А-а-а, нищему луковку подала! Но мы и луковки никому еще не подали! — с грустной серьезностью заметил Вергун.

— Что с вами, Кирилл Дмитриевич? — Байдалаков насупился. — Я вас не узнаю, откуда такой пессимизм? Сначала гневная филиппика против фашистской Германии, потом неуверенность в нашем будущем и, наконец...

— Виктор Михайлович, — перебил его Георгиевский, — ситуация действительно усложняется. Ничего нельзя предвидеть. В Югославии тоже кому-то надо быть...

— Мне тоже не хочется ехать, — вздохнул Вергун. — На душе у меня тяжело, давит какое-то предчувствие, внутренний голос шепчет: «Останься!» Еще год назад я верил, что Гитлер легко победит СССР, тут же помирится с Англией и США и будет создана новая Россия. Не мог я предполагать, что у фашизма такое звериное лицо, такая злобная и коварная душа!

— Но немцы же побеждают! — сердито дернулся Байдалаков.

В этот момент вошла жена Георгиевского, Елена Александровна, пригласила гостей в столовую:

— Пожалуйста, господа, отобедать.

Все встали и направились в соседнюю комнату.

За столом с хорошим вином и вкусной едой беседа приняла более покладистый характер.

Георгиевский еще раз подтвердил, что ехать в Берлин ему никак нельзя. Во-первых, он стар, болен и ему трудно воспринять немецкий жесткий стиль жизни; во-вторых, он как генеральный секретарь — руководитель разведки давно связан с англичанами, и сотрудники Интеллидженс сервис не простят ему переметывания на сторону Германии; в-третьих, не резонно же всему бюро НТСНП послушно подчиняться приказу Розенберга! А вдруг германские войска, несмотря на успехи, окажутся все-таки разбиты? Это явится и для НТСНП крахом. Следует заранее предусмотреть и такой вари-

ант! И ему, Георгиевскому, надо остаться в Югославии, уехать в какой-то небольшой город и перейти на нелегальное положение...

— А что скажет на это Розенберг? — работая вилкой и ножом, с полным ртом спросил Байдалаков.

— А вы поговорите с ним! Не ради меня, а ради будущего нашего движения, убедите его, что я не могу поехать в Берлин, — отвечал Георгиевский. Он был за столом хозяином, и долг вежливости заставлял Байдалакова соглашаться.

Вергун ел молча и мрачно. Ему тоже ехать в Берлин никак не хотелось.

На другой день Георгиевский уехал в городок Сремска Митровица, чтобы устроиться на нелегальном положении. Хитрый генсек понимал, что в Берлине ему не избежать разговора в гестапо, который не сулит ничего хорошего. Он был рад, что остается в Югославии. Байдалаков поговорит с Розенбергом! Пусть даже Розенберг прикажет привезти в Берлин силой пожилого, больного человека, он, Георгиевский, скроется здесь, в Югославии. Он никогда не считал себя другом Байдалакова: что общего между ним, профессором древних языков Санкт-Петербургского университета, и Байдалаковым, корнетом гусарского Изюмского полка? Это он, Георгиевский, ухитрился скомпоновать на основе брошюры П. Б. Струве «Как найти себя», а также «солидаризма» Милоша Трифуновича * и высказываний французских социалистов-утопистов некое идеологическое варево, сдобренное геополитикой и антисемитизмом. Это он, эрудированный, многоопытный разведчик, знающий человеческие слабости и конъюнктуру в мире, создал этот союз. А гусарский корнет, импозантный хвастун и позер пусть едет в Берлин, позирует перед Розенбергом, думал Георгиевский, а мы переждем.

2

На берлинском аэродроме Темпельгоф Байдалакова и Вергуна встретили председатель германского отдела Субботин и редактор газеты «Новое слово» Деспотули.

* Милош Трифунович (30. X. 1871—19. II. 1957) — политический деятель, министр просвещения в кабинете Пашича. Председатель совмина эмигрантского правительства в Лондоне (от 26. VI. до 10. VIII. 1943 г.).

У машины их поджидал плотный мужчина в сером костюме. Он галантно представился:

— Ванек! Ошень приятно с фами познакомиться! С приесдом!

Все пятеро уселись в большой черный лимузин.

В отличие от разоренного Белграда Берлин выглядел вполне нормально. Не было разрушенных домов, улицы блестели чистотой. Но казалось, что в городе живут лишь старики, женщины, дети и люди в военной и военизированной форме.

Черный «хорьх» свернул на широкую Унтер-ден-Линден. Байдалаков не узнавал улицы. Ряды зеленых, тенистых вековых лип исчезли, впереди на солнце блестел, точно начищенный сапог, отполированный шинами асфальт.

Вскоре лимузин с шиком подкатил к огромному зданию отеля «Алдон».

Все они направились в холл, затем поднялись на десятый этаж и, путаясь в бесконечных коридорах, очутились в небольшом, весьма скромном меблированном номере с окнами, выходящими в колодец полутемного двора. Лицо будущего правителя России помрачнело. Байдалаков недоуменно поглядел на Деспотули.

— Устраивайтесь, Виктор Михайлович! Мы вас потом переселим, — покровительственно улыбнулся Деспотули.

И Байдалаков и Вергун заметили в манерах Деспотули резковатость, в голосе некоторую жесткость и разом подумали: «Это неспроста!»

— Через два часа я повезу вас на Беркаерштрассе, там мы и поговорим, — бесцеремонно бросил, поглядывая на часы, Ванек и ушел.

— Придется сначала побывать в зихерхайтдинст — в СД, — строго пояснил Деспотули. — Вами заинтересовался сам Шелленберг. Это хороший признак. — И, скривив чуть губы, откинул назад свою густую и черную как вороново крыло шевелюру. — А отобедаете у меня на Магацинештрассе, дом пятнадцать. Познакомлю вас с женой. Через несколько дней, надеюсь, вас примет его превосходительство господин министр по делам Востока Альфред Розенберг. Сейчас он очень занят, — как бы оправдываясь, продолжал Деспотули. — Когда он был главным редактором в «Фолькишер беобахтер» и ближайшим помощником господина Иозефа Геббельса в министерстве пропаганды, времени оставалось

больше. А сейчас... — и Деспотули развел руками. — До скорой встречи! Хайль Гитлер! — И, вскинув резко руку, ушел.

Байдалаков обшарил взглядом комнату, заглянул под стол, покосился на телефон и устало опустился на стул.

— Наверняка подслушивают, — прошептал ему на ухо Субботин.

— Ну что ж, господа, я рад буду встретиться с генералом Вальтером Шелленбергом. — Байдалаков неестественно повысил голос, будто выступал перед невидимой аудиторией: — Это умный, хорошо осведомленный разведчик. Ему, безусловно, известна наша большая работа на территории Советского Союза. Да, мы, только мы, — он ткнул себя пальцами в грудь, — можем представлять будущую Россию. Наша философия, наша идеология и наша социальная и политическая программа, идея «солидаризма», поддерживаются сегодня сотнями и тысячами русских, а завтра за нею пойдут миллионы.

Вергун и Субботин молчали, поджав губы, настороженно переглядываясь, осматривая стены, потолок, окна, пол. Байдалаков говорил, веря в невидимый микрофон, установленный для него либо в потолке, либо в телефоне, либо под полом.

«Эх, «солидаризм», — с тоской думал Вергун. — Еще год назад я верил в него... Сейчас вера дала трещину... Мы хотим на немецких штыках войти в Россию?! Мы, отделенные от нее, от миллионов людей тысячами километров! Да они слыхом не слыхивали ни о нас, ни о «солидаризме»! У них война, бомбы, голод!..» Ему вспомнился разговор с начальником югославского отдела РОВСа с генералом Барбовичем. Было это в кабинете у генерала Скородумова. Узнав, что исполбюро НТСНП отбывает в Берлин, Барбович фыркнул:

«Едете немцам служить? Маски сброшены... Та-ак. Кто с немцами пойдет против России, тот вместе с бандитами вламывается в родной дом к родной матери!»

«Только, ваше превосходительство, в дом большевиков!» — щелкнув каблуками, изрек стоящий тут же полковник Павский.

«Проклятье падет на ваши головы! Проклятье и позор!» — Барбович зло посмотрел на Павского и отошел в сторону.

Вергун вспомнил и встречу в Земуне с Георгиевским,

Обдурил всех генсек! Не поехал в Берлин, сослался на страх перед Шелленбергом. А их толкнул к нему в пасть. Придется притворно улыбаться, лебезить перед всяким кичливым немцем. Они — юберменши, а все прочие — навоз!

Время тянулось мучительно, наконец в дверь постучали. Вошли Ванек и Казанцев. Встреча с Владимиром Казанцевым, который полгода тому назад уехал в Берлин, оставив в Белграде молодую жену Тамару, обрадовала Вергуна. Жив-здоров! Тамара была причиной возникшей между Байдалаковым и Казанцевым холодности.

— Господа готофы ехайть? Господин Казанцеф будет наш переводчик.

Через полчаса они сидели в приемной Шелленберга. Ждать пришлось довольно долго. Байдалаков нервничал. У Вергуна лицо пошло пятнами. Казанцев насмешливо смотрел в окно. Гауптштурмфюрер Ванек — теперь уже он был в форме — сидел как ни в чем не бывало, сонно уставясь в окно.

— Знакомится с магнитофонными записями, — шепнул Байдалаков, кивнув на дверь кабинета, но тут же настороженно покосился на Ванека.

Дверь распахнулась, их пригласили войти. Огромный светлый кабинет, почти лишенный обстановки, производил подавляющее впечатление своими размерами. Они прошли по ковровой дорожке, утопающей под ногами, в самый конец к письменному столу, за которым сидел, чуть отвалившись на спинку кресла, под портретом Гитлера, генерал и рассматривал их в монокль. Белые полосы по бокам дорожки напоминали рельсы, и Байдалакову казалось, что он шагает по полотну железной дороги и становится все меньше и меньше. Поначалу любезная, но полная достоинства улыбка по мере его продвижения иссякала, пока не стала жалкой и смешной. Сидящий в кресле оставался серьезным. Он поднялся, лишь когда они вплотную приблизились к столу.

Поздоровавшись со всеми за руку сухо, жестко, он повернулся к портрету Гитлера и выкрикнул: «Хай Хитлегг!» — и вопросительно посмотрел на пришедших.

Глупо улыбаясь, Байдалаков выкинул вперед руку, за ним последовали другие, и гауптштурмфюрер заорал во все горло:

— Хайль! Хайль! Хайль!

«Вот мы и приобщились! — подумал с грустью Вер-

гун. — Начинаем ползать на брюхе, как князья перед Батыем!»

— Я вас слушаю, господин... — Шелленберг заглянул в свои записи, делая вид, что отыскивает фамилию гостя, потом перевел взгляд на Байдалакова. Но тот, глядя ему прямо в глаза, обиженно молчал.

— Байдалакофф! — угодливо подсказал Ванек.

— Господин... Виктор Михайлович! — не обращая внимания на Ванека, произнес Шелленберг. — Вас внимательно слушаю.

— Мне хотелось бы прежде всего объяснить основы нашей идеологии, которая находит массовый отклик в сердцах русских людей и перекликается с идеями национал-социализма... — приосаниваясь, начал Байдалаков.

— Очень интересно, — чуть позевывая, кивнул Шелленберг и повернулся к Казанцеву, который переводил.

— Подобно космическому закону всемирного тяготения, на котором зиждется вся система мироздания, в человеческом обществе влечение и тяготение людей друг к другу, система общественной и социальной жизни, где закон социального притяжения — инстинкт солидарности...

Шелленберг внимательно слушал. Байдалаков еще больше напыжился и продолжал:

— Никакие рассуждения не смогут опровергнуть положений, проистекающих из непосредственного опыта и ощущения. Никакие! — И Байдалаков помахал перед носом указательным пальцем. — Ибо инстинкт общественной солидарности так же первобытен, как и противоборствующий ему инстинкт эгоизма. Мы хотим органически построить социальную жизнь, мы принимаем во внимание оба свойства человеческой природы — исходить из расчета живого человека...

— Вы хотите сказать, что Жан-Жак Руссо не прав, — вмешался Шелленберг, — утверждая, что человек «добр по своей природе», и не прав Маркс со своей борьбой классов? Так?

— Вот именно! Всякий атом вещества есть центр взаимодействия положительной и отрицательной энергии, отталкивающих и притягивающих сил. Отталкиваясь, он сохраняет свою обособленность, притягиваясь, — остается неотделимой составной частью организованной материи, ткани. Живой человек — атом социальной ткани, источник разрушающих и образующих сил. Инстинкт самосохранения выявляется при отсутствии сдерживаю-

щих начал, в порыве разрушающего эгоизма, инстинкт солидарности, то есть социального притяжения, есть прирожденное проявление общественных свойств человеческой природы...

«Этому генералу мир абстракции, кажется, недоступен», — поглядывая на Шелленберга, подумал Вергун.

— Эгоизм — постоянная угроза равновесию этой системы, но она не свалилась с неба, не дар мудрого законодателя и не игра слепых стихий, а производная творческих свойств живого человека, — продолжал Байдалаков. — Один человек ничего не может. Только объединившись для солидарного действия, он направляет стихию, изменяет окружающую природу, возводит грандиозные сооружения, организует справедливую общественную и государственную жизнь...

Байдалаков оглянулся, услышав храп. Это задремал Ванек, не в силах одолеть «философию этих русских». Он не спал всю ночь. Открыв глаза, он увидел, что все смотрят на него.

— Извините, у меня насморк, — пробормотал Ванек, опасливо поглядывая на улыбающегося начальника.

— Пожалуйста, пожалуйста, — промямлил Байдалаков, — я хочу еще только добавить, что даже у животных при появлении первых проблесков этого инстинкта мы присутствуем при необычном проявлении его действия. Таково строительство и общественная жизнь пчел, муравьев, бобров. Одни строят себе общее жилье, другие объединяются для защиты или нападения... — Байдалаков оглянулся на Ванека. — Третьи, как, скажем, журавли, объединяются в косяки, чтобы легче было лететь через моря, и так далее...

Шелленберг сделал нетерпеливый жест. Он не был силен в философии и не любил абстрактных рассуждений, но терпеливо ждал, все еще надеясь, что Байдалаков сам закончит затянувшееся вступление.

— Справедливая социальная жизнь означает счастье и для живого индивидуума! Общество и государство потому существуют для него, а не наоборот, — продолжал Байдалаков, понимая, что его вот-вот прервут, и спеша закончить свою мысль. — Каждое звено в шествии поколений имеет право на частицу своего счастья, своей правды. Марксизм отказался сделать элементом социального строительства живого свободного человека с хорошим и дурным, игнорируя хорошее и только по-

давляя дурное. Поэтому мы предвидим его крушение. Идеал борьбы, ненависти и насилия, государственного деспотического сверхкапитализма и отрицания ценности личности и силы духовного начала неминуемо приведет к гибели...

— Довольно... Большевиков уничтожим мы! А ваш русский народ всегда был под властью тиранов. Я человек прямой, и я, как наш фюрер, — Шелленберг оглянулся на написанный маслом портрет Гитлера, изображенного во весь рост, с выброшенной вперед рукой, — говорю правду в лицо, вархейт ин гезихт заген, славяне — рабы, недаром мы называем их «славен», а рабов — «склавен»! Наш фюрер сказал, что славяне — народ неполноценный...

— Русский народ дал великих писателей, музыкантов, художников, ученых, государственных деятелей, создал величайшую империю, — заторопился Байдалаков.

— Ну, ну! Если копнуть, то все ваши великие писатели, государственные деятели окажутся не славянами.

— А Толстой, Достоевский! — беспокойно мотал головой Байдалаков.

Байдалаков смолк. Растерянно кивал, перебирая губами и глотал слюну.

— Мы отвлеклись на пустяки, — прервал Байдалакова Шелленберг. — Я пригласил вас, господа, говорить о деле. Мы знаем, что вы ненавидите большевиков. Вы утверждаете, что идеи вашего «солидаризма» находят отклик в сердцах русских людей. Претворим это в жизнь! У вас будут неограниченные возможности... Мы вам предоставим вести пропаганду среди миллионов русских военнопленных. Вы сами станете отбирать лучших в нашу школу, чтобы потом переправлять их за линию фронта. Каким количеством агентов вы располагаете на Востоке?

— Война, господин штандартенфюрер, оборвала все наши связи. До войны успешно работала наша группа на территории Бессарабии и Буковины. Там действовали наша типография и радиостанция. Мы полагаем, что они ушли вместе с отступающими войсками Красной Армии...

— Не отступающими, а бегущими, господин Байдалакофф. Бегущими!

— Да, конечно. У нас есть люди в Витебске, в Курске...

— Это малоинтересно, нужны Петербург, Москва, сами понимаете. Как у вас со столицами?

— Я затрудняюсь... Закрытым отделом ведает Околов.

— Околов? — Шелленберг кинул взгляд на лежащие перед ним бумаги. — Он был связан с двуйкой и, кажется, с японцами?

— Польша являлась нашим плацдармом. А с генералом Кавебе вы, наверно, знакомы.

— Знаком... В тридцать восьмом году он был военным атташе у нас в Берлине. Потом принял руководство по работе против СССР. Каковы кадры вашего союза?

— Около трех тысяч квалифицированных, прошедших идеологическую подготовку, надежных!..

— Не так уж много. РОВС насчитывает их около трехсот тысяч.

— Мы не гонялись за количеством, это своего рода ауфбау, надстройка. В Мюнхене их было еще меньше.

— То были немцы!

— Тем немцам помогали русские!

«Он ведет себя с кичливым немцем неплохо, — отметил Вергун. — Только врет. Никогда у нас не было трех тысяч, и мы всегда гонялись за количеством».

— Предлагаю всех ваших членов пригласить приехать сюда, в Берлин. Работа найдется для всех! Таково распоряжение господина министра пропаганды Геббельса и господина министра восточных областей Розенберга. Мы ведем с вами неофициальную беседу, легализовать ваш союз невыгодно ни для нас, ни для вас. Мы вас знаем еще недостаточно. Это помешает и вам в работе с военнопленными. Господин гауптштурмфюрер, — обратился он к Ванеку, — пусть дадут разрешение на въезд в Берлин всем, кого пригласит Байдалакофф. — Шелленберг улыбнулся и встал, показывая, что аудиенция закончена. Поклонился. Все тоже поклонились и направились по ковровой дорожке к далекой двери.

— Эйн момент, господин Байдалакофф! — остановил их уже усевшийся в кресло начальник VI отдела СД. — Разрешите дать вам добрый совет: не называйте свой союз так длинно — НТСНП. Назовите Националише

арбейт унион или лучше Фольксверктатиге бунд! — И он помахал им рукой.

«Нас заново окрестили, — с горечью подумал Вергун, — будем плясать под немецкую дудку».

3

Со всех концов Европы потянулись по приказу исполбюро НТСНП в Берлин на призыв своего вождя руководящие члены союза из Югославии, Румынии, Польши, Франции, Болгарии, Чехословакии, Албании, Бельгии, Голландии. Всего около двухсот человек. Вместо трех тысяч... «Массы» не спешили в Германию, понимая, что советские люди упорно сопротивляются фашизму, и в Белоруссии, и на Смоленщине, и на Украине встретят их неласково. А в Берлине их ждет жесткая немецкая дисциплина.

* * *

Приехавшие по заданию Хованского в конце сентября в Берлин Граков и Денисенко сразу же явились на квартиру к председателю германского отдела Субботину. На звонок им открыла его жена, у нее был испуганный вид.

— Сережа! Тебя тут спрашивают! — крикнула она ему из прихожей.

На пороге соседней комнаты появился Субботин, он был в полувоенной одежде, подпоясан ремнем. Уставился на гостей. Следом за ним в прихожую из гостиной, вскинув голову и выпятив грудь, вышел Байдалаков в штатском костюме и белоснежной рубашке, с бабочкой на шее.

— Здравствуйте, Александр! Здравствуйте, Алексей! Как доехали?

Граков заметил, что хозяева расстроены. Будто незадолго до их прихода спорили или ссорились.

— Знакомьтесь, Сергей Александрович, это белградцы! Орлы!

— Орлы не знают еще немцев, Виктор Михайлович! — пожимая руки прибывшим, запальчиво огрызнулся Субботин.

— Не сумели себя поставить, мой дорогой, я...

— Вы думаете, что исполнительному бюро удастся сохранить позицию «третьей силы»? Ошибаетесь. Энтэ-

эсовцев заставят сотрудничать и с немецкой полицией, и с СД, и с абвером, и с гестапо, и, конечно, многие из нас вступят в армию рейха! Я живу в Берлине уже двадцать лет и знаю, что такое фашизм! Поэтому не желаю больше здесь оставаться. Не имею права перед женой, ребенком и собственной совестью, наконец! — возмущался Субботин.

— Тех, кто станет без нашего ведома сотрудничать с немецкими разведками, мы будем исключать из союза! — рявкнул Байдалаков, но в его голосе зазвучала фальшь. — Вы хотите уехать из Берлина... Незаменимых людей нет! Пожалуйста! Исполбюро утвердит на ваше место кандидатуру Александра Гракова! Вы согласны, Александр Павлович, принять германский отдел союза на себя?

Граков в знак готовности поклонился:

— Благодарю за честь. Желательно изредка отлучаться в Белград...

— И прекрасно! Поводы для поездок в Югославию будут. Где вы, Александр Павлович, остановились?

— Еще нигде, фирма, полагаю, обеспечит меня жильем!

— Господин Субботин оставляет квартиру мне, вы с Алексеем поселитесь в двух комнатах, что окнами выходят на улицу, а я со своим новым секретарем займу три комнаты с окнами во двор.

— А где же Воропанов? — спросил молчавший до сих пор Алексей Денисенко, шагнув вслед за Байдалаковым в распахнутую дверь, которая вела из большого холла в просторный кабинет.

Байдалаков оглянулся, пристально посмотрел на Денисенко:

— Сбежал... Да, да, сбежал... И куда, не знаю... И об этом ни гугу! Что о нас подумают немцы?! У нас нет дисциплины! Мы не умеем хранить секреты! — и перевел оценивающий взгляд на Гракова.

Красивый и статный, лет тридцати, в штатском костюме, но с военной выправкой, он выглядел весьма мужественным, энергичным.

— Ты посмотри, Алексей, какая здесь рыжая красотища! — и Граков указал Денисенко широким жестом на окна. — Золотая осень! А в Белграде она еще не чувствуется.

— Нравится? — Байдалаков обрадованно потрепал Гракова по плечу. — У нас всех высокая миссия! Мы

добьемся соблюдения дисциплины! Установим железный порядок! Нельзя больше терпеть распущенность! Немцы послужат нам образцом...

Субботин кивнул и нахмурился.

— Я распоряжусь подать кофе, — произнес он и поспешно вышел.

— Надо учиться узнавать человека, — продолжал Байдалаков, — как завязан галстук, каков цвет его костюма, какова стрижка, как он подошел к столу, шевельнул пальцами, сел, куда дел руки, как произнес слово и почему именно это слово! Почему на одном слове дрогнули губы, на другом потемнели глаза, а на третьем сжались кулаки или взлетела рука. Все говорит в человеке, от пальца левой ноги до правого уха, затылка и спины. Иной говорит даже, когда молчит, и, кто знает, когда громче... А дальше идет графология, хиромантия, физиогномика, и, наконец, «Криминальная антропология» Чезаре Ломброзо. Вы меня понимаете?

— Так точно! Но я полагаю, что это специальность Околова, — быстро ответил Граков.

Байдалаков, заложив руки за спину, прошелся по кабинету.

— Нет, не только Околова! Вы возглавите воспитательную работу среди завербованных русских военнопленных! А их, надеюсь, окажется немало, мы будем направлять их на Восток, чтобы сеяли наши идеи.

— А сможем ли мы съездить и посмотреть Белоруссию? — с серьезным выражением лица спросил Денисенко. — Галстук у меня завязан, стрижка аккуратна, одет я в серый, примерно такой же, как и у вас, костюм. А вот на русских людей в оккупированной немцами Белоруссии посмотреть хочется...

— Освобожденной немцами! — поправил его Байдалаков.

Алексей Денисенко был хитер. Он знал, что Байдалаков упрям и возражать ему не следует. А тот, расхаживая по кабинету, длинно и нудно поучал:

— У Пифагора, Сократа, Платона и Аристотеля мнения несколько расходятся. Однако они и их последователи считали, что физиогномика определяет психическое состояние человека. Мимическая игра лица, движения рук и всего тела имеют некое постоянство. Что важно! Вам, господа, не следует забывать...

Вошел Субботин с бутылкой «Рейнвейна» и бокалами.

— Господа, сейчас будем обедать, а перед тем, как сесть за стол, маленький аперитив.

Но Байдалаков даже не обратил внимания, он был занят своей мыслью и продолжал:

— ...не следует забывать о великой миссии! О том, что вас ждет и какое положение вы займете. Быть может, вы станете там министрами, вождями... В Белоруссию в скором времени поедет Георгий Околов. И я скажу, чтобы он взял и вас, Алексей, надеюсь, вас партизаны не повесят.

«Тебя-то они наверняка повесили бы на первом телеграфном столбе», — подумал Денисенко.

После второго приглашения Субботина все двинулись в столовую.

* * *

На расширенном заседании совета НТС в Берлине собрались почти все председатели отделов европейских стран. Проходило оно в квартире уехавшего Субботина. Байдалаков начал свое выступление предложением переименовать союз из НТСНП в Национально-трудовой союз (НТС). Под строгий совет Шелленберга председатель вынужден подводить «теоретическое» обоснование.

— Нам придется столкнуться с широкими массами русского народа, — говорил он собравшимся. — Слово «солидаризм» не будет всем понятным. Но мы останемся «солидаристами», с этим согласны высшие инстанции рейха! Мы ведем работу на благо будущей России! Одни из нас останутся в Германии вести пропаганду идей среди военнопленных, но большая часть поедет на освобожденную территорию. Помните: мы «третья сила»! Всех немецких подхалимов мы будем гнать из союза беспощадно.

— Ох, не верится... — подал кто-то голос.

— Работу среди военнопленных возглавит господин Поремский. — И Байдалаков широким жестом указал на сидящего в первом ряду человека. Тот встал и, откашлявшись, начал:

— Я буду краток. Что можем мы посулить русским военнопленным? Следует отобрать самых сильных, самых стойких! Нужны образованные и даже враждебно настроенные. Такой переубежденный, что переметнулся не ради лишнего куска хлеба, стоит сотни слабаков. Что

же мы посулим ему? Мы скажем, что тоже ненавидим фашизм! У нас своя идея!

— Кто нам поверит? — опять раздался голос.

— Да и немцы не разрешат! — подтвердил кто-то другой.

Слово взял Околов. Во всем его облике было что-то от немецкого фюрера: галстук, сапоги, прическа, усики.

— Я практик! Главная наша задача — работа среди населения свободной от Советов территории! Зачем нам скрывать свою дружбу с немцами? В них и наша сила! Мы создадим боевые группы для организации диверсионной работы в тылу советских войск. И, господа, без немецкой разведки нам не обойтись! При ее помощи мы займем видные посты в городах. У нас в руках будут паспортные столы, жилотделы и бургомистерства. Я буду возглавлять отдел НТС на бывшей советской территории, мне нужны энергичные практики! — Околов сел.

В первом ряду поднялся располневший, грузный Вюрглер. Денисенко не видел его с 1938 года. Тогда председатель польского отдела был потоньше. Выпятив живот, он провел рукой по уныло спущенным усам, глядя в пол, фальшиво улыбнулся и заговорил глухим голосом:

— Господа! Я тоже буду краток. Соблюдайте конспирацию. Вам придется пересечь нелегально, повторяю, нелегально, немецко-польскую границу, потом польско-советскую. Кое-кто, вероятно, двинется дальше на Большую землю, другие пойдут к партизанам. Мы проникнем в российские народные толщи! «Солидаризм» дает народу демократию. — Вюрглер оглядел присутствующих и, заметив одобряющий кивок Байдалакова, продолжал: — Россия вспомнила бога! Наваждение прошло! Красная Армия еще упорствует, но...

Денисенко, одетый в серый безукоризненный костюм, сидел в третьем ряду, а Граков в четвертом. Оглянувшись, Алексей подмигнул Александру, тот, заметив это, тоже незаметно сощурил глаз и, сделав серьезный вид, продолжал слушать речи ораторов.

4

Была середина октября. Граков и Денисенко, воспользовавшись погожим днем, отправились в Тиргартен посмотреть на замок Бельвю и красавицу Шпрее, а главное — поговорить наедине, никого не опасаясь.

— Когда едешь в Белград?

— Наверно, в конце месяца. — Граков подхватил Денисенко под руку.

Так вот передай Хованскому, что Байдалаков решил провести массовую отправку энтээсовцев на Восток, и, хотя НТС официально немецкими властями не признан, Шелленберг и Канарис смотрят на деятельность союза положительно. Они хотят развернуть шпионские и диверсионно-террористические акции на фронте и в советском тылу, чтобы беспощадно подавлять сопротивление советских людей на оккупированной территории. Вместе с немецкими карательными войсками на советскую землю направляется значительное количество специально созданных разведывательных, диверсионных и контрразведывательных оперативных групп и особых команд СД и абвера. Вот так!

Подошли к мосту.

— Это мост Лютера, — пояснил Граков.

— Для руководства деятельностью НТС, — продолжал Денисенко, не обратив внимания на слова друга, — германская разведка создала в июне этого года специальный орган управления, абвер-заграница. На советско-германском фронте орган этот условно называется «Валли». И еще — все мы едем под своими фамилиями, мало того, Байдалаков считает, что нам не следует скрывать на оккупированной территории свою причастность к НТС, а открыто вести среди населения пропаганду идей «солидаризма». Беспокоит меня другое. Связь! Какой прок от того, что мне удастся узнать что-нибудь интересное для Советской Армии, если не с кем передать сведения? Ведь Хованский не дал нам ни одной явки!.. Вот так-то, хлопцы-запорожцы!

— А Ксения Околова?! Алексей Алексеевич сказал: «В каждом истинно советском человеке вы найдете верного союзника. А таких людей подавляющее большинство, даже если они по каким-то причинам остались на оккупированной территории». О сестре Околова не забывай!

— Сомневаюсь я в его сестре... Да и она мне не поверит.

— Надо сделать так, чтобы поверила!

Они долго шли молча по аллее парка, под ногами шуршали опавшие листья. Солнце все ниже клонилось к западу. На площади Гроссер Штерн, где перекрещи-

валось несколько аллей, на флагштоке висело красное полотнище с черной, напоминающей издали огромного паука свастикой.

— Да, Вюрглер остается в Варшаве! Запомни, улица Верейская, один, квартира пять. А в Белоруссию уехали Околов, Гункин, Алферчик, Ганзюк. В общем, человек десять. Мы с Алексеем Родзевичем и Арой уезжаем в воскресенье, послезавтра. — Денисенко закурил сигарету, вздохнул.

— Значит, и Ара Ширинкина тоже решила «спасать Россию»? — перевел Граков разговор на другое. — У нее, кажется, был с тобой роман?

— У нее был роман с Чегодовым! Мы даже подумывали ее вербовать, да побоялись. Увлекающаяся натура!

— Женщина, как неизменно уверяет наш достопочтенный капитан Берендс, служит тому обществу, какое создают для нее мужчины. Сейчас у нее роман с Родзевичем...

— Берендс ошибается, его не менее достопочтенная супруга Ирен ему уже не служит, — лукаво улыбаясь, Денисенко посмотрел на Гракова. — Ты отлично это знаешь!

— Положим! На тебя она тоже заглядывалась, дорогой мой Лесик! — И он окинул взглядом идущего рядом Денисенко, его статную фигуру, оценивающе посмотрел на его красивое лицо и какие-то женские, большие светло-зеленые глаза, опушенные длинными ресницами. — И ты вроде не растерялся!

— Мы должны быть нравственны в помыслах! А уж в делах — как потребуют обстоятельства. — Он грустно рассмеялся. — Через два дня мы отправляемся к германо-польской границе. Конечный пункт — станция Катовицы. Придумано по-дурацки: мы будем гулять по перрону и, словно у нас насморк, беспрерывно вытирать нос белым платком. Гулять до тех пор, пока не подойдет кто-то и не спросит: «Вы от Виктора Михайловича?», а мы ответим: «Да, мне нужно к Зое».

— Кто придумал? Сам Виктор Михайлович ради саморекламы?

— Черт его знает?! Встречающие перебросят нас через границу в генерал-губернаторство рейха, дадут пропуска. Сплошная конспирация.

— Я тебе завидую, будешь на Родине, встретишься

с настоящими советскими людьми, увидишь свою землю! Ты рад?

— Там война, наверное, много страданий. И мне стыдно будет людям в глаза глядеть. Что прочту в них? «Продажная шкура, немецкий прихвостень!» Выдавать себя за советского совестно. Негоже, ступив на родную землю, с первых же шагов начинать с вранья.

— Все это сантименты! Ты дело делай, а русский народ тебя поймет, простит. Найдутся и такие, кто поверит.

И они опять долго молчали, и только у Зее Парк, глядя на чистые воды озера, нарушая тишину, Граков вдруг громко крикнул:

— Ау-у-у! Отзовитесь, русские люди-и-и-и!

Денисенко невольно огляделся — кругом было пусто и безлюдно, лишь белка, спустившись с могучего дуба, выбежала на дорогу и, став на задние лапки, вопросительно на них поглядела: «Не меня ли зовете?»

— Мне поручено премерзкое дело, — зло глядя вдаль, начал Граков. — Всех, кто останется в Берлине, зачислят в Восточное министерство. Немцы создают неподалеку от Берлина спецлагеря для советских военнопленных. Отбор в эти лагеря будут проводить особыми комиссиями в прифронтовых зонах из лиц со средним и высшим образованием, изъявивших желание работать по своей специальности на занятой немцами территории. Каждый военнопленный, признанный годным «для работы в пользу Германии», получит талон Восточного министерства. Нашей задачей будет — пополнять свои ряды из военнопленных, делать их «солидаристами». Один лагерь разбит в Цитенгорсте. Оттуда «надежных», верней, продажную сволочь, направят в «свободный лагерь Вустраву», там всех разделят по национальным признакам: русские, украинцы, белорусы и восточные народности. В каждом блоке учебные группы. Третья, особая группа в блоке русских будет предоставлена нам, с тем чтобы из них делать «своих пропагандистов». Байдалаков верит, что на оккупированной территории эти люди начнут бороться с партизанами, а в тылу Красной Армии займутся шпионажем и диверсиями.

— Сволочи, конечно, найдутся. Но большинство, уверен, постараются уйти в партизаны или прорваться на родную землю. Родине нужны не пленные, а бойцы. Внезапная война породила известную растерянность, но теперь Россия приходит в себя. Да, многие бойцы и

офицеры бегут из плена. К тому же в немецких лагерях сплошной ужас!

— Совершенно точно, — подхватил Граков. — При обработке пленных Байдалаков рекомендует говорить им, мол, Родина от вас отреклась!

— Сталин, подобно спартанцу Горге, вручил тем, кто в тяжелых условиях сражается с фашистами на фронтах, щит со словами: «С ним или на нем!»

— Молодец, Лесик, ты верно все объяснил. Только сильный человек, уверенный в своей правоте и в своей власти, победит... Я приму на вооружение твою логику!

Они долго еще бродили по парку и высказали друг другу очень много: тут был и обмен берлинскими впечатлениями, и вести с фронтов, и воспоминания о прошлом, и надежды на будущее. Многое они выражали в двух-трех словах, а порой и молчанием. Они понимали, что, возможно, никогда больше не увидятся, и, зная давно друг друга, не боялись открывать самые сокровенные тайны. Расстались, когда совсем стемнело.

* * *

На вокзале группу, в которой был и Денисенко, никто не провожал. Прямая дорога на Варшаву была перегружена, пришлось ехать с пересадками во Франкфурте-на-Одере и в Бреслау. В Катовицы поезд прибыл около четырех часов дня.

— Что-то мне неохота вытирать нос, а ты, тезка, что скажешь? — обратился Денисенко к Радзевичу.

Тот ухмыльнулся, потрогал небольшие, а-ля Гитлер усики и, глядя на Ару Ширинкину, пошутил:

— Придется поручить это самому опытному конспиратору, тебе, дорогая Ара. А мы с Лесиком выпьем по кружке пива. Тут, говорят, пиво не хуже, чем в Пльзене.

Ариадне Ширинкиной, недавно окончившей Белградскую женскую гимназию, было немногим больше двадцати лет. Она вступила в НТС еще в 1936 году, работала машинисткой в редакциях энтээсовских газет «За Россию» и «За Родину». Унаследовав от отца — уроженца Петербурга, окончившего его императорского величества Пажеский корпус и завершившего свою военную службу в разведывательном отделе штаба Деникина в чине ротмистра, — любовь к легкой, бесшабаш-

ной жизни и бродяжничеству, Ара уехала по вызову Байдалакова в Берлин. Тут она связалась с отделом IV Главного управления имперской безопасности (гестапо). На это и намекал Радзевич.

Едва они опорожнили по кружке пива, как к ним подошла Ара. Она была не одна.

— Вот, познакомьтесь с двумя братцами! Станьте между ними и загадывайте желание, — обратилась Ара к красивой молодой девушке.

— Ванда! — улыбнулась та, протягивая руку. — Я загадаю, чтобы вы благополучно перешли границу.

— Спрашивать связного о чем-нибудь категорически запрещено, — восхищенно глядя на Ванду, проговорил Денисенко. — Но ответьте, где еще можно увидеть такую же красавицу?

— Вам мало одной, ловелас вы эдакий! — Ванда обратила внимание на вошедших в пивную двух немецких жандармов, подхватила Денисенко под руку, сделала знак Аре, чтоб та тоже повисла на Радзевиче, и они вчетвером двинулись из пивной.

— Не хочу, чтобы они взяли меня на заметку, — прошептала Ванда, — пойдемте к Зое в Сосновице, тут недалеко, всего километра три.

— Три? Это катастрофа! — в ужасе воскликнул Денисенко.

— А что такое? — переполошилась Ванда. — Вам трудно?

— Невозможно! Не триста, не тридцать даже, а только три...

Так они шли, шутя, смеясь, перекидываясь ничего не значащими словами, но взгляды их говорили, что они понравились друг другу и жалели, что встреча мимолетна.

«А может быть, не навсегда? Может быть, когда-нибудь судьба сведет?» — думал каждый при прощании. Так хотелось надеяться на лучшее!

Вот и Сосновице. Это поселок неподалеку от границы, примерно в двадцати километрах от польского городка Глейвица, на радиостанцию которого 31 августа 1939 года было инсценировано нападение эсэсовцев, переодетых в польские мундиры.

Глубокой ночью два контрабандиста перевели Денисенко, Ару и Радзевича на польскую территорию. Пришлось переходить вброд речку, которая называлась не

то Вартой, не то Брыницей, и брала начало на черневшей далеко слева Тарновской горе. Вода была холодная и достигала почти до пояса. Шли всю ночь, почти бежали, чтобы успеть на варшавский утренний поезд. Совсем уже выдохшиеся, они добрались до станции Заверцы за полчаса до отхода состава, уселись в вагон и только тут отдышались.

Вечером они прибыли в Варшаву, темную, неуютную и невеселую. Шел дождь, улицы были пустынны, приближался комендантский час. С вокзала нужно было попасть на Верейскую улицу, где в доме № 1 жил Александр Эмильевич Вюрглер, председатель польского отдела НТС и руководитель организационного отдела в «Русском комитете», который возглавляли Регенау-Смысловский Вейцеховский и редактор «Часового» Орехов.

Вюрглер встретил их радостно.

— О! Нашего полку прибыло! Только медленно собираемся. Скоро падет Москва! Ждем известия со дня на день, а Байдалаков мешкает. Почему вас лишь трое?

— Сюда выезжает еще одна большая группа, человек тридцать. Так заверил Байдалаков, — сказал Радзевич, пожимая Вюрглеру руку.

— Тридцать — маловато! Нужно три тысячи! Наступает эпоха нашей идеологии! Солидаризма! — Вюрглер выпятил брюшко, приосанился.

— Где же людей возьмешь? У нас в союзе отродясь трех тысяч не было. — Денисенко пожал плечами. — Многие прячутся от войны.

— Радоваться тут нечему, Алексей, создается впечатление, будто вы в восторге? — подозрительно оглядел Денисенко Вюрглер. — Заходите, заходите, Ара. У меня вас всех ждут...

Ара вошла в квартиру первой и попала прямо в объятия Околова.

В большой столовой сидели Ольгский, Алферчик, Ганзюк и Гункин, встретившие их громкими возгласами, крепкими рукопожатиями и поцелуями.

На столе появилось еще три прибора, завязалась застольная, как всегда, сначала бестолковая беседа. Главной темой был предстоящий отъезд, положение на фронте; говорили и о том, как встретят их в Белоруссии и на Украине. Потом они долго рассматривали новенькие пистолеты-вальтеры, которые им раздал Вюрглер, и аус-

вайсы, выданные начальником «абверкоманды-203». Документы давали право задерживать и выяснять личность любого советского гражданина.

«Ну вот, — подумал Денисенко, разглядывая аусвайс, — документик наделил нас громадными полномочиями! Сделал маленькими юберменшиками; будем советских людей потрошить. Немцы под Москвой, а мы должны радоваться... Это же трагедия!»

— О чем задумался, Лесик! — прервал его мысли Околов. — Мы с тобой, Гункиным и Ольгским, — он кивнул в сторону, — едем в Витебск.

— Когда?

— Дня через четыре. Надо пройти еще кой-какие формальности. И двинемся. У меня в Витебске живут мать, сестра, двоюродные братья, целый ворох родичей. Хочется их повидать.

— А я? — обиженно, чуть ли не со слезами на глазах спросила Ширинкина.

— Вас, Ариадна Евгеньевна, и вас, Алексей Николаевич, — Вюрглер сначала поклонился Ширинкиной, потом Радзевичу, — я попрошу еще задержаться дня на два здесь, чтобы поехать прямо во Львов. Там вас уже поджидает Владимир Владимирович Брандт. В его распоряжение вы и поступите. Миссия деликатная и ответственная. Брандт просил прислать умную женщину, чтобы провести одно следствие...

— Следствие? — недоуменно воскликнула Ширинкина.

— Вот именно! Власти вам помогут... — Вюрглер хотел еще что-то добавить, но, встретившись глазами с Денисенко, смешался и умолк. И лишь после небольшой паузы закончил: — Придется узнать, кто мог выдать советским властям ушедших в подполье энтээсовцев.

«Что-то ты, Александр Эмильевич, темнишь. Вы с Брандтом крепко завязаны с гестапо. Втягиваешь их в грязное дело. Впрочем, черт с вами, — раздумывал Денисенко. — Я еду с Околовым в Витебск. Но сестра у Околова не похожа на брата. Она встречалась с Жоржем в Ленинграде в тридцать восьмом году, когда тот прорвался через польско-советскую границу, и обо всем сообщила в советские органы безопасности. Правда, с опозданием на месяц. Пожалела родного брата! Хованский советовал держаться поближе к Околову, он

будет возглавлять антисоветскую работу энтэзсовцев. А сестру Околова, Ксению, приказал тщательно проверить».

Ширинкина тем временем, улыбаясь, смотрела на Вюрглера, широко раскрыв свои большие серые и словно удивленные глаза.

— А мне Байдалаков поручил... — начала она и осеклась. То, что сказал Байдалаков, она должна была хранить в тайне.

— Вы, Ара, познакомитесь с Львовом, интересный город, а потом вас отправят куда захотите — в Витебск, Смоленск, туда, где будет Околов, — сказал Вюрглер.

— Мы с Арой выполним ваше поручение, Александр Эмильевич! — вмешался в разговор Радзевич. — Я бы хотел поработать вместе с Арой. — А про себя засек: «Что ей поручил Байдалаков? Наблюдать? За кем? За Околовым, за Ольгским, Гункиным или за мной? Надо с ней ухо востро держать!»

— Да, вас можно объединить с Арой! — Вюрглер поднял свою рюмку: — Выпьем за боевое крещение! Перед нами великая задача! Мы скоро станем управлять Россией! Немецкие войска прокладывают нам дорогу на Родину, а мы проложим путь к сердцу народа...

Разошлись по комнатам далеко за полночь. Денисенко, Гункин и Радзевич устроились в гостиной на диванах. Молча улеглись, потушили свет. И каждый погрузился в мир своих мыслей и чувств.

«Зачем ты живешь, Алексей? — думал Денисенко. — Ради славы? Нет! Из тебя не получится вождь, твои фотографии, подобно байдалаковским, не будут распространяться среди «народа». Не выйдет из тебя и настоящего разведчика, как из Околова, не получится журналиста, или талантливого писателя, или артиста. Двадцать лет ты прожил вне своей Родины, получил образование, тебя воспитывали и учили люди, чуждые этой Родине, потому и ты сам ей чужд, но все-таки тебя тянет какая-то неведомая, неодолимая сила, которая называется ностальгией, — ее так просто не объяснишь. И чувство любви к Родине обостряется, становится самопожертвованным, когда она в опасности, когда она зовет тебя. И ты бросаешься на ее зов, подобно тому, как настоящий мужчина бросается на крик жен-

щины или ребенка!.. И как могут эти, да и многие другие эмигранты... Мерзавцы!»

Денисенко вспомнил, как перед отъездом из Берлина, прощаясь с Граковым, он услышал от него содержание «записной книжечки» Георгиевского.

«Речь о том, — рассказывал Александр Граков, — что русская эмиграция разделилась на два лагеря: на пронемецкий и антинемецкий. К сторонникам «великого рейха» отошли «монархическое объединение», возглавляемое в Югославии бывшим вице-губернатором Петром Скоржинским, «Русский национальный союз участников войны» во главе с генералом Антоном Туркулом и Петром Багратионом; «Русский охранный корпус», который сейчас формирует генерал Скородумов; «шкуровцы» во главе с генералом Андреем Шкуро; так называемые «штабс-капитаны», которых призывают под свое крыло братья Солоневичи; самостийники разных мастей; молодчики из «русского национал-социалистического движения» под председательством Скалона и фактическим руководителем Меллер-Закомельским; и, наконец, некоторые уже совсем незначительные организации. Антинемецкую позицию заняли многие ученые, писатели, артисты, «Русский общевоинский союз» как в Югославии, во главе с генералом Барбовичем, так и во Франции. Интересно, что Георгиевский в своей записке говорит: немцы предлагали Деникину возглавить антикоммунистическую русскую армию, а тот категорически отказался и ушел в подполье. Не уехали в Германию и многие энтээсовцы. Это, конечно, удар по Байдалакову. Против немцев высказались «Младороссы» с Ильей Ильичом Толстым, «Крестьянская Россия» с Масловым, подавляющая часть русского эмигрантского студенчества и множество лиц, стоящих в стороне от эмигрантских дрязг и политиканства, связанных с работой в югославских учреждениях, на заводах, стройках, — это инженеры, ремесленники, торговцы, шоферы и обычные рабочие-труженики... Вот какой раскол! И чем больше немцы показывают свои звериные зубы, тем шире к ним оппозиция среди российских эмигрантов. После упорных боев советских войск под Смоленском, победный немецкий марш вдруг остановился. Мощная сила Советского Союза сможет одолеть врага. Должна одолеть. Не зря Георгиевский не поехал в Берлин».

Все уже спали, а Денисенко в темноте глядел в по-

толок. «Эмиграция раскололась. Но этого мало! Родина ждет от нас действия! Мы выжидаем, а нужно бороться!»

Мысленно перенесся он к родным местам, на Кубань. Мать, отца, братьев и сестер он представлял себе почему-то такими, какими видел в далеком детстве. «Мама, мама, идет твой сын по страдному пути, так велит совесть!» «Забудь о карьере, о славе, о личной выгоде! — говорил себе Денисенко. — Думай лишь о том, как подороже продать жизнь ради спасения Родины и народа. Околовы жестоки. И ты будь таким «фюрерам» противовесом. Будь с ними жестоким!»

Заснул он только под утро.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«В КРУГЕ ПЕРВОМ»

> Нет, лучше гибель без возврата, Чем мир постыдный с тьмой и злом. Чем самому на гибель брата Смотреть с злорадным торжеством.
>
> *А. Н. Плещеев*

1

Ксению разбудил настойчивый звонок. «Неужели эвакуация?» — подумала она, прислушиваясь, как мать в соседней комнате, шлепая туфлями, направилась в прихожую и сонным голосом начала переговариваться со стоявшим по ту сторону двери человеком, в котором Ксения узнала служителя больницы Игната. «Значит, все-таки эвакуация, мы сдаем Витебск!» — заключила она, продолжая лежать с закрытыми глазами, словно решая трудную задачу.

Мать отворила в комнату дверь, подошла, присела на постель и тронула за плечо.

— Вставай, Ксюша, Игнат приходил, велено в больницу явиться: раненых после ночного артобстрела привезли. Неужто немцы город возьмут? Не дай господи!

— Мама, ты ведь знаешь, что еще вчера в облздраве мне поручили организовать у нас на Марковщине туберкулезный диспансер и возобновить работу амбула-

тории при фабрике. Мероприятия советских органов направлены на прекращение в городе нездоровой паники. Отобьют фашиста, еще как отобьют!

— Отобьют, говоришь? — с сомнением покачала старуха головой. — Дай-то господи! Чего только на своем веку видеть не довелось! Пойду завтрак готовить.

— Не беспокойся, я в больнице поем, — и Ксения начала одеваться.

Вскоре она уже шла по дорожке к мостику через Витьбу. Был жаркий тихий день. Пряно пахла липа. Мирно жужжа, в воздухе носились пчелы. После многодневной засухи речка совсем обмелела, превратившись в ручеек, перетекавший из лужицы в лужицу. Свернув на Смоленскую, она заспешила было к трамвайной остановке, но остановилась. Екнуло сердце, на душе стало тревожно. Женщины, старики, подростки и дети (мужчин было мало) с узлами, корзинами, чемоданами с озабоченными лицами шли в сторону Замковой улицы.

«Эвакуация, идут на вокзал! Может, и мне вернуться? Собрать вещи и... А как же раненые? — подумала Ксения. — Нет!»

У обкома партии и старой ратуши стояли машины-полуторки, тут же толпился народ, грузили какие-то ящики. В конце Суворовской горел дом.

На северо-западе глухо погромыхивало. Била тяжелая артиллерия. У горсовета собралась толпа, люди настороженно, затаив дыхание, с надеждой и скрытым недоверием слушали военного. Ксения подошла поближе.

— Идут бои, — объясняет военный со шпалой в петлицах, — понимаете? Идут бои! Город приказано отстоять! Понимаете? Отстоять? Мы эвакуируем только тыловые учреждения. Понимаете? Не поддавайтесь панике, товарищи! Вы все узнаете по радио. Панику сеют диверсанты, шпионы, скрытые враги Советской власти. Паникеров мы будем наказывать со всей строгостью военного времени. А теперь, товарищи, расходитесь на рабочие места. — И он сделал довольно выразительный жест.

В этот миг кто-то взял Ксению под руку. Она вздрогнула и оглянулась. Это был ее двоюродный брат Леонид Евгеньевич Околов, преподаватель истории в пединституте.

— Ксения, дорогая, ты веришь этому энкаведисту? — Он кивнул в сторону капитана. — Типичная ты-

ловая крыса, они берегут свои шкуры! Они боятся немцев!..

— Зачем ты так? Как не стыдно? Капитан выполняет приказ. Что будет, если начнется паника!..

— Я не достиг вершин большевистского миропонимания! Мне всегда казалось, что их религия начинается в желудке и кончается в сортире. Война не только повивальная бабка полководцев, но она и испытание для их армий. Всюду уже царит паника! Вся Россия охвачена страхом, войска бегут, а вожди в прострации! А что же нам-то, сестрица, делать?

— Успокойся, ты сам в панике, — остановилась Ксения.

Он выпустил руку Ксении и горячо продолжал:

— Я гордился тем, что родился в Витебске, а теперь мне стыдно за своих горожан, которые его позорят. Наш славный город упоминается в древних летописях. Основала его княгиня Ольга. Через Витебск шел путь из варяг в греки. В двенадцатом веке Витебск на какое-то время входил в Великое Литовское княжество, в тысяча... а в тысяча четыреста сорок первом году окончательно присоединен к Литве. Поэтому и такое смешение народов, поэтому и уния, поэтому немецкие историки считают его чуть ли не немецким городом. И если Германия победит, то Литву, Витебск и Полоцк Гитлер приберет к своим рукам! Это ведь катастрофа! Здесь, в Витебске, дважды пытали Кочубея и Искру. «И стояли они крепко, что не было от иных народов им посылки для возмущения...» — как докладывал царю Петру Головкин...

— Какой ты, дядя Леня, противоречивый! — Ксения засмеялась невесело. — Ну, я пойду...

— Человек соткан из противоречий, ум говорит одно, сердце подсказывает другое, память шепчет третье, — старался удержать ее Леонид Евгеньевич. — Твой брат Георгий может прийти вместе с фашистами. Но это немыслимо! Я не хочу иметь дела со злодеями! Золотой век, век покоя... Где он? Нет, я пойду в партизаны. Дорогая сестрица, я с тобой попрощаюсь. А сейчас в институт, хотя мои ученики и разбежались. Как мне поступить? — Он сокрушенно тряс головой, оставаясь стоять посреди улицы. — Что мне делать? В партизаны, только в партизаны...

Ксения перешла мост. У пристани стоял пароход, из его трубы валил черный дым. Двина спокойно несла

свои воды. На Успенской горке высились купола собора и старый губернаторский дворец. Впереди серело здание вокзала. Подошел трамвай, но сесть в него не было возможности. Казалось, все население устремилось к вокзалу. Пришлось пройти пешком еще две остановки. Ксения не знала, что больше уж никогда не увидит вокзальную улицу такой, какой сейчас, что завтра она будет охвачена огнем.

На Марковщину, где находилась больница, она приехала уже часам к десяти. Здесь, за городом, было не так жарко. Ксения любила этот древний, основанный в 1576 году иноком Марком Марков-Троицкий монастырь, знаменитый тем, что, несмотря на все старания униатов, монахи твердо блюли православие. Здесь же был когда-то тенистый парк, переходящий во фруктовый сад, наполненный какой-то умиротворяющей тишиной, а чуть дальше, поближе к Двине, за церковкой, служившей моргом, находились пещеры, якобы соединенные с подземным ходом, идущим от собора на Успенской горке под рекой в лес на другой берег.

Спустившись по дороге мимо виадука к главному корпусу больницы, Ксения увидела во дворе подводы и машины. В одну из полуторок со спущенным бортом укладывали и усаживали раненых.

Больница превратилась в эвакуационный госпиталь. Ксения включилась в работу.

К десяти часам вечера все раненые были эвакуированы. Остались только нетранспортабельные. Ксения в полном изнеможении прилегла у себя в кабинете и, несмотря на доносившиеся взрывы снарядов и авиационных бомб, заснула, точно провалилась в бездну.

В полдень ее разбудила медсестра и сказала, что только что перевязала руку легко раненного капитана, который просит проводить его задами, поскольку он надеется еще догнать свою часть. «Но мне кажется, что он слишком еще слаб, потерял много крови».

— Приведи-ка его, Леонова, сюда! — распорядилась Ксения.

Маленькая и быстрая Люба Леонова кивнула и спустя минуту ввела крепко сбитого, широкоплечего человека в форме НКВД.

— Капитан Боярский, — отрекомендовался он. — Я отстал от части, пока не поздно... — Он вдруг пошатнулся и невольно схватился за стол.

Стоявшая рядом Люба поддержала его и ласково проворковала:

— Капитан, миленький, вам надо передохнуть. Проводим мы вас, не бойтесь! Немцы еще далеко. И никуда ваша часть не денется, полежите полчасика. — И, подмигнув Околовой, повела его из кабинета.

«А ведь это тот самый капитан, — вспомнила Ксения, — который у горсовета успокаивал людей! Вот тебе и «тыловая крыса», как говорил мой дядюшка».

Тем временем привезли новую партию раненых. Один из тяжелых умер, когда его снимали с машины. Командиры, рядовые, грязные, окровавленные, почти все беспомощные, покорно ждали, чтобы их сняли с машины.

«Какие сильные люди!» — восхищалась Околова.

Так прошли еще один день и одна ночь.

В пятницу одиннадцатого июля, когда Ксения, совершенно измученная, пошла в кабинет прилечь и отдохнуть, вошел капитан Боярский. Вид у него был сконфуженный и растерянный. Он потоптался у порога, потом пожал плечами, махнул рукой, дескать, все равно, и пробасил:

— Спасибо за все, я побегу. Немец, говорят, у города, а я позорно проспал. Просто срам, целые сутки продрых...

— Это у вас от контузии. Как рука? Не очень беспокоит? А насчет немцев, не думаю, чтоб их пустили в город... Радио молчит.

Рев машин прервал их разговор. По дороге стремительно двигались клейменные свастиками танки. Из окна больницы сквозь зеленую листву деревьев было видно, как стальные чудища переезжают через небольшой мостик, перекинутый над оврагом. Грохот усилился, на дороге, ведущей в больницу, показались четыре танка и тут же въехали во двор. Из головной машины высунулся немец. Сначала опасливо, потом, осмелев, деловито оглядел здание больницы, что-то отметил у себя на планшете и махнул рукой. Танки развернулись и с ревом двинулись обратно.

Прошло еще несколько минут, и во двор больницы въехал немецкий грузовик. Из кабины выскочил офицер и сделал знак сидящим в кузове солдатам. Те, как горох, посыпались на землю, отбросили задний борт и сняли носилки, где лежал, видимо, тяжело раненный русский полковник. Ксения бросилась к выходу. У по-

рога немецкий офицер, строго глядя на нее, проговорил:

— За этофо полкофника фи будете отвейчать голофой! Ферштайден?

Ксения и Боярский, как завороженные, смотрели им вслед. Уже не было сомнений, что немцы захватят Витебск еще сегодня.

— Раздевайтесь, капитан, я принесу вам пижаму, Люба отведет вас к тяжелораненым. А через несколько дней, когда все прояснится, мы вместе перейдем линию фронта. — И поглядела на Боярского, который стоял, прислонившись к косяку окна, крепко сжимая в руке пистолет. На побледневшем лице его можно было прочесть гнев, безнадежное отчаяние и... страх.

2

18 июля по Витебску было объявлено о прибытии немецкого коменданта и одновременно издан приказ о регистрации населения, о явке медицинского персонала к властям города.

В тот же день Ксения и Боярский вышли из города и направились по Смоленскому шоссе. Они хотели перейти линию фронта. Капитан НКВД казался сейчас Ксении сильным, уверенным и красивым. «Тогда, у меня в кабинете, у него была минутная слабость! Он смелый человек!» — Она глядела на его могучую спину и крепкий затылок.

Никем не остановленные, они дошли до Рудни. В центре города на дверях здания горкома партии висело объявление — приказ немецкого коменданта, почти такой, какой она уже читала в Витебске, кроме последнего параграфа: «Все лица, обнаруженные в лесу, будут расстреливаться на месте».

За Рудней, километрах в пятнадцати, их задержал немецкий патруль и, проверив документы, велел идти обратно, так как впереди военные действия.

Солнце садилось, запад алел все больше, и лица подошедших к ним двух немцев показались Ксении красными. «Стыдно им, — подумала она, — краснеют!» Один из них, смеясь, спросил другого:

— Вильст ду дизес веиб немен?

— Дизе хексе? Готт беваре! — глядя ей прямо в глаза, ответил тот.

Кровь ударила Ксении в голову, она знала немец-

кий язык и отлично поняла разговор немцев: «Хочешь взять эту бабу?» — «Эту ведьму? Упаси бог!»

Ксения относилась к немцам сдержанно и настороженно, но эти наглые слова вызвали в ней отчаяние и злобу.

Приближалась ночь. Они свернули на проселок и, прошагав километра два-три, добрались до околицы какого-то села, попросились на ночлег у женщины, которая бродила в поисках козы и громко звала ее: «Мань, Мань, Мань...»

— Казу по дароге не бачыли?

— Сама придет, — успокоил тетку Боярский. — Переночевать не пустите? Из Витебска идем, два дня в пути.

— А бадай яна здохла, — выругалась хозяйка. — А пераночавать можете. В сяле паунюсенька беженцив. И окруженцы есть. И у мене жинка с дзетьми начуе. Пайдемо!

У калитки их встретила с блеяньем коза.

Оказалось, что село называется Заречное, что тут собралось, кроме беженцев, немало военнопленных, удравших из лагерей, что продвигаться на восток они не решаются ввиду того, что немецкие патрули блокировали дороги, а в лесах стреляют без предупреждения.

На другой день, когда Ксения предложила Боярскому все-таки идти лесом, он категорически отказался:

— Это безумие! Немцы все блокировали. Они нас расстреляют! Зачем лезть на рожон? Пойдемте обратно в Витебск. Разумнее переждать. Установится линия фронта, а может, и наши нажмут. Видите сами, никто же никуда не спешит. Нужно осмотреться.

И они отправились обратно.

На Марковщине Ксению встретил новый директор, молодой врач, назначенный немцами, недавно окончивший Витебский медицинский институт.

— Ох, Ксения Сергеевна! А я уже думал, что вы с большевиками ушли! — воскликнул директор.

— В день прихода немцев я ходила за Двину в Николаевку, неподалеку от барвинского перевоза. Знаете? Вызвали к больному. Там и застряла... — соврала Ксения.

— Вы опытный врач, Ксения Сергеевна, я прошу вас занять мое место! Не протестуйте! Одну минутку...— Он подошел к телефону.

— Михаил Леонтьевич! Это говорит Павлюк. Тут

пришла товарищ Околова, виноват, госпожа Околова, Ксения Сергеевна, она будет более достойным директором больницы. Да, она здесь. Сейчас. Ксения Сергеевна, — обратился Павлюк к ней, — вот, возьмите трубку, на проводе новый заведующий горздравотделом профессор Мурашко. Вы его знаете.

Ксения подошла к телефону, подумав: «Профессор? Еще несколько дней назад он был доцентом!»

— Здравствуйте, Михаил Леонтьевич, я вас слушаю!

— Рад слышать ваш голос, милая Ксения Сергеевна! Сами понимаете, что, кроме вас, возглавить 2-ю городскую больницу некому. Исполняющий должность Павлюк малоопытен, а мы переводим к вам и психиатрическое и венерическое отделения. У вас остался еще кое-кто из раненых! Такие, скажем, как полковник Тищенко. Их надо подлечить и сдать немецкому командованию. Обязательно. Не отказывайтесь... Власти воспримут это как саботаж, сами понимаете, чем это пахнет.

— Неужели нет никого другого?

— Кого? Беллу Буксон, Сару Эвензон и Гершковича? У вас в больнице жидовское царство...

— Ну зачем вы так? Хорошо, я согласна! — Сжимая в руке телефонную трубку, Ксения лихорадочно думала: «Как быстро перекрасился этот Мурашко. Да, здесь, на этой стороне, я буду полезней... Может быть, удастся кого-то спасти...»

Так, словно перешагнув какой-то порог, начала явную и тайную деятельность Ксения Околова.

3

30 октября они выехали из Варшавы. Их провожал Вюрглер. Отводя в сторонку Околова и Ольгского, он что-то сказал, и они потом долго разгуливали по перрону.

— Наше начальство что-то не поделило, — заметил Гункин.

— Пусть тебя начальство не волнует, оно договорится, — глядя на подходящий состав, ответил Денисенко.

— Я всегда держусь от него подальше. Вы поедете в Смоленск, а я остаюсь связным в Витебске.

— Там поглядим, — закуривая, пожал плечами Денисенко.

31-го они пересекли бывшую границу СССР и въехали на занятую немецкими войсками территорию, названную с 1 августа 1941 года «генеральным губернаторством».

— Идите сюда! — пригласил Околов своих спутников, стоя в коридоре у окна, когда вагон загремел среди пролетов моста через Буг. — Вот он, Брест-Литовск, позор России! Здесь в восемнадцатом году был подписан мир Совдепии с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией, по которому аннексировалась Польша, Прибалтика, часть Белоруссии и Закавказья и взималась контрибуция в шесть миллиардов марок.

— Мирный договор через девять месяцев был аннулирован! — будто невзначай произнес Денисенко, глядя на поросшие кустарником и травой земляные валы, на развалины фортов и казарм, на обводные каналы, где, освещенные весенним солнцем, поблескивали золотом высокие, кое-где изувеченные тополя, а плакучие ивы, низко склоняясь над тихой водой, то ли дремали, то ли прислушивались к ее тихому журчанию.

У соседнего окна тихо разговаривали два немца, и одному и другому было за сорок. Денисенко прислушался.

— Вот тут, на Западном острове, — бубнил стоявший вполоборота к окну высокий и крепкий, судя по говору, баварец, — в ночь на двадцать второе июня после сумасшедшего артиллерийского и минометного обстрела мы окружили подавляющими силами нашей славной сорок пятой дивизии пограничные отряды, проникли по мосту у Тереспольских ворот в цитадель, вон видишь развалины на возвышенности, это раньше была церковь. — И немец, указав пальцем в сторону разрушенной кирпичной церкви, продолжал: — Мы думали, что сопротивление подавлено и русскими владеет паника. Так наша дивизия брала Варшаву, так мы занимали Париж! А тут... все иначе. Кругом было тихо, никто не стрелял. Закрепившись в цитадели, наши автоматчики двинулись к восточной оконечности острова, чтобы овладеть полностью всем Центральным островом крепости. Идем, строчим из автоматов по окнам, так, на всякий случай, проходим мимо обнесенного бетонной оградой здания и вдруг слышим протяжный, наводящий жуть подземный гул, и тут же распахиваются ворота и

с яростными криками «ура!» в середину нашего подразделения врезываются со штыками наперевес русские! Это было так неожиданно и страшно, что мы кинулись бежать: головная часть на восток, а хвост на запад...— Гитлеровец сунул в карман руку, не торопясь достал портсигар и, раскрыв его, с убежденностью произнес: — Тут я и понял, что такое русские. О, это страшный народ... Он не хочет знать правил войны. О, о!..

— Брось, Фридрих, мы уже разделались с ними! Если они разбегаются от нас, то потом им уже в кулак не собраться. Как вы с ними справились в крепости?

— Половина нашего отряда пустилась бежать к берегу речки, которая раздваивается, образуя остров, и называется Мухавец. Нас преследовали, прижали к берегу. Мы пытались спасаться вплавь: нас убивали, кто оставался на берегу, тех тоже убивали. Я спасся чудом, притворившись мертвым и пролежав весь день, только на следующую ночь проплыл под водой к восточному валу. А в крепости русские, как сумасшедшие, сопротивлялись отчаянно, бессмысленно еще двадцать девять дней. Сколько там наших солдат полегло! Они не хотят знать правил войны!

«Да, вот оно, наше первое «Бородино»! Наша непреклонная воля, презрение к смерти. Солдаты идут в штыки на автоматы, с бутылкой горючей смеси на танк...» — И Денисенко еще долго стоял, прислушиваясь к беседе немецких офицеров, глядя на пожарища, разбитые вокзалы, искореженные железнодорожные пути, лачуги с соломенными кровлями, заросшие кустарником овраги.

У мостов сереют, будто покрытые паршой, минные поля, кое-где поросшие колючим чернобылом. По всему видно, что и люди здесь живут суровые, колючие.

...Светит осеннее солнце. В его белесом свете чудится жуткий отблеск смерти. Поезд катит из долины в долину, мимо исчерченных тенями берез и елей, унылых пепельно-серых полей, прямо на север. Справа время от времени поблескивает река. Здесь Днепр неширок.

Паровоз часто притормаживает, словно никуда не спешит. У переездов и мостиков, вдоль полотна, сереет паутина проволочных заграждений, кое-где стоят бункеры, из их амбразур поблескивает вороненая сталь. Разгуливают с автоматами хмурые охранники в серо-зеленых шинелях, поглядывая на проходящий поезд.

В Орше стояли долго. Мимо мчатся составы с тан-

ками, машинами, длинноствольными пушками, солдатами. Наконец поезд трогается без сигнала, будто выкрадывается, и постепенно набирает скорость. И вдруг снова останавливается. Паровоз жалобно плачет, его надрывный гудок разносится широким веером причитаний по долине и прячется где-то за холмами.

Напротив стоят теплушки. Мордастые стражи отодвигают двери в ожидании приближающейся колонны людей. Она ползет серой, безликой лентой, мужчины в ватниках, в стоптанных кирзовых сапогах, истрепанных дерюгах, женщины в пальтишках, закутанные в платки, идут, едва переступая ногами, будто вытаскивают их из грязи. В их глазах тоска, слезы и злоба. Стражи встречают их возгласами, похожими на лай: «Лос, лос!» — и заталкивают в вагоны.

«Собственные выкрики и ругань разжигают ненависть в них самих, это глубоко продуманная, испытанная система со своими запевалами и дирижерами», — думает Денисенко, поглядывая на Околова и Гункина, и цедит:

— Их глаза как ножи.

— Во время войны законы безмолвствуют, — строго произнес Околов. — Это все пособники партизан. Придется ко всему привыкать.

Николай Гункин, вытянув длинные ноги, уныло уставился в сторону. Мягкие губы его плотно сжаты. За очками не видно глаз. Михаил Ольгский углубился в книгу.

Поезд дернулся, застучали буфера. Видимо, машинист, глядя на все это, срывает злость на паровозе или на пассажирах. И снова мелькают причудливые очертания холмов, вытягивающихся в целые гряды, и столь же причудливые озерные котловины, переходящие в заболоченные полевые и лесные равнины. Та же глушь и безлюдье.

В Витебск прибыли 2 ноября. На вокзале группа разделилась. Околов не терпящим возражения тоном сказал:

— Ты, Миша, и вы, Николай Федорович, отправляйтесь на Большую Революционную, сорок четыре. Спросите Кабанова Георгия Родионовича. Скажите, от меня. Пароля не надо. Это тот, что бежал из черновицкого ДПЗ. А мы, — он обратился к Алексею Денисенко, — пойдем на Марковщину. Встретимся вечером на Ветеринарной.

Они разошлись у трамвайной остановки. Глядя вслед шагавшему как журавль Гункину, Денисенко бросил:

— Вялый он, Николай, какой-то.

— Ничего, Гункин будет у нас связным. И ты ему поможешь. Мы ведь с Ольгским дня через два-три едем дальше, в Смоленск, — объяснил Околов.

— Мы вдвоем, что ли, останемся? — удивился Денисенко.

— Нет, почему же. Скоро сюда приедет Брандт. Знаешь, он был во Львове по особому заданию. Потом познакомился с Кабановым, нашим резидентом в Витебске, и с моей сестрой, Ксенией. Она капризная, но надо ее заставить работать с нами, — в этих его последних словах звучала досада.

Подошел трамвай. Они уселись на свободные места.

— Ты здесь родился? — спросил Денисенко у Околова.

— Нет, родился я в Воронеже, но детство провел в Витебске. И моя мать живет сейчас здесь, двоюродные братья тоже. Боюсь я сразу к старухе заходить. Надо ее подготовить. Думал, она умерла. Похоронил ее в своем сердце и вдруг окольным путем получаю от нее весточку. Наврали мне... — И снисходительно и даже со злорадством добавил: — Давно я ждал своего часа. Немцы дошли до Москвы и Петрограда! — Околов отвернулся и долго смотрел на проплывавшие мимо пожарища, дома, кое-где разрушенные, кое-где с зияющими чернотой оконных проемов, кое-где обожженные огнем, потом, окинув холодным взглядом сидящего напротив человека, с виду рабочего, обратился:

— А вам, господин, не приходит в голову, что во всем этом, — он указал на разрушенные дома, — виноваты вы сами? Все было б по-другому, не допусти вы к власти большевиков! А вы их терпели!

— Техникой немец берет, внезапностью! Силы накопил агромадные, вот и прет, — сердито проговорил мужчина. — Не бойсь, выдохнется! Война теперича совсем другая. — И, наклонившись, вполголоса пропел: — Идет война народная... Озверел немец, на весь народ замахнулся... Погодь, еще свое получит...

— Народ твой раб, был рабом, рабом и остался. И сам ты раб! — озлился Околов.

Денисенко, чтобы снять напряжение, рассмеялся:

— Под немцами мы не останемся? Верно?

«Околов затевает беседы, хочет пощупать людей. Проверяет свои аргументы. Не на того напал», — посмеивался про себя Денисенко.

Минут через десять трамвай остановился.

— Дальше не поедем, путь испорчен, — спокойно объявил кондуктор.

Пришлось оставшуюся дорогу преодолевать пешком.

— Саботажники! — ворчал Околов. — Можно было ехать! Путь исправен! — Потом обратился к Денисенко: — Ты меня извини, но мне хочется сначала поговорить с сестрой наедине. Я к ней один пройду, а ты подожди меня в приемном покое.

Околов рассчитывал на неожиданность, ему хотелось огорошить сестру своим внезапным приходом и попытаться разгадать, не завербована ли она органами госбезопасности. НКВД известно, конечно, о его нелегальном пребывании в 1938 году в СССР, а может быть, даже и о его поездке в Ленинград. И не осталась ли сестра по их заданию в Витебске? А то, что Ксения не эвакуировалась, он узнал от начальника «абверкоманды-203». При нем он звонил в витебское гестапо, и оттуда сообщили, что врач Околова назначена начальником больницы, главным врачом, что живет с матерью на Ветеринарной.

Ксения спокойно направилась навстречу брату, когда он отворил двери ее кабинета; и только в глазах ее бегали тревожные огоньки. Он порывисто взял ее за руки и пытливо на нее уставился.

Ксения заметила брата в окне, когда он шел по двору больницы. Приход немцев в город подготовил ее к возможной встрече с Георгием. «Не может быть, чтобы Жорж пошел с немцами!» — думала она, отгоняя саму мысль, что он станет помогать фашистам.

— Ты все-таки пришел! — не опуская глаз, укоризненно произнесла она более для себя, чем для брата. — Почему нет на тебе немецкой формы? Например, гестаповской?

«Нет, она не завербована, ее бы научили говорить по-другому. Соглашаться, поддакивать, раскаиваться, не поняла, дескать, недооценивала, была под общим наркозом, а теперь разочаровалась», — подумал Околов, чуть улыбаясь.

— Почему ты сказала, что мама умерла? — спросил он.

— Твое появление могло ее убить! Она была очень

больна. Вечером ты можешь к ней зайти, я подготовлю ее. Мы живем на...

— Знаю. Но прежде хочу поговорить с тобой и твоим медперсоналом.

— Зачем? Вряд ли ты найдешь с ними общий язык, кроме тех, кто продался немцам. Неужели эмиграция потеряла свое русское лицо?

— Я русский, более русский, чем ты, Ксюша. У нас, эмигрантов, это чувство любви к Родине гипертрофировано. Мы прибыли сюда нелегально, чтобы вместе с вами бороться за Россию! За Россию — без немцев и большевиков!

— Что-то я не пойму! Убивать своих, захватывать территорию...

— Я все объясню, докажу. Я...

— Хорошо. Сейчас у меня обход. Часа через два, два с половиной я соберу персонал, а пока извини: больные ждут. — И она направилась к двери. Околов последовал за ней.

* * *

В большой ординаторской собралось довольно много народу: врачи, сестры, няни, санитары, вахтеры, преимущественно женщины. Заметив среди персонала евреев, Околов решил это обыграть.

В преамбуле Ксения Сергеевна объяснила цель их собрания: ее брат, бывший белоэмигрант, проживавший в Югославии, только что прибыл из Берлина, и она полагает, что медперсоналу будет интересно его послушать.

— Господа, граждане, если хотите, товарищи, как к вам обращались прежде, или, наконец, братья и сестры, как взывал к вам последний раз Молотов, когда грянула война, и сам не знаю, как к вам обратиться! А? — Он смолк, после небольшой паузы улыбнулся: — Я эмигрант, представитель Народно-трудового союза. Мы не питаем патологической ненависти к Стране Советов, подобно нашим отцам, которые сошли со сцены и по милости которых нас выбросили из России. Целое поколение русских родилось на чужбине и прожило двадцать лет бесправными, нищими, жалкими, отверженными, лелея одну мечту — возвратиться на Родину. Мы хотим разобраться в жизни, которой живет Советский Союз, осмыслить идеалы, к которым вас ведут. Вас

обманули! И к чему же вы пришли? Пообещав землю, они загнали крестьян в колхозы, выделив им небольшие приусадебные участки, и судят за то, что собирают колосья, оставшиеся после уборки урожая. У вас отняли свободу... Я неправду говорю?

Кое-кто сдержанно кивал, но большинство смотрели в пол, не поднимая на оратора глаз. Кто-то подал Околову записку. Она шла кружным путем. Денисенко показалось, что писала ее Ксения, потому что Жорж, словно обращаясь к сестре, зачитал записку вслух:

— «Вы демагог! Советский Союз не махновское Гуляй-Поле! После учиненной гражданской войной разрухи страна превращалась в индустриальную державу. Это требовало железной дисциплины. Вот и все. Здесь все это понимают». — Околов зло ухмыльнулся, потряс бумажкой в воздухе. — Где она, ваша индустриальная держава? Германские войска уже под Москвой! И с большевиками все кончено! Как вам жить дальше? По Марксу? Он увидел в людях лишь эгоизм и предложил ограничить его диктатурой! Мы предлагаем вам солидаризм!..

Денисенко сидел у стены, за спинами людей, наблюдая за собравшимися. Шеи слушавших вытянулись, все что-то ждали от оратора, но, когда Околов заговорил резко, грубо, головы начали втягиваться в плечи и на губах возникали недобрые ухмылки.

Ксения переглядывалась с сидящим неподалеку мужчиной в белом халате, брезгливо поморщилась, когда мужчина даже похлопал в ладоши словам ее брата. «Дуреха, как себя выдает, — думал Денисенко. — Брат за ней наблюдает». Наконец лицо Ксении посерьезнело, она слушала Жоржа, не выдавая настроения ни единым движением лица.

В голосе Околова зазвучала задушевность:

— Дорогие сограждане! Каждый со своим царем в голове, всякому хочется носить в душе и бога, иными словами, связь настоящего с прошлым и будущим. Разрушив веру человека в Христа, аллаха или Иегову, — Околов бросил взгляд на сидящих рядом с Ксенией трех врачей, — большевики убили нравственность!..

Денисенко перевел взгляд на красивую блондинку с пышными волосами и точеными чертами лица, к которой как бы обращался оратор. Пристальный взгляд Алексея заставил молодую женщину повернуться к не-

му, и тут Денисенко улыбнулся ей. Она поправила волосы и тоже улыбнулась в ответ.

«С ней можно познакомиться», — решил он.

Пожилой человек с обрюзгшим лицом, с хрящеватым носом и глубоко запавшими, чуть раскосыми глазками, сидевший неподалеку от Денисенко, захлопал в ладоши и с ехидством, таящимся в уголках плотно сжатых тонких губ, злобно поглядел на Ксению.

В ординаторской еще кто-то хлопнул в ладоши.

Продолжая аплодировать, пожилой мужчина встал и неторопливо подошел к столу, где сидел Околов.

— Правильно, господин хороший! У меня золотые руки, к работе я охоч, мне денежки давай! А на кой мне ляд грамота почетная! Не хочу я на Доску почета. Хочу заработать деньгу, купить дом, а не обивать пороги — унижаться и просить квартиру. Моя свобода — звонкая монета.

— Немцы тебе ее дадут! — выкрикнула Ксения, не выдержав.

— Сам заработаю! — огрызнулся мужчина и ушел на свое место.

«Этот охотно будет служить немцам, — отметил Денисенко. — Да, сложная здесь обстановка. И почему Ксения ведет себя вызывающе? Неужели она провокатор? Хованский недаром советовал ее проверить!»

4

День был ясный, солнце поднялось уже высоко, когда Чегодов, Бойчук и фельдшер, оглянувшись последний раз на Злодийвку, двинулись вдоль реки, сами еще не зная куда.

— Меня зовут Абрам Штольц, фамилия чисто немецкая. Но я еврей и понимаю, что вам со мной будет очень трудно, — неожиданно открылся лекарь. Он положил руку на плечо Бойчука. — Ивана я знаю давно и семью его знаю. А вот вы, господин...

— Олег! — Чегодов приятно ухмыльнулся. — Олег Непомнящий! Будем знакомы. — И он протянул руку.

— Так вот, господин Олег Непомнящий... сгоряча я навязался пойти с вами и теперь сам не знаю, что мне делать? По пути ли нам? — И он остановился. — Нельзя мне в Черновицы!

Справа поблескивает и манит прохладой река, слева зеленеет лес, а далеко впереди синеют горы. Сейчас

они не кажутся такими высокими как зимой, когда шли из Черновиц. В поднебесье летает орел.

Бойчук смотрит на Олега, в глазах вопрос и просьба. А во взгляде Абрама тоска...

— Мне тоже в Черновицах делать нечего, — согласился Чегодов, — давайте решать, куда идти?

— Я б подався о-о-н на ту гирку: там и колиба е и вивци, значит, молоко и мясо буде. Дядькое Панас там чабануэ. А там побачемо. Нимци, шлях их трафив, туды не полизуть... Айда швыдче!

И точно в подтверждение его слов, что надо спешить, где-то недалеко прозвучал выстрел. Пуля сбила над ними ветку колючей облепихи, которая чуть оцарапала ухо Чегодова.

— Ложись! — крикнул он, стараясь угадать, откуда стреляют.

— Ось, воны тамо, я зараз, — пригнувшись, Бойчук пробежал несколько шагов и привалился к огромному, поросшему мохом валуну. Потом просунул «шмайссер» между валуном и спускающимися к нему ветвями ели и нацелился.

— Не стреляй! — крикнул Чегодов, но Бойчук уже дал короткую очередь.

— Их четверо! Вон на човни з того берега плывуть, як тильке нас побачилы? — прошептал Бойчук горячо ему на ухо, когда Олег упал рядом с ним.

— Эх ты, Иван. Это же снайперы. У них винтовки с оптическим прицелом, их пули поражают чуть ли не на четыре километра! Твой автомат — на триста метров. А до них добрые полкилометра. Перестреляют нас как куропаток. Бежим скорее!

— Обрыдло тикаты! Та ховатыся од жандармив та полиции!

— Сила солому ломит! Пошли к твоему пастуху. Они подплывут, мы уже на горку взберемся, добежим до овражка, а там нас не увидят.

Однако снайперы не спешили подплывать к берегу, опасаясь засады, но и до овражка пробежать незамеченным было трудно, тем более лодку с немцами сносило течение, и через сотню метров овраг оказался бы у них как на ладони. Олег, Иван и Абрам кинулись в другую сторону, чтобы потом подняться, пробираясь сквозь густой ольшаник на гору. Но пение пуль преследовало их. И каждый раз, когда пуля сбивала над головой ветку, или чмокала неподалеку в землю, или св...

стела, казалось, над самым ухом, все трое невольно нагибались и съеживались. Дыхание у них стеснено, перед глазами туман, страх заполняет все нутро, и потому они, не чувствуя ног, бежали что есть силы.

Наконец перевалили за гору и вздохнули свободно.

— Чертовы немцы, здорово стреляют! — лепетал, едва переводя дух, маленький Абрам. — Меня вроде оцарапало. Совсем небольно. — И его большие карие грустные глаза наполнились удивлением.

Рану на плече, верней царапину, кое-как перевязали и двинулись дальше. Потом спустились в долину и снова поднялись к горному пастбищу, где мирно паслись овцы.

К ним кинулись с громким лаем собаки, но, увидав поблескивающую сталь немецких автоматов, тотчас повернули обратно с независимым видом, будто и в самом деле послушались окрика дядьки Панаса, который тоже, притворяясь невозмутимым, смотрел на подходивших к нему трех вооруженных людей.

— Здоровеньки булы, диду Панасе! — крикнул Бойчук.

— Здорови в хату, — приподнимая шляпу, приветствовал их Панас, высокий худой старик с длинными, под стать Тарасу Бульбе, усами, приглядываясь к ним, чуть прищурив от солнца глаза и напряженно хмуря брови. — Тю! Здорово, Абрам! Чого це ты? Шо трапылось? — и приветливо осклабился, показывая крепкие желтые зубы.

— Уходим от немцев, вот это Иван Бойчук, сын нашего Игната, а то русский, который жил у тетки Параски.

— Здоров був, Иван! Здравствуйте и вы! — поклонился он Чегодову. — А где твоя жонка?

— Анку немцы убили и тетку Параску тоже убили — раненого нашего офицера прятали, — объяснил за Чегодова Абрам.

«Откуда дед-пастух знает про меня и Анну? Я-то воображал, что никто в селе мной не интересуется. Боялся, дурак, кого боялся?!» — подумал Олег, чувствуя крепкое пожатие руки деда Панаса.

— Ото несчастье! Мордуе нимець. Бог дал, бог взял. Воевал я в четырнадцатом, в плен сдался. Как военнопленный работал у помещика Орлая, на Украине, а как началась заваруха, вернулся до дому! Вот теперь пасу овец. — Он взял протянутую Бойчуком флягу, взбол-

тнул ее и, сделав добрый глоток, крякнул: — Горилка что надо! — Глаза его оживились. — Зараз обидать будемо! Дела!

«Как скрещиваются человеческие судьбы! Орлаи бывали у нас, мы у них. И, кто знает, может, мы встречались, видели друг друга?!» — спрашивал себя Чегодов, направляясь вслед за другими к стоявшей у края пепельно-серой отвесной скалы небольшой пастушеской колибе.

Разморенные обильной едой, они улеглись после обеда в тени высокой ели, лениво перебрасывались еще какое-то время фразами, советуясь, куда уходить, но, так ничего не решив, заснули. Во сне их мучили кошмары, они стонали, просыпались и снова засыпали.

Вечером допоздна сидели у жарко горящего костра и вели тихую беседу.

— Я кончал училище во Львове, тогда он назывался Львув, а когда в хедер ходил, назывался Лембергом, — вспоминал Абрам.

Он оживился, плечо уже не болит, и хочется изменить настроение товарищей, которые, приуныв, задумались.

— Так вот, мать отвела меня в хедер. Ребе приказал сесть на скамейку к двум мальчикам. Одного звали Ицеком, другого Беней. Ицек тут же больно ущипнул меня, а я тут же закатал ему затрещину. Ребе вытащил меня за ухо, больно отстегал розгой и посадил на место, и тут же Ицек опять ущипнул меня, а я тут же дал ему затрещину. И так повторялось это три раза, пока ребе не отстегал Ицека. С той поры мы дружно сидели рядом, дружно раскачивались и твердили вслед за ребе: «Вехоодом — Адам! Иода — познал! Еву! И она ватахар — зачала!»

— А зачем раскачиваться? Заставляли, что ли?

— А зачем креститься, бить поклоны? Это одно и то же! Так вот, с Ицеком и Беней мы подружились на всю жизнь. Немало у меня во Львове товарищей из ветеринарного училища — украинцев, поляков, евреев. Я предлагаю идти во Львов. Город большой, там нам будет не хватать, как говорится, только головной боли.

Чегодов вспомнил вдруг: во Львове в 1939 году было довольно большое отделение НТС, человек с двести, а председателем польского отдела был Владимир Брандт. С ним Олег был знаком, вел служебную переписку ради конспирации через Львов, на имя неко-

его Гацкевича. Запомнился даже адрес: Крашевского, 6. Наверно, конспиративная квартира. Живущий в ней как-то связан с НТС, и, хотя Олегу с союзом не по пути, церемониться не приходилось.

— И у мене е там дружок, — спохватился Бойчук. — Можно и во Львив, — и он вопросительно поглядел на Чегодова.

— Львов так Львов, — согласился Олег. — До него, наверно, километров с триста?

— В деревнях накормят. Я ведь ветеринарный врач, — радостно жестикулировал Штольц. — На всех хватит.

Утром, плотно позавтракав, с полными сумками они покинули словоохотливого добряка деда Панаса и зашагали, провожаемые собачьим брехом, вниз по горному пастбищу — полонини — к буковому лесу. Уже у самой опушки их нагнало грустное рыдание трембиты.

— Дид Панас прощается? — Бойчук повернулся и помахал рукой.

У Олега тоскливо сжалось сердце. «Как музыка действует на человека, и на каждого по-своему. Любой из нас, — думал он, — находится во власти своего индивидуального и неповторимого ритма жизни, который меняется в зависимости от наших эмоций, немаловажную роль в этом ритме играет музыка. Боевой, настраивающий на действие марш, томное, расслабляющее танго, веселящий вальс, или духовная музыка с ее устремлением в высоту, или, наконец, работающий на понижение, на разрушение человеческой психики джаз. А вот сейчас, слушая трембиту, каким ритмом мы заряжаемся?»

* * *

Два месяца они неторопливо брели вдоль заросшего ивняком берега Днестра, потом где-то неподалеку от Николаева повернули на север и проселками подались в сторону Львова, взбираясь на лесистые холмы, спускаясь в глубокие, сырые овраги, переходя вброд речки и ручьи и стараясь держаться подальше от больших населенных мест во избежание встречи с немцами и украинскими националистами, которые, по словам радушных крестьян, «лютують, як пси скажени!». Спокойно они себя чувствовали только в убогих деревеньках и хуторах да пастушьих колибах, у добрых и мудрых чабанов.

...Уже вечерело, когда они наконец добрались до Озорловской скалы, что высилась над пригородным селением Лесеницы, а с нее был виден Высокий Замок на кургане Копец, вокруг которого золотились кресты церквей.

— Там, где кресты, Русская улица — древнейший район русско-украинского поселения. А вон там, выше всех, башня Корнякта, — показывал Абрам Штольц. — А вот тут, в крайней хатенке на Лесеницах, живет мой товарищ по ветеринарному институту Василь Трофимчук. Если он еще жив, у него и переночуем. И он нам все расскажет, что к чему, а мы ему...

— Не опасно? Он нас не выдаст? Кто он? — спросил Чегодов.

— Василь — сын бедняка. Сам видишь, какая у него хата. Отец батрачил за так у одного польского пана, чтобы дать сыну образование, таскал какие-то мешки с солью, надорвался и помер. Со второго курса Василя исключили. Уже Советская власть дала ему доучиться. Василь не выдаст

По тропинке с вершины скалы с вязанкой хвороста за плечами спускался человек.

— Да вот он! — и Абрам кинулся к высокому плечистому мужчине в вышитой украинской и уже изрядно поношенной рубахе.

Трофимчук понравился путникам открытой улыбкой, прямым взглядом карих глаз.

Вечером, сидя в хате, они обсуждали, что делать дальше.

— У меня во Львове осталось немало хлопцев по институту. Я завтра пораньше пойду до миста... — начал было Штольц.

— Ты, Абрам, как был, так и остался фантазером, — перебил его Трофимчук. — Беснуются легионеры Бандеры, народу расстреляли уйму — русских, евреев, украинцев. А по дорогам немцы проверяют документы. Чуть что — арестовывают и в лагерь. Тебя, Абрам, сразу в гетто направят. Вам бы в партизаны податься...

— А мы, дурни, свои автоматы у лиси сховали, десь под Ходоровом, — с огорчением заметил Бойчук. — Пийду во Львив я, маю там корыша.

— У меня тоже есть адресок, не уверен только, довоенный! Я и по-немецки могу объясняться... — начал было Чегодов.

— Нет, ребята, идти первому надо Бойчуку, он са-

мый неприметный. А вы тут побудьте. Раз в неделю я гоняю для немцев скот на львовскую бойню, — начал уверенно Василь Трофимчук.

— Так у нас ни рогив, ни хвостив нема, мий Василю, и на бойню мы не хочемо, — пошутил Бойчук.

— Для тебя, Иван, я раздобуду довидку у солтыса, будто ты из наших Лесениц. А вам, — он повернулся к Чегодову, — и тебе, Абрам, особенно тебе, ходить не советую.

Абрам вздохнул:

— Что делать, если я еврей, проклятый богом и людьми жид, нас убивают немцы наравне с коммунистами. Но я здесь не останусь. Хочу во Львов. Все равно мы будем жить! И я с гордостью буду носить треугольник на рукаве, на спине, на лбу, если им так нравится. Это мое отличие, я не стыжусь еврейского происхождения. Мы талантливый, находчивый народ, у нас быстрый ум и тысячелетиями выработанная хватка, и потому такие идиоты, как Гитлер, нас ненавидят и нам завидуют.

— Ничего, Абрам, часто побеждает в конечном счете побежденный. Ты не смиряйся, но и не лезь в пекло!

— Но марксизм проповедует борьбу! — заметил Чегодов. — Христианство тоже держалось не на смирении. Начиная с крестовых походов и кончая инквизицией...

— Подобные проповеди вел ребе Эршель Розенфельд, давно это было, а запомнился на всю жизнь...

— Этот наш львовский Эршель Розенфельд сейчас состоит членом «Юденрата» — «Еврейского совета». Он тебя в гетто и загонит...

А пока воспользуемся тем, что немецкие власти всячески поддерживают торговлю. — Василь указал большим пальцем в сторону Львова. — Теперь пойдем позавтракаем. А пока поживите у меня. Хата моя на отшибе, люди кругом свои, все беднота, к вам зависти у них не будет.

— Полегесенько и пийду до корыша на Грязькову вулыцю.

— Не Грязькову, а Грядкову, от вокзала подняться по улице, которая называется Внебовстомпеня.

— Внебовстомпеня! Какая прелесть! Скажите, а где улица Крашевского? — спросил Олег.

— Крашевского? Это у парка Костюшка.

— Так вот, Иван, — отведя Бойчука в сторонку, на-

казывал Олег, — на Крашевского, шесть до войны жил мой знакомый, Гацкевич, узнай, там ли он еще. Дашь ему вот эту записку, скажешь, что я лежу больной, что мы приехали из Варшавы, на демаркационной линии у нас отобрали документы, а мы, воспользовавшись тупоголовостью охранников, вместо того, чтобы вернуться назад в Польшу, сели во львовский поезд и вышли, боясь проверки документов, в Баратуве. Запомнил? В Баратуве. Об Абраме ничего пока не говори. Там, в Баратуве, заболел. Оттуда ты перевез меня к своему знакомому. Ясно? — И Олег хлопнул Бойчука по плечу.

— Ясно! Крашевского, шисть, Гацкевич, хай вин сказываться...

— Верно. Скажи еще, что он получал от меня письма для Владимира Владимировича, а фамилию он должен сам вспомнить.

— Отдаю записку. Мы приехали из Варшавы, потом эта самая линия, станция Баратуво, письма от Владимира Владимировича, а фамилия?

— А ты, Иван, хорошо говоришь по-русски!..

— Скажи лучше, шо мы делали у Варшави?

— Мы с тобой познакомились в поезде, а о себе придумывай что хочешь, чтобы складно было, Гацкевич — воробей стреляный.

— А шо за чоловик?

— Сам толком не знаю, будь с ним осторожен...

Василь Трофимчук, услышав последний совет, снова обратился к Бойчуку:

— Комендантский час с десяти вечера и до шести утра. Ночью ходят патрули. Поймают и тут же застрелят! В бывшем здании воеводства, что на улице Чернецкого, — дискрикт, там выдают пропуска и разрешения на пребывание в районах, где размещены офицеры СС и вермахта — войсковые. Продажа по талонам, нашему брату полагается: хлеба граммов двести в день, шестьдесят граммов маргарина, полтора килограмма мяса и тридцать штук папирос в месяц.

— Ого! А сырнычкы?

— Две коробки в месяц! И смотри в оба, на черном рынке еще можно кое-что купить, но повторяю: за спекуляцию — расстрел! Пачку аспирина нельзя купить, в порядочный кинотеатр украинцу запрещено ходить! В театры! А ты, Абрам, запомни, — Василь обернулся к Штольцу, — гетто находится в районе Подзамча...

— Можешь не повторять, мы все запомним, у нас память хорошая! — и его глаза недобро сверкнули.

«Да, он все запомнит, запомнят и украинцы, запомним и мы, русские, крепко запомним!» — подумал Чегодов.

— Ну ладно, — сказал он, — завтра рано вставать!

На рассвете Бойчук ушел. До Львова было недалеко, километра четыре. Условились, что Иван в городе заночует, а на другой день к вечеру придет обратно. Однако прошел день, второй, третий, а он не возвращался. На рассвете четвертого дня, лежа в кровати, заметив, что Олег не спит, Штольц, которому тоже не спалось, заговорил:

— Слушай, друг, шма хавэр, как говорят евреи, что будем махен? Как сквозь землю провалился наш Иван. Завтра пойду его искать на Внебовстомпену!

— А как зовут его дружка? Не знаешь?

— Рыжий Штраймел с Болони!

— Прямо как граф Монте-Кристо! А Штраймел, это что-то по-еврейски?

— Это обшитая мехом бархатная ермолка, которую носят реби. А Львов я знаю хорошо, не раз бывал и на Болонях.

— Пойдем вместе! Веселей! Я все-таки говорю по-немецки и по виду ариец. Со мной надежней. Жаль, не те у нас документы. Может, что переделать? — И Чегодов вытащил из кармана военные билеты, взятые им у убитых в Злодиевке немецких солдат. — Мы напрасно побросали в лесу автоматы и униформу. Уж очень противно было ее надевать! И фотокарточек наклеить нету.

— Сначала арестуют как дезертиров, а потом выяснят, кто мы, и пустят в расход. Я ведь по-немецки ни бум-бум. Знаю только «гутен таг» и «ауф видерзеен» и то с еврейским прононсом. И лучше уж я один пойду, — заспорил было Штольц.

— Не упрямься, Абрам, пойдем вместе. Хозяина нашего пора избавлять от непрошеных, опасных гостей. Он молчит, но переживает...

И тут Чегодов услышал какой-то шорох. Скрипнула калитка. Выхватив из-под подушки пистолет, Олег кинулся к двери, которая вела в кухню, и столкнулся на пороге с Бойчуком. Они обнялись.

— Ну, слава богу! Я уж думал, что ты влип.

— Все у порядку! Нимци дурни, шлях их трафыв! Дурни аж свитятся! Будемо мати ксивы и мешканя у Львови. Ось!

— Гацкевич? — спросил Чегодов, беря в руки документы.

— Твий Гацкевич, як нимци кажут, чоловик з фелером. Фашисту продався. Похвалявся, шо буде головою Витебска, бургомистром, як размовляют нимци. Казав: «Пока можете у меня устроиться. Никто вас не тронет. Завтра вечером буду вас ждать!» Кокнуть бы його гада! А помешкання нам знайде и Штраймел, корыш мий.

— Ну, лады, ложись отдыхай. Нам вставать рано.

Через пять минут Бойчук уже храпел вовсю, а Олег еще долго рассматривал принесенные документы с печатью и подписью бургомистра и завизированные немецкими властями. Аусвайс Бойчука не вызывал сомнения даже у опытного глаза, два других были обычными пропусками, в которых значилось, что «имярек» разрешается посетить в деревне такой-то своих родичей. Фамилии были изменены; он, Олег, значился как Захар Непомьятайко, а Абрам Штольц — Арамом Григорьянцем.

«С Гацкевичем придется встретиться, только бы он ничего не заподозрил и не раскусил Ивана, через него свяжусь с энтээсовцами. Они-то ничего не знают. А если он меня выдаст фашистам и те возьмутся за меня, то выколотят все, церемониться не будут, как мой следователь в Черновицах. Не выдержу, ребят подведу! С НТС мне не по пути! Так с кем же тебе, Олег, по пути? С Хованским... конечно... с Красной Армией!.. С русскими людьми!»

На дворе прокричали петухи, в окнах серело. Где-то в соседнем дворе брехала собака.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«В КРУГЕ ВТОРОМ»

Если изменник к поле́ пристанет, то полу отрежь.

Грузинская пословица

1

— Не ожидали, дорогой Олег Дмитриевич, увидеть меня здесь, а? — протягивая руку и с любопытством глядя на Чегодова, сказал Брандт, подходя к остановившемуся на пороге гостю. — Что-то похудели вы очень. Мы с вами в последний раз виделись лет пять, наверно, тому назад. И я старею, мой друг, давно уже за полсотни перевалило, — и он поправил спадавшие на лоб пышные седые волосы. — Хотел сам к вам ехать в село, да ваш уполномоченный конспирацию развел. Чудак! Уж очень осторожничал. Ваша школа! Садитесь, садитесь.

— Я к Гацкевичу, Владимир Владимирович! И вдруг такой сюрприз — вижу вас! — удивлялся искренне Чегодов, глядя на Брандта. — Немцы чуть было в Перемышле не задержали...

— А я недоумеваю, неужто не знает про Гацкевича! Он оставался во Львове при большевиках и был арестован. Вам Байдалаков не сказал, что прежде, чем попасть на восток, следует пройти у немцев школу? Стоя-

ли же наши пражские энтээсовцы «носом к стенке», сидели часами на скамейках в позе «смирно» и ползали «на карачках» перед тюремными надзирателями. Проделывал все это в Варшаве и я, теперь придется «доказать немцам свою благонадежность» и вам, дорогой Олег Дмитриевич! Откуда, кстати, вы появились? Я ждал не вас, а какую-то женщину, Ару Шитикову.

— Ширинкину!

— Да, правильно, Ширинкину! Поручено ввести ее в курс и уехать в Витебск. Там планируется обосноваться нашему перевалочному пункту во главе с Гункиным и Кабановым, там же работает главным врачом городской больницы сестра Георгия Околова — Ксения Сергеевна. А вам, если документики тютю, придется потрудиться. Столько было о вас разговоров! А с приездом из Румынии Околова все было приглушено. Вы ведь в Бессарабии печатной пропагандой заправляли? Как там у вас с типографией?

— Трудно... А откуда взялся Кабанов?

— Как откуда? Это смелый человек. Накануне войны он был в Кишиневе, задержан, но ему удалось бежать.

«Да, смелый, — усмехнулся про себя Чегодов. — Но побег этого труса действительно удивителен».

— В Берлине Байдалаков хвалил вас. В июне сорокового года вас ведь тоже, как и Кабанова, направили в Бессарабию и в Буковину. Правильно? Вам поручили организовать радиостанцию и подпольную типографию, вы печатали и распространяли среди бойцов Красной Армии наши листовки. Верно? Как видите, мне о вас кое-что известно. Вергун сетовал, что связь с вами по радио так и не была установлена...

— Портативная радиостанция, Владимир Владимирович, была взята пограничниками возле Измаила. Тогда же схватили молодого парня, а Лукницкий спасся только чудом. Листовок мы не печатали...

— Ах вот почему с приездом Околова разговоры на эту тему приглушили! Здесь работенка преотвратная. Не то что бабе — мужику не под силу. Будете «подсадной уткой» в камере строгого режима и выявлять коммунистов, их секреты. Что поделаешь, нужно! — Он ухмыльнулся. — Режим в тюрьме тяжелый, действует на психику, две недели работаешь, месяц отдыхаешь. Очень трудно, но ко всему привыкаешь. Долго вас держать не станут, одно-два удачных дела — и все в порядке. Меня

наградили за заслуги — посылают вроде бургомистром в Витебск. А вам, по чину, Киев могут дать. — Его свиные глазки смотрели испытующе. — Работать надо. Партизаны на Львовщине появляются. Наглеют.

«Неужели русский интеллигент может дойти до такого уродства? Предавать врагам своих братьев? Мерзавец!»

— О чем это вы задумались, Олег Дмитриевич? — вроде бы догадался Брандт. — Победим — оправдаемся! А палачом быть еще противней. Но люди идут. — И, уставясь куда-то в угол, он положил ладони на колени, словно прикрывал заплаты на штанах.

— Меня к вам Байдалаков не посылал. С ним я не виделся с сорокового года, когда был переброшен в советскую Бессарабию. С Кабановым мы там вместе в одной камере сидели...

— Околов проводил следствие и установил, что в Кишиневе и Черновицах засланные группы были арестованы, отвезены в центр и расстреляны, — и Брандт подозрительно уставился на Чегодова. — Кроме Кабанова...

— Вот и я жив. Околов ошибся. Меня никто в центр не вывозил и не расстреливал. — Чегодов рассказал о своем бегстве из КПЗ и о том, как он скрывался на улице Потека Мализилор. Опустив все дальнейшее, закончил: — Ближе всего из Черновиц было до Львова, вот мы и пришли.

— Невероятно! Фантастика! Как в романе! Бежать из тюрьмы опаснейшему врагу Советской власти! Скрываться несколько месяцев от НКВД в Черновицах? Я-то вам, конечно, верю. Но немцы могут усомниться. Хорошо, что вы к ним не обращались. — И он снова сверлил его своими свиными глазками. — Кабанов о вас тоже рассказывал...

— Что же мне делать? — спросил попросту Чегодов и подумал: «Сегодня же или завтра утром донесешь обо мне немцам!» — Гоша Кабанов сумел бежать, невероятно!..

— Ничего немцам о своих черновицких делах пока не говорите, — заторопился Брандт. — Вы, мол, приехали из Варшавы, от Вюрглера, чтобы сменить меня, а там приедет и Ширинкина, и вы с ней какое-то время поработаете. Я познакомлю вас с начальником «реферата «А» Эрихом Энгелем из четвертого отдела гестапо. Он занимается коммунистами и партизанами, а также

актами саботажа. Мужик сволочной, но с ним можно договориться. Согласны?

— Це дило треба розжуваты, как говорят на Львовщине. Я ведь с гестапо не сотрудничал, Владимир Владимирович, и методы их мне не знакомы. Но преклоняюсь перед такими людьми, как Канарис...

— Гиммлер, Шелленберг, Мюллер! Это боги разведки! Они успешно ведут борьбу с большевиками. Включайтесь и вы! А сейчас пойдемте в ресторан поужинать!

— Я еще не сказал «да»! Но вы меня уговорили. Я голоден как волк. — И подумал: «В ресторане, разумеется, произойдет «случайная» встреча с шефом, меня либо арестуют, либо начнут копать». — Его мозг лихорадочно работал.

Тем временем Брандт набрал номер телефона и сказал:

— Вир геен хинаус! Еин тиш фюр цвай персоне сервирен! — И пояснил Олегу: — Заказал стол на нас двоих. Чтоб никто не мешал. В ресторан пускают только немцев, но у меня пропуск.

«Мы выходим! Стол на две персоны! — заволновался Чегодов. — Неужели будет слежка? Бойчук сидит в парке на скамейке и, конечно, нас увидит. Как-то надо найти предлог предупредить его».

О чем-то смекнув, Брандт быстро поднялся с кресла, в котором сидел, будто невзначай, обронил:

— А где ваш подручный? Сторожит у подъезда? На всякий пожарный? Угадал, а?

— Вы провидец. И он «беспачпортный», тоже просит хоть временную справку. И денег ни гроша.

— Что-нибудь придумаем! Как его фамилия и кто он по профессии? За что его большевики посадили? Вы с ним вместе бежали из тюрьмы? Я дам ему записку к своему приятелю, его накормят и устроят на ночь.

— Зовут его Трофим Бондаренко, он слесарь, сидел за то, что рассказал антисоветский анекдот. Ночует у школьного друга.

Брандт хмыкнул, глаза его с подозрением уставились на Олега, веснушчатое лицо сморщилось.

— Рабочий? Ругал Советскую власть? У кого он остановился? Адрес? — и он потянулся за карандашом.

— Не знаю! Сказал, у кореша, кажется, вместе кончили ремесленное училище.

— Хорошо, пусть явится завтра, скажем, часов в

одиннадцать, вместе пойдем в магистрат, и я поручусь за твоего Трофима. Скажи ему...

— А мне? Мне когда прийти?

— Вы, дорогой Олег Дмитриевич, офицер нашей революции, член закрытого сектора НТС, устроим вам встречу на высоком уровне. — Брандт выдвинул ящик стола, взял оттуда пистолет, сунул в боковой карман пиджака, потом, вынув из заднего кармана брюк бумажник, раскрыл его, отсчитал из объемистой пачки денег три ассигнации по сто марок, убедился, что пропуск на месте, сунул бумажник обратно и протянул деньги Чегодову: — Возьмите себе двести на всякий случай и ему дайте сотню. Пора. — Он взглянул на часы.

Они сошли со второго этажа по лестнице на улицу, постояли на тротуаре, огляделись, Бойчука не было.

— Обманул вас Трофим Бондаренко. Простите. Почему вы бежали именно с ним? Кто был инициатором побега? Может быть, кто-то специально устроил так, чтобы вы могли бежать и дать возможность проникнуть Трофиму Бондаренко в святое святых закрытого сектора НТС? Допускаете ли вы такой вариант? Мне он не понравился, а у меня есть нюх. Проверим его, Олег Дмитриевич, обязательно проверим!

— Трофим немудрящий парень, простак, на разведчика никак не тянет. Хороший исполнитель, и только. Он где-то здесь. Пойдемте.

На самом углу, недалеко от остановки трамвая, из темноты вынырнула высокая фигура Бойчука.

— Добрий вечир, панове!

— Здорово, Трофим, вот тебе сто марок, а завтра к одиннадцати часам приходи к господину Брандту с корешом, у которого остановился, пойдете в магистрат. — Протягивая деньги, Олег подал заранее условленный знак и, уже обращаясь к Брандту, спросил: — Мы как, пешком или на трамвае?

— На трамвае! А вы, господин Бондаренко, куда направите свои стопы? Где ночуете? — И Брандт посмотрел в ту сторону, откуда должен прибыть трамвай.

Бойчук хотел было сунуть ассигнацию в карман, но выронил ее, и она упала у самых ног Брандта. Олег увидел, как опытный карманник быстро наклонился, подхватил с земли деньги, чуть коснувшись плечом бедра Брандта, сделал другой рукой неуловимое движение и извлек у него из заднего кармана бумажник.

В тот же миг Олег, взяв под руку, отвлек его внимание:

— Владимир Владимирович! Не наш ли трамвай идет? Слышите, позванивает?

— А мени туды, я на Золота девьяносто сим. До побачения. За гроши дьякую. — Он помахал рукой, повернулся и неторопливо зашагал прочь.

К остановке действительно подходил трамвай, они втиснулись в последний, битком набитый вагон.

— Надо было сесть в первый вагон «для немцев». У меня разрешение, — кичливо объяснил Брандт. И зло добавил: — А тут все, кому не лень, на ноги наступают, толкаются.

Люди прислушивались к его словам и смотрели на на него враждебно. Кто-то негромко выругался:

— Падло!

— Шкура! — пробасил огромный детина, настоящий «легинь», протискиваясь к выходу.

— Хам, бандит! — не выдержал Брандт и кинулся за ним, но толпа стояла стеной, выйти на этой остановке им не удалось. Сошли на следующей.

— Сволочи! — ругался Брандт.

— Меня кто-то двинул кулаком или локтем в бок, — пожаловался Олег.

Вдруг Брандт остановился и лихорадочно принялся шарить по карманам:

— Так и есть! Бумажник украли с документами! Какой ужас? Что теперь будет? И деньги! Две тысячи двести марок! Что я скажу гауптштурмфюреру Эриху Энгелю? Черт меня дернул с вами связаться! — окрысился он вдруг на Чегодова. — Мне ведь «Маршбефел» обещали, эдакий документище с орлами и свастикой. Дает право следовать непосредственно за войсками! Все погибло! Что делать?

— Не паникуйте, Вилли! Спокойно обсудим. Если вы пожалуетесь, что их вытащили у вас во враждебно настроенной толпе, вам, как разведчику, грош цена. «Почему, — спросят вас, — она была враждебна?» — «Потому, — ответите вы, — что я громко хвастался!» И ваша карьера кончится!.. Лучше инсценируйте взлом сейфа, нападение.

— Пожалуй... Рассчитываю на вашу поддержку. И я помогу вам. В ресторане мы встретимся с начальником «реферата А», о котором я упоминал, вы скажете ему, что посланы Байдалаковым. — Брандт вкратце объяс-

нил обстановку, сложившуюся в НТС. — А сейчас верните мне эти марки, чтобы расплатиться. — Он вдруг, хлопнул себя ладонью по лбу. — А что, если взвалить вину на вашего Трофима? Назвать его большевистским агентом...

— Нельзя, — возразил Олег. — Не валяйте дурака! Ну какой он агент! Ну, выловят его, допросят и сразу поймут вашу игру.

— Сам себя порой не узнаю! Время уж очень подлое... — закончил Брандт с какой-то грустью. — А может, сказать, что на нас напали, когда мы возвращались из ресторана? Там выпить как следует!

— Будем действовать по ходу пьесы. Кураж, мой друг, кураж! Как говорят французы и некий старый разведчик фон Берендс.

Ресторан «Бристоль» находился на Адольф-Гитлерштрассе. До того она называлась улицей 1-я Травня, а еще раньше улицей Легионов. Они вошли в помещение, швейцар встретил Брандта как старого знакомого с поклоном, а обер-кельнер почтительно провел к столику. Подали закуску и графин водки. Выпив подряд несколько рюмок, Брандт немного захмелел. И в эту минуту у стола появился блондин с зачесанными назад волосами, в штатском сером костюме, на вид ему было лет тридцать пять. Светло-карие глаза смотрели уверенно, а толстая шея и широкие плечи говорили о силе. Чегодов заметил его еще раньше; он сидел в компании двух здоровенных гестаповцев, видимо нижних чинов, и внимательно, из-под бровей, наблюдал за публикой.

Гость по-хозяйски взялся за спинку стула и обратился к Брандту на немецком языке, в то же время не спуская с Чегодова глаз:

— Это и есть ваш друг, приехавший из Варшавы? Согласно нашим данным на демаркационной линии документы ни у кого из проезжавших не отбирали. Подозреваю, что на станции Барутуве их не было. Вы уверены, Вилли, что он именно то лицо, за которое себя выдает?

— Я знаю Чегодова лично... но я не уверен, что он прибыл из Варшавы, — заторопился с объяснениями Брандт. — Он был заброшен — я допускаю и такой вариант — на Львовщину еще до войны, но по каким-то причинам это скрывает, а может быть, явился из Бессарабии, туда тоже забрасывали наших энтээсовцев. Он выходец из крупной помещичьей семьи, состоит членом

закрытого сектора нашего союза, к нему очень хорошо относится наш председатель господин Байдалаков, к которому дружески расположен его превосходительство господин Шелленберг.

— Вас воллен зи заген? * — повернулся Эрих Энгель. В том, что это был именно начальник «реферата А» четвертого отдела СД, Чегодов не сомневался.

«Спокойно! — сказал себе Олег. — Ты ни бум-бум не понимаешь по-немецки», — и с любопытством уставился на физиономию гауптштурмфюрера.

— Он не понимает? — Энгель недоверчиво поглядел на Брандта. — Фи не знайт по-немецку? — повернулся он к Чегодову.

— Гутен таг, данке шен, ауф видерзеен, гут, хенде хох! — выпалил единым духом Чегодов. — Парле ву франсе? Парлате итальяно? Спик инглиш? Говорите српски? Чи балакаете по-вкраиньски? Пан размовля попольску?

Брандт захохотал, гестаповец снисходительно улыбнулся, отодвинул стул и уселся, закинув ногу на ногу.

— Хенде хох! Ха-ха-ха! — не унимался Брандт. — Данке шен.

Потом он взялся переводить, но переводил далеко не все. Олег, отлично знавший немецкий язык, мог обдумать каждый вопрос, и эффект неожиданности пропадал. Важны были и их комментарии. Убедительно, по его мнению, прозвучал ответ на вопрос гауптштурмфюрера, почему на его запрос в Перемышль местное СС сообщило, что пассажир под фамилией Чегодов демаркационную линию не пересекал.

— На их месте я так же ответил бы. Эти простаки, которые меня задержали, думали, пока они выпьют по кружке пива, я буду как тюфяк стоять и ждать их, и все же не такие круглые идиоты, чтобы сознаться.

— Фи, господин Чекотофф, нашинаете мне гефаллен!

— Нравиться! — подсказал Брандт.

— Йа, наравится. И я хотель с фами поработайть.

— По распоряжению Байдалакова и с разрешения штандартенфюрера Шелленберга меня направили в Витебск.

Брандт перевел.

— Я тоже имейт бефел от СС группенфюрера и генерал-майор полиции Генриха Мюллера работайть на

---

* Что вы скажете? *(нем.)*

велики Германия, — попытался по-русски объясниться гестаповец, сверля его тяжелым взглядом.

«Настоящий удав, — ежась от подленького страха, думал Олег. — Соглашусь и сегодня же ночью подамся с Иваном и Абрамом из Львова».

— Уничтожать коммунистов? Я согласен. Однако надеюсь, что во Львове меня долго держать не будут. Поймите, господин гауптштурмфюрер, у меня специальное задание по борьбе с партизанами.

— Хорошо, хорошо. Партизан мы вычешем из лесов, как гребнем. Двадцать седьмого августа немецкие войска взяли Днепропетровск, у Великих Лук уничтожена Двадцать вторая советская армия. Сорок тысяч убитых, тридцать тысяч раненых, взято четыреста орудий. А тридцатого, у Ревеля, затоплено около сорока восьми тысяч брутто тонн транспортных судов. Всего в Северном море затоплено семьдесят тысяч! Переведите все это ему, Вилли, — заговорил по-немецки Энгель и поднял бокал. — За победу! Хайль!

— Красная Армия капут? — изобразил радость Чегодов.

— Под Минском и Белостоком двадцать девятого июня были взяты тысячи пленных, три тысячи броневых машин и другая техника, двенадцать составов поездов... — Брандт погрозил потолку пальцем. — Германский вермахт побеждает!

— А каковы немецкие потери? — не выдержал Чегодов.

— Вас загт эр? — спросил Энгель.

— Он спрашивает о потерях немецкой армии.

— Самые незначительные, русские бегут...

— Тогда зачем их убивать?

Брандт сделал вид, что не понял вопроса Олега, и переводить не стал.

Они просидели еще около часа. Гестаповец поглядывал на Олега уже не так настороженно, но время от времени глаза его снова наливались тяжелым подозрением и заставляли ежиться.

«Бежать! Бежать! Скорей бежать!» — твердил про себя Чегодов.

Уже за полночь они вышли на улицу. Ущербная луна нависла над крылатыми ангелами оперного театра. Широкая улица, усаженная деревьями, была пустынна: вступил в силу комендантский час, кругом было безлюдно. У входа в ресторан, на тротуаре, виднелась над-

пись «Бристоль», машины стояли чуть в стороне. Олег оглянулся, Эрих Энгель спускался по ступенькам, за ним, точно две большие черные тени, следовали его стражи-гестаповцы, рядом, повернувшись к гауптштурмфюреру лицом, спускался, приглаживая свою седую шевелюру, Брандт и что-то объяснял вполголоса. «Неужели будут брать? — пронеслось в мозгу, и рука невольно полезла за пузуху. — Первым застрелю немца, потом эту сволочь и кинусь за тумбу», — и Олег крепко сжал рукоятку пистолета.

— Олег Дмитриевич, господин гауптштурмфюрер любезно согласился нас подвезти. Сегодня вы переночуете у меня, потом перейдете на конспиративную квартиру Вулецка, шестнадцать, отдохнете недельку, познакомитесь с городом и здешней ситуацией, а потом придется поработать в следственной тюрьме на Лонсково. Это будет недолго. В ноябре, сказал фюрер, падет Москва. За усердие получите «Маршбефел», двинетесь прямо в столицу. — И Брандт взял Олега под руку.

К подъезду подкатил черный «хорьх», один из стражей подбежал к машине, отворил заднюю дверцу. Первым влез Энгель, за ним Брандт. Огромный гестаповец сделал жест, приглашая сесть замешкавшегося Чегодова, который в удобный для него момент так и не решился стрелять: «Их четверо, не успею».

Энгель откинулся на широкое сиденье. Брандт пристроился бочком в почтительной позе, спиной к Чегодову. Машина плавно покатила по безлюдным улицам, подрагивая на неровной брусчатке.

Скоро остановились у какого-то подъезда на углу улицы Коперника и широкого проспекта Льва Сапеги.

Чегодов услышал, как Брандт шепнул ему, указывая на серое здание:

— Следственная тюрьма...

Энгель милостиво протянул Чегодову руку и покровительственно потрепал по плечу:

— Альзо, ауф видерзеен! Хенде хох! Не бойтесь гестапо, аллес вирт ин орднуг зейн, всио будет карашо. — И вышел из машины. За ним последовали его подручные.

— Айн момент! — остановил его Брандт, выскочил следом и, сняв шляпу, начал о чем-то униженно просить. Немец выслушал его, стоя вполоборота, и стал отвечать, отчеканивая каждую фразу.

«Я уже сказал, — напрягая слух, переводил про се-

бя Олег. — Надо с этими большевиками покончить. Сначала с этим «не помнящим родства», полагаю, его зовут Остапенко и с этим адвокатом Ничепуро. Надо их «расколоть», а потом можете ехать! Мы сначала проверим этого вашего друга, а потом подсадим к Ничепуре».

Брандт дождался, пока гестаповец скроется в подъезде, надел шляпу, уселся молча в машину, буркнул шоферу свой адрес.

А у Чегодова душа пела от радости: «Не взяли меня! Завтра исчезну из Львова. Куда? Дернула же меня нелегкая связаться с этой сволочью. И как может Брандт, полковник русской армии, стать немецким холуем! А Вюрглер? Байдалаков? Ширинкина? Веселая, милая гимназисточка, когда-то в меня влюбленная, приходила ко мне по вечерам и читала «Анну Снегину», «Черного человека» или «Капитанов» Гумилева. Неужто Ара сейчас будет у немцев «подсадной уткой»? Завтра надо уходить. Эх, Ара, Ара!»

Брандт так же молча вышел из машины, молча поднялся по лестнице и, когда за ними захлопнулась дверь, разразился бранью.

— Сволочь! Немецкая свинья, поганый юберменш! Погоди, дай только срок, мы вам покажем! — и он погрозил кулаком в окно. Потом обернулся к Чегодову: — Устраивайтесь в кабинете. — Подошел к письменному столу и демонстративно принялся выгребать из центрального ящика бумаги и складывать в портфель и вдруг со вздохом облегчения крикнул: — Черт побери, вот он, аусвайс, значит, украли только пропуск в ресторан! Слава тебе господи! — И он перекрестился. — Просить у этого гада ничего не придется, обойдусь без пропуска! Слава тебе господи! — И опять перекрестился.

— Чего вы так боитесь? — Чегодов стоял за его спиной.

— Вас, Олег Дмитриевич, били в советской тюрьме?

— Нет, не били. Я сам дрался, за это меня посадили в карцер, — и он рассказал о драке в камере.

— А меня эсэсовцы били, и вас будут бить, унижать ваше достоинство, а вы будете терпеть, как терпел я, ради будущей России, ради торжества «солидаризма»... ради себя, чтобы остаться человеком, обрести родину...

— И занять пост бургомистра? — усмехнулся Чегодов. — Ничего вы им не покажете! Не верите вы ни в будущее новой России, ни в «солидаризм», просто приспосабливаетесь. Дядя фашист свергнет большевиков и

вас посадит на власть! Кто кивает на американцев да англичан, кто на Гитлера, а кто на русский народ...

Брандт выпучил глаза на Чегодова. Наступила томительная пауза. «Ничего он уже мне не сделает», — подумал Олег.

— Садись! — усаживаясь в кресло и указывая на другое, со странным выражением лица произнес Брандт. — И послушай! Подсадили меня в камеру к большевику, организовавшему партизанский отряд. Выдал его один тип. Сперва его уговаривали, сулили свободу, потом, изголодавшегося, униженного, усадили за стол, угостили завтраком, дали крепкую сигарету. Он, пьяный от еды и курева, что-то выболтал. И тогда они принялись за допрос с битьем. Особо опасных и сильных обычно пытают систематически. Голодный паек, ни минуты покоя, строгий режим, допросы, пытки. Время и система ломают здоровье, психику, волю, человек понимает, что у него уже нет никаких шансов, если даже все расскажет, его все равно убьют. Дело уже идет не о жизни и смерти, а о той тайне, которую следует хранить в свой предсмертный час. И тут его поджидает последнее, может быть, самое страшное искушение — ласковое участие сокамерника, яд его слов, притупляющих ум и расслабляющих волю. И наступает какой-то момент, подобно провалу памяти у пьяного, и он пробалтывается...

— Значит, таким манером вы отнимаете тайны у большевиков? — насмешливо спросил Олег.

— Не смейся! Мои нервы не выдержали. Во мне заговорила совесть. Не могу забыть, когда он, веря, что меня скоро выпустят, уже открыл было рот, намереваясь сказать мне явку; я, рискуя быть увиденным в глазок тюремным надзирателем, накинул ему на лицо ватник и задушил беднягу. Он что-то понял и вначале даже не сопротивлялся, только под конец, уже в агонии, засучил ногами и весь задергался. После пыток он был слаб, как ребенок. — Брандт провел рукой по седой шевелюре и уставился в угол. — Тебе придется пройти этот ад...

«Большевик победил и тут, — подумал Чегодов. — Почему? Откуда их сила? Внутреннее убеждение заставляет этих людей принимать мученический венец, подобно первым христианам. «Раскалывались» под малейшим нажимом убежденные монархисты из «Братства русской правды», засылаемые в Советский Союз; бывалые, по-

видавшие смерть, закаленные в боях белые офицеры РОВСа, не говоря уже об энтээсовцах. А вот большевик выстоял! Смогу ли я так же?»

2

На другое утро, выйдя из дома, Олег обнаружил за собой слежку. Он сразу зашел в ближайший гастрономический магазин, купил ржавую селедку и вернулся обратно.

— На селедочку после вчерашнего потянуло, — сказал он Брандту, когда тот отворил ему дверь и недоуменно поднял брови на покупку.

У Брандта нашлась и водка, и они выпили, закусили, и через полчаса Олег, распрощавшись, спустился черным ходом по лестнице во двор, перемахнул через забор в соседний сад, проник на улицу и неторопливо направился к центру. Убедившись, что за ним нет хвоста, зашагал по данному Бойчуком адресу.

В небольшой комнатушке уже сидели Бойчук, Абрам Штольц и незнакомый плотный мужчина, рыжеволосый и голубоглазый. Он оценивающе окинул взглядом Олега, лениво поднялся из-за стола и небрежно протянул, нагловато улыбаясь, руку:

— Давай пять, не бойсь, дядя не обидит! — и сжал изо всех сил Олегу пальцы.

Почувствовав железную хватку, Олег неуловимым движением руки заломил назад правую кисть рыжего и так же нагловато улыбнулся:

— И ты, Рыжий Штраймел, не робей, племянник не обидит, — и отпустил руку.

— Вай, вай, Непомьятайко хочет видеть мои слезы. Меня не надо уговаривать, мне все ясно, не будем размазывать кашу и продолжим работу.

Штраймел пододвинул стул к столу.

На накрытом клеенкой столе стояли две бутылки водки. «Московская», — прочел Чегодов, банка с солеными огурцами и глиняная макитра с украинской колбасой. Тут же лежала большая буханка пшеничного хлеба.

— Гуляемо на гроши твого Гадкевича, шлях його трафыв! Ось. — Бойчук вытащил из кармана отощавший бумажник Брандта и протянул его Олегу. — Там якись документы на имя Брандта, чи що!

Олег раскрыл бумажник. В нем оставалась еще изрядная пачка денег и пропуск в ресторан «Бристоль».

Вскоре они вышли на узкую улочку и двинулись переулками.

— Зараз ийдемо на Краковский базар.

— Это недалеко от центра, — заметил Абрам, — пролетарский рынок, самый дешевый и блатной. Там можно купить все, что душеньке захочется.

— Абрам знает наш фрайерский базар, — подтвердил Штраймел, — там и горилка дешевле — семьдесят пять злотых литряга. Если имеете желание, подадимся на Галицкий или за Зализнычный, нет? Пусть они горят огнем! Наш Краковский, проше пана, интересней! На том базарчике я как бог на небе, — он подмигнул, — там каждый двор проходной, под ним река протекает, полезай в люк, и сам черт не найдет. На Краковском там вам и ксивы выправим. И к фотографу Грешлю сходим. Через час-два карточки готовы! Или уже не нужно?

— Нужно! — сказал Олег. — Я ведь задумал уходить из Львова. Опасно тут оставаться. И вас могу подвести.

— Вай, вай, вай, мосье Непамьятайко, не надо меня нервировать, я могу испугаться. — Штраймел пытливо заглядывал ему в глаза. — Это же кошмар, вчера ты бежал от Советской власти! Сегодня от немцев? Зачем Ивана посылал к Гацкевичу? Учился я с ним в университете. Гад он! В союз какой-то эмигрантский меня заманивал, холера всем им в бок! А по какой дорожке ты идешь, какой бранджи * держишься? Скажи, не то ждет тебя большое разочарование.

— Ох, Штраймел, я ж тоби казав, не допытуйся, людына живе як хоче! — вмешался Бойчук. — До москалив вин хоче податыся.

— Хэвер ** дорогой, я за него ручаюсь, — поддержал Бойчука Абрам Штольц. — Мы с Иваном во Львове останемся, а тебе, — он похлопал Олега по плечу, — Штраймел документы добудет, обязательно добудет, он все может.

— Надо понимать. В первые дни немцы, чтоб они сдохли, много хороших людей арестовали и почти обезглавили организацию коммунистов. Но теперь в городе шуруют разные. Немало провокаторов. Знаю я одного

* Б р а н д ж а — компания *(жарг.)*.
** Х э в е р — друг, товарищ *(евр.)*.

такого, Гната из «Народной гвардии». Мне все это до высокого дерева. Но когда по доносу белобрысой плюгавой гниды убивают прямо на базаре нашего Япончика, то надо петь «эль молей рахим» — заупокойную молитву над могилой плюгаша волосатого, этого поца...

— И во Львове, значит, был свой Япончик? Может, и Беня Крик?

— Бени Крика нету, зато с Беней Шпигельманом, лихим бандитом, которого не смела брать полиция, могу познакомить. Зараз он слесарем-водопроводчиком работает. Весь подземный Львов знает на все пять. Спас меня недавно, дай бог ему счастья, от этой заразы начальника украинской полиции майора Питцулая, чтоб он сдох. Пять километров под землей прошел, ей-богу, чтобы я был так жив!

— У нас в Черновцях теж був Япончик. Гарний хлопець. Батько його з Коломыи, чи що... — Бойчук хотел, видимо, еще что-то добавить, но на мгновение остановился, крикнул: — Сюды! — и, схватив Чегодова за рукав, втащил в подворотню. Все кинулись за ними.

Не прошло и минуты, как мимо брамы, где они стояли, прижавшись к стене, прошел немецкий патруль. Вслед за ним несколько гестаповцев в черной форме.

— Кого-то брать, гады, будут, — прошептал Штраймел. — Тот здоровый, что шел справа, на моих глазах Петра Остапенко, товарища моего по университету, арестовывал. Недели две тому, на Оболони. Двоих тогда взяли, Петра и еще одного, наверно, его дружка. Статного такого, усатого, солидного дядьку. По виду доктора чи адвоката. Помню, тридцатого июня, рано утром, на весь Львов затрещали и завоняли мотоциклы и к митрополичьим палатам прикатил батальон украинских легионеров «Нахтигаль», командовал ими старший лейтенант, доктор Херцнер, а политический руководитель — немец Оберлендер с подручными...

Бойчук выглянул из-за брамы и поглядел вслед гестаповцам, которые направились в противоположную сторону.

— Так вот, — продолжал свой рассказ Штраймел уже другим тоном, — когда митрополит Шептицкий благословил «соловьев», разбежались они, как волки, по городу, и давай хватать ученых, медиков, юристов, писателей, грабить, убивать, насиловать женщин, бить стариков... Арестованных дня два или три держали в бурсе Абрагамовича, потом человек тридцать или сорок по-

вели под конвоем вниз к Вулецкой горе и постреляли в лощинке. Зачем было ученых убивать? Украинцы убивали своих украинцев, лучших людей! Скажи, Олег Непомятайко, зачем?

— Командовали, говоришь, «украинцами» немцы Херцнер и Оберлендер? Фюрер считает: роль науки должна сводиться лишь к обоснованию и подтверждению того, что иррациональным путем, через озарение, открылось ему — «сверхчеловеку»!

— А когда расстреляли старого Казимира Бартеля, того, что был премьер-министром? — спросил Штольц.

— Его убили в тюрьме Лонского. Мне очень жаль еще профессора литературы Тадеуша Бой-Желенского. Он бежал от немцев из Кракова. Какой силы был ученый! Уговаривал меня остаться в университете. Сейчас там у входа висит черная табличка «Зондергерихт Дистрикт Галициен» *. — Штраймел остановился и закурил. — У гадов списки были подготовлены, — продолжал он, выпуская струйку дыма. — Целую неделю мордовали людей, сотнями расстреливали, сжигали живьем, закапывали в землю, забивали прикладами, травили собаками, вешали. На балконе Большого театра целую неделю висело двенадцать человек, говорят, большевиков. Потом хватали, правда, меньше. Остапенка и адвоката чи врача поймали недели две тому на улице Потоцкого у брамы...

— А мы ще по дозори чулы, шо во Львови у гитлеровцив на снидания — жиди, на обид — поляки, на вечерю — украинцы, а на закусь — москаль, — заметил Бойчук.

Чегодову вдруг на ум пришел разговор гауптштурмфюрера Энгеля с Брандтом у следственной тюрьмы, в котором упоминался Остапенко и адвокат Ничепуро. «Это он к ним хочет меня направить в камеру «подсадной уткой», сволочь гестаповская!» — и обратился к Штраймелу:

— А кто они, Остапенко и тот другой, которых взяли немцы?

— Петро еще во время старой Польши вел в университете коммунистическую ячейку. Кремень, пусть он будет жив и здоров! А другого я не знаю. Почему вы имеете интерес к Остапенко? Уж не хотите ли освободить его из тюрьмы?

— Хочу! Если у меня будут надежные помощники!

* Особый суд Галиции.

— Таки да, будут, лопни глаза, будут, это говорит тебе Штраймел! Король Краковской бранжи! — и с уважением посмотрел на Чегодова.

— Лады, поговорим потом.

Если ты человек, Олег, тебе придется потягаться с Энгелем! Все средства хороши в этой страшной борьбе: и величайшее геройство, и самая низкая подлость. И нравится ли это тебе или нет, раз и навсегда надо решать: либо ты против большевиков и за старую мифическую Россию, либо за новую, ныне борющуюся, большевистскую Родину. Надо перехитрить гауптштурмфюрера, обязательно! Остапенки идут на смерть, а ты боишься рискнуть? Решайся, ты уже объявил войну фашистам. И нет тебе иного пути! Или ты «кустарь-одиночка»? Или с большевиками, с Красной Армией! С народом...»

Из подворотни они вошли во двор, потом перемахнули через невысокий забор в соседний, оттуда в третий и внезапно очутились в каком-то переулке.

— Немец один не ходит. Сейчас они, толстомордые, будут на каждом углу, — предостерег Штраймел.

Вскоре они очутились в лабиринте улочек Краковского рынка. На ратуше пробило двенадцать. Толпился народ, было шумно. Продавцы расхваливали свой товар, мальчик-газетчик пронзительно выкрикивал:

— «Львивски висти»! «Газета львовска»! «Группа армий «Пивнич» узяла фортецию Шлиссельбург, Ленинград у кольци»! «Жахливо вбывство на вулеци Хербстштрассе»... «Львивски висти»!

— Ша! — рявкнул на газетчика Штраймел. — Не то я увижу твои молодые слезы, пацан! Беню-водопроводчика видел? Нет? Тогда кричи дальше! Слушай, Герцог, — обратился он к проходившему щеголю в котелке и с тростью, — я имею сказать тебе пару слов. — И отошел с ним в сторону.

— У вас будет не ксива, а антик с мармеладом, мосье Захар. Фергессе зи мих!* Сказал Герцог, а слово Герцога дороже золотого дуката. А теперь остается этот балбрисник**-фотограф... болячка ему в бок.

Спустя час они возвращались обратно. Пропустив вперед Бойчука и Штольца, Олег взял под руку Штраймела, рассказал ему о приказе Энгеля «поработать»

* Блатное выражение со смыслом: «Забудь меня!»

** Б а л б р и с н и к *(ироническ.)* — человек, который часто справляет брис — семейный праздник обрезания.

в следственной тюрьме на Ланского «подсадной уткой» у Остапенко и Ничепуро.

— Я имею большой интерес на ваш план. И я, таки да, с вами согласен, — выслушав Чегодова, сказал Штраймел. — Друзей будем спасать!

Придя домой, на Грядковую, они уже сообща долго обсуждали смелое предложение Олега.

Решили оборвать покуда непосредственное общение и держать связь через «почтовый ящик», которым должен был служить паренек, продававший на базаре газеты.

В четыре часа дня Чегодов уже стучался в квартиру Брандта.

— Куда вы пропали? — встретил его с недовольным видом Брандт. — Вами интересовались. Видели своего дружка?

— Нет, не пришел!

— Не ходили к нему на Золотую, девяносто семь?

— Нет!

— Там даже такого номера нет, обманул нас Трофим Бондаренко! — вырвалось у Брандта.

— А вы что, ходили туда?

Брандт только отмахнулся. Потом подошел к буфету, вынул оттуда бутылку с пестрой этикеткой, две рюмки и, налив, сказал:

— Ликеро-водочная фабрика Бачевского, год основания тысяча семьсот восемьдесят девятый. Преотличная когда-то была водка! Сто лят! Как говорят поляки. — И выпил. — Наживу я с ним, да и с вами неприятностей! И где же вы шлялись?

— Где был, там нет. Мы не на военной службе, Владимир Владимирович, и я не ваш подчиненный. Вместо того чтобы помочь, вы втравили меня в скверную историю с этим гауптштурмфюрером.

— Дорогой Олег Дмитриевич, поймите меня правильно, я вовсе не в восторге от того, что приходится сотрудничать со службой СД. На этот счет есть даже строгая установка нашего исполнительного бюро, запрещающая это, правда, она касается рядовых членов НТС. А где они? Кто считает себя рядовым членом? Все рвутся к власти и, учтите, любой ценой! Немцы отлично понимают психологию маленьких русских «фюреров», которые готовы плясать под гестаповскую дудку, если им не удается занять на оккупированной территории руководящие посты, мы — никто. Немецкая армия вот-вот захва-

тит Москву, потому нам надо сколачивать собственные силы, как это делают украинские националисты...

— Вы забываете, что гитлеровцы в начале июля уже разогнали правительство «самостийной Украины» во главе со Стецько, — заметил Олег.

— Только потому, что шансы конкурента Андрея Мельника стоят выше, его поддерживает сам митрополит, граф Андрей Шептицкий, а главное — гестапо... Ясно? В пику Канарису, выдвигавшему Бандеру.

— Значит, один твердит про Авраама, а другой про Иакова, — вспомнил поговорку Абрама Штольца Чегодов и добавил: — Не думаю, что украинские головорезы из легиона «Нахтигаль» были популярны на Львовщине, и слава богу, что у нас нет такого легиона.

— Э-э! — Брандт погрозил Олегу пальцем. — У Байдалакова иное мнение. Нам нужна сила! Ну ладно. Завтра, значит, переезжаете на Вулецкую, шестнадцать, до конца месяца. А там...

3

Сентябрь, или, как говорят во Львове, вересень, был на исходе. Моросил беззвучный дождик, легкий, как из пульверизатора. Надвигалась ночь.

Тюрьма выросла перед Олегом как-то внезапно, мрачная, глухая. «Как дело измены, как совесть тирана, осенняя ночка темна. Темней этой ночи встает из тумана видением страшным тюрьма!» — процитировал про себя Чегодов, подходя к разгуливающему у калитки гестаповцу с автоматом за плечами, и тут же почувствовал, как сопровождавшие его молодчики начальника четвертого отдела крепко схватили под руки и, подталкивая локтями, повели внутрь помещения.

В проходной его встретил ухмыляющийся мордастый тюремщик, оглядел с ног до головы и приказал стать лицом к стене и поднять руки.

«Начинается моя Голгофа, — Чегодов крепко стиснул зубы. — Терпи!»

Потом он прошел через унизительный для человеческого достоинства обыск и был передан внутренней тюремной страже. Его втолкнули в длинный и мрачный коридор, по бокам которого тянулся ряд запертых дверей с задвинутыми на засов кормушками и глазками, захлопнулась обитая железом дверь, щелкнул замок, и вахтер заорал:

— Лос! — и дал пинка в зад.

Олег побежал.

— Хальт! — скомандовал вахтер и, когда Олег остановился, подошел к нему, снова пнул его коленом: — Лос!

Так повторялось несколько раз, пока они не дошли до камеры под номером 213. Перед дверью ему снова приказали уткнуться носом в стенку и наконец, наградив затрещиной, втолкнули в камеру.

На железной койке, покрытой соломенником, сгорбившись, поджав под себя ноги и насторожившись, сидел худой человек с впавшими щеками и глазницами и пытливо смотрел на новичка. Белобрысые, давно не мытые его волосы лоснились, лицо поросло густой светло-рыжей щетиной, еще больше подчеркивавшей заострившийся нос, синяки под глазами и землистость щек.

— Давно взяли? — прохрипел он.

— Вчера.

— Что там нового, как идет война? Я ведь сижу вот уже восемьдесят дней. Почти каждую ночь мучают на следствии, а днем издеваются вахтеры. Вас били?

Чегодов кивнул головой, опасливо поглядел на дверь и прошептал с испуганным видом:

— Слушают, наверно. Били меня, но все еще впереди... — и махнул безнадежно рукой.

— За что взяли?

Чегодов пытливо поглядел на сокарменика и промолчал. В этот миг в соседней камере загремел замок, послышался тяжелый топот сапог и стоны.

— С допроса нашего соседа приволокли. Что-то рано сегодня. Мордуют его страшно. Коммунист... А звать тебя як?

«Вас подозревают в том, что вы являетесь агентом английской разведки, прибыли вы из Югославии, завербовал вас Джон Вильсон, резидент Баната Сюрте-2, с особым заданием связаться с польской подпольной группой, действующей во Львове. Зовут вас Ширинкин Александр Евгеньевич. Вы шли на встречу с сестрой, которая тоже работает на Сюрте-2, на конспиративной квартире была засада, вас схватили. О судьбе сестры вы ничего не знаете. Такова ваша легенда, подробности следует отточить самому. Бить вас не будут, и это никого не удивит, англичан и английских шпионов мы обычно не бьем», — вспомнил Олег наставление гауптштурм-

фюрера Эриха Энгеля перед тем, как отправиться в тюрьму.

— Звать-то тебя как? — повторил свой вопрос сокамерник. — Меня кличут Гнатом Неходой. Чего задумались?

«Нашлось в «Народной гвардии» немало провокаторов. Знаю... белобрысая, волосатая плюгавая гнида», — вспомнил Олег слова Штраймела.

— Александр Ширинкин! — сказал Чегодов, все больше убеждаясь, что и теперь его не обманывает интуиция, возникающая в момент быстрых и решительных действий, внутреннее чутье подсказывает поступить так, а не иначе. Олег неизменно следовал этой подсознательной подсказке.

«Ты, Гнат Нехода, донес на Япончика, ты, наверно, выдал и Остапенко и Ничепуро, ты моя «подсадная утка»! Ну что ж, посмотрим!»

Томительно тянулось время, прерываемое ночными допросами да стоянием днем «носом к стене» в стойке «смирно». Евреям на одной ноге, остальным на двух. Действовала глубоко продуманная система побоев, издевательств, унижавшая достоинство, подавлявшая волю и здравый смысл.

«Допрашивал» Чегодова не Эрих Энгель, а хорошо говоривший по-русски или русский следователь в штатском. Он неизменно был любезен, угощал сигаретой и чашкой кофе с печеньем и спрашивал о том, что рассказывал интересного большевик Нехода.

У Чегодова была блестящая память и дар аналитического мышления. В течение недели операция по «разоблачению» Неходы была закончена. На «допрос» его вызвал сам Эрих Энгель. Он поблагодарил Олега за хорошую работу, угостил обильным обедом и пообещал в ближайшее время отпустить.

— Правда, придется раскусить еще одного типа. Нас он очень интересует. Выявить его связи. — И тут же позвонил по телефону и скороговоркой на «платтдейч» *, пытливо поглядывая на Чегодова, сказал: — Арестованного в пятнадцатую камеру, а из двести тринадцатой с вещами ко мне.

В отличие от прежней 213-й, довольно светлой камеры в 15-й царил полумрак. Зарешеченное оконце с козырьком, с толстым слоем пыли и копоти почти не про-

* Нижненемецкое наречие.

пускало света. Спиной к окну стоял высокий и, видимо, когда-то сильный человек; он с безразличием смотрел на Чегодова одним глазом, другой заплыл сизо-багровым кровоподтеком. Черные запорожские усы уныло свисали. Верхняя губа была разбита и, видимо, болела, потому что усач время от времени прикладывал к ней пальцы.

«Весь сосредоточен на боли, — заключил Чегодов. — Производит впечатление сломанного. Буду осторожным. А тебя, если бы так били, не сломали?»

Ничепуро, а это был он, отвел взгляд в сторону. Ему почему-то стало жаль этого крепкого парня, которого скоро изуродуют. И почему-то подумалось, хорошо бы открыться ему! Но это подписать себе смертный приговор!

В этом секторе тюрьмы было тихо, особенно в коридоре. Вахтеры не кричали, не ругались, не громыхали сапогами. По утрам в камеру приходили два уголовника и забирали парашу, чтобы, опорожнив ее и ополоснув, поставить обратно. Один из них, высокий, худой, обезьяноподобный, с длинными руками-клешнями, птичьей грудью и чуть раскосыми, глубоко впавшими глазами и большими волосатыми ушами, производил бы отталкивающее впечатление, если бы не волевой подбородок, красивый, четко очерченный рот, глаза, светящиеся умом.

«Черт побери, — глядя на него, думал каждый раз Чегодов, — тут Чезаре Ломброзо, видать, обмишулился. Полный разлад «физических свойств преступника». — И тут же какое-то подсознательное чувство подсказывало, что именно этот, не поднимающий глаз «Квазимодо» и есть нужный ему человек.

Время тянулось бесконечно, хотелось есть, курить, хотелось избавиться от гнетущего состояния, которое вызывал своим присутствием сосед, все существо, наконец, жаждало катарсиса, «очищения души», и последнее мучило больше всего. Чегодов не был уверен до конца, является ли его сидение с Ничепуро второй проверкой или проверяют самого Ничепуро?

«Почему мы так запуганы? Мы ненавидим фашистов бессильной ненавистью раба, дрожащего за свою жизнь. Не в силах расчистить окружающий нас чертополох? Терпеть «ради России», как говорил Брандт?!

«Честь никому!» — твердили мои деды и прадеды и

шли на плаху, чтобы не сесть за стол ниже менее родовитого, а ты, Чегодов? Ты ступил на стезю обмана, малодушия и рабской покорности? Что ведет тебя по жизни: нужда, голод, безутешное горе или жажда славы, наживы? Нет! А может, все, вместе взятое, начиная с тоски по Родине и кончая собственной гордостью? Пошел же в разведчики дворянин Хованский, не побоялся пойти по стезе «обмана и коварства». Английские лорды считают за честь выполнять задание своей разведки. Им чужды сомнения щепетильного купринского капитана. А теперь разве поверженному классу честь дороже жизни, благосостояния? Нет! Тысячу раз нет! Честь — прерогатива восемнадцатого века! Донкихотство! Надо бороться с врагом его же оружием. Хованский прав. Сейчас он бы посоветовал мне: «Терпение, Олег, терпение. Для разведчика козырный туз — выдержка!»

Десять долгих и томительных дней миновали. Наконец среди ночи пришел вахтер и приказал Олегу собираться с вещами и повел его, не «на допрос», как полагал Олег, а совсем в другое место. Если в их коридоре и соседних камерах царила гробовая тишина, то здесь было шумно. Вдруг его поставили носом к стенке. Сначала выволокли из камеры человека, который всячески упирался, несмотря на угрозы и пинки, заключенный в коридоре упал на пол, всхлипывая, каким-то странным завывающим голосом принялся умолять на ломаном немецком языке не убивать его, что он готов сделать все...

«Нет, — решил про себя Чегодов, — таким ты не будешь никогда, никогда!» И тут же, словно в отместку за «крамольные мысли», получил затрещину и больно ударился носом о стену. Пошла кровь, но надзиратель, не дав ее утереть, велел заложить руки за спину. Два других, осыпая его грубой немецкой бранью и тумаками, подвели к двери и, подождав, пока ее откроют, изо всех сил толкнули внутрь. Чегодов упал, больно ударился рукой о железную кровать и невольно выругался.

— Русский? Парашютист? — спросил среднего роста плотный шатен, и в его глазах Олег прочел и радость встречи с единомышленником, и теплое участие к унижаемому человеку, и, наконец, ненависть к поработителям и сразу понял, что это Остапенко. Он помог ему подняться, усадил на кровать и прошипел:

— Гады! Пропади они пропадом! А скажи, браток, правда ли, что Москва эвакуирована? Объявлено осадное положение? Немцы на подступах к столице и Гитлер

уже разослал приглашения в Кремль, где будет отмечаться праздник победы? Мне следователь говорил...

— Врет, наверно. Какой следователь?

— Блондин, зачесывает волосы назад. Плечи широкие, загривок как у бугая, глаза светло-карие. Самодовольный, как и все немцы, неглупый. Едри его в кочерыжку! Запомни!..

— Это гауптштурмфюрер Эрих Энгель, руководитель «реферата А» в четвертом отделе СД. А каково сейчас положение на фронте, я не знаю, меня к тебе из пятнадцатой камеры перевели, сидел там с Ничепуро. Ты рыжего Штраймела знаешь? С тобой в университете учился на первом курсе.

— Володьку? Тогда его Арсеном Люпеном звали! — оживился Остапенко. — Свихнулся парень, не по той дорожке пошел, жалко! А какой был способный! Но при чем тут он?

— Штраймел видел, как вас арестовывали. Тебя и Ничепуро.

— Эх, Степан Николаевич! Тонка оказалась у него кишка... продал он всех, кого знал...

— Я это сразу понял, Степан Ничепуро может докатиться до провокаторства. Сломался!

На другой день Олег рассказал о плане, который разработал со Штраймелом.

Петр Остапенко как-то неуверенно кивал головой. Видимо, их план показался слишком фантастичным.

— Нереально? Рискованно? Но тебе, Петро, терять нечего! Тебя, сам понимаешь, ждет виселица или расстрел. Придется рисковать...

— Ну ладно я, а тебе-то чего из-за меня в петлю лезть?

— Должок у меня перед собственной совестью! Пора платить! — И Олег, сам не зная почему, рассказал, как бежал из Черновицкого ДПЗ, как скрывался сначала в Черновицах, потом в городке Залещиках, о приходе немцев и, наконец, как они втроем жили в Лисиничах у ветеринара Василя Трофимчука.

Услышав про Трофимчука, Петро схватил Олега за руку и прошептал:

— Так це наш человик, гарна людына, — и настороженные глаза его потеплели.

На другое утро, когда уголовники пришли опорожнить парашу, Олег, стоя лицом к стене и заложив руки за спину, прижимал к ладони мизинец левой руки.

Дверь захлопнулась, и заскрежетал задвигающийся засов. Олег подбежал к параше и поднял ее. Записка, которая была приклеена ко дну, исчезла. «Лады, записку взяли!» — обрадовался он и прислушался: вскоре хлопнули двери в соседней камере. Бочки повезли дальше.

— Вроде проморгали немцы. Впрочем, заметить трудно, — со вздохом облегчения прошептал Остапенко. — Наберемся терпения и будем ждать.

Ночью Чегодова вызвали на допрос. Следователь сказал, что гауптштурмфюрер доволен им как борцом с коммунистами и просит ввиду особой важности заняться еще этим Остапенко, к которому его посадили.

По беглым вопросам о Ничепуро Олег понял, что следователь детально знаком с разговорами, которые велись в камере.

«Так вот почему в том секторе тюрьмы такая тишина! Там установлены микрофоны. Проверяли и его и меня. Как я раньше не догадался?»

— С Остапенко я уже занялся, — стараясь говорить спокойно, признался Чегодов. — Огорошил его тем, что взята Москва, армия разбита, большевики бегут и с ними скоро будет покончено. И видимо, будет заключено соглашение с Англией...

— Хорошо. Сейчас вы будете получать особый паек и курево. А пока вот, — и он протянул Чегодову пачку югославских сигарет «Вардар», когда-то так любимых Олегом. — Закуривайте, — и протянул коробку со спичками. — Делитесь по-братски с Остапенко, сытый желудок и доброе курево развязывают язык. Он связан с партизанами?

— Как я понял, у него в ближайшие дни должна была состояться встреча с каким-то большим деятелем, он сказал: «Мне бы только еще несколько дней выдержать, а потом я готов и умереть!» А человек он сильный, так просто не возьмешь.

— Интересно! Есть шансы его расколоть?

— Если по-хорошему! Битьем ничего не возьмешь. Не тот характер. Если внушить ему, что сопротивление бессмысленно. Он потрясен, что Москва взята.

— Да, Москва вот-вот падет. Советское правительство эвакуировалось в Куйбышев.

Следователь позевывал, поглядывал на часы, задавал праздные вопросы, тянул время. Оба они вздрогнули от резкого телефонного звонка.

— Гауптман Фосс цу бефел. Алло! — И повторил: — Цу бефел! — И положил трубку. Потом встал, подошел к окну и подманил пальцем Чегодова.

Внизу, среди ярко освещенного прожекторами двора, стояла виселица. К ней подтаскивали упирающегося мужчину. Лицо было искажено страхом, руки связаны, во рту торчал кляп, и все-таки Чегодов узнал в нем Ничепуро. Крепко сжав зубы, Олег, как завороженный, смотрел на охваченного ужасом человека, на то, как он извивался, брыкал ногами, увиливал от петли... но его втащили на помост, накинули петлю на шею и столкнули в бездонную пропасть... Один из палачей прыгнул ему на плечи, и они вместе закачались, перекрутившись в воздухе.

Палач спрыгнул на землю и сделал знак подручным.

— На старинный манер вешают. Как в средневековье! Трудно приходится большевичкам! Воображал, что его помилуют. Дудки! — Следователь прошелся по кабинету, остановился перед Олегом и, глядя в глаза, продолжал: — А я хорошо вас знаю, господин Чегодов. Вы занимались в белградском отделении НТС контрразведкой. Я был в курсе вашей деятельности, у меня был там свой осведомитель, ваш дружок, не скажу кто, не спрашивайте.

— Я тоже вас узнал, Клавдий Александрович. Родились вы в тысяча восемьсот девяносто пятом году, капитан белой армии, галлиполиец, один из основателей «Внутренней линии», руководили в болгарском отделе РОВСа разведкой и контрразведкой. Лично готовили и перебрасывали диверсантов и террористов в СССР, — выпалил Олег.

— У вас хорошая память. Вы это уже доказали с Неходой. Вы, конечно, сообразили, что через Неходу мы проверяли вас. Признайтесь? Вы ведь умный!

— Это для меня неожиданность. Нехода великолепно сыграл свою роль.

— Узнаю нацмальчиков, суетесь во все, корчите из себя взрослых! Не хотите учиться у опытных людей. Брандт рассказывал вашу эпопею. Вам поверили только потому, что у вас был свидетель — Кабанов. На днях я уезжаю в Одессу, хотите, возьму вас с собой? Разделайтесь поскорей с Остапенко, и на нем покончим с вашей стажировкой.

— Согласен. Но меня не отпустит гауптштурмфюрер.

— Пустяки, завтра же я поговорю с его начальником Питером Краузом.

Олег пожал плечами.

— Питер мой старый знакомый по Гамбургу, где он был начальником гестапо. Его недавно перевели во Львов. Вот так-то, Олег Дмитриевич! — И, поглаживая лысину, он уставился на него веселыми глазами: — Крауз тут царь и бог, вы только постарайтесь с этим Остапенко.

Обратно в камеру Олег шел спокойно, вахтеры не кричали: «Лос! Лос!», не ставили носом к стенке. В камере Остапенко не было. Видимо, повели на допрос. Олег нервно зашагал по камере.

Вскоре загремел засов и на пороге появился Петр.

— Первый раз не били, — шепнул он, — уговаривали по-хорошему!

Утром они послали вторую шифровку. Шесть цифр: 293031.

Минуло три дня. Напряжение достигло предела. «Неужели записка не дошла? Провал? Столько случайностей может возникнуть!» — и Олег украдкой поглядывал на Остапенко. Тот держался спокойно.

Чегодов ошибался, Остапенко нервничал тоже.

Безобразный уголовник на этот раз по-особому взглянул на Олега, незаметно подмигнул и оттопырил большой палец, Олег сразу понял: «Есть!»

— Все ясно, идет вариант номер один! — шепнул Чегодов, когда захлопнулась дверь. И, приподняв парашу, обнаружил небольшой клочок бумаги, где чернильным карандашом было написано: «В I».

— Теперь, Петро, дело за тобой, ни пуха ни пера! Увидимся ли? А если да, то уже на свободе. Только не переиграй.

Вечером Олега вызвали к Энгелю. Тот встретил его любезней обычного и тут же вызвал следователя.

Чегодов был в ударе. Четко, коротко и убедительно он изложил причины, побудившие Остапенко во всем ему открыться, высказал свое мнение и закончил просьбой:

— Не спешите устранять его! Нерационально, он может очень пригодиться. Я долго с ним беседовал. Остапенко уже совсем не тот, кем был.

— Ох, дорогой нацмальчик, не надул ли он вас с таинственными встречами?

— Черт его знает! Но, кажется, он говорил правду.

Была минутная откровенность. И чем вы рискуете? Он упрям, как истинный хохол. Силой ничего не добьетесь!

— Филантроп! — улыбнулся Фосс и обратился к Энгелю уже по-немецки: — Этот молодой человек прав, у нас есть горький опыт с проклятыми большевиками. Стонут, кричат, ругаются, плюются, а этот нацмальчик сбил большевика с панталыку своим «солидаризмом».

— «Солидаризм»? Это настоящая абракадабра!.. — засмеялся Энгель.

— «Солидаризм» вовсе не абракадабра, господин гауптштурмфюрер! — вмешался в разговор Чегодов.

— Ви нас понимайт? — насторожился Энгель.

— Да чего тут не понимать? «Солидаризм» — учение! Мы, русские люди, верим...

— Ну ладно, о «солидаризме» потолкуем сегодня вечером в ресторане. Согласны? — Фосс ухмыльнулся.

У Чегодова екнуло сердце. Кровь прилила к голове, застучало в висках. «Идиот! Не умею себя сдерживать! Все наружу!» — и сказал притворно спокойным голосом:

— Согласен, конечно!

4

Штраймел получил обе записки только 28 октября. Первая была отправлена 25-го, вторая — 26-го.

— А что обозначают эти записки? — спросил Абрам Штольц.

— Ясно. Остапенко включен в операцию. Двадцать девятого, тридцатого или тридцать первого быть в полной готовности. Петра поведут по Внебовстовпеной до Липковой и Вризаной. Он там будет прогуливаться в течение часа, от четырех до пяти вечера, эти три дня. Полчаса сначала по Вризаной, вторые полчаса по Липковой. От угла Внебовстовпеной и справа у четвертой липы есть железный люк канализации...

— Немцы не дураки, они знают про Львовскую канализацию и посадят туда охранника с винтовкой, — заметил Абрам.

— Немца уберет Беня-водопроводчик, лихой бандит сказал: «Брось хлопоты и бессонницу, зачем немцу иметь разочарование в своей сладкой жизни, он туда не полезет, это говорю тебе я, Беня Шпигельман!» Беня говорит железно, и пусть, Абрам, тебя ничто не волнует, я тоже имею интерес освободить моего друга Остапенко.

— А як буде з Олигом, чи Непомьятайком?

— Це вже твое дило. Поведешь его в Жежию, в ту хату, а ночью вдоль полотна на северо-восток и прямо до Фрегуловки. Ясно? Там уже грубиянить будет мой друг Остапенко. А ксива мосье Олегу уже готова. Настоящий аусвайс, подписанный нашим уважаемым ясновельможным визитатором и головою миста Долянским, а также начальником украинской полиции майором Питулем, холера им в бок! И чтоб им было плохо, а нам хорошо!

— Тебе чего, пацан? — обратился Штраймел к внезапно вбежавшему в комнату маленькому продавцу газет на Краковском базаре.

— Вот, велели передать; все бросил, прибежал, — и мальчик протянул записку.

— «Тридцать злотых, как договорились. Жду Ивана в тот же час», — прочитал Штраймел. — И, повернувшись к мальчику, спросил: — Кто тебе дал записку?

Мальчик довольно точно описал внешность Чегодова.

— Тютелька в тютельку, пацан, имей свои тридцать злотых, чтобы ты был жив-здоров, мой дорогой коллега! Бери в руки ноги и беги к Бене-водопроводчику и скажи, чтоб он дал тридцать злотых, не сорок и не тридцать один, а тридцать злотых. Ты меня понял, Додя? Тридцать! Чтоб потом не видеть твои слезы... Беги!

Газетчик со всех ног кинулся из комнаты.

— Ты, Абрам, завтра, когда стемнеет, пойдешь на Вулецькую, шестнадцать, — это квартира Штрейхера Франца. Правильно? Встанешь у телефонной будки и там будешь ждать, пока придет Непомьятайко. Правильно?

— Ты, Абрам, наймудрийший хлопец у нас, — хлопнув Штольца по плечу, весело сказал Бойчук, — и усе кажешь правильно! На Вулецьку чи на Крашевского у Гадкевича!

* * *

29 октября, рано утром, Эрих Энгель поехал осмотреть место, где должна была произойти операция по захвату одного из руководителей партизанского отряда, который согласно показаниям Остапенко назначил ему конспиративную встречу. Гауптштурмфюрер отнесся к заявлению Чегодова и признаниям Остапенко недоверчиво. «Скорей всего Остапенко врет, но какая-то цель у

него есть, и надо ее разгадать. А Чегодов просто ему поверил. За него просил Клавдий Фосс, хочет его взять с собой в Одессу. Странное впечатление производит этот Чегодов. Ходит не по земле. Даже сентиментальный. В разведке ему делать нечего. Такой мне не нужен, пусть себе едет. И все-таки...»

Мысли гауптштурмфюрера прервал шофер, спросивший, где именно ему следует остановиться.

Энгель с утра был несколько рассеян. У него было прекрасное настроение. «Битва за Москву подходит к своему завершению. Преследуя остатки войск Брянского фронта, передовые части армии генерала Гудериана сегодня подошли к Туле», — эта радиосводка освободила его от гнетущей, в последние дни какой-то необъяснимой тяжести. Он даже начинал побаиваться, уж не заразился ли тифом, который свирепствовал в это время во Львове.

— На первом перекрестке, — бросил он. И когда машина остановилась, неторопливо вышел, огляделся и ленивой походкой, словно прогуливаясь, направился по Внебовстовпеной, поглядывая на небольшие одноэтажные и двухэтажные дома, виллы за палисадами с остроконечными черепичными и железными крышами, на небольшие, обнесенные заборами, плетнями и живыми изгородями дворики, переходящие кое-где в огороды и фруктовые сады.

«Лемберг, в общем-то, деревня! И неудивительно — славяне! Прав фюрер — неполноценная раса. И какой-то Остапенко хочет обмануть меня! Бежать ему не удастся!» Он свернул на Липковую. Это была небольшая, тихая улица, выходившая одним концом на Внебовстовпеню, другим на Помирки. «С одной и другой стороны она просматривается вся. Где-то здесь они могут поставить наблюдательный пункт, откуда некий X сразу обнаружит, что Остапенко не один, что его привезли мы. — Энгель оглянулся и посмотрел на дом, стоящий напротив Липковой. — Прекрасный наблюдательный пункт. С чердака, наверно, просматривается и Внебовстовпеня? Мы подъедем обязательно с другой стороны, с Помирки. Но как попасть на Вризану? Там ведь тупик! Первые полчаса русский гуляет по Липковой, вторые, когда уже совсем стемнеет, по Вризаной. Встреча, конечно, состоится на Вризаной, и Остапенко вместе с «иксом» (последний, конечно, вооружен и, наверно, явится не один) постараются бежать. Значит, все внимание

следует сосредоточить на Вризаной и хватать «икса», как только они встретятся».

Энгель фланирующей походкой прошелся по тупику, заглядывая во все дворы и подворотни. Улица Липкова была почти безлюдна, дойдя до Вризаной, он увидел лишь какого-то мальчишку, который тут же шмыгнул в подъезд обшарпанного двухэтажного дома с выбитыми во втором этаже стеклами. «Наверно, от взрывной волны, — заключил Энгель. — Кажется, там никто не живет?» И Энгель двинулся за мальчишкой в подъезд, поднялся на второй этаж и убедился, что прав. В комнатах на полу валялись стекла, но мебель была цела, на стенах висели картины. Из-за этажерки на него смотрел маршал Юзеф Пилсудский в полной парадной форме, с конфедераткой, чуть сдвинутой направо. Энгель вышел из квартиры и поднялся по лестнице на чердак. Там валялась разная рухлядь, неструганые доски, изломанные стулья и большой диван с продырявленным сиденьем. Из слухового окна просматривался весь тупик.

«Тут мы сделаем засаду. Поставим снайпера и человек пять ловких парней. «Икс» никуда не денется. Не говоря уж об Остапенко».

Спустя полчаса он с карандашом в руках сидел у себя в кабинете и делал пометки на вычерченной схеме. А чертить он умел и любил и, водя острием хорошо отточенного карандаша, объяснял своему помощнику план операции.

Тот молча кивал, стараясь не дышать в сторону начальника перегаром после вчерашней выпивки, и только время от времени бессмысленно щелкал каблуками и тупо произносил:

— Яволь!

Энгель досадливо морщился. Это пощелкивание каблуками и солдафонское, ничего не значащее «Яволь!» его раздражало и нарушало ход мыслей.

— Итак, ответственность за операцию несете вы.

— Яволь! — Капитан щелкнул каблуками.

— За три часа до начала люди должны занять свои посты. И пусть сидят смирно и никуда не показываются. Все в штатском. Да подберите настоящих парней.

— Яволь! — Капитан опять щелкнул каблуком.

— Так вот, что я еще хотел сказать? Да, здесь и здесь, — Энгель ткнул карандашом в карту, — должны стоять машины. В эту, на Гамалия, посадите Ганса с людьми, а на Травяcтой — фон Шверига. Сами же бу-

дете вот в этом доме, на чердаке, вместе со снайпером. Понятно?

— Яволь! — И снова щелк каблуков.

— И еще, надо проверить... надо... — Из тюремного двора, куда выходили окна кабинета, донесся истошный крик. — Какого дьявола? — прорычал Энгель, подходя к окну. — Я же сказал, чтобы днем не устраивали во дворе экзекуций! — И, повернувшись на каблуках, рявкнул: — Ступайте! И никогда больше не являйтесь в таком нетрезвом виде, капитан Вайс!

Когда вечером Энгелю доложили, что на свидание с Остапенко никто не явился, гауптштурмфюрер только ухмыльнулся.

— Я так и думал, Остапенко врет, попробуем еще завтра, и, если никто не придет, он заговорит у нас по-другому!

В четверг, 30-го, Энгелю пришлось выехать за город. Вернувшись, он узнал, что Остапенко бежал.

Капитан Вайс предстал перед начальником с побелевшим лицом. Руки его дрожали. Он понимал, что карьера его кончилась. «Отправят на Восточный фронт, да еще на передовую!» — думал он, стоя в позе «смирно» перед начальником львовского гестапо.

Питер Христиан Крауз сидел в кресле и, зло поглядывая то на своего первого заместителя гауптштурмфюрера Эриха Энгеля, то на недавно прибывшего во Львов по высшей рекомендации практиканта капитана Вайса, заорал:

— Как это произошло?!!

— Дело в том, что никто не заметил на улице Липовой канализационный люк. Он был покрыт опавшей листвой. Его открыли изнутри, осторожно приподняли крышку и отодвинули в сторону. В сумерках никто этого не заметил. Наблюдали за Остапенко и в бинокль, и снайпер держал его на мушке. Меня там не было.

— И почему же снайпер не стрелял? И почему вас не было?

— Это произошло так неожиданно. Ходил спокойно по тротуару и вдруг сделал шаг в сторону и провалился сквозь землю. Снайпер выстрелил, но не попал, смеркалось, и расстояние больше ста метров. К тому же мы предполагали, что операция будет на Вризаной.

— Побег был тщательно подготовлен, — прервал Энгель. — Остапенко заранее сообщили, это могли быть либо кто-то из надзирателей, либо обслуживающие сек-

тор тюрьмы уголовники, либо, наконец, сидевший с ним в камере Чегодов.

— Возможно, именно он, поскольку он исчез, — зло заметил Вайс.

— Зачем же его выпустили? Идиотство какое-то!

— Господин Фосс за него ручался, — отпарировал Энгель. — Полагаю, мы сможем его еще разыскать. Но...

— То, что Чегодов от вас, господин гауптштурмфюрер, сбежал, еще ничего не значит, — улыбнулся Крауз. — Я не думаю, что член НТС свяжется с коммунистами.

— Я тоже не думаю, Чегодов солидарист...

— Знаю, знаю, это нечто среднее между национал-социализмом и керенщиной. Люди постепенно перековываются и, надеюсь, скоро будут смотреть на вещи нашими глазами. НТС нам еще очень пригодится. Особенно после падения Москвы!

— Яволь! — дружно рявкнули Энгель и Вайс.

5

Олег Чегодов, он же Непомьятайко, он же с этой минуты Шулика, о чем свидетельствовал настоящий аусвайс, молча шагал по глухому проселку с Абрамом Штольцем в сторону Френуловки, стараясь, несмотря на темноту, не попадать в колдобины и лужи, не спотыкаться о корни деревьев. Он внимательно оглядывался по сторонам, чтобы вовремя заметить железнодорожную будку и обойти ее справа.

— Не очень-то я хорошо в темени ориентируюсь, — признался Абрам. — Днем тут не раз ходил. Только бы перейти речку, там до Фрегуловки рукой подать.

В самом деле, вскоре зачернела будка железнодорожника. В небольшом окне горел огонек. Они свернули направо, потом пересекли полотно и набрели на дорогу, которая довела их до железнодорожной фермы моста. Свернув снова направо, спустились к речке. Здесь, среди разросшихся ив, было еще темней, и только слева поблескивала холодной сталью Полтва да выделялась серая полоска неба над ней. Пешеходный мостик вырос внезапно, словно каким-то чудом, черной аркой, вскинувшейся над ними где-то высоко в небе.

Глубокой ночью они добрались наконец до Фрегуловки, где в одной из крайних хат их поджидали Петро Остапенко, Иван Бойчук и еще двое незнакомых Олегу мужчин.

Первый, высокий шатен с небольшой бородкой. Его курносый нос, скуластое лицо и окающий говорок выдавали в нем волжанина, скорей всего ярославца. Он быстро подошел к Чегодову и крепко пожал ему руку:

— Спасибо за товарища! — И взял за плечо Остапенко, подтолкнул его к Олегу со словами: — Обними его, ему ты жизнью обязан! И еще Бене Шпигельману...

— Борису Зеркалову, Борису Зеркалову! Так меня зовут. То чертов хохмач Штраймел меня Шпигельманом окрестил, — пробасил, вернее, прохрипел коренастый и плечистый водопроводчик в засаленной и еще влажной робе и широко улыбнулся. — И делов було тьфу! Отодвинул крышку, а потом задраил люк.

— А мины?

— Тьфу! Так тож самая найпростейшая противопехотная... Я ведь старый сапер. Ее установить, что тьфу! — и широко улыбнулся, и крепко, как в тисках, зажав Чегодову руку, прохрипел: — Ты, паря, хорошего мужика спас! Тебе и спасибо! А я что?

Теплая волна радости хлынула к сердцу Чегодова, с плеч свалилась какая-то тяжесть, давившая его уже много месяцев, словно наконец после стольких блужданий загорелся путеводный огонек и он вышел на дорогу.

— Так вот, товарищи! — Остапенко вопросительно поглядел на Чегодова, который одобрительно кивал ему. — И все мы будем, едри его в кочерыжку, бить фашистов и их пособников. И если что не получилось у нас сегодня, получится завтра.

— Кстати, Петро, не забудь, Энгель отправил Гната Неходу на Виртергассе, четырнадцать отдыхать! — Он трус и, если его прижать, будет работать на вас, — вмешался Чегодов.

— Перед нашей группой стоит много задач, но первый экзамен выдержали. Надо помнить: никакой самодеятельности! За каждого убитого немца расстреливают наших заложников. И все-таки Львовская земля должна гореть у фашистов под ногами! Все вы вольетесь в отряд... Надеюсь, и ты, Олег, будешь с нами? — обратился к нему Остапенко.

— Я должен уехать в Витебск. — Олег отвел в сторону Остапенко и, взяв под руку, вкратце рассказал о Хованском, об НТС. — А подробности нашей эпопеи расскажут тебе ребята. Просьба же такая, обязательно сообщи обо всем в Центр и передай: «Сделаю все, что прикажут, моя жизнь в их распоряжении». А пароль:

«Я от Алексея Алексеевича». Сообщи, для меня это вопрос жизни и смерти! Теперь же прощай. — И обнял Петра. Потом обернулся к Бойчуку и Штольцу: — Прощай, Иван, добрый мой друг и брат, и ты, Абрам, дорогой мой человек! Трудно мне будет без вас...

— Так пийдемо разом с тобою... чи зостанься тут, шлях його трафыв! — растерянно поглядывая на всех, сказал Бойчук. Потом еще что-то хотел добавить, но лишь молча махнул рукой и уставился в сторону.

— Нельзя вам туда, ребятки, никак нельзя! Что делать? У каждого человека своя дорога. Сейчас и один в поле воин!

В ту же ночь они ушли в лес, а спустя две недели Олег пересек в районе городка Лунинец старую советско-польскую границу, не подозревая, что примерно в том же месте с 11 на 12 августа 1938 года ее перешли с группой диверсантов Колков и Бережной.

— Скажешь, из окружения, в любой хате накормят, — поучал его провожавший партизан.

* * *

В Витебск Олег прибыл уже в ноябре. Шел снежок, пушистые хлопья, порхая и кружась, падали в черную воду реки, точно в темную пропасть. Редкие прохожие безразлично скользили по нему взглядом и, когда он спрашивал, как пройти на Ветеринарную, молча указывали пальцем направление.

«Особой любезностью не отличаются!» — заключил про себя Олег и тут же вспомнил живых, общительных и вежливых горожан Львова. Потом пришел на ум последний разговор с Брандтом. 29 октября, в день его, Чегодова, выхода из тюрьмы, Брандт, намереваясь ехать в Витебск, предупреждал:

«Тридцать первого или первого выезжают из Варшавы Ширинкина и Радзевич, оба из белградского отделения. Пусть Энгель сейчас с ними поработает, а я сегодня вечером уезжаю в Витебск. Завтра-послезавтра отпустят и тебя. Буду тебя ждать в Витебске, Ветеринарная, тридцать восемь, или в больнице на Марковщине, спросишь Ксению Околову. Это сестра нашего Жоржа. Витебск — перевалочный пункт. Наверняка встретишь там не одного белградца. Но запомни, это тебе не Львов. Здесь все чаще, несмотря на расстрелы заложников, убивают полицаев и гестаповцев. В Белоруссии все

охвачено настоящим пожаром восстания. И неудивительно: немцы делают глупость за глупостью. Пропаганда Сталина оказалась дальновидной, его призывы к Русскому Народу с большой буквы возымели свое действие. Поэтому и мы должны показать себя противниками фашизма, будь мудрым, как змей!.. А там все утрясется. Мужичок мужичком и останется».

Вот тогда-то Олег и решил пробраться в Витебск. «Не может быть, чтобы Алексей Алексеевич не послал кого-нибудь из наших ребят. Хорошо бы Жорку Черемисова или Ваньку Зимовнова, а еще лучше Аркашу. А не будет никого, как-нибудь связь налажу или, как обещал Остапенко, отыщут меня, — думал он, поглядывая на обгорелые и разрушенные дома. — Иду, а кто знает, может, гестапо меня уже здесь поджидает, Энгель не дурак, хоть улик у него нет, но сейчас не такое время, чтобы их собирать».

Олег долго брел по тихим, безлюдным улицам Витебска и наконец остановился у большого четырехэтажного дома, поднялся по лестнице на второй этаж, постучал в дверь и прислушался: тишина!

Еще раз — и снова тишина...

Наконец он услышал шарканье шлепанцев и женский старческий голос:

— Кто там?

— Владимир Владимирович Брандт у вас живет?

— Не знаю я такого! А кто вы?

«Она не знает! До чего люди стали всего бояться».

— Я его добрый знакомый. А Ксения Сергеевна дома?

— Ксюша на работе, в больнице, — уже другим, менее настороженным голосом промолвила старуха и, щелкнув замком, приотворила дверь.

«А цепочку на всякий случай не снимает!» — мелькнуло в голове у Чегодова.

— Я и Жоржа вашего знаю еще по Югославии, он ведь сыном вам приходится, не правда ли?

Старуха приотворила дверь и с какой-то грустью в голосе сказала:

— Тоже воевать нашу землю пришли? В Смоленск уехал Георгий, заходите, Ксюша скоро приедет. А насчет Брандта, то у нас есть Лев, заместитель бургомистра, и Александр, редактор газеты «Новый путь». Руководит в управе информационным отделом. — И отступила от порога.

В этот миг за спиной его окликнул знакомый голос:

— Олег! Хлопец-запорожец! Откуда свалился?

Чегодов оглянулся и увидел на лестничной площадке Алексея Денисенко, который, улыбаясь, быстро шел к нему.

— Лесик! — И они кинулись друг другу в объятья.

— Ты как сюда попал? Вот не ожидал! Погоди, потом расскажешь! Евгения Ивановна, — обратился он к старухе, — Ксения Сергеевна велела передать, что сегодня задержится, я принес вот пшенки, кашу будем варить. — И он протянул пакет. Обняв Чегодова, подтолкнул его к двери со словами: — Это мой большой друг, прошу любить и жаловать. И если позволите, Олег поживет у нас немного. Человек он настоящий, я за него ручаюсь.

* * *

Прихлебывая морковный чай, друзья рассказывали друг другу обо всем, ими пережитом, вспоминали знакомых, друзей.

— Значит, Владимира Владимировича Брандта не назначили бургомистром, как он мечтал? — спросил Олег.

— Твой Владимир Владимирович, ныне Вилли Брандт, у нас в Витебской и Смоленской областях заместитель начальника полевой жандармерии. Есть еще два других Брандта. Вся семейка — сволочь несусветная. Налить еще? — И Денисенко взялся за чайник.

— Спасибо! С Вилли у меня нет желания встречаться, он уверен, что меня задержали во Львове. К тому же и аусвайс у меня на имя Федора Шулики. Запомнил? Федор Шулика!

— Ясно. Шулика — коршун, но, признаться, ты на него не похож. Скорей уж пивень — петух! Ничего из этого не выйдет, дорогой Шулика, сюда Жорж Околов из Смоленска приезжает частенько. Здесь Николай Гункин и Гоша Кабанов-Мальцев, с которым ты сидел в ДПЗ. Ему тоже удалось бежать с какими-то бандитами и чудом пробраться в Витебск. Немцы позволили ему включиться в «работу». Он рассказывал о твоем побеге, и какая после того поднялась кутерьма.

— Трус он, вот что, — сказал Олег и отметил про себя: «Значит, он бежал с Рыжим и Кудлатым».

— Не знаю, — неопределенно согласился Денисенко. — Пробраться в Витебск и наладить с Околовым

связь непросто! Ему верят. Теперь он, кстати, опять женился... Имей в виду, что Гункин работает начальником паспортного стола, а Кабанов — начальником телефонной станции. Он же руководит восточной связью НТС. Жена у него из тех дам, что вызывают у юношей сладостные мечты... а у стариков игривые помыслы... Живут они, — он ткнул пальцем, — на Большой Революционной, сорок четыре.

— Ты влюбился, что ли, в его жену?

— Нет, упаси бог! Тебе подойдет!

— Ты с ума сошел!

— Но погоди-погоди, не латоши, Шулика, ты понимаешь, что муж командует телефонной станцией. Значит, руководит восточной связью НТС? Шутка ли?! Это адреса, фамилии энтээсовцев, действующих на оккупированных территориях...

— На кой черт тебе это знать, у тебя самого ведь связи никакой нет.

— Откровенно говоря, Алексей Алексеевич Хованский посоветовал, предварительно присмотревшись, связаться с Ксенией Околовой. Я думал: «Сестра Жоржа и вдруг советская разведчица? Невероятно!» Жорж попросил меня, когда мы пришли в больницу, подождать его в приемном покое, пока он поговорит с глазу на глаз с сестрой. Сам понимаешь, что их разговор наедине открыл бы карты, и я, недолго думая, шмыгнул за ним в маленькую приемную вроде предбанника, где в свое время перед бывшим покоем архимандрита дежурил служка-монах или как их там называют!..

— Послушник!

— Вот! Так вот, сквозь щель двери — добрый палец толщиной — наблюдал их встречу и слышал от слова до слова весь их разговор и понял, что наш добрый друг и учитель не ошибся. Разговор у них не получился, и встретились они как чужие.

— Ну, как, — спрашиваю Жоржа, — поговорил с сестрой? Обрадовалась?

— Поговорил, — отвечает, — обрадовалась, очень обрадовалась! — а сам в сторону смотрит.

Пошли мы в больничный сад, посидели на скамейке. Больше в молчанку играли. Часа через два нас пригласили в конференц-зал, где собрался весь медицинский персонал. Выступал Жорж складно, сам знаешь, когда он злой, говорит неплохо.

— Да, мужик он неглупый и подкованный демагог! — подтвердил Чегодов.

— Верно, но речь не о нем... Он заливался соловьем о «солидаризме», и кое-кто ему угодливо кивал. И я вышел из зала во двор и пошел бродить по территории больницы. Здесь был мужской монастырь со скитами, трапезными и обителями, превращенными в больничные корпуса...

— Ну и что дальше-то? — не выдержал Олег.

— Так слушай и не перебивай, — продолжал Денисенко, — заинтересовал меня почему-то скит на отшибе, потянуло туда, словно невидимая рука повела. Светит солнышко, кругом тишина. Стою я, прислонился к клену и тишину слушаю. Люблю я слушать тишину. Скит маленький, три зияющих дыры вместо окон, а над ними ангелочки нарисованы. И слышу тихий разговор. «Попейте водички, товарищ полковник, водичка свеженькая, из родничка. И потерпите малость. Скоро уже дохторша придет. Дядя Петро, помогите напоить полковника», — говорит молодой, совсем еще юношеский голос.

«Порядок! — бубнит через минутку чей-то басок. — Ты гляди, как я делаю. Я ведь, Мишенька, скоро уйду, самому придется за полковником ухаживать. А поправишься, тоже в лес к партизанам подашься! И документик тебе Ксения Сергеевна выправит что надо» ...После чего, дорогой Олег, я и убедился, что сестрица нашего Жоржа советская разведчица или просто настоящая русская женщина. — Денисенко прислушался. — А вот вроде и она.

Дверь в сенях заскрипела. Вошла женщина, довольно еще молодая или, может быть, Чегодову так показалось. Ее глаза сияли, губы улыбались, все лицо светилось радостью. Она хотела что-то сказать, но, увидев Олега, вопросительно взглянула на Денисенко.

— Позвольте представить вам моего друга, нашего товарища Олега Чегодова. Верьте ему, как мне.

— Ксения Околова. — Она крепко пожала руку Олегу и глянула ему в глаза: — Здравствуйте, мне очень приятно. Не знаю, известно ли вам, я пришла с радостной вестью, — и отступила на шаг. Лицо ее стало торжественным, и, словно читая что-то очень важное, громко произнесла:

— Вчера на Красной площади состоялся традиционный парад войск по случаю двадцать третьей годовщины Октябрьской революции. Верховный Главнокомандую-

щий, товарищ Сталин, напутствовал войска словами: «На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят порабощенные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойны этой миссии!»

Ксения отступила еще на шаг, лицо ее побледнело, глаза налились слезами:

— И он сказал еще, — произнесла она тихо, почти одними губами, — он сказал еще: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»

Наступила пауза. Никто не мог ничего произнести. Парад на Красной площади и такие слова... Они поняли, твердо поняли главное: ПРОИЗОШЕЛ ПЕРЕЛОМ!

На другой день, выйдя на улицу, они почувствовали, что все знают о параде, знают не только горожане Витебска, но знают на всей оккупированной территории, во всей Европе, во всем мире. Лица людей, как показалось Чегодову, стали суровей, сосредоточенней, в глазах горела решимость.

— Знаешь, Алексей, — сказал он. — В русском человеке, я говорю о настоящем русском человеке, наряду с самопожертвованностью заложено какое-то ясновидение. В момент опасности он прислушивается к внутреннему своему голосу, интуиции, которая неизменно спасает его от беды. А его отличительная черта — великодушие, сопряженное с героизмом и необычайной стойкостью. Пробил час! Родина призывает народ на жертвы, матери, жены и сестры благословляют сыновей, мужей и братьев на смертный бой. В набат бьет партия!

«ТРЕТЬЯ СИЛА»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«ОХРАННЫЙ КОРПУС» БЕЗУМНОГО ГЕНЕРАЛА

Никто не бывает от природы ни высоким, ни низким — лишь собственные дела ведут человека к почету или презрению.

Древнеиндийская мудрость

1

Январь 1942 года в Белграде выдался холодным и снежным. Угля не было, дрова давали только в дома, где жили немцы или высокие чиновники и штаб-офицеры генерала Недича.

Жора Черемисов ухитрялся иногда раздобыть вязанку-другую дров и протапливал печи в квартире у себя и у Хованского. В комнатах было зябко и сыро. И все-таки настроение и у того, и у другого оставалось хорошим. Согревали душу добрые вести: Красная Армия перешла в наступление и гонит фашистов от Москвы. Держится и Ленинград. Вступила в войну Америка.

По случаю своего дня рождения Хованский ожидал гостей. Зорица испекла торт (неслыханная роскошь!) и даже покрыла его глазурью. Иван Зимовнов раздобыл две бутылки «трофейного» вина, а Черемисов целый литр «лютой сливовицы» и копченую баранью ножку. Собраться должны были в два часа. И вдруг около полудня кто-то чужой постучал в дверь.

Алексей крадучись подошел и посмотрел в глазок. На лестничной площадке стояла женщина. Видимо, у нее был очень тонкий слух, потому что она, повернувшись лицом к глазку, тихо произнесла:

— Алексей, генацвале, отворите, это я, Латавра. «Надежда»!

Горячая волна радости хлынула в сердце, охватила все существо. Алексей быстро отодвинул задвижку.

— Ну вот и я, дорогой, — она, весело глядя, положила на стул узелок, протянула обе руки и окинула, как показалось Алексею, его материнским взглядом, в котором сквозили и нежность, и беспокойство, и женская ласка.

А он не выпускал ее рук, смотрел в эти глаза, и ему чудилось, будто приветствует его сама родина, и, едва сдерживая слезы, только твердил:

— Здравствуйте, Латавра! Здравствуйте, дорогая! — и все крепче сжимал холодные пальцы женщины.

— Рады? Я тоже. Помните нашу последнюю встречу? И наш спор? Вы оказались правы, — словно стряхнув с себя что-то, заговорила она уже по-другому и принялась снимать простенькое коричневое пальто, напоминавшее крестьянскую домотканую сермягу, и развязывать платок.

Через несколько минут она сидела в столовой у камина и, зябко потирая руки, рассказывала, как в середине января прилетела на У-2 в Рогатицу, что в восточной Боснии.

— А в это время четники вместе с фашистами нанесли внезапный удар по одному из батальонов 1-й Пролетарской бригады. И мне с батальоном в тридцатиградусный мороз пришлось совершить переход через заснеженный горный хребет Игман. Было очень тяжело и холодно, но все-таки интересно: с высоты хребта полюбовалась минаретами Сараева. Потом побывала в Черногории, в Колашине, Бабаячах. — Латавра невольно поеживалась, сдержанно жестикулировала. — Четники открыто призывают к уничтожению коммунистов. А в Боснии против четырех с половиной тысяч партизан воюют тридцать тысяч немецких и итальянских солдат и немало усташей; и только наше наступление под Москвой вынудило перебросить на восточный фронт немецкие войска. Вот, Алексей... Алексеевич, почитайте партизанскую листовку. — Она потянулась к своей простой крестьянской торбе, покопавшись в ней, вытащила скомкан-

ную в шарик бумажку, разгладив, подала ему: — Тут шифровка из Центра, ее нужно проявить. — Потом она достала из торбы другую бумажку: — А вот и листовка. Прочитайте!

— «Героическая Красная Армия победоносно гонит и уничтожает злейшего врага свободы малых народов и всего человечества. Она несет свободу всем порабощенным народам. Поднимайтесь, люди, и помогайте бить кровавых фашистских оккупантов. Будем достойны наших героических братьев!» — прочел Хованский.

— Советское правительство вопреки настояниям Англии отказалось поддерживать связь с генералом Михайловичем и помогло создать на территории СССР радиостанцию «Свободная Югославия», — ласково глядя в глаза Алексею, продолжала Латавра.

Она родилась в Кахетии. Но больше походила на черкешенку. «В ней течет не только кавказская кровь,— думал с нежностью Алексей, — она слишком женственна для грузинки и в то же время слишком самостоятельна. Руки маленькие, хотя сразу видно, что сильные. Впрочем, — спохватился он, — я ведь много лет не видел советских женщин!»

— Что вы так меня разглядываете, Алексей? Я очень изменилась?

— Нет, Латавра, — вспыхнул как мальчишка Хованский, вскочил с места и поцеловал ей руку. Он почувствовал, как ее пальцы вздрогнули, словно от электрического разряда, напряглись и обмякли. И когда он посмотрел ей в глаза, увидел, что они излучали призыв и одновременно страх, будто она боялась разбить что-то драгоценное, хрупкое. Опустив пушистые ресницы, она тихонько освободила руку.

Первый раз Хованский влюбился, когда ему было девять лет. А предмету его любви, наверно, пятнадцать. Девушка не обращала на него никакого внимания, а он, подобно Дон-Кихоту, готов был сразиться за свою Дульцинею с ветряной мельницей в лице семнадцати-восемнадцатилетнего парня. Первую сердечную рану залечило мореходное училище. Вторая его любовь, взаимная, когда ему исполнилось лет девятнадцать, тянулась недолго, лишь летний сезон. Алексей гардемарином ушел в плаванье, девушка вышла замуж за чиновника с собственным домом, выездом и уехала в Петербург. В «чайльд-гарольдовом плаще» и чине мичмана он с успехом ухаживал за дамами и платонически влюблял-

ся в девушек, опасаясь, как бы они его не женили на себе. Потом началась война и все то, что ей сопутствует. Алексею удалось сохранить в себе внутреннюю чистоту. В нем крепко сидела порядочность, разборчивость, доходящая до брезгливости. В отличие от многих мужчин он выбирал женщин сам, а не они его. Теперь, на склоне жизни, как ему казалось, в пятьдесят лет, он почувствовал себя вдруг опять девятилетним юнцом, маленьким Дон-Кихотом, готовым снова вступить в бой. «Вот оно, настоящее, большое! Совсем непохожее на все прежнее, это то, что случается раз в жизни, да и не с каждым! Какое это счастье!»

Латавра смотрела на него и, словно читая мысли, вполголоса, с едва уловимым грузинским акцентом, мягко заговорила:

— Я происхожу из дворянского рода. Мой отец, офицер лейб-гвардии его величества конвоя, перешел на сторону большевиков и был убит, сражаясь с войсками Юденича под Петроградом. Мать в двадцатом году умерла от тифа. Как было принято во многих княжеских и дворянских семьях Грузии, меня отдали грудным младенцем в крестьянский дом: «Чтобы не терять связи с народом». Так в нем я и осталась. У меня было два молочных брата и сестра... К вам стучат! Если это друзья, я рада буду с ними познакомиться.

Хованский встал со стула и прислушался. Раздался условный стук, и, когда Алексей отпер, вошел Жора Черемисов:

— Жратвы привез целый чемодан и ворох новостей. Виноват, я не знал... — Заметив женщину, Черемисов поклонился и пробормотал: — Добар дан, господжица!

— Это наша гостья... Латавра, — представил Хованский.

— Черемисов Георгий! — щелкнул каблуками Жора и повернулся к Хованскому. — Ребята уже ждут. Как? Задержать?

— Нет. Латавра хочет со всеми познакомиться. При ней можно говорить все.

Черемисов удивленно поглядел на своего любимого метра и подумал: «Чего же он так сияет? Какая красавица! Неужто из Центра? Карамба!» — Он повернулся к двери, где уже появился Граков, как всегда, в хорошем отутюженном костюме, веселый и жизнерадостный, и успел шепнуть: «Дама, свой человек!»

Граков положил большой сверток на стол, церемонно поклонился гостье и кинулся обнимать Хованского:

— Ну вот и я! Задание выполнено! — Он достал из бокового кармана блокнот и передал Алексею, затем протянул сложенный вчетверо лист: — А это Байдалаков — Георгиевскому... А теперь разрешите вас поздравить с днем рождения! — И снова обнял Алексея.

Потом появился Буйницкий и тоже обнял Хованского.

— А я и не знала, что попала на день рождения! — удивилась Латавра, с любопытством наблюдавшая за пришедшими. Потом подошла к «новорожденному», заглянула ему в глаза и хотела поцеловать его в щеку, но их, казалось, подтолкнула неведомая сила, и их губы соединились в поцелуе.

Никто, кроме наблюдательного Гракова, этого не заметил. «Эхма, любовь! И настоящая!» — заключил он и, чтобы отвлечь товарищей, указав на сверток, весело сказал:

— Вы только посмотрите, что я привез! — И принялся, развернув бумагу, доставать берлинские гостинцы: бутылку «Редерера», пражский окорок, лиможский сыр и еще какую-то снедь. — Вот так мы и живем на иждивении Околова, нашего руководителя «Закрытого сектора» и начальника «Зондерштаба Р» города Смоленска. Конечно, когда люди вокруг пухнут с голоду, все это и в горло не лезет... Но три четверти из этой жратвы, как деликатно выразился месье Черемисов, я уже передал Зорице. — Граков, искоса взглянув на Хованского, продолжал: — Завтра еду к Георгиевскому, а дня через два возвращаюсь в Берлин. Оттуда, как договаривались, в Гамбург к «Радо», в Варшаву, Витебск, Локоть.

— На эту тему мы поговорим позже, — вдруг вступила в беседу Латавра, и в ее голосе прозвучали властные нотки. — А сейчас отметим день рождения нашего хозяина. Хочу быть с вами откровенной, предстоит решить весьма сложную задачу: наладить радиосвязь и так обеспечить регулярные передачи и прием информации, чтобы быстро менять местоположение радиостанции, избежать радиоперехватов и усложнять пеленгирование. У меня есть кое-какой опыт в этом, постараюсь вам его передать. Поживу здесь несколько дней, — она бросила мимолетный взгляд на Алексея. — Как вы считаете?

— Разумеется, согласен, — живо отозвался Алексей, и глаза его молодо и задорно сверкнули. — Мы позна-

комим вас с нашими белградскими делами. Прошу всех к столу.

Обед прошел оживленно. Хозяин был в ударе, сыпал шутками, острил, смеялся, легко, по-молодому двигался и даже станцевал лезгинку. Провозглашали тосты за здоровье «новорожденного», за гостью, за Гракова, за победу над фашизмом, за Россию, за Грузию, пили за Сталина и за Красную Армию. Жора Черемисов спел несколько романсов.

Наконец все уселись вокруг камина и, уставясь в огонь, притихли.

— А скажите, — прервала молчание Латавра, — почему был снят со своего поста генерал Скородумов?

Черемисов глянул на Хованского, как бы испрашивая разрешение на ответ:

— «Русский охранный корпус» должен был вроде возглавить генерал Туркул, командир «Дроздовской дивизии», однако, рассчитывая на пост главнокомандующего так называемой «Русской армии», уехал в Берлин. И ничего не получилось: вы знаете, как Гитлер относится ко всему этому? А то, что немцы отстранили Скородумова и посадили Штейфона, — это дело рук Алексея Алексеевича.

— Позвольте мне, — подал голос Граков. — Корпус! Курам на смех, откуда можно набрать корпус, если во всей Югославии двадцать пять тысяч русских вместе со стариками, женщинами и детьми! В «Русском национальном союзе участников войны», который возглавляет Туркул, не более четырехсот человек, добавьте сотню-другую фашистов Вансяцкого да РОНД — это так называемое «Русское освободительное народное движение» Бермонд-Авалова, которым на самом деле руководит немец, граф Тизенгаузен. Я был недавно у них в особняке Гартен-Вильгельмхаузе в Берлине. Сейчас их организация называется «Дейче-Русише-Штандарт» Дест. Нечто на манер штурмовых отрядов. Ну кто еще? — Граков посмотрел на Черемисова.

— Ну, преуменьшать силы не следует, — вмешался Буйницкий, — в него вошли «штабс-капитаны» Солоневича, кое-кто из энтээсовцев, некоторая часть офицеров РОВСа и, главное, казаки из Кубанской дивизии...

— Все равно, это еще никакой не корпус! — загорячился Граков. — И мне непонятно, Алексей Алексеевич, зачем было устраивать так, чтобы немцы сняли этого дурака Скородумова? Ведь на его место, как мне извест-

но, посадили волевого генерала Штейфона, который сумел каким-то чудом уже сформировать целых три полка, правда, жиденьких, но это уже дивизия!

Хованский, казалось, даже не слышал заданного ему вопроса и только перевел, улыбаясь, взгляд на пылающие в камине дрова. А Буйницкий заговорил, обращаясь к Латавре:

— Командует корпусом инспектор учебной части полковник немецкой армии Шредер. И все хозяйственные и административные должности заняты солдатами и офицерами «третьего рейха». При штабе корпуса есть курсы по переподготовке офицерского состава, батальон с ротой связи, караульная и обслуживающая роты. Эти подразделения, кроме выполнения своих функций, несут охрану военных объектов в районе Белграда. При штабе существует активно действующий контрразведывательный орган «1-Ц», возглавляет его бывший полковник кутеповского корпуса Иордан и его заместитель, некий Лосев. Основной костяк, около пяти тысяч, — белоэмигранты. Затем в него входят около шести тысяч бессарабов и буковинцев, военнопленные, уголовники из Одессы. Большое количество эмигрантов объясняется тем, что немцы, заинтересованные быстро создать эту воинскую часть — «Шюцкор», — предложили соглашательскому югославскому правительству уволить с государственных должностей всех русских, оставив их тем самым без средств к существованию. Дал на формирование «Шюцкора» благословение и митрополит Антоний. Потому сотни русских людей, хочешь не хочешь, пошли в «Шюцкор». Не следует забывать РНО с его дружинами. А их пять: «Суворовская», «Скобелевская», «Атамана Платова», пожалуй, самая многочисленная, состоящая из казаков; потом нечто вроде политических комиссаров — дружина «Достоевского» и, наконец, женская «Святой Ольги». Таким образом, набрался корпус. Самого Скородумова, конечно, никто всерьез не принимал. В свое время его даже из РОВСа выгнали. Сейчас он сидит под арестом.

— О Скородумове расскажите, если можно, подробнее, — попросила внимательно слушавшая Латавра. — Что еще вам о нем известно?

— Да все известно... Мне даже больно за него, — глядя в огонь, заговорил Хованский. — Боевой офицер, на фронте с четырнадцатого года, георгиевский кавалер, одиннадцать раз ранен, вместо правой руки протез. Не-

мало энергии употребил, чтобы воздвигнуть памятник русским воинам, расстрелянным австрийцами в первую мировую войну, и ста пяти русским солдатам, павшим при защите Белграда в тысяча девятьсот шестнадцатом году во главе с их командиром полковником Петром Приходько! Помню обращение Скородумова к сербскому народу: «Я полагал, что это сделают сербы. И потому ждал целых двадцать лет, а сейчас я убедился, что из шести тысяч солдатских русских могил осталось триста восемьдесят семь, другие же уничтожены, перекопаны. Честь русского офицера велит мне собрать оставшиеся, чтобы не стерся последний след русских героев, отдавших свою жизнь за объединение Югославии...» Скородумов добился, чтобы ему выделили участок на кладбище в Белграде... Он по-своему честен... Но жаль, что этот человек совершает, сам того не понимая, величайшую подлость! Задумал вместе с немцами идти походом на Россию! — Хованский медленно поднялся и подошел к окну.

На улице бушевала лютая метель, раскачивая ветви деревьев и мешая идти прохожим. Все было бело...

— Мы сделали так, чтобы его убрать... и, кажется, не ошиблись...

— Оправдывает свою фамилию! — засмеялась Латавра. — Торопится думать.

— Я собственными глазами видел, как он гонялся с палкой возле русской церкви за каким-то своим «политическим противником». Вы бы поглядели на эту тощую длинную фигуру с поднятой в левой руке тяжелой тростью. Умора и только! Этот одуревший полковник, произведенный «царем» Кириллом в генералы, считает РОВС, евразийцев, младороссов гнилыми либералами, а эсеров, меньшевиков, «Крестьянскую Россию» — трусливыми бабами, а то и большевистскими агентами. Объявил святого Владимира основателем русского фашизма. Не все дома у генерала! — Черемисов подошел к камину и подбросил в него несколько поленьев. Сырые дрова зашипели, потом по ним запрыгали маленькие язычки пламени. Запахло дымком. — Скородумова, вероятно, надо было оставить командовать корпусом?..

— Мне тоже непонятно, зачем было устранять с поста этого, как вы говорите, безумца? — Латавра глянула на Хованского. — Новый генерал с немецкой фамилией, полагаю, гораздо опасней? Объясните, пожалуйста...

— Генерал-лейтенант Борис Александрович Штей-

фон — выходец из немцев, — кивнул Буиницкий и поглядел на Хованского. — А это играет большую роль.

Хованский повернулся к Латавре:

— Нам стало известно, что Скородумов готовит приказ о формировании на территории Югославии «Шюцкора». Это было в сентябре, когда началась вся эта история с нашим Аркадием Поповым в Бледе и когда приезжал Васо Хранич. Я его спросил, как отнесутся черногорцы к формированию корпуса из белоэмигрантов? «Как к предателям, которые сначала предали свой народ, а теперь предают народ, их приютивший! И очень плохо, что это делает русский генерал, инвалид войны, кавалер многих русских и наших орденов, проведший всю войну на германском фронте!» И я согласен с Храничем: даже воевавшие с Деникиным и Врангелем белоэмигранты, прежде чем записаться в корпус, возглавляемый выходцем из Германии, задумаются... Ну а прочие, убежденные, что Россию большевики поработили, все равно пойдут «освобождать» ее хоть с чертом. И нет той силы, которая разубедит фанатиков. Сторонники генерала Недича, тоже героя войны, и, конечно, четники — этот некогда цвет сербской нации — легендарные борцы за освобождение Сербии от турецкого ига, тоже, к сожалению, считают, что нужно уничтожать коммунистов, тем более что Михайловича поддерживают король Петр и Англия. — Хованский взял кочергу и подтолкнул в глубь камина полуобгоревшее полено.

Все молча смотрели на него и ждали, что он продолжит свои объяснения.

— Вы, Алексей, «заботясь» о беляках, слишком оторвались от задач фронта, — заговорила мягко Латавра. — Они сотрудничают с фашистами, а вы вникаете в нюансы их переживаний.

— Простите, чика Васо мне еще говорил: «Дорогой мой друг, я хорошо знаю свой народ, с одной стороны, великодушный и добрый, с другой — неблагодарный, злопамятный и изменчивый. Вчера они, заблуждаясь, радушно встречали белоэмигрантов, называя их братьями; плакали, как дети, по убитому королю Александру, гордились своими четниками, вступали охотно в профашистские организации вроде летичевского «Збора» или «Гарде» Стояодиновича. Сегодня они прозрели и пошли с коммунистами, для них ныне кумир «бачушка Сталин», и они пойдут до конца, если даже вырежут народ до половины». И я подумал тогда, Латавра, что и белоэми-

гранты в огромной массе заблуждаются... Но если они прозреют, поверят нам, коммунистам, то будут стоять насмерть за нашу Советскую державу в борьбе с фашистами...

— Улита едет, когда-то будет, — с сомнением покачала головой Латавра. — Война жестока, нам некогда сейчас заниматься психологией...

— Время просветит, образумит, — сказал Хованский тихо. — Знаете, в каком тяжелом материальном и неравноправном положении очутилась основная масса русских беженцев, какое жалкое существование влачили те четыре тысячи врангелевцев, которые были направлены на строительство горного шоссе Вране — Босильград — Гостивар — Дебаль?!

— Простите, Алексей Алексеевич, — вмешался Граков. — Руководил этим строительством русский инженер-путеец Сахаров, возглавлявший несколько лет югославское управление строительства горных дорог. В Югославии в привилегированном положении были только бывшие царские сановники, сумевшие привезти с собой значительные состояния; да еще лица из белогвардейской элиты, имевшие доступ к огромным ценностям ссудной кассы Петербурга и выданным Врангелю Англией и Францией кредитам и займам.

— Граков! — перебил его Хованский. — Вы не совсем правы, у живущих здесь мнение несколько предвзятое. Да, известно, белые эмигранты подняли в Югославии медицину, геологию, химию, естественные науки и военное дело... Они внесли свой вклад, и немалый, однако наряду с этим оставались ядовитыми источниками, отравляющими неискушенные души ненавистью к Советской России, в результате чего была поколеблена многовековая традиционная дружба между нашими государствами. Конечно, многие в эмиграции, испытав на собственной шкуре, как живется простому люду, изменили свой взгляд на жизнь и политическое мировоззрение. Одни отошли в сторону и превратились в обывателей, другие уже стали понимать, на чьей стороне правда. Яркий пример тому — Федор Евдокимович Махин, полковник царской армии, выпускник императорской Академии генерального штаба, кавалер многих орденов, в том числе высшей военной награды сербской королевской армии — ордена Белого орла, — в 1939 году вступил в Компартию Югославии, а теперь руководит отделом пропаганды Верховного штаба НОАЮ. Или, пожа-

луйста, другой пример — начальник технического отдела Верховного штаба НОАЮ * Владимир Смирнов, прозванный партизанами Влада Рус-Мостоубийца. Да и все вы такой же пример! Начиная с Аркадия Попова, который шлет вам всем привет!

Все зашумели, заговорили наперебой, заволновались. Алексей вкратце рассказал, что произошло в Бледе, как Аркадия живьем закопали в землю, как гестаповец приказал его вырыть и Попову чудом удалось бежать...

— Теперь Аркаша здоров и воюет вместе с партизанами в Словении!

— А где Зорица? — вырвалось у Гракова.

— Зорица молодец! Испекла нам торт, — засмеялся Хованский. — Родила сына. Весь в Аркашку. Около пяти килограммов! Горластый и лобастый, как ухватится за палец, не вырвешь! Иваном решили назвать, в честь деда. Иваном Аркадиевичем его величаем! А глаза матери...

Латавра, внимательно наблюдая за всеми и особенно за Алексеем, думала: «Иной мир, иные люди! Трудно нам их до конца понять, а им трудно войти в нашу среду... Они еще не столкнулись с самым страшным, где так нужны отвага и жертвы...»

— Прошу все-таки внести ясность, почему в наших интересах было снять с поста и устроить арест Скородумова? — строго спросила Латавра.

Хованский остановился посреди комнаты и, почти докладывая, объяснил:

— Укажу только две основные причины: первая чисто пропагандистская — нельзя было допустить возглавлять антисоветский сброд герою первой мировой войны, русскому патриоту, воздвигнувшему памятник воинам, погибшим за Югославию. Вторая причина, самая важная, — генерал фон Штейфон, остзейский немец, барон, близко знаком с нашим «другом», тоже остзейским бароном фон Берендсом. К тому же главнокомандующий немецкой армией в Сербии генерал Вейш, доверяя Штейфону, делится с ним своими планами.

— И как же вам удалось заменить Скородумова Штейфоном? — заинтересовалась Латавра, а в глазах ее светилось: «Ну и молодец Алеша!»

— Это оказалось не так уж сложно. Действовали с

* Народно-освободительная армия Югославии.

разных сторон. Суть была в том, что Скородумов и иже с ними не читали «Мейн кампф» Гитлера и не знали его патологически высокомерного отношения к России и всему славянству, полагая, что фашисты будут считаться с ними как с союзниками. Кстати, на этом погорел не только Скородумов, надеюсь, погорят еще многие. Мы нашли людей, которые подсказали Скородумову написать манифест о формировании «Русской армии», которая под его командованием двинется на Москву! И «Великая, Единая и Неделимая Россия будет освобождена от большевизма...». И все в таком духе. Генерал Вейш взбеленился, он вызвал Скородумова к себе «на беседу», которая окончилась тем, что «главнокомандующий «Русской армией» оказался в тюрьме!

— Теперь все ясно, — дружелюбно сказала Латавра.

— Ну ребята, — поднялся Черемисов. — Пора и честь знать, да и гостье надо отдохнуть, тебе тоже не мешает, Шурка, — обратился он к Гракову. — Николай, ты будешь ночевать у меня, комендантский час давно наступил, а нам только во двор войти. Доброй ночи, Алексей Алексеевич, доброй ночи, уважаемая Латавра, — и подумал: «Бестолковая баба! Сто раз ей все повторяй!»

2

Когда все ушли, Алексей сказал:

— Милая и строгая Латавра, вам следует отдохнуть. Располагайтесь в спальне, а я еще поработаю в кабинете, мне предстоит читать шифровку из Центра и то, что привез Граков.

— Спокойной ночи, Алексей Алексеевич! — с грустью произнесла она, опустив глаза, и направилась в спальню. А он, глядя ей вслед, тут же понял, что не может, не в силах совладать с собой, из его груди вырвался тихий, похожий на вздох или стон призыв: «Латавра!» Она быстро повернулась, бросилась к нему, нежность озарила ее лицо, а из широко раскрытых глаз хлынула радость...

Утром, сильные, бодрые, омоложенные, словно напившись «живой воды», они принялись за работу.

Шифровка из Центра гласила:

«1.42. Центр. Ивану: Ускорить предполагавшуюся отправку «Красавчика» в Локоть. Связь с Источником в Витебске, который даст все указания, обес-

печит «Могучая». Подготовить список и характеристики агентов НТС, ведущих подрывную работу с военнопленными в лагерях под Берлином. Описать внешний облик старших и радистов диверсионных групп, готовящихся для переброски в наши тылы. Ученые-физики, имеющие отношение к атомному оружию, приезжают на отдых в Блед под чужими фамилиями, учтите. Поздравляем с пятидесятилетием и награждением орденом Красного Знамени. Граф. 1.»

— Эту шифровку, Алешенька, мне дали на всякий случай, если не доведется с тобой встретиться. А о награде я ничего не знала. Поздравляю от всего сердца, ты это заслужил! Я дала бы тебе Героя, мой милый Алеша! — Она нежно, обняв его за шею, поцеловала.

Вторая перехваченная шифровка Байдалакова к Георгиевскому:

«19 января 1942 года. Рекомендую оставаться на месте и не прерывать связь с бывшими друзьями. Имеет ли успех пропаганда наших идей в «Охранном корпусе»? Профессор Ильин находится в данное время в Цюрихе. Адрес: Цюрих, Женевьевы, 12, желательно наладить заблаговременно с ним связь. Посланец подробно объяснит. Посылаем 10 000 марок. Магу. Победа».

— Александр Граков все нам объяснит! А вот и он, легок на помине, — сказал Алексей Алексеевич, услышав стук в дверь, и направился в прихожую.

Свежевыбритый, румяный от мороза Граков, весело и плутовато поглядывая на Хованского и Латавру, пожелал им доброго утра и вдруг, став серьезным, поглядел на часы:

— У меня в запасе один час. Полагаю, успеем.

— Прочтите шифровку вашего «Победителя» Байдалакова. — Алексей протянул Гракову записку.

Тот пробежал глазами по строкам:

— Все ясно. В связи с разгромом немцев под Москвой Байдалаков впал в панический страх. А профессор Ильин, сами знаете, фигура в эмиграции видная, ярко выраженный англоман и наверняка связан с Интеллидженс сервис и Си-ай-си. Зная лавирующую позицию Георгиевского, они там, в Берлине, на всякий пожарный

случай хотят закинуть «первую удочку», поэтому и денег столько ему отвалили.

— А откуда у них деньги? Фашисты вроде не так уж щедры! — заинтересовалась Латавра.

— Крупные суммы поступают из Смоленска от Околова: золото, драгоценности, картины, безделушки.

— Грабит население?

— Конечно! Посылает добрую часть в Варшаву Вюрглеру, а тот, в свою очередь, не оставаясь сам в обиде, шлет в Берлин Байдалакову и всей его шатии. Драгоценности храним как неприкосновенный запас, а деньги тратим, — отрапортовал Граков.

— Неужели один Околов содержит всю организацию в Берлине? — удивилась Латавра.

— Не совсем. Занялись спекуляцией. Из Парижа по нелегальным каналам переправляется кофе и духи — этим занимаются Поремский и еще кто-то. Из Праги привозят шерсть и хлопчатобумажные ткани. Все это перепродается в Берлине.

— А почему в шифровке они интересуются «Охранным корпусом»? Не проще ли было вам об этом сказать?

— Думаю, это надо понимать так: «Успешно ли работает разведка НТС в «Охранном корпусе»?..» Они ведь все носятся со своей «третьей силой». Мы это выясним, расшифровав ответ Георгиевского.

— Ну ладно, поглядим. А как с вашей предстоящей поездкой в Советский Союз в соответствии с заданием «Радо»? — Латавра внимательно, с нескрываемым любопытством наблюдала за каждым жестом Гракова.

— Под Берлином, в деревеньке Цитенгорст организован особый лагерь для военнопленных, наиболее пригодных для разведывательной и политической подготовки и засылки в оккупированные области в качестве немецких пособников в административные, хозяйственные, пропагандистские и прочие немецкие органы, а также для шпионско-диверсионной работы в тылах Красной Армии. — Граков вынул трубку, набил ее. — Вы разрешите? Подготовкой ведают Поремский с компанией, а засылку осуществляют Шитц, Редлих и отныне ваш покорный слуга. Впрочем, Редлих недавно уехал.

— Меня интересует программа, которую вы проводите, — пояснила Латавра.

— Я ездил дважды в Гамбург и встречался там не то с «Радо», не то с его представителем. Рассказал ему

все наши берлинские дела и ваше, Алексей Алексеевич, предложение. Его заинтересовал лагерь советских военнопленных Цитенгорст и большой лагерь за Кепенигом, откуда мы переводим военнопленных, согласившихся работать с немцами. «Радо» предложил мне связаться в том лагере с одним человеком, который порекомендует мне «выбрать» подходящих людей для Цитенгорста. Я так и сделал, взяв пятнадцать военнопленных. Часть из них поедет со мной, а остальных пристроил к Редлиху. Первая группа с одним нашим человеком и тремя сволочами должна пересечь границу за Витебском. Вторая группа прибудет в Локоть для переброски к партизанам. Там рядом Брянские леса, царство партизан. Вот немцы и хотят иметь среди них своих людей. Ха-ха-ха! Эти четверо настоящие ребята, их «дядя Назар» особенно рекомендовал.

— А как же вы нашли в огромном лагере под Кепенигом этого «дядю Назара»? — Латавра пристально смотрела на Гракова.

— По описанию: одноглазый и хромает на левую ногу. Живет в бараке номер семьдесят один, член подпольного комитета лагеря. Они там всех знают, кто чем дышит. Удивительные люди, голодные, оборванные, холодные, в чем только душа держится?! Помочь им ничем нельзя.

— «Дядя Назар» — это бывший офицер нашей армии? Так? — спросила Латавра и заметила: — Жаль, конечно, пленных, но они сами виноваты...

— Вы меня простите, Латавра, нельзя объявлять «врагами народа» людей, которые по неопытности своих военачальников попали в плен, — возбужденно бросил Граков.

— Не говорите глупостей! — вспылила Латавра. — Как смеете вы осуждать действия товарища Сталина!

— Он не осуждает, — положив ей руку на плечо, мягко произнес Хованский. — У себя в кругу мы привыкли обсуждать все, что угодно. А вам, Александр, скажу: не спешите с выводами. Пленных немцы берут все меньше и меньше.

— Спасибо, что Красная Армия и ее командиры научились воевать, — не сдавался Граков, сердито попыхивая трубкой.

— Мы тоже Красная Армия, — улыбнулся Алексей, — и тоже кое-чему научились. «Лучше смерть, чем иноземное иго!» — некогда сказал Кузьма Минин, а ста-

рая русская пословица гласит: «Русский терпелив до зачина».

— Побываю на Руси, все своими глазами увижу, а покуда отправлюсь к Георгиевскому и в обратный путь с вашего, Алексей Алексеевич, благословения. — Граков начал прощаться. Потом хлопнул себя ладонью по лбу и воскликнул: — Господи! Совсем из ума вон, я при ребятах не хотел открывать. Объявился Чегодов! Приезжал Вюрглер из Варшавы в Берлин и рассказывал, будто Олег сидел в черновицкой тюрьме, бежал оттуда, скрывался, потом пришел во Львов, явился к Брандту. Тот втянул его в какое-то грязное дело, как я понял, быть «подсадной уткой» в тюрьме, чтобы выведать сообщников какого-то видного партизана. А кончилось дело тем, что партизан сбежал, скрылся из Львова и Олег, чтобы оказаться в Витебске. Он ездил в Смоленск к Околову, потом они вместе отправились в Кишинев за спрятанной там типографией. Фантастика какая-то! Брандт ему, как я понял, не очень доверяет, но за Чегодова заступился Околов. К тому же обнаружилось, что в черновицкой тюрьме Олег сидел вместе с Гошкой Кабановым... Я получил шифровку от Лесика Денисенко. Пишет: «Мы с Олегом не бездельничаем!»

Хованский многозначительно посмотрел на Латавру. Его глаза, казалось, спрашивали: «Ну, что скажешь на это? Кто был прав?»

Граков ушел. Заперев за ним дверь, Алексей вернулся в кабинет. Латавра сидела в кресле и задумчиво смотрела в окно, на улицу, где по-прежнему бесновалась метель. Повернувшись к нему, она тихо, с грустью прошептала:

— Я попала в иной мир. Мне до конца вы все непонятны, вы так далеки от нашей действительности, у вас своя, выдуманная Россия. Тяжело вам будет у нас... Даже тебе, мой друг, будет поначалу непросто, ты ведь тоже привык к другому укладу жизни, к людям с чуждой для нас психологией...

Глядя в окно на мечущиеся белые хлопья, Хованский заговорил, подчеркивая каждое слово:

— Каждому разумному и мыслящему существу судьба подарила три якоря спасения — Родину, семью и дар улавливать звуки мира и связь своего «я» с человечеством... Ты, моя любимая, мой второй, надежный якорь спасения. Мне не страшны теперь никакие бури. Им всем нужно помочь. Он взял ее за руку. — Помочь, по-

тому что мы чекисты! А чекист — прежде всего человек! И если ты хочешь оказать влияние на других людей, ты должна оставаться человеком. Трагедия эмигрантов в том, что у них один якорь спасения — Родина, но и у этого якоря цепи проржавели.

— Остались одни «березки да российские широкие просторы», — грустно сказала Латавра. — Но Чегодова следует проверить!

— Проверим, — согласился Алексей, но заговорил о другом: — Конечно, этим людям до конца не понять, не пустить глубокие корни в народную толщу. Даже Алексею Толстому, махине, талантищу, сколько потребовалось чуткости и ума, прежде чем найти правильный путь и загореться пафосом созидания нового государства, этой неоспоримой притягательной силой идей социализма. Недаром свой лучший роман он назвал «Хождение по мукам». А вот Куприну уже не хватило времени найти себя... А Федор Иванович Шаляпин? Как быть с ним?

— Шаляпин все еще сводит счеты с большевиками, — кивнула Латавра. — Великий талант, но алчный самодур!

— Обижен на Советскую власть за то, что реквизировала у него коллекцию холодного оружия, боится, что если придется петь в Большом театре «Фауста», то ему не подадут во втором акте настоящего жареного поросенка.

— Поросенка? — удивилась Латавра.

— Помнишь, когда на пиру Мефистофель начинает петь «На земле весь род людской...», вносят на блюде бутафорского поросенка; так вот, Федор Иванович, подписывая контракт, вставляет требование подавать ему настоящего жареного поросенка и в случае невыполнения этого пункта контракта требует неустойку. Таковы причуды гения.

— Причуды гения... — как эхо повторила Латавра.

— Ты сейчас думаешь о Сталине, — угадал Алексей. — После своего пятидесятилетнего юбилея Владимир Ильич говорил: «...наша партия может теперь, пожалуй, попасть в очень опасное положение, — именно, в положение человека, который зазнался. Это положение довольно глупое, позорное, смешное». Вот так-то, моя дорогая!

— Я грузинка и горжусь тем, что с именем Сталина идут в бой, ложатся под амбразуры, что его имя гремит на весь мир! Горжусь тем, что советский народ уже пе-

реломил ход истории нашей страны. Но для победы, Алеша, нужны силы каждого из нас... Страшна измена, потому... Семь раз перепроверь, Чегодов может всех вас провалить...

Хованский не сводил с нее глаз, она вся была как натянутая струна; высоко подняв руки и вскинув гордо голову, горячо и вдохновенно говорила, ее гортанный, чуть хрипловатый голос звучал пророчески, взгляд устремленных на него больших черных глаз излучал уверенность и силу. Он любовался ею и думал про себя: «И эта чудесная женщина принадлежит мне! Она боится за меня, за всех нас... Но Олег Чегодов, я уверен, надежен...»

3

В Берлин Гракову уехать не удалось. Он пришел на квартиру к Хованскому вместе с Жорой Черемисовым только на третий день. Алексей его встретил, провел в кабинет. Граков объяснил, что побывал под Белградом, в Земуне, у Георгиевского, который в последний момент заменил служивший ключом шифра сборник стихов Гумилева «Белый жемчуг» на «Черный жемчуг».

— Пришлось задержаться, съездить в Нови Сад к приятелю за этим проклятым «Черным жемчугом». — И Граков достал из кармана зашифрованное послание «Мага» Байдалакову в Берлин, в котором тот рекомендовал председателю просить балерину Рклицкую, нелегально приехавшую во Францию, связаться через Игоря Сикорского, конструктора «летающих крепостей», с его близким приятелем Алленом Даллесом, руководителем политической разведки Соединенных Штатов в Европе.

«У меня есть возможность, — писал Георгиевский, — связаться с Рклицкой и самому, но дама эта практичная и, хоть и является членом нашей организации, даром делать ничего не станет. Да и в наших интересах без липы снабдить Рклицкую заслуживающим внимания материалом для Даллеса». Далее Георгиевский писал, что торопиться к сотрудничеству с американцами не следует, надо подождать, как будут дальше развиваться события на восточном фронте.

Прочитав шифровку, Хованский взял вторую. Вторая копия шифровки Хованского обеспокоила. Генсек сообщал Байдалакову, что начальник «1Ц» при «Шюцкоре» полковник Иордан поручил Павскому провести рассле-

дование: «В Белграде действует несколько подпольных групп большевистски настроенной русской молодежи и лиц среднего возраста. Их вожак бывший кадет Иван Зимовнов. Красная агентура, вероятно, работает и у вас в Берлине. Павский полагает, что на днях упомянутые лица будут арестованы, как только обнаружится их связь с резидентурой». Известить о результатах «Маг» обещал через две недели, поскольку в Берлин едет член НТС Ара Ширинкина.

Хованский знал, что на всей территории Югославии, в том числе и в Белграде, действуют разрозненные подпольные группы, они помогают партизанам и распространяют сводки Совинформбюро, устраивают саботаж на производстве, составляют прокламации, готовят побеги русским военнопленным. Но его сильно обеспокоило, что в числе «засвеченных» оказался Иван Зимовнов...

— Зимовнов — член одной из подпольных групп, слившихся с другими в «Союз советских патриотов», — объяснил Алексей Латавре. — «Союз» возглавил комитет в составе Голенищева-Кутузова, Лебедева и Алексеева. Их желание войти в контакт с югославами осложнялось недоверием местных подпольщиков к бывшим белоэмигрантам. Зимовнов закончил вместе с Аркадием Поповым военное училище, пользовался доверием коммунистического подполья Земуна еще до войны. Ему поручено тщательно проверить «Союз советских патриотов», куда немцы могли направить своих соглядатаев. И вот Зимовнов на грани провала...

— Надо срочно принимать меры! Скажите, Александр Павлович, — обратилась Латавра к Гракову, — Какое впечатление у вас оставила встреча с «Магом»?

— Георгиевский встретил меня любезно, взял пакет с деньгами и письмо Байдалакова, отправился в кабинет расшифровывать... Жена накрывала на стол и расспрашивала о Берлине, жаловалась на рыночные цены, на то, что «Михаил Александрович хандрит», что многие друзья их забыли. Потом пошла в кабинет и спросила: «Ивана Ивановича и Николая Ефимовича будем ждать?», а Георгиевский ей ответил: «Ты все путаешь, дорогая, Иван Иванович придет в среду. Кстати, вот деньги на расход, прислали, черти, немного!» Мы сели обедать. Он расспрашивал особенно о Вюрглере, Околове и Вергуне. После обеда в кабинете он, не прячась от меня, взял книгу Гумилева, и я сразу понял, что это не «Белый жемчуг», а «Черный жемчуг». У меня была

когда-то такая книга. И часа два, а то и больше шифровал.

— А вы что в это время делали? — допытывался Хованский.

— Мы перекидывались словами с мадам... Прощаясь, генсек интересовался, не встречался ли я с Зимовновым. Я сказал, что с ним далек и не видел его с апреля, как началась война. Он спросил, у кого я брал разрешение на проезд в Земун, не у Губарева ли? И когда я подтвердил, воскликнул: «Умная бестия! Если что потребуется, обращайтесь к нему, сославшись на меня. Он многое может». Вот вроде и все. Только не знаю, кто такой Николай Ефимович, который должен обедать у них в среду вместе с Иван Ивановичем.

— Иван Иванович? Это Павский! — воскликнул Черемисов. — А вот Николай Ефимович?

— Губарев все еще заведует в полиции русским отделом? — вступила в беседу Латавра.

— Он правая рука самого Драгомира Йовановича, близок с комиссаром гестапо Гансом Гельмом и вхож к майору Гольгейму, шефу здешнего абвера. Бывает у Берендсов. Главное его занятие — по-прежнему ловить «красных» любого толка. В методах неразборчив, жесток. Являлся одним из организаторов убийства Ивана Абросимовича. — Хованский повернулся к Латавре. Никто, кроме нее, не знал, что Иван Абросимович был руководителем Алексея Алексеевича до 1939 года.

— Карамба! Я знаю, кто тот Николай Ефимович! Это ведь ехида Бабкин. Он, подлец, однажды меня провоцировал в беседе, дескать, немцы сволочи, надо объединяться, напустил туману и ждал, что я отвечу. Ну я его послал, извините, к соответствующей матушке. Неужели Ванька Зимовнов не раскусил эту сволочь? Беда! Надо к нему бежать, предупредить, или, может, привести сюда? Что скажете, Алексей Алексеевич? — заволновался Жора Черемисов.

— Телефона у них нет, а если бы и был, то прослушивается. Придется с ним незаметно связаться и дать адрес нашей конспиративной квартиры. Проверить, действительно ли Бабкин провокатор, и, наконец, провести операцию по ликвидации Павского, но так, чтоб комар носа не подточил. — И Алексей, глядя куда-то в окно, резко бросил: — Пора с ним кончать!

Латавра посмотрела на него одобрительно. Таким она его еще не видела: волевого, сильного, злого.

На обсуждение плана операции пошло более часа. Рассмотрели всяческие варианты. В городе установлен комендантский час, немцы в случае малейшего неповиновения стреляли. Действовать среди бела дня было рискованно.

Предупредить Зимовнова о грозящей опасности взялся Буйницкий, появившийся в последний момент их совещания. И тут же отправился на операцию. Жил Иван в бывшей квартире Драгутина и Зорицы на Баба-Вишниной улице в большом дворе. Надев на себя рваную хламиду и перекинув полупустой мешок через плечо, убедившись по задвинутым занавескам, что Зимовнов дома, Буйницкий вошел во двор и, останавливаясь перед каждым крыльцом, кричал: «Старудию купуемо! Ста-а-ру-у-удиююю!»

Услыхав знакомый голос и увидав в окно Буйницкого, Зимовнов схватил первый попавшийся ему под руку ношеный пиджак, вышел на крыльцо и окликнул «старьевщика». Буйницкий артистически сыграл свою роль: окидывал презрительным взглядом вещь, давал мизерную цену, клялся и божился, голосил на весь двор, что вещь и половины не стоит, клал ее в мешок, вынимал обратно, уходил и возвращался и хищно выспрашивал, есть ли еще что-нибудь.

Любопытные соседи смотрели в окна или, чуть приоткрыв дверь, слушали, заключая про себя: «Этот старьевщик хуже цыгана, обманет, бестия, молодого парня ни за понюх табаку!»

А Буйницкий тем временем вошел в прихожую и вкратце объяснил положение, в которое попал Иван.

— Павскому, по-видимому, поручено тебя арестовать.

— Чувствовал я, что Бабкин провокатор, он в глаза мне не смотрит! А на днях у нас во дворе в комнате пьяницы, которого недавно похоронили, поселились два типа, — возмущенно говорил Зимовнов. — Эх, я кое в чем доверился Бабкину!

— Ну ладно. Договаривайся с Бабкиным на завтра в два часа дня на встречу. Скажи, что с ним хотят познакомиться товарищи из руководства. Назови ему этот первый адрес, Бабкин наверняка сообщит его Павскому. А сам поезжай с Бабкиным по второму, — и протянул записку. — Ясно? Теперь быстро собирай самые ценные вещи, складывай ко мне в мешок, и я уйду. Твоя задача, Иван, заманить Павского в нашу ловушку!

Через минуту-другую «старьевщик» вернулся на

крыльцо. Мешок его увеличился в объеме. Обходя неторопливо оставшиеся во дворе квартиры, он заметил в одном окне русопятое лицо, голубоглазое, скуластое и курносое: «Дежурит кубанец. Наблюдают люди из «Шюцкора», а не гестапо или абвер и даже не молодчики из полиции». В этот момент отворилась дверь крайнего домишки, на пороге показалась старуха и махнула ему призывно рукой. Буйницкий направился к ней и купил старье.

Убедившись, что за ним не следят, Буйницкий двинулся в сторону улицы Кнеза Милоша, а еще через десяток минут страхующий его Граков подтвердил: «Опасности нет», — и они оба шмыгнули во двор, где жил Жора Черемисов.

Место первой встречи — Дубоки поток на окраине Белграда — в пору ненастья было непроезжим для машин, а в эту снежную зиму добираться до разбросанных по сторонам речки домиков можно было только по протоптанным в снегу дорожкам.

На другой день Павский проехал на своей машине до самого конца улицы Мали вук и остановился у крайнего дома за час до встречи. Потом, сообразив, что его черный «рено» снизу заметен, отогнал его назад и поставил впритык к кирпичной стене какой-то конюшни; захлопнув дверцу и нахлобучив на глаза шапку, из-под которой торчал его длинный нос, замаршировал как журавль в сторону Дубоки поток — никогда не замерзающей, узкой, но глубокой речушки, вытекавшей из-под горки. Постояв на берегу, он уверенно свернул направо, дошел до небольшого стога сена, уселся под ним, сунув перед собою в снег сломанную ветку. Вытянул ноги, обутые в высокие охотничьи сапоги, вытащил из-под бортов теплого пальто бинокль и принялся изучать домик со двором, где, как ему доложил Бабкин, назначена его встреча с руководством «Союза советских патриотов».

Прошел час. Ничто не свидетельствовало, что в доме напротив есть люди. Минул еще час, Павский продрог, мерзли руки, ноги, а тут еще поднялся лютый ветер... Поземка срывала с сугробов и наметов сыпучий снег, вздымала его вверх, закручивала вихрями и с бешеной быстротой мчала по долинке. Наконец кто-то показался на крыльце дома. Это была закутанная в платок женщина. Она поглядела на затянутое серыми тучами небо, сбежала с крыльца и пустилась бегом к стоявшему в глубине двора отхожему месту. Павский плюнул, поглядел на ча-

сы и окинул взглядом всю близлежащую долинку Дубоки поток. Кругом ни живой души. Даже собаки, не привыкшие к таким морозам, куда-то попрятались. Время приближалось к трем. «Что-то случилось? Неужели провал? Скорей всего отложили свидание. Терпение! Никуда они не уйдут». И Павский по привычке вытянул подбородок, отбросил в сторону ветку, поднялся и зашагал к своему «рено». Когда он подходил к машине, из ворот двора, где находилась конюшня, вышли двое. Они возникли неожиданно, словно его поджидали. «Оглянись, — подсказало ему «шестое чувство», — за спиной враги, берегись!» Но дворянская честь офицера Измайловского лейб-гвардии полка не позволяла показать трусость. До машины оставалось несколько шагов, когда он увидел сидящих в машине людей... Попытку сунуть руку во внутренний карман пальто за пистолетом остановили шедшие сзади:

— Спокойно, полковник! — приказал знакомый голос.

«Капитан Хованский? Он всегда был мне подозрителен! Как же я промахнулся?» — мелькнуло в мозгу в те секунды, когда его обезоруживали и вталкивали в машину, ловко завернув руки назад. Ему вспомнились Билеча, кадетский корпус, застолье у гостеприимного старого Гатуа, генерал Кучеров, Скачков, красавица Ирен и Людвиг Оскарович Берендс с его фальшивой улыбкой, шаркающими ногами и непрерывно кланяющийся. Еще ключ от сейфа... все это промелькнуло молниеносно, монтажными кадрами и сгинуло, заслоненное липким страхом и предчувствием роковой, неизбежной смерти...

Его заставили спуститься с сиденья на пол, накрыли голову черной тряпкой и, приставив нож к затылку, предупредили, что пустят его в ход, если он хоть пикнет. Последнее, что он увидел, была спина Черемисова, который в немецкой шинели сидел за рулем. Машина постояла еще с полчаса и тронулась. Ехала долго. Павский догадывался, что его везут в сторону Смедерова. Сидеть, согнувшись в три погибели, ему, высокому, длинноногому, было больно, ног своих он уже не чувствовал, трудно было дышать. Наконец машина остановилась.

— Ну вот и прибыли! — отворяя дверцу и выходя, громко сказал Граков. — Николай, помоги полковнику увидеть божий свет. Здесь ему разрешается кричать.

Буйницкий снял с головы Павского тряпку, втащил

его на сиденье и беззлобно, даже со снисхождением и грустью произнес:

— Посидите, отдышитесь, господин полковник...

К машине подошли какие-то люди в крестьянской одежде, с карабинами за плечами. Один из них, высокий, черноволосый, положил большую, тяжелую руку на плечо Буйницкого и поприветствовал:

— Здрав био, Никола! Како си? «Ымыныык»!

— О! Давненько тебя не видел, Любиша Стаменкович! «Ы» научился произносить, молодец! Никогда не забуду, как в кафане «Код Далматинца» на Ташмайдане вы с Зорицей спектакль с портфелем Вергуна проводили. Артисты!

— А как Зорица?

— Зорица сына Аркадию родила!

«Они не стесняются при мне обо всем разговаривать. Значит, это конец?» — холодея, подумал Павский.

Полузанесенная снегом хижина рыбака на сваях стояла неподалеку от замерзшего Дуная, ее высокая черепичная кровля прикрывала деревянную пристройку для хранения сетей. В довольно просторной комнате, обшитой досками, куда все вошли, на очаге горел огонь. Пахло ракией. Варили «Шумадийский чай» *.

За большим столом на скамейках и треногих табуретках уселись Хованский, Зимовнов, Черемисов, серб, которого Буйницкий назвал Любишей, и еще двое незнакомых, тоже, видимо, сербов. В стороне, в углу, опустив голову, съежился Бабкин. Павскому предложили сесть с ним рядом. У двери остались стоять Буйницкий и два серба.

— Товарищи! — поднимаясь, начал Хованский. — Нам предстоит выполнить долг патриотов, борцов с фашизмом, покарать предателей Родины, предателей страны, которая их приютила, предателей своих сотоварищей по эмиграции... Бывший полковник Павский, сотрудничая с фашистами...

— Я не бывший полковник! Не вам лишать меня чина, в который произвел меня государь император! Я не предатель! Это вы предали Россию! Вы отдали ее на откуп синедриону и на разграбление дикому хаму! Вы загубили Россию, разрушили и расхитили ее богатства, вы отняли у ее народа здравый разум, лишили веры в бога! Вы... — Глаза Павского вылезли из орбит,

---

* Сливовая водка, сваренная с медом.

нос побелел, на губах пузырилась пена. Он выкрикивал слова громче и громче, переходя на визг. — Именем всевышнего бога, именем нашей Святой Руси... — Павский поднялся во весь рост, поднял левую руку, которая коснулась деревянных стропил, сунул правую за пазуху, словно хватаясь за сердце, — проклинаю...

У Буйницкого, стоявшего возле двери в двух шагах от «скамьи подсудимых», слова полковника вызывали только жалость, он слышал подобное и только думал: «Истерик! Чего доброго кондрашка стукнет, за сердце вон хватается!» Но рука полковника сжималась в кулак, и Буйницкий догадался, что у того за пазухой, наверно, спрятан другой пистолет, рукоятку которого он сжимает. «Мы ведь его толком не обыскали!» — И кинулся к нему.

В тот же миг Павский выхватил из-за пазухи руку с зажатым в ней браунингом и, направив его в сторону Хованского, крикнул:

— Умри же! — и выстрелил...

Полковник попадал в брошенную монету с двадцати шагов и не промахнулся бы сейчас, если бы на мгновение его не опередил Буйницкий, оттолкнув резко руку в сторону. И тут же подоспевшие на помощь стоявшие у двери сербы вырвали пистолет.

Остальные как завороженные следили за происходящим, никто подобного не ожидал. Никто поначалу не заметил, что сидевший на скамье Бабкин завалился назад, и, только когда он рухнул на пол и начал биться в предсмертных судорогах, поняли, что пуля попала в него. Павский безвольно, как мешок, опустился на скамью и тупо уставился на своего осведомителя, из шеи которого фонтанчиком била кровь.

Бабкина унесли, наспех вытерев образовавшуюся лужицу. Павский сидел неподвижно, уставясь в пространство, плечи его опустились, лицо побледнело, осунулось, кожа на лбу и висках собралась в морщины, глаза посоловели, он лишь вяло шевелил пальцами и, казалось, о чем-то сосредоточенно думал. Но он ни о чем не думал, в голове было пусто, перед глазами вставали, как сквозь дымку, далекие картины прошлого, и вдруг ему померещился сон, который он видел еще в детстве: он сидит, как сейчас, в мрачном темном помещении, смотрит в черную пасть чердачного люка и видит серую волосатую спину... Так вот он, страшный, вещий сон, так крепко засевший в его памяти. Такой же унылый закут, черный

чердачный проем и та же страшная волосатая спина, чуть покачивающаяся из стороны в сторону, на этот раз не во сне, а наяву!..

Он опустил глаза, во рту стало горько, по спине пробежали мурашки, тело налилось ужасом. Все существо, каждый нерв, каждая клеточка кричали: «Смерть!» Вся воля была сосредоточена на том, чтоб больше не посмотреть в черный проем, на волосатую серую спину. Он не знал, что «сатана» на чердаке всего лишь покачивающаяся на сквозняке рыбачья сеть...

Бывший адъютант Корнилова рассказал, что в январе 1940 года тремя выстрелами в спину убил Ивана Абросимовича; организовывал это убийство начальник русского отдела УДБ * Губарев, а выследила Абросимовича немецкая разведка, агенты абвера, в частности Людвиг Оскарович Берендс. С каким-то тупым равнодушием Павский рассказал о деятельности «1Ц» «Охранного корпуса», назвал сотрудников отдела и тайных агентов. Словно сквозь сон, едва шевеля губами, он безвольно называл фамилии: — Андриевский Борис Георгиевич, штабс-капитан белой армии, член НТС, сорока лет, светлый шатен, среднего роста, нос прямой, глаза карие, особая примета — шрам на шее слева; Кавердынский Павел Нилыч, советский гражданин, ранее учитель в Одессе, около пятидесяти лет...

С таким же безразличием сообщил, что в РОК действует комиссия по вербовке добровольцев из числа русского населения Румынии, которую возглавляет полковник Пивник...

Допрос длился до глубокой ночи. Безучастно принял Павский слова приговора: понурив голову, с отвислой челюстью шагал по заснеженному берегу Дуная в ожидании пули...

Георгиевский так и не дождался его на обед. Хватились его только через день. Потом оказалось, что нет и Бабкина. Началось следствие. Молодчики Губарева кинулись на квартиру Ивана Зимовнова, но того и след простыл.

А полковник лейб-гвардии Измайловского полка Павский медленно плыл подо льдом к Черному морю, завершая круг своих скитаний на чужбине. За ним, как на буксире, следовало тело Бабкина.

---

* УДБ (Управо државной безбедности) — Управление государственной безопасности.

4

На другое утро, в понедельник, второго февраля, на рассвете, распрощавшись с Зимовновым, которому нельзя было возвращаться в Белград, Хованский, Граков, Буйницкий и Черемисов уселись в «рено», доехали до пригорода и поставили машину в сарае сгоревшего, полуразрушенного бомбой или снарядом дома.

— Тут никто ее, голубушку, не найдет. Кругом развалины, одни трубы, деревья и те обуглены, точно в мертвом царстве. Карамба! Ванька Зимовнов рассказывал, вся Сербия такая. У мостов и железнодорожных будок проволочные ежи, спирали, бетонные бункеры с амбразурами, пулеметные гнезда, торчат стволы пушек. Страшно смотреть! Вдоль всей дороги ходят часовые, установлены посты, наблюдательные пункты с оптическими приборами. — Черемисов повернулся к Гракову. — А в Хорватии тоже так?

— Там Анте Павелич с сербами расправляется. В лагерях лучшая смерть для серба, самая «гуманная», если умрешь, забитый палками. Ни женщин, ни детей, ни стариков не щадят. Если православный, значит, бей его! Хорватия пострадала меньше. — Граков посмотрел на сарай, где они оставили «рено», и удовлетворенно проговорил: — Снежком все следы запорошит, а метелица подметет.

— На обратном пути будешь проезжать через Словению, верно? Интересно, как там? — спросил Черемисов.

— Белград — Загреб — Марибор — Вена — Берлин, виноват, Загреб — Любляна, а потом уж Марибор, — и Граков посмотрел на Хованского.

— А на черта тебе делать крюк? Где Любляна, где Марибор? — удивился слушавший их беседу Буйницкий.

— Он едет по делу, — вмешался Хованский. — Завтра все узнаете. А сейчас разойдемся. Ты, Жора, идешь на квартиру Павского, ключи у тебя, входи не с улицы в парадную дверь, а со двора, с черного хода. Николай тебя подстрахует. Не торопясь, разберитесь с бумагами, в чемодан — и домой. Только осторожно, чтобы следов не оставлять. Мы же с вами, Александр Павлович, — обратился он к Гракову, — пойдем к Зорице, это недалеко, на Крижаничевой.

Было морозно. Порывы свирепой кошевы били в спи-

ну и, казалось, пронизывали насквозь, с воем раскачивая висевшие на верхушках редких столбов фонари. Одиночные прохожие, подняв воротники и надвинув поглубже шапки, ни на кого не глядя, спешили по своим делам. Наконец вышли на улицу Господара Вучича и свернули на Крижаничеву, тут все казалось как в сказке: маленькие, занесенные снегом домики, палисады, деревянные и каменные ограды; кругом полное безлюдье, слышно только, как под порывами ветра поскрипывают калитки и ворота да покачиваются под его напором верхушки пирамидальных тополей...

Зорица жила в небольшом доме у вдовы умершего от туберкулеза рабочего чулочной фабрики, той самой, где работал до войны Черемисов.

С тех пор как Хованский последний раз видел ее, прошло около трех месяцев. Потерянная и обессиленная, сидела она тогда в стареньком кресле и сначала не поняла, что он читает ей письмо Аркадия, и только потом вскинула на него большие лучистые глаза, в которых вдруг заискрилась ликующая радость. Она брала сына на руки и, приподняв его, казалось, хотела произнести: «Поглядите, какого сына я родила!»

— Пишите, Зорица, письмо мужу. Мы сможем его скоро передать. Обрадуйте Аркадия рождением сына, успокойте, впрочем, вы лучше знаете, что написать. — И Хованский, усаживаясь возле окна небольшой комнаты, служившей гостиной, столовой и кабинетом, добавил: — А за торт спасибо! Очень был вкусный.

Граков подошел к старинной люльке, где, тараща глазенки, посасывал соску запеленутый младенец, и засмотрелся на синеглазое маленькое чудо. Порылся тут же в карманах пиджака, вытащил несколько цветных карандашей, взял со стола лист бумаги и весь ушел в рисунок.

«В этом человеке неистребимо сидит талант художника, он никогда не расстается со своими карандашами. Разведчик, пожалуй, должен быть художником с острым глазом, — размышлял Хованский. — У него феноменальная зрительная память!»

Алексей Алексеевич терпеливо ждал, пока Зорица напишет письмо, и, глядя в пространство, с нежностью думал о Латавре, о ее признании, о том, что она настояла на своем вылете в Югославию ради него.

Вложив исписанный лист в конверт, поцеловав его украдкой, Зорица протянула Хованскому.

— Вот, пожалуйста. Не увижу я Аркадия больше...

— Ну, ну, Зорица, не унывайте. — И Граков положил перед ней на стол свой рисунок. — Эскизно, но, увы, нет времени. Я надеюсь еще написать и ваш портрет, и Аркадия, и маленького Иванчика.

На рисунке была изображена люлька с ребенком и Зорица за столом. Сходство было так разительно, что подошедший Хованский восхитился:

— Чудесно! И с настроением.

Зорица долго разглядывала рисунок, потом взяла его и прижала к груди:

— Господин Алекса, миленький, я вас очень прошу, нельзя ли передать этот рисунок Аркаше? Ну пожалуйста!

— Можно, конечно! — Граков опередил Хованского. — Только кое-что надо добавить.

И через пять минут он изобразил стоящего над колыбелью Аркадия Попова.

— Аркаша, милый... — Зорица залилась слезами.

— Этот рисунок останется у Зорицы, а вы пишите другой, — повернулся Алексей Алексеевич к Гракову.

Скоро они уже шагали по заснеженным улицам домой. А в полдень сидели втроем в кабинете Хованского в ожидании Черемисова и Буйницкого. Те явились с тяжелым, полным бумаг чемоданом.

— Карамба! Все забрали: тайник обнаружили, даже в сейф проникли. — Жорж ткнул в сторону чемодана: — Документы, списки, деньги, копии донесений Губареву, Иорданскому, Летичу, какому-то немцу и Георгиевскому.

— Полковник, гад, недаром в разведке у Врангеля служил! — выругался Буйницкий и осекся, заметив укоризненный взгляд Латавры.

— А квартиру чин чинарем привели в порядок, заперли. Уехал полковник, и все тут. А на нет и суда нет! — Жора раскладывал бумаги на столе.

Провозились, просматривая документы, до вечера и вычитывали вслух самое интересное. Первым не выдержал Черемисов:

— Вот послушайте из дневника полковника! Здесь он подробно изложил разговор с вновь прибывшим в Белград шефом гестапо в Сербии группенфюрером Майснером.

«Этот весьма решительный человек, — писал Павский, — мне заявил прямо, что миндальничать здесь не

собирается, индивидуальная вина не берется в расчет как мерило, поскольку ответственность несет весь народ Сербии, подлежащий уничтожению. На это я заметил, что основная культурная масса Югославии, верней Сербии, остается пассивной. Что касается партизанских отрядов, то они состоят из неграмотных крестьян, а интеллигентов там единицы». А вот еще: «Генерал Милан Недич связался с немецкой разведывательной службой через Дмитрия Лётича в 1940 году. А Лётич имел непосредственный контакт с резидентом VI Управления РСХА, скрывавшегося под маской директора транспортного агентства «Шенкер А. Д....» *.

«Драже Михайлович тайно сотрудничает с немцами и итальянцами. Свидетельство тому факты: убийство командира отряда в Пожеге Милана Благоевича, передача немцам пленных партизан в Вальеве, об этом же свидетельствует поведение четников на боевых позициях под Кралевом и Крагуевцом, а также засылка к красным партизанам диверсионно-террористических групп, которые успешно расправляются с их вожаками. Таким образом, общими усилиями удалось избавить Сербию от коммунистов. А сейчас, насколько я понял из разговора с Лётичем, немцы договорились с Драже Михайловичем посылать своих инструкторов для обучения террористических групп, состоящих из четников, так называемых «командосов», для засылки их в Боснию, Черногорию, Словению. См. № 3, с. 127, список кандидатов...

Около девяноста процентов офицерского состава воюет на стороне четников, недичевцев, лётичевцев против партизан. Самое интересное, что Драже Михайловича король Петр Второй произвел в генералы и что Англия и Америка признали и поддерживают Михайловича. И понятно, они боятся красных. Это первая трещинка в альянсе СССР — союзники!»

«Черткову известно, что золотой запас Югославии был перехвачен итальянцами. См. № 2, с. 8...»

«С наступлением лета некоторые подразделения предпримут карательные экспедиции против сербских партизан. И, судя по всему, РОК будет включен в состав немецкой армии. Однако русские солдаты наденут форму царской армии. Жаль, что русское офицерство не пошло с нами, а в своем большинстве осталось пассивным, даже сочувствующим Советам и безграмотному сербско-

---

* Акционерное общество.

му крестьянству, в отличие от офицеров-сербов, оставшихся верными королю и престолу...».

В отдельной папке были собраны характеристики виднейших деятелей эмиграции. Занявшись ими, Жора Черемисов то и дело распрямлялся и читал вслух:

«Бывший начальник штаба Корниловской дивизии Евгений Эдуардович Месснер держится в тени, служит в белградской «Општине» и руководит отделом «Русского информационного агентства» «Галиполиец». Во всех обществах и союзах, русских колониях и офицерских объединениях у него свои осведомители. В начале тридцатых годов через находящегося в Румынии генерала Геруа вел переговоры с румынскими властями о разрешении допуска в их порты приобретенной РОВСом шхуны для переброски агентуры. Месснер — участник переброски членов НТС, так называемых солидаристов Ирошникова и Фроловского. Часто ездил в Париж, сейчас служит в редакции недичевской газеты «Време». Пишет комментарии о военных событиях на восточном фронте под псевдонимом «Вегециус». Видел его 13 апреля 1941 года на Теразии, после вступления в Белград немецких подразделений дивизии СС «Рейх» в форме немецкого офицера. Он работает над созданием «Охранного корпуса». Связан с гестапо. Умен. Осторожен. Подозрителен. К Георгиевскому относится отрицательно. Бывает изредка у фон Берендса».

— А вот свеженькое: помечено декабрем 1941 года. Грак, погляди-ка, что там, на восемьдесят девятой странице?

— Потом, Жора, надоело! — отмахнулся Граков. — Впрочем, подожди. Тут действительно интересно! — И Граков сам громко зачитал: — «Генерал Головин — представитель Врангеля при английском военном министерстве, личный консультант Черчилля по русским вопросам, специальный советник генштаба Франции, близкий друг Гувера, Детердинга, Петена и Розенберга. Живет в Лондоне и Париже, часто гостит в Белграде. При помощи «Државной комиссии» * организовал «Военные курсы». Написал книгу о «Будущем устройстве русской армии».

«Профессор Владимир Давац — главный идеолог РОВСа, председатель общества «Галиполийцев» в Юго-

* Государственная комиссия по делам русских беженцев.

славии, редактор газеты «Новое время», связан с некоторыми финансовыми кругами Соединенных Штатов...»

— Что-то вроде картотеки, — заметила Латавра. — Это очень ценно! Разве Скоблина там нет?

— Вот и Скоблин! — порывшись в бумагах, проговорил Граков. — «Бывший председатель общества «Галиполийцев», правая рука исчезнувших генералов Кутепова и Миллера, подозревался в их похищении. Скоблин вступил в Добровольческую армию унтер-офицером и в двадцать шесть лет стал самым молодым генералом в армии Врангеля и командиром Корниловской дивизии. Человек необычайной смелости, талантливый полководец... Пример тому — Каховка, где он был ранен, но где ему удалось на какое-то время не только отразить натиск красных, но и разбить наголову целый полк; тогда же он взял в плен известную певицу Надежду Васильевну Плевицкую и ее мужа — командира батареи, который перешел на сторону белых и после разгрома очутился вместе с женой в Галиполи. Там Скоблин и отобрал у него жену и вместе с ней уехал сначала в Болгарию, потом в Югославию и, наконец, во Францию, где впоследствии возглавил общество «Галиполийцев», насчитывающее пятнадцать тысяч человек. После исчезновения Кутепова Скоблин фактически направлял всю деятельность РОВСа. Он же возглавил и «внутреннюю линию» после генералов Шатилова и Эрдели, а это значило — знал все не только о деятельности различных эмигрантских обществ и союзов, но и следил за проникновением большевистских агентов в их среду, а также руководил засылкой своих в СССР. Я напомнил Месснеру о том, что после исчезновения Кутепова капитан Федосенко обвинил Скоблина, утверждая, что он был завербован еще в Турции советским военным атташе в Анкаре Соболевым и что каждая группа террористов, засылаемая в СССР, с тех пор как он возглавил «Внутреннюю линию», неизменно проваливалась, в связи с чем совет проводил следствие и учинил Скоблину суд, на котором тот оправдался. Месснер вспоминал лишь, как во время последних боев за Крым они вышли вместе, чтобы выяснить обстановку боя, как он вынес из-под огня раненого Скоблина и, хотя в дальнейшем их пути разошлись, он, Месснер, не верит в причастность к этому делу генерала Скоблина. Вероятнее всего его впутали в аферу, а он потянул своего начальника — Миллера».

Граков оторвал глаза от бумаги и спросил:

— Продолжать? Тут еще много о Скоблине, Кутепове, Миллере.

— Нам интересны выводы, зачитайте концовку о похищении Кутепова и Миллера, — попросила Латавра. — Я плохо знаю эту историю.

Граков перелистал пару страниц и потряс листками в воздухе:

— Вот! «Я встречался с сыном генерала Миллера, Николаем, который живет в Славонском Броде, на улице Пашича, семь. Он не сомневается, что его отца похитили большевистские агенты. Первое время, после исчезновения Кутепова, отца охраняла французская полиция и постоянно сопровождал дежурный офицер. Последний год отец ходил всегда один. Вкратце произошло вот что: двадцать второго сентября тысяча девятьсот тридцать седьмого года в двенадцать ноль-ноль Миллер, покидая канцелярию РОВСа на улице Колизе, сказал перед уходом своему ближайшему помощнику, генералу Кусонскому: «Распечатайте, если не вернусь». Кусонский, поскольку это делалось всегда, отнесся к заявлению спокойно. Но когда Миллер не пришел домой на обед и вечером (а он никогда позже десяти не задерживался) и не появился в РОВСе, Кусонский вскрыл конверт: «Сегодня в двенадцать тридцать у меня свидание с генералом Скоблиным на углу улиц Жасмен и Рафе, мы вместе отправляемся на встречу с немецким военным атташе в Латвии г. Штроманом и их атташе в Париже г. Вернером. Они хорошо говорят по-русски. Это свидание состоится по инициативе генерала Скоблина. Допускаю, что они агенты гестапо. Поэтому и оставляю записку». Кусонский тут же созвал совет. Послали и за Скоблиным, началось бурное собрание. Скоблин все отрицал, утверждая, что в двенадцать обедал с женой в ресторане на улице Лоншар. В два часа ночи решили обратиться в полицию. Скоблин вызвался пойти с генералами Кедровым и Кусонским. Быстро оделся и вышел первым. Кедров и Кусонский почти тут же последовали за ним, но Скоблин исчез, улица была безлюдна».

— Старые вороны, пока выползли! — засмеялся Черемисов.

— «Один из первых очевидцев этой истории, капитан Ленц, рассказал, что около двух ночи видел, как Скоблин, выйдя из помещения РОВСа, быстро направился к стоявшим машинам, подергал за ручку дверцы одной и,

убедившись, что она заперта, подошел к другой и уехал. Лично зная генерала, Ленц не придал этому значения, полагая, что тот в темноте ошибся. В тот же день согласно заявлению в полицию хозяина газетного киоска около трех ночи к нему на квартиру явился Скоблин, попросил в долг двести франков и тут же удалился.

Правая французская печать утверждала, что это дело рук Москвы и ссылалась на показания свидетеля: будто двадцать третьего сентября в порт Гавр прибыл автомобиль с дипломатическим номером. В нем было три человека, а обратно в Париж отбыла с двумя! Полиция опровергла газетную «утку», заявив, что в машине находились четыре известных им лица, из коих два вернулись, а два остались, поднялись на пароход «Мария Ульянова», который тут же отчалил.

Левая и умеренная печать, в том числе и некоторые эмигрантские газеты считали, что Советы никакого отношения к афере не имеют, скорей к ней причастно гестапо. Французские власти подняли все на ноги. Похищение Миллера стало сенсацией дня. Пестрели заголовки: «Кто, в сущности, генерал Скоблин?», «Сомнительная роль жены Скоблина, известной певицы Плевицкой», «Шпионка в монашеской рясе», «Таинственные апартаменты» и так далее. Скоблины согласно данным прессы жили широко. На окраине Парижа у них была роскошная вилла, в городе два апартамента. Они часто устраивали вечеринки, на которые собирались дипломаты и военные высокого ранга.

Полиция в первую голову кинулась на поиски Скоблина и его жены, но никто из них за последние двадцать дней ни в одной из трех квартир не ночевал. Разыскали Плевицкую лишь на следующий день. На допросе она заявила, что всю ночь бродила по Парижу в поисках мужа, а где он, не имеет понятия. «Вчера, в двенадцать, — утверждала Плевицкая, — мы вместе обедали в ресторане на улице Лоншар, в час дня я взяла туалеты в доме моды, заплатив две тысячи семьсот франков. В два мы поехали на Северный вокзал проводить госпожу Корнилову; в пять вечера отправились с друзьями в Булонь к генералу Деникину, а оттуда поехали к себе на виллу в Озуар...» При выяснении оказалось, что время, указанное Плевицкой, не совпадало. Не было у Плевицкой и алиби для Скоблина от одиннадцати тридцати до тринадцати тридцати, поскольку «она находилась в доме моды». И уже не вызывало со-

мнений, что Скоблин сыграл главную роль в похищении или убийстве генерала Миллера».

«План, как утверждала пресса, был построен умно. Не будь разоблачительного письма, никто не смог бы заподозрить Скоблина. Все бы сошло, как семь лет назад, при исчезновении Кутепова. Французский суд осудил Плевицкую на пятнадцать лет как соучастницу преступления. В тысяча девятьсот тридцать девятом году в португальской газете была напечатана короткая заметка: «Сегодня при таинственных обстоятельствах убит бывший генерал белой армии Скоблин». Ни подтверждения, ни опровержения не последовало. Тайна осталась неразгаданной».

«Генерал-лейтенант Абрамов, получив телеграмму об исчезновении Миллера, тотчас издал приказ: «Двадцать первого сентября тысяча девятьсот тридцать седьмого года в Париже исчез начальник Русского общевоинского союза генерал Миллер. Допуская возможность предательского покушения на генерала со стороны наших врагов, я, как первый заместитель, вступаю в исполнение должности начальника Русского общевоинского союза с сегодняшнего дня. Одновременно оставляю за собой пост начальника третьего отдела в Болгарии и Турции с резиденцией в Софии».

Граков откашлялся и продолжал:

— «Однако в марте тридцать восьмого года Абрамову пришлось передать дела РОВСа генералу Архангельскому. Причиной тому был сын Николай Абрамов, который оставался в России до тысяча девятьсот тридцать первого года. Служил он матросом на советском судне, в Гамбурге сошел на берег и попросил убежища. Оттуда приехал к отцу в Софию, где вскоре включился в работу «внутренней линии». И вот теперь полностью разоблачен как большевистский агент. Николая из Болгарии выдворили, а генералу пришлось уйти в отставку».

«Все эти события вызвали в эмигрантской среде большой переполох. Мямля Архангельский не был популярен в офицерской среде. Началось брожение, кончившееся расколом...»

Граков поднял голову и поглядел на Латавру: «Нужно ли читать дальше?»

— Раскол в РОВСе, — сказал Хованский, — намечался давно. В основном образовалось два лагеря: приверженцы франко-английского альянса и сторонники Гитлера, так называемые «нейтралы» и «активисты»,

кроме того, разделились на старшее и младшее поколения. С приходом Миллера в тридцатом году, который в общем-то ничем себя не проявил, ближайшие сподвижники генерала Кутепова не раз выражали недовольство инертностью Евгения Карловича Миллера, которая, по-видимому, была вынужденной, поскольку зависела от политики Франции и Англии. Генерал Туркул, командир Дроздовского полка, отделился от РОВСа первый и создал свою организацию, связавшись с немецкой, японской и румынской разведками, когда Миллер не согласился с его требованием обратиться с воззванием к белому офицерству ориентироваться на Германию. Выражали недовольство и Скоблин, и ряд начальников отделов РОВСа — Абрамов в Болгарии, генерал фон Лампе в Германии, видные деятели РОВСа — генералы Штейфон, Скородумов, полковник Месснер и многие другие. В общем, грубо говоря, вся «внутренняя линия» в какой-то мере перешла на службу к немецкой разведке. Недаром Миллер не раз высказывал опасение за свою жизнь и все-таки придерживался французской ориентации. А выражалось это прежде всего в отказе посылать в Испанию своих офицеров и близко сотрудничать с немцами.

— Ему ничего не оставалось делать: Сюрте и Интеллидженс сервис шутить не любят, — отметила внимательно слушавшая Латавра, — вот почему участь генерала Миллера была предрешена.

— Если мы начнем разбирать операцию «похищения» или скорей убийства Миллера, то прежде всего подозрительна сама записка генерала: «Мы отправляемся на свидание с немецкими военными агентами Штроманом и Вернером». Миллер знал в совершенстве немецкий язык и, конечно, знал, что слово «штроман» означает «страшилище», «пугало»; знал генерал и то, что атташе Германии в Париже не Вернер и что Вернер — фамилия югослава, убитого неизвестными лицами при таинственных обстоятельствах сразу же после исчезновения Кутепова. И еще: зачем эта фраза «они хорошо говорят по-русски»? И наконец, самое главное, почему господа генералы заседали до двух часов ночи, допрашивая Скоблина, и каким образом ухитрились дать ему возможность бежать? Проще было бы тут же вызвать полицию, обратиться, наконец, в Сюрте.

— Да, туману напустили господа генералы, ничего не поймешь. И почему так строго судили Плевицкую?

Вина ее не доказана, и она в преступлении не созналась. Тоже очень странно! — вздохнул Черемисов, — Хорошая была певичка, я слушал ее с пластинки...

— Спрашивается, почему Миллер, получив такое сомнительное предложение от Скоблина, не взял с собой охраны?! И почему обвиняют Москву, когда они пошли на свидание с немцами? — недоумевал Буйницкий.

— Москва у них во всем виновата, это ведь проще. РОВС в Европе насчитывал более трехсот тысяч активных членов. Около ста тысяч во Франции — целая армия, готовая вести бескомпромиссную борьбу против Советского Союза! Материал и дневник интересны, их ценность в том, что они актуальны сейчас, когда мы подбираем ключи ко многим людям, описанным в его большом списке. Ниточки вьются с тех пор. Держать их в руках — значит управлять действиями наших врагов. — Хованский умолк.

Наступила пауза.

— В разведке, как в жизни, без прошлого нет ни настоящего, ни будущего! — прервал молчание Граков. — Я постараюсь в Берлине кое-кого подергать за эти ниточки. Павский собирал материалы обстоятельно, ссылаясь на факты, документы, компрометирующие целый ряд лиц, все, «что слышал собственными ушами, видел собственными глазами, щупал собственными руками». — И снова принялся листать страницы.

— С какой целью он это делал? И для кого? — пожал плечами Хованский. — Пока неясно, впрочем, задумываться не приходится. Материал заслуживает внимания, его следует переправить в Центр, кое-что должны также знать партизаны.

— Задал нам Павский работенки! — вздохнул Черемисов.

— Сграффито! * — воскликнул Граков. — Вы только послушайте, что он тут в этой папке номер один пишет: «Я полковник лейб-гвардии Измайловского полка, Иван Иванович Павский, клянусь честью офицера и дворянина, что собранный здесь материал, раскрывающий предысторию уничтожения коммунизма в Югославии, правдив и объективен». И дальше подпись. Полюбуйтесь, каким каллиграфическим почерком написано! Колоссально!

* Сграффито — особая разновидность декоративного (наскального) изображения в три цвета.

— Рано собрался нас хоронить! Так его растак! — не выдержал Буйницкий и, взглянув на Латавру, с виноватым видом опустил голову.

— Ничего, ребята, я уже наслушалась и у наших бойцов, и за эти несколько дней у югославских партизан, — отмахнулась Латавра. — Мне придется отложить отъезд, надо как следует изучить материал, переснять на пленку в двух экземплярах: один возьму я, другую — Александр Павлович. Для страховки.

— А мне завтра приказано выехать, — сказал Граков. — Впереди еще Любляна! Но я прочту основной материал. Память у меня хорошая. — И Граков полез в карман за трубкой. — Алексей Алексеевич, вы разрешите, мы сейчас пойдем к себе, время позднее: все, что отложили, я возьму с собой и сфотографирую для себя, Латавры и, как понимаю, для югославских партизан. Им это очень пригодится. — И, увидев, что хозяин не протестует, начал собирать бумаги в портфель.

— Тут не так уж много. — Черемисов помогал ему. — Мы быстро управимся! Айда, ребята! Быстрота и натиск решают битву, как сказал Суворов.

И оба направились к двери.

— Какие они славные! — сказала Латавра, протягивая Алексею руки, когда он запер за ними дверь. — Вот мы и одни...

* * *

В полдень пришел Граков. Он был одет по-дорожному.

— Все в порядке, Алексей Алексеевич, вот пленки, а это вам подарок на память. — Протянул Алексею и Латавре по рисунку, написанному гуашью. Это были их портреты. Особенно удался портрет Латавры — глаза были как живые, а выражение лица чуть напряженное, счастливое, оно светилось...

Затем они сидели втроем в кабинете и обсуждали предстоящую встречу Гракова на конспиративной квартире в Любляне со связным партизанского отряда, подразделением которого командовал Аркадий Попов.

— Соблюдайте предельную осторожность, явка может быть провалена и на квартире устроена мышеловка, — наставлял Алексей.

— А разве нет никаких предупреждающих знаков?

Неужели человек, которого берут, не может предостеречь товарищей? Закрыть, скажем, форточку, отодвинуть по-особому штору, поставить на окно что-нибудь, оставить какой-то знак на улице или во дворе?

— Немцы не идиоты, прежде чем брать связника или ворваться в конспиративную квартиру, они фотографируют ее со всех сторон и обследуют все кругом и, конечно, оставят так, как было... Но кое-что сделано: в соседнем дворе под аркой, в нише, в левом углу, где стоят мусорные ящики, будет записка под камнем, в которой поставлены число и месяц. Связник каждое утро выбрасывает мусор и меняет записку. Таким образом, риск несколько уменьшен. Но помните — лишь в какой-то мере! Чуть что покажется подозрительным, уходите. Впереди у вас много крупных дел в Берлине, Витебске, Локоте.

— Значит, так: в Берлине я опущу это письмо, вложив туда свою записку. Адрес: Гамбург, Зееуферштрассе, двадцать один, фрау Батте. Потом забираю своих «молодцов» и еду в Витебск. Дальше все вроде обговорили. Теперь благословите меня и пожелайте удачи, Алексей Алексеевич, и вы, Латавра.

— Погоди, еще раз все проштудируем сначала.

Через полчаса Граков распрощался со всеми и отправился на вокзал. Латавра видела в окно, как он оглянулся на их дом и бодро зашагал по улице.

Несколько дней пролетели; настал час расставания. Хованский проводил Латавру далеко за пределы города, где их уже поджидал Любиша Станенкович, проверенный опытный боец, не раз побывавший в «Главняче» на допросах самого Драгомира Иовановича.

— Любиша, поручаю тебе товарища из Москвы, доведи до партизанского отряда, а там по цепочке до самой Боснии, куда время от времени прилетают советские самолеты.

Отведя Алексея в сторону, Латавра зашептала:

— А не лучше ли скрыть, что я «товарищ из Москвы», ради элементарной конспирации?!

— Нет, не лучше. Верь людям из народа. Подозрительность до добра не доводит, милая Латавра.

Латавра смотрела на него с удивлением.

— Мы встретимся, не может быть, чтобы не встретились... — прошептала она. — Увы, наверное, только после победы. Мы поедем с тобой в Грузию, в мою любимую Кахетию!..

День выдался на редкость солнечным, метель утихла, но мороз держался. В загородном парке Топчидер, на небольшой лесистой горке, солнечные блики отражались на снегу бриллиантовой россыпью, тишину нарушал только дятел на сосне, постукивая клювом. Природа создала все условия для прощанья: голубое повесеннему небо, смеющееся солнце, сверкающий разноцветными блестками снег, и даже послала огненного снегиря на ветку. Казалось, все свидетельствовало: «Будет у вас еще встреча, будет!»

5

В Любляну поезд прибыл с опозданием часов на семь — около полудня. Едва ли не на каждой узловой станции приходилось стоять и пропускать немецкие воинские эшелоны, которые мчались на восточный фронт.

Узнав, что состав простоит по меньшей мере часа три, Граков с вокзала направился пешком по узким улочкам искать Петрошково Набрежье, где на берегу реки, неподалеку от Водниковой площади, находилась конспиративная квартира. Через полчаса Граков вышел к Тромостовью и залюбовался открывшимся видом: занесенная снегом Замковая гора, на вершине старинный белый Град, обнесенный стенами, восьмиугольная башня с остроконечным шпилем... В нем проснулся художник, захотелось запечатлеть каждую деталь. Бой часов на башне церкви святого Франциска заставил его обернуться... и он увидел освещенный зимним солнцем, возвышающийся на каменном постаменте собор с фигурами святых, стоявших в нишах, а над входными воротами, сверкающими позолотой, голубь — святой дух. А рядом небольшую изящную колоколенку в стиле барокко...

«Любляна — древний город, возникший кто знает когда на перекрестках водных путей». Граков вспомнил когда-то прочитанное и вдруг заметил, что на колокольне стрелки часов отстают на пять минут; что широкая лестница, ведущая к распахнутым вратам церкви, по которой поднимается монах в черной сутане, подпоясанный веревкой, выщерблена разрывом снаряда... Спохватившись, быстро направился вдоль по улице, свернув в первый же переулок, и, пройдя три дома, шмыгнул в подворотню, отыскал камень и запис-

ку со свежей датой. Потом неторопливо зашагал в соседний двор, поднялся по каменной, стертой многими тысячами ног лестнице на третий этаж старинного средневекового дома и, остановившись у единственной низкой, обшитой железом двери, на которой намертво был прикреплен железный петух — колотушка, постучал условленным кодом. В дверях показался рослый человек с копной густых седеющих волос и подозрительно уставился на него:

— Что вам угодно, сын мой?

Правая его рука висела на черной повязке, была скрыта и, видимо, сжимала пистолет; Граков произнес слова пароля...

В небольшой кухне, за чашкой дымящегося кофе-суррогата, Граков завел разговор об Аркадии Попове. Лицо хозяина просветлело, он вдруг весь переменился, встал, полез в старинный буфет и, достав оттуда бутылку, налил в бокалы густое, красное далматинское вино.

— Мы ведь с Аркадием партизанили! Сейчас он командует отрядом: воюет неплохо. А я лечусь, сын мой, — и он поднял правую руку на повязке. — Прости, господи, прегрешения наши... Будьте здоровы! — И патер Йоже поднял бокал.

Выслушав рассказ патера-партизана о том, как его ранили, когда отряд вырвался из облавы, Граков передал патеру письмо Зорицы, свой рисунок и шифровку. Патер достал с полки молитвенник.

— Здесь замурована шифровка из Бледа. — Положил молитвенник перед Граковым.

— Рад за Аркадия. — Патер Йоже сел в кресло, положив поудобнее раненую руку. — А теперь на словах: из подслушанной Марией Хорват в отеле «Топлица» беседы профессора доктора Рудольфа Ментцеля, обладателя «золотого партийного знака», и бригадного генерала войск СС, возглавляющего имеющие военное значение научные работы в университетах Германии, удалось узнать интересное... — Патер поправил повязку. — Ментцель отдыхал в январе в Бледе. «Немецкие ученые, — говорил доктор, — пришли к убеждению, что следует привлечь внимание Гитлера к проекту «ядерная физика как оружие». Понимаете? Я плохо в этом разбираюсь. В феврале в Берлине соберется совещание, вопрос ставится о «дебюте уранового проекта».

Вдохновитель проекта Вернер Гейзенберг, талантливый физик, убежденный в великом значении своей личной миссии для победы «третьего рейха».

В молитвеннике еще один листок. Советские и союзные разведки должны это знать, сын мой, я же буду молить бога не допустить свершиться козням антихриста, чреватым уничтожением всего живущего. Буду молиться и за Страну Советов...

Они проговорили еще около часа и расстались. Граков, прохаживаясь по городу, размышлял над рассказом патера. «Что еще за урановое оружие? Передам в Гамбург «Радо», пусть физики в Москве думают».

На другой день, к вечеру, Граков без всяких приключений прибыл в Берлин.

Байдалаков сидел у себя в кабинете за письменным столом. Оторвав взгляд от газеты, он с любезным выражением лица поднялся и, расширив руки, принял Гракова в объятия. Долго расспрашивал о положении в Югославии, о Георгиевском, о «Шюцкоре», четниках, летичевцах...

Прослушав доклад Гракова, вождь НТС приосанился и успокоительно заметил, что некоторые успехи Красной Армии — это лишь последние ее предсмертные судороги. Но по его бегающим глазам можно было догадаться, что в своих словах он не уверен. Помолчав, он опасливо прошептал, наклонившись к уху Гракова:

— Гитлер совершает ошибку. Вздумал сразу поставить русский народ на колени... Без нас, без «третьей силы»?! Дудки! Он видит в эмиграции лишь резерв для «зондеркоманды». Дудки! Население Советского Союза свирепеет против немцев! Мы, «третья сила», закончим эту войну! — Байдалаков опасливо погрозил кому-то пальцем, отошел к окну, включил радио, стал в позу и, заглушая голос диктора, громким баритоном объявил:

— Для вашего путешествия в Витебск и Локоть все оформлено. Подготовленные вами военнопленные проверены немцами и лично мной. Это настоящие офицеры нашей революции, преданные «солидаризму». Несколько сот их, переброшенных в советские тылы, через год обрастут тысячами. А на освобожденных территориях мы создадим до окончания войны целые

армии, которые и станут костяком нового государства!

Слушая Байдалакова, Граков вспомнил предупреждение Хованского о коварстве вожаков НТС, которые принуждением и обманом вербуют ослабевших от голода и невыносимой лагерной жизни советских военнопленных.

На другой день Граков выехал «по делам фирмы» на встречу с одним из агентов «Радо» в Гамбург; а через неделю сидел в купе вагона, который шел в Варшаву; в поезде ехала группа из бывших военнопленных. Из Варшавы ему предстояло ехать через Витебск в Локоть.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«СОЛИДАРИСТЫ» В СМОЛЕНСКЕ

Человек, умертвляющий свет, становится зверем. Рука, испепеляющая очаг, — беспала.
Глаза, наполненные местью, — незрячи.
Лицо, перед мукой немое, — лишь камень.
Сапог у головы ребенка — что может быть страшнее?

Р. Кутуй

1

Уже много дней Георгий Околов приходил домой в плохом настроении. Его супруга Валентина Разгильдяева, в прошлом счетовод Смоленского облисполкома, неглупая, но легкомысленная (ей это нравилось) женщина, догадывалась, что нового ее мужа расстраивает не столько то дождливый, то снежный октябрь, сколько вести с фронта. Она не читала прессу, хотя Околов приносил домой газеты на русском языке, в которых командование вермахта утверждало, будто советские войска в наступающую зиму не окажут серьезного сопротивления. Однако слухи, ходившие по городу, свидетельствовали о том, что немцы переходят к обороне.

Услыхав звонок, Валентина вздрогнула и, подойдя к зеркалу, крикнула сидящему в соседней комнате сыну:

— Толя, отвори Георгию Сергеевичу дверь. — И принялась поправлять прическу и приводить в порядок лицо.

Сын сделал вид, что не слышит, и отвернулся к окну. Он терпеть не мог своего отчима. Это была не одна лишь обычная ревность сына к чужому мужчине. Маленький Толя ревновал и сестру Гальку, готовую повиснуть ради любого пустячка на шее у этого очкарика: тряпки, шоколадки, не говоря уж о колечке, часиках, браслетке. Очкарик почти каждый день что-нибудь приносил в дом, но Толе отчим все равно был противен...

Сейчас Околов пришел на обед. Взглянув с укором на сына, Разгильдяева пошла открывать дверь. Два коротких и один длинный звонки повторились...

По злым, бегающим глазам и по тому, как поздоровался, как повернулся, и еще по многим едва уловимым признакам она поняла: муж чем-то расстроен и даже напуган.

«Наверно, кто-то из «берлинцев» нашкодил либо партизаны кого-нибудь убили». «Берлинцами» местные жители прозвали прибывшую прошлой осенью группу энтээсовцев, которые тут же заняли руководящие посты в Смоленске. Тогда Разгильдяева и познакомилась с Околовым, и, хотя он был назначен всего лишь начальником транспортного отдела городской управы, многоопытная и проницательная вдова ныне покойного командира Красной Армии быстро смекнула, что тихий и скромный Георгий Сергеевич не тот человек, за которого он себя выдает. И сам бургомистр Меньшагин, и его помощник Ганзюк, и начальник секретно-политического отдела смоленской полиции Николай Алферчик весьма почтительно здоровались и даже заискивали перед Георгием Сергеевичем.

Раздумывать было нечего: ей с двумя детьми на шее — четырнадцатилетней дочерью Галей и десятилетним сыном Толей (упрямым, непослушным) — Околов вполне подходил; и она умело пустила в ход сперва глазки, а затем полный набор своих чар, чтобы покорить, как она полагала, не искушенного в «амурных делах» мужчину.

Околову Валентина понравилась. «Баба дошлая, красивая, всех в Смоленске знает, такая мне сейчас и подойдет, а там поглядим!»

И вскоре они зажили в просторной квартире на Го-

дуновской, 17. Мужем он оказался поначалу внимательным, предупредительным. Однако вскоре Разгильдяева разгадала, что под его вкрадчивыми манерами, в голосе, в походке, жестах таится нечто другое, подобное сладкому и коварному запаху ядовитого цветка.

Желая понять нутро мужа до конца, Валентина внимательно прислушивалась к его словам, задумывалась над каждым неосторожно брошенным словом, устремленным на кого-то взглядом. Когда же он прямо стал выспрашивать ее о «красных», о коммунистах или им сочувствующих, настойчиво прося собирать сведения для НТС, Разгильдяева стала его побаиваться.

Сейчас она заметила в вошедшем муже растерянность и несвойственную суетливость. Околов, не вытирая ног, сбросил пальто и шапку, быстро прошел в столовую, налил в рюмку водки, выпил, потряс головой и снова налил.

— Что случилось, Георгий? — Разгильдяева ласково глядела на мужа.

— Служба безопасности разгромила смоленское подполье. Арестованы и казнены руководители: Попов, Дуюн, Жеглинский, командир подпольного отряда Витерский; всего сто шестьдесят пять человек! Они имели своих людей в полиции и городской управе. Подпольщики занимались изготовлением фальшивых документов, использовали штемпеля и подписи ответственных лиц смоленской комендатуры. Разгромили, а партизан вроде еще не убавилось. Из лагеря «Шталага — сто двадцать шесть» бежало двести шестнадцать военнопленных! — Околов искоса поглядел на рюмку, вновь наполненную женой, взял ее двумя пальцами и, поморщившись, поднес ко рту, отхлебнул раз-другой и медленно выпил.

Разгильдяева не видела, чтобы кто-то так пил водку. Все знакомые мужчины, да и женщины опрокидывали ее сразу в горло, словно старались от нее поскорей избавиться.

— Большевистское подполье, — Околов поискал глазами закуску, — вначале создавалось по принципу строго законспирированных пятерок, причем во главе каждой ставились руководящие работники из других районов. Многих выловили... Рассчитывали в течение одного года прикончить всех! Уже рапортовали, что партизанского движения на Смоленщине нет! А теперь узнаем другое... В августе и сентябре коммунисты изме-

нили тактику. Подпольные группы возглавили местные вожаки... Вроде недавно арестованного Егора Дуюна.

— Ну и что ж ты, Георгий Сергеевич, загоревал? — прислонилась к его груди Валентина. — Немцы во всем виноваты: они обозлили население, вот люди и помогают партизанам...

— Дура! — грубо оборвал ее Околов. — Почему они помогают ВКП(б)? Она несет им крепостное право! Зачем им Советская власть? Мы, солидаристы, несем людям свободу!

— А, кто вас знает, — виновато вздохнула Валентина.

В этот момент в прихожую вошли учительница Елизавета Николаевна и дочка Галя. Околов настороженно вскинул голову.

— Это учительница, — успокоила его жена.

— Учительница? — Глаза его забегали. — Почему у нее ключи от квартиры?

— Она ходила с Галей, я посылала их.

Околов, ощерясь зло, смотрел на учительницу, намереваясь, видимо, сказать что-то резкое, но помешала подбежавшая падчерица:

— Папочка Жоржик, миленький, такой интересный идет фильм с Евой Браун, купи нам билеты, ну, пожалуйста! — И, ласково обняв его, прижалась всем телом; он почувствовал ее уже налившуюся молодую упругую грудь и размяк.

— Галина! Оставь Георгия Сергеевича в покое! — строго прикрикнула мать.

Заметив настороженно-ревнивый взгляд жены, Околов мягко отстранил Галю, потрепал и по щеке хмуро стоящего возле сестры Толю.

— Ладно, куплю вам билеты... Лучше дам записку администратору, он все устроит. — И перевел взгляд на Елизавету Николаевну. — Вы чему детей учите? Я слышал, вы внушали им, что у коммунистов появилось отечество — Россия? Это чушь! Большевики интернационалисты! И церковь им не нужна! Недаром храм Христа Спасителя, построенный на народные деньги, в честь победы в Отечественной войне тысяча восемьсот двенадцатого года, разграбили и срыли! А сейчас кричат о священной Отечественной войне! Не получится! — Околов погрозил пальцем перед лицом Елизаветы Николаевны.

— А я слышала, будто все подпольщики Смоленска

арестованы, — заметила учительница. — Так что грозить уже некому...

— Они пока еще орудуют, — зло махнул рукой Околов. — За четырнадцать месяцев партизаны убили полторы тысячи наших старост и полицейских. Ведут войну против нас, истинных русских патриотов... Вы тоже, кажется, Елизавета Николаевна, нас недолюбливаете? Смотрите! — И, снова погрозив пальцем, налил себе еще водки. — Пойдемте обедать.

Обед прошел почти молча. Все поглядывали с опаской на хмурившегося хозяина. Разгильдяева видела, что Елизавета Николаевна нервничает: на ее вопросы отвечала невпопад, уронила со стола стакан, такого с ней никогда не бывало. Околов ухмыльнулся:

— Обиделись, Елизавета Николаевна?

— Нет, нет, пустяки. Ко мне вчера приехал двоюродный брат из Витебска, вот и беспокоюсь. Он еще совсем мальчик. Учился здесь в техникуме...

После обеда дети с учительницей отправились в кино, Разгильдяева решила «на минуточку» зайти к подруге, а Околов, соснув часок, уселся за письменный стол. Его отвлек звонок. Это пришли из кинематографа дети.

— Елизавета Николаевна встретила знакомого, задержалась. Она скоро придет. А фильм совсем неинтересный, — сообщила Галя, снимая берет и стряхивая с него дождевые капли.

«До чего похожа на мать, те же карие глаза, черные брови, пышные волосы, то же кокетство, покуда еще неосознанное», — промелькнуло у Околова, и он буркнул:

— Как всегда, липовый ажиотаж! — И ушел в кабинет.

Он пробыл там около часа. К их дому подкатила машина, за ней другая. Из окна, к которому он подошел, было видно, как из машин выскочили гестаповцы, кинулись к их подъезду, и тут же послышался топот сапог по лестнице. Продолжительный, настойчивый, как пулеметная очередь, звонок, сопровождаемый тяжелыми ударами в дверь, озадачил Околова. Не теряя хладнокровия, он отворил дверь, жестом левой руки пригласил гестаповцев войти, а правую сунул за борт пиджака, нащупывая рукоятку пистолета.

— Господа, чем обязан столь шумному вторжению?

Вам известно, к кому вы пришли? Я вас слушаю, господин лейтенант!

Лицо лейтенанта показалось Околову знакомым. «Где я его видел? — вспоминал он. — Ага! «Ревкомовцы»!»

— Господин Околов, я не знал, что вы дома, а мои ребята любят пошуметь, — опешив слегка от подобного приема, лейтенант поднес два пальца к козырьку своей фуражки. — У вас проживает в качестве гувернантки некая Елизавета Николаевна Соколова. Я получил приказ ее арестовать и доставить к нам, а также произвести обыск в ее комнате, в помещениях, куда она имела доступ. Есть данные, что она член большевистского подпольного комитета. В Смоленске и области действуют более тридцати таких комитетов.

«Неужели, — подумал Околов, — эта женщина копалась в моих бумагах? Снимала копии? Я видел у нее ФЭД. Какой скандал! Неужели ей удалось проникнуть ко мне в сейф? Разгадать секрет шифра легко, от домашнего вора не убережешься!»

— Господин лейтенант, ее сейчас нет дома; если все то, что вы говорите, правда, нельзя позволить, чтобы она ушла. Надо быстро убрать машины от крыльца, чтобы подпольщица ничего не заподозрила. Пусть двое из ваших парней отправятся на перекресток направо, а два других налево и берут ее. Не хотелось бы, чтобы из моего дома выводили под конвоем кого бы то ни было. На нас, «берлинцев», и без того всех собак вешают.

— Как учительница одета? Как выглядит?

— Пойдемте! — Околов пригласил лейтенанта в комнату Соколовой. — Она в синем суконном пальто и в синем берете. Выше среднего роста, пепельная блондинка, глаза серые, большие, нос прямой. Вот ее фотография. — И передал вставленную в рамку карточку, где Елизавета Николаевна была снята с детьми.

Пока лейтенант отдавал распоряжения, хлопнула наружная дверь, и Околов понял, что кто-то вышел. Он поспешил в прихожую. Там стояла Галя. На его немой вопрос она пропела:

— А Толя к товарищу пошел, я ему говорила, чтоб подождал, но разве он послушает?

Вошедший следом лейтенант, укоризненно поглядев на Околова, отдал распоряжение быстро занять в машинах посты-засады на углах и проследить, одна ли

учительница, и тут же хватать ее. Снова по лестнице затопали тяжелые сапоги, а еще через минуту загудели моторы. Лейтенант с двумя своими помощниками принялся за обыск. Начали с мебели, открыли все ящики комода, письменного стола, тумбочки и вывалили все на пол.

— Потайных ящиков не существует. Только круглый идиот может пропустить потайной ящик, для этого нужно иметь лишь линейку, — усмехаясь, заметил гестаповец. Потом принялся осматривать стулья, кресла, ножки кровати, отыскивая следы в виде крохотных царапин, опилок, оставленных буравчиком, трещинок, зарезов ножом. С таким же вниманием они исследовали люстру, простучали пол, стены. Казалось, все было тщательным образом рассмотрено и ощупано. Оставалась полка с книгами. Принялись за книги. И в этот момент в комнату вошла Разгильдяева и уставилась испуганно на пришельцев и груду вещей.

— Что случилось? Жорж, кто эти люди и что они делают?!

— Твоя Елизавета Николаевна оказалась большевистским шпионом! — с досадой бросил Околов. — Они обыскивают ее комнату...

— Придется обыскивать всю квартиру, — нерешительно протянул лейтенант.

— Подождите, подождите! Кажется, я знаю, где ее тайник. Месяца два тому назад я заглянула в наш сарай и застала ее там. Тогда я подумала, что там учительнице понадобилось? А спросить постеснялась. Она сказала, что ищет молоток. Там у нас инструменты. — Разгильдяева махнула рукой лейтенанту. — Пойдемте, я видела, что она стояла в другом конце сарая, где не было инструментов, да и зачем вдруг ей понадобился молоток?..

— Зер гут, фрау Околова, — оглядывая ее пышный стан, заулыбался немец, — покажите мне сарай. — А вы, — обратился он к гестаповцам, — посмотрите все книги и приступайте к осмотру детской. Вас, господин Околов, я попрошу, если эта особа вдруг явится, задержать ее. Мы ее стережем на перекрестках, а она, может, сидит у соседей. А где ваш зоон?

— Толя? Галя, куда девался Толя?!

— Пошел к Завадским, к Витьке.

Разгильдяева хотела возразить дочери, потому что сама только что пришла от Завадских и знала, что То-

ли у них нет, но спохватилась. «Неужели побежал спасать свою учительницу? Он, глупенький, так ее любит! И зачем Галя врет?! Заподозрят и впутают нас в историю...» Пригласив еще раз лейтенанта, внимательно за ней наблюдавшего, следовать за собой, она направилась черным ходом во двор.

В сарае лейтенант быстро обнаружил тайник. В нем были прокламации, воззвания и разведывательные данные. Причастность Соколовой к коммунистическому подполью уже не вызывала сомнений.

— Фрау Околова, от лица германский командования выражаю вам благодарность, — закивал обрадованно лейтенант. — Вот копия секретного приказа Кейтеля «Ночь и туман». — Лейтенант стал читать вслух, чуть коверкая русские слова:

— «Седьмого декабря тысяча девятьсот сорок первого года. Разрешается тайная депортацион гражданских лиц — участникоф сопротифления с оккупированных территорий ф Германию для расправы над ними ф концлагерях: Ерсте. Политические деятели и рукофодители (комиссары) подлежат ликфидации. Цвайте. Если они будут захвачены ф плен армией, то любой официир, имеющий прафо дисциплинарного наказания, долшен прийнять решение о ликвидацион данного лица. Дритте. Политический комиссар не признается фоеннопленным и подлежит ликвидацион...»

Околов стоял рядом с женой и слушал лейтенанта. Тот, перебирая кипу бумаг, опять начал зачитывать вслух:

— Фот копия указа рейхминистер по делам оккупированных фосточных областей Розенберга: «Двадцать третьего афгуста тысяча девятьсот сорок перфого года. Предписывается карать смертной казнию кашдого софетского чеайвека, не согласного с нофым порядком... Богатстфо софетской страны и личное достояний граждан объяфляется германский собстфенность...» Где партизанка Соколофа взяла этот документ, господин Околоф? Ф фашем сейфе?

— Нет, нет, — заторопился Георгий Сергеевич, — это не из моего сейфа! У меня таких документов никогда не было...

— Я-а, данке шён, спасибо, — вежливо кивнул головой немец, — фот отчет группенфюрера СС фон Бах-Зелефского о действиях оперативных эйнзацгруппах А, Б, С, Д.

«Эйнзацгруппы делятся на зондеркоманды и состоят из профессиональный убийц...» Ай-ай-ай, — лейтенант опять посмотрел на Околова. — Где партизанка выкрала такой отчет? Фи не знаете, господин Околоф? Тут еще копия сфешего донесений группенфюрер СС Наумана об уничтожении ф город Смоленске с апреля по пятнадцатое ноября тысяча девятьсот сорок фторого год одной тысячи восьмисот восемнадцать коммунистоф, а фот сфодка о катастроф немецких войск под Сталинград... Вот еще приказ Сталина от пятого сентября сорок второго года «О задачах партизанского дфижения». Как фсе оказалось ф фашем доме, господин Околоф?

— Не в доме, а в сарае, — хмуро поправил Околов.

— Гут, гут. Мне этих материалоф достаточно.

Разгильдяева стояла на пороге широко распахнутой двери сарая и, принуждая себя улыбаться немцу, думала: «Слава богу, кажется, пронесло! — И тут же вспомнила о сыне: — Ой, где же Толик?» Но произнесла другое:

— Мы всегда во всем готовы помочь «третьему рейху». — В отличие от Околова она плохо говорила по-немецки. — Мы не прятали этих документов...

2

Выбежав из дома, Толя шмыгнул незаметно во двор, подскочил к забору соседнего двора, отодвинул доску, протиснулся сквозь узкое отверстие и, убедившись, что кругом никого нет, направился к калитке; выйдя на улицу, пустился со всех ног в сторону центра, откуда, по его мнению, должна была идти Елизавета Николаевна.

Промчавшись квартала три, Толя, запыхавшись, остановился и беспомощно огляделся: учительницы нигде не было видно.

«Подожду в сквере, подойдет, куда ей деться?» Он спрятался за дерево и стал наблюдать. Темнело, вечер переходил в ночь. Шел мокрый снег. Мучительно долго текли минуты. Чтоб не так мерзли ноги, он топтался на месте. Когда стало совсем невтерпеж, вдали показалась женщина в знакомом пальто и берете.

— Елизавета Николаевна! — кинулся он к ней. — Нельзя вам домой, к нам немцы за вами пришли!

— Тише, Толя, не кричи так, — вздрогнув и огля-

нувшись по сторонам, спокойно предупредила она. — Давай отойдем в сторонку, расскажи толком, что там случилось?

Все еще волнуясь, он сбивчиво передал, как приехали гестаповцы, как они колотили сапогами в дверь и как офицер произнес: «Их хабе ейн бефел ире гувернанте Соколофу ин гестапо беглейтен!».

— Ну а я сказал Гальке, что иду к Завадским, и бегом к вам навстречу. Мамы не было дома. А фриц крикнул что-то мне вслед... — Глаза мальчика сердито сверкнули.

— Ты будешь настоящим человеком! — подавляя волнение, Елизавета Николаевна потрепала его по щеке. — Ты смел, а смелость — это величайшее достоинство. — Она торопливо обняла Толю, а он прижался к ней, растроганный, и прошептал:

— Я клянусь... Я ненавижу фашистов!

— Тихо. Сейчас беги домой. По дороге зайди к Завадским и побудь там с полчасика. Скажешь родителям неправду, но это благородный обман. Будь осторожен с Георгием Сергеевичем, не груби ему и не смотри на него волчонком. Если он заподозрит тебя, то все выведает. Ни перед чем не остановится... Пойдем!

— Нет, вам в ту сторону нельзя, там они вас будут ждать! Скажите, я все сделаю, честное пионерское!

— Хорошо! — Она порылась в своей сумочке, достала блокнот и карандаш, быстро написала несколько слов, верней, букв: «Пр-ал в 17. Св-зь 2. К. К. Кости. Лиза. 11.XI.42».

— Положи эту записку, мой мальчик, в тайник. В пятом номере на Годуновской, рядом с Завадскими, глухая кирпичная стена...

— Где сгоревший дом?

— Точно! Вдоль стены дойдешь до конца. Четвертый кирпич сверху шатается, ты его вынешь и положишь эту записку. Если в тайнике окажется какая-нибудь бумажка, уничтожь ее не читая; порви на мелкие кусочки уже на улице. А сейчас прощай, спасибо тебе, мой дорогой мальчик! — И, поцеловав его крепко, зашагала в противоположную от Годуновской улицы сторону.

Елизавета Николаевна торопилась, чтобы успеть до комендантского часа на конспиративную квартиру, почти в другом конце города, где жил малознакомый и несимпатичный ей человек по кличке Костя. Внутри у нее все дрожало. Она шла быстро, обходя лужи, погляды-

вая по сторонам, озираясь на каждом углу, как привыкла это делать в последнее время.

«В чем причина провала? И почему немцы не арестовали меня в кинотеатре или когда я шла с «племянником»? Или хотели его выследить? Нет, хвоста не было. Это точно. И нас страховали! Кто же предал? Может быть, Разгильдяева обнаружила тайник в сарае? Она меня там как-то чуть не застала врасплох. Что же, пусть знают, что нам известны все их преступления. В тайнике ничего такого нет, за что бы они могли зацепиться. Провалилась только я!»

Когда она вышла на улицу Крупской, появилось томительное чувство опасности и, по мере того как она приближалась к цели, усиливалось. А у самого дома, где находилась конспиративная квартира, у Елизаветы Николаевны почти отнялись ноги. «Что это со мной? — думала она, подавляя в себе желание повернуть обратно. — Только что наставляла мальчика, а сама трушу! Толя и Галя — какие они разные! Неужели прав Мендель, утверждая, что наследственные факторы переходят к нам от предков свободной независимой комбинации, образуя случайную мозаику свойств? Неужели смелым, умным, талантливым можно только родиться? Неужели нельзя воспитать в себе эти качества?»

Она миновала дом № 4, явочную квартиру подпольщиков: «Туда мне нельзя!», поглядела на темнеющее слева здание художественной галереи и свернула в глухой темный переулок. Вот и калитка. «Нужно войти во двор, повернуть направо, подняться по лестнице на второй этаж и постучать два раза по два в двустворчатую дверь», — вспоминала она...

Лестница грязная, полутемная, небольшой мрачный коридор, освещаемый тусклой, засиженной мухами пятнадцатисвечовой лампочкой, с затоптанным, давно не мытым полом, заляпанными серовато-бурыми стенами. Она подошла к облупившейся двери и прижалась к ней ухом. За дверью тихо, слишком тихо. Елизавете Николаевне почудилось даже, что кто-то стоит с той стороны двери и слушает. Ее все больше охватывал страх, казалось, беспричинный, внезапно пробудившийся, непонятный. Еще мгновение, и она повернулась бы, опрометью кинулась из дома... Но, пересилив себя, постучала два раза и потом еще два...

Дверь тут же отворила свою черную пасть, из темной прихожей послышался хриплый блеющий мужской

голос, в котором звучала напряженность, а может быть, затаенное злорадство, опасение или какая-то вкрадчивость, неприятно и неожиданно режущие фальшью слух.

— Входите, пожалуйста! Вы одни?

— Вы Костя? А я Лиза! Мы с вами встречались у Егора Дуюна незадолго до его провала. Помните?

— Как же, как же, садитесь, озябли, сейчас я вас чаем напою. Устраивайтесь поудобней, посидите минуточку, я к соседке сбегаю... возьму... — Он пошарил глазами по старинному, видавшему виды дубовому буфету. — Возьму у нее заварочки! Располагайтесь как у себя дома. — И быстро вышел.

Хлопнула дверь, и тонкий слух Елизаветы Николаевны уловил щелканье замка. Она вздрогнула и невольно подошла к окну. «Он меня запер. Не надо было мне сюда приходить!» — мелькнула у нее первая мысль, потом вспомнила, как Костя, странно сутулясь, избегая ее взгляда, нерешительно топтался на месте перед буфетом, словно выискивая повод, чтобы отлучиться, и шарил глазами по полкам...

Учительница подошла к буфету, и первое, что увидела, была железная коробочка из-под чая. Отворив ее, обнаружила недавно распечатанную пачку настоящего чая... «Откуда здесь настоящий чай?! Он меня обманул! Неужели провокатор?! А кто же еще?! Он меня запер... Бежать!» Убедившись, что дверь заперта, кинулась к окну. Рама была старинная, дубовая. Шпингалет испорчен, его заменяли большие, вбитые почти по самую головку ржавые гвозди. «У него должны быть клещи. Или разбить стекло?.. Шум... И как потом прыгать?» — лихорадочно шарила глазами, прижимая рукой маленький браунинг, спрятанный под кофтой.

Сосредоточившись и стараясь быть спокойной, она принялась искать клещи или подходящую железину, чтобы вытащить гвозди. Текли минуты... Она уже не сомневалась, что Костя провокатор; от соседки он давно должен был вернуться... И когда она потеряла всякую надежду, клещи нашлись в прихожей на полке.

Взобравшись на подоконник, она довольно легко вытащила верхний гвоздь, зато нижний не поддавался никак. А минуты текли...

С нечеловеческим усилием, которое придали ей злость и отчаяние, она нажала на клещи, сорвала с гвоздя шляпку, но согнула его. Рванула раму, и та от-

ворилась. Предстояло вытащить еще два гвоздя в наружной раме...

В этот момент до ее слуха донеслось щелканье замка в наружной двери. «Не успела!» — Елизавета Николаевна спрыгнула с подоконника, кинулась за дверь, которая вела в прихожую, вытащила пистолет и спустила предохранитель...

Сквозь щель она видела, как отворилась дверь, как вошел «Костя», как, увидев распахнутую раму, полагая, что она выпрыгнула, крикнул:

— Она ушла, поглядите, окно!

— Ферфлюхте вейб! — вваливаясь вслед за «Костей» в переднюю, прорычал широкомордый, плотного сложения гестаповец.

«Я покажу тебе сейчас, кто эта «проклятая баба», и тебе тоже, предатель!» — и сразу успокоилась. Прекратилась противная внутренняя дрожь, не тряслись больше руки... Стреляла Елизавета Николаевна сквозь щель, стреляла в живот, чтоб не промахнуться, сначала в «Костю», потом в гестаповца — по пуле, потом еще по две пули...

«Ну вот и все... Путь свободен!» И она вышла из-за двери, ступила в прихожую. В этот же миг ее прострочила автоматная очередь. Она хотела поднять руку с пистолетом, оставалось еще два патрона, но рука не слушалась, в глазах потемнело, Лиза сделала шаг, другой и рухнула лицом вниз на пол. Последняя ее мысль была: «Осталось два патрона... жаль...»

3

Толя неторопливо шагал по скользкой дороге, сжимая в руке записку Елизаветы Николаевны, которая так неожиданно для него из строгой, уважаемой и по-своему любимой учительницы вознеслась на пьедестал подпольщицы, партизанки, большевички; такой, каким был бы его отец, если бы он дожил до этих дней.

На Годуновской Толю знали все мальчишки. Сверстники называли его уважительно Соколиным Глазом, парни — забиякой, которого надо еще проучить, а взрослые — драчуном, хулиганом, дурно влияющим на их детей. Он был рослым, живым, ловким парнишкой, вожаком «шайки краснокожих», наводившей свои порядки на улице.

Пятый номер на Годуновской сгорел от зажигатель-

ной бомбы в начале войны. Остались одни стены с черными глазницами окон. Дом стоял в глубине сада. Деревья уцелели, и теперь вдруг поднявшийся ветер завывал в их голых кронах. Было темно и страшно. Ноги вязли в размокшей, присыпанной снегом листве и рыхлой земле. Вот наконец и край стены. Нащупав шатающийся кирпич, Толя положил записку. В тайнике, как и предполагала Елизавета Николаевна, оказалась другая. Вытащив ее, он вложил кирпич на место, вышел на улицу и побежал к Завадским, но приостановился: вспомнил, что надо порвать записку на мелкие кусочки не читая... это было выше его сил! При свете тусклого уличного фонаря Толя с трудом, но все-таки разобрал — да и как могло быть иначе для Соколиного Глаза:

«Костя» — провокатор, подлежит уничтожению. Всем! Всем!»
10.X.42. «Старик».
Лизе КК у «Вани».

«Елизавета Николаевна пошла, наверно, к этому Косте! Если он провокатор, ее надо скорей предупредить!» — сообразил в ту же минуту мальчик и кинулся со всех ног обратно. Долетев пулей до сквера, пустился бегом в ту сторону, куда она пошла; пробежав квартал-другой, понял, что отыскать ее безнадежно. «Полз как улитка! Эх, ты! Она ведь просила: «Беги!» — и уныло побрел обратно...

У Завадских Толя узнал, что у них была и недавно ушла его мать. Домой он пробирался прежним путем, через соседний двор, отодвинув доску, и через черный ход.

В кухне никого. Пахло жареным мясом. И Толя почувствовал, как ему хочется есть. В столовой раздавались чужие голоса. Говорили по-немецки. «Хоть бы вышла мать!» — подумал он, и точно по волшебству в кухню заглянула Разгильдяева.

— Ну слава богу! Ты уже здесь! Голодный? Сейчас я тебя покормлю. Если спросят, где был, отвечай: «У Завадских», — она усадила его за кухонный стол.

Толя всегда удивлялся, каким образом мать угадывала все его желания, проникала каким-то непостижимым образом в самые сокровенные тайники его души, читала его мысли и знала наперед, что он «вытворил» намеренно, а что ненамеренно.

— Елизавету Николаевну ты не видел. Понятно? — строго наставляла она.

Он кивнул, понимая, что мать готова была ради него пойти на все... На десерт мать подала ему два печеных яблока, полив их горячим молоком. Потрепала по щеке:

— Ешь, сынок, а я пойду туда, — войдя в столовую, плотно закрыла за собой дверь.

Голоса зазвучали глуше. Толя доедал второе яблоко, когда раздался телефонный звонок. Вскочив из-за стола, он приблизился к двери и прислушался. Сначала говорил «он» — мальчик всегда называл Околова «он», потом телефон взял немец.

— То есть как убиты? — заревел он. — Лейтенант Фейнрих и еще кто? Ах, этот идиот Костя! И она тоже? Она нужна была мне живая! Проклятье! Вы все там кретины и болваны! Сейчас я приеду! — И немец с шумом повесил трубку. Толя услышал еще: «Господин Околов, эта большевичка Соколова убила моих людей и сама, видимо, убита в перестрелке. Я уезжаю. Какая досада! Ниточка опять оборвалась! Вам я советую выбирать в дальнейшем проверенных людей. Мне придется обо всем доложить господину группенфюреру Наумену. Вас же, фрау Валентина, благодарю за оказанную помощь. Кстати, где ваш сынишка?

— Давно пришел, бегал к товарищу. Он недолюбливал эту учительницу и вечно убегал к Вите Завадскому. Я от них пришла.

Толя понял: мать его выгораживает, понял также, что она чем-то помогла гестаповцу — недаром он ее поблагодарил. Неужели она виновата в смерти Елизаветы Николаевны?! Или он сам?! Не поторопился, не прочел вовремя записки, не смог разыскать учительницу!

Толя кинулся в чулан, прижался к мешку с картошкой и глухо зарыдал...

Когда мать отыскала его там и хотела ласково прижать к себе, он истерически крикнул:

— Уйди! Убийцы вы! Убийцы!!!

4

Обыск в квартире Околова и разоблачение гувернантки его приемных детей, оказавшейся большевичкой-подпольщицей, не могли остаться не замеченными всеми энтээсовцами Смоленска; среди них быстро рас-

пространились слухи, будто Околов теперь на особом подозрении у гестапо, что дни его, как представителя «Зондерштаба Р» в Смоленске, сочтены, поскольку немцы таких ошибок не прощают...

Около месяца Георгий Сергеевич вел тайные переговоры то с гестаповцами, то с обер-лейтенантом имперской службы безопасности (СД), прославившимся убийствами евреев Алферчиком, то с заместителем начальника полиции Смоленской области Виноградовым, то с помощником бургомистра Смоленска Ганзюком и многими другими лицами, успевшими выслужиться перед фашистами. Околов понимал, что теперь ему срочно следует отличиться не только перед немцами, но и своими энтээсовцами в какой-то особой роли, может быть, даже вождя «третьей силы». Замысел зрел в его голове адский. Почти каждый день к нему на квартиру наведывался кто-либо из единомышленников. Пришло длинное, полное упреков письмо от Вюрглера, одного из руководителей всего «Зондерштаба Р», дислоцированного в Варшаве, на улице Хмельная, 7, с вывеской: «Восточно-строительная фирма Гильген».

Околов терпеть не мог Вюрглера, считая, что ему больше подходит амплуа хозяина бакалейной лавки; но покуда приходилось принимать письма из Варшавы как приказы... Вюрглер настаивал на установлении контактов с профашистски настроенной так называемой бригадой Каминского, требовал послать туда группу своих людей для «внедрения». «Нужно создать нам армию солидаристов, как это сделали Бандера и Мельник на Украине, свою «третью силу», которую возглавит Байдалаков», — писал Вюрглер.

«Когда еще мы успеем создать свою армию? — вздыхал Околов. — Прежде всего мне нужно выпутаться из недавней истории...»

В последнем письме Вюрглер угрожал: «До руководства дошли слухи, Георгий Сергеевич, что вы, забыв о нуждах Центра, увлеклись меркантилизмом. Мы покуда смотрим на это сквозь пальцы; немецкое командование высоко оценило ваше личное участие в блестяще проведенной операции «Ревком» против смоленского подполья. Но мы знаем, что там отличились и Алферчик, и Шестаков, и Ширинкина...»

«Ага! Он меня стращает! — зло подумал Околов. — Но я выкручусь из этой истории! Я знаю, что мне сделать...»

В конце ноября, вечером, к нему на квартиру пожаловали отличившиеся в операции «Ревком» Ширинкина с друзьями.

Околов встретил их весело.

— Мы пришли по поручению госпожи Либеровской пригласить вас, Георгий Сергеевич, с супругой на вечер «Под зеленой лампой», — заговорила осипшим голосом Ширинкина. — Это у Никольских ворот. Вера Либеровская — чудесная артистка, вам понравится. Там будут читать стихи, петь романсы... — рассыпалась она в похвалах будущему вечеру.

— И кухня у нее первый класс! — в тон им добавил Околов и понимающе заулыбался. — Мы обязательно будем. Правда, Валя? И надеюсь, я тоже всех повеселю...

Околов давно знал об этой «вечеринке» и готовился к ней по-своему, чтобы навсегда смыть с себя «пятно гувернантки».

Разгильдяева заметила, что муж и гости как-то с полуслова понимали друг друга. У нее возникло ощущение, что они заранее обо всем договорились.

— Часикам к девяти приходите! — кланяясь и щелкая по-офицерски каблуками, приглашал Радзевич.

— И театральное представление будет, — подмигнула Околову Ширинкина.

— И солисты выступят, — подхватил Георгий Сергеевич.

— А ты, Ара, что-то вроде похудела, — ласково обнимая за плечи Ширинкину, произнес Околов и тут же пояснил жене:

— Мы с Ариадной Евгеньевной старые друзья, Валюша, не ревнуй! Романа у нас никогда не было, хотя мы и любим друг друга. А в салон Либеровской мы пойдем, это будет... — он сделал паузу, — весьма поучительно.

Чутье подсказывало Разгильдяевой, что муж, принимая приглашение на вечер, сам готовит что-то необычное и... жуткое.

5

Народу в апартаментах фрау Либеровской собралось много: пришли почти все «берлинцы»; явилась элита во главе с двумя какими-то важными господами в штатском: все, начиная с обер-бургомистра Смоленска Мень-

шагина, начальника политического отдела городской полиции Алферчика, а также Ольгского и Ганзюка. За «штатскими» все ухаживали, перед ними лебезили. Хозяйка усадила их на самые почетные места и следила за тем, чтобы на тарелках у них лежали лучшие кусочки мяса, а в бокалах пенилось французское шампанское.

Потом Разгильдяева узнала, что один из них, пониже ростом, непосредственный начальник ее мужа — Александр Эмильевич Вюрглер, прибывший из Варшавы, а другой — немец из отдела группенфюрера Наумена.

После ужина перешли в гостиную. Пела, читала стихи Либеровская. Потом начались танцы. К Разгильдяевой подошел и пригласил на танец Ганзюк, высокий шатен, тщательно прикрывавший свою лысину. Ей нравились его выразительные карие глаза, орлиный нос и военная выправка. Все это производило неотразимое впечатление на местных дамочек. Был он неизменно галантен и вежлив.

— Простите за смелость, Валентина Константиновна, — начал он, чуть грассируя, — пользуясь случаем, пока Георгий Сергеевич ведет серьезный разговор с Вюрглером, признаюсь, что вы самая интересная дама на сегодняшнем вечере.

Разгильдяева, вальсируя, наблюдала за мужем: Околов, одетый в полувоенный костюм, напряженно глядел почему-то в окно, а Вюрглер оценивающе поглядывал на нее сквозь золотые очки, заложив большие пальцы рук в нижние карманы жилетки и выпятив животик, на котором поблескивала массивная золотая цепочка от часов. Поймав ее взгляд, он шевельнул тараканьими усами, видимо, пытался улыбнуться. И тут же его заслонила танцующая пара.

«Противный тип! Навозный жук! — подумала она. — И какая ухмылка!»

Разгильдяева заметила, что Вюрглер кивнул головой мужу, небрежно сунул два пальца стоявшему неподалеку Алферчику, направился к хозяйке, неуклюже потоптался перед ней, изображая поклон, приложился к ручке и двинулся к выходу.

Танец закончился, и Разгильдяева направилась к мужу. Околов стоял с Алферчиком и, тыча указательным пальцем ему в грудь, где поблескивал немецкий орден, едва раздвигая губы, что-то выговаривал. Беседа бы-

ла не из приятных, это можно было прочесть по их лицам: злому и агрессивному у Георгия Сергеевича и растерянно-глупому, даже напуганному у Алферчика.

Женское любопытство взяло верх, и ей захотелось узнать, за что муж распекает «дружка». Они стояли за колонной, что позволяло незаметно к ним подойти.

— ...катал, пьяный был, вот и катал, хорошенькие цыганки, пели, плясали, потом поиграли немного с ними... — Алферчик жадно выпил содержимое стакана, который держал в руке, пролив несколько капель на новый, с иголочки темно-серый костюм. — А расстреляны они со всеми прочими цыганами согласно приказу генерала Наумана, при чем тут я? Ты просто срываешь на мне злость!

Он оглянулся и встретился глазами с Разгильдяевой.

— Весь город видел, как ты с ними на тройке раскатывал! — прошипел Околов и тоже обернулся.

— Не пора ли нам домой? — проворковала Разгильдяева, обращаясь к мужу. — Третий час...

— Господа! Прошу к столу, кофе, чай, шоколад! Милости просим в столовую, — громко провозгласила хозяйка.

— Рано еще, Валюша, мы с тобой досидим до конца, и ты посмотришь «театральное представление». Всем это полезно! — Он взял жену под руку и повел в столовую.

Стол был уставлен сластями и бутылками. Разгильдяева никогда в жизни не видела таких красивых бутылок с винами, коньяками, ликерами, ромом, виски и шнапсом.

Началась пьянка. Женщины разомлели, раскраснелись, глаза их стали маслеными, губы влажными, а у мужчин в глазах загорелся похотливый огонек.

Сидевшая напротив Ширинкина поводила оголенными плечами, смеялась грудным, волнующим смехом, томно поглядывала то на статного Алексея Радзевича, то на соседа слева, рыжеватого нахального Шестакова.

Глядя на них, Разгильдяева тоже сделала глазки Ганзюку. А тот, опасливо косясь на Околова, принялся подливать ей в бокал.

Шум нарастал, гости постепенно забывали о приличии, веселье переходило ту грань, которая отличает людей от животных.

— Господа! Внимание! Внимание! Прошу всех перейти в гостиную, — внезапно, заглушая громкий говор

и смех, во всю глотку заорал обер-бургомистр Меньшагин.

— Представление начинается! — со зловещим торжеством провозгласил Алферчик, поднимаясь из-за стола, и пьяным жестом пригласил притихшую компанию в гостиную.

Там было темно, свет проникал из отворенной в столовую двери, из сереющих окон, шторы которых были раздвинуты. Впереди полукругом в два ряда стояли стулья.

— Садитесь, господа, а кто помоложе, может и постоять! То, что мы сейчас увидим, трагично и страшно: в окне появится богиня судьбы — Немезида! — громко объявил, выступая вперед, Околов, поправляя на носу очки-пенсне. Он был, как сразу поняла Разгильдяева, почти трезв.

— Сейчас вы увидите акт возмездия евреям. Заявляю, что сионисты, начиная с Троцкого и К°, хотели захватить власть в России. Издавна они ковали крамолу, замышляя уничтожить русскую интеллигенцию, вызвать голод, обесценить золото, наше национальное искусство... Их американские миллиардеры под видом благотворительности везли и раздавали населению хлеб, взамен получая лицензии на беспошлинный вывоз музейных редкостей и антиквариата. Наша богатая страна стала нищей... Она погибает в этой войне по вине сионистов...

За окнами в сером предутреннем рассвете открылась кое-где припорошенная снегом глухая унылая поляна. Чуть подальше, навевая жуть, темнел ров... И вдруг тишину рассек пронзительный женский вопль, потом послышался собачий лай и громкая ругань. И тут же вопль прервался выстрелом...

Все сидевшие в гостиной бросились к окнам.

По оледенелой дороге гнали голых мужчин, женщин, подростков, детей. Они шли под ветром босые, с искаженными лицами, с трудом волоча ноги; останавливались по приказу, вобрав голову в плечи, извиваясь под ударами, падали... поднимались и шли, точно под гипнозом, дальше к вырытому ими же накануне глубокому рву...

— Глядите! Их настигла Немезида! — зло, жестко, словно хлестнул кнутом, крикнул Околов.

— «Всех жидов не перебьешь и Россию не спасешь», — насмешливо заметил молодой красивый мужчина с выразительным лицом.

— Спасем! — оборвал его Околов.

— Мы не черная сотня! — возразил ему тот же мужчина. — К чему это издевательство над людьми? Зачем нам, солидаристам, быть прихвостнями фашизма?

— Но евреи помышляют о мировом господстве! — закричал Околов. — И вы, Горемыкин, слишком еще молоды, чтоб поучать!

— Каждый человек, каждая нация, племя, народность имеют право на существование, на соблюдение своих обычаев, на свои убеждения, веру, если хотите, и на своего бога... НТС, к которому мы все принадлежим, как я понимал до сих пор, является союзом народов, содружеством равных. — Он поднял угрожающе руку и воскликнул: — Господа! Господа! Опомнитесь! Не забывайте — «Взявший меч от меча и погибнет!».

Кто-то закричал, затопал ногами...

— Опомнитесь, господа! Это зрелище недостойно нас! Мы себя унижаем! Одумайтесь! — не унимался Горемыкин, обращаясь к присутствующим. — Что с вами?!

А голые люди за окном все шли, молча и покорно, пара за парой. Казалось, глядя в небо, они молились своему грозному богу Иегове, имени которого даже не смели произнести. Их тела не ощущали холода морозного утра, побоев озверелых гестаповцев, и лишь когда на людей спускали овчарок, в толпе раздавались вопли... У рва их убивали выстрелами в затылок... Вот и последняя пара. Они с трудом волокут за ноги труп женщины — это ее истошный вопль донесся до пирующих гостей Либеровской.

Все будто оцепенели. Лишь один осмелился возразить Околову и Алферчику. Разгильдяева знала о Горемыкине, что этот подававший надежды артист выступал под псевдонимом Илья Горин. На фронте он попал в плен, смалодушничал и поступил на службу к немцам, в отдел «В» — культурной пропаганды. Теперь сотрудничает с «солидаристами», выступает в группе «Веселые друзья».

Околов глядел на побледневшие лица собравшихся и читал в их глазах испуг, смешанный с возмущением.

— Чего это у всех губы трясутся? — насмешливо обратился к гостям Алферчик. — Сейчас получит возмездие вторая партия. Это уже не евреи, а «ревкомовцы». Они бы вас не пощадили! Это наглые большевики. — Голос его взлетел до фальцета.

Их было человек тридцать. Впереди, гордо подняв голову, сцепив руки на груди, шла голая молодая женщина, остальные, казалось, равнялись по ней.

— Любуйтесь, это красная гвардия! — обратился Алферчик к стоящей рядом с ним Ширинкиной. — А как Маруська вышагивает! Ни дать ни взять под венец идет! Глупая девка, но стать как у Дианы, торс, ноги... Здорово ты, Ара, ее вокруг пальца обвела! Сколько с ней в камере просидела?

— Почти три недели, — шепотом промолвила Ара, отводя глаза в сторону. Кончик ее носа побелел, а нижняя губа едва заметно подрагивала. «Какой разительный контраст между одними и другими. А ведь они все советские люди, казалось бы...»

— Вот, вот! Видите! Эти не сломлены! — вдруг закричал Околов. — Их всех надо убивать, убивать! Они хуже евреев! Тех обманули раввины и цадики, а эти сами ведут за собой других. Убивать!

— Ты вроде боишься, просила не увечить ту большевичку... Жаль, не разглядел я ее на допросах. Вроде баба как баба... но фанатично предана большевикам.

— Оставь ты Ару в покое! Неужели ей приятно вспоминать всю эту грязную историю, — раздраженно прервал Алферчика Горемыкин.

— А ты в белых перчатках хочешь с большевиками бороться? — окрысился Алферчик и потрогал почему-то свой орден на груди. — Большевиков и евреев будем стрелять!

— Господа! Господа! — остановил их Меньшагин. — Как известно, группу из неблагонадежных элементов, которая пошла на удочку, благодаря ловкой и рискованной работе Ариадны Ширинкиной, решили отправить в лагерь, однако стало известно, что негласным предводителем этой банды была недавно обезвреженная Соколова. В подобных обстоятельствах оставлять их живыми было бы опрометчиво...

Тем временем за окном, скользя по ледяной дороге, девушка поднялась на небольшой пригорок, приостановилась, дрожа, поглядела на розовеющее небо с голубыми оттенками пробивавшегося из-за тучи лунного света. В тот же миг к ней подскочил офицер, что-то крикнул, замахнулся хлыстом, но ударить не успел: могучего роста мужчина, которому, видимо, товарищи распутали скрученные проволокой руки, заслонил ее и, выхватив на лету хлыст, ударил рукояткой гестаповца по го-

лове... тот упал, а голый мужчина кинулся к шагавшему на обочине конвойному, но, встреченный автоматной очередью, рухнул на землю. Пули задели еще пятерых, двое упали как подкошенные, трое, пробежав несколько шагов, тоже уткнулись в землю... На пригорке осталась только голая девушка. Она стояла, пошатываясь, дрожа всем телом, но вскинув голову в небо... И тут послышалась автоматная очередь. Все стихло.

Ширинкина, дико вскрикнув, выбежала из комнаты. Разгильдяева кинулась за ней. Грубо выругавшись, Горемыкин тоже пошел за ними, но в дверях задержался:

— До чего докатились! Строители Великой России, со звериной жадностью, горящими глазами, искаженными лицами смотрят, как убивают людей, убивают женщину... — Он догнал Ширинкину, хотел высказать все до конца, но только махнул рукой.

А та, прочитав на его лице брезгливость, молча подошла к буфету, налила себе в стакан водки, выпила разом; одернула платье, будто оно было замарано чем-то, и направилась обратно в гостиную.

— Избрала свой путь... впрочем, к нему тропы давно уже были проложены... — пробормотал вслед ей Горемыкин.

— Валентина Константиновна, хотите, я провожу вас домой, я ведь тоже на Годуновской живу. У меня пропуск на двоих, — обратился он к Разгильдяевой.

Она, потрясенная виденным, ничего толком не понимая, закивала головой. В ее сознании еще шла вереница беззащитных людей, которых били, травили собаками, и, как апофеоз в этой страшной картине, — стоявшая на небольшом заснеженном пригорке обнаженная девушка с высоко поднятой головой...

Она не помнила, как покинула салон Либеровской, как шла под руку по улице и почти ничего не запомнила, о чем возбужденно говорил ей рядом шагавший Горемыкин. Она только вздрагивала от выстрелов за Никольскими воротами.

— Мы сами виноваты, Валентина Константиновна, — оправдываясь, нервно говорил Горемыкин, вовсе не думая о том, что обращается к жене Околова, который, наверное, с каменным лицом смотрит на казнь еще одной партии людей. — Околов вожак энтээсовцев на Смоленщине... Он это зря придумал...

Горемыкин уже не мог остановиться.

— Мы погибнем, мы обречены, — бормотал он. — Нам надо вернуться к своему народу. Дворянину сейчас больше пристало стоять на пригорке рядом с той девушкой, чем смотреть в окно...

— Я не дворянка, Илья, — прошептала Разгильдяева. — И вас не понимаю...

— Что тут понимать! Ваш муж... ваш муж... Это ужасно! Всякая безграничная власть или, верней, упоение этой властью растлевает душу, совесть, сердце, ум, порождая пьянство, разврат, желание поживиться, зависть, недоверие, злобу. О! Гордыня — мать всех пороков! У нас атрофируется элементарное, присущее каждому существу чувство любви к Родине... — Горемыкин вдруг опасливо посмотрел на Разгильдяеву, но та, казалось, настороженно прислушивалась к чему-то другому. — Ваш муж... Чудовище!

— Извините, — словно проснувшись, виновато сказала она, — я задумалась и никак не могу прийти в себя после всего виденного. Не простят нам русские люди, и евреи не простят... Я заметила, в колонне шел седой старик, это наш лучший портной. Наум Маркович, он шил мне костюм... теперь я не смогу больше его надеть... Я ведь не знала... — И она виновато опустила голову. — Что мне делать?!

6

Разгильдяева больше не ходила в салон Веры Либеровской. Когда-то любимая ее артистка Смоленского театра стала ей противна. После той вечеринки между ней и мужем будто черная кошка пробежала. В то утро он вернулся домой полупьяный, с налитыми кровью глазами.

— Почему меня не дождалась? Не понравилось? — ощерившись и прищурив глаза, набросился он на жену.

— Не женское это дело... Я мать двоих детей, я не могу этого видеть!

— А доносить на них можешь? Это женское дело? Тебя интересуют только деньги, колечки, браслетики, сережки, золотишко! Да? Чтоб дом был полная чаша и чтобы «ручки были чистенькими»? Не выйдет!

— Не могу я, Жорж, пойми! Видеть такое я не в силах...

— Убежала с этим трусом... Горемыкиным... предателем, он и нас предаст!

С тех пор Околов ходил «посидеть под зеленой лампой» в салон Либеровской без жены. А она металась по ночам в беспокойных снах, просыпаясь на заре от стрельбы, доносившейся от Никольских ворот... Ей казалось, что там мучают и убивают людей каждые сутки, беспрестанно. Она шептала в подушку: «Ты уже избрала свой путь, возврата нет. Знала, на что идешь, теперь терпи и благодари бога, что муж не поднимает на тебя руку... Насмотрится казней, и пройдет у него сатанинское наваждение... Галюша к нему привязалась, и Толя вроде больше не смотрит волчонком. Я мать, кто о моих детях позаботится?»

Все смешалось в сознании Валентины Константиновны, все перепуталось. Она боялась Околова, но видела в нем спасителя своих детей от голода; она боялась немцев, но при них ей жилось не хуже, чем до войны, хотя тысячи советских людей голодали, умирали, их сажали в лагеря. «Что же творится на белом свете?!» — спрашивала она себя...

Кошмары мучили Разгильдяеву каждую ночь...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВИТЕБСК УМИРАЕТ, НО НЕ СДАЕТСЯ

Синеет обрыв над рекой.
Стоит обелиск на вершине,
На нем, обагренный зарей,
Орел свои крылья раскинул.
Он в памятник когти вонзил,
Недвижим и залит зарею,
И, крылья раскинув, застыл
На страже уснувших героев.

Максим Танк

1

Ксения Околова отвела Олега Чегодова на конспиративную квартиру и представила широкоплечему сероглазому блондину, одетому по-крестьянски в рубаху-косоворотку и обутому в кирзовые сапоги.

— Знакомьтесь: это наш товарищ, Яков Иванович Боярский!

Олег, почувствовав его крепкое рукопожатие, тут же вспомнил 1940 год и встречу в Бухаресте со связным Хованского: «Та же военная выправка, так же чисто выбрит, только взгляд построже и похудел — Сергеев! Конечно, Сергеев! Почти не изменился, не то что я после ареста, допросов, тюрьмы, бегства, жизни в подполье в Черновцах, Залещиках, смерти Анны, убийства, верней, расправы с тремя немцами, Львова и его страшной тюрьмы и, наконец, разрушенного, полусожженного Витебска...»

Да, все пережитое очень изменило внешность Олега: заострились черты лица, взгляд стал жестче, голос тверже, жесты решительней; Олег стал совсем другим человеком.

Боярский пристально всматривался в его лицо. Олег сухо шепнул слова пароля:

— «Я из Ясс к Сергею». — И, подождав, добавил: — А вот «Марошеште» у меня нет. Куда вы тогда запропастились? Чревато было это ваше исчезновение...

Скоро они уже беседовали, сидя за столом. Сергеев признался, что в Бухаресте был самоуверенным, делил мир на две половины — белую и черную, а к черной прежде всего относились эмигранты и недобитые прихвостни буржуазии. Но все оказалось не таким простым. Особенно с началом войны: классовые враги вдруг становятся союзниками, церковь возносит молитвы за Советскую власть и победу Красной Армии, а белоэмигранты создают в Европе Сопротивление, собирают деньги и организовывают общественное мнение в пользу Советов...

В ответ на откровенность Боярского-Сергеева Олег чистосердечно рассказал, как он долго метался в поисках «своей России», как всегда чувствовал себя ее «малой толикой», но никак не мог слиться с тем большим Я, утерянным «по заграницам» двадцать лет тому назад, и как постепенно он подчинил себя покуда еще непонятной, но уже родной стихии — борьбе с фашизмом за освобождение Родины, какой бы она ни была, лишь бы свободной от немецкого порабощения!

Эта исповедь понравилась Боярскому-Сергееву. Он увидел в суровом лице и строгом взгляде дворянского отпрыска глубокую искренность и преданность Советской России.

Боярский, в свою очередь, рассказал, что, как только началась война, он по заданию Центра остался в оккупированном немцами Витебске для подпольной работы в тылу врага...

— Мне приятно сообщить, что вам доверяют, — продолжал Боярский. — И прежде чем отправить на ответственное задание, которое, кстати, по месту исполнения совпадает с заданием Околова, я давно хотел поговорить с вами по душам.

— А теперь, Олег, расскажите все, что вы знаете об этом деле, — вмешалась Ксения Околова.

— А для ясности, Олег, Центр интересуют все детали о профашистском воинском формировании Каминского, в частности, о том, какие надежды возлагает на эту бригаду исполбюро НТС, — добавил Боярский.

— Понимая, что блицкриг с Россией затянется, руководство НТС пришло к убеждению, что следует создавать свою армию — «третью силу», которая после разгрома немцами Красной Армии и победы союзников над фашистами скажет свое слово. Эта идея усыпляет совесть и аргументирует борьбу против Родины вместе с немцами. По этой причине исполбюро НТС направило поначалу в бригаду Каминского одного из опытных вожаков из германского отдела, тесно связанного с гестапо, Романа Редлиха, а вслед за ним довольно многочисленную группу энтээсовцев для ведения пропаганды идей «солидаризма». Кроме того, Околов вызвал меня в Смоленск, чтобы с ним поехать в Кишинев за «Льдиной» и передать ее Каминскому с целью заслужить доверие и проникнуть в святая святых — подспудную деятельность бригады, в разведку и контрразведку, возглавляемую начальником окружной полиции Масленниковым.

— Нам известно, Яков Иванович, — вмешалась Ксения Околова, — что с согласия заместителя командующего 2-й армией генерала Шмидта Воскобойник и Каминский сколачивают в поселке Локоть так называемую «Национал-социалистскую партию России» и создают бригаду из крупных полицейских сил и целых военных формирований. Эта бригада состоит из военнопленных, обманутых крестьян, бывших меньшевиков и эсеров, отъявленных бандитов, уголовников, оказавшихся на свободе в результате внезапного наступления врага.

Боярский-Сергеев продолжал инструктировать Олега:

— Надо отыскать путь к внедрению в руководящие органы бригады. Твой будущий начальник, врач Незымаев, свяжет с партизанами, поможет добыть сведения о дислокации отделов бригады, ее составе и вооружении; тебе будет легче проверить надежность направленных в в бригаду наших людей, работающих ездовыми, поварами, конюхами, санитарами. Всем им, занимающимся разложенческой работой, нужна связь и содействие. Все запомни, Олег, но перед твоим отъездом еще поговорим.

Во вторую встречу Боярский, сделав некоторые уточнения, жестковато, но по-товарищески добавил:

— У тебя, Олег, будет прямой доступ к типографии, товарищи помогут подобрать двух-трех типографов и наладить печатание листовок-сводок Совинформбюро о зверствах фашистов в области... Но главное — мешать формированию банды, так называемой «Русской народной армии»... Таков приказ Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандующего...

— С кем я буду связан, кроме врача? — уточнил Олег.

— Все решит Незымаев.

— Лучше бы уж мне в партизаны податься, — вздохнул Чегодов, — с оружием я обращаться умею...

— Ты это брось! — строго оборвал Боярский-Сергеев, закуривая самокрутку. — Отводи еще вечерок-другой душу с Алексеем Денисенко да с сестричкой Леоновой. И прощай Витебск! Ни пуха тебе, ни пера!..

«Сдам ли я этот экзамен? Хватит ли у меня выдержки? Главное, выдержки! Самообладания, ума и смелости, не той, что «города берет», а той, которой когда-то учил Алексей Алексеевич Хованский?» — задавал себе вопросы Олег, чувствуя свою идейную неподготовленность. Он поднялся по лестнице к себе на Ветеринарную.

На стук — звонок не работал, не было электричества — дверь отворил Леонид Евгеньевич.

— Олег Дмитриевич, как приятно вас видеть! — обрадовался он, протягивая дряблую руку и взирая с высоты своего роста через очки на Чегодова. — Пришел поболтать! Блинков поесть! Прелестно. Раздевайтесь! — И, взяв Олега под руку, направился в столовую. Потом одернул пиджак, поправил галстук и, хитро щурясь, спросил: — Как вы относитесь к Ницше?

— Как к сумасшедшему, Леонид Евгеньевич, — усмехнулся Чегодов.

— Мой дядя любит пофилософствовать, как вам известно, — улыбнулась, в свою очередь, Ксения Сергеевна, показывая глазами на Леонида Евгеньевича, — скажу по секрету: его не следует опасаться, однако и доверяться тоже необязательно. Он ненавидит Гитлера, но и не совсем согласен со Сталиным...

Ксения Сергеевна пошла на кухню смешивать подошедшее жидкое тесто. Вскоре запахло блинами. А Леонид Евгеньевич вытащил из чемоданчика бутылку водки.

— Жена не сможет прийти, у нее инфлюэнца, или,

как теперь модно говорить, грипп, — мягко выговаривал Леонид Евгеньевич. — Все меняется, смещается: заповеди господни, законы, обычаи, традиции, честь дворянская и девичья...

— Какая уж теперь честь, — засмеялся Чегодов, — коли нечего есть?.. Война... Действует закон силы!

При этих словах Леонид Евгеньевич встал в воинствующую позу, вышел из-за стола, поправил очки и, уставясь на Олега внимательными близорукими глазами, торжественно произнес:

— А вот вы и не правы! Да-с, не правы... Людьми в любых условиях правят инстинкты, но сознание контролирует их, поэтому и произошло несчастье: в сознание миллионов людей попал вирус злой идеологии, она разрушает сознание и превращает людей в зверей... Но это пройдет, люди одумаются...

— Нет, не одумаются, — быстро возразил Чегодов. — Только сила приведет в чувство фашистов. Только новая сила! — И он, сжав кулак, погрозил в окошко...

Денисенко разлил по рюмкам водку, подняв указательный палец:

— Позвольте мне слово? Года четыре назад я гостил в Черногории в доме чудесного старика, любящего зверей и птиц и все живое. Я говорю о чико Васо Храниче, — обратился он к Чегодову. — У него на лесном участке поселилось семейство фазанов. Гнездо свое они свили у самой дороги, в то время пустынной. С наступлением лета дорога оживилась, сновали люди и телеги. Старик перенес гнездо на несколько метров в сторону, чтоб сберечь уже вылупившихся птенцов. И представьте себе: фазаниха не захотела кормить своих птенцов на новом месте, а сделав вираж там, где было гнездо, улетела прочь. Чико Васо вернул гнездо на прежнее место, но мать не пожелала признать своих птенцов... Они умерли бы с голоду, если бы старик не принес их домой и не подсадил к курице. Таковы загадки природы. Так и с людьми. Никогда нельзя вернуть историю вспять...

В прихожей раздался продолжительный звонок, потом два коротких.

— Вроде Яков Иванович? — замерла у плиты Ксения Сергеевна.

— Я открою! — предложил Чегодов и направился в прихожую.

Капитан Боярский-Сергеев крепко пожал Олегу руку, потом, обняв за плечи, повел в столовую.

«Что-то произошло серьезное, — подумал Олег, — капитан никогда еще сюда не приходил, ведь мы час как расстались». И как ни в чем не бывало шепнул:

— Телогрейка, Яков Иванович, вам не к лицу. На крестьянина вы все равно не похожи. Вот в Бухаресте у вас было пальтишко что надо!

Боярский предупреждающе нахмурил брови и сжал рукой плечо. Потом, не раздевшись, вошел в столовую, сделал общий поклон, улыбнулся одними губами и сразу посерьезнел.

— Прошу прощения, но придется прервать ваш пир.

— Что-нибудь случилось? — заволновалась Ксения.

— Случилось! — Он сделал небольшую паузу. — Час тому назад Владимир Владимирович Брандт, или, как его сейчас называют, Вилли, встретился в бывшей ризнице старой церкви на Марковщине с вахтером Игнатом, который сообщил, что в больнице прячут раненых партизан; поступили они, дескать, совсем недавно, вчера или позавчера, а может, и третьего дня, когда у пристани была стрельба.

— Там взорвали склад горючего! — напомнил Чегодов.

— Брандт велел Игнату осторожненько наблюдать за всеми врачами и сестрами; куда кто отлучается и где прячут раненых, и поинтересовался здоровьем полковника Тищенко, — продолжал Боярский-Сергеев. — Так что вы, Ксения Сергеевна, на подозрении.

— Значит, Игнат не один! — испуганно охнула Околова. — Куда же девать раненых?..

— Игната давно следовало гнать из больницы под любым предлогом, я сколько раз говорил, — нервно буркнул Денисенко, закуривая немецкую сигаретку. — И с Вилли давно пора разделаться, впрочем, как и с его родичами замбургомистра Львом, или Лео, Брандтом, и его сынком Александром Львовичем, редактором фальшивой газетенки «Новый путь»...

— Ладно, об этом после. А сейчас что делать? Вилли убрать не просто, у него охрана, он заместитель начальника полевой жандармерии! Завтра, чего доброго, обо всем доложит в абвер или Дольфу. — Боярский поглядел на Чегодова: — Знаю, что тебе неприятно с ним встречаться, но ты лучше всех его знаешь. Каково твое мнение?

— Вилли — соня, любит поспать. Часикам к одиннадцати, когда прибывает большое начальство, он пойдет на Успенскую горку. — Чегодов поглядел на часы и поднялся. — Скоро семь, до комендантского часа осталось шестьдесят восемь минут. Время у нас есть. Что, если с Брандтом поговорить?

— Яснее, Олег! — Боярский поднялся и тоже взглянул на часы.

— В больнице всего три раненых партизана, никто не знает, что они из отряда особого отдела Ефимова, а обычные партизаны не великие птицы для Брандта, у него повышенные амбиции, ему снится пост большого начальника! — вмешалась в разговор Ксения Околова.

— И что вы предлагаете?

— Выиграть время, хотя бы несколько дней, чтобы выявить всех его осведомителей и поманить, скажем, дядей Минаем, тут он наверняка заинтересуется. Или полковником Тищенко, я убежден, что и обер-лейтенант неспроста нагрянул так внезапно в перевязочную, когда там был Павел Никандрович Тищенко. Игнат действует там, полагаю, не один.

Боярский задумался. Неторопливо оторвал от газеты клочок, свернул цигарку, насыпал в нее махорки. «Какая выдержка! — подумал Чегодов. — Руки ничуточки не дрожат. Сейчас все обдумает и скажет. И так тому и быть!»

— Брандт хитер, его планы нам неизвестны, и потому рисковать нельзя, надо его либо заманить, либо силком, под любым предлогом, как сумасшедшего, больного холерой, чумой, тифом, доставить на Марковщину. Что скажете, Ксения Сергеевна?

— Как раз сегодня Брандт посетил меня и жаловался на недомогание. Наверно, это был предлог, чтобы встретиться с Игнатом. Когда я уходила, он оставался еще в больнице. А «заболеть» ему лучше всего тифом! Немцы боятся сыпняка пуще чумы.

— Что, всерьез заболеть? — нахмурился Боярский-Сергеев.

— Можно ввести вакцину, и у него появятся все признаки, хоть и ослабленные, но к этому можно придраться...

— Согласен. — Глаза Боярского-Сергеева чуть прищурились. — Вы с Олегом отправитесь на Марковщину, возьмете вакцину и к Брандту. Ты, Алексей, ступай на квартиру к Леоновым, скажи Любе, пусть завтра по-

раньше придет к Брандту сделать у него на квартире дезинфекцию, позвонит в управу и предупредит соседей, чтобы во избежание заразы с ним не общались, а самого успокоит: профилактическая, дескать, дезинфекция. Вилли будет рад отдохнуть. Ведь начальник просто замучил его.

— Может, у него на квартире еще и телефон испортить? — спросил Чегодов.

— Ни в коем случае! Ты останешься в его квартире до прихода Любы, чуть попугаешь его, и на том твоя миссия заканчивается. По дороге поговорим. Завтра, как условились, уедешь в Локоть. — Капитан повернулся к Околовой: — А вот вы, доктор, утром сами позвоните в городскую управу и скажете, что у заместителя начальника полевой жандармерии Брандта подозреваете тиф, хотя полной уверенности нет, все же необходимо провести профилактическую дезинфекцию и изоляцию. Учитывая слабое сердце больного, не рекомендуете его беспокоить, что вы сами будете информировать управу о состоянии здоровья Вилли. Впрочем, доктор, вы лучше знаете, что сказать... Ну вот, с ним все ясно. А полковнику передайте, чтобы завтра в одиннадцать зашел к «старухе».

— А кто Игнату помогает, ума не приложу?! — заметил Денисенко.

— В том-то и дело, дорогой! Игната мы прощупаем! Раз он связан с Брандтом, значит, и с Дольфом! — Боярский достал из кармана белый носовой платок и утер лоб. — Зная одного агента, обнаружим и других. Плохо наблюдаем. Надо ловить малейшие детали, каждый брошенный на кого-то взгляд, случайное слово, жест. Узнать, к кому Дольф обращается за лекарствами, за медицинской помощью.

— Гм, — фыркнула Ксения Сергеевна. — Он здоров как бык, этот начальник абвергруппы триста восемнадцать. Надменный, кичливый болван! Задрав нос, обходит все палаты и потом отправляется в парк «дышайт свежи люфт».

— А я видел, как этот «болван», сначала погуляв по парку, заходит во двор, заглядывает во все окна и двери сараев, складов, кухни, а потом уж садится в свою машину. Он очень хитрый, с ним надо быть осторожным. — И Денисенко погрозил указательным пальцем.

— Ума у него я не заметила, — оскорбилась Ксе-

ния. — Ну да бог с ним! Наркотики и вакцины находятся в сейфе лаборатории. Как-то придется объяснять нашей лаборантке Кате Дроздовской, зачем понадобились тифозные вакцины. Она за них ответственна. Все регистрируется в журнале... Может быть, посвятить ее в наше дело? Меня смущает, что Катя однажды рассказывала, будто ее вызывали в НКВД для выяснения ее отношения к белому генералу той же фамилии...

— Придется, Ксения Сергеевна, искать обходной путь. Новых персонажей пока вводить на сцену не будем, — покачал головой Боярский.

— «Из Румыни-и-и по-о-оходом шел дроздовский ко-о-онный полк. На спасение-е народа, выполня-я-а тяжкий долг», — промурлыкал вдруг Денисенко. — Я знаком с Екатериной Дроздовской. Ее дедушку зовут так же, как моего отца, Гордеем. В Белграде у «дроздовцев» я видел портрет генерала, помнится, у него тоже золотистые вьющиеся волосы. Я еще спросил у Кати: уже не дочка ли она знаменитого белого генерала? Она рассмеялась и спрашивает: «Вы хоть расскажите, кто он был, этот генерал? Помню, мать в НКВД вызывали, допытывались; потом в управе бургомистр расспрашивал, в Германию ехать предлагал, и этот немец долговязый приставал как банный лист: «Ви красифи дефочка, фрейлен Дростофф». Мне кажется, Катя очень порядочная девушка, не продаст! — И все отметили, как Денисенко покраснел.

— Лесик, милый, ты, значит, к ней неравнодушен! — Чегодов улыбнулся. — Но знай, ямочки на щеках, коралловые губки, жемчужные зубки, фигурка, ножки — всего лишь кукла из дорогого магазина в немецком вкусе! На нее заглядывается обер-лейтенант Дольф! Ферштанден? — И Олег скорчил рожу. — Будь осторожен.

— Погодите, погодите! Вспомнил! — Леонид Евгеньевич вдруг выскочил из-за стола, хлопнул себя ладонью по лбу и взволнованно заговорил: — Катя прохаживалась с высоким немецким офицером в гестаповской форме на задах больничного парка! Я спрятался за дерево, и они не заметили меня, почти рядом прошли. Она довольно сносно говорит по-немецки. Это было недели три тому назад. Тогда как раз к нам погостить из Смоленска приезжала Соколова.

— А о чем они беседовали? — насторожился Чегодов. — Дело в том, что примерно месяц тому назад ге-

стапо подготавливало для Витебска чуть ли не триста осведомителей, вербуя их из разного отребья.

Леонид Евгеньевич заерзал на стуле, приподнял очки, протер их и, видя, что на него все смотрят, заговорил:

— Катя с немцем, я понял, беседовали о Генрихе и о его девушке Александре из деревни Вороны. И еще о какой-то лесопилке «зегемюле», как мне послышалось... Увы, война! Гулящие девицы не брезгуют ничем ради легкой жизни. Больше я ничего не помню. — Леонид Евгеньевич виновато поглядел на Боярского, потом перевел взгляд на племянницу и, уже словно оправдываясь, добавил: — Бедные, несчастные существа. Когда-то за стенами Марковского монастыря творили молитву богу, убивали себя постом схимники, призывая к добру, смирению и правде, а сейчас под его темными сводами таится измена, куется предательство, черное, отвратительное! Сестра милосердия выдает своих раненых палачам!..

— Не торопитесь, профессор! — прервал его Боярский. — Мы еще не знаем роли Дроздовской. Это подлежит проверке. Сейчас идите домой, завтра я зайду к вам. Надо будет укрыть полковника Тищенко у «старухи». Времени осталось немного. Разойдемся, товарищи, только не все сразу, и, как условились, соблюдайте меры предосторожности. До свиданья, Ксения Сергеевна, простите, что испортил вечеринку, вы так по-семейному уютно собрались справлять наш чудный русский обычай... — И Боярский первым шагнул к двери.

На улице было уже темно. Шел небольшой снежок. Боярский взял Чегодова под руку и, отстав немного, вполголоса произнес:

— Из поселка Локоть сногсшибательные новости: убит Воскобойник, ранен Каминский, разгромлен гарнизон в Локоте и Трубчевске. Еще неизвестно, кто возглавит сейчас НСТПР (национал-социалистскую трудовую партию всея России): Каминский или начальник полиции Масленников? У них соперничество. Запомни, Олег, еще раз — Незымаев Павел Гаврилович, начальник окружной больницы в Комаричах, молодой врач-терапевт, высокого роста, блондин. Ему можешь верить, ему будешь передавать все, что узнаешь о намерениях этих сволочей. Там, конечно, последует ряд жесточайших репрессий. Поедешь в бригаду, главное — войди в доверие к самому Каминскому.

2

Дроздовскую вызывали в городскую управу еще в декабре сорок первого, задолго до того, когда ее, прогуливающуюся с обер-лейтенантом Дольфом, видел Леонид Евгеньевич Околов.

Подружка перекрестила ее перед уходом, дала на всякий случай узелок и, утирая набежавшую слезинку, бодро напутствовала:

— Ничего, Катюша, обойдется. Будь что серьезное, сами бы пришли. Не боись!

Поднимаясь на второй этаж здания городской управы, Катя дрожала от страха.

Встретили ее у открытой двери кабинета двое мужчин — один довольно плотный шатен с мясистым носом, маленькими прищуренными глазами неопределенного цвета, большим ртом и словно обрубленным подбородком, над которым свисала пухлая заячья губа, другой — седовласый, высокий, хмурый, с пронзительным взглядом.

— Всеволод Федорович Родько! — представился первый. — Очень приятно с вами познакомиться, Екатерина Михайловна; а это наш Вилли — Владимир Владимирович Брандт — сослуживец вашего батюшки Михаила Гордеевича.

— Когда дивизия его превосходительства дислоцировалась в Румынии, я имел честь нести службу при штабе. Пойдемте в кабинет. — И Брандт взял Дроздовскую под локоть.

Катя не была дочерью известного белого генерала. Отца своего она не помнила, по словам матери, он был землемером. «Бродяга был наш Гордеич, царство ему небесное, все на охоту за утями ходил! Вот в болоте и утоп, тебе только годик миновал».

Это совпадение имени и фамилии смущало и чекистов, и ныне покойную мать не раз приглашали в ЧК, а в тридцать девятом году вызывали и ее...

«В ту пору мать и я доказывали, что мы не те Дроздовские... А что, если сейчас мне стать дочерью легендарного белого генерала?» — вдруг мелькнула у нее озорная мысль.

— Как только вам удалось спастись от большевистской расправы? — почтительно прикладываясь к ее руке, спросил Вилли, усаживаясь вслед за ней на диван.

— Матушка перед смертью сказала мне под вели-

чайшим секретом, что папа был генерал.. Официально, по документам, я дочь землемера.

— Землемера?! Молодец ваша матушка, обвела вокруг пальца чекистов! Болваны, с первого взгляда видна белая кость, благородная кровь! Какие ручки! Какая осанка! Очень, очень приятно, что мы вас разыскали! Сенсация! Дочь героя белой армии!

— Господа, мне бы не хотелось пока... — замялась девушка, подумав про себя: «Кажется, я сваляла дурака, полезла в авантюру».

— Мы повезем вас в Берлин и представим влиятельным лицам из русской эмиграции. Может быть, самому Розенбергу и, конечно, нашему вождю Байдалакову...

— Извините, — Катя испуганно сжалась. — Я никуда не хочу ехать, и вообще...

— Екатерина Михайловна, это ваш долг! — заволновался Вилли Брандт, вскакивая с дивана и наклоняясь над сидящей в кресле девушкой. — Вы прелесть и умница, подумайте, какая у вас перспектива! Я скоро зайду к вам...

На этом разговор и кончился. Дроздовская отправилась к себе на Марковщину, а Брандт — в абвер.

В абвере творилось непонятное. Никто не работал. Брандту с трудом удалось разыскать знакомого обер-лейтенанта Дольфа. Вилли, захлебываясь, рассказал, что лично он нашел дочь генерала Дроздовского!

— Господин Вилли, ваше донесение не стоит и выеденного яйца. Господа офицеры из РОВСа не желают вступать с нами в контакт. Зачем нам ваша девчонка? Черт побери, сейчас Америка объявила нам войну!..

— Как войну? — чуть не поперхнулся Вилли.

— Сегодня, одиннадцатого декабря, Америка, а точнее, мы объявили войну Соединенным Штатам Америки! Ясно? А идиоты японцы, вместо того чтобы нанести удар по Советскому Союзу, напали и разгромили американский флот на Пёрл-Харборе! Понятно? А вы суетесь к нам с девкой. НКВД подсунет вам и дочь Дроздовского, и сына Корнилова, и дочь Николая Второго... Черт знает кого! Вас, эмигрантов, большевики водят за нос как хотят... Вспомните Булак-Булаховича, Савинкова, Шульгина, «Братство русской правды», ваших солидаристов! Вы даже своих вождей не сумели уберечь: Врангеля отправили на тот свет толчеными алмазами, Кутепова и Миллера у вас украли из-под самого носа в Париже. Вы бездарны, ленивы и дезорганизован-

ны. Только мы, немцы, сможем управлять вашим диким народом. Русские цари это понимали. Недаром Петр Великий и Екатерина Великая так опирались на нас! Ясно? Где ваша девица? Я сам займусь этой особой. На днях... — и торопливо выбежал из кабинета.

Последовавший за ним Брандт, видя переполох в коридорах абвера, вернулся в городскую управу поделиться новостью с Родько. Он был оскорблен: «Мальчишка, обер-лейтенантик, смеет так унижать меня, старого полковника! Самодовольный, глупый, нахватался газетных «уток», что яблок в чужом саду наворовал, и пыжится!» Брандт и без этого немца знал, что жадная к сенсациям европейская пресса комментировала смерть барона Врангеля, умершего от туберкулеза в Бельгии, по-своему, утверждая, что это дело «рук Москвы», что генералу систематически подсыпали в еду толченые алмазы и делал это подкупленный НКВД денщик Врангеля. «Дурак этот Дольф!»

Поднявшись на второй этаж в кабинет бургомистра, Брандт застал там своего однофамильца, а может быть, и дальнего родственника Лео Брандта — заместителя бургомистра Витебска, и начальника телефонного узла Кабанова. Все трое уставились на него.

— Что-нибудь срочное, господин Вилли? — спросил бургомистр.

— Соединенные Штаты Америки объявили войну Германии, Италии и Японии! Война затягивается...

Родько вскочил и ударил кулаком по столу, взглянув на портрет Гитлера, рявкнул:

— Вот тебе и «блицкриг»! Ясно, что миссия Гесса сорвалась! Война с Америкой! — И снова ударил кулаком по столу. — Вот тебе и фунт! Плохо...

— Сейчас я был у Дольфа в абвере, он курирует больницу на Марковщине. Здоровая стоеросовая дубина! Обругал меня, когда рассказал ему о Дроздовской.

— Почему?

— Мы, эмигранты, мол, ленивы и бездарны, не умеем бороться с большевиками, позволили украсть Кутепова и Миллера, ругал РОВС, дескать, отказался с ними сотрудничать, и так далее...

— Он прав, Вилли, в те годы я жил в Париже, — заметил Кабанов, — работал у Рено. Помню, это случилось в конце января тридцатого года, все агентства мировой печати сообщили об исчезновении генерала Ку-

тепова. Сгинул среди бела дня, когда шел из русской церкви, уже в ста пятидесяти метрах от дома. Поначалу писали, будто люди видели, как он уселся в автомобиль, из окошка которого якобы генерала кто-то позвал. Потом...

— У нас в польских газетах сопоставляли исчезновение Кутепова с таинственным исчезновением его ближайшего помощника генерала Манкевича, согласно одной из версий брошенного убийцами в Сену. А спустя три месяца оказалось, что Манкевич в Москве, что он работал на большевиков и предавал офицеров, направляемых РОВСом в Советский Союз. ГПУ, разумеется, следило за ними, выявляло их пособников, конспиративные квартиры и потом арестовывало.

— Об этом я ничего не знаю, — заикнулся было Родько, — так нас всех выкрадут...

— Разведке красных было известно, — перебил Вилли бургомистра, — что генералу Кутепову симпатизировали некоторые влиятельные круги Франции и Америки...

— Ну и что? — повысил голос Кабанов. — Я помню, газеты писали об анонимном служителе больницы Сен-Жан, который, выбивая на плоской крыше пятого этажа ковры, обратил внимание на стоявший черный лимузин у самого тротуара: когда из-за угла показался генерал, к нему подошли два здоровенных парня и силой затолкнули в машину, которая тут же покатила в сторону бульвара Инвалидов. Потом напечатали интервью некой женщины из той же больницы, которая «собственными глазами» видела два автомобиля: серый и красный; у первого стояло двое мужчин — один высокий, с сединой на висках, другой молодой, очень беспокойный, в отличие от пожилого он то и дело выбегал на улицу Удино и смотрел в сторону бульвара Инвалидов; потом появился полицейский, которого она видела у больницы и раньше. — Кабанов откашлялся и поглядел на Вилли Брандта, перевел взгляд на портрет Гитлера и продолжал: — Согласно заявлению начальника парижской полиции там никогда постоянного поста не было. Так вот, эта женщина еще заметила, что к людям, стоявшим у автомобилей, несколько раз подходила молодая стройная женщина в бежевом пальто с меховым воротником и разговаривала с полицейским...

Телефонный звонок прервал рассказ. Родько взял трубку; по его выражению и квакающему из трубки

повелительному голосу все поняли, что говорит начальство.

— Яволь! Яволь, герр майор! — рявкал, в свою очередь, в трубку Родько, поглядывая на сидящего напротив него Кабанова. Потом бережно положил на рычаг трубку и вполголоса, словно опасаясь, что тот, по ту сторону провода, может его услышать, сообщил: — Да... Америка напала на Германию... Однако нас прервали. Речь шла о Кутепове. В советской печати, помнится, тоже было какое-то заявление. Мы вас слушаем, Георгий Родионович, — обратился он к Кабанову.

— Шума вокруг исчезновения начальника РОВСа было много, вранья тоже. Но тайна так и осталась неразгаданной.

— Исчезновение его преемника, генерала Миллера, заставляет думать, что это дело рук генерала Скоблина. Важно, кто стоял за его спиной. — Вилли Брандт опасливо оглянулся. — Кутепов как раз получил от французского правительства субсидию в семь миллионов франков для организации военного путча и «массового восстания крестьянства в России» и якобы к этому времени наладил связь с советскими командирами; мало того, его субсидировали мультимиллионеры Детердинг, Хувер, Крупп, Манташев, Рябушинский и другие.

— А с другой стороны, если помните, — шепотом произнес Кабанов, — согласно интервью супруги генерала она выражала сомнение, что французская полиция когда-либо раскроет это преступление, поскольку сама принимала в нем участие. Будь у Кутепова малейшее подозрение, он оказал бы отчаянное сопротивление. Физически он был очень сильным и справился бы и с четырьмя бандитами. РОВС был связан с разными разведками. И Кутепов неизменно принимал в их игре то или иное участие. Около четырехсот тысяч организованных людей, в ту пору их было столько, привыкших подчиняться одной воле и прошедших «огонь, воду и медные трубы», не шутка! Конечно, РОВС был лакомым кусочком и для французов, и для американцев, и для англичан, и, наконец, для немцев!

— Куда же делся генерал? — вздохнул Родько.

— Трудно сказать, каждая разведка хотела прибрать к рукам «внутреннюю линию». Иметь свои филиалы во всех уголках мира. — Вилли откинул со лба непослушную прядь. — Генерал Скоблин был начальником этой «линии», и, если бы являлся агентом ГПУ,

ему незачем было бы похищать Кутепова и Миллера. Зачем? ГПУ было интересней, чтоб РОВС оставался на прежних франкофильских позициях и держался в стороне от немцев.

— Положим, РОВС все время балансировал между одной и другой стороной. Правая французская печать примерно спустя неделю после исчезновения вдруг как по команде стала распространять невероятные шпионские рассказы о деятельности ГПУ. Так, кажется, в «Журналь де Пари» писали, что «организация похищения Кутепова была поручена военному атташе СССР в Берлине Витовту Путно и его помощникам Вейсману и Янеку, которые заманивали Кутепова в Берлин, обещая свидание с представителями Красной Армии для налаживания контактов...»

— Всех нас постигнет Немезида, — уставясь тупо в окно, вдруг произнес Вилли, а перед его глазами встал Львов, следственная тюрьма на улице Лонского, камера, избитый большевик Федор, его горящие, полные надежды глаза... «Товарищ уходит на свободу, надо скорей передать тайну», — и нет сил больше глядеть в эти жгучие глаза, нет сил слушать его жаркий шепот... он хватает ватник, набрасывает на лицо большевика и душит, душит, душит... «О, там знают о моих делах...» Он невольно посмотрел на застывшего в кресле «родственника» Лео Брандта и заметил, что у того дергается бровь. «Тоже небось страшится Немезиды!»

— Вилли, что с вами? — донеся до ушей Брандта голос Родько.

— В отеле «Бонер» полиция, — спохватился Кабанов, — обнаружила русского шофера, твердившего в бреду без конца, что он увез генерала Кутепова, однако шофер оказался «психически больным», потом «сошла с ума» и та женщина, которая видела похищение «собственными глазами», а служитель, выбивавший ковры, бесследно исчез. Кто знает? Может, все это были газетные «утки». А возможно, убирали свидетелей? Полиция патрулировала у портов Гавра и Шарбура, следила за движением советского судна «Карл Маркс», дрейфовавшего в этих местах и внезапно ушедшего в неизвестном направлении... Потом заговорили о Тулоне, где якобы видели генерала и куда прибыл капитан Садуль, поднявший бунт во французском флоте в девятнадцатом году под Одессой. Наконец, уже спустя меся-

ца два в печати появились высказывания свидетелей-беженцев: одни видели, как генерала Кутепова везли в Петропавловскую крепость, другие — на Лубянку.

— Нет, нет! — занервничал вдруг заместитель бургомистра Лео Брандт. — Я беседовал с Олегом Чегодовым, он занимался в вашем союзе разведкой, верней, контрразведкой, он утверждал, что похитили Кутепова немцы, немецкая разведка!

Все удивленно посмотрели на него: «Что это с ним? — подумал Родько. — Как он переменился после расстрела у Иловского оврага!» Но тут вошел долговязый Гункин, боком, словно стесняясь, приблизился к столу и, поправив очки, извиняющимся голосом объявил:

— Приходила Ксения Сергеевна... Вы велели мне после этой истории с Александром Люцко докладывать, если она будет обращаться ко мне за паспортами своим больным...

— Какого Люцко? — заинтересовался Вилли, глядя на Родько.

— Это целая история. Недавно был арестован гестапо работник областного управления НКВД города Калинина некий Александр Станиславович Люцко, которому, как выяснилось, Околова дала справку о болезни, благодаря чему его не задерживали на улице. Обер-лейтенант Дольф велел ему, — Родько кивнул в сторону Гункина, — докладывать мне, кому Околова еще продлевает аусвейсы. — И, обратившись к начальнику паспортного стола, спросил: — Так что? Кому она еще продлила аусвейс? Эх, господин Гункин, не будьте так подозрительны, вы уж слишком усердствуете.

— И не забывайте, что она сестра Георгия Сергеевича! — возмутился Вилли.

— Продлила некоему Бугузову, будто у него туберкулезное поражение сустава, коксит, кажется... — И Гункин подумал про себя: «Черт бы вас побрал, сами ударяетесь из крайности в крайность», — и подавил в себе возникшее было чувство настороженности, вспомнив, что доктор Околова брала фиктивный аусвейс для какого-то Боярского.

Заместитель бургомистра Лео Брандт пропустил разговор мимо ушей, хотя обычно дотошно вмешивался во все дела своего начальника. Сославшись на то,

что надо готовить для газеты статью о вступлении Америки в войну, он поднялся и, пожимая всем руки, с безнадежностью произнес:

— Надеюсь, господа, что нас с вами не похитят, как Кутепова и Миллера. Они занимали ложную позицию, считая, будто свержение большевиков — внутреннее дело русских и нельзя в него вмешивать иные государства. У нас другое мнение!

Родько уставился на своего заместителя:

— Да, да, могучая германская армия разрубит этот узел. Не так ли? — Бургомистр прошелся по кабинету и остановился перед Вилли. Тот откинул назад свою пышную шевелюру:

— Вы правы, в нужный момент немаловажную роль сыграет армия, которую сколотим мы, «солидаристы». Уже около сотни наших людей ведут серьезную пропагандистскую работу в бригаде Воскобойника и Каминского, уничтожают в лесах партизан. Многие награждены Железным крестом. Сейчас в бригаде насчитывается несколько тысяч человек — это ядро нашей армии, нашей «третьей силы»! «Русской силы»!.. — И понизил голос почти до шепота: — Никто не знает, чем кончится война. Немцы топчутся под Питером и под Москвой. Теперь пустила в ход свою военную машину Америка, да и с Англией шутки плохи. Поэтому нам следует крепко думать... Надо себя беречь...

Кабанов и Гункин закивали головами, а про себя подумали: «Вилли Брандт, заместитель начальника полевой жандармерии Смоленской и Витебской областей, трусит и ведет странные разговоры. Провоцирует, что ли?»

3

Заместитель бургомистра Лео Брандт последнее время чувствовал себя подавленно. Его томило внутреннее беспокойство, напоминавшее те тревожные дни перед арестом в 1937 году в Ленинграде. Тогда все както обошлось, его выпустили. В неразберихе и путанице, царивших в то время, следователь, перегруженный другими, «более важными делами», не докопался до его нутра и прохлопал настоящего шпиона.

Лео Брандт вместе с сыном и женой уехал в Витебск и нашел пристанище в небольшом уютном доме на тихой улочке. Вскоре его сын, Александр, устроился пре-

подавателем русского языка в школе № 10, переселился на Пролетарский бульвар.

С приходом немцев Брандт-старший стал заместителем бургомистра, а младший — редактором профашистской газеты «Новый путь». Все, кто пошел к немцам на поклон, получали посты.

С первых же дней оккупации Витебска гитлеровцы виселицами и голодом принялись устанавливать «новый порядок». Город превратился в тюрьму, в камеру пыток. Зондеркоманды СС № 9, карательные органы контрразведки — абвергруппа-113 («Гриш»), абвергруппа-318 («Рабе»), абвергруппа-210 («Лагерь Анна»), тайная полевая полиция — ГФП-103, ГФП-717, жандармерия войск СС, охранная полиция, штурмовые отряды включились в «работу».

Окружной комиссар Фишер по прибытии сразу же издал приказ, каждый пункт которого заканчивался угрозой: «Будет повешен», «Будет расстрелян», «Будет наказан по законам военного времени».

Командир полицейского полка полковник фон Гуттен заявил по радио: «Витебск — немецкий город, в ознаменование этого здесь будет построена крепость «Цвинбург» во славу великой Германии!»

Разграбленный, сожженный, разрушенный Витебск, казалось, умирал: лежали в руинах фабрики и заводы, прекратилось трамвайное и автобусное движение, закрылись школы, клубы, театры, в квартирах вместо электролампочек по вечерам мерцали лучина и самодельные свечи, закрылись двери магазинов и столовых. Голодные люди заболевали туберкулезом, тифом, дизентерией. Население сгоняли в лагеря: «трудовой» и более страшный «изоляционный». Люди спали на грязном полу или просто на земле, а за свой каторжный труд получали сто пятьдесят граммов мякины и кружку воды. В лагере для военнопленных, обнесенном колючей проволокой, ежедневно умирало от истощения до двухсот человек и столько же расстреливалось. К ноябрю 1941 года было в городе уничтожено почти все еврейское население.

Теперь Лео Брандт очень переменился. Стал нервным, рассеянным, его глодал червь страха и сомнения. Произошло это после одного страшного «мероприятия». Однажды в управу зашел оберштурмфюрер СС Герхард Бременкампф, без которого не мог быть издан ни один приказ их «независимого гражданского

управления». Не снимая фуражки, зло поблескивая из-под козырька глазами, оберштурмфюрер уселся в кресло, положил ногу на ногу и, похлопывая по сапогу стеком, бросил:

— Позови-ка, дорогой Лео, нашего «Рака».

Зная, что бургомистр Всеволод Родько, член Белорусского комитета в Варшаве, как агент немецкой разведки носит кличку «Рак», Лео кинулся на второй этаж в кабинет Родько; спускаясь по лестнице, они увидели, что Бременкампф ожидает их в дверях у входа.

— Отцам города следует принять участие в одном интересном мероприятии. Пойдемте, — отрубил немец.

Машина покатила. Оберштурмфюрер молчал и как-то странно, нехорошо улыбался. Вот уже и Задуновская улица. Автомобиль завернул налево в сторону лесосада и остановился неподалеку от Иловского оврага. Осень тронула золотом листву дубов и кленов; осины пожухли, почернели и почти совсем осыпались, пожелтели, осыпались тополя, и только те, что стояли в затишье, оставались еще зелеными. Под холодными лучами солнца зеленела трава на большой лужайке. По ней в одних платьицах и костюмчиках бегали дети, гонялись друг за другом, чтобы согреться. Старшенькие чуть в сторонке играли в жмурки. Вокруг лужайки редкой цепочкой стояли солдаты СС в черной форме.

Выйдя из машины, Лео Брандт все понял: это еврейские дети... И они еще не подозревают о своей участи.

— Все готово, господин оберштурмфюрер! — подскочил к важно вылезшему из машины Бременкампфу плотный, перетянутый ремнем военный, в котором Лео узнал тюремщика, виденного им раньше в Суражской тюрьме. — Прикажете начинать?

— Господин лейтенант, изменим программу, пощекочем нервы наших гостей, разденьте их! — И Бременкампф с жадностью наблюдал, как солдаты принялись сгонять детей к большой яме, торопливо срывать с них одежду, хватать детей за волосы и бросать их в яму...

— Подойдем ближе, господа! Еще ближе!

Дети плакали, кричали, вырывались из рук. А палачи «работали», злясь на непослушных малышей, ругаясь и зверея...

Брандт смотрел с ужасом, не в силах оторвать глаз от извивающихся детских тел; смотрел, как свирепо, с каким-то сладострастием, красномордый унтер огромного роста методично выхватывал из сгрудившихся воз-

ле него детей очередную жертву, обязательно девочку, зажимал ее ногами, стаскивал платьице, хватал за горло, волок к яме, с остервенением бросал вниз...

Плач и визги сливались в разноголосый вопль страдания и отчаяния. Ужас звенел в ушах, будоражил все существо, и вдруг Брандт почувствовал, что в нем тоже просыпается зверь, что ему самому хочется хватать, терзать, душить эти беззащитные существа...

И когда одна девочка, чудом вырвавшись из рук красномордого унтера, кинулась к нему, ища защиты, охватила его ручонками, прижавшись маленьким голым тельцем, умоляюще прошептала: «Дяденька, спасите! Спасите!» — и подняла на него полные слез, большие карие глаза, он в страхе, что унтер увидит его сочувствие девочке, что Бременкампф уличит его в трусости, объявит, что он не выдержал испытание в преданности немцам, схватил девочку за плечи и в растерянности не знал, что ему делать.

— Держите ее покрепче, Брандт! Сейчас мы ее проучим, как кусаться! — заревел Бременкампф, ударив хлыстом прижавшуюся к ногам Брандта девочку, а затем воздух рассек новый свист хлыста...

Кровавая пелена застилала Брандту глаза, он чувствовал себя трусом и соучастником садистов, зверей, но липкий страх сковал его разум, он трусливо поволок трепещущее тело девочки ко рву...

На другой день бургомистр Родько встретил его холодно, не протягивая руку и с отвращением морщась, бросил:

— Господин Брандт, вы вчера, говорят, задушили девочку... То, что разрешено немецкому солдату, не дозволяется заместителю бургомистра! В городе могут узнать, как вы отличились у Иловского оврага. Хотя полковник фон Гуттен и уверяет нас, что нужно держать население в постоянном страхе, не забывайте, что уже появились отряды партизан Шмырева, Бирюкина, Пархоменко... Зашевелилось и витебское подполье. Вот прочитайте! — Он отодвинул ящик стола и, вытащив лист бумаги, протянул Брандту.

«Я, Гражданин Советского Союза, верный сын героического белорусского народа, клянусь, что не выпущу из рук оружия, пока на нашей белорусской земле не будет уничтожен последний фашистский гад...»

Брандт зажмурился, показалось, что за спиной кто-то стоит и целится ему в затылок...

«...Кровь за кровь и смерть за смерть!» — вспыхнуло в его мозгу.

«Я клянусь всеми средствами помогать Красной Армии уничтожать бешеных гитлеровских псов, не щадя крови и своей жизни.
Я клянусь, что скорее умру в жестоком бою с врагом, чем отдам себя, свою семью и весь белорусский народ в рабство фашистам».

Резко оглянувшись, он увидел на стене портрет Гитлера и ужаснулся: показалось, будто Гитлер строит ему рожу.

«Если же по моей слабости, трусости или по злой воле я нарушу эту свою присягу и предам интересы народа, пусть умру позорной смертью от руки своих товарищей».

Брандт зажмурил глаза, кивнул головой и положил бумагу на стол, отступил на шаг, провел рукою по жиденьким волосам и виновато улыбнулся:

— Вы правы, Всеволод Федорович. Сам не знаю, что со мной случилось: какой-то психоз, трусость, пароксизм... и эта... девочка... — Брандт уставился в одну точку, лицо его исказилось, глаза остекленели...

«Обалдел после вчерашнего! Слабак! И как только немцы выдерживают? — размышлял Родько. — Противно смотреть». Он встал, прошелся по кабинету и хлопнул Брандта по плечу:

— Ну, ладно, Лео, не переживайте, скажите лучше, что будем делать?

— Установить за Миная Швырева высокую денежную награду, арестовать в качестве заложников его детей. Он очень привязан к своей дочери Лизе. — И глаза Брандта вдруг налились бешенством. — Надо стрелять, вешать! — взвизгнул он. — За нами-то они, как за зверями, охотятся...

— Тихо! Не паникуйте. В городе нет единого руководящего центра, в подполье действуют отдельные, не связанные друг с другом и с партизанами группы. — Радуясь своему хладнокровию, Родько с гадливостью наблюдал за этим охваченным страхом рыжим человеч-

ком. — Не бойтесь, Лео, мы их выловим, жесточайшим образом разделаемся. Только запомните, надо сотрудничать с немцами, не афишируя этого. И самому ухо держать востро. И подумайте об охране.

— Я не верю нашим полицаям. — Заместитель бургомистра не замечал, что у него дергается щека. — Того и гляди убьют... Уголовники! А в своем особнячке сижу, как в крепости: высокий забор, крепкие ставни, дубовые двери, железом обитые, запоры надежные. Вот глядите. — Он полез в карман и вытащил замысловатой формы ключ. — Дома у меня оружие, телефон. Еще собаку завел... Недалеко комендатура. Но партизаны ходят по городу...

— Это верно, — вздохнул Родько. — В прошлый вторник мы взяли комсомольца Владимира Виноградова. Следили за ним с начала сентября. Когда пришли его арестовывать, он выхватил у немца-жандарма винтовку и заколол его штыком, а сам кинулся бежать. Пытался переправиться через Десну. В пятницу, двадцать шестого, будем его вешать. Звонил Бременкампф, чтобы подготовили соответствующую листовку. Напишете, Лео?

Леон Брандт его не слушал, смотрел в окно и вертел в руках ключ. На его душе было муторно. Перед глазами всплывали страшные сцены на зеленой лужайке у Иловского оврага: большие, полные слез, умоляющие детские глаза, бессвязный лепет, судорожное вздрагивание прижавшегося к нему тела... Он представил себя со стороны. «Я озверел или струсил? Это могли и другие наблюдать... Партизаны мне отомстят!» И липкий страх охватил все его существо...

Прошел день, другой, неделя, месяц. А страх оставался...

Лео сошелся с энтээсовцами, с Анатолием Куницыным, переводчиком в Сурожской тюрьме, начальником телефонного узла Кабановым и его женой, довольно легкомысленной особой, с Алексеем Денисенко, который изредка бывал в доме Кабановых, с Александром Туровским, возглавлявшим отдел уголовной полиции.

Собирались обычно вечером после комендантского часа то в его особняке, то у Кабановых; засиживались до полуночи, чтобы с хмельной головой разъехаться по домам или на «работу» в тюрьму на Сурожском шоссе, или на Успенскую горку в СД, или в комендатуру на Ветеринарную.

Лео Брандт, никогда раньше не пивший, стал оглушать себя водкой. Однажды он так напился, что Денисенко пришлось тащить его волоком в машину. Отпирая калитку, потом дверь с секретным замком, укладывая в постель Брандта, Алексей внимательно изучил обстановку в квартире, особенно в кабинете, убедился, что дверь на половину жены заперта.

На другое утро, в воскресенье, Лео Брандт впервые почувствовал боли в сердце. Он долго лежал в постели, стараясь вспомнить в подробностях проведенный у Кабановых вечер... Перед тем как гости стали расходиться, появилась красивая девушка. Она сама подсела к нему. Большеглазая, веселая, ласковая. Заставила «Левушку» выпить на брудершафт водки. «Вот я и окосел. Даже не припоминаю, как ехал на машине. Кто меня привез? Сам ли хозяин Кабанов или Анатолий Куницын? А может быть, начальник уголовной полиции Туровский, с которым ездил на Ветеринарную в комендатуру и присутствовал при допросе и «обработке» коммуниста? — Брандт напряг память. — Как же звали эту девку? Люба, кажется. И пришла она с Алексеем Денисенко. Неужто он меня провожал? С какой радости? Этот человек относится ко мне с антипатией, я это чувствую... Какого черта ему от меня надо? Ключи!!! Где ключи?» Лео вскочил и кинулся в прихожую. Дверь оказалась незапертой. Ключ торчал снаружи. Как был в тапочках на босу ногу и в халате, он спустился с крыльца и заторопился к калитке. И там ключ торчал снаружи. «Значит, дело не в ключах!» Заперев калитку, он направился обратно. В прихожей его встретила жена.

— Я ухожу на весь день к подруге, — процедила она холодно. — Обед разогреешь сам. — И, поджав презрительно губы, выскользнула во двор.

«Она что-то знает о брошенной мною в ров девочке, — мелькнуло в его голове. — Игнорирует меня. Замкнулась».

После расправы с еврейскими детьми в Иловском овраге их семейная жизнь расстроилась, вдруг между ними пролегла пропасть, которая ширилась с каждым днем. Супруга внезапно увидела в муже совсем другого человека, отвратительного типа, готового на низкую подлость, на любое преступление, а он — озлобленную, поблекшую, преждевременно состарившуюся женщину. «Кто ей рассказал? — Голова разламывалась, подташ-

нивало; душу сковал страх. Брандт осмотрел окна, ставни. — Нет, никому сюда ночью не забраться!»

«День, да мой!» — подумал он, глядя с ненавистью вслед идущей по двору жене. Ему захотелось догнать ее, ударить и потом бить, бить... Невольно, нащупав в кармане халата тяжелый ключ, зажал его в ладони и даже спустился с крыльца...

Жена уже была у калитки, отперла ее и, не обернувшись, захлопнула дверь за собой.

На дворе было ветрено и морозно, раскачивались ветви берез. Содрогаясь от холода и какого-то нехорошего предчувствия, он вошел в дом, запер дверь и направился в столовую опохмелиться. Поднеся рюмку ко рту, почувствовал запах воска. «Откуда такой запах? Пальцы пахнут воском. Почему воском?.. Я держал ключ... неужели?..»

Резкий телефонный звонок прервал его мысль.

«Скажите, дорогой Лео, — узнал тотчас голос обер-лейтенанта Дольфа, — что собой представляет Околов Леонид Евгеньевич? Это какой-то родственник врача Околовой. Преподавал историю в пединституте. А? Вы с ним знакомы? Говорят, ваша жена дружит с его супругой. Нельзя ли его привлечь к нашему делу? Сообщу вам по секрету: врач Околова мне не нравится!»

Напоминание о жене вызвало новое раздражение. Она и ее подруги казались теперь людьми ненадежными. Едва сдерживаясь, чтоб не раскричаться, он процедил сквозь зубы:

— Господин Дольф, умонастроение господ Околовых мне неизвестно, однако я сомневаюсь в их лояльности к Великой Германии.

«Благодарю вас, господин Лео!» — раздалось в трубке.

Услышав сигнал отбоя, Брандт опустил трубку на рычаг, поглядел на пустую рюмку и налил еще. Запах воска его больше не занимал, голос Дольфа подействовал успокаивающе.

В последующие дни он, как обычно, отправлялся на работу, сочинял угодные немцам приказы, хватающие за горло доведенных до отчаяния жителей Витебска; ездил на экзекуции и с каким-то тайным садизмом смотрел, как дергается на виселице тело или корчится в муках недостреленный... И каждый раз ему чудилось трепещущее в его руках тело девочки...

Глубокой ночью Лео проснулся от глухо щелкнув-

шего замка наружной двери и услышал крадущиеся шаги нескольких ног... Отворилась дверь в спальню... «Галлюцинации», — холодея от страха, подумал он.

— Лежать спокойно! — прозвучал из темноты грубый голос, и яркий луч электрического фонарика ослепил его.

«Партизаны пришли убивать!» — молнией мелькнуло в голове, он хотел сбросить одеяло и протянуть руку к ночному столику, где лежал пистолет, но ужас, неодолимый, отвратительный, липкий, сковал тело, исказил лицо, бешено заколотилось сердце. Ему почудилось, что ледяная рука сдавливает горло...

— Выслушай приговор! — чьи-то сильные руки заставили встать, но у него подкосились ноги, и он упал на колени. Перед ним стояли двое незнакомых мужчин в ватниках. До его ушей долетали страшные фразы... — К смертной казни через повешенье... изменник Родины... фашистский гад...

Он покорно позволил надеть на шею петлю, и вдруг из горла его прорвался сдавленный вопль, в котором ему почудилась мольба той девочки о помощи... И тут петля стянула ему горло...

— Товарищи, забирайте из стола и сейфа все бумаги, и будем сматываться. Уходим, как договорились, задами, — тихо проговорил кто-то, но этих слов Лео Брандт уже не услышал.

4

Обеспокоенный отсутствием заместителя и молчанием его домашнего телефона, Родько послал к особняку Брандта своего шофера. Вскоре тот позвонил по телефону и доложил, что заместитель бургомистра висит в петле у себя в спальне, а жена лежит на полу не то мертвая, не то без сознания. На столе обнаружена записка: «Подпольный Витебский обком предупреждает, что так будет со всеми предателями Родины!»

Страх охватил работников городской управы. Полиция, жандармерия, служба немецкой безопасности рыскали по городу, арестовывая подозрительных.

Шестого февраля газета «Новый путь» вышла с заметкой: «30 января 1942 года глубокой ночью на своей квартире зверски убит заместитель бургомистра Л. Г. Брандт. Вместе с ним погибла и его жена».

В тот же день было повешено несколько заложников,

случайно задержанных горожан Витебска. В отместку на окраине полусожженного города, на берегу Западной Двины, патриоты напали на немецкий патруль.

Воодушевленные контрнаступлением войск Калининского фронта, подпольные группы провели несколько ночных операций против оккупантов, дав понять, кто истинный хозяин на советской земле.

Прошло два месяца, но лиц, убивших заместителя бургомистра, обнаружить не удалось.

Оберштурмфюрер Бременкампф, заехав как-то в управу, долго расспрашивал Родько и Кабанова о круге знакомств Брандта. И рассудительно подытожил:

— Это дело рук людей, которые его близко знали. Замки на калитке и входной двери не поцарапаны отмычками; на замках найдены остатки воска. За день или несколько дней до убийства преступники сняли слепки ключей. У нас три версии — первая: слепок сделан с ключа мадам Брандт; жизнь она вела уединенную и выходила только к своей подруге Околовой, жене Леонида Околова, профессора истории...

— И человека сомнительного, — заметил Родько.

— Затем слепок мог быть сделан с ключа Брандта недели три тому назад, когда он напился у Кабанова, как говорят у русских, «до положения риз» и его форменным образом отволокли домой мужчина и некая девица. Мы выясняем, кто они. И наконец, третий вариант: Лео мог забыть ключи в пальто на вешалке в управе, в гостях, в любом общественном месте... Вопрос — кто этим воспользовался?

Родько развел руками.

— Брандта отводили домой, кажется, Денисенко и Леонова, — заговорил Кабанов. — Добавлю, что Денисенко не способен на подобное. Что касается Любы, то я полагаю, что это медсестра Леонова, работает в больнице у Ксении Сергеевны Околовой. О Леониде Евгеньевиче Околове и его супруге ничего сказать не могу. — И, потоптавшись на месте, Кабанов умолк.

— Мне кажется, — пробасил внушительно Родько, — нашей управе надо изменить тактику воздействия на жителей Витебска. Они озлоблены и ожидают прихода Красной Армии, взорвали водопровод, разжигают костры во время воздушных налетов, подожгли склад с горючим, убили нескольких полицейских...

— Сказывается контрнаступление советских войск на Калининском фронте; прорвавшись к Велижу и Су-

ражу, они уже недалеко от нашего города. Нет, мы не станем менять тактику! Будем ловить и вешать партизан! — рассердился Бременкампф.

В дверь постучали, и вошел обер-лейтенант — начальник абвергруппы-318 Дольф. Он держал фуражку в одной руке, другой поправлял волосы. Потом положил перед Родько на стол лист оберточной бумаги и без приглашения уселся в кресло напротив.

— Этот прокламацион я сорваль с фаш стена ин коридор! Вас ист лос?

Родько, взяв прокламацию, громко прочитал:

«Не взяли немцы Москву на таночках, возьмем Берлин на саночках!» Тупо уставился на листовку. Опасливо оглянулся на Бременкампфа, на красного от гнева Дольфа и виноватым, сиплым от волнения голосом прохрипел:

— Будем искать!

Бременкампф молча разглядывал переданную ему листовку, написанную большими печатными буквами...

Обер-лейтенант Дольф, перейдя на немецкий, раздраженно начал:

— В больнице на Марковщине лечится раненый советский полковник. В свое время он был доставлен в больницу в безнадежном состоянии. Это начальник штаба двадцать девятого стрелкового корпуса! Что же у нас творится под носом?

— Срочно доставить его к нам в абвер! — загремел Бременкампф.

— Он, по словам врачей, нетранспортабелен, еще месяца на полтора. Гноится рана... Костыли...

— Хватит и месяца! На днях сам к нему зайду, будет сговорчивее. — И оберштурмфюрер зло ухмыльнулся.

Ветер завывал за окнами, тонко, надрывно и нагонял тоску. Редкие прохожие, подняв воротники и ежась от холода, торопливо мелькали, опасливо обходили стоявшего у ратуши часового.

— Господин обер-лейтенант, — грузно поднимаясь с места, заговорил Бременкампф, — пора с делом нашего Лео кончать, сегодня у нас среда, восемнадцатое марта. — Он подошел к настенному календарю. — До седьмого апреля двадцать дней, вам вполне достаточно, чтобы установить все связи и знакомства Леонида Околова и его супруги, а также Ксении Околовой! Да, да! Ксении Околовой! Не забудьте и Алексея Денисенко и

медсестру Леонову! Какие разговоры ведут, каково их настроение... Да, я и забыл! Прощупайте и Олега Чегодова.

— Чегодов сегодня утром уезжает в Локоть; его направляют в бригаду Каминского с вашего благословения. — Обер-лейтенант Дольф недоуменно кашлянул.

— А почему изолировали Вилли?

— Подозрение на тиф. Звонила медицинская сестра из его квартиры. Сейчас, кажется, отвезли на Марковщину, — пробасил Родько.

— Черт побери! Он обещал сегодня после обеда ко мне зайти рассказать кое-что интересное. Ай-ай-ай! — Бременкампф покачал головой. Попрощался за руку с бургомистром и обер-лейтенантом. Подойдя к вешалке, надел шинель и, натягивая глубоко на голову фуражку, замер: — Поеду-ка я на Марковщину! — и быстро вышел, хлопнув дверью.

— Оберштурмфюрер, кажется, напал на след! — Дольф, откозырнув, тоже вышел из кабинета.

Поднялся Кабанов, сердито прокомментировав:

— Заволновались фрицы! Их песенка вроде спета! Уж очень народ против себя настроили. Разве можно расправляться с военнопленными, с заложниками, уничтожать целые деревни, жечь, грабить, разрушать ценности, убивать людей только потому, что они «другой расы»? Прав Байдалаков, надо создавать «третью силу»!

Родько слушал Кабанова вытаращив глаза и тут же, замахав руками, крикнул:

— Да замолчите вы! Как вы смеете? Немцы ведут борьбу с большевиками! Коммунисты погубили Российскую империю, убивали, грабили нас...

Кабанов покраснел, приблизился к Родько, потрепал снисходительно по плечу:

— «И не раскаялись они в убийствах своих, ни в чародействах своих, ни в блудодеянии своем, ни в воровстве своем». Помните, откровение Иоанна, глава десятая, стих двадцать первый? А может быть, нам следует раскаяться?..

5

Нахлобучив на голову шапку-ушанку и накинув на плечи полушубок, Кабанов перебежал площадь, кивнул стоящему у входа в ратушу полицейскому и поднялся к себе в кабинет. За его столом в кресле сидел, раз-

валившись, незнакомый мужчина в добротном штатском костюме. Он неторопливо поднялся с места навстречу:

— Ну вот и хозяин! Я из Берлина. Капитан СД Алексис Шульц! Привез вам привет от Байдалакова. А на самом деле моя фамилия Граков. Слыхали про председателя германского отдела «солидаристов»? Вот это я и есть! Однако запомните, сейчас я Шульц! Да вы не беспокойтесь, высшее немецкое командование в курсе...

Разбитной, красивый, жизнерадостный гость озадачил Кабанова.

— Рад познакомиться! Какими судьбами вас занесло к нам в захолустье, Александр Павлович, кажется? — пожимал его протянутую руку Кабанов.

— Дела, дела, Георгий Родионович! Проездом. Везу своих подопечных в Локоть. Слыхали про Каминского, Воскобойника? А сейчас...

— Наша «третья сила»! Как не слыхать?! Сегодня беседовали с бургомистром. Уж слишком, говорят, они там зверствуют! Война на истребление... А Воскобойник на днях убит...

— Убит? Ну что же... Помните, у Пушкина: «Орел бьет сокола, а сокол бьет гусей; Страшатся щуки крокодила; От тигра гибнет волк, а кошка ест мышей. Всегда имеет верх над слабостию сила». Вот так-то, хлопцы запорожцы, как говорит мой знакомый...

— Оберштурмфюрер СС Бременкампф подозревает вашего знакомого как участника убийства Брандта... Денисенко...

— Вилли убили? Не может быть!

— Убит не Вилли, а Лео Брандт, заместитель бургомистра.

— А при чем тут Лесик Денисенко?

— Немцы просто с ума сходят! Красная Армия прорвала оборону на стыке между их группами армий «Север» и «Центр». Образовались «витебские» или «суражские ворота» — сорокакилометровый коридор! Войска Калининского фронта вошли в соприкосновение с партизанскими отрядами, а те, в свою очередь, заняли ряд пунктов, образовав настоящий партизанский край. Нас тут допекают группы Райцева, Бирюлина, Швырева. Про «батько Миная» слыхали? Поэтому в городе все ходят с пропусками полевой комендатуры. На окраинах полицейские посты; к паспортам выдаются специальные

вкладыши разных цветов... Вот так мы тут и живем! Не то что вы в Берлине!

— В Берлине, конечно, жить можно! А на Смоленщине тоже партизаны! А кто тигр и кто волк — увидим... — Лучше скажите, за что ваш Бременкампф хочет съесть Денисенко?

Кабанов рассказал про вечеринку, где напился Лео Брандт, где с ним кокетничала Люба Леонова, и потом втроем — Брандт, Денисенко и Люба — уехали на машине. Спустя дней десять кто-то проник при помощи искусно подделанного ключа в особняк Лео и повесил его.

— Что же Бременкампф на наших накидывается?

— Оберштурмфюрер подозревает и дядю Георгия Сергеевича, и его сестру Ксению Сергеевну. Лютуют немцы. Лютуют и партизаны. Ходим по улицам и оглядываемся: того и гляди пулю в затылок пустят. Каждый день убивают то солдата, то офицера. Даже Чегодову не верят, а уж он-то сюда из застенков НКВД бежал. Мы с ним в одной тюрьме сидели. Сегодня уехал в Брасово к Каминскому.

— Олег был здесь? Жаль, что его не застал. Алексея Денисенко надо поддержать. Где он сейчас работает?

— У меня. В соседнем кабинете.

— Ух ты! Георгий Родионович, вы господь бог связи! Позвоните Околову, пусть заступится за сестру и за Алексея. Он в Смоленске большая шишка! Дозванивайтесь немедленно, а я загляну к Денисенко, и потом мы зайдем к вам. — И Граков удалился.

Узнав в вошедшем без стука в кабинет Гракова, Алексей Денисенко вскрикнул и кинулся ему в объятия.

— Без эмоций, нас могут подслушивать! — прошептал ему на ухо Граков и громко продолжал: — Ну, старина, как ты тут живешь-можешь? Привез тебе приветы от Байдалакова! Из Берлина, из Варшавы!

— Один прибыл?

— Нет, с восемью хлопцами! Я ведь работаю в лагере для военнопленных неподалеку от Берлина, Вустрау называется. Внушаю им идеи «солидаризма» и «третьей силы». А ну-ка пойдем к твоему Кабанову, пусть он тебя отпустит. Проводишь меня к сестре Жоржа Околова? Мне в абвере ваш зондерфюрер Клетке пред-

оставил машину. Засвидетельствуем почтение фрау Околовой.

Кабанов расхаживал по кабинету из угла в угол и явно нервничал.

— Безобразие! Замучили партизаны! Только и занимаемся тем, что чиним телефонную сеть. Меня жучит начальство, а при чем тут я? Со Смоленском связь нарушена. У Заольшины партизаны спилили чуть ли не двадцать телеграфных столбов, оборвали все провода. Линия через Оршу тоже молчит. Везде одно и то же... Наверно... — он махнул рукой.

— Ну ничего, Георгий Родионович, время терпит. Отпустите со мной Алексея Гордеевича? Мы махнем к Околовой в больницу, поклоны ей из Берлина везу.

— У нее сейчас Бременкампф и Дольф. Их интересует советский полковник Тищенко, которого в больнице прячут врачи. И потом... — Кабанов глянул на Денисенко и осекся.

— Давно они туда уехали?

— Только что, господин Шульц, вы еще их застанете. Стоит ли ехать туда Алексею Гордеевичу? — засомневался Кабанов.

— А почему бы нет? Ха-ха! Там, Алексей, и расскажешь, как убивал заместителя бургомистра!

— Да вы что, господин Шульц! Не шутите!.. — зло ощерясь, прорычал Кабанов. — Я пооткровенничал с человеком из Центра, а вы меня продаете!..

— Выйди-ка, Алексей, на минутку! — Граков подтолкнул в плечо Денисенко. И когда за ним закрылась дверь, надвинулся на Кабанова и, глядя ему в глаза, строгим шепотом спросил: — Вы считаете себя «солидаристом» или работает на немцев? Против России? Вы передаете нам сугубо секретные сведения: о предстоящих административных мерах, о готовящихся против партизан действий немцев, негласных предписаниях для полиции и даже о дислокации и перегруппировках гарнизонов. Вы это считаете порядочным? А заступиться за своего товарища у вас смелости уже не хватает? Не выйдет!

— Это ложь. Ничего я не передаю, разве лишь то, что непосредственно касается НТС, — сбавил тон Кабанов, доставая из кармана платок и утирая вспотевшее лицо.

— Бросьте! Вюрглер, поручившийся за вас и рекомендовавший немцам, ценит вас. Мы в Берлине благо-

даря вам в курсе событий, происходящих на Витебщине. Мне поручено поблагодарить вас от лица исполбюро. Но я вынужден сделать вам серьезное замечание и напомнить — Денисенко наш человек...

Кабанов, бледный и растерянный, стоял перед Граковым опустив голову и думал: «В случае провала моего заместителя Алексея Денисенко мне тоже придется отвечать. И немцы узнают, что при помощи условного кода наши ребята читают их совершенно секретные документы... Как же быть?»

— Успокойтесь, Георгий Родионович! — улыбнулся Граков. — Дозванивайтесь в Смоленск Околову или в Варшаву и попросите о помощи Александра Эмильевича. Вюрглер сам позвонит в витебский абвер по поводу Ксении Околовой и Алексея Денисенко. Договорились? Часов в шесть мы к вам зайдем. — И, строго нахмурившись, быстро покинул кабинет.

Денисенко нервно ходил по коридору, ожидая Гракова.

— Звонил в больницу, хотел предупредить о приезде Бременкампфа и Дольфа, а они, оказывается, уже там. Боюсь, арестуют сестер Леоновых и произведут у них на квартире обыск. А там сейчас скрывается советский разведчик Яков Иванович. Я слыхал, как он назначил свидание полковнику Тищенко у «старухи».

— Ничего не понимаю. Кто это Яков Иванович? Тищенко? «Старуха»? Объясни толком.

— Яков Иванович Боярский, капитан НКВД, живет на нелегальном положении, связан с партизанскими отрядами и руководит подпольными группами в Витебске. А полковник Тищенко, тяжело раненный под Невелем, доставлен нетранспортабельным немцами в Волихскую больницу, а оттуда переправлен в Витебск на Марковщину. Находится под наблюдением. Он был начальником штаба двадцать девятого стрелкового корпуса, и немцы им очень интересуются. Мы решили его срочно переправить через «витебские ворота» на Большую землю.

— Уразумел. А при чем тут старуха?

— «Старуха» — квартира сестер Леоновых, старенький покосившийся домишко на Марковщине. Туда надо срочно заехать и предупредить капитана.

— Поехали! — Они быстро спустились по лестнице, сели в большой черный «мерседес», предоставленный Гракову в абвере.

Через четверть часа, «чтоб сбить с толку шофера», Граков приказал остановиться на углу переулка у полуразрушенного кирпичного дома. Выйдя из машины, Денисенко процедил:

— Водитель наверняка доложит своему начальству, где были, куда заходили, о чем разговаривали... — И повел товарища за угол.

— Заморочим ему голову! — весело пообещал Граков.

— Это место запомни, — сказал Денисенко. — За углом шестой дом слева, во дворе невзрачная избенка. От шести до семи вечера соберемся и будем тебя ждать. А сейчас едем дальше.

«Мерседес» петлял по переулкам Марковщины, часто останавливаясь, они выходили, осматривались и снова ехали. На одном из подъемов машина забуксовала. Шофер, тихонько выругавшись, принялся надевать на задние колеса цепи.

— Мы пройдемся и подождем вас вон там, у церкви, — бросил Граков шоферу.

Когда они преодолели подъем и свернули за угол, Денисенко показал на деревянный домик:

— Тут живут Леоновы! — И, подойдя к калитке, заглянул во двор. — Одну минуту. — И пошел внутрь.

Граков видел, как Денисенко вбежал на покосившееся крылечко, постучал в дверь, как появился плотный мужчина среднего роста в холщовой рубахе и в треухе. Перекинувшись несколькими словами, Денисенко побежал обратно.

— Все в порядке! Слава богу, успели. Пойдем!

Скоро «мерседес», громыхая цепями, их нагнал. Шофер с виноватым видом отворил дверцу, извинился.

— Я не знал, что поедем по этим скользким дорогам и господа захотят осматривать трущобы.

— В этих домах-развалюхах, парень, пять веков тому назад жили немцы, — брякнул беззаботно Граков.

Шофер осекся, его потряс не столько смысл сказанного, сколько чистейший берлинский выговор Гракова.

Поколесив еще с полчаса, они наконец выбрались на Лабазную и подкатили к больнице. Когда прошли по коридору к приемной, Граков увидел двух немцев, разговаривавших с высоким мужчиной в белом халате и небольшой худощавой женщиной с энергичным лицом.

— Новый главврач больницы Нестор Иванович Чертков, наш человек, — шепнул Гракову Денисенко. —

Женщина — Околова, а блондин — Дольф, плотный брюнет — Бременкампф.

Граков, оставив Денисенко у двери, направился к группе обернувшихся к ним людей.

— Господа, прошу прощения, мне сказали, что к вам в больницу направлен Вилли Брандт, у меня к нему конфиденциальное поручение от полковника РСХА Вольфа. — Граков говорил по-немецки, подчеркивая свой берлинский акцент, обращаясь к Бременкампфу и Дольфу. Потом, поклонившись Околовой, продолжал уже на русском: — Вам, Ксения Сергеевна, привет от брата из Смоленска.

Немцы подтянулись, с почтением смотрели на человека из Берлина, который, конечно, уже побывал у их начальства и непосредственно связан с самим Вольфом, правой рукой рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера!

Бременкампф, одернув китель, выпятил грудь, подобострастно представился и отрекомендовал своего товарища.

Граков ответил тем же:

— Фон Шульц! Алексис Шульц!

Начальство ради пользы дела выдало ему в лагере документ на имя жителя Берлина, капитана СД Шульца, чтобы на периферии ему было легче работать.

— Вы прекрасно владеете русским языком, — с восхищением заметил Бременкампф.

— Не хуже, чем английским и французским, — голосом самодовольного аристократа бросил Граков, потом отвел оберштурмфюрера в сторонку: — У меня к вам просьба, герр Бременкампф: на днях я заеду к вам, а вы подумайте, по каким каналам направить группу людей в тыл Красной Армии. Полагаю, через «витебские ворота». Я уже советовался с зондерфюрером Клетке. Он порекомендовал посоветоваться с Вилли и с вами, господин оберштурмфюрер.

— У Вилли Брандта обнаружены все признаки сыпного тифа, и потому он полностью изолирован. В Витебске будьте осторожны: свирепствуют тиф, дизентерия, не говоря о партизанах и предателях. Вы приехали с русским Денисенко, а мы подозреваем его в причастности к убийству заместителя бургомистра Лео Брандта.

— В Берлине на свары русских эмигрантов не обращают внимания. Какая разница, кто кого из них убил... Они ненавидят большевиков и потому временные наши союзники. Плюньте, не тратье время!.. В эмигрантских

склоках сам дьявол не разберется. Сейчас я работаю с военнопленными. Переубеждаю... Они пойдут с нами, немцами, до конца. До своего, разумеется, конца...

— В больнице лежит нетранспортабельный тяжело раненный советский полковник, начальник штаба корпуса, и я тоже надеюсь его переубедить, но пока никак не поддается... Твердый орешек!

— У нас в Берлине идет обработка красных генералов. Вот это орешки! Читали Достоевского, этого знатока русской души, исполненной противоречий и загадок, на которую действуют одновременно сердце, прозорливая мысль и какое-то таинственное мистическое начало? Трагический роковой элемент проявляет себя в конгломерате резких контрастов ненависти и любви, звериной жестокости и подвигов самоотречения, а порой и ангельской чистоты. — Граков сделал долгую паузу и добавил: — Денисенко я знаю по Берлину и даже по Белграду. Служили вместе у Сименса. Он вряд ли способен убить нашего человека. Это, поверьте, недоразумение. Не спешите, господин оберштурмфюрер. Зачем возбуждать «солидаристов» против себя? Они воображают себя силой...

— «Третьей силой»! — шутливо добавил немец и захохотал.

— Совершенно точно. Веряг в бригаду небезызвестного нам Каминского.

— Хулиганское отребье, сборище бандитов у этого Каминского. Заводит в округе «русские» порядки. Мнит себя русским фюрером!

— Зато успешно ведет борьбу с партизанами! Побольше бы таких «бригад», и мы перекрыли бы все леса. И в наш тыл не проникали бы советские агенты, связники, вожаки подполья и не переправлялось бы оружие. Пусть Каминский пока разбойничает. Этот маленький русский фюрер нам не повредит. Часть своих людей я переправлю через эти самые «витебские ворота», с остальными поеду к Каминскому в Локоть. Надо быть в курсе дела...

— У вас берлинский масштаб мышления, господин Шульц, — вытягиваясь, ответил Бременкампф. — Мне нужен надежный русский агент. В окрестностях Витебска орудует весьма опытный подпольщик, командир партизанского отряда, некий Минай Шмырев, по кличке «батько Минай», хотелось бы заманить волка в капкан. Может быть...

— Я зайду к вам на Успенку, — пообещал Граков. — А сейчас засвидетельствую свое почтение мадам Околовой, есть и кое-какие дела, — многозначительно заключил он. И щелкнул каблуками. — Хайль!

Бременкампф вытянулся, вскинул руку, поклонился стоявшим в стороне Околовой, главврачу Черткову и Дольфу, повернулся и зашагал к выходу. Заметив у двери Денисенко, бросил:

— Господин Денисенко, загляните ко мне как-нибудь на днях. К вам есть интерес!

Алексей молча поклонился. «Операция» со слепком ключа Лео Брандта, значит, еще не кончилась. Он вспомнил, как заместитель бургомистра блевал в машине, как вытащил его перед домом, взял из кармана ключи, отперли калитку, как не хотела поддаваться входная дверь, как наспех делали на мягком воске слепки и, наконец, отпустив шофера, который на чем свет стоит ругал слабаков, не умеющих толком пить, пробирались задами на конспиративную квартиру, где их ждал капитан Боярский. Делалось все грубовато, торопливо, вот оставили против себя улики!

Пристальный взгляд Дольфа отвлек его от навязчивых мыслей. «И этот что-то знает!» Денисенко с тревогой проводил взглядом прошедшего обер-лейтенанта и направился вслед за главврачом Чертковым, Граковым и Околовой в кабинет. Там, быстро посовещавшись, они разошлись, чтобы не привлекать внимания персонала.

6

Боярский назначил свидание Гракову на четверг 2 апреля. Чувство неприязни к белякам, убившим его отца в бою под Перекопом, крепко засевшее в нем еще с детства, так и не покидало его до конца. Прибывавшие на оккупированную территорию белоэмигранты, члены пресловутого НТС, тщатся сохранить некое достоинство. Денисенко и Чегодов уверяли, будто основная масса русских за кордоном не пошла с немцами и даже как-то им противостоит. «Но что значит противостоит?» Порой с оружием в руках! Главное, что в голове у них бродят свои особые, для советского человека крамольные мысли!

Боярский не опасался пригласить Гракова на конспиративную квартиру, но все-таки решил встретить его на улице, чтобы в случае чего повести в другое место.

Однако, увидев крепкого, уверенного, веселого парня, проникся сразу к нему симпатией: «С таким хоть в разведку! Надежный хлопец!»

Проведя Гракова узкой тропинкой через парк в безлюдный, с рарушенными домами проулок, он предложил подняться на пригорок, где стояла покосившаяся изба. И спустя пять минут они, сидя друг против друга, вели задушевную беседу, будто были знакомы сто лет. Граков рассказал о психологическом сдвиге в Европе, о движении Сопротивления, инициаторами которого зачастую становятся белоэмигранты, о РОКе и казни Павского, о работе «солидаристов» в спецлагерях для русских военнопленных, об их деятельности на оккупированной территории...

Потом Граков снял сапог, отвинтил каблук, достал пленки и шифровку:

— Это для вас. В Белграде, Яков Иванович, уже много лет работает советский разведчик «Иван»; от него важное сообщение в Центр. — Граков извлек из кармана бумажник и вынул фотографию уже немолодой женщины, на обратной стороне было написано несколько слов. Боярский прочел: «Дорогому сыночку от любящей мамы. Храни тебя бог!»

— Эту фотографию и пленки нужно доставить в Центр на Большую землю. Приехал я не один. Со мной еще две группы диверсантов, по четыре человека в каждой. Задание первой группы: а) проникнуть через «витебские ворота» в тыл Красной Армии; б) связаться с агентурой, оставленной немцами при отступлении, и активно использовать ее в шпионских целях; в) собирать и передавать по радио сведения о передвижении войск, для чего под маской находящихся в командировке офицеров фланировать на ближайших железнодорожных и шоссейных коммуникациях Брянского и Калининского фронтов, ведя визуальное наблюдение и прислушиваясь к разговорам на станциях и в местах скопления военнослужащих; г) передавать все по радио, меняя каждый раз место во избежание пеленгации. Это я вызубрил, Яков Иванович. — Граков вынул кисет, трубку и принялся набивать ее табаком.

— Где и когда они пойдут? — Боярский взял ручку и бумагу и принялся записывать.

— Надо сделать так, Яков Иванович, чтобы они в лесу «не пустили пузыри». Радист наш человек, младший лейтенант Новиков. Раненым был взят в плен, про-

сидел в тяжелейших условиях в лагере, где-то под Варшавой. По приказу подпольного комитета дал согласие сотрудничать с немцами и был переведен в Цитенгорст, недалеко от Берлина. Мне подсказали дать ему направление в «Свободный лагерь Вустрау», где он закончил школу радистов и разведшколу абвера. Его считают антисоветски настроенным сыном белого офицера, имеет военный опыт и хорошее физическое развитие.

— Он действительно сын белого офицера? — насторожился Боярский.

— Легенда ему придумана подпольным лагерным комитетом, — засмеялся Граков. — Да вы не бойтесь! Я сын белого офицера, ну и что?

— М-да... — покачал головой Боярский. — А какое задание ему дал комитет?

— Этого я не знаю. Ему же я верю, как себе. Что касается остальных, то они отъявленные негодяи. Петруся Шлихова следовало бы тут же прикончить. Но у него ключ от шифра. Это крепкий мужик, белорусский националист. Немцы его в последний момент подсунули.

Боярский молча пил чай. «Пропускать в тыл Красной Армии вражескую группу без разрешения опасно, а времени для запроса нет. Розыскники военной контрразведки, имея все приметы, конечно, их изловят, но придется вслед за ними посылать наблюдателей из партизанского отряда «батьки Миная» или Бирюлина. Хлопотно...»

— А другие двое? Как они настроены?

— Пожалуй, поддержат Новикова. Они ведь запуганы, боятся, что их расстреляют как изменников. Фашисты их прикормили, обработали, вот и все... Плен — штука ужасная...

— Да, в плен лучше не попадаться! Этих хлопцев, если будут вести себя достойно, сурово не осудят. Ну а остальных? Зачем вы их привезли?

— Вторая группа — надежные ребята. С ними я еду в Орловскую область в бригаду Каминского создавать «третью силу»! Задача — связаться с партизанами, перетягивать заблудших на свою сторону, а гадов уничтожать!

— Хорошо... В Локоть поехал Чегодов. Его самого вы знаете? Он ведь тоже из Югославии.

— Олег был любимчиком того самого разведчика «Ивана». Самолюбивый, но славный парень. Бежал из

Черновицкой тюрьмы! И зачем только НКВД упрятало его туда? Мне Лесик Денисенко рассказывал...

— Стоп! Вы, значит, от «Ивана»? Да это же Хованский! Вы лично его знаете? — изумился Боярский.

— О! И вы с Алексеем Алексеевичем знакомы? — удивился, в свою очередь, Граков. — Из Белграда я выехал в феврале. Был понедельник. Мы слушали радио: постановление Комитета Обороны мобилизовать, помимо призываемых НКО * на общих основаниях, сто тысяч коммунистов и двести тысяч комсомольцев для доукомплектования дивизий, бригад, военных училищ и полковых школ, а также в ПВО. Нас все это радует!

— С Хованским я знаком заочно. Не знаю, придется ли нам встретиться? Время военное, все, как говорится, под богом ходим, но надеюсь, что на обратном пути из Локотя вы зайдете в соседний двор. Вон видите то большое дерево?

— Этот вяз? — глянул в окно Граков.

— Да. Под ним с этой стороны будет зарыта жестяная коробка. Я надеюсь к тому времени получить для Хованского ответ из Центра. Учтите, у нас тут назревают события. По возвращении будьте предельно осторожны. Немцы рвут и мечут, расстреляли детей Миная Швырева, действуют подкупами, угрозами, провокациями. Совсем в зверей превратились! Рыщут, стараются найти тех, кто казнил заместителя бургомистра. Подозревают Алексея Денисенко... Дядю Ксении Сергеевны, профессора Леонида Евгеньевича... На Орловщине держите ушки на макушке и передайте привет Чегодову. Он связан с нужными людьми — вам поможет. Вот для него письмецо. А теперь поподробнее о белградских делах.

— Добро, — принимая малюсенький бумажный шарик и пряча его в карман, кивнул головой Граков и принялся за рассказ...

Вдруг вбежал без стука Денисенко. Запыхавшись от быстрого бега, с трудом переведя дух, выпалил:

— Арестованы Леонид Евгеньевич Околов и его жена. А Владимир Брандт вроде при смерти...

— Ну что же, в Витебске останется еще один Брандт! — хмуро предупредил Боярский. Потом огорченно покачал головой и, не выдав ни единым движением своего волнения, сухо произнес: — Эх, Леонид

* НКО — Народный Комиссариат Обороны.

Евгеньевич, Леонид Евгеньевич! Предупреждал же, поменьше болтать! Что теперь сделаешь? — И уставился в окно. — Теперь вам, Алексей, с Ксенией Сергеевной и Любой Леоновой придется быстренько сматываться из города. Надо захватить и полковника Тищенко, да и вы, Граков, лучше уезжайте подобру-поздорову... Тут такое начнется! Немцы не идиоты. Докопаются. Особенно после смерти Вилли Брандта!..

— Но, Яков Иванович...

— Без всяких «но»! — строго прервал Денисенко Боярский. — Максимум через неделю чтоб и духа вашего здесь не было! А с третьим Брандтом мы уже разделаемся сами.

— Да, унд дер дритте Брандт верде аух фебрант! — скаламбурил Граков.

— Что? — не понял Боярский.

— Чтоб сгорел и третий Брандт, — пояснил Граков.

— Яков Иванович, — не унимался Денисенко, — я знаю и Дольфа, и Бременкампфа как облупленных: они, прежде чем брать, будут по крайней мере месяц устанавливать наши «подпольные связи». Тем более в субботу предстоит «операция» с Игнатом, а Дроздовская клянется и божится, что не скажет ни слова. Понимает, чем это пахнет!

Боярский ничего не ответил, но видно было, что решение его твердо.

— Ну что ж, Александр Павлович, ни пуха ни пера вам! Очень, очень рад, что среди белоэмигрантов есть такие люди, как вы... — И крепко обнял Гракова.

7

Арест Леонида Евгеньевича Околова спутал Бременкампфу и Дольфу карты. Сначала профессор, близоруко щурясь, то и дело снимая и протирая очки, недоуменно пожимал плечами и уверял, что ни о чем не имеет понятия; но когда принялись его бить, профессор тут же «признался», что вытащил у пьяного заместителя бургомистра ключ из кармана, сделал слепок и передал высокому мужчине, настоящему великану, широкоплечему большеголовому человеку с пронзительными глазами, как он полагает, командиру партизанского отряда «батьке Минаю».

— Какого дьявола ты это сделал? — рявкнул Дольф.

— В тот вечер, когда они пили, ко мне подошел на улице человек в маске, по фигуре и жестам напоминавший переводчика вашего отдела СД Куницына. Но я не уверен. И, пригрозив пистолетом, потребовал зайти к Кабановым, взять из пальто Лео Брандта ключ и сделать слепок... и сунул мне в руки воск...

Этой же ночью арестовали Куницына, но у него было неопровержимое алиби...

В течение нескольких дней Околов изменял свои показания, все больше запутывая следствие. Через неделю никто из допрашивающих уже не понимал профессора.

Бременкампф и Дольф поняли, что этот с виду слабый русский интеллигент силен духом и умом, тянет время, надеясь на заступничество своего племянника, начальника «Зондерштаба Р» Смоленска.

Действительно, вскоре пришел запрос из Варшавы.

— Сообщите в Варшаву, особо не вдаваясь в подробности, что Евгений Околов расстрелян, — приказал Бременкампф.

А на Марковщине произошли новые события: умер Вилли Брандт. В то же утро под мостом был обнаружен труп сторожа Игната и, наконец, исчез полковник Тищенко.

Дольф осмотрел место убийства служителя больницы Игната: тот лежал, раскинув руки, в груди торчал немецкий штык-нож; за ворот заткнута записка: «Каждому предателю — смерть!»

Врачи и медсестры на Марковщине уверяли, что понятия не имеют об убийстве сторожа. А о полковнике Тищенко давали разноречивые ответы: одни клялись, что такого вовсе не знают, другие — будто живет он в городе и является на костылях только на перевязку, третьи — будто пришла немецкая машина и его увезли... Но самым подозрительным был ответ врача Ксении Сергеевны Околовой:

— Ей-богу, господин обер-лейтенант, я просто не помню, о ком идет речь? Каждый день через мои руки проходят десятки лиц... Тищенко? Фамилия знакомая, но я смутно себе его представляю. И зачем калека вам понадобился?

— Черт возьми, мадам, нас интересует этот полковник и его политическая позиция. Мы ведь с вами уже вели разговор о господине Тищенко. — Улыбаясь и пристально всматриваясь, какова будет реакция, сказал Дольф.

— Все они для меня больные, и только, будь это маршал или рядовой боец.

«Она не сказала: фельдмаршал и простой солдат! — подумал обер-лейтенант. — Изменилась она, очень изменилась. Самоуверенней стала! Как и все эти русские... чует, что наши дела плохи. Слушает сводки Совинформбюро о наступлении красных на Калининском и Западном фронтах. И Дроздовская меня избегает, отмалчивается, отнекивается: ведать, мол, ничего не ведаю, не слыхала, не видела... Трусит, наверняка знает, кто убил Игната... боится, что убьют, если проговорится. До чего стало трудно работать...» И, как обычно, обойдя кругом больницы, отправился к Бременкампфу.

— Хайль, Отто! — встретил его тот. — Какие новости на Марковщине?

— Хайль Гитлер! Полагаю, врач Околова связана с партизанами.

— Я тоже, Отто, склонен так думать. А где доказательства? Не забывайте, что ее брат наш человек. Резидент в Смоленске. У нас уже возникают неприятности из-за его дядюшки, профессора. Поторопились мы с ним...

— Доподлинно известно, что в больнице помогали бежать военнопленным, преимущественно офицерам; один из них недавно был убит в бою, при ликвидации в Должанской волости группы партизан; при нем обнаружена справка-отношение Витебского горздрава, напечатанная на машинке от имени врача Околовой, удостоверяющая, что больной в сопровождении шофера (фамилия и номер машины написаны от руки) направляется на дальнейшее лечение в Рубу. Почерк, я почти не сомневаюсь, принадлежит ей. Аналогичная фальшивая справка, если помните, была у проживавшего в Витебске на нелегальном положении партизана Люцко; у него обнаружены пистолет, взрывчатка, и, как выяснилось, он прибыл в город с диверсионным заданием. Тогда мы поверили Околовой...

— Помню, помню!

— Еще не все, господин оберштурмфюрер! — победоносно улыбнулся Дольф. — На днях на Ветеринарную, где проживает Околова с матерью и небезызвестным вам Денисенко, заходил среднего роста, плотный мужчина, хромавший на левую ногу...

— Неужели Тищенко? Разыскиваемый нами полков-

ник Тищенко? — прервал Дольфа Бременкампф, вскакивая из-за стола. — И его не взяли?

— Примерно через час неизвестный хромой вместе с Денисенко вышел из подъезда и через парк — на Задуновскую... и тут следовавший за ними агент потерял их из виду. «Как сквозь землю провалились».

— Большевики думают, что им позволено у нас под носом убивать безнаказанно преданных нам людей! — возмутился Бременкампф. — Усилить наблюдение за больницей и за домами Околовой и Леоновой. Следите, Дольф, за каждым их шагом, но с арестом не торопитесь: взять их надо тепленькими, господин обер-лейтенант. — И по привычке закинул ногу на ногу, уставился в свои начищенные до блеска сапоги.

Через три дня в абвер на Успенскую горку позвонил Бременкампфу агент:

— В больницу пришел хромой человек, чей словесный портрет совпадает с разыскиваемым полковником Тищенко.

Оберштурмфюрер тут же выбежал, вскочил в свой «мерседес» и велел шоферу гнать машину на Марковщину. Через двадцать минут он вошел в приемный покой и быстро направился в кабинет. На топчане лежал полковник Тищенко... Бременкампф узнал его сразу. Околова двинулась ему навстречу с намерением закрыть простынью своего пациента, но было поздно...

— Господин полковник, наконец-то я вас нашел! — отстраняя Околову, со скрытым злорадством, воскликнул оберштурмфюрер. — Где вы пропадали?

— Да вот никак не заживает рана. Похожу немного на костылях, и снова открывается. Прямо беда, — спокойно пожаловался Тищенко и лихорадочно думал про себя: «Что делать? Если предложит поехать с ними, застрелю...»

— А я давно хочу поговорить с вами по поводу РОА.

— Так говорите!

— Нет, не здесь! Завтра я заеду за вами, подумайте и дайте окончательный ответ, согласны ли вы сотрудничать с нами, как мудро поступил генерал Власов. И кстати скажите, почему доктор Околова заявляла, что вас не знает?!

— Господин офицер, ничего в этом удивительного нет. Доктор видит меня лишь второй раз, я ведь, откро-

венно говоря, удрал из госпиталя: тяжко находиться среди увечных людей, да и сердцу не прикажешь — пленила меня одна сестричка... К ней перебрался...

— И кто же, если не секрет, счастливый предмет ваших нежных чувств? — И Бременкампф решил: «Если соврешь, возьму тебя сейчас же! Посмотрим, как будешь выкручиваться?!»

— Любовь... одно имя чего стоит! Любовь Леонова! Ваша, доктор, медсестра. А вы и не знали! — спокойно улыбнулся он Околовой.

— Вот уж не думала про Любу! — удивилась Ксения Сергеевна.

«Любовница Денисенко? Та, что на квартире Кабанова спаивала Лео Брандта? Не она ли сняла отпечатки ключей? Возьмем ее сегодня же ночью! А сейчас усыпим бдительность. Накроем всю банду! Как этот полковник на меня смотрит!» — напряженно размышлял Бременкампф. И, повернувшись к Околовой, щелкнул каблуками и осклабился:

— Прошу прощения за внезапное вторжение, меня не предупредили, что у вас пациент. Хотел посоветоваться. Зайду в другой раз, время терпит. Лучше завтра, впрочем, завтра не получится, занят... Я заеду в понедельник: посоветуюсь с вами, доктор, а с вами, полковник, встретимся здесь и поедем в СД. Познакомлю вас с самим Адольфом Хойзингером, он приезжает завтра в Витебск. Еще раз прошу вас хорошенько подумать о моем предложении. И ваша карьера обеспечена! Ауфвидерзеен! — И вышел.

Приехав в СД, он тут же вызвал Дольфа и отдал распоряжение: на рассвете, «когда сладко спится», арестовать «всю банду». Не трогайте только мать Околовой. Сын... Сами понимаете...

* * *

Когда дверь за Бременкампфом затворилась, Тищенко, поднявшись с топчана, прихрамывая, подошел к окну; увидев выруливающую машину оберштурмфюрера, вздохнул с облегчением:

— Пронесло! Но наша городская подпольная деятельность закончилась. Сегодня вечером, в крайнем случае ночью наша группа должна покинуть Витебск.

— Павел Никандрович, так сразу? Он ведь сказал в

понедельник... Надо как-то подготовиться, всех предупредить... — начала Ксения и осеклась, поняв, что это приказ, который не обсуждается!

— Неужели не поняли, что это игра, дорогая Ксения Сергеевна? Они давно уже нас выследили и теперь, подняв небольшой переполох с отсрочкой, хотят выяснить до конца наши связи. Дадут нам несколько часов времени, в расчете на промахи, будут неустанно следить. Поэтому надо обязательно сбить их с толку. Но как?

— Какая я глупая! За последнюю неделю ведь трижды видела на Ветеринарной, у нашего дома, двух подозрительных типов, которые, как только я выходила из подъезда, скрывались за угол. Но за мной вроде не шли. Я проверяла.

— Они передавали вас другим либо следили за вашим «запорожцем» Денисенко. А он дважды в неделю бывает у Боярского. Неужели и тут провал?

— Вряд ли! Лесик заходит сначала к Любе Леоновой, а оттуда уже задами отправляется к капитану.

— Кто еще знает, где живет Боярский?

— Тамара Бигус, Кузнецова... Больше никто.

— Значит, так: я остаюсь в больнице до вечера. Леонова сегодня, к счастью, кончает дежурство в двенадцать и отправляется домой; там пусть дожидается Денисенко и вместе с ним, соблюдая осторожность, идут к Боярскому. Все ему доложат и немедля уходят. Дорог каждый час. Маршрут они знают. А вы, Ксения Сергеевна, тоже собирайтесь, навестите несколько пациентов, тех, которые связаны с немцами. Это собьет с толку Бременкампфа. Оглядывайтесь, хитрите, делайте вид, что опасаетесь слежки. Если она будет нахальна, звоните в больницу: сообщите дежурной Тамаре Бигус, что к матери зайти не сможете. Потом постарайтесь оторваться от слежки.

— Оторвусь! Не сомневайтесь, оторвусь!

— Вот и отлично! Зайдите к Тамариной маме и предупредите, чтоб на несколько дней покинула дом.

— Павел Никандрович, а как быть с вашими однополчанами?

— Завтра утром их «арестуют» наши партизаны: явятся в форме полицаев. Намечено было провести эту операцию на будущей неделе; форсируем события и проведем на рассвете. Для этого случая в партизанском от-

ряде припрятан грузовичок и сфабрикован путевой лист. А сейчас позовите Леонову.

Вскоре в кабинет вошла Люба, в белоснежном халате, невысокого роста, плотная, круглолицая, с живыми карими глазами, и протянула руку полковнику:

— Прозевала я подлеца Бременкампфа, тихой сапой, гад, проскользнул, а когда выходил, морда довольная, идет, улыбается. Уехал, а за воротами, чуть подальше, машина в сторонке стояла — чую недоброе... Как бы сейчас за нами не нагрянули. Утекать надо, товарищ полковник!

— Погоди, Любаша. — И он рассказал план операции. — Запомни: Якову Ивановичу надо скрыться из города. Предупреди и нашего доктора — пусть тоже уходит. А потом как ни в чем не бывало ступай домой и жди Алексея. — Тищенко повернулся к Околовой: — А вы?..

— У меня с чердака можно сойти в любой подъезд. Черным ходом я ночью спущусь во двор, оттуда через сарай, задами в парк, пересеку Задуновскую и мимо церкви Александра Невского доберусь часам к двенадцати до «Старика». Люба и Лесик будут ждать, и вместе все двинемся к вам, Павел Никандрович! Договорились?

— Хорошо, Ксения Сергеевна! Но как же предупредить Денисенко? Он ведь, ничего не подозревая, явится прямо ко мне. Чтоб потом ему на Ветеринарную не заходить, вы уж сами его соберите, — попросила Люба.

— Соберу, Любаша, обязательно соберу! Как его предупредишь? Каждая встреча, каждый шаг у них на виду. А Лесик у них на особом подозрении!

— Это точно, соглядатаев немало, — вмешался в разговор Тищенко, — установить их трудно. Бременкампф с Дольфом поставят опытных ищеек. И все-таки надо постараться отвлечь их внимание. Разошлите сестер «делать уколы» и сами отправляйтесь «по больным». Вы, Люба, прямо домой. Если даже заметите хвост, из дому не показывайте носа. А я выйду, малость прогуляюсь. К моему возвращению чтобы никого тут не было, а в два часа ночи — встреча на берегу Двины у Лесного переулка.

— А доберетесь одни? Далеко ведь!

— Доберусь, Люба. Моя дорога не как у вас, не по городу... Ну, до свидания! В добрый час!

* * *

Алексей Денисенко собирался уходить, когда его вызвали к начальнику телефонной станции Кабанову. Чертыхаясь и поглядывая на часы, он вошел в кабинет. Там сидели Гункин из паспортного стола и новоиспеченный энтээсовец бургомистр Родько. Речь шла о смерти Вилли Брандта и убийстве сторожа больницы Игната. Высказывались разные предположения. Кабанов жаловался на то, что вокруг них образовался вакуум, нет верных людей. И в голосе его звучала тоска.

На столе вскоре появились бутылка водки и немецкие консервы. Денисенко сидел как на иголках. Прежде чем идти к Любе, он хотел побывать дома и убедиться, что кольцо-перстень, с которым никогда не расставался, он оставил вопреки обыкновению у себя на умывальнике. «Не мог же я его потерять! И с какой стати его снял?» Вспомнилось, как, надевая кольцо на палец во время венчального обряда, Маруся сказала: «Пусть будет тебе оно талисманом, хранителем счастья и жизни!»

Вскоре в кабинет пришли какие-то девицы, среди них Дроздовская, потом явился лейтенант Дольф. И Алексею волей-неволей пришлось задержаться. Телефонную станцию он покинул, когда все уже порядком подвыпили и никто, как ему казалось, его исчезновения не заметил. Теперь о том, чтобы зайти домой, не приходилось и думать. Он уже опаздывал на конспиративную квартиру.

Люба встретила его в глубине двора, в руках у нее был узел. Кинувшись к нему навстречу, она с беспокойством тихо спросила:

— Что случилось? Хвоста за тобой нет?

— Вроде не замечал! Погоди... — И, согнувшись, прячась за кустами, тихонько прокрался к калитке. Сначала он ничего не увидел. Потом его острые глаза разглядели три серые фигуры, почти сливающиеся с черным забором соседнего двора. Одна из фигур отделилась и двинулась вдоль забора в противоположный конец, застыла на другом углу.

Денисенко вернулся и рассказал об увиденном.

— Я так и думала! — Люба вкратце объяснила сложившуюся обстановку и приказ полковника Тищенко.

Осмотревшись еще раз, они убедились, что двор с четырех сторон стерегут полицаи.

— Будем выбираться. Надевай! — И Люба выта-

щила из узла два больничных халата, сунув один Алексею. Ползком они проникли в соседний двор, потом перебежали на другую сторону улицы и через пустырь, поросший мелким кустарником, проваливаясь в рыхлом, ноздреватом снегу, добрались до ограды церкви Александра Невского, а оттуда глухим переулком к Боярскому — «Старику».

Дверь была не заперта, в условленном месте нашли записку. Люба громко прочитала: «Будем ждать до 4-х. Далее по маршруту В-о. С».

На столе, собранные аккуратно, лежали вещи Денисенко. Рядом пистолет, компас, карта. «А кольца нет!» — огорчился он.

Алексей машинально взял из рук Любы записку и сунул в карман.

— Ну что ж, пойдем! До четырех вполне успеем добраться до Лесного переулка. У нас в запасе почти два часа. По дороге я на минутку заскочу на Ветеринарную: с Евгенией Ивановной попрощаюсь, она мне как мать; не спит, бедняжка, успокою ее, скажу, что дочь добралась благополучно, и, кстати амулет свой возьму. Както не по себе мне без талисмана!

— Не рискуй, Лесик. Немцы могут уже знать, что ни Ксении, ни меня нет. Я ведь лампу не гасила, когда мы уходили...

— Не бойся, я через сарай — там дыра — и с черного хода; ты в кустах посидишь, а я мигом. Пяти минут не пройдет. Пошли!..

8

Его сознание то скользит по гладкой, накатанной лыжне в бесконечную муть тяжелого липкого мрака, то вдруг пробуждается от прикосновения когтистой лапы на плече, и сама смерть шепчет горячо ему на ухо: «Погоди, это еще не конец, еще только начало конца!» Красная молния пробегает сквозь закрытые веки, и тут же ярко, выпукло проносятся перед глазами запечатлевшиеся неизгладимыми рубцами отрывки его жизни. Чаще всего два, случившихся с ним в разную пору и, видимо, связанных где-то зрительной памятью, два удара судьбы. Эмоции эти не подчинены его «я» и возникают сами по себе многомерно и вне времени. Вот он, недавно закончивший кадетский корпус, Алексей Денисенко, красивый, статный и волевой казак.

Бог знает почему женился на кафешантанной певице Марии Ждановой, которая, окончив Донской мариинский институт благородных девиц, устроилась в женский оркестр вслед за старшей подругой, известной всему Белграду красавицей Ларой Побединской. Поначалу она пела, вызывая пьяный восторг публики. Пела «Соню», о которой вспоминает в далекой Сибири влюбленный жених-серб, а потом темпераментом, голосом и нежной красотой завоевала популярность в ночных кабаках Белграда. Женился на ней Лесик без особой охоты, пришлось... Маруся родила ему сына, к тому же она была круглой сиротой и самоотверженно его любила. Привязался к ней и он. Так и прожили они счастливо несколько лет...

Но случилась беда. Перед рождеством они зашли в игрушечный магазин купить сыну подарок от Деда Мороза... И вдруг загорелись целлулоидные игрушки, которыми были завалены стеллажи, прилавки и полки...

В один миг узкое, напоминавшее коридор помещение с одним выходом наполнилось черным, густым, удушливым дымом. Обезумев от ужаса, толпа кинулась к двери, сминая все на своем пути... Алексей, стоявший у кассы, различив среди дыма знакомые пальто и берет жены, кинулся к ней, схватил ее сзади под мышки и, задыхаясь, с невероятным усилием, по лежащим и горящим людям проложил путь наружу...

И тут он увидел, что спас... другую женщину! Вне себя, он бросился к двери, но у порога был сбит взрывной волной и лишился сознания. Это взорвались ящики с хлопушками, пистонами, пробками для пугачей и бенгальскими огнями... Магазин с его хозяином, приказчиками и двумя десятками покупателей сгорел в течение минуты...

Среди них была, как писали газеты, «известная «кафанная» певица Маруся Жданова...».

Много дней Алексей Денисенко был на грани потери рассудка, ему все чудился беспомощно стоявший за прилавком старик хозяин: он был объят пламенем, глаза его выражали ужас и мольбу, из горла вырывался хриплый стон или крик, руками он крепко держался за стойку, наверное, чтобы не упасть... А сзади бешено ревело пламя, и его то темно-багровые, то ослепительно-зеленые языки лизали извивавшихся, казалось, в смертельных муках голых ребят-кукол.

Самое страшное наступило, когда Алексей мучитель-

но, секунду за секундой, анализировал все происшедшее: ему мерещилось, что он слышал стон жены, что она даже тихо окликала его...

Сводило с ума и то, что Маруся умирала одна, брошенная в минуту смертельной опасности трусом мужем!

Может быть, она даже видела его или простонала, когда он наступил на нее, спасая незнакомую женщину! Или покорно ждала, беззаветно в него веря?!

А сын, глядя на него полными затаенного страха глазами, спросил, даже не спросил, а рыдающим голосом воскликнул:

— Папа! Ты испугался? Почему ты не спас маму?! Ты такой сильный!!!

И вдруг в то далекое, пережитое врывается близкое, животрепещущее, очень страшное, от чего человек превращается либо в изверга, либо сходит с ума:

...глушь, маленькая белорусская «вёська» у «витебских ворот», окруженная карательным отрядом. Гитлеровцы, со штыками наперевес, сгоняют перепуганных стариков, женщин и детей в коровник, затворяют за ними широкие двустворчатые ворота, подпирают их кольями... Звучит громкая команда оберштурмфюрера Бременкампфа, и очеретовую кровлю коровника обливают с нескольких сторон бензином и поджигают... Наступает мертвая тишина, слышно лишь потрескивание огня, потом из объятого пламенем костра несется нечеловеческий рев, визг, проклятия, глухие удары... с шумом падают ворота, и обваливается часть стены... В проломе показываются люди, впереди могучий старик с двумя детьми на руках — его встречает автоматная очередь, но он стоит... и смотрит горящими ненавистью глазами, а за его спиной бешено ревет огонь, языки которого лижут извивающихся в смертельных муках не кукол, а живых белорусских детей... женщин... стариков...

* * *

— Во дворе, у самой входной двери, его взяли, — рассказывала Люба Леонова, утирая слезы, угрюмо слушавшим ее Ксении Околовой, полковнику Тищенко, капитану Боярскому. — Оглушили, он и пикнуть не успел. А что я могла сделать? Я и стрелять толком не умею... И меня бы схватили. Очень я испугалась... Или

надо было стрелять? А? Скажите? — Ее глаза наполняются слезами.

— Нет, ты все правильно сделала, Люба, не имела права иначе, — успокаивал ее Тищенко. — Они еще получат по заслугам!

— Я как чувствовала, недаром просила не ходить... — уже не сдерживая рыдания, повторяла Люба. — И надо же... талисман...

К вечеру того же дня они были среди партизан.

* * *

Денисенко пришел в себя только к утру. Огромный рыжий фельдфебель Герман Рух перестарался, ударив его резиновой дубинкой по голове.

Бременкампф расхаживает по кабинету.

— Сервус, господин Денисенко! Садитесь и рассказывайте, куда это вы собрались бежать?

— Никуда и не собирался! — зло щерится Денисенко.

— И вещички забрали. Только колечко оставили. Какое интересное, сразу видать — старина! — И Бременкампф надевает его на палец. — Ха-ха-ха! Прелесть... Куда ходил с Леоновой? Советую говорить правду!

— Никуда! — отшибает взглядом взгляд оберштурмфюрера Алексей.

— Что тогда означает найденная в кармане записка? — И он читает: «Будем ждать до четырех. Далее по маршруту В-о. С». Учтите, только чистосердечное признание избавит вас от петли, господин Денисенко! Так или иначе все нам расскажете... Лучше так, чем иначе! Зовизо!

Алексей понял, что погиб... Перед глазами замелькали лица, причастные к партизанскому движению в Витебске. Вспомнился Граков, Чегодов, Буйницкий, Аркаша Попов, Зорица, Хованский, Боярский, Околова... — Приподнявшись со словами: «Записка? Какая записка? Покажите!» — протянул руку, но вместо записки схватил со стола тяжелое пресс-папье и пустил его в голову Бременкампфу...

Тот громко вскрикнул, схватившись за голову. В тот же миг вбежали двое подручных. Алексей запустил в одного из них огромную чернильницу, а другого ударил ногою в пах.

— Дороже продать свою жизнь, дороже продать!.. Дороже... — твердил он, бешено отбиваясь от насевших на него гестаповцев, руками, ногами и даже зубами. Он уже не чувствовал боли и, когда наконец ему заломили руки, понял: битву выиграл, смерть победила, сердце остановилось... идет последний процесс в умирающем мозгу...

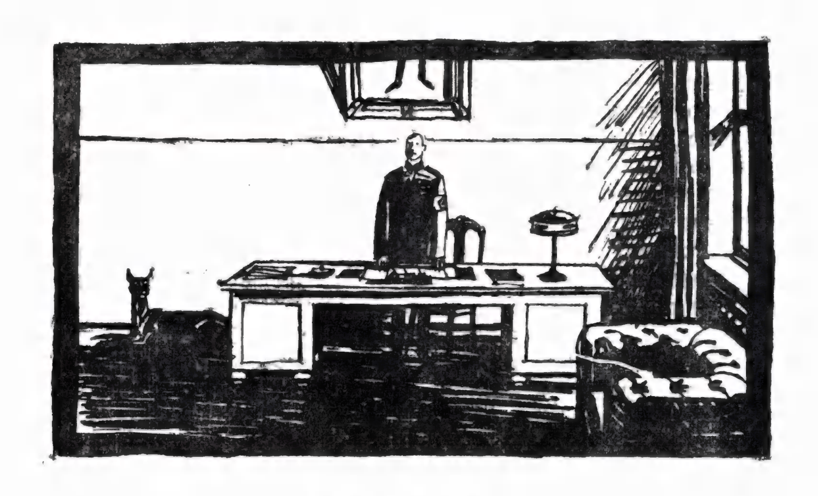
Из каких-то атавистических глубин всплыл его пращур-запорожец: сидит на колу, ругается и норовит плюнуть на глазеющих турок... Когда-то маленькому Алеше рассказывал эту далекую быль его дед, и богатая фантазия ребенка навек запечатлела картину, кто знает почему пришедшую в меркнущее сознание... И Лесику захотелось плюнуть, но уже не было сил... Денисенко был мертв.

* * *

Кольцо не принесло счастья Бременкампфу: через неделю в его кабинете взорвалась адская машина, разнеся оберштурмфюрера в куски. Лейтенант Дольф, «унаследовавший» это кольцо, проносил его дольше: он после занятия Витебска Красной Армией попал 26 июня в «котел» и застрелился.

Кольцо перекочевало на палец фельдфебеля Германа Руха, но и тот понес после суда заслуженное наказание...

Талисман мстил за Алексея Денисенко.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«ТРЕТЬЯ СИЛА»

«Цезари» стоят у своего Рубикона.

1

Стекла вагона обмерзли, в купе холодно. Чегодов поглядывал в окно, за которым белели поля и неширокая полоса реки.

Поезд опаздывал, долго стояли перед мостом через Десну. По степи гулял буран. Вдали виднелся словно покрытый дымкой лес. У пулеметных гнезд пританцовывали от холода немецкие часовые. Кругом пустынно и тихо. Каркают только вороны...

Предстоящая встреча с Каминским и Редлихом тревожила Олега. Романа Николаевича Редлиха Олег лично не знал, слышал, что его отец, крупный помещик, выехал из СССР в 1928 году с семьей в Берлин как лицо немецкой национальности. Роман закончил Берлинский университет и уже в качестве агента гестапо вступил рядовым членом в «Национально-трудовой союз нового поколения» (нынешний НТС) и вскоре стал одним из его руководителей в Германии.

Боярский-Сергеев, характеризуя Редлиха, предупреждал:

«Будь с этой сволочью осторожен, он умен, опытен, изощрен. Из министерства пропаганды его перевели в

Восточное министерство, назначив старшим преподавателем пропагандистских курсов при лагерях Цитенхорст и Вустрау, с поручением выбирать из числа предателей кандидатов в шпионские школы. Теперь Роман Редлих послан в бригаду Каминского заниматься фашизацией личного состава и заодно присматривать за самим начальством. В его руках заброска агентуры в тылы Красной Армии и карательные экспедиции...»

Поезд тронулся и медленно, словно крадучись, пополз мимо дзотов, сторожевых будок, полузанесенных снегом зениток к первым пролетам моста. В купе ехали трое.

— В лесу партизан тринадцать на дюжину! Недавно напали на бригаду, Воскобойника убили, Каминского ранили, — опасливо поглядывая на Чегодова, вполголоса поделился со своим соседом, бородатым крестьянином, высокий тщедушный парень лет тридцати с красным обмороженным носом. — Мост взорвали. Немцы с ног сбились. Где уж укараулить такую облавину... А кому, как не нам, опять мост строить?

— Этакая ползуха! Не дай господь! — не слушая красноносого, повернувшись к окну, пробормотал бородатый. — Часика через три будем в Локоте. Чай, скоро полдень? Ась? Как, господин хороший? — обратился он к Олегу.

— Начало первого! — поглядев на часы, насмешливо отозвался Чегодов, догадываясь, что бородатый хитер...

— Ты, чай, не орловский? Со всех концов люди едут, кто в Локоть, кто в Брасово, кто в Севск... И все ненашенские. Не дай господь! — и погладил широкую седеющую бороду.

— Из Витебска еду, там тоже партизаны орудуют. А про Воскобойника даже у нас гуторили, больно, говорят, свирепый был, точно какой царь, с манифестом к народу будто обратился, карать все грозил... Вот свое и получил... Верно? А?

— Кто его ведает? Каждый свою правду несет, — покосился крестьянин и принялся крутить козью ножку.

— Правда одна, дядя! — не вытерпел Чегодов.

— Эх, парень, нынче за правду плати и за неправду тоже плати... Скоро шесть десятков мне стукнет, много я перевидал, смолоду конюхом у великого князя Георгия Александровича в Брасове служил, двадцать пять целкашей в месяц платили, женился, избу-пятистенку с

пристроем поставил, лошадок, корову, овец завел, а тут война объявилася, а там и революция... У каждого своя правда была, люди метались ровно цыгане на ярмарке... Пришел с войны — ни тебе лошаденки, ни коровенки — одна коза! Затевай сказку сызнова! Пока окреп хозяйством, ан третья правда пришла!.. Теперь последнего боровка солдатики из вашего РОНА забрали, кур последних порезали... Еду у господина Каминского защиты искать. Батюшку его, Владислава Павловича, знал и матушку, госпожу Матильду, и самого Бронека не раз к себе в седло саживал. Тихий тогда был мальчик, воды не замутит. Из Добржины они приехали, город такой на Висле Полоцкой губернии... А теперь, гляди, фюрер!..

— Тихий?.. — фыркнул красноносый. — В детстве, значит, Ананья, а подрос — каналья! — И, поднявшись, подошел к двери.

— Вот к Брониславу Владиславовичу и еду, — попыхивал козьей ножкой бородач, словно не замечая язвительности красноносого. — Вдруг пособит? Ась?.. В флигельке они тогда жили, что направо от дворца...

— Чей же дворец?

— Апраксиных был дворец, графа Антона Степановича, того генерала, что воздушный корабль строил. Погорел его превосходительство и продал дворец великому князю.

— Корабль? Когда?

— Давно уже. Умер граф, поди, лет сорок тому. Сказывали, девяносто годков прожил. Преставился в ту пору и царевич Георгий.

— Он ведь не в Брасове жил, а в Абастумане! О нем писала роман Ольга Бебутова — «Сердце царевича» называется.

— Романов мы не читаем. А его высочество к нам приезжал, своими глазами видел. Как звать спросил, молодцом обозвал... Убей меня бог, правда! — И, уставившись в окно, задумался. — А старого графа и вовсе не видел. Ба-альшие были бары, ба-альшие...

«Зачем он все это рассказывает? — подумал Олег. — Странный мужик, сам вроде из Брасова, а едет из Карачева. И сосед его подозрительный, нос и щеки явно обморожены, верно, впроголодь живет. Уж не партизаны ли какие?»

— А вы в Брасово едете? — обратился Олег к красноносому.

— Мы из Комаричского района, слыхали про деревню Угреевщину? Так я лесник, в трех километрах живу. С пригорка все слыхал, знаю, как вы людей стреляли, как девчат насильничали, как дома жгли и как Данилу Тимофеевича живым в огонь бросили... — Его белесые глаза налились кровью, рука потянулась за пазуху.

И большие жилистые руки бородатого конюха напряглись, а сам он «безразлично» отвернулся к окну. «Такие могут убить! — мелькнуло в сознании Олега. — Заметили, наверное, что я разговаривал с немцем в Карачеве, когда к вагону подходили. Приняли меня за другого!» И тут же почувствовал удар в живот, от которого перехватило дыхание...

Щелкнул замок, резко растворилась в купе дверь, и в проеме появилась фигура здоровенного немца в форме полевой жандармерии.

— Вас ист лос? — почуя что-то необычное, подозрительно уставился он на лесника, который стоял, держа руку за пазухой.

— Гар нихц, зо шреклих! — Едва переведя дух и прижимая рукой живот, Олег указал на бородача и уже по-русски пояснил: — Упал мужик, ауф ден боден цу фаллен, на землю свалился, руку вывихнул. — И, схватив руку старика, дернул изо всех сил. Тот громко застонал.

— Все в порядке, только перевязать потуже надо.

Нанося удар под дых, кулак бородача налетел на пистолет, который по методу Околова висел у Олега на ремнях на левом боку за полой двубортного пиджака. Чегодов тут же решил: «Охотились они за другим: ошиблись. Они мне пригодятся». Он протянул свой аусвейс, подписанный группенфюрером СС Науманом.

— Эти люди со мной, дизе менше мит мир.

Жандарм пощупал аусвейс, посмотрел на подпись, взял под козырек и, покинув купе, задвинул дверь.

— Ну садитесь и признавайтесь, за кого меня приняли? За немецкого холуя? За карателя? А тебе, старому дураку, так и надо! — Олег кивнул в сторону уже вздувшейся кисти бородача, которую тот поглаживал. — Чуть не убили, болваны!

Крестьяне глазели огорошенно. Лесник почесывал затылок:

— Кличут тебя не Романом? Ты вроде из немцев... и по росту, и шапка не наша, и пальто заграничное...

Издалека вроде на тебя смахивал: с пригорка я глядел, как в Угреевщине катовали...

— Олегом меня звать. А вас как?

— Евстафий Калиникович, из Губиных мы! — с достоинством, чуть кривя губы, проговорил бывший княжий конюх. — А его, — ткнул пальцем в сторону лесника, — Степкой Карнаухом.

— Степаном Трохимычем! — поправил лесник.

— Охотились вы за Романом Редлихом, так я полагаю, а?

— Точно! Кто разболтал? — насторожился Губин.

— Знаю! У Сабурова одиннадцать отрядов, верно? Но Редлих вам сейчас не по зубам. Из берлинского гестапо послан, стерегут его, как самого сатану, черти. Вы из отряда? Или кустари-одиночки? Можно хоть на вас положиться в серьезном деле? Разыграли вы простачков плохо и ни за понюх погибнуть могли. В соседнем купе паспорта проверяли, а вы тут возню со мной затеяли... И ты, Степа, еще у двери стоял. Эх!

— Контуженый я, инда слышу, как трава растет, зверь крадется, а то накатит, как теперича, совсем тугой на ухо становлюсь. — Он широко ухмыльнулся: — На твое и наше счастье...

— Я ведь понял, зачем ты полез за пазуху. За гирькой, думаю, или за ножом. Ну и мог бы вас обоих уложить... Не верите?

— Не-е, не уложил бы, — засмеялся Степан. — У нас тоже сила есть.

— Ладно, нехитрое дело убить фрица. А как взять его живьем? Даже сильного, вооруженного, оказывающего сопротивление? Наши «волкодавы» натренированы бороться с немецкими «фланерами», «маршрутниками» и парашютистами на железных и шоссейных дорогах и в лесах, используют джиу-джитсу, «суплес», умеют «не пускать пузыри», впрочем, последнему вас учить не надо. В лесу вы не заблудитесь. Остальному натренирую.

Оба вытаращились, явно ничего не понимая.

Приемам и жаргонным обозначениям научил Олега в Витебске «волкодав» партизанского отряда.

— В толк тебя не возьму! — пожал плечами Степан.

— Время есть, пока доедем, объясню, слушайте. Ширина линии фронта примерно триста километров. Немцы засылают в тыл «фланеров», которые собирают разведывательные сведения о передвижении войск и техники, перекочевывая со станции на станцию. «Маршрут-

ники» ведут визуальное наблюдение в пути, при следовании в поездах и эшелонах; наилучшая их маска: форма и документы военнослужащих или местных граждан. А «паршами» называют сильного противника, по большей части агента-парашютиста. Ясно? Что же касается «джиу-джитсу» и «суплеса», то я вам покажу на примере. Ну, нападайте на меня!..

— Не шали, — старик предупредительно помахал рукой.

— Надо свою школу проходить: «стрелять по-македонски» — значит из двух пистолетов по движущейся цели; уметь «качать маятник», то есть быстро и безошибочно реагировать на любое поведение вооруженного врага при его силовом задержании: быстрей его выхватить оружие, с первых же секунд сбить его с толку и давить на него психически. Ясно?

Чегодов поглядел на внимательно слушавших его крестьян. Те закивали неопределенно головами. Потом лесник, потирая обмороженную щеку, виновато заметил:

— Больно мудрено ты, парень, гуторишь. Нам бы попроще...

— Это значит стрелять в руки, ноги, «отключать конечности». Ясно? Вот тебя, Степан, уверен, скоро научу...

Так незаметно они доехали до Брасова.

2

Отец Бронислава Каминского служил до революции в управлении имениями великого князя Георгия Александровича в Орловской губернии. Это было крупное поместье Брасово, неподалеку от города Севска. Детские годы Брони протекали в одном из флигелей запущенного, но все еще сверкающего былым великолепием дворца графов Апраксиных.

Мать Бронека, Матильда, красивая и веселая полька из мелкопоместной шляхты, певунья и хохотушка, хвасталась тем, что ее муж Владислав приходится пусть далеким, но все-таки родичем знаменитого композитора Николая Каминского, и делала все, чтоб сынок «чудовне дзецко» (вундеркинд) стал так же «знакомит» (знаменит). Однако, несмотря на все старания, музыканта из Бронека не получилось.

Некрасивый, тихий, застенчивый мальчик, усевшись в

огромной гостиной дворца за рояль, глядел на высокие лепные потолки, затянутые по углам паутиной, на почерневшие, давно не чищенные бронзовые канделябры, висевшие на черных цепях, и с тайной завистью всматривался в потемневшие лики фамильных портретов графов Апраксиных, в генеральских и фельдмаршальских мундирах и треуголках, с палашами на боку или жезлами в руках, восседавших на великолепных скакунах перед выстроившимися полками на поле предстоящей битвы. И ему хотелось сидеть не за роялем и барабанить без конца скучные гаммы, а гарцевать на коне в окружении свиты перед построившимися полками...

Окончив в Брянске институт, Бронек, после революции — инженер Бронислав Владиславович, переехал с родителями в возникший неподалеку от Брасова большой рабочий поселок Локоть и начал свое поприще инженером-технологом на спиртзаводе. Щуплый и хворый в детстве, он к совершеннолетию раздался в плечах, погрузнел, но по-прежнему оставался нелюдимым и мрачным. Рыжеволосый и уродливый, он служил вечной мишенью для насмешек товарищей, звавших его не иначе как Собакевич. И в самом деле, натура недолго мудрила над отделкой его лица. Жил он, обозленный на весь мир, чуждаясь мужчин и особенно женщин, в глазах которых читал брезгливость.

В 1938 году Бронек неожиданно подружился с отсидевшим срок и освобожденным из лагеря бывшим белым офицером Воскобойником, человеком иного склада и образа мыслей, яростного ненавистника советского строя. В июле 1941 года немцы оккупировали Локоть и назначили бургомистром Брасовского района, переименованного в уезд, Воскобойника, а тот взял в помощники Каминского. Уездную управу, полицейский участок возглавил другой дружок Воскобойника — сын сосланного попа Семен Масленников. Вскоре была создана и «партия» со своим печатным органом «Голос России».

Абвер еще до войны готовил из буржуазных националистов и белоэмигрантов руководителей будущей местной администрации на оккупированных территориях, с тем чтобы умиротворить местное население и привлечь его к сотрудничеству. А когда партизанское движение благодаря большевистскому подполью стало массовым, административные и военные власти рейха по-

зволили им сколачивать свои «партии», как это случилось в Брасове — крупном селении в центре лесного массива, прилегающего к Десне и ее притокам Неруссе и Навле.

* * *

Поезд прибыл в Локоть часа в четыре дня. Сговорившись с новыми знакомыми о встрече, Чегодов зашагал к обнесенной высоким забором с колючей проволокой территории гарнизона. Сначала ему показалось, что это лагерь военнопленных.

Часовой у ворот проверил документы, и вскоре Олега обрадованно встречал высокий подтянутый Роман Редлих — начальник политического отдела бригады.

— Приятно познакомиться! — шагая по территории гарнизона, чеканил чопорный, педантичный Редлих. — А это наши помощники, — кивнул он в сторону привязанных у забора больших овчарок. — Ловим партизан. — И самодовольно усмехнулся.

Следуя за ним, Олег с первых же минут почувствовал, что в гарнизоне-лагере царит дух пресмыкания перед немецкими порядками. Опекуном «партии» был находящийся в Смоленске полковник СС Шперлинг, а непосредственным наблюдателем за действиями здешнего «русского фюрера» Каминского — Роман Редлих — агент гестапо. Олег знал, что партизаны сильно досаждают немцам, что в ночь с 7 на 8 января опергруппа из партизанского отряда Сабурова по разработанному лейтенантом Енюковым плану атаковала фашистский гарнизон в Локоте, уничтожила пятьдесят фашистов, в том числе был смертельно ранен Воскобойник. В ночь на 2 февраля боевая группа шести партизанских отрядов разгромила гарнизон в Трубчевске. После смерти Воскобойника «партию» и бригаду возглавил Каминский, который по случайности оказался в схватке лишь легко ранен.

И вот теперь, устроив Олега в отдельном номере гостиницы, Редлих повел его по вытоптанной на снегу тропинке к зданию, где находилась «ставка фюрера» Каминского. Было дико сознавать, что марширующие на плацу солдаты — русские люди, что они готовятся к операциям против русских, украинцев, белорусов, сражающихся насмерть с фашистами...

У крыльца часовые козырнули Редлиху и Олегу.

В кабинете, куда они вошли, за огромным столом восседал грузный мрачный «фюрер». Олег знал, что Каминскому сорок два года. На ковре у его ног лежал огромный дог. Он поднял настороженно голову, но, узнав своего, тут же успокоился. «Все как у большого немецкого чина!» — отметил Чегодов.

— «Солидарист» Олег Чегодов, — отчеканил Редлих. — В сороковом году переброшен в Совдепию с заданием наладить в Кишиневе подпольную типографию. Был схвачен органами НКВД, бежал. Типографские станки в начале января направлены к нам через Смоленск в Локоть. Те самые, которые потом во время налета уничтожили партизаны.

Каминский неторопливо поднялся. Вскочил, сердито рыкнув, и дог, готовый, казалось, броситься по первому знаку хозяина на чужого. Плотный, с дисгармоничными чертами лица, в зеленовато-серой немецкой форме, с двумя немецкими орденами на груди, со знаком РОНА на рукаве, Каминский недоверчиво сверлил гостя своими почти круглыми глазами-буравчиками; огромный бесформенный нос, щелевидный рот, синяки под глазами, углообразный подбородок выражали нечто неясное, аномальное. Показав редкие желтые зубы, он по-военному поклонился и протянул Олегу холодную потную руку.

«Как у лягушки, — отметил Олег. — И глаза змеиные!»

Каминскому нравилось, когда мужчины смотрели на него с опасливой неприязнью, а женщины со страхом. «Главное, фраппировать человека, сорвать с него маску и заглянуть в нутро!» Однако он ничего не прочел на лице Чегодова: «Сильный или натренированный!»

Не двигаться, спокойно глядеть на собеседника, не смеяться, когда смешно, не моргать глазами, нанести внезапный удар или отразить его — искусство, требующее долгого и постоянного упражнения, и всему этому учил Олега когда-то Хованский. О хладнокровии и выдержке напоминал и капитан Боярский-Сергеев.

Олег спокойно, даже с каким-то безразличием разглядывал сейчас Каминского.

— Я привез вам письма от Виктора Михайловича Байдалакова и Георгия Сергеевича Околова, а также записку от господина группенфюрера Наумана.

Каминский жестом пригласил сесть, сам опустился в кресло, зашелестел конвертами.

— Они не запечатаны, и я знаю их содержание, —

предупредил Чегодов и тут же одернул себя: «Спокойно, мальчик».

Прочитав и отложив письмо Байдалакова, хозяин кабинета проворчал:

— Господа, человек, пишущий зелеными или красными чернилами, хочет выделиться среди прочих мира сего. — Судорога язвительности искривила его губы. — Виктор Михайлович предпочитает зеленые чернила, а я красные. Будущим диктатором России будет тот, у кого сила! Не так ли, господин Чегодов?

— Будущим правителем Российского государства станет тот, кто, опираясь на собственную идеологию, скажем «солидаризм», поведет за собой массы. Соберет вокруг себя грамотных последователей, умеющих решать теоретические вопросы.

— Болтовня! — грубо оборвал Каминский. — Я практик. Наш колхозник или рабочий смотрит на вещи практически. Я реорганизую городское и сельское управление! Немцам там делать нечего! — Каминский выкрикнул все это и невольно покосился на Редлиха. — Я сброшу ярмо немецкой цензуры с местных газет, журналов, брошюр, листовок! Мы привлечем интеллигенцию, священнослужителей»! Тут уж, надеюсь, вы «солидаристы», мне поможете?

Редлих холодно склонил голову перед местным фюрером:

— Мы готовим диверсионные, разведывательные, террористические группы для засылки в тыл Красной Армии и к партизанам. Отлично работают наши энтэ-эсовцы Жеделягин, Гацкевич...

— Гацкевич здесь? — спокойно спросил Чегодов.

— Здесь! Вы его знаете? — повернулся к Олегу Редлих.

— Он до войны был моим связным с польским отделом НТС.

— А-а-а! Все понятно! Дело в том, что Олег Дмитриевич в ту пору ведал контрразведкой при исполбюро НТСНП.

— Гацкевич подчиняется Масленникову, — сердито бросил Каминский, хлопнув ладонью по столу, вскрыл письмо Околова. Читал он медленно, словно искал в тексте тайный смысл. В тягостной тишине он изучал короткую записку генерала СС Наумана. Потом спрятал в ящик стола, молча подошел к окну, повернулся к сидящим, сложив на груди руки, набрал в легкие воздух и

выкрикнул, повышая до истерических нот голос, который, казалось, отдавался во всех уголках большого кабинета:

— Командовать русской освободительной народной армией буду я! Я возглавляю партию всея России! Я...

Олег невозмутимо ждал.

— Немцы предложили, кажется, Деникину возглавить русское движение, но тот отказался. Национал-социалистская трудовая партия России создана, по-моему, в декабре... — напомнил почтительно Редлих.

— Плевать мне на Деникина! Генерал еще до войны, выступая в Праге, разглагольствовал, что Красная Армия не побежит от немцев. Ха-ха! Жалкий пророк! — Каминский загрохотал деревянным смехом. — А сейчас, после приезда адмирала Канариса и отзыва в Берлин полковника Шперлинга, нашего партийного опекуна, на Брянщину направлены члены союза, созданного еще в двадцать втором — двадцать четвертом годах генералом Врангелем. Вот и вы, Роман Николаевич, прибыли от Байдалакова, зачем? — И Каминский нахально уставился на Редлиха, и его глаза стали еще круглей.

— Пятый отдел РОВСа в Германии возглавляет фон Лампе, я встречался с ним в Берлине, а прибывшие сюда граф Смыслов и полковник Сахаров, думается, помогут нам умиротворить местное население, — спокойно объяснил Редлих.

— А где эти господа? Предпочитают иметь дело с начальником окружной полиции Масленниковым? Вы, разумеется, тоже побывали у него? — Тон его слов, обращенных к Чегодову, был допрашивающим.

— Нет еще! Разве это обязательно? — Олег невозмутимо поглядел на Редлиха, потом на Каминского. — Мне хотелось...

— Что вам хотелось? — живо прервал Олега Каминский.

— Мне довелось ехать с двумя крестьянами. Один из них служил конюхом в имении под началом вашего батюшки, уверял, будто не раз катал вас на рысаках или в седле на скаковых. Зовут его Евстафий Калиникович Губин. Помните такого? Жилистый мужичок, благообразный, хоть икону мученика с него пиши: борода черная с проседью, глаза иконописные...

— Не помню, — после минутного молчания буркнул Каминский. — И что же дальше?

— Ваши молодцы взяли у него поросенка; он приехал жаловаться в полицию Масленникову. «А почему, — спрашиваю, — не к самому Каминскому, если так хорошо его знаешь?» — «Потому, — отвечает, — что начальник полиции все равно по-своему изделает, понарошку, наперекор Брониславу Владиславовичу изделает». — Олег виновато улыбнулся и закончил: — Вы уж извините, что вмешался в чужие дела, но сами понимаете... Я этого мужичонку уговорил к вам обратиться. Он может нам пригодиться...

— Правильно, Олег Дмитриевич. Вы умны и мне нравитесь! Мы с вами сработаемся и общими силами разгромим партизан в нашем округе! Прикончим их и на всей Брянщине и Орловщине! О! Мне нужны люди, подобные вам! Роман Николаевич введет вас в курс дела... Желаю удачи! — и протянул Чегодову руку. — Лорд, это хороший человек, — обратился он к догу, который в ответ вильнул хвостом.

У порога, пропуская вперед Редлиха, Чегодов обернулся и встретился с недобрым, испытующим, мрачным взглядом Каминского. Едва они вышли за дверь, Редлих презрительно фыркнул:

— Ну как вам, Олег Дмитриевич, понравился наш будущий правитель Российского государства?

— Энергичен, неглуп, болезненно самолюбив, с сильной волей, но самодур и тиран. В областном масштабе пока сгодится. На большее не способен...

— Пока преуспевает! Награжден Железным крестом и медалями, представлен к чину бригадного генерала. Вы хитрей, чем я предполагал, нащупали его слабое место — Масленникова.

— Пощадите, Роман Николаевич. Какой из меня хитрец?

— Знаю, знаю. Пришел, увидел, победил! Прислушайтесь к моему совету, не верьте коварному мужичку, которого вы расхвалили: все они обольшевиченные, это лесные волки, мы для них немецкие шкуры...

— Против мужиков, Роман Николаевич, воевать нельзя!

— Бросьте! Партизаны кто? Мужики! А мы против них сколачиваем роты и батальоны из голодных военнопленных. К нашему счастью, Сталин отрекся от попавших в плен солдат. А мы их обрабатываем, вооружаем и сначала бросаем против партизан, чтобы малость

упились кровью. Она что водка — хмелит! А там пошлем и на фронт!

— Однако партизан все больше и больше! Увеличивается сопротивление на фронтах; Красная Армия переходит в наступление. Москва и Питер стали неприступными крепостями...

Остановившись в полутемном коридоре, Редлих зыркнул глазами в оба конца, приставил палец к губам и тихо, язвительно произнес:

— Стратегия и тактика меняются. Получена директива фюрера отторгнуть от Советского Союза промышленные и сельскохозяйственные районы, вырвать в первую очередь кавказскую нефть. Группа наших армий «Юг» превосходит численностью и снаряжением советские войска на юго-западном направлении. Ферштанден? — Он прищурился. — А что там, в Витебске, творится? Кто-то убил Вилли Брандта? Это правда?

— Брандта? Знаю, убит Лео Брандт, а наш Владимир Владимирович, заместитель начальника полевой жандармерии Витебской и Смоленской области, серьезно заболел тифом. — И подумал про себя: «Неужели и с ним уже разделались? Не зевают ребята!»

— Заболел? Какая досада! — понизил голос до шепота Редлих. — Он уже несколько дней не выходит на связь. У него агенты на Брянщине и у нас на Орловщине... Оказывается, заболел. По нашим сведениям, красные сосредоточивают силы в районе Брянского фронта. Сталин опасается немецкого удара на Орловско-Тульском, Курско-Воронежском направлениях с целью захвата Москвы с юго-запада. — Редлих смолк, озираясь по сторонам.

— Военного образования я не имею, в стратегии и тактике не разбираюсь, — признался Олег. — И секретными данными не интересуюсь, дорогой Роман Николаевич.

— Тайн я не выдаю, Олег Дмитриевич. Но вы приехали к нам в Локоть, а тут идет война. Придется коечто осваивать. — Потрепав Олега по плечу, Редлих повел его к выходу.

Сойдя с крыльца, они направились по очищенной от снега аллее к воротам, где расхаживали двое часовых.

У караульной будки топтались Степан Карнаух в ватных штанах и стеганой куртке и бывший графский конюх, бородатый Евстафий Губин в тулупе и валенках.

— А вот и мои протеже! — воскликнул Олег. — И обратился к ним: — К господину Каминскому пришли?

— Стража не пущает. Ежели, грит, по частному делу, то к заместителю, грит, ступайте, — сипло прохрипел Карнаух.

— Ты чего, Степан, простудился? — Олег коснулся его лба. — У тебя жар! У вас есть лазарет? Парень горит, ему хоть таблетки бы какие, — обратился Олег к Редлиху. — Прикажите пропустить.

Тот подал часовым знак, они отступили от калитки. Из караулки выскочил разводящий и откозырнул.

— Спасибо, барин, век не забуду вашей милости, дай вам бог... — бородач низко поклонился Редлиху.

— Оба к врачу, пусть что-нибудь даст от простуды. — Редлих сунул руки в карманы шинели и поежился от холода. — Ну и типы! Тьфу! — сплюнул вслед побредшим по дорожке мужикам. — Волки! А вы таблетки... Где их взять, эти таблетки?

— Для полезных людей найдутся! — раздался позади них приятный баритон.

Чегодов оглянулся. Высокий красивый мужчина в валенках, распахнутом полушубке и шапке-ушанке оценивающе разглядывал его с головы до ног.

— Здравствуйте, Роман Николаевич. Честь имею! — поклонился он Олегу. — Позвольте познакомиться? Незымаев — главврач окружной больницы в Комаричах!— и схватил за руку Чегодова.

— А я хотел и себе попросить аспирина, — обратился к нему Чегодов, — или как там у вас по-медицински — ацеленой, что ли, кислоты. Знобит что-то!

— Ацетилсалициловой! Зайдите ко мне перед обедом, часика в два. — Незымаев заспешил к калитке, которую часовой предупредительно перед ними распахнул.

— Вроде неплохой парень, — похвалил Олег доктора. — Приятное впечатление производит. — И решил: «Пароль понял!»

— Каждая селедка выдает себя за осетрину, — съязвил Редлих. — Гражданские у вас замашки. А у нас тут военная дисциплина. Как при Павле Первом. Сразу впрягайтесь в работу. Выправлю вам документы, снабжу конспектами. Подготовьтесь и начинайте обучать кадры для нашей РОНА и разведчиков для заброски к красным на ту сторону фронта. И еще: не доверяйтесь никому! Эмигрантов здесь, как и в Смоленске, называют

«берлинцами», за нами охотятся ночью и среди бела дня, на улицах, площадях и в квартирах. Ауфвидерзеен! — И, козырнув Олегу, направился к воротам большого дома, перед которыми расхаживал часовой с автоматом за плечом.

«Опасный тип, — подумал Олег. — Таких субъектов, разрушающих психику советских людей, коварно искажающих правду, носителей страшной заразы, надо уничтожать как бешеных собак!» Олег свернул за угол и остолбенел: на стене разрушенного дома ярко выделялась свежая надпись углем: «Смерть немецким оккупантам!», а внизу более мелко: «БIць, рэзаць, знIшчаць, трэба немчуру — абараняць свае калгасныя порядкI, сваю савецкую зямлю ад грабежнIкау!»

Хотелось захохотать, но он заторопился в сторону от этого дома.

3

На другой день Олег зашел в больницу к Незымаеву и, пользуясь тем, что в кабинете никого из персонала не было, передал записку от Боярского и шифровку в Центр. Незымаев провел Олега в изолятор, завязалась беседа. Чегодов поделился методами борьбы на Витебщине, подпольной работы под носом СД; рассказал о том, что немцы, боясь партизанского движения, открывают в городах школы для подготовки диверсантов и шпионов из разной продажной сволочи...

Незымаев был высок, почти на полголовы выше Чегодова, но у́же в плечах. В молодости товарищи звали его Гаврюша-высокуха! Блондин с голубыми глазами, лет двадцати пяти, он производил приятное впечатление. Располагала какая-то на первый взгляд наивная доверчивость, казалось, это был человек, у которого «что на уме, то на языке». Он тут же рассказал Чегодову, что прислали его в Локоть из партизанского отряда имени Дзержинского. Здесь удалось создать подпольную группу из комсомольцев-санитаров и медицинских сестер, которая ведет разведывательную работу и распространяет листовки.

— В поселок Локоть уже наехало более сотни «солидаристов»; народ пестрый. Одни ведут в бригаде пропаганду своих путаных идей, другие «куют» диверсантов. Стараемся их инактивировать. Недавно я раздобыл радиоприемник, и мы регулярно слушаем сводки Совин-

формбюро. Печатаем листовки в собственной типографии, — с гордостью сказал Незымаев.

— Откуда же у вас типография?

— Партизаны разгромили руководящий центр «Всея России», убили Воскобойника; воспользовавшись суматохой, мы утащили из недавно прибывшей из Кишинева типографии кассу со шрифтом и печатный станок, припрятали в подвале больницы.

— «Льдина» дрейфует! — невольно вырвалось у Олега.

...Чегодов вспомнил всю эпопею «Льдины»: как в день эвакуации она прибыла в Кишинев, как везли ее в машине на окраину города и свалили в подвале старого дома. Вспомнил, как после многих мытарств он приехал в Витебск под чужой фамилией и встретился с Денисенко, а тот привел его к Боярскому, в котором узнал Сергеева. Вспомнил, как после долгих обсуждений ему было предложено поехать в Смоленск и рассказать Околову об аресте, о бегстве из Черновицкой тюрьмы, о том, что ему удалось спрятать «Льдину» и таким образом реабилитировать себя.

Тогда же он убедил Околова отправить типографию Воскобойнику в Локоть, дабы создать впечатление, что направляемые энтээсовцы, подобно настоящим представителям «третьей силы», едут во всеоружии...

— Ну а как вам, Павел Гаврилович, понравились мои мужички? Колоритны? — поинтересовался Олег.

— «Ошибочка» у них получилась. Охотились за другим, налетели на вас и влипли: у Евстафия Калиниковича перелом двух пястно-фаланговых костей. Гипс накладывал, терпеливый мужик. А вас уважительно величает чекистом.

— Какой я чекист! — отмахнулся Чегодов. — Позволил себя ударить. Мне повезло. Могли и кокнуть. — Он отвернул полу пиджака и показал плоский вальтер, который защитил его от удара под дых.

Незымаев встал, двинулся к шкафчику, достал бутылку с надписью «Spiritus Rectificati» и две мензурки, подошел к крану, налил два стакана воды и, наполнив мензурки спиртом, поднял одну со словами:

— За ваше здоровье!

Они чокнулись, глотнули спирт и запили водой. В шкафчике нашлась банка с мясными консервами и кусок немецкой булки в целлофане выпечки 1937 года,

когда Гитлер призывал «создавать вместо масла пушки».

«Пьет чрезмерно, — отметил Олег, наблюдая за Незымаевым, — становится болтлив: может накликать беду! Чертово зелье! Жаль...»

Изрядно подвыпивший доктор похвалялся, что «спиртяги хватает»... Чегодов собрал со стола мензурки и бутылку, поставил в шкаф и, тяжело положив удивленному Незымаеву руку на плечо, по-дружески строго произнес:

— Вести подпольную работу и пить спирт такими порциями, дорогой доктор, нельзя. Категорически протестую. За здорово живешь все провалите!

Незымаев вскочил и угрожающе поднял руку, но тут же спохватился и опустился на табурет.

— Простите, — ударив себя в грудь кулаком, воскликнул: — Уж очень расслабился, встретив настоящего человека!

* * *

Спустя несколько дней Чегодов отправился с визитом к Масленникову. Высокий мужчина с порочным лицом и хитринкой в глазах, поднявшись навстречу, протянул два пальца, сухо бросив:

— Здрасьте! Из Смоленска пожаловали? — и, указав на стул, сам сел в кресло.

Олег молча поклонился, неторопливо опустился на стул и с подчеркнутым любопытством уставился на начальника полиции.

— Вы католик? Вроде на поляка не похожи... — вежливо начал Олег.

Масленников вытаращился и сердито буркнул:

— Православный! Больше вас ничего не интересует? Извините... Я занят... Думал, по делу пришли.

— За бестактность простите. Мне сказали, будто вы католик. Маркс говорил, что бытие определяет сознание. Гегель, наоборот, сознание — бытие. Сознание и бытие — штуки весьма неопределенные, однако, зная примерно, какова у человека вера, можно судить о его мировоззрении.

Масленников молча, с недоумением взирал на Чегодова. Олег сложил руки на коленях, не собираясь уходить.

— Я прожил много лет в Югославии. Народы этой страны в силу сложившихся исторических причин были порабощены другими государствами, — продолжал Олег. — Мне кажется, что влияние различных культур сказалось не столько на языке народов Югославии, сколько на религии, характере и даже на обычаях, в результате чего, к примеру, хорваты, будучи под влиянием Австро-Венгрии, приняли наряду с католичеством многие их черты — присущую немцам пунктуальность, отсюда ограниченность мышления, послушание, любовь к абстрактному философствованию. Зерно «протестантизма» и некоторую легкость нравов они позаимствовали у венгров, а также смелость, сопряженную порой с жестокостью и мстительностью. А сербы, будучи под турецким игом, не стали мусульманами, но приняли свойственные туркам патриархальную чистоту, правдивость, внутреннюю порядочность, пренебрежительное отношение к женщине и многое из того, что предписывает Коран. Все это, конечно, мои предположения...

— К чему вы клоните? — хмуро поглядев, свел мохнатые брови Масленников.

— Сейчас вам станет ясно! Во времена царя Алексея Михайловича ученый серб-католик Крижанич писал: «Во всем свете нет такого безнарядного и распутного государства, как польское, и нет такого крутого правительства, как в России». Это преувеличение, разумеется. Крижанич смотрел со своей колокольни, католической... Я подчеркиваю: католической!

— Я историю не изучаю, я ее делаю! — резко заметил Масленников.

— Как велят ее делать католики?.. Такого же мнения о православных и католический архиепископ Хорватии Алойзо Степинац, митрополит Львовский граф Шептицкий и, разумеется, ваш шеф Каминский. Мне известны кое-какие суждения о вашей бригаде, и далеко не лестные. «Этой Русской освободительной народной армией командует поляк Каминский и немец Редлих!» — так говорят люди...

— Может быть, скажете кто?

— Какая разница? Вы шеф осведомительной службы, сами все знаете... Немцы сплетничать не станут... Но если мы создаем «третью силу», то зачем призывать варягов «володеть и править нами»?

Резко очерченные губы Масленникова расплылись в жесткой улыбке. «Кажется, попал в точку, — отметил про себя Олег, — на первый раз хватит!»

Покинув кабинет, Чегодов столкнулся в коридоре нос к носу с Граковым. Они бросились друг другу в объятия.

— Из Берлина?

— Из Витебска, тебе привет от Якова Ивановича, Лесика и всех наших. Только приехал. — Граков полез во внутренний карман пиджака, вытащил конверт и, передавая Олегу, шепнул: — Там записка от Алексея Алексеевича и Жоры.

Обрадованный Олег намеревался тут же вскрыть конверт, но Граков жестом остановил его. Невозмутимо сунул трубку в рот и полез за кисетом.

— Грак, дорогой друг, до чего рад тебя видеть! Так мне не хватало кого-то из вас! — И Олег опять крепко обнял его.

— Ух! Пусти, медведь, задавишь! — взмолился Граков.

— Ты куда? К Масленникову?

— К заместителю Редлиха по подготовке диверсантов.

— Успеешь. Пойдем поделимся опытом. — И Чегодов подхватил его под руку и потащил на улицу.

* * *

К началу весны, в распутицу, предстояла переброска диверсантов Гракова в советский тыл и к партизанам.

Вечером Незымаев собрал группу подпольщиков в «кабинете» (кабинетом они называли подвал, где был спрятан типографский станок и радиоприемник). На повестке дня — выполнение требования Центра: проведение более организованной разведывательной и диверсионной деятельности в тылу врага и налаживание четкой, бесперебойной связи с Центром.

— Командованию, — говорил Незымаев, — в первую голову необходимо знать о количестве дислоцируемых войск в районе, их оснащенности, тыловых резервах и, конечно, переброске их. Это основные наши задачи.

— ...Особенно важно сейчас, — горячо вклинился Граков, — поскольку фронт к первому апреля стабилизировался! Теперь стоит вопрос: обрушит ли враг свой удар на Москву? Таким образом, исход летней кампа-

нии сорок второго года либо будет решаться под Москвой, либо немецкие войска двинутся на юг...

— На юг, на юг, — сказал Чегодов, — это мне известно от Редлиха...

Было много дельных высказываний и смелых планов. Засиделись допоздна. Перед тем как разойтись, Незымаев предложил решить еще один вопрос: использовать скрытую вражду Каминского и Масленникова.

— Натравить на них немцев. Каминский явно глупее Масленникова; строит из себя хозяина округа! Повелевает встречать его колокольным звоном, хлебом-солью. Ни дать ни взять царь-батюшка! — Незымаев хохотнул. — А Масленников дьявольски хитер, его вокруг пальца не обведешь... Хорошо бы их стравить и «сбросить с престола» Каминского!

— Нет, Павел Гаврилович, — горячо возразил Чегодов, — гораздо важнее ликвидировать Масленникова. Он опытен, ловко организует операции против партизан, карательные экспедиции, его бандиты зверски расправляются с населением деревень. Лесничий Степан Карнаух был свидетелем, как «масленниковцы» в деревне Угреевке насиловали женщин и девушек, а детей и стариков в огонь живыми бросали... Масленников рвется на место Каминского, выслуживается перед немцами. У него блестящая память. Вы заметили, что свои архивы он держит в голове. Эта голова опасна!

— Он сын сельского попа, и в свое время весьма уважаемого в Брасовском уезде, — подала голос худенькая девушка, сестра милосердия Надя. — Мне отец рассказывал, как в начале коллективизации, в двадцать восьмом году, крестьяне не торопились сводить своих саврасок и буренок в общий загон... В село прибыла чоновская часть, пришлось согнать скот в барские конюшни, хлевы и овины и свалить небогатый инвентарь — плуги, сохи и бороны — на колхозный двор... Но стоило чоновцам отбыть за околицу, как на другое же утро мужички разобрали скотинку, сохи да бороны по домам... Так повторялось несколько раз... А воду мутил поп: читал в церкви проповеди, а миряне слушали отца Порфирия: «Батюшка сказал. Божья воля!..»

— И что же стало с попом? — заинтересовался Граков.

— Его, разумеется, арестовали, — ответила Надя, — а попович Сеня остался с матерью; из дома их выселили. Уехали они кто знает куда. Объявился Семен

Порфирьевич Масленников уже с приходом немцев. И где только его черти носили столько лет?! — заключила Надя, кинув быстрый взгляд на Чегодова. — Вот и лютует, точно зверь какой. Рогов только нет.

— Бездомный пес! Такие опасны! — холодно прокомментировал Чегодов. — Вид у него неприятный: петлистые уши, крючковатый нос... В нем сидят патологический садизм, жажда к убийству в силу атавизма или исподволь накопившейся ненависти к людям. Говорят, он убивает людей сам, хладнокровно, без всяких угрызений совести.

— Да, — закивал Незымаев. — Он именно так зверствовал в Тарасовке и Угреевщине; окружают его такие же садисты, бандиты, уголовники... которые от вида крови пьянеют и звереют... Какая уж там совесть? А мы сейчас разве не готовим убийство?

— Ну, ну, товарищ Незымаев, — остановил его Граков, — в вас заговорила медицина, гуманизм врача...

Чегодов встал и прошелся по сводчатому подвалу, поглядел на зарешеченное окошко, стекло которого было замазано краской.

Наступила пауза.

— Ты, Павел, не прав! — сказал Олег Незымаеву. — Ты устал... Это понятно — лечишь убийц.

— Лучше бы уйти в партизанский отряд, — признался доктор.

— Да, но философствовать будем на досуге, — откашлявшись, заметил Граков. — Перед нами задача: как убрать Масленникова?

Незымаев вдруг выпрямился:

— В бригаду в разное время были внедрены агенты из оперативных групп НКВД, «Дружные», «Боевой», «Сокол». У каждой группы свои задачи. Им поручено отколоть часть бригады. Теперь нам предстоит проверить еще и людей, прибывших с Граковым.

— Вот это по-деловому! — обрадовался Граков.

— Масленников настаивает, чтобы в ближайшее время подготовить новичков и направить в партизанский отряд Сабурова с заданием его убить. Ведь начальнику полиции хочется отомстить за Воскобойника. Нам в руки дает козырь Каминский — ему очень понравились Карнаух и Губин. — Незымаев повернулся к Чегодову: — Уже дважды келейно уговаривал их внедриться в отряд Сабурова с тем же заданием. Каминский хочет выслужиться перед немцами, обойти

Редлиха и Масленникова. Какие есть соображения? Прошу высказываться. — Теперь Незымаев уже держал в напряжении собравшихся.

— Бронек боится, что, помимо него, проводятся разведывательные и диверсионные мероприятия, — заметила Надя. — Он ведь кичлив и вечно ударяется в амбицию.

— Ну и что? Давайте предложения! — неумолимо требовал Незымаев.

План операции был наконец разработан во всех деталях. Чегодову поручалось проинструктировать Карнауха и Губина, а Гракову — своих людей.

Разошлись уже ночью.

4

Апрель начался снегопадом. Потом потеплело. Подмораживало только к ночи.

Каминский, пользуясь тем, что Редлиха вызвали в Берлин, тайком отправил Карнауха и Губина в отряд Сабурова. Спустя день-другой ушли люди Гракова.

Редлих вернулся из Берлина 20 апреля.

На другой день, встретившись с Чегодовым, Граков, посмеиваясь, сказал:

— Пока наш Роман Николаевич напичкан распирающими нутро берлинскими новостями, надо к нему зайти, узнать, как поживают наши «вожди».

— Правильно, — подхватил Олег.

И они вдвоем направились к нему в кабинет. Редлих встретил их у порога с притворным восторгом:

— О! Мои друзья! Меня вызывает шеф. Пойдемте к нему, вам нужно быть в курсе. — И, взяв их под руки, потащил в кабинет Каминского. Тот восседал за письменным столом, будто на троне. Граков и Чегодов присели на диване, а Редлих устроился в старинной качалке с бархатным, изрядно потертым, стеганым сиденьем. Дог лежал слева у стола.

— Вам, Бронислав Владиславович, — начал Редлих, глядя на Каминского, — берлинский привет от бывшего заместителя 2-й немецкой армии генерала Шмидта. А всей нашей бригаде шлют наилучшие пожелания Виктор Михайлович Байдалаков, Кирилл Вергун и многие другие. В Варшаве я встречался с Александром Эмильевичем Вюрглером. Он очень похудел, у него неприятности с Околовым...

— Вюрглер меня не интересует, — перебил его Каминский. — Где сейчас генерал Шмидт?

— Я встретил его на квартире у бывшего военного агента в Петербурге графа Лансдорфа.

«Ого! Наш Роман близок с одним из покровителей генерала Власова!» — отметил про себя Граков и спросил:

— Уж не вернулся ли наш рейхсминистр Восточных областей к своим первоначальным взглядам? Тем, которые он проповедовал до войны?

Господин Розенберг предлагает после разгрома Красной Армии создать самостоятельные государства: Украину, Белоруссию, Грузию, Армению, Туркестан, считая, что разбить русского колосса, который вечно будет угрожать Германии, можно, лишь использовав сепаратистские течения. Украине он хочет отдать Галицию. Он полагает, что триста тысяч немецких колонистов на Украине и сорок тысяч немцев Поволжья вместе с немецкими солдатами оккупационной армии составят фундамент для дальнейшей германизации Украины, которая примет форму немецкого протектората и постепенно превратится в независимую страну типа английского доминиона.

— Однако Геринг и Гиммлер не согласны с Розенбергом, — закончил рассказ Редлих.

Бронислав Каминский нахмурился, постучал костяшкой указательного пальца по столу.

— А что думает сам Гитлер? — деревянно проговорил он.

— Гитлер стал на сторону последних и сказал так: «Оставьте догмы. Через два месяца после победы на Востоке этнографические границы не будут играть никакой роли. О восточных границах — германской или европейской империи — сейчас я не могу думать. Возможно, что японцы распространят свои притязания на всю Сибирь, до Урала. А мы должны уважать своих союзников. Украину устраивайте как хотите, но без националистической политики. Меня же Украина интересует как резервуар, который нам нужен как колония. Национальные претензии нам только мешают, и вы держитесь от них подальше».

— А как же мы? — Каминский угрожающе поднял бровь.

— Ваша бригада создана келейно, без разрешения высокого начальства, — объяснил Редлих, покачиваясь

в качалке. — Генштаб и немецкая интеллигенция считают, что мысль победить Россию самостоятельно — весьма опасная иллюзия; безжалостное использование природных богатств русских земель как колонии не даст победы. Советский Союз можно захватить и укротить только с помощью масс русского народа. Немецкий генералитет хочет иметь поддержку таких бригад, как ваша, Бронислав Владиславович. Но если Гитлер узнает, что есть русские войска в немецкой форме, то нам с вами не поздоровится...

Каминский вскочил, резко ударил кулаком по столу; дог зарычал.

— Гитлер нас не понимает? — но, спохватившись, уселся на место.

— Большинство немецких офицеров считают, что делают огромную милость нам, грязным русским, разрешая воевать с партизанами, — холодно заметил Граков.

Редлих, продолжая качаться в своей качалке, согласно кивнул:

— Армия «Юг» скоро захватит нефтеносные районы Кавказа и перейдет через Кавказский хребет. Гитлер рассчитывает на восстание в Грузии и в Армении, а также на вступление в войну Турции, после чего Советский Союз станет на колени, и Гитлеру не понадобятся наши вспомогательные силы из русских или украинских бригад. — На лице Редлиха играла лукавая улыбка, будто он издевался над Каминским. — Сейчас Гитлер поставил своим вооруженным силам задачу: на центральном участке фронта сохранить положение, на севере взять Ленинград и установить связь на суше с финнами, а на южном фланге фронта прорваться на Кавказ. Что и сделано! Поэтому немецкая печать, радио, да и наши газеты на оккупированной территории столько пишут о блестящих победах на южных участках фронта и о скором разгроме советских соединений западнее Дона.

— Ну, положим, Ленинград еще не взят! — зло бросил Чегодов.

— Возьмут! — наступив незаметно Олегу на ногу, категорично заявил Граков.

Каминский мрачно смотрел в потолок.

— Пусть немцы берут Москву и Ленинград! — закричал он исступленно. — Пусть! Мы исподволь накопим армию здесь, в оккупационной зоне, перевербуем

всех партизан: поначалу внедрим опытных пропагандистов в их подразделения, а затем создадим фиктивные партизанские отряды и постепенно приберем к рукам все партизанское движение! — Каминский неприятно ощерил свои редкие желтые зубы и, повернувшись к Гракову, продолжал: — Говорят, в Югославии генералу Михайловичу и его четникам таким путем удалось повести за собой массу крестьянства!

— Увы, не удалось! — вмешался Граков. — Я недавно был в Белграде и в других городах Югославии: инициатива там переходит в руки коммунистов, и должен признаться...

Каминский вскочил, грохнул по столу кулаком:

— Гитлер идиот!

В приемной послышались громкие голоса, дог с остервенением, оглушительно залаял; распахнулась дверь, и в кабинет ввалились три человека — вахтер пятился, все еще стараясь удержать наступавших мужиков, Губина и Карнауха.

Сдерживая собаку и сделав знак вахтеру уйти, Каминский вытаращился на с трудом переводивших дух людей и рявкнул:

— В чем дело? Какого дьявола не выполнили моего приказа? Расстреляю!

— Бяда, ваше превосходительство!

— Повешу! — угрожающе размахивал руками Каминский и ткнул пальцем в сторону лесника: — Говори!

— Ваше превосходительство, барин, пришли мы, как вы велели, в деревню Панки, в третью хату с краю, где лес начинается, к Митрофану... Как его?

— Ладно, неважно! Почему ушли из отряда Сабурова?

— Так вот-а, ваше превосходительство, барин, явились, значица, мы к энтому Митрофану в сумерки и говорим ему паролю: «Сенца для козы не дадите?», ну он чин чином: «У меня и соломы для коровы нету». Цельных три дня сидели. А в ночь на четвертый разбудил он нас, посадил в сани и повез. Верстов этак с двадцать.

— Интересно! — встрепенулся Каминский. — И что дальше?

— Завязали нам глаза и повяли, значица, к главному. Зда-равенный жеребец, ей-богу! Как закричит он, дак как кулаком вдарит: «Откуда пришли?» Так и так,

гавару: «Ронавцы нашу вёску Угреевку зусим разграбували, попалили, гэтульки народу забили. Страх!» А он гаварыт сваму помочнику: «Пока тех, что послал Масленников, не постреляли, приведи-ка сюды!»

«Ай-да Карнаух! Просто артист, — восторгался про себя Чегодов, глядя на Карнауха. — Вошел в свою роль холопа, умеет барина дурить».

Далее, с не меньшим мастерством, инициативу рассказа взял Губин. Он объяснил, как к партизанскому командиру в землянку привели четырех избитых людей (Губин их видел в Локоте, когда они приходили в больницу). Один из них, здоровый битюг, как закричит: «Какое ты, Сабуров, командир отряда, имеешь право, до конца не разобравшись, судить людей по навету палача и убийцы, поповского выродка Масленникова?» — и, опасливо глядя на дога, Губин продолжал:

— А Сабуров как гаркнет, как ткнет пальцем в бумагу. «Да знаешь ли ты, твою мать, вражина, что Масленникову я верю как самому себе?!» Поглядел я на ту бумагу, мать родная, а там подпись нашего начальника полиции! — Губин покосился в угол, сделал поясной поклон, крестясь; его иконописное лицо стало строже и отрешенней. Карнаух тут же добавил, что, когда уводили тех людей и никто на них внимания не обращал, Губин стащил со стола бумагу, разорвал ее пополам, и они начали скручивать козью ножку.

— Ну а тут пришел наш угреевский, аж с сорок первого он в партизаны подался и вроде у них за комиссара отряда, — продолжал Губин. — «Знаю, — говорит, — их, товарищ командир; а вы, земляки, хорошо изделали, что пришли. Не боись, садись закуривай». Закурили мы. — Губин полез в карман и вытащил замусоленный остаток козьей ножки и протянул его Каминскому.

Тот взял осторожно, двумя пальцами, обгоревшую с одного конца бумажку, на которой среди расплывшихся чернильных потеков проступали буквы; отыскав на столе лупу, он поднялся, подошел к окну и принялся внимательно рассматривать написанное... Потом повернулся к Карнауху и, протянув руку:

— А где твоя часть бумажки?

— У моей ничего не було, — виновато потоптался на месте лесник.

— Посмотрите, Роман Николаевич! — Каминский протянул бумажку Редлиху, в утробном голосе его зву-

чали и затаенная угроза, и злобное торжество. — Это, несомненно, почерк Масленникова!

«Судьба начальника полиции предрешена. Одна гадина пожрет другую!» Чегодов бросил многозначительный взгляд на Гракова.

Каминский оцепенел, лицо побледнело, змеиные глаза-буравчики поблескивали, а по левой щеке пробегал нервный тик...

— Какие причины, Бронислав Владиславович, побудили вас послать к Сабурову этих людей? — поморщился насмешливо Редлих, которому были хорошо известны взаимоотношения между командиром бригады и начальником полиции; ему не хотелось верить в рассказ крестьянина и лесника.

Каминский выдвинул ящик, вынул из него пистолет и, размахивая им перед Губиным и Карнаухом, разразился торжествующим хохотом:

— У меня нюх лучше, чем у этой собаки, я давно уже чувствовал, что Масленников — враг! Извините, господа! — обратился он к Чегодову и Гракову. — Придется вызвать немецкое начальство! А вы, мужики, пока можете идти. Спасибо за верную службу! Представлю вас к награде! — И почти вытолкал Губина и Карнауха за дверь. За ними покинули кабинет Граков и Чегодов.

Очутившись вчетвером на улице, они направились в сторону больницы. Мимо них прокатил черный лимузин.

— Ну, пошла писать губерния! Не завидую я Масленникову! — усмехался Граков. — А как мои ребята? Как Сабуров? Одобрил наш план?

— Людей, сказал командир, переправит на Большую землю. И велел еще передать, чтобы не спешили с «Першая мая».

Чегодов лишь краем уха слышал, что в недалеком будущем готовится операция «Первое мая» — массовый переход солдат из бригады Каминского к партизанам. Провокацию же с Масленниковым Олег проводил с Незымаевым и уборщицей Дусей, которая, убирая кабинет начальника полиции, выбирала из корзины, куда обычно Масленников легкомысленно бросал (правда, весьма редко) разорванные на три-четыре части черновики. Эта привычка и сыграла роковую роль в его жизни.

В тот же день по Локотю поползли слухи о преда-

тельстве начальника полиции Масленникова; говорили, что засланные им к партизанам люди расстреляны, что готовилось покушение и на самого Каминского, а убийство Воскобойника — дело рук Масленникова...

Немцы тоже поверили в принесенные Карнаухом и Губиным доказательства вины начальника полиции Брасовского округа.

На клочке бумаги, черным по белому, написанное его почерком, стояло:

...абурову предлагается...
...дником Первомая...
...ен ликвид овать груп...
...и т... использовав...
...бригад... Каминского незам...
...лное уничтожение.

Согласно плану Масленникова, в который он посвятил людей Гракова, следовало действовать так:

По прибытии к Сабурову предлагается, воспользовавшись праздником Первомая (самогон в отряд будет доставлен), ликвидировать группу, окружающую Сабурова, и таким образом, использовав сумятицу, обеспечить бригаде Каминского незаметное и полное уничтожение партизан.

Заставив дважды прочесть задание группы, Масленников, как обычно, полагаясь на свою память, разорвал и выбросил в корзину написанное.

Через трое суток Масленников был повешен...

В бригаде начался раскол. Одни говорили: «Грабь, режь, насилуй, день да мой», другие: «Пока не поздно, искупать надо свою вину!»

Каминский же с каждым днем становился все злей и мрачней, и порой в его глазах вспыхивало безумие. На ночь он запирался и долго сидел, обняв верного дога.

Однажды в начале мая, собрав подпольщиков, выступил Незымаев:

— Если бы не успехи немцев на южных фронтах, бригада при первом же ударе рассыпалась бы; ее сохраняет только круговая порука, которая подобна засасывающему болоту, а «солидаризм» энтээсовцев — отрава, дурман, освящающий любое кровавое дело.

— «Солидаризм» в некотором роде эскиз круговой поруки, — заметил Граков, посасывая трубку. — Недавно я слушал, как читал из курса политграмоты НТС «Национальный вопрос» ваш врач, вновь испеченный энтээсовец, некий Филипп Никитович Заборов...

— Забора! — поправил Гракова Незымаев. — Высокого роста, полный шатен. Он личный врач Каминского с самого начала в госпитале.

— Слушал я этого Забору и видел, как он отводит от слушателей свои карие глаза, и мне стало понятно, что не верит он в «солидаризм». Почему же перешел в стан врагов своей Родины, которая воспитала, обучила его, дала высокое звание врача?

— Ему близка «солидарность» волчьей стаи, — отрубил Незымаев.

Граков, позабыв все на свете, принялся увлеченно что-то рисовать в блокноте... Все примолкли...

«Интересное чувство заложено в людях, — подумал Олег, — заглядывая в блокнот Гракова, — какое-то не поддающееся объяснению уважение к подлинному творчеству. Мы останавливаемся и как завороженные следим за руками ваятеля, за резцом скульптора или за тем, как бросает на полотно мазки кисть художника».

Через десяток минут Граков задумчиво отошел в сторону. Незымаев, Чегодов, медсестра Надя, уборщица Дуся, лесник Степан Карнаух, Губин склонились над листком, вырванным из блокнота, — на картинке слева было изображено вспаханное и уже покрывшееся первыми зеленями поле, справа краснело ржавое болото, затянутое ряской. А над ним, на небольшом пригорке, чернела огромная, слегка покосившаяся виселица. Верхняя ее перекладина уходила далеко в небо, с нее свисала петля. Внизу, на земле, среди чертополоха, лежала продырявленная каска, а на ней, точно черный паук, свастика...

Рисунок навевал жуть своей мрачностью.

— Есть старинное поверье, будто под ногами повешенного вырастает альрауна, или мандрагора; это растение считается волшебным и дурманящим средством, его корень, полагали в средние века, точная копия тела, воплотившегося в повешенного, беса, — произнес Граков. — Что же может вырасти под этими свастиками, трезубами, знаками РОНА, НТС?

«А ведь Грак настоящий талант! И кто знает, что еще его ждет? В нем заложен необычайный дар прови-

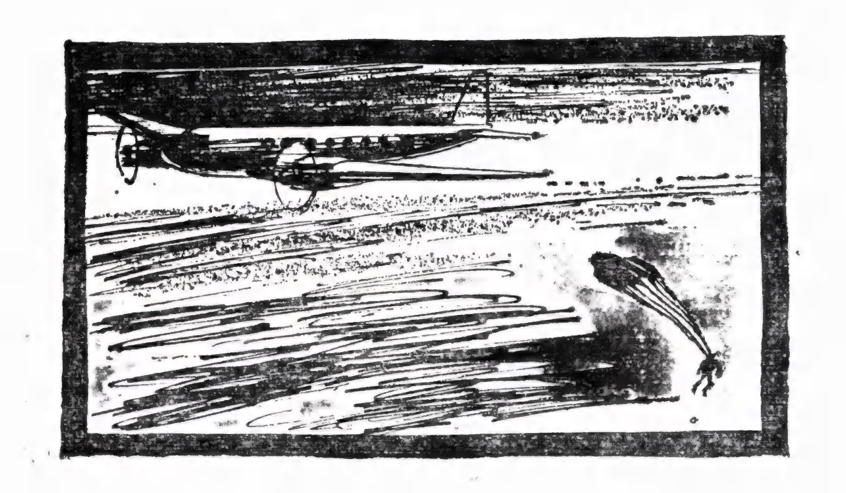
денья настоящего художника. Он глубоко верит в то, что написал», — думал Олег Чегодов.

Граков тем временем доставал из кармана один, другой пастельный карандаш и то резкими, то волосяными, едва заметными штрихами поделил эту картину на две части — слева ее зеленя казались живее, ярче, радостней и небо светлело, а справа — становилось все мрачней, безнадежней...

* * *

Граков уехал в Берлин 20 мая. Его провожал Чегодов. И у того и у другого было тоскливо на сердце. Обстановка на фронте усложнялась с каждым днем. Гитлеровские части рвались неудержимо к Волге. Немецкое радио вещало о победах над сталинскими армиями, о десятках и сотнях тысяч пленных, о неожиданном ударе армейской группы Клейста в районе Краматорска, в результате чего окружены 6-я и 57-я армии и группа Бобкина.

Но Москва и Ленинград упорно держались.

ГЛАВА ПЯТАЯ

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

Да будет выслушана и другая сторона!

1

Жаркий засушливый август 1943 года в поселке Локоть отсчитывал свои последние дни. Душно было в гарнизоне даже по ночам. Олег Чегодов с наступлением темноты, захватив рядно и подушку, отправился за хату в «садок» на свою скамейку «под вишню» и улегся, сунув под голову пистолет. Какое-то время, глядя на далекие звезды, он вспоминал своего преподавателя в корпусе — Чикомасова, который стоял перед картой звездного неба с указкой и вдохновенно рассказывал, закрыв глаза, древний миф о стрельце и его луке, об утках или о таинственной звезде Альдебаран...

Уже сон начал его одолевать, как чуткое ухо уловило приближавшиеся шаги. Это был доктор Незымаев.

— Что-нибудь случилось? — спросил Олег, поднимаясь со скамьи.

— Тебе, Олег, надо готовиться к отъезду. Сегодня слышал: немцы смекнули, что зря расстреляли начальника полиции Локотя Масленникова. Начали новое следствие. Спрашивали твоих Карнауха и Губина. Массовый переход восьмисот человек из бригады Камин-

ского к партизанам их взбесил! К тому же и весточка от Боярского пришла...

— Куда же мне податься? В отряд к Сабурову?

— Нет, приказ Боярского — ехать в Киев. У меня, кстати, там родичи — тетка Гарпина с дядюшкой. Люди они добрые, если живы, конечно.

— Какое же задание?

— А вот держи, читай!

В конверте письмо Боярского и еще какие-то бумаги. Он писал, что руководство НТС, обеспокоенное ростом «сепаративного» движения на Украине, формирует в противовес «самостийникам» сильную группу НТС. В ближайшее время в Киев направляет людей. В прилагаемом списке Чегодов обнаружил несколько знакомых фамилий.

Далее в письме говорилось, что положение немецких войск на восточном фронте ухудшилось, в Берлине возникла идея создать «самостоятельную» русскую армию под началом бывшего советского генерала Власова. Дальше давалась подробная информация о драчке в исполбюро НТС между Байдалаковым, Вюрглером, Околовым и Поремским...

Светя фонариком, Павел Незымаев стоял молча, пока Олег читал письмо.

Ссылаясь на просьбу Хованского, Боярский рекомендовал Чегодову срочно отправиться в Киев — разрешение на поездку подписано самим генералом Науменом; там необходимо сойтись поближе с сотрудником контрразведки НТС Николаем Шитцем, возглавляющим сейчас украинскую резидентуру «Зондерштаба Б»; установить, является ли Шитц родственником гауптштурмфюрера СД Эбелинга? Находясь в Берлине, Шитц был весьма близок к Байдалакову и принимал косвенное участие в попытке наладить связь НТС с англичанами. Надо, писал далее Боярский, узнать: 1) работает ли Шитц в гестапо? 2) каковы его взгляды на связь с англичанами? 3) насколько он близок с Эбелингом? 4) известно ли что-либо Эбелингу об англичанах?

Наконец давалась явка в Киеве на крайний случай и «ящик» на Подоле в женском монастыре.

Были копии донесений и записка Вюрглера Байдалакову, где он сетовал на то, что в Киеве НТС представлен весьма слабо...

— Все понятно, — проговорил Чегодов, поджигая спичкой письмо, пряча записку Вюрглера в карман.

Фонарик погас, они сели на скамейку, помолчали.

— Уезжать в Киев нужно немедленно, — не торопясь проговорил Незымаев. — Повезло тебе, вовремя подоспела командировка... А то пришлось бы уходить к партизанам...

— Мой отъезд похож на бегство, Каминский заподозрит неладное. Чего доброго, арестует! Он ведь с немцами не очень считается!

— Вырваться из заколдованного круга нам поможет Редлих и разрешение Наумена; покажи Роману записку Вюрглера.

— Это только записка, а не официальный приказ о моем переводе в Киев, который должен поступить из Берлина, или Варшавы, либо из Смоленска от Околова... Редлих не дурак!

— Если Редлих не поможет, позвони в Смоленск Околову, скажи, что имеются особо важные сведения, и уезжай, а тем временем Граков в Берлине подготовит приказ о твоей официальной командировке в Киев...

— А если ему это не удастся?

— В любом случае оставаться здесь больше нельзя.

— Хорошо, Павел, поеду. И спасибо тебе за все! Прощай!

Незымаев крепко пожал Олегу руку и скрылся в темноте. А Чегодов до утра не мог уснуть...

* * *

В начале сентября 1943 года Чегодов уже был в Киеве. Он разгуливал с дочерью тетки Гарпины и дяди Никифора по разрушенному Крещатику, с недоумением читая его новое название: Эйгорнштрассе; любовался с Владимирской горки темным плесом Днепра Славутича, далекой Русановкой, Оболонью и размышлял о предстоящих встречах с подпольщиками.

Смоленск, Витебск, Локоть... — все это уже было позади.

Что ждало в Киеве теперь?

Сегодня Олег попросил Оксану проводить его на бульвар Шевченко. Дочь тетки Гарпины, чернобровая и черноокая хохотушка, звонко смеялась, показывая белые зубки, рассказывала на своей певучей «украинской мове» о том, что килограмм хлеба в Киеве теперь стоит двести пятьдесят карбованцев, стакан соли — двести карбованцев... что бульвар Шевченко назвали Ровноверштрассе...

— А теперь, Оксана, — Олег легонько тронул девушку за плечо, — идите домой, спасибо, что довели до бульвара, — и ласково поглядел в ее глаза.

Удивление мелькнуло в ее глазах.

— Да, да! Идите, идите, я сам найду дорогу домой.

— Не понимаю, Олег Дмитриевич, — покачала она головой, — вы же сами просили меня показать Киев...

— Простите, Оксана, — замялся Чегодов, — хотелось бы одному научиться ориентироваться в городе. — Он глянул на наручные часы, время показывало, что скоро должен появиться из присутствия его бывший помощник по контрразведке Николай Шитц.

— Ну смотрите сами, — обиженно фыркнула девушка.

Бульвар Шевченко выглядел малолюдным. Олег зашагал к полуразрушенному дому. И тут из-за угла появился высокий, тощий Шитц с унылым лицом, под руку с блондинкой, в которой Чегодов узнал его жену.

Увидав Олега, она первой кинулась к нему.

— Олег!

— Здравствуйте, Татьяна и Николай! — Он обнял их. — Вас я никак не ожидал увидеть вдвоем! Георгий Околов говорил, что сюда направили только мужчин.

В поцелуе, которым Татьяна обожгла Олега, он почувствовал зов о помощи... В тот же момент он заметил, что кто-то наблюдает за встречей, и, повернувшись, встретился глазами с грузным мужчиной, типичным украинцем, который стоял чуть в сторонке и внимательно его разглядывал...

Протянув Олегу руку, незнакомец отрекомендовался:

— Вадим Майковский.

Шитц, указывая глазами на Чегодова, проговорил:

— Это мой бывший начальник контрразведки НТС в Белграде, Олег Дмитриевич Чегодов. — Затем перевел взгляд на Майковского: — А это — шеф криминальной полиции Киева, мой нынешний начальник.

— Какими судьбами ты, Олег, попал в Киев? Впрочем, погоди, мы тут живем за углом, зайдемте в дом. Ты из Берлина? Или от этого «Кругом-да Околова»? — спросил Шитц, не скрывая неприязни к начальнику «Зондерштаба Р» города Смоленска.

— «Кругом-да Околова»! Интересно бы на него посмотреть. Надо же! — засмеялся Майковский.

— Нет, я не от Жоржа. Я приехал из провинции, из поселка Локоть. Слыхал про бригаду Каминского?

Так вот я оттуда. Приказали: «Срочно ехать в Киев».

— Мне Байдалаков писал, что направляет группу наших ребят в Киев. Но тебя, Олег Дмитриевич, никак не ожидал... А о Каминском... Целые легенды еще в Берлине ходили. Байдалаков на его войско сильно рассчитывает. Бригадный генерал, награжден Железным крестом, кучей орденов, создал самостоятельный округ, свою газету выпускает! — вспоминал Шитц.

Олег усмехнулся.

— Тысяча человек из этой «железной бригады» переметнулась к партизанам. Расстрелян как предатель руководитель его разведки и начальник полиции Брасовского округа Масленников!

— Масленников? — от удивления вскинул голову Вадим Майковский. — Мы вместе учились на юридическом факультете! Неужели он предатель? Невероятно!.. — И погладил ладонью свой сразу вспотевший лысеющий череп.

— Немцы расстреляли. Уж очень они подозрительны... — Чегодов вздохнул. — Но тысяча солдат из бригады ушла к партизанам! Это точно.

— Точно, не точно, какая разница? — перебила вдруг Олега Татьяна и, взглянув предостерегающе, крепко сжала ему руку. — Помните, Олег Дмитриевич, как вы учили меня тайнописи? И остальным хитрым наукам? Как приезжали к нам в Земун?..

Олег не забыл, как Таня принимала его в своей уютной квартире, когда мужа не было дома; и ее экзальтированную любовь к нему, и то, как перед его отъездом в Румынию рыдала у него на плече, понимая особым женским чутьем, что это их последняя встреча. Тогда он отмахивался от всей этой «сентиментальщины», чтоб не раскисать из-за «бабских слез»...

— Вот тут мы и живем, заходите, — и Шитц жестом указал на отворенные ворота, где стоял часовой.

Квартира, обставленная «с бору, с сосенки», показалась Олегу неуютной: большая столовая, гостиная, кабинет, спальня, какие-то прихожие, гардеробные, коридорчики, кладовки... В ней чего-то не хватало, словно из нее вынули душу. На стенах висели картины в овальных и квадратных рамах, в углу перед образами в серебряных окладах теплились лампады; на подоконниках совсем нелепо стояли в кашпо какие-то цветы...

Прислуга тотчас принялась накрывать на стол. Поставили шесть приборов. Шитц, поглядывая на большие стенные часы, стрелка которых приближалась к пяти, пригласил гостей в гостиную.

Воспользовавшись этим, хозяйка шепнула Олегу: «Будь осторожен в словах!» — Потом, громко извинившись перед Майковским, направилась в кухню.

— Вадим, — виновато начал Шитц, — я пригласил в дом Чегодова как стопроцентно нашего человека. Надеюсь, он будет работать с нами. — Шитц переводил взгляд то на Майковского, то на Чегодова.

Олег молча, с любопытством изучал начальника киевской полиции.

— «Зондерштаб Р» проводит свою деятельность через межобластные резидентуры, — откашлявшись, заговорил Майковский. — Вся освобожденная советская территория делится на пять разведывательно-резидентских областей: А, Б, С, Д, Е. Область Б дислоцируется в Киеве. Руководящий состав «Зондерштаба Р» и резиденций создан из «солидаристов» и действует в тесном контакте с контрразведывательными органами СД и ГФП, фельд- и оргкомендатурами. — Майковский достал из кармана жестяную коробочку, вынул леденец и положил его за щеку. — Итак, мы все связаны с Германией и зависим от успехов ее вермахта. А успехов становится все меньше и меньше... В Красной Армии появились в большом количестве танки и орудия, большевики создали огромную силу... Немецкие генералы ломают сейчас голову: почему у этих «унтерменшей» орудия и танки стали лучше, а стратегия и тактика талантливей и мобильней, чем у «гениального фюрера». И боятся, что придется им падать на колени... перед Западом, который все равно захочет увидеть Россию очищенной от большевизма... Так что же нам делать? — Майковский остановил взгляд на Чегодове.

«Вешаться, — мысленно усмехнулся Олег. — Провоцируешь! Выведываешь мои настроения? Ну что ж!»

— Я руководствуюсь идеологией «солидаризма». Наше учение близко национал-социализму, однако мы не согласны со всей философией Ницше, не делим людей на высшую и низшую расы. Сейчас исполбюро союза занято созданием «третьей силы». Нужна русская армия, отряды, подобные РОНА Каминского. Мы помогали вермахту разрушать советский строй как могли; к сожалению, немецкое руководство нам не очень ве-

рит и, видимо, не без основания, — Олег покачал головой, — и боится формировать в тылу Германии сильную русскую армию из бывших военнопленных, остарбейтеров и эмигрантов под командованием русского генерала... Власов в любой момент, договорившись с Западом, может повернуть свои штыки против Гитлера... Немцы считают русских, украинцев и белорусов свиньями... И не желают обращаться за помощью к свиньям... Как сказать немецкому солдату, которому все было позволено, что «ты уже не сверхчеловек и по воле неумолимого рока, война проиграна...»?! В Германии еще надеются на какое-то сверхмощное оружие, которое обещает фюрер. Что это за оружие, мы пока не знаем...

— Вы философ, — расхохотался Майковский, — и весьма осведомленный! — и снова погладил свою лысину.

— Мне тоже кое-что известно, — тихо произнес Шитц. — Еще задолго до войны в газете «За Россию» Байдалаков написал статью под заголовком «Комкор Сидорчук», в которой обсуждал вопрос: «Поддержит ли эмиграция появление вождя, скажем, с той стороны, какого-нибудь красного комкора, достигшего большой популярности среди народа и вместе с тем являющегося противником Сталина?» Вокруг статьи разразилась полемика. Мне известно... — продолжал Шитц. — Но, господа, это сугубо между нами, наш энтээсовец, в свое время печатавший в Берлине листовки на «Льдине», Казанцев подобрал ключ к Власову, так сказать, к «комкору Сидорчуку», став его штатным переводчиком и даже советчиком. Однажды по наущению Байдалакова у Казанцева с Власовым состоялся откровенный разговор. Постараюсь привести его дословно — память у меня, ты, Олег, знаешь, неплохая.

— Еще бы! Помню, как, прочитав два раза, шпарил слово в слово «Пиковую даму», — похвалил его Чегодов.

— Вы извините, вот-вот должен прийти Эбелинг. С вашего разрешения, мы его подождем. А покуда вернемся к рассказу Казанцева о «Сидорчуке». Так вот, выиграв как-то с Власовым у двух генералов партию в «подкидного», Казанцев встал, прошелся по комнате и, увидев на письменном столе книгу, повертел ее в руках, заметил: «Вижу, Черчилля почитываете? А с политическим строем Англии и Америки знакомы?»

Далее рассказ Казанцева — Шитца был таков: «Власов угрюмо покачал головой и пробасил: «Я никак в толк не возьму национал-социализм. Столько еще изучать надо, однако знаю лишь одно, что с каждым днем, с каждой неделей во мне растет к ним недоброе чувство. Они глупы, тупы, самодовольны. Тем не менее я дважды попался к ним на удочку — сначала на Волхове, а потом, проезжая через Германию, обманулся, глядючи на добротные аккуратные домики рабочих и крестьян. И неудивительно!..» Генерал уставился на свой полупустой стакан и умолк.

«Тем не менее английские и американские крестьяне и рабочие живут намного лучше, чем немецкие. А британский образ жизни и политическая система — самая совершенная», — возразил Казанцев.

«Ты опять затянул свою волынку? Вот я читаю о твоих англичанах. На первый взгляд Черчилль вроде ярый антикоммунист. Он просто ненавидит Россию, а о Сталине ни черта не знает и не имеет понятия о том, что такое, в сущности, коммунизм. Гитлер и то похитрее и поосведомленнее».

«Что сидеть в комнате? А не пройтись ли нам, Андрей Андреевич? На улице солнышко светит». Казанцев понимал, что в комнате установлены микрофоны.

«До чего вы, энтээсовцы, настырный народ! Ну ладно, пойдем! А ты, Владимир Федорович, — обратился Власов к Малышкину, который тоже тут присутствовал, — полистай эту книжку. Особенно там, где закладки». Поднялся, одернул свой китель и, взяв Казанцева под руку, вышел с ним в сад.

«К нам, Андрей Андреевич, швейцарец приехал. Верный человек. Скоро возвращается обратно. Есть возможность «перекинуть мост» на Запад. Сами понимаете, что ставка немцев бита. Скажите слово, и я устрою вам встречу с весьма авторитетными людьми».

«А что можем мы предложить? И что они потребуют от нас? Мы можем только им сказать, что в Германии и в занятых немцами областях находится столько-то миллионов обманутых русских людей, обманутых дважды — своими и чужими, — но далеко не все готовы бороться за обновленную отчизну. Надо признаться, что в умах русских людей произошел переворот: они верят и хотят верить в мудрую, повторяю, мудрую в отличие от немецкой пропаганду Советов. И там, на Родине, и здесь, за границей, люди убеждены, что

Россия стала на путь к подлинно демократическому строю. Мало того, кое-кто допускает возможность возвращения строя, близкого к царскому. Там подняли на щит старых героев, одели офицеров в императорскую форму, назвали войну Отечественной».

«А как украинцы, грузины, узбеки, армяне, которые добровольно превратились в «ландскнехтов» в ожидании немецких обещаний свободы и самостоятельности?»

«Саша, мой дорогой Саша, они, конечно, изменники, но им жизнь продиктовала. Обстоятельства! Ты знаешь, что такое обстоятельства? — Власов остановился и взял Казанцева за борт пиджака, наклонился к нему и, дыша в лицо винным перегаром, продолжал: — Это во-первых! Во-вторых, кто-то из них поверил обещаниям Розенберга. А разве я или ты не поверили обещаниям д'Алквена, Штрикфельда, графа Ландсдорфа и многих других и мы тоже не стали «ландскнехтами»? А разве Гитлеру и его своре не поверила вся Германия? Тут другое: столкнулись две системы — у одной на вооружении классовая солидарность и национальная гордость, у другой — доходящие до изуверства шовинизм, бред и дьявольское наваждение о миссии «юберменша» и о высших и низших расах». Власов пьяно дергал Казанцева за лацканы пиджака.

«Вот, Андрей Андреевич, нам и нужно дойти до верхов там, на Западе. Мы им нужны как союзники, они поймут!» — подогревал Казанцев.

«Поймут? — лицо Власова стало хмурым. — А Югославию они поняли? За свободу которой Запад обещал бороться? Но он коварно изменил генералу Михайловичу и все больше поддерживает Тито? У англичан и особенно у американцев одна цель — разгромить фашизм, который посмел поднять руку на еврейство. Если бы мы могли помочь англичанам сейчас восстанием изнутри, подрывной работой против Гитлера... Но и этого не в силах сделать. Немцы все предусмотрели. Мы только пешки на шахматной доске, которые они передвигают... Где наша армия? Солдаты наши пухнут в лагерях от голода, дохнут от непосильной работы на заводах и шахтах, либо, наконец, разбросаны по немецким частям на разных участках фронтов».

«Все это так, но...» — начал было Казанцев.

«Никаких но! Вы, эмигранты, рассчитываете, что немецкие и советские армии сожрут друг друга, изойдут кровью, и тогда появитесь вы со своей «третьей

силой»! А Британия с Америкой, тут же сформировав наземную армию, двинутся освобождать от большевиков Россию. Дудки! Я простой мужик, не видящий дальше своего носа, и думаю как мужик и потому вижу то, чего не замечаете вы, витая в облаках. Не верю я в ничью благотворительность! И как мужик, верю в то, что могу захватить руками синицу, а не журавля в небе! А с немцами можно разговаривать, имея козыри — армию! У нас же ее пока нет!»

«А если ее все-таки создадут? Ведь многие немцы в вермахте носятся с такой мыслью!»

«Тогда, дорогой Саша, и будем думать и действовать. Сейчас нам надо, чтобы она была. Я жду... Ждут и многие наши друзья — немцы. Может, и напрасно, но ничего не поделаешь, ожидание тоже борьба. В нем наш единственный шанс. Я не нашел в Германии монолитной силы, здесь правят одиночки, маленькие группки. В этом тоже наш шанс. Думаю, придет такой момент, когда власть фюреров станет пустым звуком. Когда действительность сорвет повязку с их глаз и они потеряют свою самоуверенность и глупую надменность, когда, наконец, встанет вопрос о жизни и смерти, тогда немцы обратятся к нам и преподнесут нам, русским, наше собственное правительство и нашу армию. Тогда мы сможем разговаривать с ними и с теми, о ком ты мне сегодня упомянул... Но при других обстоятельствах. Нельзя так просто менять фронты...»

«Но когда это будет? И будет ли?» — спросил Казанцев.

«Не знаю, но я уже раз оступился... Хватит! А теперь пойдем допивать нашу водку».

Шитц замолчал. Наступила пауза. «Интересно, — подумал Олег, — на что и кого рассчитывает Власов? Мистификация? Либо пьяная болтовня, либо провоцировал Казанцева, но рассуждал неглупо! Но что простительно солдату, позорно генералу!» — и спросил:

— А кто этот д'Алквен?

— Его кличка «Скорпион», — ответил Шитц.

— Кто это поминает «Скорпиона»? — неожиданно входя в гостиную, выкрикнул высокий статный блондин в блестящем мундире, с крестами и медалями на груди. Остановив взгляд на Чегодове, щелкнул каблуками и громко бросил:

— Гауптштурмфюрер Эбелинг!

Все встали.

2

Ни хозяин Шитц, ни Майковский нисколько не удивились внезапному появлению Эбелинга, который, как говорится, прокрался в гостиную с заднего хода и бесцеремонно подслушивал беседу. «Видимо, Шитц послал к Эбелингу жену уведомить о моем появлении. Недаром она предостерегала не болтать», — подумал Олег. — Заинтересовала их моя позиция, а может, что пронюхали? Вроде, ляпсусов я не делал».

Отвесив почтительный поклон, Олег на хорошем немецком языке скромно подчеркнул, что ему лестно познакомиться с таким замечательным человеком, как господин гауптштурмфюрер. Потом вкратце объяснил, что прибыл из Локотя ненадолго, в Киеве остановился у своих далеких родичей, что цель его поездки — побывать на родине, в принадлежащем некогда его родителям поместье, неподалеку от города Елизаветграда.

Эбелинг, чуть склонив голову, слушал его, снисходительно заглядывая порой в лицо, задавая вскользь вопросы и неопределенно улыбался. Ему нравился и чистый немецкий говор Олега, нравились почтительность, лишенная всякого раболепия, нескованная манера поведения, да и внешность.

— Скажите, — Эбелинг встал, — откуда у вас чисто ганноверский выговор? Вы жили в Германии?

— Нет, господин гауптштурмфюрер, у меня в детстве была бонна, чистокровная немка. И когда мне было пять лет, я говорил на ломаном русском языке. Старший брат дразнил меня: «коришнифи собак». Я ведь переводил с немецкого, прежде чем сказать по-русски: «браунер хунд».

— Колоссаль! «Коришнифи собак»! — захохотал благодушно Эбелинг. — Кстати, я сам из Ганновера. А ваш брат?

— Он погиб, царство ему небесное, воюя на стороне Врангеля.

— Вы были в бригаде Каминского, господин Чегодов. Мне интересно... Впрочем, поговорим об этом потом. Я вижу, хозяйка идет приглашать нас к столу.

Обед прошел весело; Олег был в ударе, сыпал шутками, рассказывал анекдоты, забавные истории, говорил тосты, за которые трудно было не выпить, и, наконец, уже за десертом, когда встали из-за стола, по-

дошел к роялю и спел сентиментальную немецкую, в то время модную песенку.

Захмелевший Эбелинг был растроган, хлопал Олега по плечу, уговаривал остаться в Киеве и многозначительно пообещал в случае чего взять его с собою в Берлин. Посулил устроить поездку в Елизаветград.

— Весьма вероятно, что нам придется уходить. У наших солдат начался разброд. Стойко воюют только войска СС. А русские дерутся против нас, как черти. Их генералы научились стратегии. И советская разведка действует все успешней и все чаще одерживает победу над нашей, поскольку население поддерживает советский строй. — Эбелинг уселся в кресло, вытянул ноги и, поглядывая на свои отполированные ногти, продолжал: — Дело в том, что Сталин, обманутый в сорок первом году собственной интуицией, в первые же недели войны, в период невероятного напряжения, выкраивал время, чтобы познакомиться с трудами виднейших полководцев и военных теоретиков; как восточный человек, он с присущим ему коварством интересовался главным образом проблемами секретности, скрытности и ими обеспечиваемой внезапности, придавал огромное значение умению ввести неприятеля в обман, особенно при подготовке крупнейших операций. Обсуждая со своим генералитетом очередной план наступления, он формулировал результат внезапности так: застичь противника не подготовленным к удару, когда его военные средства и части расположены для отражения удара не лучшим образом. Такая внезапность заставляет немецкое командование поспешно принимать новый план и в силу этого терять инициативу и приспосабливать свои действия к действиям нападающего. Достигнутая русскими внезапность подрывает веру немецких войск в свое командование, а уверенность командующего и его штаба — в себя...

— Армия верит фюреру, — мягко заметил Чегодов. — В начале войны вермахт брал в плен целые русские корпуса, зачастую совершенно деморализованные...

— Следовательно, успех кампании в решающей степени зависит от секретности и от введения противника в заблуждение, — Эбелинг помолчал. — Как было, скажем, под Москвой и под Сталинградом... Увы, нашим генералам фюрер не дал возможности обрести и усовершенствовать это качество. — Эбелинг глубоко вздохнул и пытливо поглядел на Чегодова. — Фюрер

слишком нетерпелив, а что касается сверхмощного оружия, о котором вы говорили недавно, то о нем уже знают наши враги и вряд ли дадут его создать. Англичане уже бомбили в Норвегии один из наших секретных Центров.

К ним подошел Шитц. Эбелинг жестом пригласил его сесть рядом.

— Истинный полководческий талант — это прежде всего скрытность замыслов и намерений, создание угрозы противнику одновременно в нескольких местах, заставляя неприятеля рассредоточивать силы. Отсюда демонстративная подготовка наступления в одном месте, а тайная и реальная — в другом, чтобы застигнуть противника врасплох. Красная Армия начала использовать факторы скрытности и внезапности.

— Генерал Власов на вилле у маршала Манштейна, — заговорил Шитц, — рассказал, что при наступлении русских под Москвой втайне были подтянуты и в решающий момент введены в бой свежие резервы, две новые армии, что явилось для вермахта полной неожиданностью...

— Успех Сталинградской операции, — прервал Шитца Эбелинг, поглядывая на свои ногти, — удался Красной Армии благодаря дезинформации, обману Паулюса и других наших генералов. Полная скрытность концентрации в тылах смежных фронтов миллионных армий с огромным количеством танков и самоходных установок, орудий и самолетов, конечно, невозможна. Незадолго до начала наступления в разведорганах и штабах армий заподозрили неладное, но мнения разделились, остались лишь подозрения. Усилия советских войск по соблюдению секретности были столь значительны и проводимая, продуманная до мелочей дезинформация столь совершенна, что немецкое командование эти крупнейшие приготовления приняло за имитацию с целью обмана.

Олег слушал, почтительно склонив голову и думая: «Зачем он мне все это рассказывает?.. Хочет расположить к себе».

— Теперь переброска советских частей и соединений, а также их сосредоточение в новых районах, занятие исходных рубежей производятся только ночью с мерами строжайшей маскировки. Территории лесов, оврагов, рощ и поселков распределяются для маскировки строго между дивизиями и полками. Хвосты войсковых

колонн, не успевающих до рассвета полностью войти в назначенные им районы дневок, отсекаются и укрываются с соблюдением предосторожностей. Маршруты передвижения войск и техники обеспечиваются надежной комендантской службой и на всем протяжении по обеим сторонам окаймляются круглосуточными парными дозорами — «патрулями бдительности». Следы гусеничных и колесных машин на дорогах до рассвета заметаются волокушами. — Эбелинг поднялся с кресла, подошел к столу, плеснул себе в стакан немного вина, сделал глоток и вернулся на место. — Чтобы заглушить шум моторов, над местами выгрузки и продвижения танков барражируют специально выделенные самолеты. В районе сосредоточения мехчастей — ударной группы фронта — отселяется все гражданское население. Дезинформируя наше командование, русские имитируют концентрацию стрелковых дивизий, большого количества танков и артиллерии в стороне от реальных районов намеченных операций. В лесах ложного района они сооружают макеты танков, самолетов, создают фальшивые аэродромы; потом макеты с помощью системы тросов и воротов приводятся в движение в часы полетов нашей разведывательной авиации. Одновременно в эти ложные районы направляются армейские радиостанции, которые имитируют текущий тактический радиообмен частей. А в местах истинного сосредоточения они до последнего часа перед наступлением соблюдают относительное радиомолчание! — Эбелинг откашлялся и глянул Чегодову в глаза: — Для чего я все это рассказываю? — Он усмехнулся. — Слушайте... В населенные пункты ложных районов сосредоточия за неделю перед наступлением посылаются мнимые квартирьеры, которые инсценируют распределение домов для размещения частей и штабов, на домах и воротах ставятся знаки мелом, а хозяевам предлагают подготовить помещение для постоя. За десять дней до наступления офицеры и женщины-военнослужащие распространяют среди местного населения ложные слухи о сосредоточении войск и о предстоящих действиях; одновременно армейские и дивизионные газеты в районах реального сосредоточения публикуют материалы исключительно по оборонительной тематике. В оперативных тылах фронта русские вводят строжайшую проверочно-пропускную и караульную службу: районы расположения воинских частей предварительно прочесываются, железнодорожные стан-

ции и населенные пункты круглые сутки патрулируются, все подозрительные лица задерживаются. Скрытность и внезапность — вот какому коварству научились русские. — Эбелинг сцепил пальцы рук, не отрываясь глядел на Чегодова. — Вы уже догадались, к чему я клоню?

Чегодов пожал плечами, потом молча кивнул. «Все ясно, готовишь меня в диверсанты? Надо срочно доложить в Центр!»

Посидев еще немного, Эбелинг поглядел на часы, сделал едва заметный знак Майковскому, поднялся, галантно поцеловал вошедшей хозяйке руку, поблагодарив за чудесный обед, похлопал по плечу расплывшегося в улыбке Шитца и дружески протянул руку Олегу и Майковскому. Провожаемый хозяевами, он направился к выходу, но вдруг повернулся, словно что-то вспомнив:

— Господин Чегодофф, подумайте над моим предложением. На той неделе у меня будет к вам вопрос по поводу Каминского. Зайдите ко мне.

— Да, господин гауптштурмфюрер, но мне хотелось бы побывать у себя на родине, съездить на Елизаветградчину...

— Понимаю, господин Чегодофф. Хайль!

Не успели вернуться Шитцы в столовую, как стал прощаться Майковский. Он похвалил Эбелинга за знание стратегии и тактики Красной Армии; потом долго жал руку Олегу.

После ухода Майковского Олег недоуменно остановился посреди комнаты:

— Скажи, Николай, неужели Эбелингу понадобилось послать меня в красный тыл? И зачем ты завел провокационный разговор о ведущихся якобы переговорах НТС с англичанами? Майковский вроде завидует, что гауптштурмфюрер уделил мне так много внимания.

Похлопав Олега по плечу, тот многозначительно поднял палец: — Все это пока на воде вилами писано. Однако учти — немецкие генералы прозревают! Германии не сокрушить Советы без сепаратного мира с Англией и Америкой! Эбелинг умен, а Майковский хитер и коварен: то выдает себя за русского фашиста, то за украинского националиста. И не будь я в родстве с Эбелингом, наш киевский отдел НТС вместе со мной полетел бы в тартарары!

В эту минуту раздался телефонный звонок. Шитц

поднял трубку. Потом, закрыв ее рукою, тихо предупредил:

— Вызывает Эбелинг, — осторожно положил трубку телефона, засуетился, схватил плащ, фуражку. — Ухожу, Таня, бегу... Прости, Олег Дмитриевич, оставляю вас...

— Скоро комендантский час, мне тоже пора. Увидимся, когда приеду из Елизаветграда. — И Олег поднялся, но Николай уже захлопнул за собой дверь.

— Подожди, — шепнула Таня, — я провожу тебя.

На улице она крепко ухватила его под руку и зашагала рядом, время от времени тревожно вглядываясь в его лицо.

— Ты изменился, Олежек... Таким ты нравишься мне еще больше... Как ты попал в наше страшное логово? Неужели и ты с ними? — Она не назвала с кем и ласково погладила по руке. — У меня тут родственники, подружки, с которыми еще ребенком играла на днепровских кручах. Я рада, что вернулась в Киев из Югославии. Помню наши с тобой беседы о Родине, близких мне людях... Я плакала первые дни у развалин Крещатика и Киевской Великой церкви в Лавре... Сейчас люди здесь шепчут: «Наша Красная Армия»... Ее ждут...

Олег, с любопытством поглядев на нее, кивнул головой.

— Почему молчишь? — Она нетерпеливо повела бровью. — Ты прочти приказы на стенах, афишных тумбах, погляди на этих толстомордых, наглых и кичливых «сверхчеловеков», как они бесцеремонно расталкивают прохожих, прислушайся к громкому стуку их сапог, каждый шаг их отдается молотом у меня в голове и словно наступает на сердце... Тебе не жалко изможденных подростков у двери магазина «только для немцев»? Они выпрашивают корочку хлеба... Их матери и отцы погибли на войне или замучены в лагерях...

У магазина два мальчика в телогрейках перемигивались, заглядывая в окно, по-видимому, намереваясь что-то стащить.

— Рада, что тебя встретила. Мне еще в Белграде было ясно, что ты не с фашистами. Молчишь? — Татьяна затеребила его рукав. — Но ты мне поможешь? — и она остановилась.

«Слезы на глазах: ко мне когда-то была сильно привязана; вряд ли сейчас играет... Иметь своего человека

в этом «страшном», как она говорит, логове неплохо. Рискну?!» — промелькнуло в голове у Олега.

— В чем ты нуждаешься, Танюша?

— Эбелинг спит и видит, как бы уехать из Киева, боится, что его убьют партизаны: уже было покушение. Ему обещали с повышением перевести в Берлин, но для этого надо отличиться, провести какую-то крупную или сенсационную операцию; нужен бум, громкий политико-шпионский процесс! Сначала он носился с мыслью изобличить бандеровцев, но его правая рука Вадим Майковский — махровый националист — отговорил и переключил на НТС. А чем тут отличишься? Вот Эбелинг и кидается на каждого энтээсовца. А ты для него — особа, овеянная славой, вот тобой и заинтересовался...

— Но ты не сказала о своей просьбе? — напомнил Олег.

Она потупилась, потом страстно произнесла:

— Муж дружит с Эбелингом, сотрудничает с немцами... Красная Армия наступает, скоро возьмет Киев... Нам придется бежать... Но это моя Родина!.. Куда я побегу?!

Олег остановился, задумался...

— Да... Побывал я в Смоленске, видел, что там вытворяют энтээсовцы, особенно Околов, Алферчик: грабят население под стать немцам... Твой муж, надеюсь, не из таких.

Она приблизилась к нему, почти уткнувшись ему лицом в грудь:

— Что мне делать? Подскажи! Ты когда-то любил меня...

— Помогу, милая, обязательно! — Он отступил от нее на шаг. В мозгу его уже зрел еще не вполне ясный план. — Но и ты мне помоги, а? Околов страшный враг. Намекни при случае, когда встретишься с Эбелингом, что, мол, Чегодов ненавидит Околова.

— Это для тебя не опасно?

— Нет, — засмеялся он. — Тянет меня съездить на родину, через недельку вернусь, мы встретимся и обо всем потолкуем...

— Где? — оживилась она. — Только не в нашей квартире. Кто знает, что они с тобой задумают сделать? Эбелинг хитрый... Ты мне дорог, Олежек, сам знаешь... Сначала я все разведаю, расспрошу у своего... постылого...

— Давай в следующую субботу после вечерни в ограде Владимирского собора, в самой глубине.

— Буду, милый, в первую же субботу... И дай я тебя поцелую! — Она крепко его обняла и поцеловала в губы. — Счастливого тебе пути, береги себя, и храни тебя бог! Я так счастлива! Так счастлива!.. Еще вчера видела тебя во сне: мы летали... Значит, все будет хорошо! — И обняла его снова.

Мимо проходящая старуха сердито прошамкала что-то, плюнула и побрела дальше, загребая ногами опавшие с тополей листья.

Олег помахал Татьяне рукой, перешел на другую сторону улицы, шмыгнул в заранее изученный им проходной двор и заспешил переулками в сторону Щекавицы. Перед глазами промелькнула их первая встреча: как нежданно-негаданно, точно внезапно вспыхнувший пожар, бешеным хмельным вихрем закружила их любовь... И кто знает, чем бы кончился их роман, если бы Таня не колеблясь пошла бы тогда на разрыв с мужем, а самолюбивый Олег не прочел бы в ее глазах секундную нерешительность...

«Баба она славная, но не забывай, Олег, о долге!»

Уже перед самым комендантским часом он вернулся домой, оставив в «почтовом ящике» подробный отчет о «встрече».

3

Елизаветград показался Чегодову маленьким, невзрачным и захолустным. Он бродил по улицам, которые стали почему-то у́же, а дома на них ниже. Казалось, это был не город его детства: все представилось другим, не таким, каким запечатлела его детская память. И родной дом, запомнившийся ему великолепным особняком со сверкающими чистотой огромными окнами, импозантным подъездом и отливающими глазурью стенами, стоял обшарпанный, жалкий, неприглядный.

«Нельзя возвращаться в прошлое... Ты создал в своем воображении иной мир и теперь разрушил эту сказку. Ты видел минареты Стамбула, палаццо и церкви Рима, дворцы и соборы Парижа... Глупец!»

В Киев он вернулся утром. Спустя два дня отправился на Щекавицу, где в «почтовом ящике» его ждала пространная депеша с рядом пунктов:

«1. Даем фамилии и адреса жителей Смоленска, готовых подтвердить, что Околов, угрожая арестами, вымогал у них деньги и ценные вещи. В связи с вышеуказанным, в Управление безопасности (РСХА) поступил рапорт о потере бдительности и нечистой игре резидента «Зондерштаба Р» Околова.

2. Предлагаем рассказать Эбелингу о подобных же фактах, свидетелем которых вы были во время своего пребывания в Смоленске, отметив особо, что в доме Околова долгое время проживала большевистский агент Соколова, убившая ценного секретного сотрудника гестапо.

3. Указать на то, что ваш друг, председатель берлинского отдела НТС А. Граков, убежденный германофил и восторженный поклонник фюрера в курсе переговоров Байдалакова с англичанами. Однако, зная о разногласиях в верхах берлинских разведок, молчит, боясь попасть впросак, но, если Эбелинг даст известные гарантии, вы можете на него повлиять, и он заговорит.

4. Согласиться с предложением поступить в разведшколу, по возможности дать точный адрес школы, фамилии или клички преподавателей и учеников, характер учебы. В случае срочной переброски в наши тылы дайте о себе знать.

5. В Витебске оберштурмфюрером Герхардом Бременкампфом арестован и погиб Алексей Денисенко. Группе полковника Тищенко и врача Ксении Околовой с медсестрами Любой Леоновой и Тамарой Бигус удалось уйти.

6. Будьте осторожны. Желаем удачи. Сергей».

Олег долго сидел неподалеку от высокой стены Покровской женской обители, среди глубокой тишины, задумчиво глядя, как поблескивает листва дубов, как в хрустальном воздухе отливают серебром нити паутины, в отблесках солнца золотится ствол могучей сосны, каким-то чудом оказавшейся среди чернолесья...

Безвозвратно ушло время юности: кадетский корпус с надеждами на скорое возвращение на Родину, Алексей Алексеевич Хованский, Белградский университет, первые увлечения, женитьба, НТСНП и снова Хованский... Горячая вера в доброе, справедливое, страстные споры за бутылкой доброго вина... и надежда... надежда... надежда... Все то чистое, светлое, присущее лишь

молодости, еще не опаленное тем, что называется жизнь, не вывалявшееся в грязи...

«Несчастный Лесик Денисенко! Надо же было погибнуть?! Они пытали его, наверное...» В сознании вдруг всплыл небольшой темный двор следственной тюрьмы на улице Лонской, хмурый серый рассвет... извивающийся в руках палачей, охваченный предсмертным ужасом Ничепуро, и «пляска смерти» с сидящим на его плечах огромным черным пауком-гестаповцем... По спине Олега поползли мурашки...

«Неужели и меня ждет подобная участь? Повесят, расстреляют, задушат в газовой камере, превратят в сосульку, обливая на морозе водой, или в подопытную морскую свинку, привив страшную болезнь?..»

Надвигались сумерки. Пора было отправляться на свидание с Таней Шитц. Вскоре он шагал по Брест-Литовскому шоссе мимо зоопарка в сторону Владимирского собора. Вечерня уже началась, постояв в притворе и не увидев Татьяны, он вышел на паперть и стал у ограды, все более удивляясь, что она опаздывает. Кончилась всенощная. Старушки в оборванных платьях и черных платках брели мимо него.

«Татьяна не пришла... Значит, не смогла! — решил он. — Завтра отправлюсь к Эбелингу».

* * *

Вот уже больше месяца Олег Чегодов учится в диверсионно-разведывательной школе под Киевом. У него особое положение, ему благоволит сам Эбелинг, ему разрешается посещать город. Иногда заходит к Петру Кирилловичу и тетке Гарпине, не видит только Оксаны — ушла к партизанам.

Ни холодный октябрь, ни свинцовые тучи в небе, ни нескончаемый мелкий дождь, ни наползающий с Днепра густой туман не портит настроения киевлян. Они знают, что Красная Армия уже недалеко, и с замиранием сердца прислушиваются к грохоту далекой канонады...

Олег, проехав на трамвае несколько остановок, направился переулками к дому тетки Гарпины и Петра Кирилловича. Старик в сапогах с галошами, в пальто из старой шинели стоял на крыльце, наспех поздоровавшись с Олегом, он поглядел по сторонам и тихонь-

ко, чтобы никто не услышал, смешивая русские и украинские слова, возбужденно заговорил:

— Слыхал? Воронежский фронт переименован в 1-й Украинский, а Степной — во 2-й Украинский! Днипро форсирован от Лосева аж до Запорожья! Мабудь, у наших иде перегруппировка? Нимцы шось чують! Незабаром Красна Армия звильныть Кийв из-под нимцив... А вас скоро забросят з рацией в наши тылы? Ты уж, Олег, не лови гав, главно, радиста береги и старшого группы...

— Старшим буду я, Петро Кирилыч!

— Не надийся! Нимиц до русских недовирчивый, старшим своего фрица издалает. Маршруты, коды и вси прочии секреты, без которых «радиоигра» безглузи, нимци доверяють своим. Тому старшого в групи треба браты живым!

— Эбелинг вроде мне доверяет; когда я виделся с ним в последний раз, он спросил меня, знаю ли я сестру Георгия Околова и каково мое мнение о ней? Я пошутил: яблочко от яблоньки недалеко падает: что братец, что сестрица — мутная водица. Сказал, что вся их компания НТС мне не по нутру.

— Добре!

— Потом жена Шитца, Татьяна, мне говорила, что разговор подслушивали и Майковский, и Шитц, и они полагают, что я был искренен.

— В Витебске трапылась бида, — начал Петр Кириллович и рассказал все, что знал о группе Тищенко.

— А как погиб Денисенко?

— Вин уже пишов з ними, та вернувся, забув якесь кольцо, чи що? Амулет! Его и узяли биля брамы.

Олег вспомнил, что Лесик никогда не расставался с кольцом своей трагически погибшей жены, известной кафешантанной певицы Марии Ждановой. «Вот тебе и талисман! Спасительная сила, защита от болезней и несчастий!.. Бедный Лесик!..»

— А о Каминском Эбелинг тебя так и не пытав? — прервал его мысли Петро Кириллович.

— Интересовался не столько Каминским, сколько Масленниковым. Почему его расстреляли? Так прямо и спросил: «Не было ли тут провокации? Ваши солидаристы хотят прибрать к рукам бригаду как «третью силу», а Масленников вел свою линию».

— Ну добре, держи зо мной связь. А я усе передам кому треба.

* * *

Чегодова вызвали во время занятий. У ворот стоял черный «мерседес» Эбелинга. Майковский сидел в машине, приветливо указал на место рядом, со словами:

— Садитесь, господин Чегодов. Гауптштурмфюрер прислал меня за вами, хочет выяснить кое-какие вопросы. Подготовьтесь, подумайте, прежде всего нас интересует «Кругом-да» — как называет его Шитц, Околов. Постарайтесь вспомнить все то, что вы знаете о нем. Не щадите этого начальника «Зондеркоманды Р» города Смоленска, режьте правду-матку! Вы ведь его хорошо знаете, побывали там. Мы ждем от вас исчерпывающей информации.

— Это официальной допрос?

— Что вы, Олег Дмитриевич, просто дружеская конфиденциальная беседа. Выдам тайну: гауптштурмфюрера Эбелинга переводят в Берлин. Он берет с собою и меня. Однако прежде мне придется побывать в Смоленске и выяснить кое-какие вопросы с Околовым.

— Что ж, я готов, однако должен предупредить — Георгия Сергеевича я не уважаю, и мое мнение может быть предвзятым, интуитивным...

— Предвзятость не всегда ошибочна. А интуиция, как вам известно, — наш неосознанный опыт. Не стесняйтесь. У меня и без вас немало фактов против Околова.

«Интересно, куда он меня повезет?» — с беспокойством подумал Чегодов. Машина быстро прокатила мимо бывших казарм кадетского корпуса, мимо Косого Капонира, Бессарабской площади, свернула на проспект Тараса Шевченко и остановилась у знакомого дома, где проживала чета Шитц. У Олега отлегло от сердца. Татьяна радостно встретила их у крыльца. Майковский выскочил из машины и раскланялся с хозяйкой.

— Вадим, вас просил позвонить господин гауптштурмфюрер, — обратилась она к Майковскому, протягивая одновременно ему правую, а Олегу левую руку для поцелуя.

Майковский поспешил, прыгая через две ступени, в дом, а Таня, удержав Олега, шепнула:

— Эбелинга вызывают в Берлин, он берет с собою Майковского и нас. В Варшаве убит Вюрглер. «Зондерштаб России» скоро ликвидируют.

— А что они собираются делать со мной? — насторожился Олег.

— Не знаю, милый, Эбелинг сказал: «Этот Чегодофф слишком принципиален. Дворянская кровь, с закидкой. А мне нужны исполнители». — Глаза ее налились слезами. — Я хочу остаться в Киеве! Может, спрячусь у подружки? Красная Армия вот-вот займет Киев. Посоветуй же что-нибудь!..

На пороге показался Майковский. Чуть прищурив глаза, он полез в карман, вытащил леденец из металлической коробочки и положил в рот. Все жесты его были неторопливы, только чуть нахмуренный лоб свидетельствовал о том, что он наблюдает за Чегодовым и Татьяной...

— Господин гауптштурмфюрер занят... Он поручил мне поговорить с вами, Олег Дмитриевич. С вашего разрешения, — он повернулся к хозяйке, — мы на полчасика займем кабинет Николая Андреевича. — И жестом пригласил Олега пройти внутрь.

— Сперва ваше мнение об Александре Эмильевиче Вюрглере, шефе «Зондерштаба», так сказать, всея России? — Майковский быстро вошел в кабинет, уселся за стол и погладил свою лысину.

— Знаю его как умного, высокопорядочного и добросовестного работника... Он с самого начала занимает этот пост, руководит засылкой через тайные каналы агентуры НТС на Восток. Варшава как бы отстойник, где все агенты подвергаются окончательной проверке. У Вюрглера консультанты: Каверда, убивший в свое время советского посла в Польше Войкова, и Ларионов, бросивший бомбу в помещение, где проходило собрание Ленинградского партийного актива. Через Вюрглера идут награды, издаются похвальные приказы. Уже более тридцати энтээсовцев удостоены крестов и медалей. Ничего плохого о нем сказать не могу.

— А каковы отношения Вюрглера с Байдалаковым? — Майковский барабанил короткими мясистыми пальцами по лежавшей на столе папке.

Чегодов уселся в кресло поглубже.

— Байдалаков больше тянулся к абверу, а Вюрглер ближе к РСХА. Отношения Вюрглера с Байдалаковым лояльные. Другое дело Околов...

— А что именно? — оживился Майковский.

— Околов ненавидел Александра Эмильевича. Мне не хотелось бы...

— Нет, Олег Дмитриевич, я очень прошу вас продолжать. На днях в Варшаве убит Вюрглер... Есть подозрение, что это дело рук ваших солидаристов, спровоцированное Околовым!

— От него можно ждать любой подлости! — И Олег детально охарактеризовал, не жалея красок, личность и поступки обер-шпиона, не опустив ни одной мелочи из задания, полученного от Боярского.

Майковский слушал, не спуская с Олега глаз, и ничего не записывал. Его мясистые пальцы непроизвольно выстукивали дробь. Изредка он переспрашивал, уточняя ту или иную деталь.

«Разговор записывается на пленку, недаром ты выдвигал и задвигал ящик, иначе не сидел бы чурбаном и не пялил бы на меня буркалы! — думал Олег. — Морда у тебя довольная!»

Задав еще несколько не имеющих отношения к НТС вопросов, Майковский поднялся:

— Вы, Чегодов, поступили правильно! Разрешите мне впредь вас называть просто Олегом? И вы меня зовите Вадимом! Так вот, Олег, гауптштурмфюрер что-то замышляет. Я почти убежден, что он собирается направить вас в советский тыл. Если хотите, я упрошу его взять вас с собою в Берлин. Главное управление имперской безопасности намечает какую-то реорганизацию.

— Это очень заманчиво, Вадим, но боюсь, для секретного информатора я фигура неподходящая. Я руководил когда-то контрразведкой НТС. Меня многие знают. Да и, признаться, это занятие меня всегда тяготило. Разведка — иное дело! Эбелинг умный человек. Он прав, посылая меня в тыл Красной Армии. А вам порекомендую вместо себя Кирилла Евреинова, впрочем, нет! Он слишком привязан к Байдалакову. Посмекалистей будет Александр Граков, председатель берлинского отдела НТС. Был моим сотрудником по контрразведке, Николай Шитц его хорошо знает. Впрочем, в Берлине начальства много, чтоб не получилось по украинской поговорке: «Паны бьются, а в мужыкив чубы трищать». Потому...

— Жаль, что вы отказываетесь от моего предложения. Но это делает вам честь. Но чем и как я могу гарантировать, чтобы вашему Гракову нэ наскублы чупрыну? А вин гракив не ловить, ваш Грак? — вдруг перешел на украинский Майковский.

— Дорога розлога, на дуби ярмарка, — отпарировал Олег, вспомнив первую пришедшую ему на ум загадку.

— Ха-ха-ха! Откуда вы знаете украинский? — Майковский встал и прошелся по кабинету.

— Я родился на Украине и люблю этот край, люблю его широкие степи, голубое небо, могучие полноводные реки, люблю певучий язык, украинскую песню, что льется и ширится по ее необъятным просторам, люблю, наконец, и этот город, мать городов русских, и его людей... да и как иначе? Во мне ведь тоже течет украинская кровь! — Сентиментальная тирада вырвалась у Чегодова из души, и Майковский это понял. Он подошел к окну, потом вернулся, глянул на наручные часы, взял Олега под руку и повел из кабинета.

— С твоим Граком я буду иметь дело один. Никто его не тронет. А как гарантию, верней, как заложника, я оставлю своего помощника, который, если немцы сдадут Киев, уйдет в подполье. Вот координаты конспиративной квартиры! — И Майковский написал на клочке бумаги адрес, имя и пароль. — Прочти и сожги.

«Вроде не врет! Уж слишком для него талантливо», — решил Чегодов и на той же бумажке написал берлинский телефон и два латинских слова: Semper idem (всегда тот же) — девиз герба Чегодовых, а под ним руку с обнаженным мечом. Последнее означало: «Будь осторожен!» — и передал Майковскому.

Татьяна накрывала на стол.

— Сейчас все будет готово, а покуда вон на буфете аперитив. — Она весело стрельнула глазами на Майковского.

— Выпить я, пожалуй, выпью рюмочку... и побегу, извините, господа, тороплюсь сдать архивы; все секретные документы приказано отправить в Берлин. Опись составить, самое важное опечатать и сложить в железные ящики, наше святое святых! К завтрашнему дню приказано закончить. А с вами, Олег, я попрощаюсь. — И он обнял Чегодова, ткнувшись носом в его плечо, махнул рукой, и вскоре его шаги прозвучали по асфальтной дорожке, ведущей к воротам.

— Танюша, милая, нельзя тебе оставаться в Киеве. Пойми, твой Николай — «солидарист» из «Зондерштаба», сотрудничал с Майковским, да еще родич Эбелинга. Время военное, поначалу особенно разбираться не будут. Вот когда разобьют в пух и прах немцев, кончится

война, тогда и попросишься домой. А в Берлине ты можешь сейчас чем-то помочь нашему общему делу. Не правда ли?

В пестром переднике, с подносом в руке, она стояла посреди столовой растерянная:

— Чем я, слабая женщина, могу помочь? — в ее голосе слышались слезы.

— Миллионы советских женщин и девушек воюют!.. Отдают, если нужно, жизнь!.. Вот так-то, милая Танюша.

— Хорошо! Поступлю так, как скажешь. Что требуется? Убить Эбелинга? Майковского?.. У меня не хватит мужества...

— Ну зачем так... Вот задание: скоро придет Николай, ты узнаешь, в каком поезде и в каком вагоне они отправляют секретные документы, какие с виду эти железные ящики, хранящие жизнь и смерть многих людей. Ясно?

— Обязательно узнаю. Мой муж в отличие от тебя болтун. И что дальше?

— Все эти сведения напишешь и оставишь в том самом местечке, куда клала для меня свои чудесные любовные записочки. — Олег обнял ее, прижал к груди и решил про себя: «Была не была, скажу». — А в Берлине, моя девочка, встретив Гракова, расскажешь ему все и передашь это, но так, чтобы никто не видел. — Вырвав из записной книжки листок, он написал несколько цифр.

Женщина покорно взяла листок, сложила его вчетверо и сунула в лиф, потом смахнула набежавшие на глаза слезы, с грустью попросила:

— Ну а теперь поцелуй меня крепко-крепко, чтоб запомнилось на всю жизнь! — И прижалась к нему всем трепещущим телом...

Через час Олег навсегда покинул этот дом. Его провожала заплаканная, опьяневшая от любви Таня... Октябрьский ветер гонял в соседнем дворе — резиденции Эбелинга — обрывки газет и пепел...

У подъезда стоял большой черный лимузин, пахло гарью. Двухэтажный особняк, некогда городская дворянская усадьба, показался Чегодову мрачным и пустынным. «Интересно, — подумал Олег, — сколько хозяев ты перевидал, и все они бежали, как крысы с тонущего корабля!» И вдруг на душе стало легко и радостно. Вспомнилась далекая юность, когда он так же бе-

жал... А сейчас он с гордостью подумал: «Я у себя на Родине! Я гражданин великого, могучего государства, великого, могучего народа!»

Ему повезло: и тетка Гарпина и дядя Петро были дома.

— Петро Кириллович, вот и я вам работенку нашел, — поздоровавшись, с места начал Олег.

— Мне ночью на станцию надо.

— Вот и отлично! — И Олег рассказал об архивах СРХС, которые завтра будут переправлять в Берлин, и о том, где будет лежать записка от Татьяны.

— Переважно роздывыты номер вагона. Фашисты таки вагоны в окремом тупике держуть. А нашего брата туды и блызько не пущают. Спробуемо. Дывысь у Коростени, Сарнах, чи в Кавеле раскулачимо вагон. Молодец, Олег! Як те то Майковский проболтався? Тут подвоха, часом, нема?

— Он еще явочную квартиру в Киеве дал, запиши адрес! Недалеко от вас.

— Чуе собака, что наши скоро Кийв возьмуть! Як тильке такого ката маты породыла? З самым сатаной прижила! — И, поглядев на адрес, Петр Кириллович воскликнул: — Тю! Я же его, сукиного сына, знаю, овечкой прикидывается! Лады! Возьмем его на замитку, ще одну ниточку распутаем. А сам то ты як? Тож не сегодня завтра в дило. Смотри не подкачай! Хочь ты и бувалый...

— Авось...

— На авось не надийся. Люди помогуть, да и бог теж! Наше дило правое! — Петр Кириллович крепко пожал ему руку.

Прощаясь, Олег подумал: «Нет сильнее человека, защитника великой идеи. Колоритный старик, как колоритен его русско-украинский язык. Жаль с такими людьми расставаться... Жизнь лишь встречи да расставания...»

Через два дня Чегодов с группой диверсантов был переброшен в тыл Красной Армии в районе букринского плацдарма...

4

Согласно утвержденному новому плану освобождения Киева 25 октября начала осуществляться перегруппировка 3-й гвардейской танковой армии с букринского

плацдарма. Ей предстояло совершить путь около двухсот километров вдоль Днепра, иными словами, вдоль фронта немцев. Были разработаны способы радиообмана. Из района Великого Букрина перегруппировался и 7-й артиллерийский корпус прорыва, чтобы сковать фашистов в районе этого плацдарма. Первого ноября перешли в наступление 27-я и 40-я армии фронта. Немецкое командование приняло этот удар за главный и перебросило сюда танковую дивизию «Рейх» из резерва генерал-фельдмаршала Манштейна.

К исходу 5 ноября 38-я армия Москаленко была уже на окраинах Киева, а 6 ноября вместе с танковым корпусом генерала Кравченко заняла Киев...

Чегодова назначили помощником командира диверсионного отряда. В группе было пятеро: командир — плюгавый на вид, но жилистый, довольно хорошо знавший русский язык пруссак, не раз уж после парашютирования «тропивший зеленую»* среди ночи на стыке частей или соединений из тылов Красной Армии на оккупированную территорию; три украинца — один был из Малого и отлично знал излучину Днепра, обращенную в сторону Ржищева, он был взят в группу в качестве проводника, другой — здоровенный детина из Ворошиловграда, был радистом, о третьем Олег только знал, что его зовут Гариком...

Отряд после выброски с самолета в поле просуществовал три дня. 29 октября на рассвете, идя по проселку, они наткнулись на патруль из трех человек. Протягивая свое удостоверение личности, Чегодов успел шепнуть:

— Мы диверсанты! Берите нас, я помогу. — И стал наблюдать, как патруль просматривал документы у других.

Смершевцы спокойно возвратили документы, потом попросили закурить и, когда те полезли за табаком и папиросами, мигом всех обезоружили.

— Давай-ка, парень, и ты свою пушку, — сказал старший группы, обращаясь к Чегодову, и скомандовал: — Всем руки на затылок и шагом марш!

В комендатуре их разделили. Олег никогда больше их не видел. Через несколько дней, уже после ноябрьских праздников, его в сопровождении двух конвойных отправили в Москву.

---

* «Тропить зеленую» — пробираться через лес.

Началось следствие. Чегодов нервничал, просился на фронт, но следователи и начальники отделов лишь улыбались и успокаивали.

— Олег Дмитриевич, вы нужнее нам здесь, под рукой, вы сможете нам многое подсказать...

— И подскажу! Напишу все без утайки...

Прошло несколько томительных недель, когда наконец Чегодова вызвали на допрос и привели в большой кабинет, выходящий окнами на площадь Дзержинского.

Молодой, красивый генерал стоял у окна и дочитывал исповедь Чегодова: «...бикфордов шнур горит быстро. Подобно огненным словам: «Мене текел фарес!» — пламенеет в моем сердце призыв Родины! Я вместе с русскими и бывшими русскими, как вы их называете, людьми кричу: «Пробил двенадцатый час, Россия поднимает иконы... Во мне тоже течет русская кровь, и мой долг что-то сделать, чем-то помочь Родине!» Кричу — откликнитесь!..»

Кончив читать, генерал с любопытством поглядел на Олега, который, остановившись у порога, шаркнул ногами и с достоинством поклонился.

— Здравствуйте, Чегодов, садитесь, — генерал указал на кресло у большого письменного стола. — Как, скучаете? Кричите? Хочу отозваться на ваш крик... — и сделал паузу. — Знаю, труден и тернист был ваш путь. Тому не только ваше происхождение причиной, но и вы сами. Не правда ли?

Чегодов молча кивнул головой и прошептал, сдерживая готовое вырваться у него рыдание:

— Отпустите меня на фронт...

— На фронт... На тайный?

— Куда прикажете! Я жизнью готов...

Генерал подошел к столу, нажал на кнопку. В кабинет вошли знакомый Олегу следователь и начальник отдела.

— Нашему новому товарищу, Олегу Дмитриевичу Чегодову, пора начинать новую жизнь! — И генерал подошел к вскочившему Чегодову и крепко пожал ему руку. То же сделали начальник отдела и следователь.

Олег ничего не мог сказать, душу его переполняла радость, громко стучало сердце, душили слезы... он только кланялся и что-то невнятно бормотал...

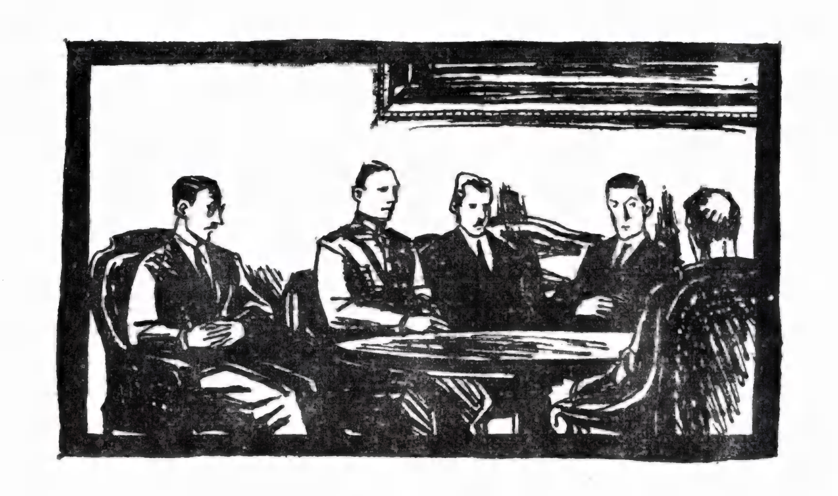
— Кстати, вы, наверно, слыхали о подпольной группе Евдокимова в Витебске? — глядя на расстроенного до слез Олега, отвлек его в сторону генерал. — Так вот,

они отомстили за вашего друга Алексея Денисенко — в кабинете оберштурмфюрера Бременкампфа взорвалась мина. Она сработала точно. Отомстили и за Незымаева. В долгу у немцев не остаемся!

— Незымаева?

— Да, он был казнен немцами вскоре после вашего отъезда в Киев. Предал его провокатор, некий Алексей Кытчин, которого Павел Гаврилович лечил. Вскоре с ним партизаны разделались... На войне как на войне, Чегодов. До свидания! Если будет что нужно, не стесняйтесь, говорите. А сейчас товарищи помогут вам устроиться. Живите честно. Я вам верю. — И генерал еще раз пожал Чегодову руку, склонившемуся в глубоком поклоне.

Так началась на Родине его другая жизнь...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ТЕНИ ПОТЯНУЛИСЬ НА ЗАПАД

Редела тень,
Восток алел...

А. С. Пушкин

1

В небольшой комнате, рядом с кабинетом минского шефа СД, с деланно спокойным видом сидит напротив Вадима Майковского Околов. В руке его сигарета не дрожит. Пепел от нее он стряхивает на пол.

— Скажите, ваша жена Разгильдяева Валентина была раньше женой советского офицера? И не пытайтесь врать, что не интересовались ее прошлым и что не без ее помощи в вашей квартире в Смоленске поселилась советская разведчица, — угрожающе рычит Майковский, постукивая своими мясистыми пальцами-молоточками по столу.

— Валентина сначала работала машинисткой, потом стала моим секретным агентом и выявила ряд сочувствующих большевикам лиц, и, наконец, мы поженились. Политически она вполне благонадежна, не имеет никакого отношения к советской разведчице Соколовой, поскольку та приехала из Витебска по рекомендации, увы, моего дядюшки, профессора Евгения Околова.

— Вы и ваши люди, используя свое положение, ор-

ганизовывали в Смоленске доносы на жителей с тем расчетом, чтобы после репрессий поживиться их имуществом. По сведениям смоленского СД, вами реализовано вещей от расстрелянных горожан более чем на двести тысяч марок, не говоря о золоте, драгоценностях и художественных произведениях, добытых вами не без участия вашей жены Разгильдяевой путем вымогательства. О чем имеются свидетельские показания пострадавших...

Околов рассеянно уставился куда-то в окно, вытянув шею, лицо его все более походило на крысиную морду, потом упрямо вскинул голову, поправил очки-пенсне, перевел взгляд с давно не мытого окна на Майковского и холодно произнес:

— Господин следователь, я протестую против подобного ведения допроса. Берлин знает о моей работе. Напомню лишь, что на Центральном участке фронта моя группа занимает первое место в борьбе с партизанами; кое-чего добились и в разведке тыла русских войск. Мы раскрыли партизанское подполье под названием «Ревком». Энтээсовцы Радзевич и Шестаков, став во главе «Ревкома», выявили всех членов организации. Смоленское СД особо отметило начальника полиции города Рудня Красовского, начальника полиции Смоленска Алферчика, нашего агента Ариадну Ширинкину... Они работают под моим началом в «Зондерштабе Р». Не забывайте еще, что двадцать семь человек из НТС награждены орденами и медалями, господин следователь, из «Группы Комет». Показания жителей из Смоленска я не считаю правомерными. Они с нами не сотрудничали! — И Околов самоуверенно ухмыльнулся, подумав про себя: «Двести тысяч! Ха! Значит, он ничего не знает!..»

Майковский удивленно поднял голову, погладил лысину...

— Вы знаете о «Группе Комет»?

— Мне известно, что главное управление имперской безопасности формирует специальный контрразведывательный орган под названием «Информационная служба среди уроженцев СССР и бывшей России, проживающих в Берлине и оккупированных зонах». Мне известно, что организация условно названа «Группа Комет», руководит ею гауптштурмфюрер Эбелинг, начальник четвертого отдела СД. А русский аппарат подчинен вам, господин Майковский!

Круглое розовое лицо Майковского перекашивается, затылок наливается кровью: «Группа Комет» глубоко законспирирована!.. Как же это?! В нее вовлекаются самые проверенные и опытные полицейские и секретные информаторы! «Комет» предполагалось довести до пятисот человек с основной задачей: выявлять среди советских людей и русских эмигрантов антифашистов, предотвращать диверсии и саботаж... Как об этом мог узнать Околов?! Кто ему сообщил о строго засекреченной организации?.. Пока... Неужели Николай или Татьяна Шитц?.. Вряд ли!.. Странно, что Околов знает мою фамилию и мою роль...»

По тому, как Майковский замолчал, покраснел и явно ломал голову над осведомленностью резидента «Зондерштаба Р», Околов понял, что попал в точку и ошарашил следователя. «Не давать опомниться»! И на остолбеневшего Майковского полились сказанные ледяным голосом логичные доводы опытного обер-шпиона:

— После убийства Вюрглера и расформирования «Зондерштаба Р» руководство НТС обратилось в РСХА с предложением создать специальную разведывательно-диверсионно-подрывную группу из лиц, рекомендованных нами, для борьбы с партизанами и подпольщиками на оккупированной территории, а также для политработы с военнопленными. И теперь с разрешения самого рейхсфюрера Гиммлера создана организация «Ингвар» на правах отдела «1-Ц» при СД. И... я имею честь ее представлять здесь, в Минске, господин Майковский! Вы обвиняете меня в сущих пустяках, каких-то мифических двухстах тысячах марок, которые ушли на дело...

— Вы упомянули Вюрглера, — обрел дар речи следователь. — Каковы были ваши личные с ним отношения? Агент варшавского гестапо сообщил прелюбопытные факты в связи с его убийством, из коих следует, что организаторами акта были не Войцеховский и Ренегау-Смысловский, а террористы из НТС. Кстати, Ренегау арестован за бездеятельность «Зондерштаба Р»...

Околов не торопясь лезет в портфель, роется в бумагах и протягивает через стол, ни слова не говоря, одну из них Майковскому.

Копия из доклада начальника полиции безопасности Белоруссии оберштурмбаннфюрера Штрауха. «...В обнаружении и ликвидации партизанской группировки, действовавшей западнее шоссе Минск — Слуцк, прини-

мали участие работники резидентур «Зондерштаба Р». В результате проведенных операций убито 415 человек, заложников взято 617, сожжено деревень и сел 57, обезврежено коммунистов, партизан и сочувствующих им 1050, из них 175 расстреляны на месте, остальные находятся под стражей...» — пробежав глазами документ, Майковский недоуменно покачивает головой, протягивая бумагу обратно Околову.

— А по поводу Александра Эмильевича — то это дело темное, — подчеркнуто строго чеканит Околов, чувствуя свою победу. — В Варшаве произошли странные события. Начальник 2-го отдела «Зондерштаба Р», недавно убитый поручик Бондаревский, подвел к расстрелу семь наших сторонников «третьей силы»; затем, совсем недавно при загадочных обстоятельствах убили немецкого лейтенанта фон Фрейтага, чем весьма заинтересовался Берлин. Следствие выяснило, что Фрейтаг знал о Ренегау-Смысловском и Войцеховском много такого, что компрометировало их в глазах гестапо и абвера. Лейтенант, на свою беду, рассказал обо всем Вюрглеру, собиравшему факты против Ренегау и Войцеховского. Но это еще не все. Этим господам не нравилось, что Вюрглер с одобрения РСХА руководил отделом, которому придавалось особое значение, а именно — тайной проверки и засылки агентуры через линию фронта на Восток. НТС по согласованию с РСХА содержал группу специально обученных лиц «особого задания». Поэтому, господин следователь, в Варшаве скрестились интересы белоэмигрантских, немецких ведомственных, а также советской, английской, американской, японской и польской разведок... Кстати, учтите, что Вюрглер сотрудничал с японцами, а в свое время с польской двуйкой!

— Как и вы, Георгий Сергеевич! — подскакивает на месте обрадованно Майковский, но, тотчас сникнув, переводит разговор на другую тему, понимая, что тайну убийства Вюрглера ему не раскрыть. — А правда, что исполбюро НТС ведет переговоры с англичанами?

Околов смотрит уверенно, словно допрашивает он сам, а не его.

— Война будет проиграна... Если не загрохочет «чудо» в виде обещанного сверхмощного оружия или Германия не заключит сепаратный мир с Черчиллем и Рузвельтом... Я убежден: ни англичане, ни американцы не захотят видеть Европу коммунистической... Все, в том

числе и «солидаристы», пытаются спасти свои кадры, а их у нас там, на Востоке, немало. И мы, эмигранты, погибнем без контактов с англичанами и американцами и погубим тех советских граждан, что перешли на работу к немцам. Вот и займитесь отбором, ибо мы сможем спасти лишь полезных нам лиц. А Николай Шитц, кстати, отзывался о вас очень хорошо, — заключил свою тираду Околов.

«Он еще предлагает мне свое покровительство! — возмутился про себя Майковский и тут же испугался: — Подобные типы выдадут нас тем же союзникам в первую голову. Может, Околов прав — того и гляди все рухнет! Куда бежать? В Италию, Голландию, Бельгию?..»

— Ну что ж, господин Околов... О нашей беседе я сообщу в Берлин и, откровенно признаюсь, хвалить вас не стану. У вас, конечно, заслуги есть, но ваши пораженческие настроения в Берлине не понравятся...

— Не искажайте смысла моих слов, господин Майковский, речь идет не о пораженчестве, а о предосторожности, и будьте любезны в Берлине передать от меня сердечный привет генералу Вольфу. — Околов хотел еще добавить: «Он тебе вправит мозги», но счел за благо промолчать.

«И он мне вправит мозги!» — уловил его мысль Майковский и с опаской глянул на «железную» маску лица Околова... И с ужасом осознал, что перед ним сидит хитрый, страшный, хладнокровный и волевой человек, которого ему, пожалуй, не подмять...

Суетливо закончив допрос, Майковский попытался перейти к мирной беседе, даже к какому-то взаимопониманию, но Околов уже почти не слушал его, думая о том, что падение фон Ренегау-Смысловского повлияет на деятельность исполбюро НТС. В его изощренном, набитом сведениями мозгу промелькнула биография Смысловского: родился в 1898 году в Москве, после разгрома Врангеля поселился в Германии и вскоре возглавил «Русский фашистский союз». Креатура Канариса, который произвел его в подполковники, потом и в полковники. Отличился тем, что вел подготовку и заброску шпионов и диверсантов в тыл советских войск, защищавших Ленинград; и потом уж возглавил контрразведывательный орган «Зондерштаб Р». И вот теперь, по мере того как закатывается звезда хитроумного адмирала, летят вверх тормашками его ставленники. Но за-

то всходит звезда нового штурмбаннфюрера, кавалера «Рыцарского креста» и ордена «Ста мушкетеров» Отто Скорцени, освободившего дуче. Среди близких сотрудников Скорцени есть друг Околова, бывший его шеф Николай Губарев, некогда начальник русского отдела тайной полиции в Югославии.

Околов высоко поднял голову и хмуро глянул на Майковского.

Тот невольно стушевался, улыбаясь, поглаживал свою лысину, про себя возмущался самоуверенностью допрашиваемого и думал: «Настоящий рыцарь плаща и кинжала, опасен, со связями, того и гляди кокнут меня, как Вюрглера. Рвется к власти в НТС и потому обогащается. Скрытен, честолюбив и для достижения цели неразборчив в выборе средств. В общем коварный, далеко заглядывающий вперед, крупный политиканствующий игрок». И Майковский, поднявшись, любезно пожимая руку Околову, стал уверять, что, допрашивая, выполнял лишь приказ, но по приезде в Берлин обязательно замолвит о нем доброе словечко Эбелингу.

«Недюжинная натура, — вспомнил Майковский характеристику, данную Околову Чегодовым: — ...драмой его жизни поначалу была исступленная жажда родительской ласки воспитуемого в спартанском духе ребенка, потом чуждавшихся его как сынка жандармского офицера друзей-товарищей по школе; уже за границей, «в пору любви и страсти нежной», он, видимо, пришел к выводу после неудачного брака, что даже самому господу богу не удалось разрешить, сотворив из ребра Адама Еву, проблему одиночества, что именно оно является незыблемым внутренним стимулом, законом, на которых зиждется духовный мир человека. Отсюда и скрытность Околова...»

«Его считают, — утверждали Чегодов и Шитц, — бескорыстным, принципиальным, безупречно честным, в действительности же он коварен и ради достижения своей цели готов совершить любое преступление».

«Ничего, ничего, — думал Майковский, с затаенным бешенством сжимая кулаки, — мы еще встретимся, и ты раскроешься весь».

Разговаривая с Майковским, Околов посмеивался над протеже Эбелинга, над его неосведомленностью в убийстве Вюрглера, поручика Бондаревского и лейтенанта Фрейтага, а также и в изъятии у сочувствующих большевикам смолян 200 тысяч марок. Да, со своим со-

перником Вюрглером разделался Околов без особых угрызений совести. Да, изъял разных ценностей у населения на добрый миллион! Эти средства нужны не для «сладкой жизни», как полагают Эбелинг и Майковский, а для достижения личной власти его, Околова! Он намеревался занять пост председателя НТС поначалу... а там, может быть, и правителя!..

«Власть должна стать целью моей жизни! И я пойду по этому пути упорно, как аскет, отказываясь от всего, жертвуя привязанностью, благосостоянием и безжалостно сметая тех, кто будет становиться поперек дороги!.. Я не фантаст, а практик! — размышлял Околов. — А кто устроил коварную ловушку с допросом? Байдалаков? Или соперник на пост председателя Поремский — эрудированный и коварный доктор юридических наук, крепко связанный с французской и английской разведками? Какой сделать ответный ход? Кого столкнуть в пропасть и кому протянуть руку? Может, связаться с генералом Власовым? Он вроде бы тоже склоняется исповедовать «солидаризм», в который поверили его помощники Трухин и Тензоров... Но генерал-предатель мечтает стать правителем России!.. Удастся ли Казанцеву убедить Власова связаться с англичанами? Выгодно ли это?»

Шагая по улице домой, Околов почти забыл о Майковском и о допросе, в его мозгу зрели крупные замыслы...

2

Майковский прибыл из Минска в Берлин на самолете в тот же день, но к Эбелингу идти было не с чем. Оставалась последняя надежда — воспользоваться советом Чегодова и связаться с Граковым. На многое Майковский не рассчитывал и все-таки... Ему повезло: Граков оказался дома и согласился тут же прийти на свидание.

Встреча состоялась в скромном ресторанчике в более сохранившейся западной части Берлина, неподалеку от Магдебургплаца.

Граков пришел в похожий на пивную ресторанчик минут за пять до назначенного времени и сразу же узнал, верней, почуял человека, который, назвавшись Вадимом, объявил, что привез привет от Олега Чегодова из Киева. Граков сразу догадался, что это не

то, что он ожидал, что с этим квадратным, широкоплечим мужчиной с бугристым затылком, одетым в хороший костюм и оценивающе мерящим каждого входящего острым взглядом своих зеленовато-карих глаз, надо быть настороже... «Похож на следователя, хитрый и, пожалуй, алчный. Украинец, может, даже бандеровец? А вот и условный знак, жестяная коробочка из-под монпансье», — пронеслось в мозгу Гракова, когда он усаживался за стол.

Майковский любезно улыбался:

— Олег Чегодов порекомендовал связаться с вами как с председателем берлинского отдела НТС, который поможет мне разобраться в ваших эмигрантских делах... — Он выдержал паузу.

— Извините, но я вас еще не знаю, мне прежде хотелось бы иметь...

— Вот это! — и Майковский вытащил из своего бумажника записку Чегодова.

— Семпер идем! — громко прочитал Граков и, глядя на нарисованную руку с мечом, подумал: «Будь осторожен! Все ясно: Олег предлагает серьезное дело». — Эта записка говорит о том, что я должен вам доверять, а также и то, что и вы мне доверяете... Поскольку вы ко мне обратились, скажите конфиденциально, разумеется, кто вы и что, собственно, от меня хотите.

— Я руковожу «Группой Комет», верней, русским отделом службы информации, параллельно которой существует и немецкая служба информации. Обе эти системы подчинены начальнику четвертого отдела гестапо гауптштурмфюреру Эбелингу. Предлагаю вам стать моим консультантом. Я ведь в эмигрантских делах не очень-то разбираюсь. Скажем, что представляют собой «солидаристы»? Чегодов, Шитц — это одно, а вот Околов, Алферчик — совсем другое, а уж вовсе третье — оказавшийся шпионом Алексей Денисенко... Хотя Чегодов утверждает, что произошла трагическая ошибка. Непонятно, почему тогда скрылась из больницы сестра Околова Ксения? Или почему спустя неделю убит в результате взорвавшейся мины оберштурмфюрер СС Герхард Бременкампф?

Официант подавал на стол, и Майковский умолк.

— Я был в Витебске, — доверительно начал Граков, — там, на Успенской горке, царила нездоровая атмосфера подсиживания и конкуренции. Руководители абвергрупп сто тринадцать, триста восемнадцать, двести

десять, полевой полиции — ГФТ семьсот тринадцать, семьсот семнадцать, жандармерии, штурмовых отрядов, войска СС, охранной полиции выпендривались друг перед другом и ставили палки в колеса, в результате чего был убит заместитель бургомистра Брандт, потом его сын и, наконец, умер якобы от сыпного тифа мой добрый друг Владимир Брандт. То же самое творится сейчас в Берлине. Поэтому я скептически отношусь к обвинению Денисенко и к «исчезновению» Околовой. Но бог с ними, вас ведь интересует другое?

— Да. В связи с создавшимся на фронтах войны тяжелым положением хотелось бы знать, какова теперешняя позиция исполнительного бюро НТС?

Граков рассмеялся:

— Байдалаков и К⁰ беспокоятся о своей шкуре, но хотят в любом случае сохранить союз, — Граков закурил трубку, машинально вынул блокнот, карандаш и, поглядывая на Майковского, несколькими штрихами изобразил его портрет, протянул ему:

— Пожалуйста, от меня на память!.. Поймите меня: я работаю в солидной фирме, получаю приличное жалованье, надеюсь его получать и после войны; кроме того, я художник, увлечен живописью... Стал я председателем берлинского отдела случайно, подвернулся на глаза Байдалакову, и он предложил этот пост. Мне показалось это интересным, но я тогда ошибался. Я пешка. Со мной считаются только потому, что я часто езжу в Белград и филиал нашей фирмы и вожу дурацкие записки генсеку НТС Георгиевскому.

— Не притворяйтесь наивным, Александр Павлович! У вас в руках шифровки! Не так ли?

— Вероятно! — попыхивая трубкой, равнодушно кивнул Граков. — Открытый текст невинен либо чистый блокнот. И отказать своему «вождю» не считаю возможным!

— А если я вас попрошу показать мне такое «невинное» письмо, когда случится оказия ехать в Белград?

— Не притворяйтесь и вы наивным, Вадим Семенович. Если я заговорил о письмах, то, наверное, уж вам покажу, если...

— Если вас хорошо компенсировать? — И Майковский забарабанил своими пальцами-молоточками по столу.

— Мне хотелось бы только заручиться вашим покровительством и некоторой гарантией. А свой маленький

бизнес, как говорят англичане, или коммерцию, как говорили евреи, я сделаю сам. Наша фирма весьма уважаемая и известна во всем мире. Ее филиалы находятся во многих странах, в том числе и в Югославии. Директор филиала в Белграде, англичанин, уехал в Лондон, когда немцы вводили в Югославию войска.

— Директор удрал?

— Уехал, именно уехал! Директора таких фирм, как «Сименс и К^0» не удирают! Как не удирают Шнейдеры из Франции, магнаты Бельгии, Голландии или, не дай бог, эссенские Круппы из Германии. У них царят иные законы, Вадим Семенович. Вы сейчас попали в мир, где, как у вас говорят, хозяйничают капиталистические акулы. И надо много уметь, чтобы не очутиться у них в зубах. В свое время НТС тесно сотрудничал с абвером. Наш Байдалаков, видимо, не понравился господину бригаденфюреру СС Шелленбергу, и по распоряжению рейхсфюрера Гиммлера НТС опять перешел в ведомство абвера. Теперь, в начале декабря, от верховного главнокомандования сухопутных сил вермахта поступило указание расформировать «Зондерштаб Р», а весь официальный состав, резиденты, их помощники, штатные агенты должны прибыть с материалами о проделанной работе в Варшаву. Исполбюро НТС волнуется, боится остаться за бортом. Байдалаков при помощи Поремского установил довольно тесную связь с гауптштурмфюрером Вольфом и неким доктором Краузе...

— Это Герман Гёррту, гауптман абвера под кличкой «Гилка», — конфиденциально поделился с Граковым Майковский.

— Некто Юнг-Афанасьев Игорь Леонидович при содействии этого «Гилка» организовал контрразведывательный орган «Ингвар», укомплектовав его членами НТС, начиная с Околова, Евреинова, Родзевича, Ширинкиной... Взял их всего несколько десятков человек, остальные были направлены на разные работы в Германии. Штаб дислоцируется под прикрытием немецкой строительной фирмы «Эрбауэр» («Восстановитель»). Контрразведчики маскировались под местных «советских» и взяли чужие фамилии. Околов стал Полозовым, Родзевич — Гончаровым, Афанасьев — Востоковым, Ширинкина — Выховой...

«Масштабный человек этот Грак, и прав Чегодов, что посоветовал с ним связаться», — смекнул Майковский.

— Вам придется почаще фланировать между Берлином и Белградом. Делать свой «гендель». И мой тоже!

— С заездом в Гамбург, там наш Центр, — поправил Граков. — Но это уже проще. Труднее добывать разрешение на поездку в Югославию.

Они довольно долго еще просидели за своими кружками пива и уже под вечер расстались довольные друг другом. Майковский особенно радовался материалу, который заинтересует Эбелинга.

3

Бюргграфенштрассе, 28 — тихая окраина Берлина. Здесь, неподалеку от одной из пристаней «Телтонского канала», Казанцевым была снята небольшая трехкомнатная квартира для конспиративных встреч. Каждое секретное заседание совета союза проводилось в этой квартире после тщательной подготовки, особенно с тех пор, когда крах рейха стал уже очевиден.

Так было и в августе 1944 года.

Байдалаков пришел, когда все приглашенные были уже в сборе и обменивались мнениями по поводу последних событий. Беседовали о том, что в январе 1944 года у исполбюро оставались кое-какие надежды на контрразведывательный орган «Ингвар» со штабом в Минске. Агенты ездили в районы действия партизанских отрядов под видом переписи скота, учета беспризорных детей, торговли штучными товарами, они собирали нужные сведения и высылали в Центр деньги. Однако с приближением Красной Армии к Минску группа Юнга перестала существовать. Погрузив награбленное добро в четыре вагона, Околов с ближайшим своим окружением эвакуировался в Вену. Сейчас в квартире сидела за столом с Граковым и Ширинкина. По приезде в Берлин гестапо устроило ее в немецкую разведшколу «Цеппелин» командовать взводом девушек. Вид у Ары потрепанный, лицо помятое, на ней немецкая униформа, сапоги и нелепый берет... Это ей так несвойственно, что все удивленно на нее поглядывают.

Байдалаков, пожав каждому из присутствующих руку, раскланявшись, опасливо поглядел в окно, выходившее на зеленеющее кладбище «Святого Креста», осведомился, не заметил ли кто за собой наблюдения, и предложил начать совещание узкого круга. Все уселись, кто

куда. Байдалаков остался стоять во главе стола, открыл толстую папку и, хмуря брови, заговорил глухим голосом:

— Мы должны принять ответственное решение... Что нам делать после поражения Германии. А поражение ее в войне уже не вызывает сомнений.

Он обвинил немцев в неправильной политике, пробудившей могучие силы русского и других народов Советского Союза против фашизма, в неслыханном произволе на освобожденных территориях, в бездарности Гитлера как полководца, в результате чего не только возродилась боеспособность Красной Армии, но и сам дух сопротивления у стариков, женщин и даже детей, о чем свидетельствуют многочисленные партизанские отряды...

Покосившись снова на окно и подняв глаза к потолку, Байдалаков тихим, надтреснутым баритоном объявил, что НТС с самого начала противостоял нацистам и ставил своей целью создание «третьей силы». Умолкнув, он обвел всех взглядом и остановил его на Аре Шеринкиной.

— Не глядите на меня так, — Ара заерзала на месте, — я приехала сюда прямо из разведшколы...

— Да, да, — кивнул он ей. — Нам удалось занять в свое время многие руководящие посты в бригаде Каминского, в «Русской освободительной армии». Генерал Власов принял в какой-то мере нашу идеологию, и теперь остается убедить генерала начать переговоры с Западом. — Тут председатель тяжело вздохнул и покачал головой.

— С прошлого года долблю Власову, что надо вести переговоры с англичанами или американцами... Он же заладил: «Не хочу быть предателем дважды», — бесцеремонно перебил Байдалакова сидевший в углу комнаты Казанцев.

— Совершенно верно! — подал голос маленький Трухин. — Андрей Андреевич ходит мрачный, много пьет, а напившись, плачет... Если бы немцы таким его видели... — и Трухин махнул рукой.

— Он не так глуп, чтобы не понимать своего положения! Власов боится провокации. Не верит он вам, — повернувшись к Казанцеву, заметил Поремский. — Очень много провокаторов вокруг него вертится. Где уж ему играть в опасную политическую игру? Мужичок! Может, еще и обломаем?

— Он добивается свидания с Гиммлером или с самим фюрером! Надеется, что ему позволят вооружить и оснастить техникой новые соединения из военнопленных и остарбейтеров и сконцентрировать эту армию на восточном фронте. Надеется образовать правительство! Готовит манифест, собирается огласить его народу, — улыбнулся Кирилл Вергун. — «Мы божьей милостью...»

— Гм! Манифест ему, кажется, уже состряпали немцы! — зло и с досадой фыркнул Байдалаков. И все поняли, что ему самому хочется издать манифест.

— Нечто вроде Брест-Литовского мира! — вставил Казанцев.

— Однако фюрер закусил удила и настолько взбешен, что любое упоминание о каком-либо сговоре с русскими выводит его из себя! Так передали мне вполне компетентные лица там, наверху. — И Байдалаков многозначительно поднял вверх руку. — Господа! Мы приняли меры, чтобы наш энтээсовский корабль не пошел ко дну, — оглядев присутствующих, он остановил взгляд на Гракове.

«Сейчас ему еще остается читать «Капитаны» Гумилева», — подумал Александр Граков, которого только недавно ввели в совет.

— Хочу предупредить вас, господа, что все услышанное здесь надо сохранять в глубокой тайне. Так вот: еще весной по рекомендации нашего генсека Георгиевского в Швейцарию ездил небезызвестный вам член нашего союза Мирослав Гроссен, под предлогом свидания с проживающими там родителями. В Цюрихе он встретился с профессором Ильиным, который переехал туда в начале войны. Профессор, как вы знаете, противник нацизма и связан с влиятельными кругами Англии и Америки. Он обещал Гроссену через авиаконструктора Игоря Сикорского, друга Аллена Даллеса, генерала Северского и Людмилу Николаевну Рклицкую, нашего деятельного члена НТС в Америке и, кстати, замечательную балерину, наладить контакты с Интеллидженс сервис и Си-ай-си. Я предлагаю от лица совета выразить благодарность Мирославу Гроссену, а также и Александру Павловичу Гракову, который, рискуя жизнью, успешно выполняет связь между исполбюро и генсеком Михаилом Александровичем Георгиевским. — Байдалаков окинул всех выразительным взглядом и даже два раза хлопнул в ладоши.

Граков встал, поклонился собранию, сказал:

— Наряду с контактами, которые, видимо, будут налажены, нам следует подумать, как это уже делают дальновидные немецкие функционеры, и о хлебе насущном. Не имея средств, наш союз вряд ли в это тяжелое время сможет существовать, не говоря уж, увы, о невеселом будущем. Еще недавно покойный Вюрглер мне говорил об изъятии у населения Смоленска и Минска Околовым значительных ценностей. А по словам проезжавшей через Вену в Берлин Ары Ширинкиной, Околов, Болдарев, Афанасьев и Ольгский погрузили четыре вагона с ценностями, которых хватило бы союзу надолго.

Ширинкина заерзала на стуле, хотела что-то сказать, но, взглянув на осуждающе смотрящего на нее Столыпина, осеклась.

Лицо Байдалакова омрачилось:

— Зараза обогащения проникла в наши ряды, как только мы попали вопреки исполбюро на содержание гестапо и абвера. Большие оклады, возможность поживиться в восточных областях породили стремление к роскошному образу жизни... Отсюда пьянство, разврат, воровство, спекуляция, взаимная вражда, моральное разложение... В итоге недоверие к нам, «солидаристам», не только советских людей, но и самих немцев. Гестапо следит за каждым нашим шагом. Я получил письмо от Александра Эмильевича, увы, уже после его смерти. он жаловался на Околова, уверял, что «Муха» способен на любую авантюру и даже на преступление. Вюрглер чувствовал, что за ним идет охота. Я обратился в РСХА с просьбой расследовать обстоятельства убийства Вюрглера и привлечь виновных к ответственности, но дело ушло в песок... — Байдалаков вздохнул и добавил: — После всего того, что мы знаем о грабежах и убийствах в Белоруссии... Невольно начинаешь думать, что Георгий Околов и тут приложил свои руки...

Поджарый, красивый Вергун вскочил и, укоризненно поглядев на председателя, взволнованно заговорил:

— А кто фактически содержал наш аппарат? Не Околов ли до недавнего времени посылал нам значительные суммы? Тогда нас не смущало его мародерство? А где он мог брать эти ценности? Конечно, у населения! А теперь... Ему приходится скрываться... в Берге. — И, немного успокоившись, продолжал: — Это небольшой городок в Австрии, там живут родители Болдарева. Наш

«Муха» смелый человек, но его оговаривают, и ему завидуют... Немцы стали подозрительны. Создав «Комитет освобождения народов России» для участия в нем политических и национальных группировок от населения оккупированных областей и эмиграции, немцы рассчитывали применить старый, испытанный способ: «Разделяй и властвуй». Некоторые влиятельные немецкие круги хотят оттеснить наш союз. К счастью, «Комитет освобождения» благодаря генералам Трухину и Тензорову, — Вергун поклонился в их сторону, — оказался под влиянием идей нашего «солидаризма». РСХА это не понравилось! Теперь, при четвертом отделе службы информации образованы группы «Комет», которые возглавляет гауптштурмфюрер Эбелинг. Немцы стремятся держать под неусыпным контролем руководителей «Комитета освобождения» и наш НТС.

— Да, да, — закивал головой Трухин, поднимаясь со стула. — Шпионить за нами поручено некоему Майковскому, бывшему начальнику полиции в Киеве, а за генералом Власовым следит некий Кромиади — эдакий ладный эсэсовский офицерик в начищенных до блеска сапогах и щеткой усиков а-ля фюрер.

— Поэтому, господа, — вмешался Казанцев, — нам следует соблюдать предельную осторожность во всем, особенно теперь, когда мы налаживаем связи с англичанами, чтобы не подвести друзей Кирилла Дмитриевича в Бреславле.

— А что касается Георгия Сергеевича Околова, — продолжал Вергун, — то...

— Кирилл Дмитриевич! — оборвал поспешно Байдалаков, укоризненно глядя на Вергуна, который утирал платком пот со лба. — Об Околове вопрос мы отложим до следующего заседания совета.

— А теперь, господа, генерал Трухин уточнит положение в РОА.

Подтянутый, сухопарый генерал Трухин легко поднялся с места и, нервно одергивая гимнастерку, быстро заговорил:

— Идет подспудная работа сепаратистов против Власова; на Раухштрассе, в доме на площади Фербеллингер, на Дугласштрассе, в отеле «Адлон» живут наши враги — Кедия, Габлиани, Шандрук, Бандера, Гриньох, Каюм-хан, Бангерский, Алигбегов, Чамян, Краснов, Островский... И если бы не Кальтенбруннер и Шелленберг, то эти холопы Розенберга подмяли бы наше русское

движение. Никто из них не желает признавать Власова, начиная с «президента центрального совета Белоруссии» Островского и кончая «вождем Кавказа» Кедия. На вопрос Кальтенбруннера: «Согласны ли вы под руководством генерала Власова работать над созданием правительства для вашей общей родины — России», этот грузин заявил: «Нет!» А что говорить о Бандере, или представителе «Туркестанского комитета» Каюм-хане, а также о Краснове или дураке Шкуро! — Генерал Трухин вытащил из портфеля листок бумаги и помахал им в воздухе:

— Прочту некоторые данные из «Протеста» немецкому командованию от вышеуказанной сволочи: «За восстановление нового порядка в Европе на стороне немцев в легионах и полевых батальонах воюют несколько тысяч армян, северокавказцев, грузин, азербайджанцев и лиц других национальностей».

— Но это же очень мало! Капля в море. Против немцев ведут борьбу не тысячи, а миллионы! — воскликнул Граков.

— «В сорок втором году почти все эти батальоны были посланы на фронт и заслужили признание командующих округов, — продолжал Трухин, — в сорок четвертом сражались и на передовой линии Атлантических укреплений с превышающим их численностью и вооружением противником. В Хорватии сражались Первый грузинский батальон, Третий северокавказский батальон дивизии «Бергман». Названные части участвовали и в тяжелых боях при отступлении из Греции. В Италии в составе сто шестьдесят второй пехотной дивизии находится азербайджанский полк, два грузинских батальона, а также формируется кавказская кавалерийская часть СС...»

— Зачем вы это перечисляете? — удивился Байдалаков. — Какие-то батальоны, а не армии!

Трухин недовольно взглянул на Байдалакова, полистал блокнот, который держал в руках.

— А затем... Кавказцы готовы признать генерала Власова, но не как верховного вождя, которому они должны подчиняться. Слишком, дескать, много жертв принесено на борьбу с русским империализмом...

— Это с нами, что ли? — не понял Вергун.

Трухин неопределенно покачал головой:

— Еще несколько слов об украинцах. Экипируется

и вооружается вновь сформированная дивизия СС «Галичина», ее одевают в униформу, дают желто-голубые знамена. Шадрук занят формированием «Второй украинской дивизии» из восточных украинцев. Выпущенный из заключения Степан Бандера намерен создать «Всеукраинскую освободительную армию» и Общеукраинский национальный комитет... А теперь о самом главном. — Трухин сделал паузу. — Намечена встреча генерала Власова с рейхсфюрером Гиммлером.

Подскочив на месте, Вергун выкрикнул:

— Плохо, что мы не можем объединить все эти силы! У нас была бы огромная мощь!..

Видя, что Трухин сел, Байдалаков хмыкнул и, глядя печально на Вергуна, произнес:

— Разве это сила?.. Настоящая сила у Красной Армии... Там миллионы солдат, и с ними вся страна. И нечего нам больше обольщаться. Бессильны не только власовские войска, но и армии Гитлера. У нас на глазах бьется в предсмертных конвульсиях государственный аппарат Германии...

За окном послышались звуки оркестра. На старом кладбище кого-то хоронили. Собравшиеся невольно поглядывали в окна: сквозь решетку ограды виднелись кресты и памятники.

«Конспиративное собрание НТС под похоронный марш, — подумал Граков. — Не последнее ли?»

— Итак, господа, еще одна печальная новость. — Виктор Михайлович поднялся. — Мы лишились влиятельного покровителя: Канарис отстранен от руководства. Поединок между СД и абвером закончился в пользу Кальтенбруннера; абвер включен в шестое управление имперского ведомства безопасности, руководимое Шелленбергом. После покушения на фюрера идут массовые аресты по всему рейху. Теряет авторитет министр восточных провинций Розенберг. Перетасовки в рядах вермахта. Мы же, увы, не можем уповать на нашу «третью силу» и должны искать контактов с Западом. И это единственное спасение, как наше, так и Власова, и постарайтесь, господа, убедить его согласиться с нами, — жалобно закончил Байдалаков. — Собрание закрыто.

Зал стал пустеть. Остались только Байдалаков, Вергун, Тензоров, Граков, Заприев. В затихшем зале Байдалаков обратился к Вергуну с просьбой рассказать подробно о председателе отдела НТС в Бреславле Хор-

вате и его помощнике Георгии Позе, которым удалось связаться с агентом Си-ай-си.

— Граков в ближайшие дни едет в Белград, на обратном пути он может сделать крюк, заехать в Бреславль к Хорвату и договориться о встрече босса с нашим представителем, — сказал Байдалаков.

Через неделю, это была среда 16 августа, Граков уехал в Югославию.

4

В Белграде было жарко и душно. Грязный, пыльный, безлюдный, с разрушенным центром город произвел удручающее впечатление.

Последний раз Граков приезжал в Белград в мае и поначалу даже не узнал столицы Югославии. Еще дымились развалины зданий, а некоторые улицы из-за груд кирпича были непроезжими. Их дом уцелел, но в соседний попала тяжелая бомба и взрывной волной вдавило в каменную стену их двора деревянный сарай. Черемисов, ругаясь, тогда рассказал:

— «Союзнички» бомбили мирный город сначала весной, налетала армада американских «летающих крепостей». Разрушений сделали больше, чем немецкая авиация. Только первый американский бомбовый удар унес две тысячи жизней мирных граждан. И эти сволочи бомбили на пасху! Белградцы назвали этот налет «пасхальным приветом друзей-союзников». И хоть бы поражали стратегические объекты! «Либераторы»! Вот как они освобождают Югославию!..

— Освобождают людей от их жизни, — съязвил тогда Граков. — На то они и янки. В пути, в вагоне, мне рассказывали, что эти янки вопреки договоренности бомбить только военные объекты стирают с лица земли целые города: пострадали Подгорица, Ниш, Задар, Лесковац, Шибеник, Славонский Брод, Биело Поле, Сараево! Всюду гибнут невинные люди. Конечно, летчики могут и ошибаться, но почему они не ошибаются во Франции, Бельгии, Голландии? Все дело в том, что Югославия славянская страна, да еще красная!..

Шагая в сторону улицы Кнеза Милоша, глядя на новые разрушения, Граков с тревогой вспомнил майский разговор с Черемисовым и думал: «Целы ли там наши?»

Черемисов сидел на крылечке в одной майке и паял ведро. Рядом в жаровне тлели угли. В сторонке выстрои-

лась целая шеренга кастрюль, леек, кувшинов. Увидав Гракова, Жора вскочил, кинулся было вперед с паяльником, но спохватился, сунул паяльник в угли и тогда уже раскрыл объятия, крепко прижав друга к груди:

— Карамба! Грак! Приехал! Чертушка! — ударил по-дружески кулаком в плечо и снова обнял.

И палящее белградское солнце, и стоящая неподалеку шелковица, и знакомые контуры дома, и запах Жориной мастерской, и его «карамба», и сам Жора, похудевший и почти черный от загара, — все было таким родным, привычным, близким...

Усевшись на ступеньки крыльца, они делились наспех главными новостями; Граков рассказал о гибели Алексея Денисенко, о переходе на Большую землю Чегодова, о намерениях Байдалакова и его клики, об убийстве Вюрглера; а Черемисов — о Хованском, о Буйницком, о Зорице и ее сыночке, о Зимовнове...

— У нас, слава богу, все живы-здоровы и так вроде все в порядке, если бы не Берендс. — Черемисов встал.

— А что такое?

— Да, понимаешь, сгорел дом на Карабурме, там, где была наша конспиративная квартира, а с ним и документы и магнитофонные пластинки... расписки Берендса.

— Их же я прятал в погребе, в железной кассете, — вспомнил Граков.

— Верно! И вот прямое попадание!.. Ямина... ничего не найдешь... А теперь, после отставки Канариса, пошли перемены. У Берендса новое начальство. Понимаешь?.. Видел его после американской бомбежки восьмого июня. Он посмотрел на меня ехидно, заулыбался, зашаркал ногами и говорит: «Вот вы, господин Черемисов, немцев ругали за варварскую бомбежку Белграда, а ваши хваленые американцы десять очков вперед немецким варварам дадут: сами сейчас видите... И передайте привет Алексею Алексеевичу Хованскому!» Хитрющий тип этот Берендс!..

— Алексей Алексеевич дома? — поднялся Граков, хватаясь за ручку своего чемодана.

— На работе. К нему в мастерскую или в сборочный цех, как вы называете, прислали немца из Гамбурга — какое-то приспособление для магнитных мин собираются делать. Я не специалист, могу ошибиться. Этот немец вроде возглавил цех, нанимает рабочих-электриков, высококвалифицированных механиков, рас-

ширил вашу мастерскую, бишь цех, что-то там строят. А Алексея Алексеевича понизили в должности, он уже не замдиректора, а помощник начальника цеха. Так что готовься к встрече с новым шефом.

— А ты хвалишься: «Все в порядке!» — скривился Граков. — Как у Ефима, старшего пастуха в имении Чегодова, помнишь? «Как, Ефим, с отарой все благополучно?» — «Усе, тильки симеро ярок здохло, та дванадцать гейдушников, та десять мериносов, та девять...»

— Святым кулаком да по окаянной шее? — засмеялся Черемисов. — Не хотел тебя сразу расстраивать. Из щепы похлебки не сваришь. Боюсь я за нашего Алексея Алексеевича. Немцы озверели. Недавно три дивизии Народно-освободительной армии с боями прорвались на территорию Сербии и соединились с действующими там партизанскими отрядами. В Италии, в аэропорту Бари, дислоцирована советская база, откуда самолеты поставляют югославским частям вооружение, продовольствие и медикаменты, а вывозят раненых и больных солдат и офицеров НОАЮ. По просьбе Тито советское командование направило в югославские соединения опытных офицеров — летчиков, танкистов, артиллеристов, которые готовят спецов для новых воинских частей.

— А где же Аркаша? Не дал о себе знать?

Черемисов пожал плечами: откуда, мол? — и опять принялся паять ведро.

— Угля полмешка осталось. Как я разожгу мангал, так уж все подряд паяю. Ты поднимайся к себе, Алексей Алексеевич скоро придет.

Граков с чемоданом в руках вбежал на крыльцо и, посмеиваясь, заявил:

— Немцам пора бы уже сворачивать, а не расширять производство. Медные лбы. К зиме в Югославии, поверь, ни одного фрица не останется!

— А там немец повесил объявление: «Приглашаются на работу в цех квалифицированные...» Повыгонял жильцов из дома, где находится фирма...

Граков поднялся к себе. В комнате все стояло на своих местах. Квадрат солнечного света, ворвавшийся из окна, горел ярким белым пятном на покрытом полотном мольберте и захватывал часть крашеного стола. Раздвинув полотно, Граков всматривался в изображенного на холсте ребенка, который, широко открыв полные любопытства глаза, весело улыбался и протя-

гивал ручки, словно хотел что-то схватить. Мальчик сидел на коленях у женщины, обозначенной лишь контурами. Вырисованы были только руки, живые, любящие, теплые...

Картину он перестал писать еще полгода назад. Натурщицей была Зорица с ее сыном. И сейчас ему вдруг захотелось взяться за кисть и краски.

«Улыбка, как и глаза, зеркало души, интеллекта. Перед великими мастерами, создавшими своих мадонн с младенцами на руках, возникал вопрос: каким был Христос в младенчестве? Обычным ребенком или богочеловеком? Как совместить несовместимое?! Изобразить наивно детские и всезнающие глаза, прозорливо устремленные в будущее?.. А что делать со ртом? Если изобразить улыбающимся, то чему дитя улыбается? Маленький несмышленыш, удивленно, с любопытством глядящий на мать или все его окружающее... И значит, он ничего еще не знает?! Удивление — начало всех начал, эмоция, порождающая ощущение и чувства, дар природы... Но как изобразить в улыбке всезнающего младенца-бога удивление?!» Граков схватил кисть, выдавил на палитру из нескольких тюбиков краски, смешал их и стал быстро наносить мазки на холст. Он так увлекся, что даже не услышал, как в комнату вошли Хованский и Черемисов и, став у порога, наблюдали, как на холсте менялось выражение лица младенца, в котором они узнали маленького Иванчика, сына Зорицы и Аркадия.

— Пишет нашу мадонну! — шепнул Алексей Алексеевич.

— Карамба! — восхищенно проворчал Черемисов.

Граков бросил кисть и еще весь во власти своего творческого экстаза уставился на вошедших. Придя в себя, он тут же задернул полотном холст и кинулся обнимать Хованского. Потом бросился к чемодану и извлек «гостинцы».

— Успеешь! Сначала новости! — ласково остановил Хованский, усаживаясь за стол. — Расскажи подробно берлинскую обстановку.

— «Солидаристы» попали между жерновами двух противоборствующих группировок внутри РСХА — Вольфа и Эбелинга, задумавшего сделать на этом карьеру! — начал Граков. — Позиция предателя Власова трусливо-выжидательная. — И подробно остановился на разговоре с шефом русского отдела «Комет».

— Как известно, — заговорил Хованский, — в январе 1943 года Гитлер сделал своего земляка Кальтенбруннера заместителем Гиммлера, дав ему пост высшего полицейского чиновника «третьего рейха», вверив ему Главное управление имперской безопасности. В состав РСХА входили и гестапо, и СД, и уголовная полиция, и военная разведка. С тех пор еще больше обострилась борьба в руководстве карательных органов двух враждующих партий — берлинской и австрийской. Гиммлер и Кальтенбруннер, руководствуясь заветом фюрера: «Совесть — химера, избавиться от которой чем скорей, тем лучше», — ищут контакты с американцами, пуская в ход один козырь — жизнь заключенных в обмен на жизнь эсэсовской элиты.

— Сволочи! — не выдержал Черемисов. — Разбойники!

— Подобные контакты при жизни фюрера и его окружения чреваты, и Гиммлер, и Кальтенбруннер тщательно скрывают эти переговоры, зорко следят друг за другом, чтобы опередить соперника, а в случае чего подложить ему мину. И конечно, если им станет известно о тайном совещании энтээсовского совета и о попытке исполбюро НТС сговориться с англичанами и американцами перед крахом рейха, они велят арестовать всю их банду, и у Майковского окажется в руках богатый материал, с которым, правда, не так-то легко ему будет разобраться. Запутает сложнейшая эмигрантская кухня, о которой ни Эбелинг, ни Майковский не имеют понятия. Все эти противоборствующие организации, союзы, братства, объединения, их связи с деловыми и политическими кругами, с инразведками и, наконец, их деятельность в Советском Союзе и других странах...

— Майковский мне намекал, что получил разрешение Эбелинга и пригласит меня в качестве консультанта, — похвалился Граков.

— Нас особо интересует деятельность «Зондерштаба Р» — святая святых НТС. И прежде всего досье энтээсовцев, переброшенных в Советский Союз, их явки, шифры и тому подобное...

— Мне удалось купить в Берлине великолепный мини-фотоаппарат, помещается за бортом пиджака. Важнейшие документы я постараюсь переснять. В Берлин вместе с Эбелингом приехала семья Шитцов — Николай и Татьяна. Они тоже, наверное, будут привле-

чены к разбору архивов. — Граков принялся набивать свою трубку табаком. — Татьяну вы знаете?

— Она по уши была влюблена в нашего Олега! — щелкнул пальцами Черемисов. — Да и он вроде не давал промаха... Кстати, как он там?

Граков улыбнулся.

— Чегодов вел с ней разговор перед тем, как уходить по заданию немцев в тыл Красной Армии с группой радистов; он передал мне через Татьяну кое-какие сведения. Она должна связаться с нами.

— Да, Олег экзамен выдержал, — кивнул головой Хованский.

— В день приезда уже поздно вечером Татьяна мне позвонила и настоятельно попросила свидания, и, когда мы на другое утро встретились, она передала вот это письмо, — Граков достал из кармана сложенный вчетверо лист бумаги и протянул Хованскому. — Поначалу сбивчиво, а под конец толково объяснила, как встретилась с Чегодовым в Киеве, вернее, как к ним на бульваре Шевченко подошел Олег...

Хованский молча слушал подробный рассказ Гракова.

— И сказала еще, что Олег велел ей передать письмо и Байдалакову, — заключил Граков.

Обоюдные новости на первых порах были исчерпаны; Хованский отправился к себе. Сначала он прочел донесение Чегодова. В нем был адрес явочной квартиры: «На всякий случай, для Центра», и адреса еще двух «явочных квартир для энтэзсовцев», чтобы их там «соответственно встретили», и сообщение, что Байдалакову переданы «все три» адреса. Потом шли приветы. И под конец: «До свидания, дорогой друг и учитель!»

Хованский долго сидел задумавшись... Вспоминались далекие годы революции, Елизаветград и особняк на Успенской, хозяйка и ершистый мальчик Олег; потом Донской кадетский корпус в заброшенном герцеговинском городке Билеча, генерал Кучеров, старый генерал Гатуа... и вдруг перед глазами всплыл Берендс... «Откуда Берендс знает о том, что пленки сгорели? Только после долгого и неустанного наблюдения за всеми нами, за теми, кто бывал на конспиративной квартире! Уж слишком уверенно он себя держит! Стоит ли идти к нему в эту субботу?» — Хованский неторопливо принялся расшифровывать письмо Байдалакова к Георгиевскому. В нем заключалась просьба ввиду возможного

скорого ухода немцев из Белграда организовать крепкое подполье: «Во главе которого, надеюсь, станете вы, Михаил Александрович!» Далее Байдалаков писал, что не теряет надежды уговорить Власова связаться с англичанами.

«Власов боится провокации, опасается, что американцы, англичане не пожелают с ним разговаривать. Он пешка, генерал без армии. «Власовские» части РОА воюют под командой немецких офицеров, главным образом против англичан». Далее Байдалаков жаловался на Околова, который вышел из повиновения, занимался мародерством и теперь удрал в Австрию вместе с награбленным добром. «Я начинаю его побаиваться, не исключено, что он захочет избавиться и от меня, как это, я почти уверен, он сделал с Вюрглером. Увы, в своем большинстве наши «солидаристы» не выдержали экзамен, в наши ряды проникла зараза коварства, шкурничества и мародерства... Никто меня больше не слушает, все точно озверели. Никто вопреки распоряжению исполбюро и совета не желает оставаться на оставляемой немцами территории, кроме отдельных лиц, как, скажем, Чегодов, Пьянков, Широков... Считаю необходимым в ближайшее время отозвать своих людей из бригады Каминского, которая превратилась в банду разбойников. Испытанных наших членов вернем во французский, бельгийский, голландский отделы с заданием связаться с разведками наступающих англичан и американцев».

Хованский еще раз пробежал глазами письмо Байдалакова и стал быстро писать шифровку «Графу»:

«Немцы понимают, что по мере приближающейся агонии предателей будет все больше и больше, и принимают контрмеры: создали разведывательный орган «Комет». Стараюсь внедрить «красавчика» в его агентурную сеть. Сейчас это сделать не так сложно. Паника царит и здесь, в Белграде. Сомневаюсь, что Георгиевскому удастся на территории Югославии организовать подполье. Но даже небольшая группа, если ею руководит такой опытный зубр, как Георгиевский, по мере приобретения опыта может стать весьма вредной. Иван».

Тут в дверь постучали. И в кабинет вошел Иван Зимовнов. Это было так неожиданно! Алексей Алексеевич

был уверен, что Иван партизанит в лесах Шумадии... И в первую минуту глядел с недоумением на потрепанный костюм и заросшее бородой лицо Зимовного:

— Как ты сюда попал, Иван? — удивился Хованский.

— Нахожусь по заданию...

Спустя полчаса, за чаем, Зимовнов рассказал, что, будучи в отряде освободительной армии Югославии, он участвовал в прорыве немецкой обороны. Случайно встретил товарища по военному училищу, который ему сообщил, что согласно приказу от четырнадцатого октября Иосифа Броз Тито на территории освобожденного Ливана формируется первая авиационная база во главе с майором Франё Клаузом; туда направлено около тридцати летчиков, в том числе Аркадий Попов!

— А как наши ребята? — заключил свой рассказ Зимовнов.

— Ты неосторожен... Моя квартира сейчас, я полагаю, под наблюдением, и очень возможно, тебя засекли, — предупредил Хованский. — Воспользуйся запасным выходом. — И Хованский кивнул в сторону шкафа. — Рядом с домом, где живет Зорица, наша конспиративная квартира. Пойдем вместе, как только стемнеет. — И взглянул на часы. — Граков приехал из Берлина, привез уйму новостей, а тут и ты как с неба свалился!..

Часа через два они сидели в уютной небольшой комнатке на окраине Белграда, с окнами, выходящими в сад, засаженный сливами, грушами и яблонями, заканчивающийся высоким и плотным забором, поросшим сверху колючим кустарником.

Собралось их, кроме серба-хозяина, семеро. Граков, как обычно, когда приезжал из Берлина, привез «гостинцы» Зорице и маленькому Иванчику и бутылку французского коньяка для «встречи». На этот раз «гостинец», как он сам выразился, «не ахти», «фрицы сами животы подтянули».

Хованский и Зимовнов пришли последними, Граков уже успел поделиться новостями и держал на руках маленького Иванчика. Буйницкий и Черемисов сидели хмурые, переживая весть о смерти Алексея Денисенко, а Зорица беседовала в сторонке с хозяином дома. Когда на пороге появился Зимовнов, все ахнули. И даже малыш залепетал что-то на своем детском языке.

А Зимовнов, подняв обе руки, приветствовал ребенка:

— Тебе, тезка, привет от папы! Жив-здоров, проходит курс у англичан в Ливане. Живой наш Аркадий! — и кинул взгляд на Зорицу.

Та побледнела, схватилась, чтоб не упасть, за плечо старика хозяина и всхлипнула.

— Это правда?.. — почти простонала она, подбежала и схватила его за руку.

— Святая правда, Зорица!

Все зашумели, заволновались, начались расспросы.

— В феврале я был в Боснии, а он, оказывается, тоже находился в городе Дрваре. Если бы знал, то мог встретиться с Аркадием, — объяснял Иван.

— А верно, что в мае советские летчики спасли Броз Тито?

— В июне! Да... Гитлеровцы двадцать пятого мая высадили около семисот парашютистов в городе Дрваре. А там находился Верховный штаб и руководство КПЮ. Однако члены Верховного штаба, Политбюро КПЮ, прикрытые частями, отступили из района Дрвара и после десятидневного тяжелого перехода вышли в район Купрешко Поле. Немцы двинули туда свои моторизованные части, положение возникло безвыходное... По приказу советской военной миссии в ночь на четвертое июня прибыл советский самолет и вывез Тито и других руководителей в Бари. Это советская военно-воздушная база в Италии. А спустя несколько часов район Купрешко Поле был занят танковыми частями полка «Бранденбург».

— Ай да летчики!

— Шорникову, Калинкину и Якимову присвоены звания Героя Советского Союза и Народного героя Югославии, — добавил Зимовнов.

— За это следует выпить! — не выдержал Жора Черемисов, поглядывая на коньяк. — Садись, Иван!

— Погоди, Жора, — остановил его Хованский, — послушаем Александра Павловича, что делается в руководстве НТС в Берлине?

Граков передал ребенка Зорице, усмехнулся:

— Я слышал, что на военных кораблях, когда на них слишком размножаются крысы, делают ловушку, куда заманивают десятка два-три крыс. Съев корм, они начинают поедать друг друга. Затем выпускают последнего крысака, и он начинает охоту за своими собратья-

ми, и вскоре на корабле не остается крыс. Гитлеровцы, особенно главари, разные фюреры, — это те же крысаки, они поедают уже своих... Крысаки и Околов, Майковский, Войцеховский, Байдалаков и Власов.

— О, какой далекий зачин! — не утерпел Черемисов.

Далее Граков рассказал о плане Эбелинга и Майковского.

— В Белграде крысак Берендс! Тоже ищет поживы. А зубы у него острые. Чтоб ему кость в горле застряла! — опять не сдержался Черемисов.

— А где сейчас Георгиевский? — заинтересовался Зимовнов.

— Меняет конспиративные квартиры. В прошлом году скрывался в Сремской Митровице, сейчас переехал обратно в Земун, живет неподалеку от своего дома на Деспота Джуржа, семь. Завтра утром к нему отправлюсь, — объяснил Граков.

— Не угоди крысакам в зубы, — предупредил Жора. — У тебя ведь, Грак, новый директор.

— Новый директор занят эвакуацией фирмы. Всю арматуру отправляет в Берлин, — заметил Хованский.

— А почему он повесил на стене мастерской объявление о наборе специалистов?

— Для дураков... Тех, кто приходит, сразу же отправляют на работы в Германию. Наш вахтер Милош сейчас всех «желающих» предупреждает. А ты, Иван, когда обратно? — повернулся Алексей Алексеевич к Зимовнову.

— Сегодня же подамся из Белграда... Нам стало известно, что в штаб Михайловича прибыла военная миссия США во главе с полковником Мак-Дауном. Американский эмиссар сказал Ванче Михайловичу: «Германия проиграла войну. Ни борьба четников, ни их отношения с немцами нас не интересуют. Ваша задача — сохранить престиж четника в народе. Я прибыл, чтобы вам в этом помочь. Через несколько дней, не позже четвертого-пятого сентября, вы получите очередную партию нашего оружия. Американцам не хочется выпускать из рук Югославию». — Зимовнов подошел к окну и отодвинул штору.

Весь сад был залит серебристо-молочным светом, отчетливо виден каждый листочек, отливает вороненой сталью каждая ягода на раскидистой сливе. Все словно застыло в волшебном, призрачном сне...

— «Луна спокойно с высоты Над Белой Церковью

сияет И пышных гетманов сады И старый замок озаряет. И тихо, тихо все кругом», — продекламировал Граков, заметив, что Иван залюбовался картиной освещенного луной сада.

— Спокойной ночи! Я пойду! — поднимая с колен и беря на руки сына, тихо и с затаенной грустью произнесла Зорица.

Все встали и подошли «к ручке», а она поцеловала каждого материнским поцелуем, словно прощалась навсегда, и, грустно улыбнувшись, вышла в сопровождении старика хозяина.

Проводив ее взглядами, все долго молча стояли.

— Вести о муже ты, Иван, привез Зорице добрые, — начал Жора. — А она все равно грустная... В чем дело? — И осекся, заметив, что никто не хочет поддерживать его разговор.

Они просидели до глубокой ночи, тихо переговариваясь. Зимовнов ушел часа за два перед рассветом, когда луна вдруг спряталась в густых облаках; и стало темно, в такой тьме удобно было пройти к окраине города.

5

Майор Попов считал эту ночь в своей жизни последней. Перед глазами всплывали близкие лица Зорицы, сына Ивана, которого еще не видел, но который представлялся ему мальчишкой-крепышом, таким, каким он помнил себя на фотокарточке. Как в тумане, вспоминались однокашники по кадетскому корпусу и морскому училищу, ныне стоящие и по эту и по ту сторону баррикад. Последних — без злобы, с каким-то сожалением вперемежку с досадой на себя, что и он виноват, не сумев на них повлиять. Промелькнули, как в калейдоскопе, патер Йоже, Анна Хорват, красавица Анджела, угощавшая его антоновкой... Аркадий даже ощутил во рту вкус только что сорванного с дерева яблока. И ему нестерпимо захотелось пить... Он уже потянулся к фляге...

«Нет! Осталось несколько глотков. Что ты будешь делать, когда взойдет неумолимо жаркое солнце? А тебе во что бы то ни стало надо прожить весь день, ну хотя бы до четырех-пяти вечера... Тебя наверняка будет искать Франё Клауз с эскадрильей... Ключевой бы водицы!» Проплыла картина далекого детства; невыноси-

мо жжет солнце, мучительно хочется пить. Он с отцом на заимке в донской степи. Идет жатва. Отец, устало опершись на косу, ласково на него глядя, говорит: «Нутека, Иваныч (он часто называл его Иванычем и даже Аркадием Ивановичем, хотя ему было шесть лет), сходи, милок, принеси водицы с кринички. Что-то упрел я совсем...»

Аркаша хватает корчагу и бежит со всех ног, бежит... Но отец давно уже убит французским патрулем в Турции; нет и названого отца, генерала Кучерова... он один среди пустыни... А солнце уже поднялось, отгоняя ночную прохладу, и его лучи, Аркадий хорошо это знает, станут немилосердно жечь, тело покроется потом, нестерпимо заболит голова, мысли будут путаться...

Он сжал кулаки, напряг волю: «Надо отвлечься! Значит, так — в Ливии, возле городка Бенгази, сформирована первая и вторая югославские эскадрильи, состоящие из шести «Спитфайеров У» и семнадцати устаревших «Харрикейнов МК IV». Каждый день, не зная усталости, они летают. Так было и вчера утром. Правда, и начальник техслужбы Лолич, да и летчики тоже поглядывали опасливо на пурпурные облака на горизонте. Такие они видели впервые. Тем не менее задание получено. Все уселись в машины, тучи пыли сплошь окутали аэродром, и самолеты взлетели в небо, уходя от мчавшегося самума.

И как раз в тот момент, когда их командир Франё Клауз дал команду свернуть на юг, на них двинулась стеной огромная темная туча.

— Полный газ! Быстрее наверх! — раздается команда Клауза.

Но поздно... Самум быстрее... Тяжелое облако окутывает эскадрилью. Песок прилипает к ветровым стеклам, скрывая кругозор. Моторы дрожат от напряжения, отказывают приборы; пилоты, теряя ориентацию, предоставлены власти стихии... и своему умению, крепким нервам, а главное... счастью.

Ураган гнал их все дальше в пустыню. Потом заглох мотор, самолет швырнуло на бархан... Аркадий ударился обо что-то головой и потерял сознание... Придя в себя, он потянулся за флягой, отпил два-три глотка, потом достал индивидуальный пакет, перевязал рану на голове, отворил люк и спрыгнул на землю... Ветер утихал, но его порывы все еще крутили песок.

На востоке темнела, отливая пурпуром, грозная песчаная туча пронесшегося самума...

Погрозив в небо кулачищем, Аркадий оглядел врезавшийся в бархан левым крылом «спитфайер», покачал головой и, похлопывая ладонью по фюзеляжу, пробормотал: «Вперегонки с диким самумом нас понесло. Что сейчас будем делать? Угораздило же тебя крыло сломать! Вот и остались мы с тобой наедине с пустыней!»

Вторые сутки мается он без воды, ожидая, что кто-нибудь из товарищей при облете заметит его с воздуха.

Солнце стоит уже над головой и палит немилосердно. Все вокруг замерло от зноя. Трудно дышать. Раскаленный воздух обжигает легкие.

— Знаю, сука-смерть, ты уже близко, но я могу еще дать тебе по зубам! — шепчет, едва шевеля запекшимися губами, Аркадий и закрывает глаза... Он задыхается... в померкшем мозгу черной молнией сверкает: «Опять закапывают!» — и рокот приближающегося мотора кажется ему гулко осыпающимися на его гроб комьями...

Не прошло и недели после того, как летчики эскадрильи нашли Аркадия на песчаной дюне неподалеку от его «спитфайера», он снова сел за штурвал и в бреющем полете носился над африканской пустыней.

* * *

На свое 24-е, последнее боевое задание Аркадий Попов вылетел 16 октября 1944 года. На бортах его «спитфайера» большими буквами было написано:

«МСТИТЕЛЬ ЗА 5 НАСТУПЛЕНИЕ!»

Мститель за восемь тысяч бойцов, командиров и политкомиссаров, в большинстве коммунистов и комсомольцев, павших в ожесточенной и неравной битве в долине реки Сутьески в мае 1943 года. Эта битва — одна из наиболее ярких страниц в истории освободительной борьбы югославского народа.

Шесть раз в этот хмурый день он возвращался со своим звеном на аэродром на острове Вис, чтобы заправиться, взять бомбы, пулеметные ленты и снова лететь к берегам Адриатики, где шло передвижение немецких частей.

В три часа дня «Мститель» во главе четверки «спит-

файеров», пролетев над морем, свернул к Дубровнику и направился к Билече. Аркадию почему-то захотелось повидать старую крепость, кто знает, не в последний ли раз? Он был, как все летчики, суеверен и часто действовал под влиянием импульса. Пришли на ум кадеты-однокашники, добрый друг, духовный наставник Алексей Алексеевич Хованский, давший ему «путевку в жизнь». Помахав над крепостью приветственно крыльями, Аркадий повел свое звено к городу Метковичи.

Небо темнело. Тучи сгущались, с гор наползал туман. Напрягая зрение, летчики спускались все ниже. Неподалеку от городка Слане на шоссе появилась серая лента танков, самоходных орудий, грузовиков...

— За мной, соколы! — скомандовал Аркадий. Бомбы полетели вниз, и он увидел, как перевернулся огромный танк и его тотчас охватило пламя. Пехота беспорядочно стреляла, кидаясь по укрытиям, а летчики строчили по ней из пулеметов. И снова голое, безлюдное шоссе...

— За мной! — Сделав мертвую петлю, Аркадий повернул обратно. Он видел, как поднимались стволы орудий и вылетало пламя из черных жерл зениток.

— К морю!

Это была последняя команда командира звена. Летчики свернули в сторону и ушли из зоны огня. А ведущий «спитфайер» майора Попова устремился сквозь заградительный огонь на батарею...

Девять шрапнелей, девять смертоносных картечин впились в его тело, и каждая несла смерть! На какое-то мгновение Аркадий выпустил штурвал из рук, еще секунда-две — и самолет врежется в скалу. «Нет! Это не по-большевистски! Так Хованский не поступил бы!»

Силой воли, преодолевая предсмертную агонию, Аркаша вывел самолет из пике, и, описав в небе странную параболу, «Мститель» устремился на врага... В блеске громоподобного взрыва навсегда исчезли длинное немецкое орудие с его расчетом и «спитфайер» с его пилотом. Аркадий этого уже не видел и не знал: он умер в воздухе.

* * *

Граков съездил в Земун и побывал у Георгиевского. «Маг» не только дал согласие возглавить и сформировать подпольную группу НТС в Югославии, если ее

займут советские войска, но и связаться с английской разведкой и устроить встречу эмиссара НТС с одним из резидентов Интеллидженс сервис в Швейцарии.

Перед отъездом в Берлин Граков зашел к Хованскому попрощаться. И они вместе с Черемисовым и Буйницким отправились на вокзал.

Хованский крепко пожал его руку:

— Спасибо, Александр Павлович, от имени Советской Родины — спасибо! С вашей помощью руководство НТС дискредитировано. Их участь решена. Такие никому не страшны...

Граков пристально глянул на Хованского:

— Неделю назад капитулировала Румыния и выступила против фашистской Германии, вот-вот это сделает Болгария. Через месяц-два будет освобождена и Югославия. Скажите, Алексей Алексеевич, вы останетесь в Белграде или уедете на Родину?

— Устал я, Саша. — Алексей первый раз назвал его Сашей. — Меня тянет домой... Но...

— И вас там ждут! — не утерпел Граков. — И какая женщина!

— Да, меня там ждут, — согласился Алексей Алексеевич и подозвал разгуливавших по перрону Черемисова и Буйницкого: — Решайте сами, кто останется здесь, а кому лучше возвращаться в Советский Союз. Вы и здесь можете много сделать для нашего Отечества.

Грустное получилось расставание...

А на третью ночь, это было в пятницу 8 сентября, в квартиру Хованского постучали чужие. Постучали требовательно, настойчиво:

— Гестапо! Полиция! Отворите!

Алексей Алексеевич кинулся к тайнику: вделанный в стену шкаф мягко отошел в сторону, открывая выход на балкон; оттуда Хованский спрыгнул на крышу, мягко, бесшумно, так что стоявший на крыльце, ведущем в квартиру Черемисова, гестаповец ничего не услышал. Не услышал еще и потому, что в этот момент заревели сирены воздушной тревоги и почти одновременно залаяли зенитки. Началась бомбежка. На улицах ни души, попрятались и давно уже обленившиеся патрули...

В небе повисла осветительная ракета и под нарастающий гул летящих самолетов, в высоком зловещем тембре завыли бомбы: одна, другая, третья... Алексей

пробежал по крыше, спрыгнул в какой-то дворик и кинулся в подворотню большого шестиэтажного здания. И в этот миг земля дрогнула под ногами, раздался оглушительный взрыв...

«Неужто в мой дом угодило? Посмотреть бы...»

Через час он был уже на Карабурме.

На условный стук ему отворил Жора Черемисов. Ни он, ни Буйницкий уже трое суток не показывались у себя: за их домом велось наблюдение.

— Не такой Берендс человек, чтоб оставаться в долгу, — заговорил Буйницкий. — По его «совету» немцы и наблюдение установили.

— Хоть раз американцы сотворили доброе дело: тюкнули гада и вас спасли, Алексей Алексеевич! Интересно, как там наша хата? А ты, — Черемисов обратился к Буйницкому, — вскипяти-ка чайку да завари покрепче.

Буйницкий принялся разводить примус, поставил чайник на огонь, достал чашки и обратился к Хованскому:

— Я позавчера вечером встретился с Ирен Берендс. Она рассказала, что начальник мужа, тот самый, который говорил гадости о «божественном» фюрере, арестован. Она предупреждала, что сейчас Людвиг Оскарович в панике, способен на неосмотрительные действия. Ирен даже просила спрятать ее куда-то на время. Она просила о встрече с вами. Но вы не велели к вам приходить, поэтому я не знал, как быть.

— Завтра, верней, уже сегодня ты, Николай, на своем велосипеде проедешь мимо нашего дома и поглядишь, задела ли его бомба? И если да, то как? Наблюдение за моей квартирой велось из окна противоположного дома. Снято ли наблюдение? Попробуй установить. А ты, Жорж, пойдешь на свидание с Ирен, я буду тебя страховать и, может, сам к ней подойду.

Буйницкий перебил Хованского:

— Я пообещал встретиться с Ирен в одиннадцать на Ташмайдане, у Марковой церкви, там есть старинный потайной ход, который нам Станенкович показывал... Я съезжу в десять сначала на Кнеза Милоша, а оттуда подкачу на Ташмайдан, — горячо заговорил Буйницкий.

— Хорошо, Николай, обговорим план действия. Подойдем к Ирен с трех сторон...

В назначенное время все трое находились на зара-

нее установленных местах и ждали прибытия Ирен. Она появилась возле угла церкви ровно в одиннадцать. Но была чем-то возбуждена, оглядывалась, бегала с места на место.

— Берендс домой не пришел, — заговорила она быстро, как только к ней приблизился Хованский. — Мне рано утром позвонил его новый начальник и объявил: «Ваш муж при исполнении служебной операции попал под бомбежку. Жив ли он, не знаем. Разыскиваем. Возможно, он в подвале, который завален и раскапывается. Потом он расспрашивал меня о вас, Алексей Алексеевич. И предупредил, чтобы я не выходила из дома. Но я сразу же покинула дом и с тех пор брожу...

— Людвиг Оскарович, по-видимому, погиб, — задумчиво произнес подошедший Буйницкий. — Дом, где он находился, разрушен бомбой полностью. Взрывная волна вышибла окна даже в домах напротив. А наша хибара чудом уцелела.

— Езус и санта Мария! — Ирен перекрестилась несколько раз. — Узискал то, чего хцял!

— Не рой чужому яму! — выходя из-за угла церкви, заключил Черемисов. — Карамба!

Ирен с ужасом отшатнулась от него.

— Вам, Ирена Львовна, дома показываться больше нельзя! — обратился к Ирен Хованский. — Уезжайте из Белграда, скажем, в Стару Пазову, это четвертая остановка по железной дороге в сторону Нового Сада. Адрес я вам дам...

— Как? Сейчас и ехать? У меня с собой ничего нет! — Она потрясла кожаной сумкой. — В ней только самое ценное...

— Спасайте свою жизнь, Ирена Львовна, — произнес строго Хованский. — Дня три поживете на конспиративной квартире. Вас будут искать на старой квартире, подстерегать на вокзале. Вы знаете! Потом Николай Буйницкий сопроводит вас в Стару Пазову.

Лицо Буйницкого вытянулось, он промолчал. В Старую Пазову по поручению Алексея Алексеевича он уже ездил еще в начале войны к местному богачу свиноторговцу и отвозил туда записку директора фирмы «Сименс» англичанина Меррилиза. На записке была одна буква К. Плотный, самодовольный Арсо Йованович снисходительно небрежно взял ту записку и вдруг весь преобразился — вежливо, даже почтительно и услужливо пригласил Николая в дом. А затем благо-

даря его помощи была налажена связь с рядом интересных для дела лиц.

— А ты, Георгий, — обратился Хованский к Черемисову, — сейчас отведи Ирену Львовну на Баба-Вишнину улицу, познакомь с соседкой и расскажи в общих чертах, что ей придется делать в Старой Пазове. Завтра я зайду. Скучать вам, милая Ирена, не дадим. Уже недолго осталось ждать, немцы пакуют свои вещи! Еще грабят кого придется...

— Я слушала вчера радио. В приказе НОАЮ говорилось, что войска 2-го Украинского фронта вышли на румынско-югославскую границу. Что будет с нами, если красные придут сюда?

— Надо вам, Ирена Львовна, понять, на чьей стороне правда! Кто спасает человечество от коричневой чумы? В том числе и ваше отечество — Польшу! — сказал Хованский.

— Да кто же вы, Алексей Алексеевич? — выдавила Ирен, бледнея. — Людвиг уверен, что вы агенты Си-ай-си...

— Мы русские! Карамба! — рыкнул Черемисов.

— Людвиг Оскарович был странным в последнее время и рассказал мне много такого, что я не поверила, — вдруг заплакала Ирена.

— Завтра, Ирена Львовна, вы поплачете вдоволь, а сейчас нельзя... Пора уходить...

Уже на третий день стало известно, что Людвиг Оскарович действительно погиб под развалинами, когда пришел арестовывать Хованского.

Со слезами и с тоской, совершенно потерянная, Ирена Львовна рассказала Хованскому: за несколько дней до своей гибели Людвиг Оскарович, словно чувствуя приближающийся конец, стал с ней откровенничать.

— Вначале он речь вел о двуликом адмирале Канарисе. Еще в середине сорок второго года, когда положение адмирала пошатнулось, тот задумал превратить отдел под руководством Гелена в своего рода запасную позицию абвера. Хитроумный «Кикер» решил наделить этот отдел всеми видами разведывательной работы: политическим, экономическим и военным шпионажем, саботажем и диверсиями, «психологической» войной и подбором кадров. Он хотел создать как бы «маленький абвер». Договоренность эта получила и свое название — «Концепция Воронино». Выходило,

что отдел Гелена давал отчет не Гитлеру и вермахту, а только генштабу и самому Канарису. Канарис готовился к сепаратному сговору с Западом. И отдел Гелена, получивший в свое распоряжение архив абвера, касающийся агентуры в Восточной Европе, и данные о проведенных на советской территории операциях, являлся бы настоящим козырным тузом. Вот так рассказывал Людвиг.

В последнее время муж очень много пил и сравнительно быстро пьянел, становился болтлив... — продолжала Ирена Львовна. — Он говорил: «Главным козырем Канариса было то, что он, Канарис, был единственным лицом, с кем англичане и американцы согласились бы вести переговоры. В разговоре с Кальтенбруннером в Флоссенбурге адмирал, ссылаясь на свои международные связи, обещал «походатайствовать» за Кальтенбруннера и Гиммлера на Западе. Но если Канарис был приемлемой фигурой для некоторых деятелей Англии и Америки, то для главарей «третьего рейха» он оценивался в «рамках всего заговора» как враг № 1»...

— Скажите, а почему Людвиг Оскарович после длительного со мной сотрудничества задумал выдать меня немцам?

— Он меня в это не посвятил, — покачала головой Ирен. — Людвиг был уверен, что вы агент Си-ай-си. Шеф Берендса майор «Кригсорганизацион Абвер цвай» в Югославии фон Гольдгейм поручил Берендсу искать связь с Си-ай-си. Тогда, как я поняла, за вами была установлена слежка: все собранные данные подтверждали вашу связь с партизанами Тито и с «Союзом советских патриотов». Постфактум Людвиг Оскарович узнал, что в вашу конспиративную квартиру попала бомба, а спустя неделю ему все-таки удалось через штаб четников Михайловича связаться с американским резидентом. Там он убедился, что вы к Си-ай-си отношения не имеете, и задумал от вас избавиться. Правда, последнего он мне не говорил...

— Почему же вы, Ирена Львовна, не предупредили меня? Мы ведь условились!.. — нахмурился Хованский.

— Хотела назначить с вами встречу на другой день, я не придавала значения его пьяной болтовне. О вас он не обмолвился ни словом... речь шла об абстрактном человеке. Я заподозрила неладное, когда поздно вечером, уже уходя, он сказал: «Фортуна отворяет зал... Сегодня ты, а завтра я! Мой милый князек!» И я сразу подума-

ла о вас, Алексей Алексеевич, сердце подсказало... Он взял свой кольт, ввел в ствол патрон и ласково приговаривая: «Ну, Коленька, не подведи», сунул в карман. Я спросила, куда он уходит так поздно. А он только отмахнулся. Потом за ним пришла машина. Вот и все, что я знаю...

Хованский вздохнул, задумался.

— В Старой Пазове свиноторговец Арсо Йованович — английский агент. Вы тоже работали на Интеллидженс сервис — найдите с ним общий язык. Постарайтесь узнать, какие переговоры ведут с ним главари «Охранного корпуса» и «Туркуловцев». Есть данные, что представитель последних, князь Долгорукий, пытается наладить с Западом связи. С вами поедет Буйницкий. Это человек смелый, сумеет вас защитить.

Уходя, Хованский подумал: «Совсем растерялась. Но работать еще будет. Напугана смертью Берендса и всей вакханалией фашизма!..»

Через несколько дней от Хованского в Центр ушло очередное донесение:

«15.9.44. ГРАФУ. В настоящее время в Югославии оккупационные власти контролируют стратегические пункты, шоссейные магистрали. Войска снабжены тяжелой артиллерией, танками, авиацией и численно превосходят НОАЮ. Группа фашистских армий «Ф» насчитывает 200 тысяч солдат. Воинских, казачьих, шюцкоровских и прочих квислинговских частей, включая четников и ванчомихайловцев, 230 тысяч человек. Кроме того, на северо-востоке дислоцировались две дивизии венгерских фашистских войск. Настроение у них подавленное. Народ в любую минуту готов подняться против ненавистного врага. ИВАН».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

КРЫСАКИ

Прошедшего житья подлейшие черты.
Грибоедов

1

Берлинский поезд, то и дело спотыкаясь, медленно приполз с опозданием на Силезский вокзал.

Глядя глазами художника в окно на разрушенные дома, церкви, поваленные памятники, Граков с грустью отметил: «Как быстро все уничтожено! Сотни лет строить — один час разрушать... Почему? Какие темные силы в людях?»

На привокзальной площади он спустился в Убан (подземку) — единственное надежное место, куда прятались от бомбежки жители города, проехал несколько остановок и, выйдя, подняв ворот плаща, надвинув на уши кепку, проклиная Майковского и октябрьский дождь, долго шагал в сторону Бритцештрассе.

Шеф русского отдела «Комет» жил в большом громоздком кирпичном доме, окруженном такими же унылыми строениями с приземистыми трубами и высокими крышами, откуда сползал в ущелье улицы густой вонючий черный дым, отчего першило в горле.

Прежде чем отворить дверь, Вадим Майковский по-

смотрел в глазок, зазвенел цепочкой, щелкнул замком, и наконец массивная фигура хозяина в халате появилась на пороге.

— О, Граков! — сделал приветственный жест; лицо Вадима Семеновича и вся его фигура выражали ожидание, настороженность и даже подозрительность. — Промокли? Раздевайтесь, ставьте сюда свой чемодан. Как съездили? Благополучно? Повидались с Георгиевским?

— Всех видел: и Георгиевского, и Хорвата, и Позэ. — Граков разделся, повесил мокрый макинтош на вешалку, вытащил из внутреннего кармана два конверта и протянул их Майковскому: — Вот письмо от «Мага», а это от Хорвата...

— А кто такой «Маг»?

— «Магом» в НТС зовут Георгиевского, это его кличка: «Михаил Александрович Георгиевский», то есть МАГ.

— О! Немедленно едем на Александерплац к Эбелингу. Сделаем фотографии и просветим, а потом дадим расшифровать. Оставьте свой чемодан у меня, мы вернемся, сегодня вы к Байдалакову не поедете.

Майковский засуетился, вызвал по телефону машину, забегал по просторной квартире, наконец сбросил халат, отворил дверцу шкафа и стал одеваться в офицерскую форму.

В приемной Эбелинга было много народу, однако красивая белокурая девушка-секретарь при виде Майковского понимающе и кокетливо кивнула, тотчас проскользнула за дверь в кабинет шефа и скоро объявила, что Эбелинг их ждет.

Тот в новеньком черном мундире, стоя на ковре у дверей, ожидающе глядел на Гракова.

— Мой гауптштурмфюрер, наш новый сотрудник Александр Граков, великолепно говорит по-немецки, — заискивающе объявил Майковский. — Он выполнил задание, привез письма, их остается расшифровать. Наши подозрения подтверждаются: Байдалаков налаживает связь с Интеллидженс сервис.

Указав жестом на стулья, Эбелинг прошелся, поскрипывая сапогами по кабинету, с высоты своего огромного роста поглядывая на Гракова, наконец опустился в кресло спиной к висевшему на стене портрету фюрера.

Граков подробно рассказал о свидании в Земуне

с Георгиевским и высказал предположение, что ключом к шифровке писем, по-видимому, является какое-то стихотворение Гумилева из цикла «Серый жемчуг»; подробно описал свою встречу в Братиславе с Хорватом и Позэ. И тут же, вынув блокнот, карикатурно изобразил последних и протянул листок с рисунком Эбелингу.

— Похоже! Вы, оказывается, художник, — похвалил Эбелинг, — но почему вы предлагаете сначала заняться Хорватом?

— По интуиции, — скромно опустил глаза Граков.

Чистый берлинский выговор и эта интуиция, на которую так уповал сам фюрер, понравились Эбелингу.

— Что ж, будем их брать... — и, уточнив еще кое-какие вопросы, милостиво протянул руку: — Благодарю вас, господин Гракофф, вы истинно преданы фюреру!

Покинув кабинет Эбелинга, Майковский пригласил Гракова поехать в ресторан. И они до глубокой ночи просидели за бутылкой коньяка. Шеф русского отдела «Комет» притворился эдаким рубахой-парнем, желая вызвать на откровенность своего собеседника. И тот «откровенничал», внимательно изучая собеседника...

На другой день Граков поехал к себе домой. Несколько месяцев назад он переселился из квартиры Байдалакова на улицу Орденсмайстерштрассе — неподалеку от конспиративной квартиры НТС. Только к полудню он зашел к Байдалакову на Нюрнбергштрассе. Тот разглядывал его с усталым видом. Взял письмо, бегло расспросил о встрече в Братиславе и тут же, сославшись на необходимость заняться расшифровкой, выпроводил Гракова за дверь, бросив на ходу:

— Приходи вечером, все соберемся и обсудим.

Уходя, Граков думал: «В самодовольном лице нашего вождя появилась не то усталость, не то разочарование. Видимо, он знает, что Позэ допрашивали в гестапо о его беседах с профессором Ильиным в Швейцарии. Чувствует надвигающуюся опасность? Или кого-то ждет? Интересно!»

Больше не раздумывая, Граков прошел в сквер, откуда был виден дом, где жил Байдалаков, и стал наблюдать.

Из болтовни Майковского ясно, что началась драчка между гауптштурмфюрером Эбелингом, который хочет выслужиться, разоблачив НТС в предательстве Германии, и гауптштурмфюрером Вольфом, который на-

деется сожрать Эбелинга, защитить «солидаристов» как весьма полезную немцам организацию.

Через полчаса к подъезду дома, где жил Байдалаков, подкатили две машины, из нее выскочили люди в гестаповской форме и оцепили дом. Четверо быстро двинулись к двери. «Неужели Байдалакова сейчас арестуют? — удивился Граков. — Что случилось?»

Понаблюдав еще минуту-другую, он шмыгнул в сторону, за угол здания и вскоре позвонил Майковскому. Тот насмешливо объяснил, что в РСХС сочли необходимым прекратить преступную деятельность большего числа активистов НТС: арестовано девяносто человек. Но это еще не все...

Несколько часов спустя Граков узнал: из руководителей НТС не арестованы Околов, Заприев, Столыпин, Романов-Островский, Трухин, Казанцева, Родзевич и Ширинкина. «А не возьмут ли они и меня?» — засомневался Граков. Через три дня по телефону ему позвонил Околов:

— Ты меня не знаешь, — начал предупреждающе Околов, хотя Граков сразу узнал его по голосу. — Кто-то нас провалил... Через пять дней встреча на запасной...

«Он мне доверяет», — отметил Граков. Было ясно, что Околов прибыл в Берлин тайно из Австрии и, воспользовавшись арестом Байдалакова, смело взял на себя руководство исполбюро НТС.

В назначенный день Граков пошел, теперь уже тайно от Майковского, на конспиративную квартиру и, соблюдая все предосторожности, юркнул в подъезд. Собрались энтээсовцы в той же большой комнате с окнами, выходящими на кладбище; Граков отметил, что явились лишь доверенные Околову люди... Георгий Сергеевич сидел во главе стола и властно предложил избрать новый состав исполбюро. Преданные ему лица тут же избрали Околова председателем. Георгий Сергеевич, поблескивая своими очками-пенсне, заговорил о необходимости изменения политического курса НТС; предложил всем «солидаристам» срочно перебираться в те районы Германии, которые предположительно займут войска США и Англии; рекомендовал энергично искать контактов с Интеллидженс сервис и Си-ай-си. Затем, обратившись к Заприеву, безапелляционно потребовал выехать в Гамбург, используя свое болгарское подданство, получить визу на въезд в Швейцарию и

там через Ильина искать встреч с англичанами и американцами.

«Вот это настоящий крысак. Чуть проголодается, сожрет любого сподвижника, — думал Граков, глядя на Околова и слушая его речь. — И морда у него крысиная, и он гордится, что крысак!»

Вечером Граков позвонил Майковскому и проинформировал, что Заприеву поручено уехать в Швейцарию через Гамбург.

Спустя несколько дней в Гамбурге был арестован Заприев. У него обнаружили шифровку Околова. Теперь немецкая машина заработала уже сама собой, и, несмотря на сопротивление Вольфа, возвращавшийся в Австрию Околов был по дороге снят гестаповцами с поезда и доставлен в Берлин.

Началось следствие. Его вели Майковский и его дружок по Киеву, юрист по образованию, Сергей Гаврик. На допросах часто присутствовал Эбелинг. Однако по мере накопления материалов выяснялось, что у Байдалакова и Околова слишком крепкие связи с членами имперской безопасности. Попытки НТС подготовить себе путь к бегству с тонущего корабля вовсе не означали измену немцам, тем более что исполбюро не имело намерений заставить своих «солидаристов» работать против «третьего рейха». Гиммлер, формируя «эйнзатцгруппы», наряду с головорезами из СС, СД и гестапо включал в них проверенных на деле агентов, главным образом из НТС, сделав эти отряды карательными...

Эбелинг выходил из себя. Майковский, беседуя с Граковым в пивной, жаловался:

— Эбелинг требует каких-то зацепок. Почему, скажем, люди, подготовленные НТС, оказались изменниками и трусами? Был случай, когда диверсанты из лагеря Вустрау повели себя предательски! Как и у вас в Витебске...

— Если бы мы с вами попали в партизанский край к «батьке Минаю», то и мы, вероятно, повели себя не лучшим образом! Так что увы!..

— На допросах энтээсовцы лгут, выкручиваются, валят вину друг на друга. Поремский предложил убрать Байдалакова и Околова, считая их политическими трупами, от которых идет только зловоние, отстранить таких активистов, как Заприев, Ольгский и Брунст и тем оздоровить ряды сотрудничающих с немцами «солидаристов». Чем ты можешь помочь?

Граков отпил пива, пожал плечами.

— Чем помочь? А вот: мне стало известно секретное решение совета использовать бригаду Каминского не в интересах «третьего рейха», а как источник добывания средств...

Майковский, выпив остатки пива, ударил кружкой об стол:

— Доложить об этом Эбелингу?

— Советую! — кивнул Граков. — Эбелинг, насколько я понимаю, хочет это дело закончить поскорее, и в свою пользу. Иначе ему грозит отставка! — попыхивая трубкой, Граков помолчал. — Для нас это тоже чревато...

— Мне категорически запрещено применять к ним, кроме перекрестных допросов, иные меры воздействия! — опьянев, взвизгнул Майковский. — И все арестованные об этом откуда-то знают. Наверное, им передали люди гауптштурмфюрера Вольфа! Он всецело на их стороне и хочет устранить Эбелинга! Ну! Что посоветуешь?

«Еще один крысак! Схватились крысаки! Сколько их?!» Граков невозмутимо курил трубку...

2

17 октября 1944 года в Берлине, как и всегда после бомбежки, было пасмурно. Город затянуло дымом и пылью, потом откуда-то наползли тучи и заморосил дождь. А налеты участились. Американские «летающие крепости» все чаще «утюжили» восточную часть города и беспрепятственно сбрасывали свой смертоносный груз, казалось, хотели превратить все в руины. Жители со страхом ждали развязки. Наплывавшие с востока свинцовые тучи напоминали о поражениях на русском фронте и неотвратимом возмездии...

Аркадий Петрович Столыпин нетерпеливо расхаживал в ожидании гостей по кабинету в бывшей квартире Байдалакова на Нюрнбергштрассе, 26 и уже в который раз обдумывал создавшееся положение: «Столько надежд возлагалось!.. И вот... военный крах Германии... А теперь еще и аресты руководства исполбюро!.. Ах, как Байдалаков ошибался! Давно следовало наладить связь с англичанами или американцами. Упрямый осел Гитлер уперся и не желает менять тактику и стратегию войны, не слушает советов генштаба и не желает отка-

заться от своей маниакальной идеи о высшей арийской расе и «юберменше», о неполноценности славян и особом предназначении немцев в этом мире! А с другой стороны, как Гитлеру отказаться от своей политики? Кто пойдет с ним на сепаратный мир? Да и немцы озверели и все еще смотрят на другие народы свысока. Аресты, расстрелы, газовые камеры, лагеря смерти... Остается повиноваться фюрерам, исполнять сверхволю Гитлера! Но Гиммлер, Шелленберг, Кальтенбруннер, Вольф, фон Тресков, Штрик-Штрикфельд понимают, что без помощи нас, русских, большевистскую систему им не уничтожить! В воздухе носится идея сепаратного мира без фюрера, Геббельса и борова Геринга...»

Настольные часы пробили десять. В передней прозвучал звонок. Аркадий Петрович услышал, как его секретарь Китайсков снял цепочку, отворил дверь и громко, чтобы он слышал, сказал:

— Здравствуйте, Александр Павлович, я вас приветствую, Федор Иванович, здравствуйте, Казанцев! Раздевайтесь, пожалуйста...

Услыхав голос Федора Ивановича Трухина, Столыпин поспешил в прихожую и, улыбаясь, протянул обе руки генералу:

— Рад вас видеть, очень рад! Милости просим! Проходите, господа! — обратился он к Александру Павловичу Гракову и Казанцеву. — Прошу вас, — он сделал широкий жест, — усаживайтесь поудобнее.

Заговорил Трухин:

— Надежды на создание русской армии нет... Во многом виноват Розенберг. Мне рассказывал начальник организационного отдела полковник генштаба граф Штуфенберг: еще двадцатого апреля сорок первого года на приеме у Гитлера по случаю его дня рождения, когда гости расходились, Гитлер предложил остаться Герингу, Розенбергу и министру Ламмергу. Фюрер сказал Розенбергу: «Я думаю вас назначить рейхсминистром восточных областей, которые займет наш вермахт. Вы станете территориальным министром и за двумя только исключениями будете независимы в своих распоряжениях от каких-либо других министров или партийных отделов. А именно: это касается Геринга, которому потребуется большое количество рабочей силы в занятых восточных областях для проведения его четырехлетнего плана, и Гиммлера, которому поручено справиться с большевистским аппаратом, для чего требуется беспощадная рука.

Ожидаю вашего точного плана работы». — Трухин откашлялся и продолжал: — Девятого мая этот план Розенберг представил: «Если мы теперь уничтожим только большевизм и оставим Россию как государство, то опять возникнет опасность появления мощной русской державы. Чтобы предотвратить эту опасность, следует раздробить территорию России, отделить все окраинные народы — украинцев, белорусов, кавказцев, туркестанцев. Мы должны их колонизировать или держать в германской сфере влияния. Мы построим защитную стену против русских, которых отделим от Европы и притиснем к Сибири.

Занятые восточные области будут разделены на пять губерноманов...»

Тут снова в квартире раздался долгий звонок. Китайсков направился отворять дверь. Из прихожей послышалось его восклицание:

— Татьяна Андреевна?! Что случилось? Вы к Аркадию Петровичу?

— Это мадам Шитц, — предупредил всех Граков. — Ее муж Николай Шитц сотрудничал в Киеве с Эбелингом и Майковским. Оба они нам очень пригодятся... Я приглашу ее, а? — И по молчаливому согласию собравшихся вышел в прихожую и вскоре вместе с Татьяной и Китайсковым появился в кабинете.

— Ой, простите, что ворвалась непрошеной, но у меня серьезная новость, — извинялась Татьяна, кокетливо вертясь в своем модном голубом платье, чтобы все ее видели. — Вчера Коля встретился с Майковским. Тот сказал, что следствие затягивается и по мере поступления сведений дело уходит в песок. Кто-то из верхних немецких чинов вмешивается в следствие с целью облегчить участь лидеров НТС. По словам Майковского, ему не позволяют допрашивать видных деятелей из «Комитета освобождения народов России», которые почти сплошь являются агентами гестапо и абвера. Вы слышали?

— Спасибо, Танечка, за добрые вести, будем надеяться, что немцы образумятся, — заговорил Столыпин. — Я очень опасался за жизнь арестованных. Желая расчистить атмосферу, сознавая опасность своего положения, разведывательные органы Германии сейчас подозревают всех и каждого в антинемецкой деятельности, арестовывают правых и виноватых. — Столыпин

подтянулся, застегнул на вторую пуговицу свой двубортный черный костюм, расправил плечи, стараясь походить на Байдалакова.

«Ты не знаешь Гумилева, а то прочитал бы на манер Байдалакова из «Старого конквистадора»: «Как всегда был дерзок и спокоен. И не знал ни ужаса, ни злости, Смерть пришла, и предложил ей воин Поиграть в изломанные кости», — думал Граков, наблюдая за Столыпиным. — Если Байдалакова не выпустят, то тебя Околов тут же сожрет и сам станет председателем». И продолжал делать набросок портрета Столыпина, который чем-то неуловимо походил на Байдалакова и Околова одновременно; отложив блокнот, сказал:

— Интересно, как там наш «Маг»? Радио передавало — сегодня началась операция по захвату Белграда. Наступление осуществляется через массив Восточно-Сербских гор с выходом в Моравскую долину. Одновременно войска Тито с боями продвигаются к Нишу.

— Там они столкнутся с «Шюцкором» генерала Штейфона и казаками Шкуро, которые согласно распоряжению Гиммлера вольются в РОА, — приосанясь, заявил генерал Трухин. — Бригада Каминского тоже переходит в наше распоряжение. Ею будет командовать Буниченко.

— Разве там и Шкуро? — удивился Казанцев.

— Да, да, — замялся Трухин, — выработан план, по которому все наши части будут оттянуты на юго-восток, чтобы соединиться с казачьим корпусом, которым фактически командует генерал Гельмут фон Панвиц, с Русским охранным корпусом и украинскими частями под командой генерала Шандрука, а также с сербскими четниками Михайловича, хорватскими домбранами и усташами.

— Красной Армии будет от них жарко, — сказал Граков, но тотчас, чтобы скрыть притворство, сменил тему разговора: — Где сам Каминский? Я слыхал, будто его бригада под натиском Красной Армии драпанула из Белоруссии вместе со всем награбленным скарбом, с женами, детьми...

Все осуждающе посмотрели на Гракова, только Трухин одобрительно закивал:

— Да, бригаду поначалу собирались отправить в Венгрию, но после восстания в Словакии, когда прекратилось всякое движение поездов, их оставили в Верхней

Силезии. Там она не задержалась долго. Когда были съедены все взятые с собой припасы и зарезан последний скот, гауляйтер Блох постарался как можно скорей избавиться от «русского сброда грабителей и насильников»! Да, да, господа, я нисколько не преувеличиваю.

— И это будет первая власовская дивизия на восточном фронте? — спросила с оттенком сарказма Татьяна Шитц.

— Увы, сейчас Гиммлер приказал отправить бригаду на усмирение Варшавского восстания, присоединив ее к бригаде СС «Дирлевангер» под общей командой обергруппенфюрера Бах-Зелевского, и я полагаю, дикие уличные бои бок о бок с эсэсовцами не подняли их моральный уровень. Их бандитизм пугал даже головорезов из СС. Зверские, не поддающиеся описанию пытки жителей, насилия, грабежи дошли до такой степени, что Гиммлер, опасаясь, что таким методом никогда не добьется капитуляции Варшавы, приказал арестовать Каминского, а его банду разоружить и отправить в Мюнзингер.

Все слушали Трухина с напряженным вниманием. В бригаде Каминского были их знакомые и друзья-энтэесовцы. На бригаду возлагалось столько надежд! И вот такой финал...

Трухин вдруг громко шлепнул себя по голенищу сапога:

— Все, что вы слышите, не подлежит оглашению. Это совсем не в наших интересах. А судьба Каминского такова: узнав о приказе Гиммлера, он бежал ночью в Карпаты на тачанке, однако южнее Тарнова был пойман и убит. При нем было найдено более сорока килограммов золота и драгоценностей... Хитрый начальник полиции Биркамп приказал представить смерть Каминского как следствие вооруженного нападения, чтоб окончательно не деморализовать остатки «каминцев». Освободив тачанку от багажа, туда бросили окровавленное тело бригадного генерала, пригласили несколько офицеров для опознания трупа Каминского... И «торжественно» похоронили...

— А куда делся Редлих?

— Сбежал на Запад! — вместо Трухина ответил Столыпин, украдкой бросив взгляд на генерала. — Нам тоже туда дорога...

3

Следствие по делу исполбюро НТС все больше запутывалось и заходило в тупик. Эбелинг торопил Майковского, а тот, не разбираясь в сложных эмигрантских интригах, все чаще обращался за помощью к Гракову. Шли месяцы... Наступил март...

Майковский пришел на квартиру к Гракову, на этот раз без предупреждения, в его глазах бегали недобрые огоньки. Выпив водки, начал без обиняков:

— Знаешь, военная обстановка на фронтах резко ухудшилась. Войска 2-го и 3-го Украинских фронтов провели Венскую наступательную операцию: разгромлено более тридцати дивизий вермахта группы армии «Юг», в том числе «Русский охранный корпус», только одному полку удалось уйти от преследования. Седьмого марта маршал Тито сформировал Временное народное правительство Демократической Федеративной Югославии. Советское правительство направило в Белград своего посла, — выпалил возбужденно Майковский, забегав по комнате. — Что же делать? Что делать?.. Угрожающее положение и в Прибалтике, вот-вот падет Кенигсберг... На западном фронте американцы и англичане форсировали Рейн! Ты понимаешь? Рейхсфюрер отдал распоряжение о разгрузке городских тюрем. Боится восстания...

Он бегал по комнате, хватаясь за голову:

— Что же делать? Что делать? Что?!

Граков полулежал на диване, не говоря ни слова.

— Ты что молчишь? — Майковский сумасшедшими глазами уставился на него: — Эбелинг распорядился всех арестованных членов НТС отправить в лагерь! А что еще остается? Иначе мы горим! А тут жены и родственники обратились к Власову с коллективной просьбой заступиться. Деятели из комитета наседают! Слыхал, будто Власов согласился написать письмо в Главное управление имперской безопасности, сославшись на свой разговор с Гиммлером, который обещал «не препятствовать консолидации русских»... И вроде Эбелинг договаривается с Вольфом... а меня на цугундер... Повесят! И тебя тоже, Грак! Ведь ты снабжал меня всей этой липой! — окрысился он вдруг.

Граков понял, что, если Майковский будет тонуть, он потянет его за собой.

— Какой еще липой? — стараясь показать полную невозмутимость, Граков не вставал с дивана. — Я не сомневаюсь, что Германия еще найдет силы и даст отпор Красной Армии.

Майковский еще быстрее забегал по комнате, страшно разозлился и закричал:

— Что ты мелешь, Грак?! Гитлеровцев бьют на всех фронтах! Скоро сюда ворвутся советские войска!.. Нас кто-нибудь да повесит... Если не фрицы, то красные...

«Уже «фрицами» величаешь», — думал Граков, попыхивая трубкой, и сердито сказал:

— Гитлер верит в победу! Ты паникуешь преждевременно! Сам же сказал, что фюрер призывает...

— Когда я это говорил? Ты что?! — совершенно озверел Майковский. — Если немцы выпустят Байдалакова, Околова и других, то они тут же с нами разделаются! Ты это понимаешь?! — И красное лицо Майковского исказилось гримасой, он упал на стул и... заплакал навзрыд. — Какое несчастье! Какое несчастье! Эбелинг тоже в панике... он палец о палец не ударит, чтобы выручить... Все на меня свалит!

— Не хнычь, как баба! — повысил голос Граков. — Придумаем, выкрутимся. Недавно я познакомился с одним человеком, он в случае чего поможет... — Граков лихорадочно соображал, что бы еще сказать Майковскому, чтобы только успокоить его... Дело принимало худой оборот, надо было сегодня или завтра бежать из Берлина или скрываться, поскольку, собственно, задание Хованского выполнено. Став консультантом Майковского, ведущего следствие по делу НТС, Граков охотно брался «советовать», читал кипы документов, знакомился с материалами допросов Байдалакова, Поремского, Околова; видел, что те на допросах не поддаются ни на какие уловки следователя, что у них у всех есть крепкие связи в верхах «третьего рейха» и они надеются выйти из-под ареста.

«Смотри только, какие сволочи, — уверял Граков Майковского, — Байдалаков искал сговора с англичанами, Околов награбил столько ценностей, увез их в Австрию и скрыл от «третьего рейха» и от исполбюро».

Майковский тупо кивал головой.

— Успокойся, завтра я познакомлю тебя с одним человеком. Никакие Власовы не помогут, — убеждал Граков. — А если даже Байдалакова, Поремского и Около-

ва выпустят из тюрьмы, то их пристрелят сами же «солидаристы». На место Байдалакова уже избрали Столыпина...

— Да? Ты в этом уверен? — обрадовался Майковский.

Едва выпроводив из квартиры совершенно ополоумевшего от страха Вадима Семеновича, Граков тотчас стал собирать вещи. Медлить было нельзя. Берлин был охвачен паникой, ужасом...

Была суббота, 31 марта 1945 года. Как он узнал, в Гамбург еще ходили поезда. Граков подхватил чемодан, вышел из дома... и потащился пешком на вокзал. Разрушенный, дымящийся, неузнаваемый Берлин, с заваленными грудами кирпича и камней улицами производил удручающее впечатление. Всюду царил хаос...

В Гамбурге предстояло передать материалы одному из резидентов Радо, знаменитого Радо, которого так лихорадочно, но безуспешно искали немецкие разведки и голос которого через таинственную радиостанцию «Дора» неизменно предупреждал обо всех секретных военных и политических начинаниях и планах германского рейха...

Умный, вдумчивый коммунист-немец, один из друзей и соратников Тельмана, встретил Гракова как старого знакомого и устроил на квартиру.

Река Альстер, неширокая, но быстрая, несла свои воды с гор через весь полуразрушенный Гамбург; в многочисленных садах и парках набухали почки деревьев, небо из бледно-серого стало голубым... И уставшие от бомбежек, голода и весенней сырости жители выходили порой на берег. Теперь в них, хозяевах некогда вольного ганзейского города, поднималась злоба и презрение к сумасшедшему фюреру...

Граков целыми днями бродил по мощеным брусчатым улочкам с характерными старинными постройками, где нижний этаж отодвинут довольно далеко вглубь сравнительно с остальными этажами и пристроенными к ним террасами. Любовался средневековыми церквами в стиле готики и бесчисленными мостами. Особенно ему нравилась колокольня церкви святого Николая; как ему с гордостью объяснили, вторая по вышине в Европе. Немцы преображались на глазах: некичливые, живые, разговорчивые, они нравились ему. Но особенно быстро и близко он сошелся с подпольщиками. Деловые и акку-

ратные, они просили его рисовать карикатуры на «вождей». И через несколько дней в подпольном листке появился первый графический «рассказ» в манере мультипликатора Диснея о том, «Как Гитлер поссорился с Герингом». А еще через несколько дней в город вошли союзные войска...

В воскресенье 29 апреля, когда Гамбург уже был занят союзниками, к Гракову в дверь постучали условным, как некогда в Белграде, стуком. Отворив дверь, он увидел на пороге Буйницкого.

— Откуда ты? — оторопел Граков. — И как ты меня разыскал?

— По поручению Алексея Алексеевича еду на Запад. Побывал в Берлине, заходил к тебе на квартиру, а тебя и след простыл! И понял, что надо сматывать удочки! Карамба! Как говорит Жора. Война заканчивается! Берлин окружен советскими войсками, Гитлер прокричал уже свою последнюю речь, грозился, подобно Фридриху Барбароссе, проснуться и прийти в трудную минуту «на помощь своему народу!». Помнишь сказание, будто Барбаросса вовсе не умер, а спит в Тюрингском замке и проснется, когда пробьет для Германии тяжелый час. Рыжая его борода проросла через каменный стол, изредка тряхнет он своей могучей головой и прислушивается: не носятся ли зловещие вороны над горою и не пришло ли время пробудиться? — весело заговорил Буйницкий.

— Ты как в воду глядел: а я нарисовал Гитлера в позе Барбароссы. — И Граков протянул товарищу эскиз.

— Вот это да! — расхохотался Буйницкий. — Молодец!

— А вот Гитлер пробуждается! — и протянул второй рисунок: «В небе над горой носятся вороны с человеческими головами Черчилля, Даллеса... Гитлер тщетно старается вырвать проросшие в камень усы и хохолок...»

Буйницкий заливался смехом:

— Все, видать, теперь смеются над бреднями фюрера и над глупыми легендами!

— Не все! — покачал головой Граков. — Есть у нас недруги. Надо полагать, сейчас начнется вторая война, тихая. В этой войне тоже нужны солдаты, смелые, умные, опытные. Кое-какой опыт мы уже накопили!

— Мир вот-вот будет подписан! — воскликнул Буйницкий. — Хотя Алексей Алексеевич действительно велел передать, чтобы ты не расслаблялся. Надо еще выиграть войну за души, потому мы еще не демобилизованы... чтоб людям легче было дышать!

— Ты прав. Когда чувствуешь за спиной свою родную, могучую страну, дышать легко! Как хочется бросить всякую конспирацию!.. Но...

— Я ведь России так и не повидал, — с грустью заметил Буйницкий. — Мою далекую, но любимую Родину...

— Я тоже только чуть к ней прикоснулся... Ладно, расскажи, что там было в Белграде.

— Красную Армию жители встречали как спасительницу. Женщины плакали, бросали цветы, мужчины кричали «Живио!». Такое было ликование! Даже я на радостях плакал... Представляешь, увидеть настоящих русских солдат, офицеров на танках, самоходках! Ладно одетых, с погонами на плечах. Эту силищу! Плакали и наши эмигранты, ну, а зубры, мать их за ногу, конечно, драпанули. Им не привыкать-стать!

— Георгиевский тоже скрылся?

— Арестовали. Почти всю шайку-лейку забрали. Не повезло и «Охранному корпусу». Хотя в боях под Белградом он участия не принимал: их Красная Армия расколошматила, кажется, под Неготином. Штейфон с кучкой, так называемой дружиной не то «Скобелевской», не то «Атамана Платова», прорвался к англичанам.

— Их, полагаю, все равно выдадут советским властям или будут судить за те зверства, которые они учиняли. Говорят, американский генерал Эйзенхауэр заявил, что «не может быть никаких иллюзий о судьбе бывших советских граждан, поскольку это может повлиять на дружбу с Советским Союзом».

— Зато Монтгомери заверил: «Все, кого я, верней, Интеллидженс сервис считает полезным, будут спасены от правосудия...» Ни англичане, ни американцы не станут выдавать советским властям энтээсовцев, туркуловцев, шюцкоровцев, шкуровцев... да и нужных им гестаповцев и абверовцев...

— Кстати, а руководство НТС выпустили из тюрьмы?

— Конечно! По указанию Гиммлера освободили

всех арестованных по делу НТС. Ни группа Эбелинга в РСХС, ни группа Вольфа не проиграли и не выиграли. Шахматная партия окончилась вничью. Ну а козлом отпущения стал Вадим Майковский. Его расстреляли, как только закрылась дверь за последним энтээсовцем. По распоряжению Кальтенбруннера уничтожены целые лагеря, в последнее время многих постреляли: чужих и своих. Понимали, что молоко скисло, надо спасать шкуры, прятать концы в воду, а живым останется тот, кто много знает, кто годен для Си-ай-си и Интеллидженс сервис. Большинство освобожденных «солидаристов» успели выехать на Запад, остальные в Карловы Вары, в штаб КОНР (Комитет освобождения народов России). Их приняли торжественно Власов, Трухин, Тензоров и тут же предложили поступить на службы в отдел безопасности КОНР и контрразведку РОА, но те, не будь дураки, к «союзникам» подались. Берлин окружен советскими войсками, из него уже не выскочишь.

— Значит, Байдалаков, Поремский, Околов, Вергун опять будут верховодить в НТС?..

— Вергуна убило при разрыве бомбы. Единственный, кажется, был убежденный «солидарист»... Околов или Поремский проповедуют на манер Георгиевского свои «высокие идеи» как средство к достижению личных целей... — заключил Буйницкий.

— Знаешь, Николай, так и хочется опубликовать все деяния и показания главарей НТС на следствии, которые я привез, и познакомить с ними англичан и американцев, да и самих членов НТС, они тут же схватились бы за головы, воскликнув: «С какими же маленькими, ничтожными и трусливыми людьми мы имеем дело!» — И Граков ткнул пальцем в сторону лежащего на шкафу чемодана: — Почитай ради интереса эти копии...

— Увы, недаром Алексей Алексеевич говорил, что ничтожества порой завлекают и сбивают с пути, наполняют ядом и заражают ненавистью души сильных, мужественных людей, которые, рискуя жизнью, идут на черное дело. Таков неумолимый закон жизни: как бы ни топили дерьмо, оно всплывает...

— Наша судьба, Николай, неотделимо связана с судьбой Родины. Советский Союз навсегда останется единственным родным домом, обветшал ли он, или из

деревянного стал каменным! Неизвестно только, когда доведется нам еще в нем побывать...

— Не горюй, Грак! Многим хочется видеть свой дом таким, каким они рисуют его в своем воображении!

— Ну так что приказал делать Хованский?

— Искать связей с Околовым, войти опять к нему в доверие...

— Война, значит, для нас не кончается, — вздохнул Граков. — Выходит, так. «Прошедшего житья подлейшие черты...» И забыть их нельзя...

— Нельзя, Грак, нельзя! Родину надо заслужить!

ЭПИЛОГ

> Сильна ли Русь?
> Война и мор,
> И бунт, и внешних бурь напор
> Ее, беснуясь, потрясали.
> Смотрите ж: все стоит она!
>
> *А. С. Пушкин*

Они молча стояли у окна и смотрели, как взлетали с веселым треском гроздья ракет и вдруг рассыпались в еще не совсем темном московском небе яркими красными, желтыми, зелеными, белыми огнями.

Когда отгремел последний залп и погасла последняя ракета, Алексей Хованский пригласил гостей к столу, разлил по бокалам шампанское и сказал:

— Друзья, за День Победы! За подлинно народный праздник!

Встал Сергей Кучеров, осушил свой бокал, виновато улыбнулся, плеснул себе еще немного вина и сказал:

— Перед тем как уйти, я хочу сказать несколько слов. Кучеровым везет: люди чудом спасли моего предка, декабриста, от ссылки, чекист защитил честь отца, белого генерала, а меня, его сына, избавили от тюрьмы советские рабочие! И я верю, что подобные люди не переведутся на Руси! Будьте здоровы! — И, чокнувшись со всеми, выпил, пожал всем руки и ушел.

— Вылитый отец. А почему он упомянул тюрьму? — спросил Чегодов, когда провожавший Кучерова хозяин вернулся из прихожей.

— Его по ложному доносу обвинили во вредительстве. А на выездной сессии показательного суда рабочие за него заступились и доказали, что он ни в чем не виноват. Кучеров крупный специалист, новатор, получил Сталинскую премию...

Хованский не договорил, в дверь позвонили, и он направился встречать новых гостей.

Сергеев-Боярский в модном заграничном костюме и начищенных до блеска ботинках, улыбающийся, галантно поклонился Латавре, обнял Алексея и крепко пожал руку Олегу Чегодову.

— Рад вас видеть, сколько лет, сколько зим! — пробасил он, усаживаясь за стол. — Три года? Или уже четыре, как мы не встречались? Все по заграницам мотаюсь. То в Западной зоне Германии — во Франкфурте,

то в Югославии... Многих ребят видел. Знакомые передают вам приветы.

— Надоело жить за границей, так живите в Москве, — пошутил Хованский.

— Как начальство прикажет. Гости к нам из НТС жалуют. Надо вам их встретить должным образом. Скажу по секрету, тайно прибывают наши общие знакомые. Их сбросят на Украине на парашютах. Оттуда двое направятся на северо-восток, где, по предположению ЦРУ, мы добываем уран, и возьмут пробу грунта и воды. Один отправится проверять явочные квартиры. — Сергеев-Боярский повернулся к Чегодову: — Вы, Олег, хорошо знаете распоряжение Околова и К°, которые он адресовал «солидаристам», находящимся в подполье...

— Его инструкции мне известны. Недавно я получил письмо от Байдалакова, — засмеялся Чегодов. — И вам, чем могу помогу, если требуется...

— Драчка у них случилась превеликая! Колошматили друг друга как на ярмарке: в кулачном бою кого-то тяжко ранили. Шпана Околова оказалась покрепче, натасканная на разбое и насилье в бригаде Каминского и «Зондерштабе Р», а байдалаковцы — белоручки, кабинетные теоретики. В результате председателем «избрали» Поремского, а Байдалакова пустили по «крысиной тропе», и он уже в Америке.

— А почему к власти пришел Поремский, а не Околов? — удивился Хованский.

— У Околова неприятности: его пасынок Анатолий Разгильдяев вернулся в Советский Союз. Смелый юноша! Очень нам помог. А мать с дочерью пока за границей...

— Какие переплетения судеб! — неожиданно для себя произнес Олег Чегодов.

В комнату вошла Латавра с подносом, на котором стояли рюмки. Она наполнила их коньяком и подошла с поклоном к Сергееву-Боярскому. — За победу! — сказала она.

— За победу! На всех фронтах! Так было, есть и будет! — И стоя осушил рюмку. Потом, опустившись на стул, поглядел на Чегодова, продолжил свой рассказ: — Судьбы, судьбы... Чем дальше, тем с эмиграцией сложнее. Сейчас там, за границей, в НТС, намечается еще одна драчка, теперь между старыми эмигрантами команды Околова, Поремского, Редлиха, Столыпина и новыми — изменниками Родины в годы второй мировой вой-

ны, такими, как Артемов, Островский... Поремский мудрит над некой «молекулярной доктриной», благодаря которой (как он надеется убедить ЦРУ) можно минимумом пропагандистских средств оформлять стремления и чаяния людей, и массы станут играть как хорошо срепетированный оркестр без дирижера...

— Чепуха все это! — расхохотался Чегодов. — А впрочем, что им остается делать, как не дурить голову тому, кто платит деньги.

— Ладно, бог с ними! Лучше скажи, как там наши? — спросил Алексей Хованский.

— Во Франкфурте я видел только Гракова. Он не унывает, увлекается живописью, выставил во Франкфурте несколько своих полотен.

— Во время войны, когда приезжал в Локоть, Грак по секрету мне говорил, что связан с неким Радо или его резидентом в Гамбурге. Будто выполнял ваши, Алексей Алексеевич, задания, передавал не то шифровки, не то еще что-то. Может, я задаю бестактный вопрос? Тогда простите! — и Чегодов почувствовал себя неловко.

— Дело прошлое. Это был один из агентов Радо. А сам Радо, Шандор Радо — венгр, коммунист, легендарный разведчик. Под его началом работало семьдесят агентов. По специальности Радо картограф. Начал свою разведывательную деятельность по совету Урицкого и Артузова в Женеве. Во время войны послал около шести тысяч радиограмм. Таинственная «Дора» передавала секретнейшие приказы верховного командования вермахта, конфиденциальные беседы фюрера о дислокации и перемещении войсковых подразделений. — Алексей откашлялся. — Передачи эти обычно шли ночью. Запеленговать станцию немцам долго не удавалось. Фашисты не очень церемонились с швейцарскими властями, но все-таки это было государство, по многим и весьма важным причинам самостоятельное...

— Надо думать, в швейцарских банках хранилось немало золота фашистской верхушки, — заметил Чегодов.

— Совершенно верно. Абверу удалось наконец расшифровать посылаемые «Дорой» тексты радиограмм. Активные помехи перешли на пассивные, потом началась дезинформация; чуть было не сбили с панталыку нашу разведку. Спасла положение жена Радо, Мария, почерк которой был хорошо известен.

— А откуда, если это не секрет, Радо получал такую потрясающую информацию? — заинтересовался Олег.

— Через Рудольфа Расслера, а Расслер от двух девушек-связисток, сидевших у телетайпных аппаратов, автоматически воспроизводивших в доли секунды истинный текст. Эти девушки рисковали больше всех!

— И какова их судьба?

— Обе погибли...

— А где Колька Буйницкий? — Чегодову не терпелось узнать разные подробности.

Сергеев потупился, пожал плечами и нехотя протянул:

— Тяжело болен... не знаю, выживет ли?

— Да, да, — грустно подтвердила Латавра.

Все помолчали.

— Мне обидно за Алексея Денисенко, нашего Лесика. И надо же, погиб из-за амулета! Помню это старинное кольцо, доставшееся его жене Марусе не то от деда, не то от прадеда. И верил он, что в нем таинственная сила...

— Передают приветы Зимовнов, Черемисов, — уже более весело продолжал Сергеев-Боярский.

— Иван, говорят, стал большим начальником! — заметил Олег.

— Зимовнова Советское правительство наградило орденом Кутузова. Герой! Сейчас подал в отставку.

— А как Жора? — спросили разом Латавра и Алексей.

— Черемисов молодцом. Живет на окраине Белграда у вдовы Аркадия Попова. Рассказывал, как ваш друг, черногорец Васо Хранич, ездил в Далмацию и неподалеку от древнего городка Стон, на пригорке, среди оливковой рощи отыскал каменную глыбу с деревянной скульптурой и надписью: «Памятник летчику НОАЮ СТАНКО ВОУКУ. Ноябрь 1944 год».

— А при чем тут Воук?

— В том-то и дело, что дотошный чико Васо выяснил, что там лежит Попов! И теперь, надеюсь, с разрешения властей будет выбита надпись: «Здесь покоится сын тихого Дона, командир звена «Б» Первой эскадрильи НОАЮ майор Аркадий Иванович Попов. 1906 — 1944».

— У города Стона «его зарыли в шар земной, как будто в мавзолей», — грустно произнес Чегодов. — А как Зорица?

— Познакомился я и с ней, и с ее сыном. Славный мальчик! Уже большой, крепыш, ходит в школу и, говорят, вылитый Аркадий!

Латавра вдруг поднялась:

— Дорогие друзья! Не надо бередить незажившие раны. Лучше по грузинскому обычаю поднимем чарки за ушедших от нас героев!

Все встали и молча выпили. Каждому из них было что и кого вспомнить. У каждого была своя дума, как жить после войны.

Хованский подошел к шкафу, вынул толстую папку с наклейкой «НТС», порывшись в бумагах, негромко обратился к присутствующим:

— Послушайте последнее слово обвиняемого Георгиевского: «О моих теперешних настроениях я могу сказать следующее: я историк и прожил шестьдесят два года. Мне тяжело признавать свои ошибки. Однако я должен признать, что мои идеалы потерпели крах. Война показала, что русский народ пошел за Советскую власть. Теперь я убежден, что будущее за социализмом. Долгое время я трудился над осуществлением теории «солидаризма». Я принимал эту программу как исходный пункт для борьбы с Советской властью, но на самом деле у меня было очень мало общего с убеждениями членов НТСНП. Меня сближало с ними только то, что я не признавал коммунистической идеологии. Я много передумал за время своего пребывания под следствием. Должен заявить, что я очень благодарен советским органам следствия за гуманное ко мне отношение, этим самым я опровергаю те клеветнические измышления о режиме и методах ведения следствия в СССР, которые сам раньше распространял. Сейчас я не являюсь противником Советской власти. Прошу учесть, что в тысяча девятьсот сорок четвертом году я при приближении советских войск к Белграду не бежал с оккупантами, хотя имел такую возможность; я прошу суд о снисхождении. Может быть, я смогу передать свой горький опыт русской эмиграции, которая сейчас вновь вступила на ложный путь, на путь борьбы с Советской властью. Еще раз искренне, без задних мыслей, прошу снисхождения...»

— Все-таки просил снисхождения?!

Хованский отложил папку.

— Ни попом Аввакумом, ни Джордано Бруно, ни Галилеем его не назовешь! Менял убеждения легко. Впро-

чем, не было ни одного, повторяю, ни одного энтээсовца, который был бы готов отдать жизнь за свою идею...

— И не будет! Кто пойдет на смерть за «молекулярную доктрину» Поремского? Смешно! — поднявшись с места и подойдя к окну, заметил Чегодов.

— Но я верю в рок... Это принадлежность человека к земле. «Сначала жизнь мне дали не спросясь!», а потом принадлежность к окружающей среде, стечению обстоятельств, к определенной эпохе, к климату, цвету кожи, к Родине, наконец! — Чегодов пристально посмотрел на Хованского, потом на Сергеева и, заметив в уголках их губ затаенную улыбку, запальчиво продолжал: — Да! Принадлежность к родине! Человек по-особому воспринимает крик ребенка, вопль о помощи женщины или курлыканье журавлиной стаи в осеннюю пору. И подобно этому вечному зову русских людей, особенно в начале войны, давил психоз первых поражений нашей армии. «Сопротивляться!» Это крик из глубины ваших сердец, из глубины отчаяния, в которое ввергло нас несчастье нашего Отечества. Это голос всех, кто не смирился, всех кто хочет выполнить свой долг!» — писал в передовой статье первого номера антифашистской газеты «Сопротивление» русский эмигрант Борис Вильде, положивший начало этому движению.

— Двадцать третьего февраля сорок второго года героя, чье имя во Франции стало легендой, расстреляли с шестью товарищами на Монт-Валериен. Теперь там воздвигнут монумент — железный кулак, опутанный колючей проволокой. Впечатляющее зрелище! — заметил Сергеев.

— За несколько часов до расстрела Борис Вильде писал жене: «...я знал, что это будет сегодня... я готов, я иду... я с улыбкой встречаю смерть... думайте обо мне как о живом...» Да разве их было мало? Кирилл Радищев, Вика Волконская, эта «красная княгиня», как называли ее французские маки, князь Оболенский или наш бывший кадет, Алеша Флейшер, установивший контакт с итальянскими коммунистами и патриотически настроенными эмигрантами, которому удалось только в Риме создать около сорока конспиративных квартир, где скрывались небольшие группы партизан. Русские люди, я говорю не о космополитах, не ограничивались пожеланиями: «Боже, спаси Россию!», а вели упорную работу по подготовке мировой общественности к психологическому взрыву. — Олег снова оглядел присутствующих и

так же горячо продолжал: — Русские патриоты хвалятся не только Шаляпиным, Рахманиновым, Глазуновым, Стравинским, гордятся ролью русской хореографии в развитии французского, итальянского, американского балета. Приятно, конечно, говорить об Анне Павловой и Сергее Лифаре, о шахматной короне Алехина, о скульпторе Коненкове, о крупнейших мировых ученых: в области электронной физики и телевидения — В. К. Зворыкине, в области механики — С. П. Тимошенко, в области кораблестроения — В. И. Юркевиче. Но несколько отошли на задний план нобелевские лауреаты по экономике, химии, литературе, меняется образ старой святой Руси, зазвучали новые слова: Днепрогэс, Магнитка, «Ростсельмаш», социализм, Халхин-Гол и после, казалось, неминуемой катастрофы — битва под Москвой, подвиг панфиловцев, Сталинград... Берлин...

Они сидели за столом, вставали, прохаживались по просторной гостиной Хованского, пили чай и беседовали. Война, которую каждый из них прошел по-своему, осталась уже позади. Но для собравшихся здесь она еще не кончилась; она жила в каждом из них шифровками, явками, стрельбой, трагедиями и философией, и одно лишь слово, брошенное о ней, вновь поднимало взрывы воспоминаний, образы лиц и событий той поры.

1980—1984 гг.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Дорба И. В.

Д68 Под опущенным забралом: Роман. — М.: Мол. гвардия, 1985. — 495 с., ил. — (Стрела).

В пер.: 1 р. 90 к. 200 000 экз.

В настоящем романе автор продолжает тему работы советской разведки в среде белой эмиграции на Балканах, начатую им в книге «Белые тени», вышедшей в «Молодой гвардии» в 1981 году.

Новый роман состоит из двух частей: «В чертополохе» и «Третья сила» — и посвящен деятельности советских разведчиков в Белграде, Бухаресте, Софии и Берлине в годы второй мировой войны.

Д $\frac{4702010200-262}{078(02)-85}$ 095—85 **ББК 84Р7**

Р2

ИБ № 4261

Иван Васильевич Дорба

ПОД ОПУЩЕННЫМ ЗАБРАЛОМ

Редактор В. Фалеев
Художник Г. Метченко
Художественный редактор Б. Федотов
Технический редактор Р. Сиголаева
Корректоры В. Авдеева, Н. Самойлова, Г. Василёва

Сдано в набор 04.03.85. Подписано в печать 23.08.85. А00878. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 26,04. Условн. кр.-отт. 26,34. Учетно-изд. л. 27,5. Тираж 200 000 экз. (1-й завод 100 000 экз.). Цена 1 р. 90 к. Заказ 178.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

I,

ой
ш-

ья
)а-

P7
P2

а

рмат
. Пе-
етно-
Це-

ьства
фии:

1 р. 90 к.

Иван Васильевич Дорба родился в 1906 году в городе Николаеве. Закончив Харьковский инженерно-строительный институт и получив специальность инженера-геодезиста, он работает землеустроителем сначала в Кировоградской, а потом в Вологодской области. Во время Великой Отечественной войны Иван Дорба командовал взводом саперов, а после ранения был переводчиком при штабе 2-го Прибалтийского фронта. Богатые жизненные наблюдения позволили писателю успешно переводить сочинения многих классиков украинской литературы и писателей Югославии. Много лет писатель работал над романом «Белые тени», который вышел в издательстве «Молодая гвардия» и «Роман-газете». Дилогия «Под опущенным забралом» является продолжением романа «Белые тени».

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ПОД ОПУЩЕННЫМ ЗАБРАЛОМ